

70 лет Сталинградской победы!

70 лет назад после многомесячного противоборства советские войска одолели немцев под Сталинградом. Вот как вспоминал об этой страшной битве её участник — замечательный русский писатель Михаил Николаевич Алексеев в романе “Мой Сталинград”, опубликованном в журнале “Наш современник”:

“...Мы ещё в окопах Сталинграда, в истекающем нашей солдатской кровью страшном тысяча девятьсот сорок втором. Мы ещё на Волге, по которой уже пошла шуга — это ничего хорошего не сулящее нам крошево льда. Паромы остановились. А ведь Заволжье питало нас скудными запасами “живой силы”... Там, за широкой рекой, люди представляют собой действительно живую силу, но как долго останутся они ею, этой самой живой силой, переправившись сюда к нам, на берег правый? Да и много ли их уцелеет на самой переправе, когда немцы день-деньской и ночи напролёт и бомбят и дубасят из всех калибров, скovyрнув нас с высот и установив там свои пушки, — лупят по буксирам, катерам, барахтающимся среди ледяного месива и безмолвно уходящим в пучину вместе с людьми, с той именно живой силой, которую мы так ждём тут, на правом, связывая с нею возможность удержаться хотя бы ещё несколько дней. Если для землящика один погожий день год кормит, то для сталинградцев один день удержания прежних рубежей у последней — действительно последней — черты мог означать победу во всей войне (как оно и случилось) или поражение — тоже во всей войне, со всеми вытекающими из того и другого последствиями...”

НАШ СОВРЕМЕННОК

Журнал писателей России

№ 2 2013

АЛЕКСАНДРУ ПРОХАНОВУ — 75!

Какая лёгкая рука у Александра Андреевича Проханова! Почти всё, за что он берётся — всё сбывается, всё осуществляется. Без него у нас не было бы “Слова к народу”, вошедшего в мифологию русского сопротивления. Без него у нас не было бы газеты “Завтра”, которая родилась двадцать лет тому назад, как “Газета государства Российского”, когда от этого государства оставались одни клочья. Без него у нас не было бы русско-советского союза красных и белых, без которого невозможна целостность патриотического движения. Без него не было бы Холма Славы, возведённого прохановской волей на священной псковской земле. Без него не было бы Изборского клуба — интеллектуального патриотического штаба, вырабатывающего планы нашей победы.

Вера без дел мертва. Вот почему Александр Андреевич побывал во всех горячих точках расчленённого советского Отечества и создал художественную летопись бурной эпохи, летопись героизма и предательства, бескорыстия и алчности. Большую часть написанного — девять романов, в том числе “Последний солдат империи”, “Красно-коричневый”, “Чеченский блюз”, “Идущие в ночи”, “Стеклодув”, “Человек звезды”, — Александр Проханов опубликовал в “Нашем современнике”.

Проханов — единственный и неповторимый из писателей наших дней, ставший знаковой политической фигурой. Вспомним о его блистательных победах в телевизионных схватках над всеми крупными и мелкими антисоветчиками и русофобами, победах, которые помогают нам не пасть духом и не опустить рук.

Вспомним о недавнем телевизионном эпическом реквиеме из нескольких серий, в которых судьба Солдата империи вершится на фоне такого трагического величия, о котором олимпиец Тютчев изрёк: “Блажен, кто посетит сей мир в его минуты роковые”.

Не перечислить всех заслуг этого пассионария перед нашей историей, перед русской литературой. Если всё же попытаться определить суть его отношения к жизни, то надёжнее всего обратиться к знаменитым пушкинским словам: “Я далеко не восторгаюсь всем, что вижу вокруг себя: как литератора — меня раздражают, как человек с предрассудками — я оскорблён, — но, клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество или иметь другую историю, кроме истории наших предков, такой, какой нам Бог её дал”.

Станислав Куняев

ПАМЯТИ ЮРИЯ ПАРКАЕВА

(1941–2013)

Ушёл из жизни замечательный поэт, один из редких знатоков жизни и поэзии Сергея Есенина, Юрий Александрович Паркаев.

Уроженец Нижнего Новгорода, проведший юность в Ленинграде, обретший поэтическую зрелость в Москве, возвратившийся перед кончиной на нижегородскую землю, он ярко и основательно вошёл в русскую поэзию в начале 1960-х годов XX века. Его стих обладает удивительной чистотой, прозрачностью и напевностью, тёплой лиричностью, согревающей и волнующей душу. И недаром одна из его песен стала гимном Нижнего Новгорода, и недаром на его стихи была написана не одна песня разными композиторами.

*Играет гармонист на старенькой тальянке
У станции метро на мартовском ветру.
Звучит старинный марш “Прощание славянки”,
И слушает народ нехитрую игру.*

*Душа утомлена. Она болей устала.
Измучили её лихие времена.
И кажется порой, что мачехою стала
Для каждого из нас любимая страна.*

*Прогнать бы навсегда и по ветру развеять
Проклятый этот сон, который так липуч,
И, слушая гармонию, очнуться и поверить,
Что солнце всё равно пробьётся из-за туч.*

Прощай, наш автор, соратник, верный друг! Память о тебе не угаснет, и наша вера в то, что солнце взойдет над Россией — несокрушима.

Редакция

БОРИС БУРМИСТРОВ

ДУША С ДУШОЙ НЕ РАССТАЁТСЯ...

* * *

Когда приходят белые дожди,
Тепла уже, любимая, не жди.
Белесым дымом спутаны дома —
Снаружи холод и внутри зима.
Зима в душе, и оттого знобит,
И оттого сама душа болит,
И не понять, кто выстудил наш дом...
Уже зима лютует за окном.
И белый лист, дрожащий на ветру,
Становится хрусталиком к утру.

* * *

Так испокон веков ведётся:
Освобождаясь от вериг,
Душа с душой не расстаётся
Ни на минуту, ни на миг.

БУРМИСТРОВ Борис Васильевич — известный русский поэт, автор многих стихотворных сборников и поэтических премий, постоянно печатается в журнале "Наш современник", живёт и работает в г. Кемерово.

Ржавеет время, рвутся цепи,
В прах рассыпаются года.
Но двух влюблённых нежный лепет
Не оборвётся никогда.

Из капли капелька прольётся
И забурлит любви родник —
Душа с душой не расстается
Ни на минуту, ни на миг.

* * *

Наверно, на землю зима скоро ляжет:
Любимая женщина варежки вяжет...
Наверно, нагрянут морозы в наш город,
Наверное, скоро, наверное, скоро.
Никто не изменит космический график:
Любимая женщина вяжет мне шарфик.
И в злые морозы теплом вдруг повеет —
Любимая женщина взглядом согреет.

* * *

Дочери Светлане

Без ответов многие вопросы
Время белым снегом замело...
На дворе крещенские морозы,
Там, где ты, наверное, тепло.

На земле бушуют снегопады,
И от снега белого светло.
У могильной низенькой ограды
Я стою в распахнутом пальто.

Белый свет темнеет понемногу,
Год за годом отмеряя срок...
День придет, я соберусь в дорогу
И махну спокойно за порог.

Не на все отвечу я вопросы.
Горы снега ветры намели,
Но пройдут крещенские морозы.
И теплом повеет от земли.

Мир живой: в нём миг царит и вечность —
Все по воле высшего Творца.
Позади, за нами — бесконечность,
Впереди — дорога без конца...

* * *

Время назад никогда не вернётся,
Не возвратит этих дней.
Веточка вяза под временем гнётся —
Тяжесть такая на ней.

Веточка клёна под снегом застыла,
Дождика ждёт и тепла...
Было со мной и с тобой это было —
Юность, как липа, цвела.

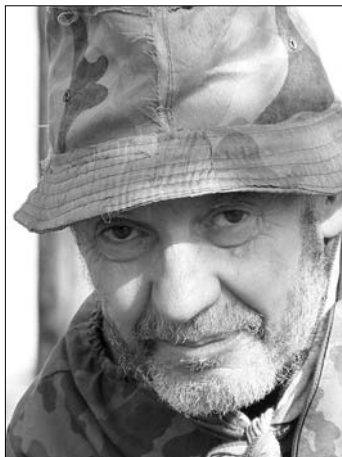
Запахи мёда и цвета кипенье —
Всё нам досталось с тобой.
И задушевное русское пенье,
Русской напето судьбой.

Дым над полями осенними вьётся,
Дальние светят огни.
Время назад никогда не вернётся —
В памяти прошлые дни...

* * *

В этой жизни такое случается:
То погода, то власть вдруг меняется,
То дожди проливные холодные,
То бомжи у подъездов голодные.
То погода, то власть никудышная, —
Уповаем на милость Всевышнего.
Вновь рассеются тучи небесные,
И утихнут все боли телесные,
И душевные раны притупятся...
И погода, и власть образумятся.

АНАТОЛИЙ БАЙБОРОДИН

БЕЛАЯ СТЕПЬ

ПОВЕСТЬ

*Ты не вейся, не вейся трава со ракитой,
Не свыкайся, не свыкайся молодец с девицей:
Хорошо было свыкаться,
тошно расставаться.*

Русская народная песня

Би шаамда дуртээб¹

Голубоватой степной дымкой наплывали в память Елизара сухие забайкальские увалы, за которыми синела тайга; широко распахивались долины рек и озёр; и зрело памятливого око аймачное село Сосново-Озёрск, где в братчинных помочах и потешном, балагурном ладу жили русские — рыбаки да таёжники и буряты — чабаны да охотники, где вешним жаворонком отпела его юная степная страсть к раскосой и скуластой деве, что в долине целовалась с желтоликим солнцем.

Раннее детство Елизара прошло в семейском² селе Большой Куналей, а уж отрочество и ранняя юность — в лесостепной, озёрной Еравне (по-рус-

¹ Би шаамда дуртээб – Я тебя люблю (бурятск.)

² Семейские – староверы, живущие в Забайкалье.

БАЙБОРОДИН Анатолий Григорьевич родился в забайкальском селе Сосново-Озёрск. После окончания Иркутского университета работал в областных газетах, преподавал русскую литературу в школах. Автор книг “Старый покос”, “Поздний сын”, “Боже мой...”, “Яко богиню землю нареки” (фольклорно-этнографические, историко-публицистические и художественные очерки), “Русский месяцеслов” (обычаи, обряды, поверия, приметы русского народа). Член Союза писателей России. Живёт в Иркутске.

ски — Яравна¹, по-бурятски — Ярууна), в притрактовом селе Сосново-Озёрск, где причудливо сплелись русские и бурятские обычаи, обряды и речения, ибо сложилось это село от слияния двух старожильческих поселений: приозёрной деревеньки Сосновка и степного улуса Улан-Еравна².

Минуло полвека, и вспоминал Елизар братских степняков с печальным вздохом: увы, увы, городская... *узкоголовая, козлоногая...* поросль русских и бурят, скачущая под тарабарщину и ор басурманского беса, раструсившая на скаку родимую речь и родовую память, уже не умела жить меж собою в ласковом ладу, как жили их таёжные и степные предки. Елизар тербил инистую бороду, посечённую горестными ветрами, и явственно видел яравнинских земляков и смуглую девушку, плывущую сквозь сизый утренний туман и под песнь степного жаворонка растаявшую белым миражом...

* * *

...Елизар и не приметил, как очутился на краю деревни, где по-старушечьи лепились друг к другу замшелые подслеповатые избёнки, просвечивающие сквозь шербатые тыны, продуваемые вольными ветрами. И оторопь взяла, когда вывернул за околицу и уткнулся обмершим взглядом в степные увалы, зелёными горбами уходящие в голубое приволье. Кажется, вчера ещё степь, с которой вешним припёком слизнуло снег, почивала, седая и скучная, чернеющая сиротскими заплатками... Это сельские ребяташки, пуская пал, выжгли сухие полегшие травы. Ныне же степь, очнувшись от долгого сна, омолодилась, зелено и сочно налилась щекастыми холмами.

Елизар обмер, зачарованно улыбаясь, вдвигая покачивая головой, и, как случается в юную пору, вместе с полыхающими зелеными и сердце ущемилось сладостным вешним ожиданием. Оглядевшись, с улыбкой подмигнув степной благодати, скинул он куцый пиджачишко, расстегнул белую сорочку и, подставляя взопревшую грудь холодящему ветерку, метя траву штанами-клясами, пошёл веселее и ходче, почти зарысил, правя на одинокую берёзу, неведомо как и когда выбредшую из далеко синееющего перелеска прямо на взлобок затыяжного увала. Хотелось бежать по степи, распластав руки орлиными крыльями, а потом упасть и зарыться лицом в сырую траву.

Елизар любил степь — и в зелёной мураве, и белую, сухую — сагаан гол и сагаан хээрэ, любил во всякую пору, хотя глянешь зачужевшими глазами: батюшки мои, крутом голь голимая, а из живности — коршун висит в поднебесье да суслик торчит или мечется меж нор. Безотлучно проживший в Яравне детство и отрочество, Елизар любил степь нежнее, чем тайгу с её хребтами и падыми: в степи воля мечтательному взору и блаженному воображению, да и гнуса здесь отродясь не водилось — ветерком сдувало.

Бабье лето... В семейском селе Большой Куналей Елизар Калашников прожил раннее детство, а когда родители откочевали в Еравну, летами прохлаждался у бабки с дедом. Помнится, бабье лето считали со дня Семёна-летопроводца до Рождества Богородицы. Семейские деды поговаривали: “Семён лето провожает, бабье обряжает”, — и примечали: “Если первый день бабьего лета будет ясным, то вся осень выйдет тёплая и вёдренная”. Бабье лето — бабам хлопот полон рот: чтобы одеть домочадцев в посконные рубахи, с Семёна-дня мяли посконь — бессеменную коноплю. У кого добрая ко-

¹ В 1658–1660 годах по приказу казачьего атамана Афанасия Пашкова на северо-востоке Забайкалья, у Яравня-озера (в будущем — озеро Большая Еравна) был построен Яравнинский острог. Вокруг Яравня-озера кочевали эвенки, а в годы русского освоения края — и буряты из рода хоридоев, чей диалект стал основой бурятского языка. Буряты вытеснили эвенков с их исконных земель на север, а поскольку сами буряты подвергались опустошительным монгольским и маньчжурским набегам, то и попросились *под руку белого русского царя*. Название Яравна произошло от слова *яровень*, которым изначально называли большое озеро из-за крутых, подмытых водой берегов — *яров*. Потом и район стал именоваться Яравнинским или Еравнинским.

² Улан-Еравна — Красная Еравна; в ту советскую красную пору всё именовалось и величалось *красным*.

нопелька, у того звонкая копейка. Посконь убирала в цвету с Ильина дня и расстилали на пашнях и покосах, дабы вылежалась под дождём и солнцем. Потом её сушили в банях и бабьим летом мяли. Отзвенит морозами зима, отвоет выюгами, вспенится вешняя черемуха белым цветом — тогда вымачивали холсты, валиком выбивали и опять сушили.

С Семёна-летопроводца улетали в тёплые края журавли и гуси, и со светлой печалью провожали их девицы на выданье, прощаясь с беспечальной жизнью под ласковым отеческим приглядом, под тёплым материнским крылом. Бабье лето днями потело — страда, а вечерами — пело: посиделки, супрядки, засадки, досветки, вечёрки, полянки, где женихи высматривали себе путных невест; от Семенова дня до святого Гурия, до холодного Рождественского поста — свадебные недели. Семейские спешили отдать девуку замуж, парня женить, дабы удалить от соблазнов холостой жизни.

Вспомнилось: на Семёнов день — дитя постригай и на коня сажай; и в лад древлему обычаю, Елизару отец с кумовьями вершили постриг и сажание на коня. Созвали родичей, пригласили Елизарова кума с кумой. После молебствия отец подал куму ножницы, и кум выстриг у крестника Елизара гумецо. Выстриженные волосы кума передала матери, которая зашила их в ладанку и сунула на божницу за древле образа. Потом кум и кума вывели крестника на двор, где отец ожидал с конём, а мать расстелила для них ковёр. Здесь кум на ковре передал крестника отцу с ласковым словом, и отец принял сына с поклонами, посадил на коня: “Не падай, мужик... Как гутарят казаки: либо грудь в крестах, либо буйная головушка в кустах...”

* * *

До бараньего гурта идти — не ближний свет, и чтобы скоротать дорогу да не притомиться, Елизар пошёл дальше с песнями. Вольно ли, невольно ли из памяти выплёскивались песни громкие, раскатистые, какие бы впору тянуть голосистым девкам да зычным мужикам, а не ему, коли медведь-бахалдэ ухо оттоптал и Боженька голосу не дал; но в гольной степи некого было стесняться, и парень ревел, словно бычок-сеголеток, учуявший волю и густую траву, драл горло со всей своей обрадевшей моченьки:

*Вижу горы и долины,
Слышу трели соловья,
Это русские картины,
Это родина моя!..*

Он кисло морщился, досадливо передёргивал плечами, тряс кудлатой русской головой, коря свою дырявую память, из которой на жизненному скаку повьтрусились песни и остались одни лишь охвостья: куплет-другой — вот и вся песня. Но петь хотелось, и он на разные лады, набивая оскомину, горланил всё одни и те же куплеты, каким-то чудом зацепившиеся в памяти, и, осипший, взмыленный, уже с частушками подвалил, наконец, к сиротливой берёзе.

Обряженная с вершины до закопченного комля пёстрыми лоскутками, вязочками, пучками конских волос, одинокая берёза, не уродись она кривой, по-бабы осадистой, а удайся тоненькой и ладной, увеселённая листвою, походила бы она на кумушку-берёзку, какую в Троицу носят девки, припевая и пришаркивая чёботами, влетая в берёзовые космы багрецовые да васильковые ленточки, приладив на вершинку девичий плат или ромашковый веночек. Но не обыденной берёзой жила на вершине увала и эта, уперённая лоскутками, в дивную неведомую пору, как прикинул Елизар, залетевшая сюда крылатым семенем, а потом маетно, с Божьей подмогой раздвигая корнями убитую твердь, доставая из глуби скудную сырость, быстро заматерела она и остарела.

Солнышка на голом, угревистом темени хватало за глаза, и не нужно было тянуть вершину к свету, как в тесной берёзовой тайге, поэтому вековуха, как баба-квашня, раздалась вширь, оплыла, навесила крученые-верче-

ные толстые сучья над увалом, поросшим колкой и редкой щетиной, облокла древнюю плоть в толстую морщинистую кору, чтобы не иссохнуть в знойных сушевах, не ознобиться на метельных ветрах. Но, может, берёза и не явилась на голой сопке летучим семенем, а сначала росла тут посреди родного белого племени, сгнувшегося под мужичьими топорами или укочевавшего в баян гоол — в богатую долину, и осталась она одна на гребне увала, пропечённого солнцем, продуваемого семью ветрами. И, похоже, за принятые муки, за бобылью старость степняки повеличили её святой берёзой — онго хухан, и понесли на табисун¹ свои дары и шаманские мольбы. Здесь буряты давали и себе, и коням передышку; спешивались, сползали с телег и сёдел, привязывали к берёзовому суку тряпицу или клоч волос с лошадиной гривы, потом, кинув под комель медный пятак или папиросу, садились, подмяв ноги под себя, и просили у небожителя, якобы незримо кружащего над берёзой, лёгкого пути и удачи. А уж после, плеснув на опутавшую комель иссохшую траву глоток огненной воды, сами выпивали с духом на пару; но перед тем как пригубить медную чарку, макали палец в водку и брызгали на все четыре стороны степного света. Пошаманив, отпотчевав степноликого идола — бурхана-небожителя, трогались в путь и тянули нескончаемую, как степь, бурятскую песню, где поётся обо всем, что тихо проплывает перед дремлющим взором степняка.

Русские мужики, возросшие без спасительной веры Христовой, но суеверные, введом не ведали про нашёпты-заклинания, что бормотали старожилы-буряты, смиренно сцепив иссохшие бурые ладони, а и не ведая, всё же почитали берёзу священной и старались хотя бы подпоить, чтобы задобрить сребролюбивого пьяницу-бурхана: мол, русский Бог нам завсегда поможет, а ежели ещё и бурятский подсобит, дак, паря, не жисьшь пойдет... малина охальная. Молодым русским бурхан на таёжном хребте и степном увале — повод *сбрызнуть* — выпить, хотя, бывало, и потехи ради пошепчут, ёрнически закатывая глаза: “Шани-мани на бурхане...” Но пожилые русские не признавали шаманских болванов и, сроду не забывавшие святоотеческой веры, сотворив Христову молитву перед дорогой, молча проезжали мимо берёзы; иные, чураясь суеверий ради Христовой веры, ещё и ворчали: де, и что за духи такие, ежели водку дуют, табак курят, серебро и тряпьё любят?! Может, им *ишшо* и *голу блудню* под берёзу посадить?..

Елизар вспомнил с улыбкой, как однажды, выехав на мотоциклах в берёзовую гриву, выпивали они с деревенскими друзьями и потом смеха ради распластали измазученные тряпки на узкие лафтаки и нарядили ими пару кривоногих, малорослых берез; а через год диву дались — вот уже и святая бурятская пазуха, и с полдюжины берёз пестреют тряпичным лоскутьем, подобным тому, из которого деревенские старухи ткали и плели тропки да круги, застилая ими избяные половицы.

Елизар замешкался подле вековухи, глядя, как плещутся на ветру давнишние лохмотья, изжёванные метельными ветрами, застиранные морозящими и ливневыми дождями, полинявшие на белом солнце, безбожно пекущем посреди лета; наглядевшись, хотел было по детской пакостной привычке пошукать в траве заплесневелые зелёные медяки, но тут же спохватился: старики баяли, мол, руки отсохнут. Усмехнулся и, нащупав в кармане мелочь, метнул к изножью вековухи копейку, и на этот мелкий грош, ничего путного не придумав, смеха ради испросил у бурхана, чтобы повеселиться ему нынче властью на проводниках друга и, конечно же... самое азартное хотеньице-веленьице даже и себе убоялся прошептать, дабы не спугнуть удачу, хотя... хотя перед туманным взором крутобоко и полногрудо слепилась из кочующего миража русокошая, щекастая дева и поманила... поманила раскосыми, иззелена-голубыми лукавыми глазами. Чтобы манящее видение не развеялось сизой дымкой, Елизар тихо сел в траву подле коновязи, прозываемой сэргэ, — толстой, добела вышарканной жердины, уложенной на вкопанных столбах, — и, уместившись половчее, подумал с внезапной кручинной, да и не заметил, как сам с собой заговорил:

¹ Табисун — священное, молитвенное место у бурят.

— Неужто вот так и просвистит моя молодость, и не встретится... — а дева, отмахнув косу на вздыбленную грудь, сжатую тонким ситчиком, косилась на него взыгравшими очами, поваживала круглыми плечами и звала, звала, манила... — Да-а, паря, такую бы отхватил... сдурел на радостях. Да-а... Нет, — степенно рассудил Елизар, — пусть бы не из красы, но чтоб девка так девка была, не сухостойная какая. Эх-ма!.. А то, чего доброго, попадет замористая — не обнять, не прижать... Эдакую бы... с косой... Да позарится ли на меня?..

Со вздохом глянул на себя девыми глазами: коренастый, до срока по-мужичьи закряжевший, с короткими, по-казачьи кривыми, загрёбистыми ногами, — карапет не карапет, а и ладного роста Бог не дал: да и лицо — по-бабы пухлое, с мелкой нашлепкой носа — тоже красой не наделил, разве что светлые космы завил в стружку. Поморщившись, Елизар сплонул в траву и стал высматривать чернеющий возле берёзового перелеска бараний гурт, где виднелась изба чабана и приземистая кошара для овец, тесовой крышей почти упёртая в землю, с жердевыми загонами вокруг.

Если на гребне увала-добуна желтел оронгой — пастбище со скудной, щетинистой травой, где кормились лишь овцы, да и то не всякое лето, то внизу, где увал расправлял горб, сочнели высокие травы, пестрели яркие цветы, зелено отпахивалась унга или хангал дайда, — благоухающая земля. Там, неподалеку от степного родника — хээр булаг, налившего чашу большого лога и родившего приболоченное синее озерко-тор — хухэ нуур, жили и пасли отару овец родители Елизарова дружка и однокашника Баясхалана Дугарнимаева. Его нынче забрали во флот, и Елизар торопился на обжорные да хмельные проводины.

* * *

Намозолив ступни в узеньких, остроносых полуботинках, паренёк всё же добрёл до айла¹, что вольготно нежился посреди хангал дайды — благоухающей приозерной долины. Возле похожей на барак низкой избы, рубленной из сосняка-тонкомера, уже проставили два запылённых *козлика* — так дразнили в деревне брезентовые “газики”; рядом с ними поуркивал незаглушённым двигателем грузовик, а ближе к кошарам подрёмывали на вечернем прилёке три малорослых, мохноногих лошадёнки, ещё не выпряженные из телег; и вокруг уже похаживали принаряженные гости, сбивались в гомонящие и курящие стаи, нетерпеливо косясь на голые ещё дощатые столы. Над столами висели лампочки, которые зажгут тогда, когда из белой степи натекут сумерки; но движок, источник будущего света, уже тарахтел под навесом.

Елизар, не высмотрев среди гостей ни одного русского, приуныл было, но тут его подманил к себе пожилой степняк, — как оказалось, отцов знакомец Церемшил, — и стал пытаться о житье-бытье. Парень словоохотливо поведал, что мать с отцом, слава Богу, живы-здоровы, откочевали в родовое село Большой Куналей; братья и сёстры тоже ничего живут, хлеб жуют, солью посыпают; а он — студент университета — прибежал на всё лето в родное село на каникулы и подрабатывает монтёром в узле связи.

— На кого ты, паря, учишься? — прищурившись, уставился на него Церемшил.

Елизар замялся, гадая, как бы ему попроще объяснить.

— Да... вроде, на историка.

— Историка?... Э-э-э... понимай: это, вроде, Галсана — даланы заливать, улигеры...² Почо город ходить?! Галсана бы слушал — шибко много историй знает.

Степняки засмеялись, и тут же, лёгок на помине, сто лет ему жить, подоспел и сам Галсан, папаша Баясхалана-новобранца, мелконький, сухонький, ладный и чёрный, как головешка, отчего снежной и чужеродной каза-

1 Айл — селение.

2 Даланы, улигеры — мифологические рассказы, бывальщины, житейские истории.

лась на нём белая нейлоновая рубаша, твёрдым воротом подпирательная коротко стриженный сивый затылок. Галсан дохнул сивухой прямо в Елизарово лицо... *можно было закусывать...* потом шумно и суетливо поздоровался:

— Сайн байна!¹

— Сайн... — эхом отозвался Елизар.

— Ну, как дела, паря?

— Да ничо, паря.

— Ну, тогда ладно, паря, — успокоился Галсан. — Женилхам бы-рос?.. — он с резким качем хотел было хватануть парня за брючную прореху, но Елизар отпрянул, торопливо заверая:

— Вырос, вырос! Болё, болё².

— Но тогда, паря, совсем ладно. Женить будем... Архи³ пил — башка хворал, девка любил — совсем башка потерял... Зять! — широко отмахнув рукой, улыбнулся мужикам. — Свадьба играть будем, опять гулять будем, ёкарганэ! — Галсан похлопал парня по плечу. — Ты, Елизархам, однахам, мал-мал по-бурятски толмачишь. Толмачь бы, угы?⁴

— Угы... Малость понимаю... — уклончиво пожал плечами Елизар, но тут же заверил: — Думаю подучить...

— Надо, надо... Бурятам живёшь, пошто толмачь угы?! Но, однако, девкам знаашь как сказать?

— Зна-аю, — лукаво, по-свойски ухмыльнулся Елизар. — Би шаамда дуртээб.

Галсановы глаза умиленно растаяли среди холмистых щёк... Буряты испокон веку привечали тех русских, что по-ихнему *толмачили*. Галсан захотел и, кое-как успокоившись, снова похлопал Елизара по плечу, растёкшись всем лицом в хитроватой улыбке, подмаргивая и подёргивая головой, словно отманывая его в сторону для секретного словца.

— Но-о, паря, совсем зять. Моя Даримка жена дам.

Хозяин смеха ради, по заведенной издавна привычке навеличивал парня зятем, хотя за словами его не таился посул. И всё же... всё же неспроста, не спяну говорено было про зятя: раньше Дугарнимаевы жили в деревне, по соседству с Калашниковыми, и маленький Елизарка, дружок Баясхалана, не выводился из их дома. Вот, кажется, уже тогда припадала Елизарова душа к Галсановой девке, щекастой, солнеликой Дариме, у которой в берестяном чумашке для тряпичных кукол бренчали игральные кости, — крашенные в два цвета бараньи лодыжки, завёрнутые в тонкую сыромятную кожу; и уже тогда Галсан, глядя на ребят, играющих лодыжками, дразнил Елизарку зятем и спрашивал шутя, вырос ли женилхам, без стеснения хватая парнишку за сатиновые шкеры. Малого смущали вольные выходы игривого Галсана, и он старался ускользнуть из его ухватистых, цепких рук.

Потом Дугарнимаевы всем своим гомонящим табором откочевали в степь, в хангал дайду — благоухающую землю, где подрадились пасти отару овец; и ребятишки ходили в школу прямо с гурта, или Галсан привозил их на коне, по теплу запряжённом в телегу, по зиме — в кошевые сани; а когда выстаивались рождественские да крещенские морозы и в степи гуляла варначья метель, ребятишки жили на бурятском краю деревни у своей родни.

В начальную школьную пору Елизар ещё пасся подле Даримы, но, коль народилась она двумя годами раньше, то уже в восьмом классе бывший уха-жёр, пока ещё шестиклассник, смотрелся подле неё малым недоросточком. После восьмилетки девушка подалась в педучилище, и вот уже зиму учительствовала в начальной школе, и если раньше Елизар видел её мельком, на бегу, то нынче летом виделись они чаще: сойдутся на дощатом, щербатом тротуаре, Дарима посмотрит с блуждающей на губах зазывной, ласковой улыбкой, смущённо отведёт взгляд, потом снова взглянет, спросит что-нибудь случайное, попутное, но в глазах, пытливых, проникающих, сухо и напористо за-

¹ Сайн байна — добрый день.

² Болё — хватит.

³ Архи — водка.

⁴ Толмачь бы, угы? — Понимаешь-нет?

таится недосказанное. Елизар учует это, перехватив её взгляд, и, не смея поднять глаза, торопливо ответит ей, да на том и разойдутся. Однажды увидел он её в потёмках рядом с Бадмой Ромашкой — и зашершавела, заняла душа от ревнивой боли, но вскоре отошла, поскольку подвернулась ему весёлая синеглазая Вера Беклемишева, и ревность утонула в кружащем, жарком омуте.

— Дарима здесь? — спросил он Галсана, но тот не расслышал или, спохватившись, не пожелал трогать сокровенное, печалась нынче о другом.

— Зачем твоя папка кочевал, яй-я-яй! — сокрушался он. — Куналей — путняя тайга нету, озеро нету, охота, рыбалка нету, — худой, паря, жись. Лазарь — большо-ой тала¹ был. Архи пили, — с лукавым подмигом щёлкнул он себя прямо в острый, играющий кадык. — Папка говорил: архи пил — бревно лежал, сай пил — далёко бежал. Лазарь шибко, паря, хитра был. Еврей дразнили... Наша брацка тоже хитра, а папка твоя дедушка моя карта надувал, вся мунгэ² карман клал. По-бурятски шибко толмачь был. Пошто тебя не учил?!

Даже с горем пополам владея русской речью, балагуристый Галсан говорил бы с три короба, но тут подоспел Баясхалан — высокий, суховатый, загода стриженный налысо, *под Котовского*, — и, тиснув Елизаров ладонь, коротко, сердито выговорил захмелевшему отцу по-бурятски, отчего тот суетливо покивал головой и, скорбно сеутулившись, посеменял во двор, охваченный низким, в три прясла, жердевым забором.

Посреди травянистого, испятнанного цветами-желтырями просторного двора белели под брезентовым пологом наспех сколоченные столы, на свежеструганных столешницах которых уже поблёскивали батареи бутылок, гуртились тарелки, стаканы, глубокие фарфоровые пиалы, привезённые из Монголии, где у Дугарнимаевых кочевала близкая родня. В дощатой летней кухне, крытой степной дерниной, заросшей быльём-ковылём и желтырями-одуванами, всюду шла варка и парка, а подле летней кухни горел тихий, но жаркий костёр, языки которого лизали подвешенный на треногом железном тагане дородный котёл, где, судя по двум овечьим шкурам, распяленным на избяном срубе, спела баранина, варенная бухэлёром, — щедрыми кусками, какие ещё не всякий мужик в один присест одолеет. Крутились возле костра и летней кухни молодые бурятки; степенно и праздно похаживали, понукая молодых, старухи, разнаряженные в яркие халаты-дэгэлы с блестящими медными застёжками, отороченные по вороту курчавой бело-снежной мерлушкой.

Махонькая, стриженная налысо шабаганца³, одеревенев от древности, грела ветхие кости у огня; сидела, подмяв под себя ноги, изредка потягивая коротенькую чёрную трубочку и смачно поплеывая. Может быть, высматривая в синеве небожителей, она думала: всё на земле суета сует и томление духа; скоро... теперь уж скоро спорит её усталая плоть на таком же костре и под заунывную заупокойную песнь бродячего ламы сизым дымом повестье её тихомирная душа в голубую долину предков. Шабаганцей русские ласково дразнили малых чад, коих тоже стригли налысо *под Котовского*, и если старуха была уже духом в мире ином, то малое дитя, не набравшись взрослых грехов и пороков, ещё пребывало в ангельском мире.

Баясхалан не успел посудачить с дружкой: его окликнула мать, и он ушёл в дом. Елизар же, не высмотрев более знакомцев, послонялся возле гурга и выбрал на Бадму Ромашку. Необычно долгоногий для степняка, сухопарый человек сидел на завалинке и, примостив на коленях папку, быстро и мягко рисовал что-то на шершавом листе бумаги.

Прозвище Ромашка пристало к Бадме Цыдынову ещё в школе. То ли оголец набедокурил, то ли учился в младших классах больно худо, но только вызвали в школу его родителя, который кочевал в степи с овечьей отарой. Учительница, от войны убежавшая с Украины в русско-бурятское село,

¹ Тала — друг.

² Мунгэ — деньги.

³ Шабаганца — старуха, которая готовится отправиться в мир иной, стрижётся обычно налысо.

уродилась неженкой и привередой, и дразнили её за глаза Жабой, поскольку фамилия её была Жаботинская. И вот, значит, вызвала Жаботинская родителя Бадмы и зло отчитала: мол, надо вашему Бадме голову чаще мыть, а то пахнет... Отец усмешливо глянул на неё и вздохнул: дескать, Бадма — не ромашка, Бадма нюхать не надо, Бадма учить надо... Как-то долетело до ребячьих ушей про Бадму и ромашку, вот и прилепилось к парню прозвище, да так крепко, что ни отмыть, ни отскрести. Но, опять же сказать, и характер Бадмы, не в пример другим молодым задиристым бурятам, оказался тихим и ласковым, одно слово, — Ромашка.

Отбегав восьмилетку, смалу пристрастившись к рисованию, Бадма Ромашка укатил в Иркутск и, как порешило село, вернулся назад взаправдашним художником. Бог весть, какой из паренька вышел живописец, но Елизар однажды весьма удивился, когда нынешней зимой, шатаясь в городе Улан-Удэ, чудом попал в художественный музей и вдруг увидел среди прочих три картины Бадмы Ромашки. Сперва не поверил и глазам своим, снова да ладом прочёл подпись на тяжёлой резной раме: “Ба-дма-а Цы-ды-пов”. Вгляделся в картины и... вдруг опалился виной и нестерпимой тоской по родимой деревне, словно по старой матери, одиноко и терпеливо ждущей блудного сына... Из сиреневой, голубоватой предночной дымки, из сероватых сумерек глянула на Елизара степь печальным материнским оком — укорила шатуна да тут же и пожалела. Увидел он виданную-перевиданную степь разбуженной любовью — белесую, сухую, замершую в ожидании сокровенного Божьего чуда; увидел и висящего над сиротливо темнеющей берёзой — онго хухан — бесприютного коршуна, и жмущихся друг к другу низкорослых коней-степняков — хвосты их треплет шальный ветер; увидел и бараний гурт с юртой в туманной утренней долине, и девушку-бурятку, спящую среди блеклых трав и тусклых предосенних цветов, уснувшую, положив седло в изголовье и укрывшись брезентовым дождевиком, а на губах её, во сне отмякших и приоткрытых слегка, едва теплится улыбка...

Елизару не верилось, что степь живописал Бадма Ромашка, чудной, хмурый, хотя и добрый деревенский парень. И только сейчас, когда подглядел, как плавно и певуче оживал под карандашом вольный травяной двор с костром и прокопченным котлом, с одеревенело спящей возле огня старухой-шабаганцей, с пожилой буряткой в дэгэле, которая мешала деревянным черпаком в котле и туго жмурилась от дыма, отчего глаза её словно таяли в рыхлых щеках, он поверил, что стал Бадма Ромашка настоящим художником.

Елизар поздоровался, прищурился, вглядываясь в рисунок.

— Ты уже училище окончил?

Бадма Ромашка кивнул, не глядя на Елизара, то яро, то плавно шоркая карандашом по серому листу.

— Здесь будешь работать, в деревне?

— В школе, — неохотно ответил Бадма Ромашка.

— А я на выставке твои картины видел... — и хотелось Елизару поведать приятелю свои тогдашние ощущения, но рисовальщик лишь покосился на него и снова уткнулся в изрисованный лист. Тогда у Елизара вдруг само собой сорвалось с языка: — Не знаешь, Дарима придёт на проводины?

Карандаш, словно запалившись, вильнул по бумаге и замер.

— Должна... — отозвался Бадма Ромашка, пристально, исподлобья всматриваясь в Елизара. — Брат уходит в армию...

— Давненько я её не видел, — нарочно, будто бес потянул за язык, чтобы подразнить Бадму Ромашку, вздохнул Елизар... И тут же пожалел об этом: парень с усмешкой оглядел его с головы до ног и отвернулся.

* * *

Ближе к вечеру, когда жара приникла к травам и с голубого озера Хухэ нуур навевался пахнущий болотной ряской прохладный ветерок, когда, наконец, все напитки-наедки сметали на столы, гости чинно расселись; тукал

движок, под брезентовым пологом блекло и хворо на дневном свету затеплились пузатые лампочки; их сразу же потушили, но тут, пошипев и похрипев, заиграл примостившийся на завалинке магнитофон — настоящее диво в конце шестидесятых для глухоманной Яравны. Гости вытаращились на хрипящий ящик, и над сухими травами да овечьими тропами взвился в синеву задорный голос:

*Хмуриться не надо, Лада,
Для меня твой смех награда,
Лада!..*

Галсан, сидящий за столом, натужно прислушался к плясовой песенке, потом сердито замахал рукой, и “Ладу” пришлось укротить. В стаканы уже по самые края налили архи, и родичи новобранца уже выдумали протяжные, как степной ветер, здравицы, хитромудрые наказы и посулы. Когда гости утомнились, поднялся старик, венчающий застолье, вскинул лицо, изморщившее вдоль и поперёк, взблескивающее потом, которое казалось круглым от того, что голову старика покрывала лишь чуть приметная седая щетина. Старик распевно, сухой ладонью отмахивая к застолью гортанные слова, заговорил, и гости шумно поднялись с лавок, слушали в полной тишине, тиская пальцами гранёные стаканы. Похоже, старик был главным гостем: перед ним на деревянном блюде желтела варёная баранья голова, рядом млела отварная грудинка — *убсуун* — вместе с бедренной костью — *можо сэмген*, — обложенной шейными позвонками.

Потом уже краснобаяли все, кому не лень, у кого язык мало-мало подвешен, но Баясхалан-новобранец, как приметил Елизар, пропускал подблюдные здравицы мимо ушей, сутуло и отрешённо ютясь подле сухонькой, стеснительной буряточкой, про которую Елизар и слыхом не слыхивал, но однажды видел её в кино рядом с Баясхаланом.

А наказы и посулы не иссякали, словно говорливый хмельной ключ, сверкая на солнце, бил из глубинных недр. Ухвативший из бурятского говора лишь самые ходовые выраженья, вроде “шыры бы, угы?..”¹ да, грешным делом, сластолюбивое “шы намэ талыштэ”², — Елизар сперва делал *всё понимающий вид* и вместе со всеми хохотал... может, и над самим собой... дружно со всеми гомонил, но потом, с разгону охмелев, лишь улыбался и мотал курчавым чубом уже невпопад, и когда Баясхалан удивлённо, осуждающе глянул на него, махнул рукой и, уже не оглядывая застолья, навалился на еду, благо, что на столе было чем ублажить скучающее чрево. Живущий всё лето без отцовского и материнского призора, кормился он кое-как: то в чайной, то у старой тётушки Ефимьи; теперь же, дорвавшись до обильной еды, без всякого стеснения принялся так уписывать, что за ушами пицало.

Перво-наперво, чтобы промочить и охладить глотку, опалённую огненной водой, выхлебал он полную чашу арсы — молочного, с пережаренным и толченым зерном, кисловатого напитка; а уж затем принялся за *позы* — бууза, которые лишь в бурятских застольях вкусны и сытны: и баранина свежая, сочная, и корочка из тонко раскатанного теста не разваливается при варке на пару, и сок из них не выплёскивается на праздничные штаны. Не успел он ещё отпыхаться от *поз*, как сноровистые хозяйки разметали по тарелкам жирную баранину с торчащими из мякоти гладко оструганными берёзовыми стрелами, чтобы руки не обжигать; и тут же налили в монгольские пиалы густой, жаркий бульон, терпко пахнущий диким луком-мангыром, и зеленый чай — ногоон сай. И так Елизар раздухарился, что после *поз* и бухэлёра отпробовал и саламат, и сушёные молочные пенки, какие раньше изредка, чтобы побаловать ребятишек, варила и сушила мать, прозывая их на бурятский манер хурмэ. И запил он хурмэ хмельной аракушкой, настоящей на забродившем кислом молоке, и уж потом, отвалившись от стола, подмигнул Баясхалану: мол, поразмялись, теперь можно и поесть.

¹ Шыры бы, угы? — Спички есть-нету?

² Шы намэ талыштэ? — Ты меня поцелуешь?

Зелени на стол не подавали — не привадились к зелени забайкальские жители, да и ничего на северно-восточной земелюшке толком не росло, кроме репы, картошки да моркошки, и тут, хочешь-не хочешь, а без мяса не проживёшь.

Осоловевший было от щедрой выпивки, от пышущего жаром свежего мяса, Елизар вдруг махом протрезвел и такой налился бычьей силушкой, что, чудилось, одной левой заборол бы самого медвежалого бурята в любой борьбе: хоть в русской — на лопатки, хоть в бурятской — на три точки... А милей того — ухватил бы весёлую девку, сгрёб бы её в охапку и, как беремья дров, унёс бы, игриво взвизгивающую, в радостном испуге припадающую к его груди, — унёс бы её, ярую и жаркую, налитую звероватой силой, в берёзовую гриву и бросил в просушенные зноем, глубокие, пахучие мхи... Но с девами на проводинах вышла беда — Елизар с досадой разглядел в застолье только двух русских девиц, неведомо когда подчаливших к столу, но одна была не шибко приглядиста, шадровита — на лице будто *немытик горох молотил*, а другая, покраще, липла остреньким плечиком к рыжему долговязому парню, Елизарову однокласснику Грихе. “Да-а, зря шаманил подле табисуна: шани-мани на бурхане... — передразнил он себя и ругнул кособокою старую берёзу, возле которой разыгралось его резвое воображение. — Без девушек тут со скуки сдохнешь. Водку жрать да на пьяных мужиков любоваться...”

Были за столом и молоденькие буряточки, и даже очень привлекательные, но к ним Елизар не рискнул бы соваться, — отошлют русского, да и опасно — застолье осудит игривую выходку, а задиристые парни тут же схватятся биться на кулаках.

— Ты пошто девок-то мало позвал?! — не договаривая, что, мол, *русских*, вроде и со смехом, но и с едва скрываемой досадой приступил он к Баясхалану, когда отошли от стола, чтобы перекурить, и остались с глазу на глаз. — Себе-то, паря, отхватил...

— Ну, и ты привёл бы свою Верку...

С Верой Беклемишевой, девкой бравой и удалой, схлестнулся Елизар в начале лета; помаялся месяца два, трижды прихватил с деревенскими ухарами, трижды проклинал, но, залитый покаянными слезами, обласканный, трижды прощал, и неведомо чем бы кончилась маятная эта любовь, да заполошная Вера неожиданно-негаданно вдруг расписалась с заезжим парашютистом-пожарником, которого, как божилась, полюбила ещё прошлым летом.

— Верку-то?.. — вздохнул Елизар. — С Веркой, Баясхалан, разошлись мы, как в море корабли. Так-то вот...

— Жалко. Хорошая была девчонка.

— Все они хорошие, когда спят... лицом к стенке... А может, паря, в деревню слетаем, девок привезём. Мужика с машиной попросим...

— Да ладно, успокойся ты. Лучше выпей...

— А ты напейся воды холодной, про любовь забудешь, — насмешливо пропел Елизар.

— А хочешь, познакомлю?..

Елизар воспрял, выгнул петушиную грудь.

— Есть тут одна... красotka. Увидишь, рядом посажу. Анжелой звать...

Теперь по левую руку от Елизара, чуждо застолью и скучающе, сидела девица — похоже, *столичная штучка*, из Улан-Удэ. Была она в красных, широко расклешённых штанах, до скрипа затянувших её длинные, узкие бедра, в облегающей, с опасным вырезом, черной кофтенке; на голове всклооченной копной торчал лихой начёс, а раскосые глаза её были так жирно и копотно размалеваны, что и зрачков не видать сквозь слипшиеся ресницы. К тому же правый глаз её завешивала жёсткая, как конский волос, чёлка. В отличие от яравинских бурят из буддийского рода хори — круглоликих, с утопающими в щеках мелкими носами, — Анжела, судя по крупному носу, была из западных, иркутских бурят — худая, как дразнили их восточные, — из эхиритов либо булагатов, крещёных шаманистов, некогда кочевавших в усть-ордынских степях и лесах подле Байкала и на острове Ольхон. Уловив азартные Елизаровы взгляды, Анжела нацепила круглые очки и так, не приведя Господи, презрительно зыркнула на парня сквозь мутные стекла, что у того

душа похолодела и сжалась от испуга. Похоже, диковинная эта залётная деваха была не из простых, смекнул про себя Елизар, углядев на её тонкой шее корольки, набранные из одутловатых, смахивающих на запечённую сосновую смолу, блестящих камешков. Подтверждали его догадку и огрузлые перстни на её холёных пальчиках, которыми она, отставив острый вишнёвый ноготок, церемонно несла рюмку к багровому, капризно изогнутому рту.

Елизар хоть и оробел перед *залётной кралечкой*, а всё же косил на неё глазами, зарясь на её великолепие, и даже пытался заговорить с нею, *закинуть удочку*, — вдруг *клянет*, но она, скользнув по нему скучающим взглядом, тут же отвернулась, деловито поддёрнув спадающие с мелкого носа тяжёлые очки. “О-тё-тё-тё, какие мы гордые! — дёрнул плечами Елизар. — Слова не скажи. Ещё укусит, чего доброго. Но ниччо, ниччо, мы тоже не лыком шиты. Будем посмотреть...”

* * *

Разгоряченный, раскрасневшийся народ решил охолонуться, размять одеревеневшие от долгого сидения ноги, и когда после треска и урчания магнитофон зверски взревел: “Эй-ей-ей, хали-гали!..” — парни с девушками принялись скакать и молотить траву каблуками; туда же, подметая землю багровыми клёшами, лениво раскачиваясь, выплыла и *городская штучка*; постояв, насмешливо оглядевшись, вдруг такое пошла накручивать ногами и вертлявыми боками, что все диву дались и тут же, раздавшись, замкнули вокруг неё круг. Отплясав, показав деревенщине городской шик, той же манерной походочкой ушла она за избу, куда вскоре прибежал и распалённый Елизар.

Но сперва он поглазел на широколицего, коротконового, с необъятным торсом, медвежалого детину, по уличному прозвищу Дамбиха-хулиган, под восторженные крики парней и мужиков ломавшего трубчатые кости. Держа левой рукой кость, он какое-то время тряс над ней правой кистью, потом резко, с хеканьем бил, и кость лопалась. Раззадоренный, сунулся было в круг и Бадма Ромашка, но не тут-то было, лишь кисть отбил, что для художника большая беда — чем рисовать-то? Следом... *попытка, не убыток*... хотел было и Елизар попробовать силёнку, да благо Баясхалан остудил его пыл: чтобы кости ломать, нужна отвага и сноровка, да и рука набитая.

— Здорово, братуха! — Дамбиха-хулиган обнял Елизара и, стиснув в медвежьих лапах, оторвал от земли. — А я гляжу, нос воротит, не замечат, думаю, зазнался, паря.

— Да ну, с чего бы зазнаваться. Не заметил...

— Ладно, — похлопал Дамбиха-хулиган по елизарову плечу. — Как жизнь? В Жаргаланту не ездил?

Дамбиха приходился Баясхалану родней, потому и гулял на проводинах. Елизар же знал его с малолетства: одно время Калашниковы жили на таёжном займище подле реки Уды, и величалась тамошняя божья пазуха Жаргалантой — Жаргаланта нютаг — Счастливая земля. Там, где тайга отходила в сторону от реки, в пойменной буйнотравной и воистину счастливой долине, Калашниковы пасли баранов да тёлочек и, откормив, после Покрова сдавали в совхоз. Ниже по реке, подле озера, прозываемого бурятами на свой лад Чёрным — Хара нуур, потому что это озеро не белело солончаком, как другие, Дамбихины родители летами косили сено, и маленький Елизарка ловил ленков и хариусов, собирал грибы-ягоды, играл с весёлым парнишкой, которого тогда ещё не дразнили Дамбихой-хулиганом. Копали клубни алых саранок, буйно цветущих в редколесье, из которых Дамбихина мать варила ребятишкам лакомый тибхен (тушёная саранка). И хотя лет через пять дороги их круто разошлись, безмятежное речное и таёжное детство жило в памяти невозвратным счастьем, и Дамба, рано заматеревший, мог прослезиться при одном лишь упоминании Жаргаланты нютаг, и, коль жить им пришлось в отчаянном и разбойном аймачном селе, случалось, выручал Елизара в деревенских драках, не щадя ни русских, ни бурят. Махать кулаками парень

был смалу мастак, и в пятнадцать лет им, известным в Бурятии боксёром-юниором, гордился весь Яравнинский аймак, и его, настырного боксёра, взахлёб хвалила аймачная газета. Что уж потом вышло, Бог весть, но Дамбиха жизнь дала трещину: отсидев два года за драку, парень уже не вернулся на ринг, стал попивать и, прибавшись к здешним варнакам, шатался по деревне, ешибал рюмки и умирал задиристых подростков. Вот тогда и привязалось к бывшему кулачному бойцу прозвище Дамбиха-хулиган, хотя, сколь помнил Елизар, сам он сроду мордобоя не затевал, хотя и не прятался от драк. Да при нём и редко затевались свары, потому что деревенские архаровцы боялись Дамбиху, как огня. В армию его не взяли — срок тянул, к тому же по пьянке отморозил по два пальца на ногах. Теперь он перебивался случайными заработками: пилил дрова для казённой бани и школы, мало-мало плотничал, но всё чаще и чаще днями отирался подле винной лавки, выманивая у посетителей рубли на похмелье. Несчастные родичи молили желтоликого бурхана, чтобы парень округился, женился, завел ребятёшек и утих, наконец, остепенился в семейной колготне.

— В Жаргаланту? — переспросил Елизар и вздохнул. — Да всё не могу выбраться, недосуг. Может, нынче летом рванём по ягоды — голубику, бруснику поберём...

— От жизнь была, а!.. красота!.. — Дамбиха поскрёб плоский, скошенный затылок. — А помнишь, как ты меня спас, из речки вытащил?.. Ловил бы Дамбиха рыбу... Пойдём, братуха, выпьем за Жаргаланту.

— погоди, потом, — отмахнулся Елизар и пошёл за избу, куда ускользнула форсисстая краля: широко, по-флотски расклешённые красные брюки, чёрная кофтёнка с искусительным вырезом, тонко выщипанные брови, словно туго натянутые луки, ресницы, столь сине и густо крашенные, что вглуби бугристых щек чернели лишь узкие щёлочки глаз. Одиноко посиживала городская дива на завалинке под навесом, где с берёзовых вешал, вбитых в потемневшие венцы, свисали седёлки, дуги, хомуты со сбруями. Закинув ногу на ногу, курила она тонкую бурую сигарету с фильтром, как и рюмочку, держа её на отлёте двумя когтистыми пальчиками, брезгливо оттопырив мизинец. Примостившись подле неё, Елизар выудил из мятой пачки “прибину” и для зачина попросил спички — прикурить; красотка лениво щёлкнула зажигалкой и, поглядывая осоловелыми глазами сквозь сигаретный дым, застывший вечернюю стень, предупредила:

— Будешь приставать, лучше сразу отвали. Ты не в моем вкусе...

“Уела... — приобиделся Елизар. — Похоже, девка — крапива, голыми руками не возьмёшь. Не то, что наши, деревенские... полоротые...”

— Кстати, где здесь туалет?.. Хотя в степи какие туалеты, — городил он хмельным языком, кося под дурака. — Мы народ дикий, понимай нету. У нас немецкий... вернее, ненецкий гарнитур: две палки, за одну держишься, чтоб ветром не сдуло, другой собак отгоняешь... — он спохватился, запоздало сообразил, что больно уж грубо повёл беседу, и, чтобы сгладить свою промашку, тут же, без всякого перехода спросил:

— А как вы относитесь к Омару Хайяму?

Она удивлённо развернулась к нему и фыркнула прямо в лицо:

— Омар Хайям?.. Кличка собутыльника?

— Почему собутыльника... Великий персидский поэт, — и он стал читать, сладко, по-кошачьи жмуря игривые глаза:

*В этом призрачном мире утрат и теней,
С чем сравнить тебя — думал я множество дней.
И решил, что лицо твоё солнца светлее,
Что прекрасный твой стан кипариса стройней.*

*Я спросил у мудрейшего: “Что ты извлёк
Из своих манускриптов?” И он мне изрёк:
“Счастлив тот, кто в объятых красавицы нежной
По ночам от премудростей книжных далёк”.*

Дева поглядела на него повнимательней... дурак дураком... и крутанула пальцем у виска.

— Отвяжись от меня, болтун.

— Так уж сразу и отвяжись...

Надо было отчаливать, но и отступать не солоно хлебавши тоже не хотелось, и, ещё надеясь на удачу, стал плести тенёта, городить огороды, благо язык смалу был ладно подвешен; при этом он азартно косился на девицу, норовил сунуться весёлым взором в глубокий выем черной кофтенки, где едва заметно бугрилось недозревшее, но уже вянущее *козье вымя* и поблескивал во впадинке золотой амулет, словно медное ботальце на шее блудливой иманухи¹.

— Не спеши отвергать, а то будешь потом локти кусать. Близенько локоток, да не укусишь. Ты сперва приглядишься, послушай, и, может...

Городская дива невольно улыбнулась на затейливые Елизаровы словеса, отчего тот, осмелев, словно в беспамятном азарте, приобнял девушку, притиснул, забыв руку на её плече.

— Убери, — дева досадливо тряхнула плечами.

— Мы вот посиживаем, браво так разговариваем, а я даже не знаю, как тебя звать-величать.

— Анжелика.

— О-о-о! — Елизар картинно вскинул руки и выпучил глаза. — Кр-р-ра-сиво! — и опять, будто случайно, тиснул девушку за плечи. — Анжелика-а... Анже-ела... Фильм видел французский: “Анжелика и король”. Не про тебя?

— Убери руки! — сквозь зубы прошипела Анжела. — И отстань от меня. Надоела твоя болтовня.

Она опять засмолила бурую сигарету, думая о чём-то далёком от степного гурта.

“Выпендривается, — поморщился Елизар, — за человека не считает. Рожей не вышел, да и надёва не та. В такой надёве таратайки с назьмом возить, а не девушек веселить. Ишь, краля, расфуфырилась. Ну, ладно, будем поглядеть...”

— Вы пошто такие: к вам всей душой, а вы всей... — он кашлянул, не договорив последнее словцо. — А я, может, влюбился...

— У вас тут все такие?

— Влюбчивые?

— Да нет, трепачи.

— Ну, сразу и трепачи...

Она оглядела его насмешливым взглядом из-под затуманенных очков.

— Иди-ка, поищи себе другую дуру, — и мотнула ключкастой головой туда, где, схлёстываясь над благоухающей землёй — хангал дайдой — стелилась и протяжная бурятская песня, и влюблённый певец вопил на всю степь: “...Опять от меня сбежала последняя электричка!...” — Найди себе девку русскую — те безотказные... Отвяжись. И вообще... я не люблю русских.

— Ого! — Елизар озадаченно почесал в затылке.

Шелухой слетела с него хмельная игривость, парень от неожиданности, словно в лоб получил колуном, протрезвел и пристально взгляделся в девушку: сроду подобного не слышал он от степных бурят, хотя и вырос среди них, и с Баясханом на рыбалке с ночевой, на покосах, в тайге из одной тарелки суп с лашшой хлебал, спал под одним овчинным тулупом и в игры одни играл, и думы одни думал. Что греха таить, по ребячьему малоумию, случилось, дразнили друг друга: “Русский плюский, нос горбатый, убил баушку лопатой”, “Бурят — штаны горят, рубаха сохнет, бурят скоро сохнет”. После эдаких дразнилок, бывало, друг другу носы расквашивали, но тут же, размазывая по щекам красную юшку, мирились и не копили зла в душе.

— И чем тебе русские досадили? — забыв про недавние ухаживания, отчуждённо и холодно спросил Елизар.

— Мне русский парень в городе такое про бурят сказал...

¹ Имануха — коза.

“Либо не ублажила, либо вовсе отвергла, — прикинул Елизар, — вот и схлопотала на свою шею...”

— Ну и что?! Дурак злым языком сболтнул... Ты пошто всех-то на одну колодку меряешь?! В любом народе баламуты водятся. И что, народ должен за них отвечать?.. Мы что, должны ненавидеть монголов за то, что хан Батый зóрил Русь, вырезал народ, не щадя женщин и детей? Или немцев за то, что у них был Гитлер с фашистами, и они убили и спалили в печах миллионы русских?

— А-а-а, все вы... Ничего доброго мы от вас не видели.

— Ничего доброго?! — Елизар аж поперхнулся, задохнулся от возмущения... Он любил свой народ до отрадных и печальных слёз... Елизар слов не находил, и слава Богу, — злые мысли, что ветром свистели, шумели в его буйной голове, могли лишь раздуть огонь bestолкового спора и кровно обидеть... даже не её, эту глупую кралю, а весь её род, да и весь разноязыкий народ России.

Лет через семь Елизар Лазаревич Калашников, учёный-историк, вбил бы в *куриные* девичьи мозги, что малые российские народы, а попутно и арабские, и прочие рабские, не говоря уж о братьях-славянах, побитых католической и басурманской молью, столь блага обрели от русских, сколь русские не видели и в райских снах, от воловых трудов к ночи едва ноги волоча. По Божиему промыслу вызрел на Земле такой народ: сами без штанов, впору по миру идти христарадничать, ан нет, готовы остатнюю рубаху с поясным поклоном отдать чужаку, лишь бы принял дар, не побрезговал. Махнув рукой на своё благополучие, жертвенный русский народ вывел иные кочевые северные и азиатские племена из первобытного общинного прозябания к цивилизации, наделив их государственностью, о коей те и помыслить не могли.

Благодаря русским малые народы, что спаслись в Русской империи, стали ведомы миру; звонкоголосых азиатских и кавказских поэтов читали бы в степных аймаках и горных аулах, коль ведали бы азь, буки, веди... Низкий поклон талантливым русским поэтам-переводчикам: поэзия их, совершая кругосветные путешествия, зазвучала в дальнем мире.

Как в домостройной семье, русскому народу Бог даровал судьбу старшего брата, которого родители не балуют, но смалу впрягают в работушку, а другим народам — судьбу младших братьев, которых родители, читай — имперская власть — жалеют, холят и нежат. Хитромудрые старцы сыто посмеивались в холёные бороды: русский Ванька-дурак — голодный, холодный, порты в заплатках, сапоги каши просят, но с ракетой, а ракета не для власти над миром и наживы, как у Америки, а ради мира в мире, праведности и процветания.

Не вспоивши, не вскормивши, врага не наживёшь... Инославец, откормившись, презрительно плюнет в русскую спину: “Русак-дурак...”; а упаси Бог, занедужит русский медведь, набегут рвать шкуру вчера ещё вливающие хвостами льстивые шакалы. Обидится русский, поплачется, но, одыбавшись, зла не помнящий, снова да ладом ублажает и примиряет, дабы жили народы мира в любовном согласии, в неге и холе. И что мы, русские, за народ такой, что и герой в наших сказках — Иван-дурак, который лишь для того и явился в мир, чтобы, туго затянув кушак на тощем брюхе, перебиваясь с хлеба на квас, бродить по миру и, не жалея живота, оборонять слабых, спасать бедолажных, утирать слёзы страждущим, подавать милостыню голодающим?! А в старину — перво-наперво спасать для жизни вечной, крестя и облекая во Христа малые народы. В каком ещё народе столько было юродивых во Христе, которым солнечно сияют и закатно пылают купола церквей, а и весь русский род после Крещения, можно сказать, юродивый?! Где столь блаженных, суть Иванушек-дурачков, не умеющих жить мудростью дольней, земной, но жаждущих мудрости горней, божественной?! Ну, поди, не вечны дураки да юродивые, а уж как поумнеют русские, за добро ухватятся, вот уж забедует, запоет Лазаря шар земной — натравленные друг на друга народы перегрызутся, аки псы, и некому будет спасать и оборонять их — мировой Молох пожрёт наш мир.

Не стал Елизар метать бисер перед... заезжей кралей, не поймет ведь, а только спросил:

— По какому праву ты, девушка, за весь народ говоришь?! Вы там, в городе, с жиру беситесь... *интеллигенция*... — Елизар хотел прибавить: *вшивая*, но сдержался, — а у нас, слава Богу, тишь да гладь, да Божия благодать. Для меня бурят Баясхалан родных роднее.

— Живёте на нашей земле... — зло цедила сквозь зубы заезжая дива, — а бурят за людей не считаете. При царе ваши князьки бурят продавали...

— На вашей?!

Елизара не столь поразила неприязнь к русским, сколь удивило откровение, потому что земляки-степняки жили мудрее и скрытнее: зачем до пуна рубаху рвать, попрекая русских, когда можно все тихо и мирно взять — сами отдадут, да ещё и с поклонцем: дураки же.

— Почему же на вашей?! — горячился Елизар, вспоминая то, что вычитал из толстых книг по истории Сибири. — Четыреста лет это российская земля. Первопроходцы — казаки, промысловые ватаги — пришли к Байкалу вместе с бурятами... Если на то пошло, земли вокруг Байкала — эвенкийские. Да, кочевали вокруг Байкала бурятские племена, отгеснили они эвенков на север, но не было у кочевых племен государства, они и в нацию-то собрались века два назад. У русских — да, было уже тысячелетнее государство, к нему и Сибирь приращивали, и буряты сами попросились *под руку белого царя*, чтобы не вырезали их монголы да китайцы, которые им покоя не давали... И брехня это, что русские бурят продавали. Да, помещики в России своими крестьянами торговали, но буряты сроду не знали крепостного права.

— Ой, отстань от меня, болтун! — Анжела занервничала, выдернула из блескуче чёрной, хищно щёлкающей сумочки сигарету и, жадно затягиваясь, заволоклась ключьями сизого дыма.

Елизар, ошарашенный, будто обухом по голове дали, растерянно побрёл к застолью, где столкнулся с Баясхаланом, который по смурному лицу дружка догадался: не на ту парень наварлся, крапива-девка.

— Что за птица-синица, эта ваша... Анже-ели-ка?

— Анжела?.. — усмехнулся Баясхалан. — Она такая же Анжела, как я Джон. Цырендулма... Выдумала тоже... Английскую школу в Улан-Удэ окончила, в институте культуры учится. Аристка...

— Оно и видно... Такого мне наговорила... — Елизар, ещё не остывший после злой перепалки с девицей, поведал другу то, что наговорила ему Цырендулма-Анжела.

Баясхалан внимал неохотно, досадливо морщился, не желая слушать и говорить о столь хрупком предмете, скрытом и заповедном; буроватое лицо его потемнело, как небо в морось, глаза леденисто сузились.

— Она и говорить-то по-бурятски толком не умеет, зато по-английски чешет... В Америку лыжи наострила...

— Ого! — выпучил глаза Елизар. — Час от часу не легче.

— В Америке у неё старшая сестра. И сама год в американской школе училась. От Америки без ума... Ладно, пошли за стол, — он обнял Елизара за плечи.

— Я, Баясхалан, однако, домой потопаяю. Выпил, закусил и болё. Пора яба цырёнка¹.

— Да посиди, куда ты торопишься? У тебя что, семеро по лавкам плачут, есть-пить просят?!

— Дарима не приехала?

— Должна бы... — Баясхалан вопросительно глянул на дружка и пожал плечами. — Обещала... Хотя... может, тебе лучше домой податься. Сейчас молодые буряты подопьют, будут драться, а русского будут бить первого...

— Догадываюсь. Ладно, маленько посижу и ноги в горсть...

— Сиди-и. Может, и обойдётся. Стариков побоятся.

¹ Яба цырёнка. — Идти домой.

В глазах маячила англоязычная краса-смоляная коса, в ушах назойливо ворошили её хлесткие упрёки; и невольно припомнились говорливые, хмельные студенческие посиделки...

Под белесым, безоблачным небом призрачно серебрилась рябь рукотворного ангарского моря, белели опалённые солнцем валуны, где чайками посиживали купальщики и купальщицы, где заморская певчая ватага “Бони М” надрывала свои лужёные глотки в динамиках транзисторов. Скользили на водных лыжах парни и девчонки, вспахивая море, оставляя за собой длинные борозды, пенистыми бурунами бегущие к берегу; плыла вдоль берега, красуясь и бахвалясь, белоснежная крейсерская яхта под белыми парусами; а на палубе люди в белом наслаждались музыкой; отчаянно голосил, в ту пору, правда, уже несколько постаревший итальянский парнишка Робертино Лоретти: “Чья ма-а-а-айка?.. Чья ма-а-а-айка?..” Мужики, не любившие Никиту Хрущёва, прежнего генсека, толковали, де, так Никитка ту песню перевёл.

Студенты-историки, счастливые тем, что свалили — не завалили сессию, гуляли у моря, раскинув посреди плакучего ивняка *поляну* с выпивкой: словно стриженная трава-мурава, искрилось старое кострище с тремя сухими валежинами, что неведомо как и очутились-то на безлесном морском берегу. Азартно потирая руки, волоком и катом затащили с берега валуны, плотно укладывая их, — столешня, постелили газетки, накроили хлеба, холодца и ливерной колбасы, чтоб занюхать, выставили дешёвое вино: “Листопад”, портвейн “Три семёрки” и “Агдам”, по прозвищу “Я те дам”.

Студенты не столько пили, сколько наперебой языками молотили, благо, что без костей, и, слово за слово, вдруг изумились: в застолье собрался разноплеменный суглан...¹ Тумэнбаяр — монгол, прозываемый и Тумэном, и Баяром, что кичился своим европейским образованием: три года учился в Белграде, а когда Югославия побранилась с Монголией, монгольские студенты рванули в Россию, и Баяр очутился в Иркутске. Батор Хамаганов — бурят из древнего племени хориидов; Елизар Калашников — великоросс староверческого корня; Тарас Продайвода — ополяченный западный малоросс, Егор Коляда — окатоличенный белорус, на белорусский лад зовущий себя Ягором. Застольный интернационал ещё бы гуще замесился, коль на приморской поляне очутились бы и прочие студенческие приятели Елизара. Давид Шолом — коренной иркутянин, выходец из еврейского купечества, разбогатевшего на винных откупах. Болеслав Черский — из ссыльных поляков, выходец из польского села, до которого от Иркутска рукой подать. Федя Кунц — обрусевший немец из немецкого села в Казахстане, куда его родителей в начале войны, от греха подальше, дабы к фрицам не метнулись, Сталин переселил с Поволжья. Фарид Мухамедшин — татарин из приангарского татарского села, хвастливо толкующий о том, что, де, вас, русских, если поскребёшь, так нашего брата татарина отскребёшь. “И монгола...” — добавлял Баяртумэн. Тимофей Нива — обрусевший финн, который, обливаясь хмельными слезами, доказывал, что он финский барон Тойво Ниву.

В приятелях, что нетерпеливо косились на воинственную батарею бутылок, мало что осталось от *корневой облички*: если у степняков — монголов и бурят — да и у русских казаков, исконных, родовых, ноги выгибались дугой, словно приросшие к седлу, то у их потомков ноги были, как прямые оглобли, затянутые к тому же в американские джинсы. Кроме того, Батор — рыхлый, барствено вальяжный, а Тумэнбаяр — сутулый, тощий, близорукий, укрывший глаза толстыми мутными стёклами очков, словно конскими шорами, в чёрном вельветовом пиджаке, при галстукке. Из малоросса и белоруса выветрилось всё их русое славянство, — похоже, к семейным древам привились азиатские либо арабские ветви, порождая смуглые плоды. Походил бы на исконного славянина лишь белокудрый Елизар, но уродился он кривоногий и малорослый, с большой, словно с чужого плеча, ушастью головой, похожей на кочан капуста.

¹ Суглан — собрание.

Выпили они братчинные чаши и загомонили. С отрочества начитанные, а ныне — второкурсники университета, вольно ли, невольно ли повели учёную беседу о межнациональных отношениях и в один лад пропели: де, Сибирь, да и вся матушка Россия — летний дуг в радужном свечении ярких и тихих цветов — народных культур во всей их древней мудрости и красе, а посему долг верного сына родного народа, истинного патриота великой России... запаматовали в тот момент, что Тумэнбаяр из Монголии... приложить все творческие силы к тому, чтобы многонациональное российское поле не обратилось мертвенно серым космополитическим полигоном мировой буржуазии.

Елизар припомнил, что Фёдор Достоевский, славянофил почвеннического толка, в своей гениальной речи на открытии памятника Пушкину в Москве вывел такую истину: писатель, художник — обретает интерес для всего мира тогда, когда сохраняет национальную специфику и верен традициям своего народа; лишь такой сочинитель и живописец интересен и поучителен миру.

Спустя годы, одолев аспирантуру и получив учёную степень, Елизар Калашников внашал студентам: сбережение национальной культуры — не самоцель, не ради лишь этнического сплочения и национального выживания в лихую пору космополитического вырождения необходимо оно, а, прежде всего, для того, чтобы зло не одолело добро, и грядущие поколения, искушенные бесом, не выкинули бы на историческую свалку народные идеалы стыда и совести, братчины, некорыстной любви к ближнему и родной земле — идеалы, что веками свято лежались в душах, в обычаях и обрядах всякого народа, пусть не в буржуйской среде, а в мудром простолулье.

Ныне же Елизар напыщенно изрёк:

— Человек, не имеющий нравственных законов, не имеет национальности.

— Да какие они к бису чоловики — роботы, — Тарас махнул рукой в сторону купальщиков и купальщиц, где наяривал транзистор, и гулёны из “Бони М” пели: “Хочешь потолкаться, детка?..”

А Батор вспомнил:

— Великий казахский поэт Алжас Сулейменов... я слушал его в Москве... писал: “Серая раса — сволочи...”

— Негодяи, не помнящие родства, — согласно кивнул Ягор.

Елизар смутно, ещё не облакая своих ощущений в слова, чуял грядущую беду; и лишь спустя годы сумел выразить её в слове... Упаси Боже, коль человечество пожрёт чёрный демон окаянного безродства; страшно для мира, когда *серой расой* в жажде власти и наживы, в расовом помрачении души и разума явятся шинкари, всеу обменявшие богоизбранность на тридцать сребреников. У *серой расы* — чёрный поводырь, что кровожадным вороном кружит над землей, искусная художничи народы, сталкивая их в межнациональной и междоусобной кровавой брани.

Слово за слово, малоросс с белорусом попрекнули-таки русский народ насильственной русификацией народов Российской и Советской империи, и Батор согласно закивал головой.

— Вы что, мужики, рехнулись?! Вас что, пыльным мешком из-за угла?! — возмутился Елизар, но объяснить, что напраслину возводят на русский народ, не смог — ума было мало, а посему братья-славяне, обнявшись со стешными азиатами, в жарком споре уложили русака на лопатки. Елизар даже застыдился, что он русский, но ещё бормотал: может, не русификация, а бурятизация, если русский фольклор в университете читает доцент Баирма Бадмаевна, а старославянский — профессор Зорикто Мункоев, который на лекциях похвалялся тем, что на международной конференции по старославянскому языку победил в споре славянских учёных.

Лишь через семь лет, молодой, да ранний, учёный Елизар Лазаревич Калашников, вбивая в толоконные студенческие лбы историю государства Российского, яро бранясь с учёными-западниками, горячо, но толково будет доказывать: по злой мировой воле... а мировому бесу православный русский народ, яко ладан — бесу... свершалась не русификация — навязывание рус-

ского духа и языка, — а насильственная русскоязычная космополитизация, да исподволь — англоязычная. И русские пострадали страшнее, чем малые народы, коль русская поросль не ведаёт народных обычаев и обрядов, коль утратила любомудрую народную речь и песен старинных не поёт.

Но в ту пору ещё только цветочки-лепесточки трепыхались на лихом ветру, волчьи ягоды вызрели после сокрушительного падения Советской империи, когда под негласным властным запретом оказалась русская народная культура, и на российском радио и телевидение отзвучали... может, и на веки вечные... русские народные песни, и срамная попса помоями захлестнула Россию.

При советской власти из русских жестоко выбивали русское — суть, православное, о чём свидетельствуют глумливо порушенные православные храмы и православные новомученики, ленинскими богоборцами убиенные за веру Христову. Ленинская же власть запустила и адскую машину космополитизации русского народа, которая после поражения России в *холодной войне* с дьявольским Западом набрала *бешеную* англоязычную мощь и, в отличие от малых российских народов, почти сокрушила русскую нацию.

Но... *хорошая мысль приходит опосля*, как говорят в народе; ныне же Елизар лишь виновато клонил голову долу: верно, русские угробили малые народы, но, мол, повинную голову и меч не сечёт.

Учёные беседы притомили ребят, и для полного счастья Батор — англоман, меломан, битломан — врубил портативный магнитофон, и ватага *битлов*, от которых сходил с ума мир... *этот безумный, безумный, безумный мир*... сладострастно запела:

*Is there anybody going to listen to my story
All about the girl who came to stay?
She's the kind of girl you want so much it makes you sorry
Still you don't regret a single day.
Ah, girl, girl, girl.*

— Батор, ты великий меломан, битломан, англоман, переведи нам, тёмным: о чём битлы стонут?.. от похоти?.. от наркотиков? — связвил Елизар, которого миновала-таки повальная зараза студенческой поры — пристрастие к модным англоязычным песням. Елизар в отрочестве и юности любил народные песни, любил до слёз, ликующих и печальных, и за народную песню, как за народную душу, мог глотку перегрызть насмешнику.

Батор, высокомерно и снисходительно оглядев деревенского паренька, перевёл песню, похоже, зная назубок вольное переложение её на русский язык:

*Кто подскажет, как мне быть
И что мне делать с нею,
Я влюбился, на свою беду!
Не жалею ни о чем — и обо всем жалею,
А уйду — и вовсе пропаду...
Ах, девушка, девушка, девушка...*

Когда Батор по-русски поведал содержание песни, Елизар фыркнул и разочарованно покачал головой:

— И от такой муры битломаны млеют?! “Жили у бабуся два весёлых гуся...” — и то мудрёнее...

Ухом не поведя в сторону Елизара, — одно слово — дикарь, Батор толковал, про что же эта *битловая* песня:

— Глубокий вдох в припеве символизирует либо тяжёлое сладострастное дыхание, либо долгую затяжку сигаретой. Битлы пристрастились к марихуане и стали ловко вставлять в свои песни намёки на наркотики. Партию бэк-вокала исполняли Пол Маккартни и Джордж Харрисон, ритмично напевая один и тот же слог. Они должны были петь “dit-dit-dit-dit”, но ради шутки спели “tit-tit-tit-tit”, что по-английски означает “сиська”...

— Я не понимаю нашу молодежь... — старчески проворчал неуёмный Елизар.

— А ты кто, дед? — усмехнулся Тарас.

— Не понимаю, как они слушают... тех же битлов, если в английском — дуб дубом, ни бельмеса не смыслят. Вроде нас... дикарей — насмешливо глянул на Батора. — Давайте, братцы, споём русскую народную...

— Русскую народную, блатную, хороводную... Зачем русскую?! Можно и белорусскую, — Ягор подгрёб гитару, покрутил колки, побренчал и, томо прикрыв глаза длинными ресницами, заиграл, наконец, и запел:

*Вы шуміце, шуміце,
Нада мною, бярозы,
Калышыце люляйце
Свой напеў векавы.
А я лягу, прылягу
Край гасцінца старога,
На духмяным пракосе
Недаспелай травы.*

Пригубляли чаши за здоровье, вершили за упокой... Охмелевший... может, на старые дрожжи плеснул винца... помрачневший Батор, обиженно глядя на Елизара, неожиданно изрёк:

— Я знаю, о чём ты сейчас думаешь.

— О-о-о, старик, ты и мысли читаешь. И о чём же я думаю?

— Ты думаешь о том, что я — бурят...

Елизар в недоумении уставился на Батора, не вмещая в разум его обиду, и все удивленно затихли. А Тумэнбаяр, глядя сквозь тенистые очки, усмехнулся:

— Я — монгол, чем и горжусь. Монголы полмира покорили...

— Наш однокурсник Давид Шолом — жид, так ему что, вешаться?.. топиться?.. — спросил Ягор, отложив сладкострунную свою подругу.

— Зачем вешаться? — усмехнулся Тарас. — Монголы полмира покорили, а жида — весь мир. Монголы — кривыми саблями, жида — хитростью... Ну, бурят так бурят, я — хохол, Елизар — москаль...

— Иди, Батор, искунайся, — посоветовал Ягор. — Полегчает...

— Идея!.. Айда, братцы, купаться! — Елизар резво вскочил с валежины, оголился до синих семейных трусов и, как в деревенском детстве, вприпрыжку полетел к тёплому плёсу.

...А уж синеватые тёплые сумерки выстоялись над морем; и ребята запалили костерок, наломав сухих ивовых сучьев. Разлили *остатки-сладки*, и... попала шлея под хвост... Ягор возгласил:

— Есть идея...

— Идея лебедей, — добавил Тарас.

— Нет, идея без лебедей. Рождённый пить любить не может, — изрёк Алексей Пешков, то бишь Максим Горький... А посему есть идея: а не послать ли нам гонца за бутылочкой винца?

Застолье дружно возопило: “Послать!..”, тут же кинули на пальцах, и гонцом вышел Тумэнбаяр. Но убоявшись хулиганов... отберут деньги у близорукого и тщедушного Тумэнбаяра... послали и Тараса — косяя сажень в плечах. Когда гонцы вернулись, да не с бутылочкой винца, со “Столичной”, когда выпили и охмелели, Тарас неожиданно накинудся на Елизара.

— А ты, Елизар, случаем, не из жидов?

— С какого боку-припёку?

— Имя еврейское и отчество — Елизар Лазаревич...

— А-а-а, вон оно что... — и тут Елизар, историк начитанный, растолмачил другу: — Про бедного Лазаря даже школяры знают... Да, имя древнееврейское. Правильнее даже — Елеазар. В Ветхом Завете — третий сын Аарона, получивший священство. Когда не стало двух старших братьев, не оставивших наследников, к Елеазару отошло первосвященство и утвердилось за его родом... А в Новом Завете Елиуд родил Елеазара.

— Мужик родил? — подивился Тарас.

— Так говорилось у древних евреев. Не перебивай... Елеазар родил Матфана; Матфан родил Иакова; Иаков родил Иосифа, мужа Марии, от Которой родился Иисус, называемый Христос.

— Во, во, во... — со злорадным восторгом огласил Тарас, — я и подозревал, что ты из жидов.

— Глянь на меня: ты видел русее?

— Ну и что?! — Ягор подоспел на помощь к Тарасу. — Истинные евреи из древних израильских родов — тоже русые. Это хазарские жида с азиатчиной. Опять же имя — Елеазар.

— Дался он вам, Елеазар. Да у меня брат — Исай, сестра — Устинья, дед — Лазарь, бабка...

— Ясно море, — пожал плечами Тарас, — ты же не один еврей в семье.

— Какие еврей?! По материнской линии мы из староверов, а у тех сплошь и рядом библейские имена. Был даже великий русский святой Елеазар Анзерский; в Соловецком монастыре основал Свято-Троицкий Анзерский скит...

— Также, поди, из евреев. Выкрест...

— От народец, а! Если в крапе нет воды, значит, выпили жида! И чего вы на евреев окрысились. Богоизбранный народ... Сам Бог в еврейском народе воплотился. Апостолы... А сколько из евреев вышло великих людей, верно служивших России, прославивших Россию?! Темь...

— Угробили они вашу Россию. Тьфу! — досадливо сплюнул Ягор.

— Почему вашу?

— Я — не русский, я — бялорус.

— Во, во, русс... Да, ты — белый русс, может, русее любого великоросса. Как и червонный русс...

Очнулся от хмельной дрёмы мрачный монгол:

— Чингисхана свято чтит вся Монголия как великого полководца, завоевавшего полмира, как создателя великой Монгольской империи...

— ...И жестоко вырезавшего полмира, залившего кровью и слезами полмира, — вставил Елизар. — Даже монгольскую племенную элиту вырезал, не жалея детей, стариков и старух...

— Ханы веками сеяли смуту, и реками лилась монгольская кровь. Чтобы остановить кровопролитие, сплотить монголов в единое государство, нужно было вырезать племенную и родовую элиту... Что у русских сотворил Иван Грозный, когда создавал русское царство. Но в Монголии-то Чингисхана высоко чтут — национальный герой, а почему в России Ивана Грозного, национального героя, проклинаяют?

— Так у москалей жида правят, — пояснил Тарас. — А жида ненавидят всё доброе русское, а Ивана Грозного — особенно. Иван Грозный им, что серпом по брюху... А москали... дурковатые, продажные... у жидов на побегушках. И тоже костерят Иван Грозного. Сталин пытался вырезать жидов, так ныне он — заклятый враг. А тоже, как Чингисхан, создавал великую Советскую империю...

Тумэнбатор сквозь зубы выцедил стакан водки и, воинственно глядя на Елизара, вспомнил былое...

...Теснимые монголами половцы пали на колени перед русскими, их заклятыми врагами: простите Христа ради, спасите!.. а кто старое помянет, тому глаз вон. Русские князья решили подсобить половцам и встретить неведомого врага за пределами земли Русской. Ратоборцы вышли навстречу монголам. Ложным отступлением монголы заманили русских и половцев к берегам реки Калки. В июне 1223 года случилась кровавая сеча на Калке. Дружины русских князей бились разрозненно: ох, уж эта удельщина, междоусобица!... Увлечлись преследованием отступившей лёгкой монгольской конницы и попали под удар главных сил противника. Дружины Мстислава Удалого, Даниила Галицкого и Мстислава Черниговского были разгромлены. Киевские полки Мстислава Старого не вступали в брань, но монголы окружили их и вынудили сдать.

— На пленных князей монголы положили доски и задушили, пируя на них, — поминал Тумэнбаяр. — А русских баб и девок...

— Ну, ты, Чингисхан, успокойся! — сурово осадил Елизар монгола.

И тот накинудся на Батора:

— Бурят — от слова “буриха” — уклоняться. Монголы пошли на Русь, а эхириты, булагаты, хорииды повернулись спиной... уклонились от похода, струсили.

Глаза Батора, словно два боевых лука, хищно сузились:

— Что ты мелешь?! Бурят... буряад... баряад — от слова “бар” — могучий, тигр...

— Ты — тигр?! — Тумэнбаяр насмешливо оглядел пышнотелого Батора. Тот хлётко выговорил монголу что-то по-бурятски — пересмешник по-мрачнел и затих.

— А есть хакасская версия: “пыраат”, — сверкнул учёностью Елизар. — Под таким именем русским казакам стали известны монголоязычные племена, что жили к востоку от хакасов. А потом уж “пыраат” обратилось в русское “брат”. И стали эхириты, булагаты, хонгодоры и хори величаться “буряад”. А в русских летописях — братские люди.

— Ага, братья... — ядовито усмехнулся Тумэнбаяр. — У русских — жиды, у монголов — буряты...

Не успел он договорить эту ересь, как слетел с валежины, словно пёс его хвостом смёл: над тихо шающим костерком мелькнули башмаки, и бедовая его головушка угодила в кусты. Парни оторопели, диву дались: как смиренный и дебелый Батор, сидя напротив Тумэнбаяра, резко, почти незримо жогнул того в лоб. Парни вскочили, зашумели, вытянули бедолагу из кустов, где тот чудом нашарил очки. Батор поднялся, изготовился добавить, но меж ними встал плечистый Тарас:

— Успокойся, Батор. Прижми хвост... А ты... Чингисхан!.. охолонься, иди-ка, ополосни лицо...

Когда вернулся мокроволосый и сникший Тумэнбаяр, Тарас подвёл его к Батору и, силком сведя их ладони, властно велел:

— Миритесь!..

Елизар добавил ребячью присказку:

— Мирись, мирись, мирись, и больше не дерись. А если будешь драться, то я буду кусаться.

— Говорят, в общаге два монгола-журналиста подрались, один другому ухо откусил, — вспомнил Ягор.

— Говорят... — усмехнулся Тарас. — Говорят, москали кур доят...

— Давайте, мужики, выпьем чашу мировую, круговую! — Елизар лихо плеснул в стаканы. — В любви и дружбе нам хама угэ,¹ бурят ты или русский, еврей или татарин.

— За дружбу народов! — возгласил Тарас.

— Сяброуства! — Ягор взметнул стакан.

— Найрямдал!² — согласился Тумэнбаяр.

— Хани барисан, нухзэрлте, — благословил здравницу Батор, тоже окунувший буйную головушку в предночное студёное море.

— Еврейский народ породил Христа, а всякий иной народ — бурятский, монгольский, русский — гениев добра, — рассудил Елизар. — А негодяи во всяком народе водятся...

Ягор, задумчиво пощипывая струны, тихонько потянул:

*А я лягу, прылягу
Край гасцінца старога
Галавой на пагорак
На высокі курган,
А стамлённыя рукі
Вольна ў шыркi раскіну,*

¹ Хама угэ — всё равно.

² Найрамдал (монгол.) — дружба.

*А нагамі ў даліну,
Хай накрыве туман.
А сталённых рукі
Вольна ў шыркi раскіну,
А нагамі ў даліну,
Хай накрыве туман.*

На песню, словно ночные бабочки-метляки на костёр, потянулись отважные купальщицы, словно чаровницы-русалки всплыли из морской пучины; и вдохновлённые пареньки суетливо, наперебой стали манить русалок к тихому костру, к каменному столу, а те колебались, прячась в тальниковой тени. Шёпотом, чтобы не порушить песню, Елизар спросил Тараса:

— А как по-украински: “Я тебя люблю?”

— Я тобэ кохаю. А любимая — коханя... А по-белорусски: “Я цябе кахаю”.

— А я могу девушке и по-бурятски загнуть, — прихвастнул Елизар. — “Би шамда дуртэб...”

Батор колочё покосился на него:

— Русские девки всем на шею вешаются — грузин, армян ли, азер, а у бурят с этим строго.

Елизар, затаив обиду, ответил:

— У русских тоже было строго. А если любовь?.. Там уж не смотрят, бледнолицый ты или краснолицый...

— ...индеец Чингачук Большой Змей, — досказал Тарас.

*Вы шуміце, шуміце
Нада мною, бярозы,
Асыпайце мілуйце
Ціхай ласкай зямлю...*

Батор, безмятежно откинувшись на траве, задремал под белорусский мотив, хотя и пробормотал спросонья: “Подыщите мне красивую бурятку...”. К плечу его притулился Тумэнбаяр, очкастый, сухонький — и в чём только душа держится?! Чёрный костюм висит на нём, как на вешалке... Монгол, посмеиваясь, что-то бормотал на степном наречии, когда во сне наплывали на него отрадные видения: может быть, бескрайняя жёлтая степь, отара овец, серым облаком плывущая к багровому закату, белая войлочная юрта, сизый дымок костерка и молоденький чабан с девушкой... седло к седлу, нога к ноге... рысят к юрте на коренастых, мохноногих монгольских конях... паренёк говорит милой о любви, отчего бугристые девичьи щеки горят стыдливым румянцем, а глаза смущённо опушаются тенистыми ресницами.

*А я лягу, прылягу
Край гасцінца старога
Я здарожыўся трохі
Я хвілінку пасплю.*

* * *

...А проводины плясали, пели и шумели своим чередом. Когда вырубили тарахтелку — так в сердцах обозвал магнитофон Баясхаланов отец Галсан, — когда со смехом и гомоном снова расселись за столы дубовые и яства медовые, старик-верховод, обличкой напоминающий медных божков-бурханов, вдруг с горловым, птичьим клёкотом начал песню-старину, и молодое застолье перестало пить, жевать и болтать, со звероватой чуткостью велушиваясь в мотив; а уж как ухватило напев с увядших и одрябших стариковых уст, так и песня, словно скачущий галопом конь, гулко, размашисто полетела над сникшими, льнущими к земле ковылями — от изножья увала на сухой взлобок, к смутно чернеющей берёзе-вековухе и далее — к белесому небу.

Дивен язык бурятский, что особо ощутимо в песне, протяжно, певуче палящей беркутом над степными увалами, над речной долиной... Слушал Елизар бурятские напевы, не понимая толком, о чём идёт речь, но чуя настроение, мысль, и душа его то светло печалилась, то ликовала, словно звучала русская народная песня. Ох, поучительно для русских Иванов, не помнящих родства, что в бурятских степях и пожилые, и молодые любят исконные народные песни. Вспомнилось теперь с улыбкой... После школы, провалив экзамены в университет, Елизар вернулся в родное село, и год толкался в аймачной газете “Улан-Туя”¹, позже переименованной в “Ярууну”. И помнится, бродяжка репортёрская судьбина занесла его в степное ухоженное бурятское село Ульдурга, где директором школы был фронтовик, Герой Социалистического Труда, поэт Цокто Номтоев. Елизар нагрнулся туда, чтобы освещать для “Улан-Туи” годовой отчетно-выборный суглан. Когда отчитался председатель колхоза, иссякли здравицы, на клубную сцену вышел бурятский оперный певец — земляк, в ту пору известный всему миру баритон, — и мощно запел, и народ, а в клуб набилось полсела, вдруг тоже запел, и голос певца утонул в могоучем народном хоре. Такого концерта Елизар сроду не слышивал.

После ранешней песни взвилась над застольем молодая “Шамханда”, и Елизар — многожды слышавший песню на гулянках, в клубе и по радио, отчего мотив её вьелся в память, — тоже воспрял, и хотя не пел, но песня гудом гудела в душе: то веяло над степью прохладным ночным ветерком, то вихрем взмывал напев к снежно-голубой луне. Стало легко и радостно; и здешняя степь казалась благословенной, — воистину *жаргаланта нютаг*, и душа рвалась обнять и расцеловать всё застолье, словно единоутробных братьев и сестёр. Но песня кончилась, и Елизару вдруг невтерпёж стало — так захотелось потянуть отцовскую, вдруг властно ожившую в нём: “Ты, вешун да птица ворон, чо кружисся надо мной...”, а то материну: “Что ж ты, милый, унывно да призадумался...”, или уж дедову, слышанную сызмальства: “Сокрылось солнце вместе с назенькой², горевать буду, горе мыкать...”; но петь в одиночестве было смешно и горько, а рыжий парень с девчужкой, конечно, не подхватят, да, поди, и слыхом не слыживали дедовских напевов — хали-гали, буги-вуги, твист да шейк³ на уме... И так Елизару стало горестно и сиротливо, что он с тоской подумал о родичах, *откочевавших* в город.

Мать с отцом, старовойсковой семейской родовы, голосисто и ладно певали на пару старинные песни. Как потянут, бывало, печальную старину, так и закремневших мужиков слеза прошибала, а уж сырая бабонька сидит, бывало, за братчинным столом, внемлет, сердешная, как сокрылось солнце вместе с назенькой, а глаза уж ей заволакивает солёный туман, и ситцевый запан, подолом которого она слёзы утирает, мокрёхонек, хоть выжимай.

От грузно придавившей сердце пьяной кручины Елизару хотелось реветь в голос — слёзы мутили взор; и он решил, что пора, однако, в самом деле яба цыренка — отчаливать с Богом до дому, до хаты; топать от греха подалее, потому что, — настороженно прикинул он, — какая молодая, налитая водкой, лихая гулянка обходилась без драки, не кровянилась; а уж буряты, обидчивые, от неловкого словца вспыхивающие, как порох, могут и в бока насовать, и зубы посчитать. И хотя Елизар смалу не робел никогда, сам синяки нашивал и другим глаза красил, тут он понял, что развороту не будет, тут парни дружные, мигом *салаги загнут* да бока намнут.

От настороженных дум его отвлек пожилой чабан Цыремпил, что перед гулянкой заинтересовался, на кого Елизар учится.

— Вот я хочу тебя, паря, спросить, — вьедливо полез Цыремпил с разговором. — Ты, паря, грамотный, ты мне скажи: пошто ваша русская промеж себя ши-ибко худо живёт?

У Елизара и так на душе кошки скребли, и не хотелось ему попусту *зубы мыть*, скука томила, хмельная усталость, но он всё же усилием воли заставил себя выслушать чабана.

¹ “Улан туя” — “Красная заря”.

² Назенька — любимая.

³ Стильные танцы в пятидесятых, шестидесятых, семидесятых годах двадцатого века.

— В каком смысле?

— Вот дедка ваша с кем попало гулят, а у бурят — не, не... Ваша мать, отец ребятёшка бросат, а сын, дочка — старый мать, отец. У нас такого сроду не бывает. У нас мать, отец — почётный люди. А пошто, паря, у вас не так?

— Я откуда знаю, — пожал плечами Елизар, и, может быть, впервые стало ему грустно за русских: крыть было нечем, *карта бита* — правду-матку резал прямодушный Цыремпил. — Раньше, поди, такого не было.

— Раньше, паря, не было. У меня много русска тала... А пошто так стало? Ты же грамотный...

— Почему я знаю?! — уже досадливо дёрнулся Елизар, прилаживаясь, как бы улизнуть от въедливого чабана. — Пить много стали, мозги пропили...

— Однако, шибко грамотны.

— А при чем здесь грамота?!

— Грамотны, умны — дед, бабка, мать, отец слушать перестали, — вот худо и живёте.

— Может быть, — зевнув, отозвался Елизар и, притомившись разговором, отринув приличия, отвернулся от Цыремпила; тот ещё поворчал и заговорил по-бурятски с соседом.

* * *

Елизар уже ладился отчалить, но неожиданно увидел Дариму, неведомо когда приехавшую или пришедшую пешком и теперь сидящую напротив. Словно выплыло солнце из серой тучи, смахнув с луговины густую, стыльную тень, смущённо и тепло заиграло в цветах и мокрых травах... Пугливо, воровато глянув на неё исподлобья, Елизар смущённо опустил глаза долу, — такой пригожей и приманчивой явилась перед ним дева, что боязно было смотреть, а так тянуло глянуть хоть краешком глаза. И не удержался: сперва покосился только, а потом и вовсе уставился на неё, закрасневшуюся, как маков цвет, смущенно посматривающую сквозь смоляные ресницы. Елизару припало на ум, что Дарима-то и приблазилась ему возле берёзы-вековухи, прозываемой онго хухан, что на гребне хаан добуун — увала-владыки; степная дева и привиделась ему, проплыла и рассеялась перед глазами голубоватым туманом. Но в отличие от той, представшей ему у берёзы, у Даримы была коса не русая, а словно вороново крыло, но как-то уж очень по-русски лежала она у девушки на груди, и глаза у неё были не васильковые и круглые, а смоляные, и гибко, словно два крыла, изогнутые, оттянутые к вискам брови. И опять, как на увале, как перед городской залёткой, торопливо, хотя и без большой охоты глянув на себя со стороны, обречённо выдохнул: нет, эдакую красу-смоляную косу не видать ему, как своих ушей; такая, поди, и близко не подпустит, хоть и росли рядом, и в отрочестве сердце мальчишечье припадало к ней.

Но тут Елизар заметил, что и Дарима с весёлым, слегка смущённым любопытством нет-нет да и посматривает на него, и когда взгляды их слились над столом, девушка робко и боязливо, но все же ласково улыбнулась парню широкими губами, похожими на лепестки таёжной саранки, алеющей в сумрачно-зелёных чащобах.

Долго ли, коротко ли, но, уже отрешённые от гомонящего застолья, увязанные незримыми нитями, не таясь смотрели они друг на друга, и тёк их безголосый, то настороженный и пугливый, то игриво воркующий разговор, словно они, уже близкие, родные, сошлись после долгой разлуки и не могли наговориться и наглядеться, и только ждали — не могли дожждаться конца застолья, чтобы обняться, оставшись наедине в тихом укромном месте. А потому, когда вновь затеялись танцы, когда он взял её покорную руку-ледышку и повёл через ограду, самое заветное промеж них было уже безголосое молвлено.

Загорелись висающие над столами лампочки, к которым ток шёл от движка, тракторно тарахтевшего под навесом. Елизар вместе со всеми переминался с ноги на ногу под тягучие, навзрыд, звуки давнишнего танго и, не узна-

вая себя, во хмелю всегда вольного с девушками, легко придерживал Дариму нервно подрагивающими пальцами. Она почувствовала его волнение, засмеялась:

— Что ты меня держишь, как фарфоровую куклу? Боишься уронить?

— Боюсь... — отозвался Елизар словно перегоревшим, сильным голосом.

Смелее глянул на неё — выгуль-девка: клетчатая рубашонка едва сходится на груди, темно-вишнёвая юбка, подрубленная выше огрузных колен, трещит по швам; а вроде недавно ещё мельтешила по улице голенастая пигалица, поминутно вытирающая голыми шершавыми ручонками вечно мокрый нос.

— Могу, Дарима, и покрепче обнять, — Елизар так лихо прижал её к себе, что ощутил ожог от того, как напряглась и уплотнилась девичья грудь, как изогнулось в противлении её крутое, излучистое тело, как сверкнули ночной подлунной водой распахнутые глаза.

Елизару стало не по себе, но он тут же опомнился, передёрнувшись от скребущего по лицу усмешливого взгляда городской крали, что стояла наособину, прислоняясь к пряслу заплота. Елизар видел, как её приглашал Дамбиха, потом ещё кто-то, но Цырендулма-Анжела всякий раз, горделиво мотая головой, отваживала ухажёров. Когда Елизар спиной почувствовал её взгляд и когда перехватил его, то, наперекор городской залёте, ещё больше склонился к Дариме так, что щёки их нет-нет да и касались друг друга, и стал нащёптывать на ушко:

— Хорошо, что ты приехала. А то бы со скуки сдох, напился бы, как зюзя.

— Тут и без меня девушек хватает, — взметнула на него озорные глаза, указывая ими на городскую диву.

— Я тебя ждал.

— Да-а? — с недоверчивой улыбкой покачала головой.

— И теперь не отпущу.

— Ого! — удивлённо всмотрелась она в Елизаровы глаза и засмеялась. — Ишь ты, какой шустрый.

— Да уж такой... Давно хотел с тобой увидеться.

— И что тебе мешало? Девушки?.. Знаю, знаю...

— Какие девушки?!

— А Вера? — Дарима погрозила ему пальцем. — Я всё про тебя знаю.

— Да, Вера... Замуж вышла Вера за парашютиста-пожарника... Нет, честное слово, мне так хотелось с тобой увидеться...

— И мне... — она пытливым взглядом заглянула ему в глаза, отчего Елизар, отведя взгляд, благодарно приобнял девушку и смущённо притих.

Он смутно помнил, как после танцев и застольных здравниц очутились они возле овечьей кошары, в глухой и прохладной тени; не помнил, как слились их губы, как слетал с них пугливый, судорожный шёпот. Потом Елизар краем глаза приметил: парни вывернули из-за угла и тут же будто исчезли, и среди них привиделся ему Бадма Ромашка. Ожила былая тревога, прихлынуло стёлой водой предчувствие беды, но так уж разгорячилась всполошённая молодая кровь, что и тревога, и предчувствие словно растворились в жарком бреду. И когда он прошептал, что любит её, что для него и жизнь без неё не в жизнь, Дарима опомнилась и, оттолкнув Елизара, убежала за ограду, где ещё догуливали проводины крепкие старики, переминались с ноги на ногу танцующие пары и шелестело осенней листвой утомлённое танго.

Смущённый, виноватый, вышел следом за девушкой Елизар и тут же высмотрел, как Дарима что-то быстро и сердито выговаривает Бадме Ромашке, который слушал, набывчив шею, потом круто развернулся и пошёл из ограды. Елизар повинно глянул ему вслед, потом снова отыскал глазами Дариму, и вина перед её прежним ухажёром тут же истаяла в нестерпимой нежности к любимой. Чтобы утихомирить взывающую душу, завернул он за угол дома, присел на завалинку под навесом и лишь запалил папиросу, как увидел перед собой Баира, малого брата Баясхалана и Даримы, приземистого, но крупноплечего паренька, яро сжимающего кулаки. «Однахам, Раднахам, будет драхам...» — усмехнулся Елизар на бурятский лад, не испугавшись, однако, потому что *пьяному море по колена*, да и не верил он, что завяжется здесь настоящая сваря: для старожилых бурят испокон степного века зва-

ный и желанный гость — неприкасаемый, и скорее родичу бока намнут, нежели гостя тронут. Конечно, если гость не пакостник...

— Выйдем, поговорим, — мотнул кудлатой головой задиристый хубун¹, прилежавший заступиться за обиженную сестру.

Елизар встал с завалинки, и, выкинув недокуренную папиросу, глухо отозвался:

— Говори здесь, Баир.

Бесстрашный во хмелю, он обречённо и отчаянно прикинул: ежели миром не поладят, придётся, не дожидаясь удара, свалить малого с ног и пробиться в ограду, а там уж, поди, старики не дадут завязаться драке. А иначе конец: вот ещё трое на шум подошли, обступили со всех сторон — сытые, хмельные, горазды поразмяться. “Или уж отпихнуть малого, и... дай Бог ноги...” — решил было Елизар.

— Не бойся, они тебя не тронут. Пойдем, поговорим.

— Говори здесь.

— Боишься... Чего тебе надо?.. Чего ты к моей сеструхе лезешь?

— Лезешь?.. Да мы с ней с пятого класса дружили...

От сильного удара в скулу Елизар чуть не сел на завалинку; а потом, уже не помня себя, как и всегда бывает в драках, яростно кинулся на Баира, свалил его наземь и упал сверху. Несдобровать бы Елизару... Уже ребята завертелись вокруг него, норовя достать ногами, но тут, услышав гортанные крики и отчаянные взвизги, прибежал Дамбиха-хулиган и, смекнув, в чём дело, по-хозяйски разметал бузотёров.

— Тебя, Дамбиха, звали? — осканился Баир, потирая содранную, испачканную землей щеку. — Без тебя разберёмся.

— Трое на одного?! Ах ты, щенок! — Дамбиха поймал малого за ворот и рванул его, поблдевшего от злости, с земли. — Поговори ещё...

Он опустил малого на землю, и Баир, захлёбываясь от бессильной злобы, стал что-то кричать по-бурятски, на что Дамбиха ответил по-русски:

— Тебе-то какое дело?! Ты-то чего лезешь, сопля?! — Елизар смекнул, что толкуют о нём и Дариме. — А теперь миритесь, — он обнял сразу Елизара и Баира, потом легко сдвинул их лбами. — Пока не помиритесь, не отпущу.

— Да я-то ничего, — тряхнул плечом Елизар. — Это он... Но если чем обидел, Баир, ты уж прости.

— Во-во, правильно. Теперь ты, Баир, проси прощения. Давай, давай — он же наш гость.

— Ладно, — буркнул малой, — извини.

Это прозвучало примерно так: мол, погоди, сука, мы тебя ещё прищучим в тёмном переулке, костей не соберёшь.

— И вы, соколики, смотрите у меня, — Дамбиха-хулиган с колючим прищуром оглядел парней, притаившихся в тени. — Кто моего друга пальцем тронет, тому несдобровать. У меня разговор короткий, — довольно хлопал он себя по необъятной груди. — А ты, Елизар, не бойся... не бойся: пока я здесь, тебя никто не обидит. Ты наш гость. Но... если Дариму обидишь, несдобровать тебе. Пошли, выьем за Жаргаланту.

— Ладно, сейчас подойду, — ответил Елизар, трясущимися руками выскребая из пачки “прибою”. Когда Дамбиха ушёл, прибежала испуганная Дарима...

* * *

Дальше он помнил всё белыми, сияющими в месячной ночи, клочкастыми вепышками: вот он выпил ещё и расцеловался с Дамбихой, растирая по лицу счастливые слёзы; вот завёл, наконец, русскую песню — “Живет моя отрада в высоком терему...”, — и неожиданно подхватило её молодое застолье, и наособищу позванивал голос Даримы; вот с большим опозданием пригнали с пастьбы сытую отару, и Елизар, подпарившись к хозяйским ребятишкам, вместе с Даримой бестолково мотаясь среди блеющей отары, загонял,

силком пихал овец в широкий загон, успевая, будто ненароком, обнять девушку; а уж впотьмах, когда над благоухающей землёй — над хангал дайдой — расцвёл сверкающей россыпью Млечный путь — гусиная дорога, и над бобылихой-берёзой взошёл красноватый дородный месяц, когда парни западали трескучий, мохнатый костёр, огненные брызги которого сеялись в небе и вызревали звёздами, когда вокруг дико пляшущего огня завился и поплыл, раскачиваясь, бурятский ёхор, похожий на русский хоровод, Елизар, стиснув покорную Даримину ладонь, кружился вместе с молодёжью, и хотя не подпевал, ибо из бурятских напевов знал лишь шутивное русское “ёхарши, ёхарши, все бурятки хороши!..”, хоть и мало что понимал, а и тоже всплёскивал руками и ухал полуночным белым филином. А уж месяц забрался выше по небесному увалу, побледнел, и степь — теперь воистину белая, воистину сагаан гоби или сагаан хээрэ, — словно присыпалась инеем; и Елизару вдруг страсть как захотелось промчаться по голубовато-белым увалам на халюном¹ коне, и — непременно с Даримой. И когда она согласилась, когда уговорили Баясхалана, сразу же оседлали двух коней, Елизару достался сивый, Дариме — вороной, мастью слившийся с ночью, лишь мигающий в темени белой отметиной, когда ветром отметало со лба чёлку. Забравшись в седла с прясел загона, от самого гурта, гремящего ёхором, пустили коней в широкий, отмашистый намёт; и сразу же ночной ветер затрепал Елизаров чуб, стьло впился в разгоряченные губы, с которых пеной срывались диковатые ликующие вопли:

— Ур-р-ракша-а-а-а!.. Ур-р-ракша-а-а-а!.. Впер-р-рё-од!..

Баясхалан просил, чтобы мигом вернулись, но они скакали к луне, озиравшей степь своим дремотным оком; летели стремя к стремени и осадили взмыленных коней возле онго хухан — берёзы-вековухи, грустно шелестящей на ветру сиротскими лохмотьями. Объехав берёзу, чтобы охладить, утихомирить взопревших коней, спешили подле коновязи. Кажется, не был Елизар большим охальником, но, как баяли в деревне, лобызало уродился добрый, отчего податливые губы Даримы быстро задеревенели, взбугрились и вишнёво, что было видно даже при свете месяца, ярко зацвели. Всё пронеслось диковатым, знойным ветром, словно они ещё летели верхами по степи, понужая прытких коней, но теперь степь выстилалась под копытами не студёно-белая, а красная и раскалённая. Было им и страшно, и грешно... Вспокоённая кровь как вспыхнула, так и угасла; Елизар, болезненно отрезвевший, сгорающий от стыда, опустошённый, виновато оглаживал девушку, угрюмо и отчуждённо отвернувшись лежавшую на его пиджаке. Хотя и не подавал он вида, но душу Елизарову рвало свирепое раскаянье, точила вина перед Даримой и её родичами; и так хотелось пасть на колени и со слезами молить Господа, чтобы простил ему этот грех, яростно двуперстно креститься, как учил покойный дед, стуча лбом в сухую и твёрдую землю. Но не молясь, не каясь, Елизар всё нежнее и бережнее оглаживал девушку, теперь уже родную, плотью слитую с ним, скорбно обнявшую свои бабы колени, утопившую в них заплаканное лицо. Очнувшись, Дарима вопросительно взгляделась в Елизаровы виновато блуждающие, пустые глаза, словно высматривая в них свою судьбу, и парень, перехватив её горький, полынный взгляд, стал вспоминать:

— Когда шёл на гурт, загадал себе счастье у этой березы, и привиделась мне ты...

— Зачем всё это?! — она застонала, раскачиваясь, морщась от горечи. — Сама виновата...

— Чего ты убиваешься?! — приобиделся Елизар. — Я же люблю тебя.

— Как я отцу и Баясхалану в глаза погляжу?

— Придём на гурт, я им скажу, что поженимся; падём на колени перед отцом: пусть благословит, — сгоряча предложил Елизар, но тут же спохватился: палкой бы на гурт не загнали, где его ждал короткий и жёсткий разговор.

— Ты что?! — испугалась девушка. — Не вздумай.

¹ Халюный — ярый.

— Ладно, потом скажем... Любимая, отныне ты моя жена, — обнял, прижал к груди, и Дарима, согретая, обласканная, вроде бы немного успокоилась. — Я же ещё в школе любил тебя. Помнишь, как мы в бараньи лодыжки играли?..

— Помню... — дрожащими пальцами, боязливо и неловко погладила она Елизара по размётанным, включенным кудрям, и парень, ухватив её холодную ладонь, прижал к своему воспалённому жаркому лбу. — Помню, ты подарил мне цветные карандаши, и я нарисовала белую степь, зелёную березу и овец...

— Художница... — улыбнулся Елизар и, не совладав с затомившей его тревогой, неожиданно спросил: — А Бадма тебя любит?

— Любит, — прошептала девушка и, отвернувшись от Елизара, уставилась в таинственную белую степь.

— А ты? — напрягся Елизар, цепко вглядываясь в её глаза, в которых мерцал рассеянный небесный свет.

— Не спрашивай... Я же с тобой... Бадма добрый... — хотела что-то прибавить, но промолчала, отчего в душе Елизара осел горьковатый осадок. — Не переживай, я же с тобой... А ты не бросишь меня?

— Глупая ты, Дарима, — повеселев, со смехом пал навзничь, увлекая за собой девушку. — Милая ты моя...

— Не надо, не надо!.. не говори ничего!.. молчи, молчи!.. — беспamięтно зашептала Дарима, неистово обнимая его, словно желая слиться с Елизаром на веки вечные.

Пока ворковали голуби, словно греясь на вешнем солнышке, пока нежились и ластились друг к другу, закатился за далёкую берёзовую гриву ясный месяц, и степь ослепла, оглохла, лишь слышался старческий скрип берёзы-вековухи, похожий на сухой, приглушённый кашель степняка, да пугал посвист крыльев — незримые, скользили над ними летучие мыши. Когда, разгребая крылами ночь, обдавая влюблённых зловещим холодом, плыла у самой земли белая дунь-мышатница, Дарима чуяла, как обмирает на её плече Елизарова ладонь, словно он боялся, что летучая мышь, падкая на белое, кинется к нему на спину, обтянутую светлой нейлоновой рубахой... И девушка с материнской заботливостью укрывала его пиджаком, кутала лицо крыльями своих волос, пахнущих степным ветром.

* * *

Летняя ночь — птичий сон, сладкий вздох: вот уже засинел восточный край неба, и с трав поползла холодная тень; Дарима убрела в степь, срывая белые цветы-спички, сплетая из них себе венок, а Елизар, любящий глазами, всё зарился на её юную стат; но когда дева, увенчанная белыми цветами, вернулась, неожиданно увидел измученное, с голубоватыми крутами вокруг глаз, печальное лицо Даримы, белеющее среди смоляных прядей волос, размётанных по плечам; и опять вина заскребла Елизарову душу, и опять, обнимая зябко вздрагивающую девушку, клялся и божился он любить её весь век.

Елизара стало мутить, — не то похмельная, не то шальная, затомилась его голова, и чудилось, плесни на неё, раскалённую и звонкую, ковш студёной воды, и она лопнет со змеиным шипением. Можно было, конечно, поправить голову... Старые люди говорили: “Чем зашибся, тем и лечись...” И можно было пойти на гурт опохмелиться, но он и вообразить себе не мог, какими глазами посмотрит сейчас в глаза своему дружку Баясхану, как заговорит со старым Галсаном; и опять пристушило к самому горлу злое раскаянье: ох, парень, парень, не спяну бы эдакую радость, не с налёту, не с наскоку, не украдом, а то ведь галопом... гоном погнал распалённых коней. И всё же... всё же... Исыякла счастливая ночь, и Елизар глянул на Дариму, сидящую рядом, пал перед ней на колени и, сжимая ладонями её лицо, шептал заплотшно, что лишь она одна ему любя, судьбой дарена, и только смерть разлучит их.

И верил, и не верил сам своим клятвам и своей суматошной божбе... Сомнение больно сосало душу... А потому, боясь встретиться с девушкой взглядом, он суетливо распрощался и, кутаясь в мятый, зазеленевший степною травой пиджак, торопливо пошёл прочь, затем вдруг обернулся и долго, виновато глядел, как девушка, скорбная и ссутуленная, хлынцой¹ уезжала от роковой берёзы на своём вороном коне, держа в поводу сивую кобылу.

Оживал день, Бог весть что сулящий несчастным.

* * *

Под утро с гнилого озёрного края натянуло морок, и уже в деревне Елизара прихватил короткий, проливной дождь, сырой остудой пробравший до костей. Парня трясло, зуб на зуб не попадал, когда он добрёл до своей растающей в землю белёной избушки с двумя мелкими оконцами; хотел было сразу завалиться спать, лёг не раздеваясь, прямо на покрывало, но не то что спать, а и минуты улежать не смог, — озноб, нервная дрожь, ломота в голове, кручинные думы подняли его с кровати.

Он пил и пил приторно-тёплую воду, но не мог залить огонь, палящий изнутри грудь и горло. Исходил избёнку вдоль и поперёк, зароки давая себе в рот не брать погань-водку и Дариму забыть; и чудилось, ничего доброго не сулит ему безумная степная ночь. Чтобы отвлечься от горькой думы, затопил печь и, согрев воды, долго мылся в цинковой ванне, яростно мылил голову, свирепо тёр грудь и живот колючей вехоткой, докрасна растёрся вафельным полотенцем, затем, обсохнув, отчистив и отгладив брюки и серый пиджачишко, неожиданно успокоившись, бодро пошагал к военкомату.

Там среди хмельного и похмельного, говорливого народа уже посвечивали стриженные головы парней-новобранцев, обряженных в такие завалющие одёжки, в каких лишь стайки коровьи чистить. Оно и понятно: зачем путную одежку надевать, коли через сутки-двое, самое большое — трое выбрасывать её, сменив на армейское х/б. Крикливый и слезливый русский и бурятский говор рвался в небо бабым воем, скулила и тянула тоскливую ноту гармонь, ставшая редкой гостьей на гулянках деревенской молодёжи.

Елизар пробился к гармонисту, лихому, моложавому мужичку, возле которого расхристанная бабёнка с наплаканными докрасна глазами выкрикивала частушки, горько, словно заведённая, стуча кирзачами в закаменную землю:

*Ох, юбка моя!
Юбка узкая!
Гармонист, гармонист,
Сыграй русскую!*

Гармонист подмигнул ей осоловелым, припухшим глазом и хрипло отозвался:

*Ох, конь вороной,
Золото копытце!
Ох, матаня моя,
На кругу вертится!*

Тут к гармонисту бочком, с приплясом вывернулась толстая краснощёкая баба и заголосила:

*Что хотите, говорите
На меня, на сироту,
Съела окуня живого,
Шевелится в животу...*

¹ Хлынцой — мелкой рысью.

Мужики дружно захохотали, и утонул в хохоте скрип гармошки, но когда хохот поутих, гармонист, восторженно покачав головой, рванул меха, и посыпались в народ игривые, затейливые переливы-переборы:

*Милый в армию поехал,
Не оставил ничего,
Только легонький поминочек —
Ребёнок от него...*

После срамной частушки гармонист без всякого перехода выкрикнул ещё одну, невнятно промычав словечко непотребное, потом заиграл подходящее случаю, и вся компания запела:

*Как родная меня мать провожала,
Как тут вся моя родня набежала...
.....
Не ходил бы ты, Ванёк, во солдаты...*

Елизар выпал из круга, высккивая Дариму рассеянным блуждающим взглядом, но на глаза ему угодил Баясхалан, взерошенная голова которого сиротливо топорщилась над малорослыми родичами, деловито наплёскивающими водку в чайные пиалы. Елизар, с горьким раскаяньем вспоминая минувшую ночь, застыдилась подходить к Дугарнимаевым, но когда Баясхалан с тихой подружкой отошёл от родичей, Елизар, с грехом пополам переборов стыд, прибился к своему дружку; парень вяло и отчужденно пожал суетливо подсунутую Елизаром руку и сразу же, не слушая хвастливых жалоб на гудящую похмельную башку, прощально обернулся к Сосновскому озеру — там, у песчаных берегов, на теплых плёсах отыграло, отплескалось его вольное детство. Елизар хотел было уладить дело с Баясхаланом: мол, всё у него с Даримой не просто так — *позатросил да забросил*, — решили пожениться, но тут Галсан, похоже, ни сном ни духом не ведавший о ночных похождениях дочери, сунул её искусителю кружку и стылую баранью грудинку на *занюх и заед*.

Рядом слезливо заголосила певунья:

*Вспомни, мой ненаглядный,
Как тебя я любила...*

Дарима не явилась, с грустью и облегчением отметил мутным сознанием Елизар, уже *плеснувший на старые дрожжи* и быстро опьяневший. Потом он и вспомнить не мог, как приполз в свою нору, упал на кровать, не разуваясь и не разоболокаясь, и заснул мёртвым сном.

* * *

После полудня он прибрёл на гурт, но, убоявшись показаться на глаза хозяевам, покружил возле кошар, и неожиданно столкнулся лицом к лицу с Даримой. Он стал умолять её, чтобы пришла к нему, и она, в конце концов, молча кивнула головой. На исходе дня осторожно переступила исшарканный порог Елизаровой избёнки; пришла она под самые потёмки, когда у Елизара, весь день напролёт лежавшего в лёжку, все жданки вышли, когда уже все окошки проглядел он тоскующим взором и устал заклинять и звать её. Девушка ступила в избу и осветила всё вокруг, словно белой луной: стены дома широко раздвинулись, вместив и вчерашнюю ночную степь, и гребень увала, и берёзу-вековуху...

Неделю тайком захаживала дева к Елизару, и давно небелёная, облупленная избушка уносилась со скучной земли в дивную страну, где, обласканная солнечными лучами, орошённая тёплыми дождями отца-неба, в любов-

ных грозových страстях мать-сыра земля испокон веку рожала свои плоды. Но по младым и беспечным летам парень вроде и не ведал о том, и думушку такую не держал в разудалой голове, что ликование разбуженной плоти, засевающее семя в целинную и щедрую утробу здоровой девы, взойдет спелым колосом, нальётся сочным плодом. Не все коту Масленка, будет и Великий пост — придёт и расплата, когда нужно будет судьбу девичью по-мужски решать и венец принимать. Нет, ни о чём душа его безбожная не печалилась, ни о чём дурная головушка не ныла. Всякий вечер нетерпеливо и маетно прислушивался Елизар к скрипу калитки, карауля свою зазнобу, а она о своём, о бабьем пока и не заикалась. Если Дарима не приходила вечером, то он от тоски бродил из угла в угол, готов был на стенку лезть, но бежать на гурт, где летовала девушка, боялся. Он не жил обыденной жизнью, не брёл изо дня в день, а словно летел в горячем, свистящем вихре. Когда падал перед ней на колени, сжимал ладонями склонённое лицо и шептал, шептал журчащие слова, Дарима с молчаливым удивлением, с какой-то грустной лаской перебирала пальцами его ржаные кудри, не пугая вопросами о том, что готовит им завтрашний день.

И хотя вокруг них стягивался тревожный сумрак, они, как глухари на любовном току, оглохли, ослепли в своей страсти, не слыша судов-пересудов, ни с какого бока-прилёка не ожидая беды. В самом деле, мало ли холостых парней и незамужних девок в деревне любится, шатается до зари, посиживает в лодке у дремотного озера, таится в укромых, клянясь любить друг друга до гроба. Но морок уж стучался над беленькой избёнкой, утонувшей в дурной и пьяной траве-лебеде да крапиве...

В один из вечеров, когда Елизар (и благо ещё, что одетый) сомлело нежился на кровати, а Дарима теребила, закручивая на палец и без того витой Елизаров чуб и думала вязкие свои думы, пытливо поглядывая на суженого, вдруг кто-то со всей осерчалой моченьки заколотил в ставень. Молодые притаились, выжидая, что незванный-нежданный гость постучит-постучит да и уйдёт не солоно хлебавши. Но стук, всё более резкий, настырный, не прекращался, и Елизару, хоть и отговаривала его Дарима, пришлось подняться с лежбища, выйти в сени, спросить, кто там, а потом и отодвинуть деревянную щеколду. В избёнку ввалился хмельной и злой Галсан и, недолго думая, стегнул сырмятным бичом по Елизаровой спине, потом замахнулся на дочь, но тут уж самочинный зятёк, не помня себя, кинулся к чабану, перехватил руку в запястье и, стиснув, пригнул книзу. Галсан, матерясь на чём свет стоит, мешая русские и бурятские слова, брызгая слюной и захлёбываясь, рвался из Елизаровых рук, а потом, обмякший, обессиленный, повалился на стул.

— Ай-я-я-яй, пошто худо делал?! — зацокал он языком, когда залитые злом и вином, помутневшие глаза его прояснились. — Пошто наша депка обманывал?! —

— Почему обманывал?! — взвился Елизар. — Никто её не обманывал.

— Пошто моя ничо не сказал?! Ай-я-яй!.. Папка твоя большой мне тала, ты пошто худо делал?! —

— Чего я худого сделал?! — горячился и Елизар. — Я её люблю. Мы поженимся... Может, завтра пойдем в сельсовет и распишемся.

— Так, паря, никто не делает. Сперва наша депка увёл...

— Почему увёл?! — спорил осмелевший Елизар. — Ну, почему увёл-то?! Что она, тёлка, на поводу её уводить?! —

— Пошто отец, мать не говорил?

Самозванный зятёк, убёгом или скрадом умыкнувший зазнобу, виноватился, оправдывался, горячо толковал про любовь и свадьбу. Опамятовавшись, заговорила и Дарима, до того стоявшая возле печи ни жива ни мертва, стиснув ладонями пылающие щёки. Она заговорила по-бурятски и, похоже было по голосу, умоляла, отчего отец и жалобно, и раздражённо морщился, пытался её оборвать, а потом, плюнув на пол, вылетел из избы, одним пинком широко распахнув дверь.

Выйдя следом, чтобы запереть калитку и сенные двери, Елизар увидел, как Галсан, оборачиваясь, грозя пальцем и глухо ругаясь по-бурятски, отвя-

зал от приворотной вереи сивую кобылку. Помнится, на ней Елизар гарцевал с зазной в ту пьяную ночь... Забравшись в седло, отец Даримы ходко порылся по тёмной улице. Елизар проводил его до поворота смущённым взглядом, потом осмотрел всю деревенскую улицу из конца в конец. Ему показалось, что она глухо затаилась в потёмках, и в глубине её зрела беда.

— Чего он накинудся-то?! — простодушно спросил Елизар, вернувшись в избёнку. — Я же ему по-русски сказал, что у нас всё серьёзно, не просто так, что мы хоть завтра распишемся в сельсовете.

Дарима отчуждённо молчала, лишь пожала плечами. Если русская девушка после такой отцовской хулы и выволочки ударилась бы в рёв, залилась бы слезами, то Дарима и слезинки не уронила. Она сидела онемевшая возле стола с неубранной посудой, уставясь в ночное окно обмершими в печали, угасшими глазами. Долго тормозил её Елизар, долго обласкивал, прежде чем она ожила и заговорила.

— Да ладно, — отчаянно махнула рукой: *снявши голову по кудрям не плачут*, хотя глаза заволакивала темная, недвижимая тоска. — Отец понял...

— Что он понял?

— Понял, что мы любим друг друга. Ты же не разлюбил меня?..

— Спрашиваешь...

— Не знаю... Ахэшка, — так на бурятский лад звала она брата Баяхсана — написал из армии, чтобы я с тобой не водилась. Обиделся... Эх, и почему ты бурятом не родился?!

— Может, мне в бурята переродиться?! — теперь обиделся Елизар. — А может, я в прошлой жизни бурятом был?! По-буддийски называется реинкарнация... Хотя в еврея легче переродиться, — невесело пошутил он, — обрезался, Талмуд и Тору почитал и... Какая разница — русский, бурят?! Скоро не будет ни русских, ни бурят, ни евреев, ни армян — сплошные люди мировые. И в паспорте не будут метить нацию... Мой брательник по пьянке пел... — Елизар улыбнулся, вспомнив потешки брата:

*Я в Америке бывал,
кое-что я там видал:
там и русский, и бурят
по-английски говорят...*

Так-то вот... А потом, сколько русских с бурятами породнились.

— Не так уж много. Наши парни русских девок брали, а ваши редко женились на бурятках. Крещёные, те и вовсе с бурятами не роднились, — мы же иноверцы.

— А западные, усть-ордынские буряты — сплошь крещёные...

— Какие они крещёные?! Одна слава, что крестились. Шаманисты...

— Да, бурятки редко за русских выходили... Но теперь, слава Богу, другие времена, теперь всё можно: русский, бурят — хама утэ, лишь бы друг друга любили.

— Может быть... — вздохнула она. — Давай я тебя научу по-бурятски говорить.

— А что, можно. Я уже мало-мало толмачу: би шаамда дуртээб... Переведи.

Дарима засмеялась над его корявым выговором.

— Я тебя люблю.

— Или: шы намэ тальштэ. Переводи.

— Ты меня поцелуешь?

— Целуй!

Дарима обняла и звучно поцеловала его в щеку.

— Начнём учиться.

— Потом, — Елизар привлёк девушку к себе. — Иди ко мне, и ни о чём не думай, не переживай. В всех не угодишь, и на всякий роток не накинешь платок.

Он потянул девушку на включенное лежбище, но... как ни умолял, как ни обижался, Дарима собралась и ушла... чтобы снова явиться на другой ве-

чер, чтобы в глухих и тёплых избяных сумерках истаяла в ласках, заспалась томящая тревога.

А уж по деревне азартно, с шумными пересудами ползла молва.

* * *

Поскольку молодые не прятались по углам и под вечер, случалось, в обнимку бродили у дремлющего озера либо на лодочке катались... *не гребли, а целовались...* а потом ходили в кино на вечерний сеанс, вот и заворожилась сплетня, поднялась колготня, засудачили кумушки — вечные держатели деревенского лада, перемывая косточки Елизару с Даримой. Дальше — больше, и Елизарова родня прознала о том и толковала: мол, Елизар Калашников с ума спятил — сошёлся с Галсанкиной дочкой и собирается жениться на ней, и что нынче дееся на белом свете?.. Живущая в соседней избе тётка Ефимья, старуха сердитая, в древлей вере крепкая, всполошилась, стала выговаривать дикошарому племяшу, когда тот привычно завернул к старухе отобедать.

— Все монтёришь, лазишь по столбам? — повела она речь издалека, наливая в миску окупёвую уху.

— Знаешь, тётка Ефимья, загадку? — Елизар пребывал в шутейном настроении. — Вот отгадай, что за птица: летит, пищит, когтями машет?

— Отчепись ты от меня, пустобрёх, — досадливо отмахнулась старуха от шутника, как от надоедливой мошки.

— Ну, кто: летит, пищит, когтями машет? Что за птица?.. Слабо?.. Да монтёр же! Монтёр со столба упал... — засмеялся Елизар; тётка же смотрела на него, гадая: хворый он или придурковатый.

— Запищи-ишь скоро... и крылами замашешь, — осекла она его смех и сразу же повернула разговор к наболевшему. — Худларить¹ ты, гляжу, парень, большой мастак, чо и баить, а ты подумал своей непутной головой, какой грех на душу берёшь?

— Ты о чём это, тётка Ефимья? — невинно захлопал Елизар белесыми телачьими ресницами, соображая, однако, куда клонится разговор.

— Да всё о том, душа твоя фармазонья, что сбегишь собачью сладил, без венца Божия девку с пути сбил. Ох, накажет тебя Боженька, ох, накажет!.. Сбил её с панталыку, пузо нагуляет, принесёт родителям в подоле, Галсанка-то тебя по головке не погладит. Ты что же это девку баламутишь?!

— Всё-то вы знаете, — Елизар стал хлебать реже, не подымая глаз от миски, болезненно чувствуя, как разгорелись уши, и жар хлынул по щекам.

— Дак уж все уши прожужжали. Одне и разговоры теперича в деревне. Родно-то всю переполошил.

— А им-то какое дело до моего тела, — огрызнулся языкастый племяш. — Что вы все лезете?!

— Уж на что буряты без Христа в голове, а и те совесть имеют, и те видят блуд ваш. Срам-то какой, знали бы твои родители.

— Я уже не маленький, молоко обсохло на губах.

— А ты не зубаться с тёткой-то, норки-то не раздувай, — не испужаешь, а лучше послушай, что тебе добры люди говорят, раз толмач угы².

— Надоело слушать, сами уж с усами, своя голова на плечах есть.

— Во-во, голова-то с овин, да в овине клин. Только кепку и носить да девкам полоротым ум мутить. Больше у тебя ни на чо толку нету.

— Что вы ко мне пристали?! Я, может, жениться хочу.

— Сперва надо было жениться, а потом сходиться. Не мог по-божески...

— Женюсь, не поздно.

— Женись, хоть заженись... Жениться не напасть, да как бы после не пропасть.

— И женюсь, и никого не спрошусь!

¹ Худларить — врать, лукавить, творить непотребное.

² Толмач угы — понимания нет.

— Жени-ись, женись.

— И женюсь, наперекор вам женюсь.

— То-то заживешь — кум королю, сват министру... Галсанка — баян¹, денег, как вшей в заганнике, вот и будешь, как сало в масле, кататься. И невеста с приданым — сундук коленом подпират. Вот погуляю дак погуляю.

Елизар, зло прищурившись, терпеливо ждал, когда тётка Ефимья натежится, а потом сухо спросил:

— Всё?.. Ну, я пошёл, некогда мне с тобой тут рассусоливать.

— Женить бы тебя не на доброй девице, а на рябиновой вице. Ох, развожжался ты, парень, ох, плачет по тебе бич.

— Вышел я из детского возраста.

— Нич-чо-о, допрежь бы не посмотрели, что эдакий детина, выходили бы вожжами, враз бы шёлковой стал.

— Прошли те времена...

— То-то и оно... Ох, беда-бединушка, извередились, избаловались, креста на вас нету, прости, Господи, мою душу грешную, — тётка перекрестилась. — Ни стыда, ни совести... Пропадёте с такой жизнью... Ты бы, парень, лучше подобру-поздорову отступился, пожалел девку. Тебе же чо, поросу², раз калган³ не варит, наиграйся да кинешь, а ей-то, бедной, каково будет с такой ославушкой жить. Ты об этом-то подумал, мякинная твоя башка?! Да уж чо, уж руську-то, хошь никудышку каку, не мог сыскать?

— А мне хама угэ⁴, — русская ли, бурятка! — дурковато выкрикнул Елизар и, кинув ложку об стол, поднялся на ноги.

— А ты не реви, не реви, медведь, я пока ещё, слава Богу, не глуха те-терья. Шибко вольные вы ноне, всё вам хама угэ, но, однако, наплачетесь, навоетесь от своей воли, кровавыми слезами плакать будете. Своя воля — не Божья воля: страшнее неволи. Помяни моё слово.

— Да бурятки-то получше наших, понадежнее... — тут он помянул про себя недобрым словом свою прежнюю девчонку Веру, водившую его за нос да ещё и дразнившую: дескать, у меня миленка два, два и полагается... — Русская, бурятка... — лишь бы любовь, а на ваши суды-пересуды наплевать.

— Доплюёшься! Любовь... — передразнила тётка Ефимья. — Сплюбил красавицу, на всю округу славится. Любо-овь... Во всяку дырку её сүёте, как затычку. Понимали бы каку холеру... Слово-то Божье хошь бы не поганили. Какая любовь без благословенья, без венца...

— А это уж наше дело! — отрезал Елизар. — Нам жить, а не вам. И нечего мне указывать.

— О-ох, дуришь ты, парень, и не лечисся. Обалдень ты, обалдень и есть! Тьфу на тебя! — старуха сплюнула в сердцах, но тут же по древнему семейскому чину, отметнув два корявых почерневших перста, трижды перекрестилась на тёмные иконы, лепившиеся в красном углу, сломила спину в низком поклоне и лишь потом, отдышавшись, прибавила: — С греха с тобой сторишь. Был бы тут братка, тятка твой, да взял орясину, какой ворота подпирают, да отходил бы по хребтине — лишняя дурь-то мигом бы вылетела.

— Не те времена! — напомнил Елизар старухе.

— Рано ты, парень, за свою волю взялся. Со-овсем рассупонился. Сам позоришься и девку срамишь...

Она бы ещё и не таких попрёков наговорила, но Елизар, выведенный из терпения, так саданул дверью, что та чуть с петель не слетела, а в шкафчике под божницей жалобно бренькнула посуда.

После таких попрёков Елизар, смалу поперечный, задуривший себе голову *преlestными* книжками, как решила тётка Ефимья, а теперь, без отца-без матери, ещё и ухвативший жадно свою волю, зажил своим шальным умом. Он стал нарочно, наперекор старухе и деревенским кумушкам с крапивными языками, средь бела дня расхаживать со своей милой то под ручку, то в обнимочку; и когда они, весело щёбеча, выплывали из ограды, старухи на

¹ Баян — богатый.

² Порос — бык.

³ Калган — голова.

⁴ Хама угэ — всё равно.

лавочках, да и мужние жёнки поджимали губы сварливой гузкой, а ребятёшки бежали хвостом и орали оглашенно: “Парочка — баран да ярочка!.. Парочка — баран да ярочка!..”

* * *

Суды-пересуды строгих кумушек за спиной да за глаза ещё бы полбеды: не износишь рожу без стыда, говорит старинная пословица... Одно обидно было: и сверстники не шибко-то их жаловали. Иные молодые буряты откровенно с лютой неприязнью косились в их сторону, будто жалели своими мрачно суженными глазами, но помалкивали, а вот русские парни и в лицо, и за спиной такие шутки отпускали, что даже тёртые мужики, хлебнувшие вместе с матюжками фронтовой мурцовки, осуждающе качали головами.

Для храбрости осушив по чарочке крепкого портвейна “Три семёрки”, они гуляли под ручку, топя стыд в вине. Раздухарившись, как-то даже явился в клуб *на скачки* — так тогда называли стильный танец *шейк*, сменивший буги-вуги, хали-гали и твист. Елизар издали приметил парней, торчащих возле клуба, откуда уже рвалась на волю ревучая музыка. Подойдя ближе, он хотел было пропустить Дариму вперёд, чтобы войти в клуб так, будто каждый из них — сам по себе, но сообразил, что обидит тем девушку, да и таить им нечего: разнесли уж сороки на хвостах по заугольям и подворьям. Тогда он ещё крепче обнял Дариму и бодро подмигнул ей. Но многовёрстным и насадным почудился им короткий путь от калитки до клубного крыльца, ибо шли влюбленные навстречу напористым, насмешливым взглядам, словно оголившим, испарившим их вдоль и поперёк, будто брели они из последней моченьки против колочей, жалящей снежной пурги. По окаменевшему лицу девушки видно было, как она страдала.

Русские парни посиживали на перилах, словно петушки на насесте, коптели вечернее небо папиросным дымом и, заливая срамные байки горьким вином, ржали застоялыми жеребцами на весь дремотно обмирающий берёзовый парк, обступивший клуб со всех сторон. Видно, давно уж по ним каталяжка плачет...

Дарима, даже не поведав смоляной бровью, презрительно отвернулась и гордо вступила в клуб. Елизар тоже бы с превеликой радостью прошмыгнул мимо хмельной шатии-братии, но это означало бы вызов, и после танцев алчущая крови братва поджидала бы его возле клуба. Ладно, коли только нос набок своротят, красной юшкой умоют, а могут же и поизгаляться властью и так отбучать, что век будешь *работать на аптеку*. Словом, пришлось с достоинством пожать нехотя поданные руки, достать пачку болгарских сигарет с фильтром, которую они тут же ополовинили.

Разбухшую дверь открыли на полный отмах, и валом повалил из клуба густой потный дух, взбаламученный пляской и диким ором “Бони М”, который парни переводили на деревенский лад: “Варвара жарит ку-уу-уррр!..”. Возбуждённый заморским рёвом, Елизар чуть было не нырнул в оглушительный ор и в бешеную пляску, но его придержал рослый чернявый парень по кличке Чечен, который и по малолетке, и позже не раз хлебал лагерную баланду, чем и кичился перед зашуганной братвой, верховою среди *архаровцев* — *держал мазу*. Хицно блеснул он жёлтой фиксой, цвиркнул слюной сквозь зубы и, доверчиво склонившись к Елизару, спросил:

— Твоя чувиха? — мотнул курчавой головой в сторону двери, за которой уже растаяла в полумраке Дарима.

Елизар невольно покраснел, растерянно улыбнулся и пожал плечами.

— Твоя... Ништяк бикса! — отставил толстый палец, в отличие от других не иссиненный тюремными наколками. — Ну, и как она, ничего?

— Да ничего, — с трудом растянув сведённые ознобом губы вымученной улыбкой, пожал плечами Елизар, уже тяготясь столь пристальным вниманием бластного жожака.

— Ну, и как она... — едва он успел досказать своё беспардонное замечание, как его подпевалы от хохота горохом посыпались с крыльца, а Елизар, хоть и заломила душу горькая обида, хоть и ненависть к Чечену мучи-

ла взор, всё же улыбнулся старательно и, чтобы усмирить дрожащие руки, отбросил недокуренную сигарету и тут же запалил другую.

Тоскливо было у него на сердце, но он понимал, что с жиганьём надо ладить, иначе так выдубят кожу, что небо покажется с овчинку, костей не соберёшь после этих костоломов — сразу можно домовину заказывать. Нет уж, лучше миром решить, потому что на кого обижаться-то?! Так, пьянй подзаборная, ждущая только поживы, над чем бы позабавиться.

— Нет, ты, карифан, *побазарь* с нами, скажи, как она тебе, — Чечен ухватил Елизара за плечо, когда тот пошёл было мимо них в клуб.

Миром и ладом не завершился бы пьяный *базар*, если бы, как весной на проводинах Баясхалана, не выпал из густой темени Дамбиха-хулиган, которого Чечен, хоть и ростом был на голову выше, боялся, как чёрт ладана. Хотя Дамбиха и бражничал с лагерными, но срамных намёков о бурятской деве, конечно, не потерпел бы.

— Чего развеселились? — не здороваясь, угрюмо спросил он Чечена, угодливо соскользнувшего с перил. — Выпить есть?

— Откуда?! — суетливо отозвался Чечен. — Разве что щенков пошмонать.

— Дайте закурить, — Дамбиха, шаря налитыми кровью глазами по притихшим щенкам, протянул руку, и Елизар торопливо сунул ему услужливо открытую пачку. — Ну, как, паря, жись?

— Жись... только успевай, паря, держись, — бойко, по-деревенски отозвался Елизар.

— С Даримкой сошёлся... — Дамбиха тяжело и мутно всматривался в Елизара. — Не нравятся мне ваши шашни. Ты или женись на ней, или не дури девке голову. Я на проводинах пожалел тебя, парень, но если Даримку обидишь... башку оторву. Понял?..

После танцев за Даримой увязалась подружка Зоя — белая, пухлая, болтливая, как сорока, похожая на Веру Беклемишеву, бывшую коварную зазную Елизара. И зазвенели в низенькой избёнке гранёные стаканы, туманом выстелился сигаретный дым, заиграл принесённый Даримой с гурта магнитофон, и пьяный Елизар, забыв свою раскосую подругу, скакал под музыку с синеглазой, игривой девчушкой, стуча копытами в скрипучие половицы; а уж под сладкие стоны рокового танго так обнимал и оглаживал расpiraющие тонкое и скользкое платье щедрые Зойкины бока, что охмелевшая дева повисла на его плечах, томно смежив белесые ресницы. Бог знает, к чему бы привели их пьяные обжимания, но Елизар опомнился... Далеко-далеко, словно в степи, на островке бледного света, увидел он одиноко и неприкаянно сидящую Дариму; увидел и опалился виной, и уже не зарился на Зойку — синеглазую, пышногрудую, русокоую.

* * *

Ревнивая бабья колготня, косые взгляды, насмешки парней раздражали и Елизара, и Дариму, но лишь светлым днём, ночами же их руки сплетались в изыанной темени и тиши, голоса сливались с предрассветным птичьим журчаньем. И двадцать лунных ночей и синих рассветов, дарованных судьбой или уворованных у неё, пронесли со свистом, как одна ветреная мартовская ночь, отгорели, словно зимняя заря. Приспел срок Елизару возвращаться в университет, где надо было переводиться на заочное, чтобы потом играть свадьбу. В последний вечер, лишь явилась Дарима, кинулся парень прикупить винца и закуски, чтобы устроить прощальный сабантуй.

Вернулся и, замычав от досады, хлопнув по своей беспутной голове, увидел беспризорно брошенное на столешне материно посланье, писанное старшей сестрой под сердитый и слезливый говорок матери. Мать писала: дескать, слышана я от родичей, что сынок мой ненаглядный... стыд и срам на мою седую голову!.. не убоявшись Бога, без родительского благословения, без Божьего венца округился с Галсанкиной дочкой. Деваха она бравая, смалу работливая, домовитая, и душа у неё добрая, а всё одно, не будет ему, чаду неразумному, материного благословения. Оно, конечно, еравнинские буряты,

а особенно Дугарнимаевская родова, люди простые, к русским приветные, а всё живут своим степным уставом, и не след нашему брату совать свой русский нос, куда не просят, — дескать, дружба дружбой, а табачок врозь. А по-сему надо Елизару, коли не поздно, отступиться от девки, пожалеть её и не морочить голову. Либо уж жениться, коль Дугарнимаевы не против того.

По тусклому, ускользающему взору девушки Елизар понял, что письмо читано и пережито, благо, что хоть слезами не залито; и весь этот грустный вечер материны причитания стояли между ними серой и тоскливой преградой, мешая любовному блаженству, заставляя думать о будничном, земном.

— ...Ты скажи мне прямо, ты как со мной, по любви или?.. — пытал он девушку, разметавшись по широкой кровати с литыми чугунными козырьками; и Дарима, смугло светясь во тьме прохладной наготой, завесив Елизарово лицо ливнем смоляных волос, переспрашивала:

— Или как гуляющая?..

— Ну, ты, милая, к словам-то не цепляйся. Я серьёзно...

— Ты ещё сам не решил, себя спрашиваешь.

— Нет, я решил: не жить мне без тебя... Нет, ты скажи мне: ты-то по любви?

— Дурачок ты, дурачок, — нежно целовала она его в лоб сухими губами, потом в щёки, в шею. — Если б не любила... Думаешь, легко мне...

— Понимаю, милая ты моя, любимая... — сострадательная душа его виновато ныла, взгляд туманился слезами. — Ну, ничего, поеду в Иркутск, заверну к матери и всё улажу. Мать, она добрая, поймёт, что мы любим друг друга. Да и никто нам не указ...

— Никто! — не желая думать и тревожить душу, торопливо соглашалась она. — А всё-таки жаль, что ты не родился бурятом...

Елизар засмеялся, попытавшись вообразить себя бурятом.

— Да я уж подле тебя бурятом стал. Би шаамда дуртээб... Правильно, Дарима?

Девушка привычно улыбнулась его корявому выговору и с кокетливой ревностью спросила:

— И многим ты говорил про любовь?

— Я и ещё кое-что знаю... — решил он подразнить ревнивую зазнобу. — Шы намэ тальштэ? Верно сказал?

— Можно догадаться.

— Мне порой чудится, будто я давным-давно толкую с тобой по-бурятски, и живём мы на степном гурту, в войлочной юрте...

— В Еравне ни одной юрты не осталось, все давным-давно в избах живут.

— А жаль... Я бы в юрте с тобой жил, пил бы арзу¹, арагушку² молочную. А давай вообразим, что это юрта... Очаг разведём, дыру в потолке прорубим, чтобы дым вытягивало, настелим войлочных потников под божницей, будем полёживать и... — неутолимый Елизар обнял девушку.

— Успокойся, — Дарима заслонила от него ладошками.

— Красиво: белая долина — сагаан гоол... ночь... в отдушину над очагом смотрит белая луна... сияют звёзды... и мы в юрте с тобою вдвоём, и я играю на хуре...³ Вот так, — он спрыгнул с кровати, сорвал со стены старенькую гитару, на которой изредка брэнчал, и, подыгрывая себе перебором, с нарочитой печалью запел:

*Синий-синий иней лёг на провода,
В небе тёмно-синем синяя звезда...*

— Нет, — он отпихнул гитару, — я бы пел по-бурятски, и горел бы костерок в очаге, и мы полёживали бы на белом войлоке, и...

— Одно у тебя на уме, — засмеялась Дарима. — Ты пошто такой беспокойный?! Наши ребята спокойнее... У тебя, однако, в каждом селе по невесте.

¹ Арза — молочная водка двойного перегона.

² Арака — хмельной молочный напиток.

³ Хур — струнный инструмент.

— Льстишь... Да нет, какие там невесты. Успеха не имею у вашей сестры... А вообрази, что мы не в избе, а в юрте, возле горящего очага...

Избёнка была ветхая, с неудобно торчащим посередине столбом, подпирающим круглую матицу, срубленную из тонкого ствола, покрытую облупленной известкой, едва удерживающую провисший потолок. Избёнка эта перепала Елизару от родного дяди, пожилого бобыля, который пустил племяша на лето под её ветхую крышу, наказав сестре, старой тётке Ефимье, присматривать за ним, и укатил к брату в Улан-Удэ. Бобыля избушка до прихода Даримы сроду не ведала путной уборки, не говоря уж об украшении: сквозь пыль и сажу, скопившиеся на её стенах и потолке, она смотрелась совсем неприглядно и походила скорее на укырку — забегаловку, чем на человеческое жильё. Сюда, как на проходной двор, смело заворачивали все, кому не лень, кому негде было выпить и потолковать о жизни. Гостили прежде у дяди, гостили теперь и у Елизара, а случалось, сморенные вином, и почивали и Дамбиха-хулиган, и его шальные дружки. На убогую заезжую, на *приблудище*, как ворчала старая Ефимья, изба походила и образом своим, и образом жизни своих обитателей. Летом по самую крышу заросшая дикой лебедой и крапивой, зимой тонущая в снежных наметах, она и внутри казалась нежилой без тёплой, домовитой бабьей руки. Елизар и харчевался, и частенько ночевал по соседству, у тётки, у неё же держал и кое-какую одежонку, и документы; но из-за Даримы питухи и лоботрясы отвадились от дома: раза два она взащей их вытурила. Она выбелила стены, выскребла толстые половицы, промыла окна, завесила их желтоватыми шторами, — словом, наладила бабий уют. Она хоть и родилась буряткой, хоть и выросла на овечьем гурту, а всё же по-женски чувствовала домашнюю красоту, любила и умела её устраивать. Но теперь Елизару стало мерещиться, будто в избёнку закрался бурятский дух. По-прежнему светились в сыром и тенистом красном углу иконы Божьей Матери и Николы Угодника, обряженные в медную, с прозеленью, узорчатую ризу; по-старому в тесном закутке желтел и вспыхивал в отсветах печного огня древний, с начеканенными на нём царскими медалями величавый самовар; и вроде ничего исконно бурятского в избушку и не прикочевало — ни медных божков-бурханов, пузатеньких, многоруких, многоглазых, ни халатов-дэгэлов — и всё оставалось в избёнке так же, как было при дяде, тем не менее, чуял Елизар бурятский дух. Не радуясь ему, но и не огорчаясь, он его особо ощущал, когда в избёнке домовничала Дарима: резала на столешне домашний сыр хурууд, перемешивала сухой творог айрахан, варила суп с бараниной и самодельной лапшой, запаривала зелёный чай, забелённый сливками: перед тем как заваривать, она настругивала его пластинками с большой чайной плиты.

Иссякла и последняя ночь. Ближе к рассвету убаюканная, заласканная Дарима, кажется, забыла про письмо; спала, вольно разметав по белой простыне своё смуглое тело, которое просвечивало сквозь облепившую её грудь белую исподницу. До сей поры толком не познавший первородного греха, порой даже и не веривший, что это ему, пеньку корявому, послана на ложе такая краса, Елизар всё гадал, как жить дальше. Ему не спалось, он вставал, пил чай, а под утро, всё уже передумав, решил снять в Иркутске угол, в селе у родителей сыграть свадьбу, позвать, конечно, и родичей Даримы, а потом укатить с женой в город, чтоб не мозолить глаза деревенской родне. От такого простого решения на душе у него прояснилось, и Елизар, не дожидаясь утра, разбудил Дариму, чтобы сказать ей своё веское слово, но она лишь слабо улыбнулась ему в ответ и опять смежила усталые веки.

* * *

Денно и ночью строчил он ей многостраничные, написанные мелким почерком письма, исполненные грусти и тоски, и, надоедая девушке в окошечке почты, выдававшей письма “до востребования”, ждал ответа, но приходили от неё письма редко, были они коротенькие, смутные, хоть и стояли в конце *целованья-обниманья* да *ожидания*. Потом Елизар с месяц отваялся на боль-

ничной койке — сломал ногу, — и поздней осенью с чёрной тростью, взятой напрокат в аптеке, явился в село, откуда недели две не получал ни ответа, ни привета. Истомилось его сердце, трепетала нетерпеливая душа...

От нехорошего предчувствия не находя себе места, обойдя свою избёнку стороной, завернул он к тётке Ефимье, которая за стаканом горячего чая поведала ему, что с полмесяца назад Чечен со своими дружками ножом заколол Дамбиху. Их посадили в кутузку, а парня хоронили всем селом.

— Царствие ему Небесное — по недомыслию не думая о том, что убиенный был степняк, бурят и вряд ли был крещён в христианскую веру, а возможно, и не верил ни в Бога, ни в лукавого, тётка Ефимья привычно перекрестилась в красный угол, откуда в сумраке отсвечивали древние образа. — Упокой душу раба Божия... Отмучился, бедолага.

Да, успокоилась хмельная и неприкаянная Дамбихина душа — беспечально вздохнул Елизар, всегда, казалось, знавший, что добром парень не кончит: либо пьяный в сугробе замёрзнет, либо в озере утонет, либо сгорит от вина, либо найдёт его разбойничий нож.

Горюя о дружке своего счастливого жаргалантинского детства, побрёл он в избёнку, по самые застрехи укутанную лебедой и крапивой. Долго неподвижно сидел он в сырой, насыщенной нежилым плесневелым духом, промозглой избушке, тревожно отмечая про себя, что в кути и горенке не осталось ничего, что напоминало бы Дариму, — ни цветастого байкового халата, ни другой одежки, привычно висевшей возле двери на резных деревянных вешалах; и лишь старая кровать, туго затянутая пикейным покрывалом, ещё зримо, подогревая иззябшую кровь, являла воображению бессонные, яро и беспамятно сгоревшие летние ночи.

На столешнице, ещё пуще растревожив Елизара, белела пачка писем, сочинённых им за два иркутских месяца, с байкальскими видами и полинявшими сплюснутыми цветочками, которые он исподтишка рвал в Тихвинском сквере и вкладывал в конверты для своей любимой. Пока ещё не соображая, куда бежать, стал он просматривать влажные, слипшиеся письма, то печальные, тоскующие, то раскалённые, словно захлёбывающиеся страстью; и невольно перечёл вписанные в них стихи Намжила Нимбуева, отичи и дедичи которого жили в соседнем айле Усть-Эгите. Елизара в своё время потрясла ранняя смерть Намжила. Стихи его, похожие на короткий и счастливый летний сон, так согласно и счастливо легли в Елизарову душу, что порой казалось, будто они пелись его грустным и ликующим сердцем, вызревали долгими и светлыми иркутскими ночами; и так стихи разбередили его тоскующую душу, что Елизар не удержался и переписал их для Даримы.

Будь у меня голос, —

неожиданно для себя вслух стал он читать стихотворение, не заглядывая в листок, —

*Атласный, гортанный,
Словно гарцующая
На цыпочках сабля,
Пел бы о бурятках,
Коричневых, как земля,
Об алых саранках,
Сорванных на скаку,
О пылающем солнце,
Запутавшемся в ковылях...*

Не солнце алой саранкой расцветало и пылало над Елизаром и Даримой в степной ночи, а бельмастый месяц отчуждённо и холодно висел над увалом, с мудрым покоем следя за влюбленными, летящими на пастушьих конях над сонными травами и, спешившись, припавшими к голубовато-белой степи.

Елизар вырвал из конверта другое письмо и опять прочёл шёпотом:

*Здесь женщины смуглы —
Они в долинах целовались с солнцем.
В них молоко томится,
Мечтая жизнь вскормить.
А брови гнутые над изумленьем глаз —
Как ласточек стремительные крылья...*

Сквозь испещрённые синими чернилами мятые листы стало проступать, оживая, Даримино лицо, мягко округлённое, смуглое, с пугающей и манящей тайной в чёрных, как ночь, глазах; девушка явственно уже присутствовала в сумрачной избушке, когда он читал последнее, сочинённое за неделю до приезда, слезливое письмо и приложенный к нему стих:

*Милая,
Спичку зажги
Или пошарь выключатель!
Месяц разлуки с тобой —
Самоизгнание в ад!
Руки ослепли мои.
Тепло твоих рук позабыли.
Глаза позабыли глаза,
Волосы — волосы,
Губы — губы...
Милая, здравствуй!*

Сидеть сиднем в избушке стало уже невмоготу: сиди не сиди, добра не высидишь. Встревоженный и обиженный на Дариму — не могла уж встретить!.. — Елизар на ночь глядя отправился на бараний гурт. Ковылял суетливо, опираясь на чёрный батожок и не слыша, как начал ласково нащёптывать девушке свои укору и упрёки. Ну, да милые бранятся — только тешатся...

* * *

Даже при здоровых и быстрых ногах степной просёлок показался бы ему мучительно долгой, словно в поднебесье, к небожителям-бурханам, вечной дорогой — так рвалось его сердце, так истосковалось оно по Дариме, уносилось, крылатое, вперёд так быстро, что и не поспеть хромым шагом, так хотелось ему махом перескочить увал и спешиться возле загаданной и желанной. С едва переносимой мукой доскрёбся он до гребня увала-добуна, до сиротливой берёзы, где присел, чтобы дать передышку непослушной, ноющей ноге; но тут, возле онго хухан, такие нахлынули воспоминания, что сил не было сидеть, и он, похрустывая зубами от боли, стреляющей в ногу, кривя рот, похромал дальше, всем телом наваливаясь на батожок.

Недалеко от берёзы отковылял Елизар, обернулся — приглязнилось ему, что некий мрачный дух зловеще глядит ему вслед, что корявая берёза, чернеющая на увале, похожа на старую каргу-ведьму, на побирушку-нищенку: стылый ветер треплет её жалкие лохмотья, едва прикрывающие древнюю иссохшую плоть, а руки-сучья молитвенно, изломанно тянутся к моросящему дождю небу, где из туч вдруг выскользнул узенький месяц... И показалось ему, что вся она, как неприкаянная бобылка, трясаясь на ветру и раззявив беззубый рот, хохочет вслед, и смех её катится с увала клубами, хлещет Елизарову спину.

Мало радости от охлаждающего душу видения, и хоть свербела натруженная сломанная нога, Елизар прибавил ходу. Уже впотьмах добрался он, чуть не на карачках приполз на гурт, тепло и сонно желтеющий окошками. Уже в самой хангал дайде, благоухающей незримыми цветами, он снова и снова проговаривал ласковые слова, какие будет шептать Дариме, оглаживая её капризно изогнутую спину, уткнувшись лицом, чтобы не заметила слёз, в её волосы, пахнущие сухим клеверным ветром; и даже с Галсаном Елизар толковал, просил отдать дочку за него замуж, потому что без неё ему и жизнь не в жизнь; и уж Галсан, повздыхав, поцокав языком, благословил молодых.

“Все будет ладом, все будет хорошо, парень...” — взбадривая свой смятенный дух, шептал Елизар жаркими, пересохшими губами; но лишь вывернул из-за угла длинной бревенчатой кошары, где за стеной шебаршились и блеяли овцы, лишь шагнул в сторону избы, как тут же, словно от прямого и садкого удара в лицо, отпрянул назад... Угарно кружилась голова, не держали ослабевшие ноги, сердце стиснулось впервые отведанной ревнивой болью: на лавочке, в уютной полосе света, падающего из окна, тихо-мирно сидела Дарима в обнимку с Бадмой Ромашкой.

Прячась в густой вязкой тени, прислонившись к венцам кошары, дышащей пахучим кислотным бараньим теплом, Елизар смотрел не мигая и со странным, болезненным сладострастием точил сердце мукой; мало того, ему даже нестерпимо хотелось, чтобы Дарима с парнем не просто сидели, обнявшись, а чтобы ласкали друг друга, — тогда бы, кажется, сердце омылось последней, рвущей душу, короткой болью, после чего разлился бы во всем теле сонный покой, или вместо оглушительной растерянности вся его суть заострилась бы в ясном чувстве — в ненависти к Дариме; но они сидели, не ворохнувшись, ласково ворковали — ночной ветерок доносил невнятные голоса и смех девушки.

Сроду Елизар не чувствовал себя таким одиноким и сиротливым, словно вышибленный из седла на счастливом и ярком скаку и брошенный в холодной и голодной, мёртвой степи. Долгим и мучительным стал для несчастного парня обратный путь: он останавливался и, кусая губы от лютой обиды, клял девушку последними поносными словами, но потом спохватывался и, надеясь, что всё переменится, и Дарима, родная и тёплая, опять будет с ним рядом, — разворачивался, делал несколько шагов в сторону гурта, но тут же осаживал себя и ковылял к деревне.

Возле берёзы, такой же сирой и убогой, как и он теперь, упал Елизар на траву и заплакал; свет голубой выкатился из глаз вместе со слезами, и были они хоть и жидки, да едки — горько их было глотать. “Видно, мой талан¹ съел баран, — пробудился в нем материн голос. — Кому вынется, тому сбудется, не минуется... Не вынулось, не сбылось, зря тряпочки вязал на счастье...” С болью и горечью припомнил он, как летел сломя голову к берёзе, суетливо приматывал к её сучьям распластанный платочек, а Дарима, ещё не очнувшись после того, что так стремительно случилось, куталась в Елизаров пиджачок; и опять обида и ненависть стискивали до хруста его зубы, и опять, точно под крылом коршуна, под рукой парня-художника привиделась ему она, обвинившая гибкими руками его шею, — руками, которыми ещё недавно, обморочно заводя глаза, бессвязно шепча расслабленными, влажными губами, тербила его чуб, судорожно оглаживала шею, лицо; от такого жуткого видения хотелось ревья реветь, грызть сухую дернину, колотить в неё яростно стиснутыми кулаками.

— И что она в нём нашла?! — на всю степь, чёрную, непроглядную, стонал он и плакал, как в детстве, когда ребяташки отнимали дорогую, заветную игрушку. — На кого она меня променяла?! — вместе с приливами вскипевшей крови стучал в ноющий висок один и тот же вопрос.

Эта первая ночь в деревне показалась ему ночью последней — такая простиралась кругом зябкая пустота без Даримы; и проснувшись в избе школьного приятеля, еще не протрезвев после злой и плаксивой гульбы, Елизар вдруг понял, что нашла Дарима в том парне одного с ней роду и племени.

* * *

Не радуйся нашедши, не плачь потерявши — вот заповедь, тогда ещё неведомая Елизару, отчего ликующими были его ночи, отчего так стремительно пришла расплата и отчего она была такой мучительной; но, как говорила тётка Ефимья, сердце заплывчато, обида забывчата: и хоть не уходила Дарима насовсем из его тоскующей памяти, но уж другая припала к сердцу, и была она одного с Елизаром роду-племени; а благоуханная цветочная земля — хангал дайда — и белая степь — сагаан хээрэ, — и смуглая девушка, скачущая от берёзы к синеватому месяцу, поминались уже как сон, красивый и счастливый сон, в котором не было злости и обиды.

1989—2012

¹ Талан — удача.

АЛЕКСАНДР ПОШЕХОНОВ

ХОЧЕТСЯ В РАЙ И В ТЮРЬМУ...

БАЛЛАДА О ЖИЗНИ

С. Д.

Я смою пыль дорог с усталого лица,
Я смою пыль дорог, как повседневный грим.
Пространство не объять, дорогам нет конца,
Повсюду чудеса. Но где он, третий Рим?

Всё суета сует, и в этой суете
Я был не раз пленён земною красотой.
Куда же я спешил? Наверное, к мечте,
Которая всегда останется мечтой.

В лихие времена брал клятвы на крови,
Но птицы не спугнул, но зверя не убил.
И если говорить серьёзно о любви:
О, как же я любил, о, как же я любил!

Теперь не сосчитать изношенных сапог,
Теперь не пожелать себе судьбы иной.
Чего же я искал? Коль веру — видит Бог,
Она была со мной, она была со мной.

ПОШЕХОНОВ Александр Алексеевич — автор двадцати поэтических сборников, член Союза писателей России, Лауреат православной литературной премии им. Александра Невского. Живёт в г. Череповце.

ДОМА

Постели мне, матушка, на сене,
Сеновалом вдоволь надышусь.
Пусть Рубцов приснится и Есенин,
Пусть приснится ситцевая Русь.

Стосковался я по сельской воле
В мировой нелепости смурной.
Пусть приснятся клеверное поле
И страды осенней дух ржаной.

Не хочу ни бурь, ни потрясений,
Ни свободы призрачной вдали...
Постели мне, матушка, на сене,
Как когда-то в детстве — постели!

* * *

Телевизор включу — катастрофы да войны,
Вот и сам уже — как на войне...
А в деревне моей жизнь легка и спокойна,
То ненастье, то солнце в окне.

А в деревне моей — ни козы, ни коровки,
Даже курицы — наперечёт.
Как холодная водочка из поллитровки,
Жизнь сегодня в деревне течёт.

Утром встану — воды принесу для полива,
Чтоб укроп зеленел и лучок.
Похлебаю с устатку ушицы счастливо —
И под полог, на правый бочок.

Телевизор включу — катастрофы да войны,
Вот и сам уже — как на войне...
Хорошо, что деревне живётся спокойно —
Лишь ненастье да солнце в окне.

Не ворчат старики, и старухи седые
Собираются к ним на погост.
По лугам да полям ивняки молодые
Горделиво стоят в полный рост.

Не слышать тракторов уже многие годы,
О комбайнах забыли давно.
Отдыхает народ. Всё у нас — для народа:
Телевизор, кино и вино...

БОЛОТНАЯ ПЛОЩАДЬ

Москвой не очаруется душа.
Теперь Москва — плацдарм для шабаша
Чертей из табакерки дяди Сэма.
Вот снова митингуют, голосят,
Подобны стаду сытых поросят,
Им русский дух — извечная проблема.

Таким, где больше горя, там и рай.
Мне неприятен их картавый грай,
Не восхищает мнимая свобода.
Я вижу в толчее раскрытых ртов
Продажных и безжалостных котов,
А вовсе не защитников народа.

Назваться “оппозицией” — не грех,
У государства тысячи прорех,
Несовершенны властные структуры...
Но чтобы с “заграницей” наравне
Плевать в лицо народу и стране —
Так могут только гнусные натуры.

* * *

Нервы мои на пределе,
Собственных мыслей боюсь.
Значит, на этой неделе
Я непременно напьюсь.

Может, виновна погода
В необъяснимой хандре?..
Может, не стало народа
В нашей пропащей “дыре”?..

Из телевизора снова
Хлещет сплошной “беспредел”...
Ни огонька, ни основы
Для жизнерадостных дел.

Где мы живём, в самом деле,
Как мы живём — не пойму?!
Нервы мои на пределе,
Хочется в рай и в тюрьму...

* * *

Как давно я песен не певал,
Что-то не до песен стало мне.
Светел дом, прохладен сеновал,
А живу, как будто на войне.

Каждый час, да что там — каждый миг
Смерть из-за угла в прицел глядит.
Выложены брустверы из книг,
В смотровые щели око бдит.

Пусть в руке моей не автомат,
А всего лишь ручка для письма,
Но блокнот осколками помят,
И шальная мысль сошла с ума.

Может, я от времени отстал
И в своих воззрениях нелеп?..
Может, “псом войны” безумным стал
И давно от бдения ослеп?..

Может, я утрирую, но мне
Стало нестерпимо самому
Жить на необъявленной войне
В светлом, не порушенном дому...

СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ Н. РУБЦОВА

Каково тебе в бронзе и камне
На людей с пьедесталов глядеть?..
Да тебе бы рядком с мужиками
На смолистом бревне посидеть.

Запалить сигаретку и, может,
Золотого винца пригубить.
Память-быль не спеша растревожить,
Толковать, чтоб вовек не забыть

Всё, чем прежде душа любовалась,
Всё, что в слово и в сердце вросло,
Даже самую малую малость,
Даже то, что бесследно ушло.

Не забыть...
В нашей памяти зримо
Образ твой выплывает из тьмы —
И святая строка Пилигрима
Озаряет сердца и умы!

* * *

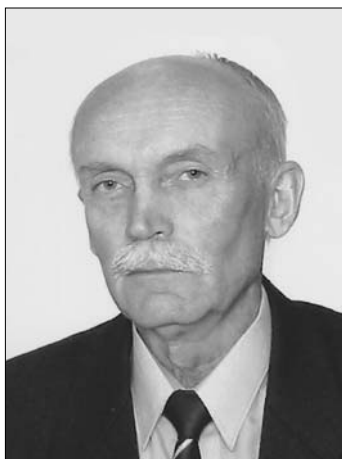
Бунтарский дух покоя не даёт,
Бунтарский дух тревожит сердца раны,
Он песни революции поёт
И жаждет правды в мире окаянном.

Он будит по ночам,
Он ясным днём
Мой бедный мозг томит негодованьем.
О, как уверен он,
Что только в нём
Чиста мораль и святы основанья...

А рядышком живёт моя душа,
Её страшат лихие мысли духа,
Она привыкла тихо, не спеша
Другие песни мне шептать на ухо.

Она привыкла мирно славить миг,
Прекрасный миг...
Она по-детски рада,
Когда ликуют на страницах книг
Бездонные слова любви и лада!..

ЛЕОНИД ЮЖАНИНОВ

ЦЕПИ РОМАНОВА

ПОВЕСТЬ

I

Студёным декабрьским утром 1601 года в Нырбокке, затерявшейся среди глухой тайги Перми Великой, поднялся переполох: готовились встречать престольный праздник Николин день. Накануне мужики вернулись с охоты с хорошей добычей, и сегодня во всех шести домах деревеньки спозаранку жёны, невестки и подростки дочери суетливо хлопотали около печей: варили, стряпали, мыли; тут же крутились невыспавшиеся ребяташки в надежде получить лакомый кусочек. Мужики, намявшие ноги по глубоким таёжным снегам, намерзшиеся за долгие промысловые дни, отлеживались на печках, переворачиваясь с боку на бок, довольно покряхтывая, даже сквозь сон чувствуя, как целебно вливается в тело ядрёное сухое тепло.

А на дворе хозяйничал мороз: трещали брёвна домов, звонко щёлкали жерди изгородей, сизо-белым инеем покрылись деревья, сухой морозный пар столбами поднимался к небу. Птицы попрятались, лишь какой-нибудь несмышлёныш-воробей взлетал из-под застрехи и тут же камнем замертво па-

ЮЖАНИНОВ Леонид Фёдорович родился в 1941 году в селе Редикор Чердынского района Пермской области. Окончил Березниковский строительный техникум. Работал на стройках Пермской и Воронежской областей, прошел путь от мастера до начальника цеха. Автор книг “Хлеб и кровь”, “Терновый венец” и др. Член Союза писателей России. Живёт в г. Россоши Воронежской области.

дал на смерзшийся снег. Изредка взывали собаки, словно накликаая ещё большую стужу.

После обеда мужики, не сговариваясь, собрались в избе Микитки Ларева. Сели за стол. На тяжелой сосновой столешнице, выскобленной ножом до жёлтого блеска, высился вместительный туес с пивом; жена Микитки, сутулая чернявая Окулина, разливала его по берестяным кружкам. Дочь их на выданье — пышнотелая, белолицая Марфа — подносила закуски: жареную зайчатину, пироги с рыбой, мочёную бруснику и солёные грузди в деревянных тарелках. Бабушка Аграфена, почерневшая и согнутая от старости, качала зыбку с младенцем, невнятно напевая что-то грустное. Архинка, восьмилетний отрок, худой, остроглазый, выскочил на улицу.

Мужики вышли по одной, а потом и по второй кружке настоянного на хмелю пива, разговорились. Хозяин — здоровенный мужичина лет пятидесяти, почти саженного роста, русоволосый, русобородый — восседал под образами. Слева прилепился к нему Сенка Дмитриев — тщедушный мужичонка, косоглазый и говорливый. Крепко захмелев, он настойчиво порывался рассказать что-то о Печоре, но хозяин властно останавливал его, не давая прервать начавшуюся беседу. Справа от хозяина — старший сын Варка, после женитьбы отделившийся от отца, живущий своим домом, тоже здоровый детина, но не дотянувший до отца: потоньше в кости, обличьем смахивающий скорее на мать; лицо у него было продолговатое, горбоносое, чернявое. Задумавшись, Варка сосредоточенно крутил тёмный ус. Рядом с ним сидел Ерёмка Бобыль — рыжебородый тощий старик со слезящимися глазами, веки которых так часто мигали, что невозможно было уловить его взгляд. На самом конце лавки примостился молчун Якуш Чёрный — сутуловатый, крепко сбитый, заросший русой, но ставшей от грязи и копоти серой, бородой до самых глаз.

— Че не байте, а пушнину чичас в Чердынь везти нету резону: воеводские отберут задарма, — хозяин потербил себя за мочку уха.

— Это уж так, — поддержал его Ерёмка Бобыль, — ишшо и побыют.

— Верно, — вставил своё слово и Варка. — Хошь и голодно, да надо ждать весны. Торговые люди по Колве сами поднимаются — тогда хошь худой, да прибыль будет.

— А я, когда на Печоре рыбачил, — успел встрять в разговор Сенка Дмитриев, — мы вот таких жерехов ловили! — размахнулся наотмашь, желая показать, каких больших они ловили, и как раз угодил хозяину по кядьку. Микитка слегка повел правой рукой и как муху смахнул Сенку с лавки. Тот молча поднялся и снова уселся на старое место.

В избу вошел староста Ивашка Нос — высокий костлявый мужик, глаза и волосы чёрные, а борода — будто с другого человека снята: рыжая, узким клином спускается чуть не до пояса; кожа лица бледная, морщинистая, рот большой, губы отвислые, отчего рот никогда не закрывался и из него косым частоколом торчали жёлтые зубы. Ходил Ивашка враскачку, ногами двигал, будто по пуду соли тащил на каждой, при этом выдававшиеся вперёд колени тряслись из стороны в сторону. Носил он короткую рваную шубу с оборками, полы которой не закрывали коленей. Острроверхий лисий малахай, торчавший на Ивашкиной голове колом, цветом и формой походил на его бороду, перевернутую кверху. Издали казалось, что у него две бороды: одна — на лице, другая — на голове. Валенки на нём были до того разношены, что посередке переломились, носки загнулись вверх, пятки протёрлись насквозь так, что соломенные стельки выглядывали наружу наподобие шпор. Говорил Ивашка низким, каким-то утробным голосом, сильно растягивая слова. Охотник он был удачливый, но ленивый. В деревне его не любили, однако побаивались: считали колдуном, знающим с чертями и прочей нечистой силой.

Ивашка чаще других возил в город пушнину, и мужики нередко доверяли ему своих соболей, белок да куниц, хотя и предполагали, что надувает он их крепко. Зато знали: хоть что-то из продуктов да одежды непременно привезёт. У старосты были в Чердыни знакомые купцы, и он редко возвращался с пустыми руками. А ведь зачастую бывало и так: охотник увозил в город

полные сани шкур, а приезжал обратно пустой, ограбленный да ещё и избитый воеводскими людьми.

— Мир да совет честному дому! — Ивашка Нос снял малахай, перекрестился на образа.

— Слава богу! — отвечивал Микитка Ларев. — Проходи, гостем будешь.

Мужики потеснились, и Ивашка сел рядом с Сенкой Дмитриевым.

— За святого угодника Миколая. — Хозяин поднял кружку.

Молча перекрестились. Выпили. Кто утёрся рукавом, кто грыз зайчатину, кто черпал деревянными ложками мочёную бруснику или подёрнутые аппетитной плёнкой грузди. Сенка безуспешно пытался подцепить ложкой в большом разрезанном пироге поленьевую сорожку.

— Да руками бери, лешой! — одернул его Микитка Ларев. — Кто-и-но ложкой-то рыбу жорёт!

Сенка осоловело поводил глазами, положил ложку.

— Ты, сват, не шибко-то нечистого вспоминай, и так глушь невиданная, давно ль тут нехристи жили, и всякой погани в тайге полно. — Ерёмка Бобль истово перекрестился.

— И то верно. — Микитка почесал бороду. — Но всё равно, ребята, здесь покойней, чем на родине — в земле Новгородской: ни барина, ни боярина. Летось землю наши, зимой белку бей!

Все, кроме Варки, родившегося уже здесь, поникли головами, закружились: будто вновь увидели края славные новгородские, словно годы молодые возвратились, молодые, да не сладкие. Вспомнили, как тридцать лет назад, спасаясь от опричников Иоанна Грозного, пришли они сюда, к Каменному Поясу, на волю вольную и основали у родника, в трёх верстах от неширокой быстрой реки Колвы, крайнее русское поселение. На север же от них и на восток кочевали по тайге *нечестивцы* — язычники: вогулы, остяки, зыряне.

— Ивашка, чего к тебе служивый из городу наезжал? — прервал затянувшееся молчание хозяин.

По лицу Ивашки пробежала тень, и Микитка понял, что задал неприятный вопрос, заставший гостя врасплох.

— Про дорогу справлялся, на Печору. Есть ли дорога, — медленно, как-то неуверенно ответил Ивашка.

— Куды ладишь, староста, пушнину сдавать? — снова спросил Микитка, чтобы увести разговор от неловкости.

— Ещё и не мараковал, наверное, в город повезу.

— Можя, и мою белку продашь? — наконец-то заговорил Якуш Чёрный, образовав в бороде щель, сквозь которую завиднелись белые крепкие зубы.

Но и тут встрял Сенка Дмитриев. Суетясь и подпрыгивая на лавке, он пьяно зачастил:

— Якуш, не давай, не давай, облапошит, истинный крест — облапошит.

— Мелешь языком-то, дурень! Кого это я облапошил? — Чёрные глаза Ивашки зло вперились в Сенку, блеклые щёки его нервно задёргались.

— Меня облапошил, сваток! Зимусь за мешок соболей и куниц привёз три пуда ржи да пять фунтов соли.

— За те твои шкуры и того лишка: у тебя половина товара порченого...

— С каких пирогов — порченого, да я соболя в глаз бью!

— Косым-то глазом?!

Сенка аж на ноги вскочил, готовый ринуться в драку, но Микитка тяжёлой рукой придавил его к лавке:

— Не шуми, пришёл в гости — дак сиди, как люди, не то выставлю вон.

В сенях кто-то настойчиво дёргал, колотил заледеневшую в притворе дверь, но открыть не мог. Якуш Чёрный, встав спиной к выходу, с силой лягнул дверь ногой, она с треском оторвалась от порога, распахнулась, и в избу в клубах морозного пара одна за другой вошли бабы — не было только жены Ивашки Носа. Истово помолились и расселись на лавке вдоль стены. Окулина, низко кланяясь и приговаривая: “Не обессудьте, гостеньки

дорогие!” — поднесла всем по кружке пива, и они, румяные от мороза, раз-
румянились ещё больше, скинули в угол овчинные шубы.

И вот уже с лавки сорвалась жена Сенки Дуня, такая же, как он, не-
угомонная, и пошла в пляс, заметая длинной посконной юбкой пол. За ней
вскочила сноха хозяев Анюта и дробно зачастила по половицам новыми лап-
тями. Увалисто поплыла огрузневшая старуха Ерёмки Бобыля. В круг встала
и ладная бабёнка Якуша Чёрного Катерина. Плясала она легко, раскованно,
ноги её в аккуратных белых чёсанках выделявали замысловатые коленца,
при этом раскрасневшееся полное лицо выражало счастливую отрешенность.
Хозяин схватил железную заслонку от печи и, ударяя по ней ножом, стал
наяривать плясовую. Сенка и Варка Микитин тоже не выдержали, выскочи-
ли из-за стола и пустились вприсядку; и пошла, пошла разудалая пляска под
слаженный напев:

*Уж ты винная ягодка,
Удалой добрый молодец,
У тебя же у молодца,
У тебя лицо белое,
Примени к снегу белому.
У тебя брови чёрные,
Как у чёрного соболя,
У черна у сибирского.
У тебя очи ясные,
Как у ясного сокола,
У ясна перелётного.*

Первыми не выдержали Сенка с Варкой: в изнеможении рухнули на пол.
Бабы, вспотевшие и довольные, что переплясали мужиков, уселись было на
лавке, но хозяева потащили их за стол. Окулина, снова с наговором: “Пей
до дна, пей до дна!” — и низким поклоном, поднесла всем хмельную чарку.
Бабы поотказывались для приличия, но сразу же вышли, утерлись концами
платков, и взлетела над столом песня, рванулась из избы на лютый мороз
и растворилась в окружающем деревеньку лесу:

*Не от ветру, не от вихорю
Сине море сколыбалось,
Сине море да Хвалынское.
Со синя моря Хвалынского
Летят белы лебёдушки
На батюшков на широкий двор,
Во матушкин во высок терем,
Во мою-то белу горницу.
То какие белы лебёдушки?
То мои кумы — подруженьки
С дорогими со гостинцами,
С дорогими со подарками...*

Расходились поздно вечером. Бабы, поддерживая отяжелевших мужей,
украдкой вздыхали, жалея, что вот и прошёл праздник, пролетела короткая
радость.

II

Вскоре после престола по утонувшим в снегу улицам Чердыни, главного
города Перми Великой, мчался крытый возок с казёнными гербами на двер-
цах. Две рослые тонконогие кобылицы, запряжённые гусем, заиндевели, не-
судно украшенные сусальным золотом, несли шибко, из их горячим ноздрей
клубами вырывался белый пар, с пахов жёлтыми хлопьями падала на доро-
гу пена. Ямщик, угрюмого вида детина с широкой бородой в сосульках, бе-
лой от мороза, и обмёрзшими кудлатыми бровями, в длинном нагольном ту-

лупе, закиданном бисером снега, летящим из-под копыт лошади, сердито передергивал вожжами и взмахивал длинным кнутом, стараясь достать переднюю кобылицу. Редкие прохожие шарахались в стороны, с удивлением и интересом поглядывая на крытый возок, невиданный в этих краях, отмечая по впалым бокам лошадей, что путь они прошли неблизкий. Возок, подпрыгивая, стучал передком по буграм неровно укатанной дороги, высекал коваными полозьями из вмёрзших кусков конского навоза искры, визжал на выскобленных до зеркальности раскатах.

На Яме — на окраине города — ямщик сменил лошадей, и возок по зимнику помчался дальше, на крайний северо-восток Русского государства, туда, где уже не было ни городов, ни столбовых дорог, а только тайга да тундра до самого Студёного океана.

В сумерках, отмахав сорок верст, лошади остановились в Нырбке у приземистой длинной избы старосты. Стену из неохватных сосновых бревен, выходящую на дорогу, прорезало единственное оконце, из которого сквозь бычий пузырь едва пробивался красноватый свет лучины. Тёмная фигура метнулась от избы, и возок тронулся в густой ельник, начинавшийся сразу за деревней.

Утром Архипка Микитки Ларева собрался ставить петли на зайцев. Принёс из сеней свитые тятей из конского волоса крепкие тонкие шнуры с заплетёнными на концах петельками. Чтоб заяц не учуял человеческого запаха, натёр их приготовленными с вечера пихтовыми ветками. Достал с печки толстые носки из овечьей шерсти, присел на голбец, поверх носков обмотал ноги портянками, обул лапти, перекрестил и завязал онучи, стащил с полатей гуньку — она ночью служила ему одеялом, — надел, застегнул крючки, подпоясался кушаком, помолился на образа в красном углу, набросил на голову собачий малахай, натянул на руки шубёнки и вышел во двор.

Мороз отпустил. Редкие снежинки кружились в воздухе и, казалось, не падали на землю. Архипка цыкнул в дырку между зубами и пошёл в ограду. В ограде, забитой поленищами дров, вкусно пахло опилками, сосной, серой. С натугой обеими руками Архипка выгацил воткнутый в толстый чурбак топор с коротким топорщиком, специально сделанным для него отцом, заткнул за пояс, забросил на плечо маленькие, под рост, голицы, обтянутые медвежьим мехом, и, открыв дверку в тяжелых тесовых воротах, вышел на улицу.

Дома деревни, беспорядочно разбросанные, придавленные на крышах толстыми пуховиками снега, снизу, от земли, заметённые так, что виднелись лишь верхние брёвна сруба, стояли, точно грибы-белоголовики — крепкие, приземистые. Необъятная тайга окружала деревню, лишь на задах белела узкая полоска полей да бугрилась пологим скатом пустошь у родника.

По наторенной лошадыми дороге Архипка направился в ближайший лесок. Далеко он не ходил: не пускали тятка с маткой, но зайцев и тут было много, и не только зайцев: бывало, прямо в деревню заходили волки, а то и медведи. Архипка сам однажды видел волка. Как-то вечером он погнал Воронку на водопой. Щёлкая плёткой, направил коня в лог, к запруде бьющего из-под земли ключа, не замерзающего в любой холод. Воронку, зная дорогу, уверенно вышагивал через пустошь, соединяющую лог с деревней, с другой стороны к логу вплотную подступал лес. Воронку приложился к студёной воде и, всхрапывая, медленно тянул её, обжигаящую губы холодом. Архипка, не доходя саженей двадцати до ключа, пинал по дороге смерзшиеся конские кругляши, зная, что Воронку сам вернётся обратно, поскольку дальше ему идти было некуда: крутом снега выше человеческого роста.

Неожиданно раздалось рычание. Из леса, вспахивая снег, выметнулась большая серая собака и резкими скачками понеслась к Воронку. Воронку тревожно заржал, повернулся крупом и с силой лягнул задними ногами, но промахнулся — собака увернулась, присела, затем, щёлкая зубами, рыча, начала заходить сбоку, выжидая момент, чтоб броситься на шею коню. Воронку, повернув голову, затравленно водил потемневшими глазами, наблюдая за собакой, и одновременно поворачивался к ней крупом, готовясь отбить нападение. Собака резко взвилась в прыжке, целясь перекусить горло коню, но мощный удар копытом отбросил её в сторону. Собака поднялась

и, хищно пригибаясь, снова стала заходить сбоку, стараясь перехитрить Воронка: броситься спереди. “Да это же волк!” — только теперь понял и сразу же страшно перепугался Архипка. Не помня себя и крича не своим голосом: “Волк! Волк!” — он припустил домой. Тятя в это время расчищал дорогу перед воротами. Услыхав крик, он как был с увесистой березовой лопатой в руках, так и побежал навстречу Воронку. Архипка обессиленно плюхнулся в снег. Он слышал злобное рычание волка, храп Воронка, глухие звуки ударов лопатой и стук своего сердца.

Тятя поднял его, поставил на ноги, отряхнул с гуньки снег:

— Ништо, Архипка, отбили кормильца, пока в хомут нельзя запрягать — потом затянет.

У Воронка на груди висел окровавленный лоскут кожи, вырванный волчьими зубами, правая передняя нога была исцарапана когтями. Воронка выходили, только с тех пор на водопой его всегда сопровождал тятя.

Архипка свернул с дороги, встал на голицы и легко заскользил по белой целине. Сухой снег колко блестел на свету, слегка пылил под голицами. Низкорослые ели и пихты, согнувшись под тяжестью снега, напоминали узкоплечих старух, идущих на богомолье. Как ни старался Архипка идти осторожно, но задевал деревья, и они, точно в отместку, осыпали его снегом, который падал за воротник, охлаждал шею и спину. Молодой подрост цеплялся за голицы, за ноги, словно не хотел пускаться в лес. Дальше деревья пошли реже и выше, вперемежку с елями росли берёзы и осины, рябины и ольхи, под ними густо переплелись звериные и птичьи следы.

На душе у Архипки было празднично и светло. Воздух пахнет хвоей, свежестью и ещё чем-то непонятым, захватывающим воображение. Дятел устало стучит по сухой лесине, красногрудые жуланы клюют мороженые ягоды рябины, синицы и ещё какие-то птахи перелетают с ветки на ветку. Хорошо!

Он остановился у молодой тонкой осины с ободранной внизу корой, заячьи следы частым кружевом расписали снег вокруг неё. “Обглодали не всю, только начали, значит, придут ишшо”, — подумал Архипка. Достал из-за пояса волосяной шнур, просунул конец в петельку — получилась круглая петля. Разложил он её около осины, свободный конец надёжно привязал к основанию ствола, сломал пихтовую веточку и всё вокруг припорошил снегом. Внимательно осмотрел свою работу: ничего не видно, никаких следов. Тогда он пошёл к следующей осине.

Неожиданно до него донесся непонятный звук: не то стон, не то плач. “Видно, заяц. Когда его поймаешь, он плачет, как ребёнок, до того жалобно, что хоть сам реви”. Прислушался: нет, не заяц. Архипке стало жутко, но любопытство взяло верх, и, преодолевая страх, он повернул на звук. Продираясь через ельник, Архипка приближался к волчьей яме.

Волчья яма — западня для волка. Если в деревне начинал пошалаивать волк, мужики выкапывали в лесу яму, большую, глубокую, забрасывали её ветками, сверху клали кусок свежей лосятины. Ночью, чуя запах мяса, волк подходил к яме, бросался на приманку и с треском проваливался вниз, откуда выбраться невозможно.

— О-у-у, — обреченно-тоскливо несло из ямы. Замирая от страха, Архипка приблизился к краю. На дне ямы, в углу шевелилось что-то мохнатое. Услышав Архипку, оно вскочило.

— Лешой! Лешой! — потеряв с головы малахай, не помня себя, Архипка несся домой. — Он влетел в избу: — Тятя, тятя! Лешой! Лешой! — грохнулся на колени, истово стал бить поклоны пред иконами, молясь Господу Богу.

Перепуганная бабушка Аграфена, бросив качать зыбку, в которой тут же заревел младенец, поспешила во двор за отцом. Тот насилу успокоил Архипку.

Выслушав сбивчивый рассказ сына, Микитка Ларев отправился в ельник, захватив с собой икону, вилы и топор. Неся на вытянутой руке икону и защищая себя тем от нечистой силы, Микитка подошёл к яме. Увидев икону, существо поднялось и, высвободив руку из глубокого рукава sobолиной шубы, двумя пальцами по-христиански перекрестилось; при этом на руках его тоскливо зазвенели цепи. “У-уф!” — у Микитки отлегло с души: нечис-

тая сила не крестится и, по поверью, при виде иконы исчезает. Под ним стоял юноша, на руках и ногах его висели цепи.

— Чей будешь, раб божий? — Микитка опустил икону, но выставил вилы.

— Боярин Михаил Романов сын Никитин, племянник Ивана Васильевича.

— Племянник Иоанна Грозного?! Врёшь, нечистый дух! — Микитка закашлялся.

— Вот те крест. — Боярин перекрестился.

— Почём знать, что ты племянник Иоанна свет Васильевича?

Юноша озябшими руками расстегнул шубу, откинул её назад, на плечах засияли бармы — парчовое оплечье, с которого на Микитку сердито глядели лики святых. Микитка смешался: бармы — знак царский. Юноша, гремя цепями, отрешённо стянул шапку. Давно нечесанные волосы его свалились в колтун. Маленькая чёрная бородка кудрявилась, обрамляя красивое, чисто славянского типа лицо, редкие юношеские усики подковкой охватывая волевой рот, соединялись с бородкой. Большие серые глаза смотрели на Микитку тяжело, беспокойно.

— А пошто ты здесь? Бояре — они в Московии правят.

— Борис Годунов сюда заточил.

— За чо он тебя заточил?

— Боится за престол. Решил всё гнездо Ивана Васильевича извести, царевича Димитрия в Угличе зарезал, остальных сослал кого куда.

— Дядя твой Иван Васильевич тоже немало люду извёл. — Микитка вспомнил, как опричники грабили новгородские деревни, как в реке Волхов сотнями топили ни в чём не повинных крестьян. — По его-то милости и мы в этой глухомани лешачим!

— Я за него не ответчик!

— Это так, тебя тогда и на свете не было. — Микитка устыдился своих упрёков.

— Кар-р, кар-р! — злобно раскаркалась ворона, уюстившись на высокой сосне, одиноко стоящей среди елей и пихт.

— Кыш-ш, вещунья! — Микитка махнул вилами, и она, осыпая снег с разлапистой ветки, лениво помахивая крыльями, улетела.

— Одейся, боярин. Зла за спрос не держи. Напужались мы шибко. — Микитка почтительно снял затасканную баранью шапку, сунул её за кушак, поклонился в пояс.

— Выручи меня отсюда, душа христианская, не знаю, как звать-величать тебя. — По обмороженному лицу юноши пробежали судороги.

— Микитка я, Ларев. Как тебе пособить — и не ведаю. О-хо-хо! Боярин, боярин. Душа невинная. — Он потоптался, надел шапку, снова снял.

— Чичас отрока пошлю, еды тебе принесёт. А уж как вызволить — и не ведаю. — Микитка повернулся, поднял Архипкин малахай и с непокрытой головой заскользил голицами к деревне.

III

Стрельцы не спали всю ночь: не давали покоя клопы и тараканы. Лишь под утро усталость сморила их, да и паразиты к рассвету утихли. Первым, около обеда, проснулся Тушин — начальник стрельцов. Лежа на двух грубых лавках, застланных тулупом, он принялся рассматривать жилище старосты. Вчера вечером при свете коптящей лучины он толком ничего и разглядеть не смог.

Изда Ивашки Носа была около десяти квадратных сажен. Русская печь, сбита из глины, занимала четверть избы, от печи до противоположной стены тянулись полати. Печь топилась по-чёрному, без трубы: прямо над челом в потолок было вырублено отверстие, через которое дым вытягивался на улицу. Толстые брёвна стен, потолок из широких плах, да и сама печь были черны от сажи. По ним полчищами сновали тараканы, а на потолке красными гроздьями висели клопы. Тушин с омерзением содрогнулся. Дневной свет сла-

бо проникал через два оконца, закрытые бычьими пузырями. В избе, кроме неуклюжего, грубо сколоченного стола и таких же лавок вдоль стен, ничего не было. Тушин поднялся, зло сплонул на деревянный пол, затоптаный до того, что он казался земляным, растолкал спавших на голбце двух стрельцов.

На улице закриштели сани, и в избу ввалилось четверо отставших в дороге стрельцов, везших на подводах поклажу. Вместе с ними приехал и чердынский тиун Иван Петрович — маленький, юркий, с рыжей бородой и бегающими вороватыми глазками. Убрав лошадей, в избу вошёл и староста.

— Злодей не убёт? — строго спросил его Тушин.

— А куды бечь-то, гольные снега. — Ивашка Нос смачно высморкался под порог.

— Что за скотство! — Тушин едва не ударил Ивашку.

— Чеино, ваша милость, мы люди тёмные.

— Чеино! Эх, ты, зверь лесной! — Тушин начал одеваться. — Собирай людишек.

Староста обошёл избы. Жители деревеньки, включая ребятишек, собрались в проулке между домами. К ним примкнул вышедший из лесу Микитка Ларев, он сообщил нежданную весть. Бабы, закутанные в серые шали из овечьей шерсти, концами их уже утирали глаза. Ребятишки жались к матерям, держась за длинные, до пят, холщовые юбки.

Тушин, Иван Петрович, стрельцы и староста медленно приближались к собравшейся толпе народу. Разномастные пушистые собаки с загнутыми крючком хвостами сопровождали их злобным лаем.

Ивана Петровича узнал Ерёмка Бобыль:

— Гляди-ко, паря, тиун воеводский! Зимусь я в Чердынь белку возил, так он меня едва живота не лишил: белку отбирал, а я не давал, и шибко меня тогда воеводские побили. Побили и белку увезли!

— Осподи, осподи, помилуй нас!

Вперёд вышел Иван Петрович:

— Холопы, с вами будет говорить начальник из Москвы Роман Андреевич Тушин, — и тут же спрятался за спину Тушина.

Мужики стянули шапки, обнажив нечесанные головы.

Тушин переступил ногами, похрустел снегом, запахнул длинную медвежью шубу, поправил богатую шапку. Он был средних лет, чёрный, с редкой татарской бородёнкой, большеротый, коротконосый. Взгляд маленьких чёрных глаз из-под кустистых бровей был зол и полон ненависти: из зрачков его будто лилась ядовитая желчь.

— Слушайте, людишки ныробские! По царскому указу привезли мы сюда страшного злодея, который хотел извести колдовством благоверного государя Бориса Феодоровича. Живо навалите брёвен и накройте злодею яму. И упаси вас Боже болтать о том, что увидите.

Крестьяне медленно потянулись в ельник, к волчьей яме. Мужики рубили деревья, очищали их от сучьев, готовили накат. Стрельцы опустили лесенку, узник поднялся из ямы. Затем двое из них спустились в яму, сложили из камней нехитрый очаг. Вылезли, потом сбросили вниз огниво, трут и берёзовые поленья.

Тушин командовал. Мужики быстро накатали на яму брёвен, сверху навалили камней и мерзлой земли, оставив вход в полсажени.

Узник молча смотрел на своих палачей. Мужики, бабы, ребятишки — все глядели на него с жалостью, со страхом, однако, косясь на Тушина. Узник был хорош собой и могуче сложен. Железный ошейник охватывал его шею, давил плечи, ручные и ножные кандалы соединялись цепью с ошейником, и всё вместе замыкалось тяжёлым замком хитрой работы. Эти огромные оковы весу имели до трёх пудов, а узник, казалось, и не чувствовал их на себе. Только бледность лица да вздрагивающие губы выдавали его волнение.

— Ну, боярин Романов, опочивальня тебе готова! — ехидно рассмеялся Тушин.

— Опять в яму?.. Меня?..

— Уж не обессудь, боярин! — с лицемерным вздохом проговорил Тушин. — Такова государева воля, а мы — слуги царские, не можем послушаться.

Гневно вспыхнуло лицо юноши. Гремя оковами, он резким прыжком отскочил в сторону, схватил тяжёлый еловый стяг, которым мужики накатывали брёвна. Двое стрельцов повисли у него на руках, но он сбросил их резким движением, медведем пошел на Тушина, но тут подскочили остальные стрельцы и, точно собаки, начали рвать его со всех сторон. Выронив стяг, он волочил их по рыхлому снегу, нечеловеческим усилием тащил за собой клубок озверевших стрельцов и, только обессилев, упал. Натешившись над поверженным пленником, стрельцы сволокли его, обеспамятевшего, в яму.

— Закрывай вход! — с пеной у рта кричал Тушин.

Лестницу вытянули, закрыли брёвнами вход, оставив небольшую дыру для подачи пищи и дров.

Мужики тупо смотрели в землю, ребяташки шмыгали носами. Бабы шёпотом успокаивали их, незаметно показывали на Тушина: “Злыдень-то учует!” — а у самих по щекам катились слёзы.

IV

Оставив стрельцов охранять узника, Тушин укатил с Иваном Петровичем в Чердынь. Выехали затемно, полозья возка легко скользили по мягкому снегу, кони, чувствуя малый груз, бежали ходко. Незаметно проскочили погосты Искор, Вильгорт, Покча и уже к полудню подъезжали к городу.

Тушин засмотрелся на открывшуюся перед ним картину. Слева, насколько хватает глаз, простиралась заснеженная тайга, сквозь неё, точно неровная просека, пробивалась река Колва. Скованная льдом, занесённая снегом, несла она холодные воды в красавицу Вишеру, бегущую с предгорий Каменного Пояса. Там, в верховьях Вишеры, как сказочный богатый, поднялся над тайгой Полнод-камень, гордо взметнув ввысь свою синюю голову. Вокруг — ни звука, природа словно застыла в зимнем очаровании.

Впереди, на высоком правом берегу Колвы, на семи холмах разбросала свои постройки Пермь Великая Чердынь. На центральном Троицком холме, на обрывистом берегу реки оцетинился боевыми башнями и деревянными крепостными стенами, опоясанными земляным валом, кремль с церковью Воскресения посередине. Внутри кремль был плотно застроен амбарами и домами на случай осады города. К стенам примыкал посад, обнесённый острогом с башнями, бойницами для стрельбы и крепкими воротами. Посад был во много раз больше кремля, скученно стояло в нём более сотни дворов, лепились торговые лавки, дымились несколько кузниц. Далее посада с севера на юг в длину и на запад в ширину протянулись узкие улочки, составленные из неказистых деревянных домишек ремесленников, мелких торговцев, крестьян. Впрочем, среди них были заметны и добротные постройки: дом воеводы, съезжая и таможенная избы, государев кабак, тюрьма, дворы духовенства, кушцов, земских начальников, соляные и хлебные амбары. Над невысокими городскими постройками вознеслись купола доброго десятка церквей и двух монастырей: мужского Иоанно-Богословского и женского Успенского. Сразу за домами начинались поля, белой снежной лентой отделявшие город от тайги. За рекой, напротив кремля, на низком левом берегу, каждую весну затопляемом неудержимыми вешними водами, белел небольшой луг.

— Залё-ё-тные! — крутанул вожжами ямщик, и уставшие кони, чуя близкое жильё, дружно понеслись под гору, только снежная пыль завихрилась, и, наконец, выкатили возок на прямую безлюдную улицу. Лохматые собаки, азартно лая, выскакивали из подворотен и спутанным лохматым комом катились следом. Огромные сугробы, образовавшиеся от расчистки улицы и подъездов во дворы, заслоняли дома так, что с дороги видны были лишь крыши да почерневшие трубы, из которых валил сизый дым. Крылечки домов были завалены снегом, и войти внутрь можно было только со двора, через сени. Ближе к центру дома пошли повыше, двухэтажные, из толстых кондовых бревен, с расчищенными от снега подъездами; стали попадаться обшитые тёсом лавки кушцов, замелькали во дворах и вдоль дороги стволы берёз, тополей, черёмух.

В центре города ямщик на полном ходу повернул влево, на улицу, идущую к берегу, под уклон, возок раскатился на повороте, накренился, саженей пять проехал на одном правом полозе, затем со стуком выровнялся и покатил дальше. У дома воеводы ямщик упёрся ногами в облучок, всем телом откидываясь назад, натянул вожжи: “Тпру-у-у!”

Кони присели, запахали копытами по дороге, шлея врезалась кореннику в кожу, хомут полез на уши; казалось, разогнавшийся возок вот-вот сомнёт его, раздавит, но он, бешено выкатив кровавые белки, устоял. Со скрипом открылась промерзшая дверца, и Тушин с Иваном Петровичем вывалились наружу. Разминая затёкшие ноги, Тушин осмотрелся. Белый каменный двухэтажный дом воеводы глядел на него узкими, как бойницы, окнами с узорчатыми решётками между рам. К подъезду вела хорошо расширенная дорожка, устланная большими, тёсанными из камней плитами. Прикрывала подъезд лёгкая двускатная крыша, одним концом покоившаяся на фигурных чугунных столбах, другим — на ажурных литых консолях, вделанных в стену.

По широкой мраморной лестнице поднялись наверх. Стража, зная Ивана Петровича, пропустила их. Вошли в зал. Пол, высланный глазурованными плитками с затейливым восточным узором, напминал ковер. Глухую стену зала занимала печь, облицованная блестящими голубыми изразцами. Из зала в противоположные концы разбегались два нешироких прохода, по обеим сторонам которых горбились крутые своды палат. Тушин насчитал семь дверей. “Богато живёт воевода”, — позавидовал он.

Вернувшийся слуга доложил:

— Воевода ждёт!

Воевода Григорий Гиневлев восседал на стуле с высокой резной спинкой, похлопывая обими ладонями по широким подлокотникам, и что-то диктовал писарю, примостившемуся справа от него за краешком стола. Лысый благообразный писарь усердно водил гусиным пером по бумаге, так низко склонившись над столешницей, что чуть не размазывал чернила короткой остренькой, торчащей, как сук, бородкой.

Седовласая голова воеводы, пышная белая борода его, богатый кафтан со стоячим воротником, плотно облегающий расплывший стан, гордая осанка вызвали у Тушина невольное почтение.

Воевода внимательно оглядел вошедших единственным глазом и пригласил сесть.

— О вашем приезде я извещён. Бумагу от государя получил. Какая нужна помощь? — холодно спросил он.

— Пока никакой. С Божьей помощью упрятали злодея надёжно, — с вызовом ответил Тушин, недовольный холодностью воеводы.

“Это вы можете, псы лукавые!” — зло подумал Гиневлев о Годунове и Тушине. Злость эту подогрело и то, что он год назад приехал из Сибири, где добывал хана Кучума и где татарская стрела выбила ему левый глаз. “Но надо поласковой с ним, все же царский посланник”.

— Как устроился, э-э... — замялся воевода, не зная как назвать Тушина.

— Роман Андреевич! — услужливо подсказал Иван Петрович.

— Роман Андреевич.

— Как можно устроиться в этом медвежьем углу, Григорий Юрьевич?! Даже избы порядочной нет, грязь и вонь. Но роптать не на что, мы слуги царские, и указ благоверного Бориса Феодоровича исполним.

— Да, да, Бог терпел и нам велел.

Воевода что-то шепнул писарю, тот, подхватив бумаги, выскользнул за дверь. Они ещё немного поговорили, и воевода поднялся:

— Делу время, потехе час! Прощу отобедать.

После щедрого обеда, на котором много было съедено сладких яств и ещё больше выпито заморских вин, захмелевший воевода, не дав Тушину отдохнуть с дороги, потащил его осматривать город. Но впечатление было испорчено с самого начала. Только вышли на посад, как услышали крики и брань. Возле крайней торговой лавки двое пьяных стрельцов избивали мужика. Стрельцы колотили беднягу кулаками, пинали ногами, стараясь отнять ме-

шок с пушниной, а он, распластавшись поперёк саней, намертво вцепился в него руками. Второй мешок валялся в снегу неподалеку от саней, вывалившись из него шкурки соболей отливали мягким тёплым блеском.

Занятые грабежом стрельцы не заметили высоких гостей, стоящих рядом с воеводой. Рассерженный воевода наотмашь ударил крайнего по затылку, тот кулём рухнул в снег.

— В тюрьму! На дыбу! — рокотал воевода, охаживая второго стрельца попавшей под руку плетью мужика. Воеводская стража скрутила стрельцам руки, увела их. Избитый, с окровавленным лицом, но улыбающийся охотник низко кланялся воеводе:

— Заступник! Дай Бог тебе мно-огая лета! Мно-огая лета!

— Тиун! — рывкнул воевода. — Лоботрясам-стрельцам устрой состязание! — и уже тише добавил подбежавшему Ивану Петровичу, чтоб не слышали остальные: — Этих драчунов в холодную, как проспятя — выпустить, а холопа сей час — вон из города, чтоб духу не было. Шкурки ко мне — п-по-нял?!

— Всё понял — будет сделано, будет сделано!

— Да смотри у меня!

— Не сомневайся, Григорий Юрьевич, будет сделано, будет сделано, — залебезил Иван Петрович, понимая, на что намекает воевода: в прошлый раз, по приказу Гиневлева забрав у охотника шкурки, он половину оставил себе, но воеводе об этом донесли.

Иван Петрович, пятась задом, беспрестанно кланяясь, удалился.

— К-крапивное семя! — сплюнул влед ему воевода и направился к Тушину.

Они осмотрели кремль с шестью башнями и тайник — подземный ход к Колве. На вооружении кремля были три медных пушки, около десятка крепостных пищалей, полторы сотни ружей, имелся и пороховой погреб с амбаром. Тушин отметил про себя запущенность кремля: деревянные крепостные стены, формой напоминающие пятиугольник, во многих местах подгнили, кровли на башнях обветшали, подземный ход обвалился. Но особенно его поразило отсутствие ратных людей на службе: стрельцы или занимались домашними делами, или пьянствовали.

— Григорий Юрьевич! Почему нет наряда на остроге? — осторожно спросил Тушин.

— А зачем? — спокойно ответил воевода и, увидев в глазах Тушина удивление, добавил: — Он и не нужен, — и пояснил: — Последний набег вогуличей на Чердынь был два десятка лет назад; тогда их так шуганули, что они убрались за Каменный Пояс, а те, что остались, малочисленны — не посмеют. Татар же ещё Ермак Тимофеевич за Иртыш спровадил.

— Ты тоже воевал с Кучумом?

— Пришлось, — нелюбезно ответил воевода и, не желая продолжать этот разговор, предложил:

— Поедем на состязание.

На южной окраине города, на ровном утоптанном поле царило оживление: по одному гарцевали конные стрельцы, разминая лошадей, кучками топтались пешие, у каждого, кроме оружия, были ещё и лыжи.

Раздался заполошный звон колокольчиков, на поле ошалело выскочила тройка серых в яблоках жеребцов и встала, как вкопанная. Из кибитки помолодому выпрыгнул воевода, за ним, путаясь в полах длинного тулупа, писарь. Следом подъехал на своем возке с гербами Тушин. Конные и пешие стрельцы подтянулись на край поля, разобрались парами. Тушин внимательно смотрел на непонятные для него приготовления.

Впереди в один ряд выстроились конные, сзади, сажень в пяти, по одному за каждой лошадей, — пешие стрельцы. От нагрудника каждой лошади тянулись тесёмные постромки. Пешие встали на лыжи, взяли постромки в руки, натянули их, выбирая середину. Воевода в сопровождении тиуна, распорядившегося приготовлениями, обошёл выстроившихся ратников и, что-то недовольно выговорив тиуну, двинулся к центру поля. Тушин — за ним. Выждав, когда воевода с Тушиным займут удобное место, Иван Петро-

вич махнул рукой. Кони рванулись, но груз сзади не дал им перейти в галоп, и они пошли размашистой рысью, с каждой саженью ускоряя бег.

Три десятка пар пронесли мимо воеводы и Тушина, обдав их снежной пылью. В конце поля всадники повернули налево, и двое стрельцов на лыжах, не справившись с поворотом, упали, а один, запутавшись рукой в постромке, волокся следом за лошадыю. Первый круг прошли ровно, на втором вырвалась вперед рыжая кобыла, грива и хвост которой были какие-то блеклые, будто выгоревшие на солнце. Топот и храп коней, крики и свист стрельцов, шум собравшихся зрителей... Скачки захватили и Тушина: он вертелся из стороны в сторону, стараясь не пропустить ничего. Вот на одном повороте вороной жеребец скакнул в волокущиеся постромки упавшего стрельца и, подсеченный ими, рухнул наземь, следующий за ним конь не успел отвернуть, врезался в вороного и закувыркался вместе со всадником. На третьем, последнем круге рыжую кобылицу обошёл грудастый гнедой жеребец со звездой во лбу, он и прискакал первым.

Воевода, возбужденный, раскрасневшийся, отламывая с усов намёрзшие сосульки, спросил Тушина:

— Ну, как?

— Сильно! Я ещё таких штук не видал.

— Моя диспозиция! — воевода довольно ухмыльнулся.

— Сам изобрел?! — поразился Тушин.

— Сам. Придумал. Да. — Раздельно, не спеша ответил воевода и, увлекаясь, затараторил: — Ты пойми, ведь это большущее преимущество в военных действиях зимой. Представляешь? — притянул он за борт шубы Тушина. — Передвижение войск в наступлении увеличивается во множестве, уязвимость наших ратников сокращается. А маневр?! А сила?! А...?! Понял?! А...?! — и, отпустив недоумевающего Тушина, направился к стрельцам. — Пойду, отмечу соколов.

Воевода похвалил воинов за старание, а стрельцов первой пары одарил новыми кафтанами добротного сукна. Нелегко дались скачки: один стрелец был насмерть задавлен лошадыю, трое получили увечья, две лошади сломали ноги, одна — шею. Наказав Ивану Петровичу прибрать убитого и помочь раненым, воевода подошёл к Тушину.

— Что, Роман Андреевич, развеемся?

— Как это?

— Поедем к девкам!?

— Поедем! — с радостью согласился взбудораженный состязанием Тушин.

— Тогда садись ко мне, веселее будет, а твой возок пусть за нами правит. Тихон! — окликнул он замешкавшегося писаря. — На займку!

Ночью на займке среди векового соснового бора в большом двухэтажном доме, срубленном из неохватных лиственниц, стоял разноголосый шум, лились песни. Двери дома были распахнуты настежь, через них суматошно сновала прислуга, напуганная приездом воеводы. Сквозь окна, затянутые слюдой, на улицу проникал слабый свет, который ложился перед домом продолговатыми желтыми полосами; снег в этих местах переливался, мерцал бледным неземным светом.

Дом этот был срублен для воеводы на живописной поляне у студёного ручья, вода в котором даже в жаркие летние была до того холодна, что зубы ломило. Гиневлев наезжал сюда отдохнуть, а остальное время дом пустовал. Рядом стоял второй дом: длинный, приземистый, днём отливающий янтарём сосновых брёвен, а сейчас тёмный, загадочный... В нем жили наложницы воеводы; дальше, на краю поляны, чуть виднелась небольшая изба, в которой ютилась прислуга.

В доме воеводы пир шёл горой. Потрескивая, ярко горели берёзовые лучины в витых железных светильниках, расставленных вдоль стен; ломились от дорогих кушаний и крепких вин столы, за которыми сидели воевода с Тушиным да опьяневший писарь с румяной хохочущей девкой, которую он безуспешно пытался посадить к себе на колени. В углу у дверей играли гусли:

*Среди царства Российского,
Государства Московского
Тут стояли палаты белокаменные,
Белокаменные палаты златоверхие.
Тут стояли столы да дубовые,
На столах столесенки кедровые,
На столесенках скатёрочки шиты бранные,
Изнаставлены яства сахарные.
Тут сидели да князья-бояре.
Промеж ими сидел добрый молодец,
На коленях держал звончатые гусли...*

Под напевную, звенящую мелодию гусликов посередине горницы танцевали наложницы, исполняя на чистом, выскобленном до желтизны полу каждая свой танец. Тушин жадными пьяными глазами разглядывал женщин. Вот две светло-русые дородные тверичанки в русских сарафанах плавно проплыли перед столом, помахивая платочками, весело оттопывали крутовую пляску стройные ливонки, чуть в стороне дёргалась в языческом экстазе приземистая вогулка. Здесь были и татарки, и польки, и зырянки...

У Тушина глаза разбегались от такого обилия женской красоты, но больше всех ему понравилась персиянка. Он громко хлопнул ладонью по столешнице:

— Шу-ру!!!

Наложницы расступились, и вперёд вышла персиянка Шергия, окрещённая воеводой. Чистая нежная кожа её лица покрылась смуглым румянцем, тёмным шёлком спускались на плечи густые длинные волосы. Её большие чёрные глаза притягивали какой-то необъяснимой магической силой. Формы её были соблазнительны: плечи, грудь, бёдра были так пленительно вылеплены природой, так налиты молодостью, что казалось, всё в ней создано для любви и наслаждения.

— Как подушка! — воскликнул пьяненький Тушин. — Григорий Юрьевич! Отдай мне её! Хоть на ночь! — воскликнул он, увидев недовольство в глазах воеводы.

Воевода медлил с ответом. “Ишь, чего захотел, мошенник! Персиянку! Губа не дура!” — злобно мешались мысли в голове воеводы. Шура была самой сладкой наложницей, она была так нежна, так естественна в своем сладострастии, знала такие упоительные любовные утехы, каких ни с одной женщиной за всю свою жизнь Григорий Юрьевич не испытал. Она была дорога ему, и, не признаваясь в этом даже самому себе, Гиневлев зачастил на заимку ради неё.

Неожиданно в его глазах вспыхнули весёлые искорки.

— Согласен, я тебе — Шуру, ты мне — возок с гербами.

— По рукам. — Тушин стиснул обеими руками шершавую ладонь воеводы.

Воевода подозвал высокую суровую старуху — старшую над наложницами, — и что-то сказал ей на ухо. Старуха, обметая ступени подолом широкой юбки, поднялась по лестнице наверх.

Персиянка танцевала. Как две змеи, изгибались её руки, ноги в цветных шароварах плавно кружили тело. Между тем полные бёдра выделяли свой собственный танец, соблазнительный и прекрасный, и вся её чудно сложенная фигура жила мелодией. Вот она села на пол, поджав под себя ноги. Округлые плечи, грудь, живот страстно задрожали в едином самозабвенном порыве, и она, медленно отклоняясь назад, почти коснулась головой пола, а затем резко выпрямилась.

— Ты знаешь, как это называется? — спросил воевода совершенно сомлевшего Тушина и, не дожидаясь ответа, захохотал: — Танец Евы!

Тушин никак не отозвался на смех воеводы, его занимало другое.

— Так я её забираю? — переспросил он.

— А куда торопиться? Успеешь намоловаться! Давай-ка лучше выпьем.

— Давай! — нетерпеливо потянулся к кубку Тушин. Чокнулись, выпили ароматного вина. Тушин встал из-за стола, подошёл к персиянке и, взяв за руку, поднял с пола. Она испуганно посмотрела на воеводу, тот утвердительно кивнул, и девушка покорно пошла за Тушиным. Спускавшаяся с лестницы старуха повернулась и повела их наверх. У одной из дверей она оставила Тушина, а с персиянкой вошла внутрь. Вскоре она вышла и сказала Тушину, что он может войти.

Тушин ступил в маленькую, уютно убранную комнату. У завешенного окна стоял стол и два резных стула, напротив, у глухой стены — большая кровать с пышно взбитой периной, на полу — ковры. Наложница в лёгком открытом платье из прозрачной ткани покорно сидела на ковре. Тушин бросился к ней, голова его кружилась, руки дрожали, но персиянка вскочила, увернулась от его грубых объятий и что-то залопотала на своём, не понятном ему языке, показывая на стол, где стояли закуски, вино и два хрустальных бокала.

— А, ясно! Сначала выпить?

Он рухнул на стул, она взяла бокалы, сама налила вина и один поднесла гостю, а с другим села к нему на колени. Чокнулись, выпили, и она, соскочив на пол, начала танцевать. Разнеженный Тушин смотрел на очаровательную персиянку, блаженствовал:

— Хороши восточные порядки, ох, хороши!..

Неожиданно в глазах Тушина девушка начала двоиться.

Потом он увидел трех, четырех красавиц, затем снова появилась одна, но почему-то стала удаляться от него, все уменьшаясь и уменьшаясь, пока не превратилась в крохотную точку. Тушин протянул руки, пытаясь удержать исчезающее счастье, но какая-то неодолимая сила помutilа его разум, и он мешком свалился на стол.

Проснулся Тушин перед обедом. Приподнялся на локте и обмер. Вместо красавицы персиянки рядом с ним лежала безобразная девка: чёрная, широколицая, узкоглазая, с волосатой бородавкой на толстом носу. Он в ужасе спрыгнул с кровати, торопливо оделся и спустился вниз. Во всём доме он не встретил ни одного человека. Вышел на улицу. У крыльца стояли его лошади, запряженные в розвальни.

— А где возок? — ударил он по шее задремавшего ямщика.

— Воевода забрал.

— Как забрал?! — Но вспомнив вчерашний обмен, Тушин замолчал.

— Гони! В Нырбуку! — приказал он дрожащему от страха ямщику и плюхнулся в розвальни на сено, раздосадованный любовной неудачей и злой на воеводу.

V

Михаил Романов промёрз основательно. Холод сжимал все его члены, казалось, он проникал даже под кожу. Михаил быстро вскочил с земли и тут же больно ударился головой о бревно наката. Глухо вскрикнул. Очнувшись от тяжелого сна, он забыл, что потолок ямы низок и не даст распрямиться: стоять тут можно было только согнувшись.

Темница Михаила была настоящей могилой. Сырая суглинистая земля ямы замёрзла, когда же узник разжигал очаг, яма наполнялась дымом, который не успевал вытягиваться через маленькое отверстие в накате. Когда очаг разгорался, земля оттаивала, и грязные капли воды стекали со стен и потолка, затопляя пол. Одежда на Михаиле постоянно была мокрой и уже начала рваться от сырости. Когда гас очаг, он мёрз, когда горел — задыхался от дыма; вдобавок воздух был тяжелым из-за испражнений, которые некуда было убрать. В яме было темно, лишь днём узкий лучик света пробивался у входа. От грязи и плохой пищи — Михаилу давали через день берестяной туес воды и полфунта хлеба — на теле его завелись паразиты, которые досаждали ему ужасно. Помощи ждать было неоткуда, Михаил надеялся лишь на Бога, верил ему и молился, молился, молился. Эта вера поддерживала его, придавала ему силы, была единственным его утешением.

Михаил подтянулся на руках к выходу, глотнул свежего морозного воздуха, закашлялся. Кашлял долго, с надрывом. Откашлявшись, посмотрел вверх. Сквозь узкое отверстие в накате он видел, как в небе отступала темнота, занимался поздний серый рассвет. Надышавшись, нащупал руками огниво, трут, принялся разводиться огонь. Сырые дрова разгорались плохо: чадили, трещали, это занятие отняло последние остатки сил. Он достал из-за пазухи кусок ржаного хлеба, начал осторожно есть. Остистый, непропеченный хлеб хрустел на зубах, колот небо. Михаил не заметил, как съел весь кусок, но чувство голода не оставляло его. До завтрашнего утра у него не было теперь ни крошки хлеба, а впереди — длинные холодные и голодные сутки. Сколько их уже было — он потерял им счёт. Юноша попил из тучеса стужёной воды, встал на колени и долго шептал молитвы, истово бил поклоны. Затем поудобнее примостился у огня, уставился на красные, успокаивающие разум угли... его одолели тени воспоминаний.

...Москва. Умирает Никита Романович Романов-Юрьев. У постели отца вместе с Михаилом — его любимые братья Федор Никитич, Александр Никитич, Иван и Василий. Рядом стоит и Борис Годунов.

— Доблестный боярин, славный муж Никита Романович, будь покоен за чад своих. Я заменяю им отца! — торжественно клянется Борис.

Отец не может говорить, лишь слабой рукой благословляет сыновей.

Никита Романов и Борис Годунов в числе пяти именитых бояр были избраны Иоанном Грозным перед кончиной советниками его сына Феодора. Никита Романович и Борис Годунов были дружны, оба ревностно служили Отечеству. Поэтому клятва Годунова была воспринята как должное.

И действительно, в течение четырнадцати лет привольно и беспечно текла жизнь пятерых братьев Романовых. Особенно выделялся среди них старший брат — Феодор Никитич. Красавец, прекрасно сложенный, удалец и храбрец. О красоте его по Москве ходили легенды, и если хотели польстить пригожему молодцу, то ему говорили:

— Ты совершенно как Феодор Никитич!

Кроме того, Феодор был умён, начитан, знал латынь. Михаил старался во всем подражать брату. Богато одарённый от природы здоровьем и силой, он был постоянным участником кулачных боёв на Москве-реке, не чурался и других забав, свойственных молодости, воспитывая в себе характер воина и мужа.

Но вот в тысяча пятьсот девяносто восьмом году умер царь Феодор и на престол сел Борис Годунов. Он знал, что перед смертью Феодор желал, чтоб на его месте был кто-нибудь из Романовых, самых близких по родству прежним царям. А тут ещё пронёсся слух, что законный наследник престола царевич Димитрий — младший сын Иоанна Грозного — жив, что Нагие до ссылки в Углич подменили его другим ребёнком. А ведь убийцей Димитрия считали его — Годунова. А ну как знатные бояре, эти гордые Рюриковичи, поверят молве и спихнут его с трона? Они и так с трудом переносят на престоле потомка татарского князя Мурзы Четы.

Да, чтобы остаться у власти, можно сделать лишь одно: уничтожить знатных бояр. Болезненная подозрительность и недоверие Годунова вырываются наружу и приносят свои кровавые плоды. Схвачен и гибнет князь Бельский, перед смертью пережив позорное унижение: по велению Бориса царский медик-иностранец вырывает у Богдана Бельского густую длинную бороду по одному волоску.

Теперь пора расправиться с Романовыми, но всё нет повода: братья усердно служат Отечеству. И тут на помощь приходит родственник новоиспеченного царя — Семён Годунов. Он подкупает Бартенева — холопа Александра Никитича, который подбрасывает в казну боярина ядовитых кореньев и составляет донос, что тот хочет якобы отравить царя. У Александра Никитича учиняют обыск, находят коренья и всех братьев Романовых заточают в тюрьму, пытают, заставляют признаться в злом умысле. Романовы молчат. Тогда приспешники Годунова приводят к пыткам холопов Романовых, чтоб те показали на своих господ, но те тоже молчат. Долго держали несчастных в темнице. Не добившись признания, Борис Годунов собирает боярский при-

говор. Боясь прогневить Годунова, бояре во всём соглашались с ним и признают Романовых виновными, надеясь этим заслужить милость царя. Позднее многие из них поплачутся за свою трусость и разделят участь Романовых.

А братьев и их родню ссылают в самые дальние и глухие места Руси. Феодора Никитича постригают в монахи и под именем Филарета отправляют в Антониев монастырь, жену его Аксинию Ивановну тоже заставляют принять постриг и под именем Марфы ссылают в один из заонежских погостов; Александра Никитича — в Усолье-Луду, к Белому морю; Михаила Никитича — на крайний северо-восток, в Нырбокку; Ивана Никитича — в Пелым; Василия Никитича — в Яранск. Сестру их Настасью Никитичну с сыном старшего брата Феодора Никитича пятилетним Михаилом — будущим царём, первым в династии Романовых, — увозят на Белоозеро.

VI

Белка резвилась. Она прыгала с ветки на ветку, распушив огненно-рыжий хвост, перелетала с дерева на дерево. На миг останавливалась, вставала на задние лапки, повёртывала мордочку к охотнику и, только он начинал целиться, тут же срывалась вниз. Она точно дразнила Варку Микитина, который принял эту игру и терпеливо выжидал нужного момента. “Скачи, скачи, наскачешься — моя будешь. Не таких объезжали!” — успокаивал он себя. Собака, задрав морду, азартно лаяла на белку, кружилась вокруг ёлки, яростно прыгала на ствол, скребла передними лапами кору.

— Буско! Молчи! — недовольно обрывал Варка собаку. — И без тебя вижу — пугаешь только, — ворчал он, пристально следя за белкой.

Собака неохотно отходила, садилась на снег, но тут же, не выдержав, опять стремительно кидалась вперёд. А белка, точно хотела закружить её, выписывала кольца на самых нижних ветках, затем свечкой взмывала на вершину, где её не было видно. “Ну, и векша! До чего премудрая!” — терпение Варки иссякало.

Но вот белка прервала свой бег, словно назло собаке, остановилась на голой ветке около ствола. Варка с силой натянул лук и... белку как ветром сдуло на другое дерево.

— Премахнулся!.. Ёлки-палки! — выругался Варка: жаль было упущенной белки, а ещё больше — потерянной стрелы.

Стрела была новая, с закалённым наконечником. Она крепко вонзилась в ствол старой толстой ели, конец её раскачивался от сильного удара. Варка решил достать стрелу. Он положил на снег лук, снял колчан, поплевал на руки и, ухватившись за ветви, полез наверх. В толстой зимней одежде было тяжело и неудобно продираться сквозь колючие ветви, но Варка все же добрался, выдернул стрелу, бросил на снег. Начал спускаться. Оставалось уже совсем немного, и вдруг нижний сухой сучок не выдержал, хрустнул, и охотник кулём свалился вниз. Резкая боль обожгла правую ногу, и расслабляющее тепло разлилось по всему телу. Варка стянул валенок, ощущал ступню. Глухая боль ощущалась в косточке выше пятки. Пошевелил пальцами — двигаются. “Вроде перелома нет, а там Бог его знает. Надо на зимовье топтать, мужики поглядят”. Варка огорченно сплонул. Поднялся, осторожно приступил на ногу, надел голицы, подобрал лук, колчан со стрелами, свистнул собаку, всё ещё гонящую белку, и направился в обратный путь.

Да, день у Варки сегодня был неудачный, прямо какой-то заколдованный. Вчера вечером в зимовье, когда заморившиеся мужики попадали на пол тесноватой охотничьей избушки и тут же захрапели, он долго ворочался на подстилке из лапника: сон не шёл. А когда уснул, какая дребедень только не привиделась. Запомнился, правда, лишь утренний сон. Будто бежит он по полю, а за ним по пятам — чудище, большое, страшное, он бежит, а сил нет, чудище вот-вот схватит. И тут — впереди пропасть бездонная. Он проваливается в неё и долго, томительно долго летит; ему кажется, что из груди сейчас вырвется сердце... Проснулся весь потный. “Неужто лихоманка мает?” — подумал.

Однако попив с мужиками горячего чая, настоящего душистым блушником, и подкрепившись куском оленины, Варка почувствовал себя бодрее. Как только забрезжил поздний зимний рассвет, мужики оделись, вышли из избушки и быстро разобрали голицы, спеша скорее попасть в свои охотничьи угодья. У каждого нырбца в тайге были свои места, облюбленные им для охоты. Снаряжаясь, Варка обнаружил, что на левой голице перевязло наполовину лопнуло. “Эка незадача!” — расстроился он. Выпросил у запасливого Якуша Чёрного ремень, сделал новое. Но пока оттаивал в избушке голицу и вытаскивал примерзшее перевязло, пока шивал новое — время ушло. “Мужики, наверное, уже зверя бьют, а я не у шубы рукав”, — горевал он, отходя, наконец, от зимовья.

Он шёл по старым испытанным местам, известным только ему, где всегда было много зверя. Но сегодня как отрезало — ничего, и он все шёл и шёл, углубляясь в тайгу, в надежде на удачу. Однако за весь день Варка добыл лишь соболя да куницу. А тут ещё эта хитрющая белка. “Да, сон в руку”, — думал он, ковыляя по лесу.

Вначале Варка двигался легко, но с каждым шагом боль в ноге усиливалась, хотя он старался всю тяжесть переносить на левую, здоровую ногу. Остановился. Уселся на сухое поваленное непогодой дерево, снял валенок, размотал портянку, стянул шерстяной носок. Ступня опухла.

После отдыха идти стало ещё трудней, на ногу невозможно было ступить: острая боль пронзала всё тело.

Короток зимний день. Уже начинало смеркаться. Варка стал устраивать ночлег. Вытащил из-за пояса топор, нарубил лапника, настелил его под большой раскидистой елью, около ствола которой в снегу было круглое углубление наподобие воронки, чтобы защититься от ветра. Чтоб было теплее, положил с собой Буска и завалил себя сверху ветками.

Ночью разгулялась вьюга. Беспокойно спавший Варка проснулся при первом же порыве ветра, да так и не сомкнул глаз до самого рассвета. Глухо ныла больная нога, жар сушил рот, но он терпел, подавляя желание повернуться на другой бок, боясь напустить в нагретое лежбище холод: только крепче прижимал к себе тёплое тело собаки, и она, словно понимая состояние хозяина, тихонько урчала. Он слышал, как редела вьюга, как тоскала сверху охашками снега, как шумели кронами ели и сосны, как тоскливо скрипело сухое старое дерево и как, не выдержав напора ветра, с жалобным треском упало. “Вот эдак и я упаду”, — невесёлая мысль пришла ему в голову, но он тут же отогнал её. Мысли о смерти никогда не одолевали его. Высокого роста, крепкого сложения, такого крепкого, что со стороны казалось, будто тело его, скрытое одеждой, свито из веревок, он всегда чувствовал себя сильным.

Но Варка понимал своё трудное положение. Вьюга разыгралась надолго, пережидать её бессмысленно, к тому же хворому. Идти — но куда, когда замело все следы, да и метёт так, что ни зги не видно. И все же надо двигаться. Он решил идти, положившись на чутье Буска — собака должна вывести к жилью.

Как только, по мнению Варки, рассвело — в его лежбище было ещё совершенно темно, — он попытался сбросить с себя ветки, но не тут-то было: за ночь вьюга намела вокруг ели большой сугроб. Разгребая руками снег, Варка выполз наружу, за ним, зябко отряхиваясь, выскочил Буско. Вокруг всё свистело, шумело, трещало, снежная пелена закрыла землю и небо, в двух саженьях ничего не было видно. Варка достал из мешка длинный узкий сыромятный ремешок, привязал его к ошейнику Буска, другой конец — себе за пояс. Вырубил длинную палку и, опираясь на неё, как на костыль, потихоньку пошёл за собакой.

Вначале Буско метался из стороны в сторону, обшаривал кусты, но когда хозяин приказал: “Домой, Буско!” — пёс понимающе посмотрел на него, одобрительно помахал пушистым хвостом и, нюхая снег, устремился вперед, по одному ему ведомой дороге. Буско был низкорослый, но длинным телом, выносливый, умный. Густой грязно-жёлтый мех надёжно укрывал его от лютых морозов.

Варка шёл всё тише и тише, всё чаще и чаще делал остановки. Больная нога онемела, налилась какой-то невероятной тяжестью, голица с неё тащи-лась сзади, привязанная ремешком к поясу. Снег залеплял глаза, набивался в рот, падая с деревьев, сыпался за воротник. Сильный ветер затруднял и без того медленное движение. Буско рвался вперёд, с силой натягивая поводок, дёргал Варку, но тот был не в силах прибавить шагу.

Наконец, он совсем остановился: и здоровая нога перестала повиноваться, от усталости одеревенела. Тогда он снял вторую голицу и пополз. Он дышал, как загнанная лошадь, работая локтями, пропахивая в рыхлом свежем снегу глубокую борозду. Ресницы и усы у него обмёрзли, щёки побелели, но Варка упрямо двигался вперёд. Снежная круговерть всё усиливалась, теперь он не видел перед собой и собаки.

Варка полз, пока силы не оставили его. Обессиленный, уткнулся он лицом в снег и задремал. Буско безуспешно натягивал поводок, разгоняясь, дёргал что есть мочи — хозяин не двигался. Он вернулся, подбежал к нему, а увидев распостёртое тело, завыл. Затем лихорадочно начал лизать лицо, растопляя снег. Варка очнулся. Увидев суетящегося Буска, он понял, что лежит в снегу, и почувствовал, что до жилья ему не дойти. Оставалось одно: отпустить собаку в надежде, что она приведёт людей.

Он приподнялся, сел, отвязал Буска и, тяжело огладив его дрожащей рукой, подтолкнул:

— Беги, Буско, беги один. Домой!

Собака понимающе потёрлась о его плечо, лизнула в щёку и скрылась в снежном аду. Варка посмотрел ей вслед, но за снежной пеленой ничего не увидел. Волоча ногу, подполз к высоченной могучей лиственнице, не гнувшей даже под натиском бури. Одну голицу воткнул в сугроб, вторую положил мехом вверх, сел на неё, прислонившись спиной к широкому стволу лиственницы, и тут же забылся в тяжелом бреду.

VII

Тушин и двое стрельцов устроились на постой у Ивашки Носа, четверо других — в старой избе Якуша Чёрного. Семья Носа состояла из жены Опроха, молчаливой забитой бабы с согнутой от работы спиной и пугливым взглядом выцветших синих глаз, двух малолетних дочерей-погодков и двенадцатилетнего сына Никона с невесткой Маней, полной круглолицей девочкой с алым румянцем на щеках.

Опроха детей каждый год носила, но выжили только трое, остальные умерли от брюшной болезни в младенчестве. Всё хозяйство безропотно тащила она на себе, Ивашка ленился заниматься землёй и домашними делами. Он с охотой ходил лишь в лес да на Колву рыбачить. Но видя, что тяжёлая работа и ежегодные роды ухаживали жену, что долго она не потянет непосильный воз — упадёт, и чтобы взять в дом работницу, Ивашка решил женить недоростка-сына. Опроха была против раннего брака Никона, но перечить не смела. Посватались в многодетную семью Сенки Дмитриева за старшую дочь Маню. У Сенки были одни дочери — шестеро, и все, как одна, приземистые, крепкие, ядрёные, как куропатки по осени, хоть жили и впроголодь. Сенка, не колеблясь, решился отдать взрослую дочь.

Обвенчались. Ночью молодых положили на печь. Жених робко лежал на спине. Невеста жарко прильнула к нему горячим податливым телом, но он отвернулся от неё и заснул крепким праведным сном, по-детски причмокивая губами: Мане стало до слёз обидно, жаль своей молодости, обуяла досада на дурное замужество. Но природная чистота и доброта взяли своё: она успокоилась, женским разумом понимая, что все ещё впереди, может, со временем из малолетнего жениха получится хороший муж. Во всяком случае, в их женитьбе его вины нет, как и её. “На все воля Божья!” — Маня приподнялась на локте и нежно прикоснулась губами к виску мужа.

Но сон не шёл. Она лежала на спине, разметав руки и ноги, слушала тишину и возню тараканов в углах. Вдруг скрипнули доски полатей и кто-то тяжело завозился. На полатах спали свёкор со свекровью и двое малолетних

дочерей. Маня напряглась. Она не видела в темноте, но обостренным слухом слышала всё, а воспаленный мозг дополнял картину. “Уйди, Ивашка, сноха учует”, — бормотал голос свекрови. “Не учует — они спят, а хошь и учует — пусть привыкнут”. Раздался неловкий поцелуй, и полаты заскрипели. Мане было неловко слушать, но какой-то нездоровый интерес заставлял её отмечать всё до последней мелочи. Она лежала, вжавшись в постель из овчины, пытаясь как бы убежать, отстраниться, но в то же время напрягшись, закрыв глаза, чутко улавливала и понимала всё, что делалось на полатах. С тех пор, как бы ни уставала за день, Маня всегда просыпалась в такие минуты, жестоко страдая всем телом.

Ивашка уловил томление в глазах снохи, и им овладела греховная страсть. Он корил себя за такие думы, чувствуя свою вину перед сыном, но влечение побороть не мог.

Однажды пасмурным осенним днём Ивашка рубил дрова в ограде. Сноха топила баню. Он видел, как она, покачивая крутыми бёдрами, несла на коромысле бадейки с водой, направляясь через огород в баню. Сердце его оборвалось. Ивашка бросил топор, схватил в охапку несколько поленьев и напрямую, без тропки, увязая лаптями в глинистой земле, заспешил в баню. Крепкий невыстоявшийся жар с дымком обдал Ивашку, захватил дух. Он закашлялся, присел у порога, отдышался, сбросил поленья, поднялся и, согнувшись, выставив вперед длинные руки, пошёл на сноху. Та стояла с коромыслом на плечах посреди бани, напротив оконца, затянутого бычьим пузырьём, и с удивлением и страхом смотрела на свёкра.

— Ты чо, тятя! Ты чо! — коромысло с треском упало на пол.

— Маня, ты шибко зарная! Шибко зарная! — Он попытался обнять её, но она в ужасе отскочила в угол.

Тогда Ивашка схватил её, хотел повалить на пол, но девка, напрягшись молодым сильным телом, отчаянно боролась, пытаясь вырваться и выскочить на улицу. Но хоть и неудобно было Ивашке в низенькой бане, согнувшись, он встал на четвереньки, как клещами, сдвинул сноху и вместе с ней рухнул на пол. Она ещё долго билась под ним, сжав колени, увертываясь от мокрых слюнявых губ, затем, обессилев, сдалась...

Довольный и напуганный, Ивашка тормошил её, заставляя подняться. Она слабым голосом произнесла:

— Сгинь.

Пятясь задом, Ивашка вышел. Маня поднялась, села на пол, прислонившись спиной к лавке, и долго неотрывно смотрела на красные догорающие угли каменницы, слёзы ручьем хлынули из её глаз, и она беззвучно затряслась всем телом, оплакивая свою поруганную невинность.

В следующий раз, когда Ивашка снова подошёл к ней, она уже не сопротивлялась, безропотно отдалась, во всем полагаясь на судьбу. “Видно, так Богу угодно”.

Опроха всё вскоре узнала, но вида не подала. Она жалела сноху, понимая, что во всем виноват муж, но боялась ему перечить, страшась его гнева.

В избе у Носа гуляли стрельцы. Поселившись в Нырбокке, Тушин скучал от безделья. Скучали и стрельцы. Вначале они по двое охраняли узника, затем решили, что дело это ненужное: и так никуда не убежит, стали лишь навевываться несколько раз в день.

Гульба была в разгаре. За столом под образами, нахохлившись, сидел Тушин, слева и справа от него — стрельцы.

— Роман Андреевич, отец родной! — тянулся к Тушину рослый рыжий стрелец Тимоха, держа в конопатой руке глиняную кружку. — Хороша жизнь, пей да спи. В-выпьём! Выпьём за здоровье государя-батюшки! Да сгинут злодеи! В-выпьём!

Тушин взял стоящий перед ним стеклянный кубок — в нём рубиновым цветом искрилось вино, чокнулся со всеми, выпил. “Чему радуется холоп? “Жизнь хороша”, — передразнил он про себя Тимоху. — Да в этой глухомани с тоски зачахнешь”.

Тимоха с кружкой в руке вышел на середину избы и по-лошадиному затопал, весело наигрывая губами. К нему присоединились остальные, топча

пол непослушными ногами. Лишь Илларион, старый, плешивый, с густой сивой бородой, перебравший хмельного, остался на месте. Он поднимал отяжелевшую голову от стола, разевал почти закрытый волосами рот:

— Э-эх, стрельцы-удальцы! — и, не докончив песни, со стуком ронял голову на загаженную столешницу. Затем снова поднимал:

— Э-эх, стрельцы-удальцы! — и снова со стуком ронял. Тушину надоела пьяная возня. Хотелось чего-нибудь нового. Глаза его тоскливо шарили по избе и, наткнувшись на Маню, боязливо вжавшуюся в угол у чела печи, вздрогнули, остановились. Маня прислуживала стрельцам: подавала на стол вино, закуски. Свёкор был на охоте, свекровь с Никоном уехали на Колву за сеном, девки-погодки, испугавшись пьяных, оделись и убежали на улицу.

“Девка-ягодка!” — Тушин внимательно рассматривал Маню, видя, как стыдливо польхнуло румянцем её лицо. Кровь заходила по его жилам толчками.

— Шабаш гулянке! — Тушин встал, оправил кафтан. — Собирайтесь, проведите злодея! Да поживей! — прикрикнул он, увидев недоуменные взгляды стрельцов.

Стрельцы подняли Иллариона и, шатаясь, с песнями вывалились на улицу.

Тушин закрыл дверь на засов, подошёл к Мане. Та сидела ни жива, ни мертва, только нервно билась на шее под тонкой белой кожей синяя жилка, да безысходный испуг светился в глазах. Он взял её на руки, кроткую, горячую, и понёс...

Стрельцы не пошли к яме, а толпой ввалились в избу Микитки Ларева. Жена Микитки Окулина возилась у печи, дочь Марфа ткала кросна.

— Х-хозя-яйка! Таш-ши-и пива! — с порога заорал Тимоха.

— Пир-рова-ать б-будем! Г-гуля-яй, сок-колики! — шумели стрельцы.

Перепуганная Окулина суетливо тёрла руки о старый zipун — она собиралась на двор кормить скотину — осипшим голосом ответила:

— Не-ету, батюшко-о, не-ету пива.

— Ка-ак не-ету?! — грозно насунился Тимоха. — Ка-ак смеешь стражнику ца-арскому п-перечить?!

— Откель ему взятыся, не престол ить, да хоша и праздник — варить-то не из чего: солоду нету.

— В-врёшь, в-ведьма!

— Святой крест, нету! — Окулина перекрестилась на образа.

Но Тимоха уже не слышал её: взгляд его сосредоточился на Марфе, при виде которой он забыл обо всём. Румяная, статная, в лёгком летнем сарафане, с широкой русской косой, сидела она за кроснами, боясь ворохнуть, безвольно опустив руки на полные колени.

Тимоха всхрапнул, бросился на Марфу, схватил её в охапку и потащил к двери. Окулина с криком кинулась на помощь дочери, но, отброшенная Тимохой, свалилась на пол, вскочила и, как волчица, бросилась на насильника, ногтями вцепилась ему в лицо, но тот, одуревший от близости девичьего тела, ломился к двери как медведь. Стрельцы оттащили Окулину. Тимоха распахнул дверь и поволок рыдающую Марфу на поветь, на сено.

Возбуждённые стрельцы хохотали, пьяно качаясь, топтались по избе.

— А, чо, робяты, она ишшо тётка не старая, ишшо утешит! — осклабился коренастый, кривоногий стрелец в разорённом сзади кафтане.

Он поднял с пола обессиленную от горя Окулину и заковывал вслед Тимохе.

Древняя бабушка Аграфена распласталась над зыбкой, обороняя младенца сухоньким телом.

— Гой-да! Гой-да! Айда-те по избам! Там девок всем хватит! Мужики на охоте — лапай каку хошь! — раздался задорный клич, и стрельцы, толкая друг друга, устремились к выходу, лишь уснувший Илларион громко храпел у порога.

Они кинулись по домам ублажать хмельную похоть. И долго в тот день разносились по Нырбке плач и женские крики.

VIII

Мужики возвращались в деревню. Угрюмый беззвёздный вечер опустился на землю, лишь от снега исходил серый неясный свет. Лес, такой знакомый и родной, стал пугающе-чёрным, деревья, милые желтоствольные сосны и зеленые ели превратились в холодные чудовища.

Шли потемну, чтоб никто не видел, блюли охотничью заповедь: чужой глаз испортит добычу и впредь удачи не будет. Шли невесёлые: охота была трудная, пурга перебила все замыслы, а тут ещё потерялся в тайге Варка Микитин. После метели исчертили лыжами его участок — нигде не обнаружили, как сквозь землю провалился.

Микитка Ларев, мрачный, осунувшийся, тяжело поднимался на крыльцо. В раздумье постоял у двери, не зная, как сообщить семье о потере сына, ничего не придумав, дёрнул ручку на себя. Увидев его, Окулина, дочь Марфа и бабушка Аграфена залились слезами. Архипка, вжавшись в угол, сидел, как привидение, не шелохнувшись.

— Чо-и-но стряслось!? — вне себя гаркнул Микитка. Те, сбившись в кучу, заголосили ещё пуще.

— Чо-о подеялось!?

Плач не унимался. Микитка в изнеможении опустился на голбец. Никто не подходил к нему, не пособлял разоблачаться от тяжёлой заледеневшей одежды. Наконец, бабушка Аграфена несмело приблизилась.

— Микитка, отрок мой, сберись с силами: беда у нас великая, — чуть слышно прошепелявила она.

— Кака ишло напасть, мати?

— Опоганили, обесчестили дщерь твою да супружницу твою...

— Хто-о? — Микитка вскочил с голбца, лицо налилось кровью, глаза безумно расширились. Он с такой силой надавил на приступок, что тот вывалился из печи.

— Х-кто-о?! — страшно выдохнул он.

— Тимоха со стрельцами.

Микитка хряснул об пол доску-приступок, вихрем вылетел из избы. Он широко шагал по утрамбованной конскими копытами дороге, перемёрзший снег визжал под обледеневшими валенками.

Взбешённый, подошёл он к избе Ивашки Носа, вскочил в сени, распахнул дверь и прыгнул внутрь. Тушин с двумя стрельцами сидели за столом, ели.

Микитка бросился к Тимохе, встряхнул его кафтан, поднял, подержал на весу, поглядел в трусливо заметавшиеся глаза и всадил широкий охотничий нож прямо в шею. Душераздирающий крик Тимохи взорвал тишину. Второй удар Микитка нанёс в грудь, и безжизненное тело обидчика мешком сползло с лавки.

Домочадцы Ивашки от страха забились по углам, сам он, белый как смерть, прижался к печи. Тушин и второй стрелец, полураздетые, ударили из избы. Огромный, в растерзанной одежде, с окровавленным ножом в руке, Микитка выскочил вслед. На улице к нему присоединились мужики, тоже бежавшие рассчитаться с насильниками за позор своих жён и дочерей.

Тушин с напарником бежали к дому Якуша Чёрного, где жили остальные стрельцы. Они успели заскочить во двор и захлопнуть ворота. И тотчас оттуда загрели выстрелы. Нырбцы попадали в снег. Снова поднялись, и снова навстречу им — красные вспышки и резкий визг пуль. Стрельцы падали из пищалей.

В горячке погони да за стрельбой никто из мужиков не заметил, не услышал, как от дома Ивашки Носа отъехали сани, запряжённые высоким гнедом мерином, и шибко помчались на выезд.

Нырбцы отошли на безопасное расстояние, послали гонца за ружьями, чтоб на пальбу стрельцов ответить огнём. На помощь отцам пришли сыновья: два взрослых отпрыска Ерёмки Бобыля, крепыши, как грибы-боровики, да двойнята Якуша Чёрного — подростки.

Вооружившись, мужики собрались на совет.

— Чо-и-но будем делать, братья? — тихо спросил Микитка Ларев.

Мужики понурили головы.

— Заварили бучу, — глухо буркнул Ерёмка Бобыль и звонко высморкался.

— А ско-ко можно обиды терпеть?! Эвон, како лихо с дочерьми нашими сотворили! Повесить окаянных на берёзе — и вся недолга.

— Хорошо баять — повесить! Они, эвон, в доме укрылись. Как эку крепость взять? — возразил Якуш Чёрный.

— Да-а, — задумался Микитка. — Но и выхода нет. Жизни от душегубов не стало. Что так погибель, что этак. Нет, пушай вперёд мы их, собачьих детей... А опосля уж чо будет, то и будь: всё в руках Божьих.

— А, можа, домочадцев заберём да к вогулам подадимся? — предложил Ерёмка Бобыль. — Никакой царь нас тамо не съшшит. Помаленьку обоснуемся, отстроимся да и будем жить. Куды денешься, коли судьба наша погана: из Новагорода московиты выгнали и сюды добрались. Уйдём — животы свои спасём. На чо головы под топор класть?

Порешили: держать стрельцов в осаде, старшего сына Бобыля послать к вогулам, известить их, а самим тем временем приготовиться к переезду. Узника постановили взять с собой.

Но через день в Нырбку нагрянули воеводские стражники. Мужиков предал Ивашка Нос — это он тем вечером послал нарочным сына Никона в Чердынь к воеводе. Стражники схватили Микитку Ларева, Сенку Дмитриева, Ерёмку Бобыля с сыновьями, Якуша Чёрного, связали их и увезли. Семья осиротела. Деревня словно вымерла.

IX

Кочу разбудил неистовый лай собак. Он всстал, накинул кухлянку, начал искать в темноте лук и стрелы. Вдруг услышал: кто-то скребёт обледеневший полог юрты. Быстро расшевелил угли тлеющего очага, подбросил сухих сушчьев — от них резко взвилось пламя и осветило внутренность жилища. Жёны и дети, укутанные со всех сторон тёплыми звериными шкурами, крепко спали. Коча, сжав в правой руке нож, неслышно подошёл к выходу. Прислушался. За стеной юрты кто-то продолжал скрести полог, поскуливая. “Ан, собака!” — у Кочи отлегло от сердца. Он осторожно откинул полость, в проём сунулась лохматая собачья морда. Коча резко схватил собаку за ошейник, втащил в юрту.

— Коть-мать!? Это зе собака Варки, — он узнал Буска. Буско, жалобно скуля, тёрся о торбаса Кочи, хватал его за рукав, тащил к двери. Отбежал к выходу и снова возвращался, маня за собой вогула.

— Хозяин терял, — догадался Коча. — Вьручать завёс? Харосый пёсик, харосый! — топтался он на месте, не зная, что предпринять.

Выглянул наружу — там бесновалась вьюга, превратив ночь в серое месиво.

— Здать придеца, здать, — ласково потрепал он Буска, привязав его к стойке юрты.

К утру вьюга утихла. Ещё свистел ветер, пробрасывая редкие снежинки, но силы её иссякли. Коча запряг оленей, уселся на нарты и, пустив вперёд Буска, поспешил на розыски! “Харосый охотник, харосый...” — думал он о Варке, направляя оленей вслед за Буско.

Вогулы давно подружились с охотниками из Нырбки. Нырбцы помогали им сбывать пушнину купцам, научили плести лапти, мастерить деревянную утварь: ложки, кружки, тарелки. Те в свою очередь делились своими охотничьими секретами, учили бить зверя из лука, что было выгоднее, так как не нужно было покупать порох и дробь. Но из всех нырбцев с луком охотился один Варка Микитин, остальные предпочитали ружья. Вот за это больше других уважал его Коча.

Когда подъехали к листовнице, где Буско оставил хозяина, около неё торчал лишь конец голицы. “Где же Варка?!” — Коча всстал с нарт, размялся, осмотрелся вокруг. Буско яростно бросился на сугроб у листовницы, врылся передними лапами в снег. Вначале показалась шапка, голова, затем

плечи. Коча прислонился губами ко рту Варки, уловил слабое дыхание. “Харасо снег засыпал, а то б каюк охотнику, замёрз”, — обрадовался Коча. Его скуластое морщинистое лицо разгладилось, осветилось тихой улыбкой. Маленький, коротконогий, увязая по поясу в снегу, он потащил Варку. С трудом взвалил на нарты, положил на спину. Отдышался: “Чиждоль!” Достал из-за пазухи кожаную посудину, раскрыл ножом стиснутые зубы Варки, влил огненной воды. Тот проглотил, закашлялся, ещё влил — пошевелился, открыл глаза, повёл по сторонам бессмысленным взглядом. Коча посадил его и через силу заставил выпить ещё. Наконец Варка узнал вогула, хотел что-то сказать, но не смог, только замычал. Коча снова уложил его. “Молси!” — накрыл медвежьей полостью, развернул оленей, и нарты помчались по старому следу.

Очнулся Варка от резкой боли в ноге.

— Молси, дурак, лесить буду. — Коча снова со всей силы дернул ступню охотника. Молнией пронеслась по телу Варки боль, и облегчающая, расслабляющая усталость разлилась по всем членам; почувствовал он, что Коча вправил ступню: сразу стало легче, будто сбросил оковы, сжимающие кости.

— Теперь харасо, теперь Варка опять тайга пойдет, опять охотник будет, — приговаривал Коча, смазывая ногу каким-то зловонным зельем.

Через трое суток Варка начал ходить, слегка приступая на ногу. Стал проситься домой, но Коча никак не хотел его отпускать.

— Засем домой? Дома плохо. Дома баська-царь, злой люди с ружьём. У Коси харасо. Зыть будес у Коси.

— У меня дома баба, углашки, — возражал Варка.

— Засем баба, баба свой отдаю. — Увидев в глазах гостя недоумение, по-своему истолковал его: — Не хосес старый баба, двух досек даю.

Варка усмехнулся в усы. Коча заметил, загорячился:

— Мала?! Есе двух у соседа берём. Кося куницу, белку даёт и берём. Варка охотник харосый, белку бьёт — Косе даёт.

— Нельзя: вы некрещенные, в Бога не верите, — выложил свой самый убедительный довод Варка.

Уселся на шкуры к очагу, смотрел в покрывающиеся белым налётом пепла угли, а в глазах — Анюта с ребятишками. Будто стоят они летней порой в огороде среди цветущей ржи и зовут его, машут руками.

— Засем Бог?! — Коча забегал по юрте. — Ходи лес, молись ёлка — тозе Бог. Зато зыть будес, как баська-царь: своя тайга, сетыре баба и много-много угласка, — продолжал Коча, не замечая, что Варка не слышит его, что мыслями он далеко-далеко отсюда.

У Кочи было три жены и четыре дочери: две девки на выданье, две малолетки и сын-подросток, Коча-младший. Потомство у Кочи было б намного больше, если бы не болезни, не кочевая жизнь, не голод и холод, от которых дети умирали так же часто, как и рождались.

Но как ни уговаривал Коча остаться, Варка не согласился.

Наутро рослые олени и Коча-младший, тепло одетый в дальнюю дорогу и важно восседавший на нартах, ждали Варку. Прощаясь, Коча неловко привлёк охотника к себе:

— Ходи гости, захосес — ходи совсем.

Варка тоже обнял друга, растрогался.

— И ты к нам приезжай. Спасибо за хлеб-соль! Да хранит тебя Бог! — И, забывшись, перекрестил Кочу.

Коча-младший взмахнул нальгачем, и нарты заскользили по мягкому снегу. Олени неслись, всё ускоряя бег, а маленькая чёрная фигурка Кочи продолжала стоять у юрты, всё уменьшаясь и уменьшаясь в размерах, пока не скрылась за соснами. Буско весело трусил сзади, останавливался, нюхая следы, встряхивался и снова догонял нарты.

А дома Варку уже похоронили. Увидев его на пороге, Анюта остолбенела, затем с рёвом бросилась к нему, упала на колени, целовала его ноги, роняя на смерзшиеся валенки слёзы. Варка бережно поднял её, усадил на голбец. Ребятишки, забывшись на печь, испуганно и радостно смотрели на них.

Анюта поведала Варке горькую новость, что отца и остальных мужиков из их деревни схватили стражники и увезли.

Х

Наступило лето. Заживо погребённый Михаил Романов по всем законам человеческого бытия должен был давно умереть. Но он жил. Он выдержал лютую северную зиму, затяжную весну, когда талая вода беспрерывно сочилась в яму, отчего стенки её начали обваливаться. Казалось, существование человека в таких условиях совершенно невозможно, но он жил.

Тушин приказал ещё уменьшить его питание, теперь Михаилу давали полфунта хлеба на три дня.

Запыхавшийся Архипка влетел в избу:

— Мати, мати, дай хлеба!

Окулина отложила в сторону лапоть, к которому она пришивала ото-рванную онучу (после ареста Микитки ей пришлось заняться и этим делом), строго посмотрела на отрока:

— На што? Опять собак кормить?

— Нет, мати, нет! — и, подойдя ближе, зашептал: — Окаянные-те бо-лярина морят голодом!

— Откель знашь?

— Мы с ребятами видели.

— Вы опять к яме ходите? Сколь наказывала — не ходить туды?! — Окулина в сердцах отложила лапоть в сторону. — Стрельцы-те схватят да измордуют, а то ишшо, не приведи Господь, посадят в тюрьму, как отцов!

— Да мы играемся в ельнике, а стрельцов-то и не бывает тамо — шибко редко проверяют.

— Ну, мотри у меня!

Окулина помолчала, затем озабоченно спросила:

— Дак, сказывашь, не кормят болярина-то?

— По ломтю хлеба через два дня на третий спускают да туес воды. Болярин-то ругался, а стрельцы-те ему и бают: скорей сдохнешь, да мы домой поедем, надоело из-за тебя в энтотй глуши торчать, леших пугать!

— Бу-удь-те вы прокляты-ы, московиты несообра-аз-ные! Когда-ы уж геенна огненная-я под вами разверзне-ется, су-уд правый сверши-ится?! Всю жизнь-ю нам загубили: мужиков на м-муки отправили-и, на-ас истерза-али! — Окулина всхлинула, две слезы выкатились из её глаз и покатились к дрожащему подбородку.

Успокоившись, она поднялась, прошла к печи, достала из стола-залавка рушник, отрезала краюху, кликнула:

— Архипка, сбегай-ко в сени, тамо в углу дудки стоят, которые я вчерась с лугов притащила, возьми одну.

Архипка мигом обернулся — принёс самую толстую дудку. Окулина с хрустом отрезала от неё кусок на длину свирели, с одного конца залепила полость мякишем. Достала из-под лавки деревянный лагун, похожий на раздувающую утку, налила из него в дудочку молока и мякишем закупила второй конец.

— На, Архипка, отнеси болярину, да сторожись, чтоб басурманы не видели. Подбегги к яме-то, вроде играшся, да и брось в дырку-ту. Жаль несчастного, ни за что страдат! Осподи-и, о-осподи-и, оборони нас от ворога лютого! Сторожись бо, Архипка, чтоб никто не углядел.

Архипка сунул краюху хлеба за рубаху, подпоясанную сыромятным ремешком, схватил дудочку-свирель и побежал на улицу. Прыгая на одной ножке, поскакал в ельник. В чаще, среди густого зелёного подроста он остановился. Сердце учащённо билось, страх сковал члены, но он гнал его прочь. Зорко прочесал глазами поляну, прислушался. Тишина. Ни звука.

Напрягся всем телом — выскочил из кустов. Приседая и подпрыгивая — изображая всадника и лошадь одновременно — помчался к невысокому каменистому холмику. Подбежал, выхватил из-под рубахи хлеб — бросил в квадратную дыру, вслед — дудочку с молоком, негромко крикнул в мрачное подземелье: “Лови гостинец, болярин!” — развернулся и тем же аллюром поскакал обратно. Постоял в ельнике, отдышался и радостный припустил домой.

Через несколько дней Архипка опять наведаясь к узнику. Об этих походах узнали сверстники, они тоже стали таскать из дому еду. Их захватила тайная и опасная игра. Матери опасались за детей, но, жалея боярина, отважились на святое дело.

Когда тайну знают двое, это уже не тайна; когда в ней участвуют дети и женщины, она станет известна всем. Узнал о помощи узнику Ивашка Нос и снова предал нырбцов — доложил Тушину.

Тушин устроил засаду и поймал злоумышленника. Им оказался Архипка. Захваченный у ямы с молоком в дудочке и хлебом, Архипка признался, что нёс узнику, но не назвал, кто его научил, кто дал хлеб и молоко. Он истошно орал, когда Тушин таскал его за уши, но упрямо твердил: “Я са-ам вы-думал-ал, я тайко-ом брал хле-еб...”. Ничего не добившись, Тушин снял с мальчишки портки, жестоко отхлестал крапивой и отпустил. Перепуганный Архипка, забыв про портки, стрелой помчался домой, дико взрѣывая.

Тушин решил не заводить разбирательства: судиться с малолетними отроками да бабами недостойно война — так он считал. И потом, ему все надоело: Нырбоба, глухомань, суровый климат, ненавидящие его и ненавистные ему местные жители. Хотелось в Москву, к былым привилегиям, почестям, к пылким красавицам, пирам и развлечениям. Виной же тому, что он здесь, в этой угрюмой стороне, а не в главном городе государства, среди живописных улиц со знатными домами, церквями да монастырями под золочѣными куполами, с зелеными рощами, сверкающими водопадами мельничных колѣс на Яузе и Неглинной, — Михаил Романов. “Когда же он очокурится?! Ни одна собака не выдержит такой жизни — сдохнет, а этот живѣт! И по всему — ещё долго протянет!”

Тушин заставил стрельцов исправно нести караул, чтобы крестьяне не могли помочь узнику.

XI

Тянулись дни. Узник мужественно нёс свой тяжкий крест. Вот уже август позолотил осины, скоро опять зима. При этой мысли Тушина передѣргивало. “Почти год тут маюся! Когда же конец?!”

И вот однажды тоскливым пасмурным утром он приказал стрельцам разобрать вход в яму. Стрельцы раскидали землю с наката, сняли крайние брёвна, опустили лесенку. Тушин, пугаясь в длинных полах кафтана, полез вниз.

Михаил, увидев Тушина, всё понял, но сопротивляться уже не было сил. Он лежал, опершись головой о стену, щурясь от стремительного потока света, хлынувшего в его обитель, от которого за бесчисленные томительные дни отвык.

— Прощайся с жизнью, злодей! — прошипел Тушин, коленом придавив узнику грудь.

Михаил полуслепшими глазами презрительно смотрел на своего убийцу. Страх не было, он давно приготовился к смерти: судьба на этом свете ему не задалась, а там, в потустороннем мире, ждала его встреча с отцом и матерью, любимыми братьями и что-то ещё, неизведанное, загадочное, прекрасное, чего он жестоко был лишѣн в земной жизни.

— Иисус Христос всё-ѣ ви-идит и возда-аст вам с Годуновым з-за мученья-я Романовых сполна-а! Пала-ач! — напрягая последние силы, прохрипел Михаил.

И в тот же миг в его шею, точно кузнечные клещи, впились руки Тушина. В помутившемся сознании Михаила ярким лучом сверкнуло виденье: июльский полдень, Москва-река, он с братьями, обнявшись, сидит на берегу, солнечные блики играют на воде, узкая плотвичка серебряной стрелкой взлетает над речной гладью и исчезает в прохладных струях...

Тушин тяжело поднялся из ямы. Стрельцы настороженно следили за ним. Он отупело топтался на месте, руки его дрожали, правая щека на побелевшем лице нервно подѣргивалась. Полы кафтана и голенища сапог были обильно измазаны глиной. Почувствовав на себе подозрительные взгляды стрельцов, Тушин зло посмотрел на них, снял шапку и перекрестился:

- Романов преставился!
- Господи, прими его душу! — прошептали стрельцы.

ЭПИЛОГ

Молодого боярина Михаила Никитича Романова схоронили недалеко от ямы, в которой он страдал.

Спустя три года свершилась казнь Божия над Борисом Годуновым. В расцвете сил в одночасье испустил он дух, как утверждают современники, от яда. Юный сын Феодор и царица Мария были зверски удушены стрельцами, дочь Ксения отдана на позор Лжедмитрию. “Святая кровь загубленных Годуновым жертв, — говорят летописцы, — требовала крови чистой, и невинные пали за виновного, да страшатся преступники и за своих ближних!”

В 1606 году тело Михаила Никитича было перевезено в Москву и с почестями погребено в Новоспасском монастыре.

Вскоре после этого вернулись в Ныробку крестьяне, измученные, обрванные — хватили горемычные лиха в Казани у царских людей. Но один не вернулся — Микитка Ларев, за убийство стрельца его пытали особенно пристрасно. Много страшных мук богатырь выдержал, но не повинулся, рухнул замертво на глазах палачей, будто кедр могучий, бурей бешеной опрокинутый, повалился, не согнув ствола, корни крепкие из земли выдернув.

Время идёт. Ныробка оживает, оправляется от злого лихолетья. На царском троне — Михаил Феодорович Романов, родной племянник Михаила Никитича. В 1619 году он приказывает на месте ссылки дяди построить деревянную церковь, после чего Ныробка становится погостом.

Через сто лет над бывшей могилой Михаила Никитича неведомыми людьми тайно сооружается православный храм. Будто витязь каменный вознесся он над тайгой, словно буйная сила и молодость боярина, загнанные в яму, возродились и воздвигли эту красоту.

Оковы узника жители передали в храм, где к ним как к святыне прикладываются верующие, идущие в Ныроб из многих мест Руси поклониться мученику Михаилу, и от их поцелуев цепи начинают сиять таинственным матовым светом. Сегодня оковы те — в Чердынском краеведческом музее. Они и теперь блестят, точно горе и терпение несчастного не дают им померкнуть, и кажется, что нерастраченная, невинно загубленная жизнь продолжает теплиться в святом железе.

ВИКТОР ПАСТУХОВ

НО КАК НАМ НУЖЕН КОРЕНЬ ЖИЗНИ

РУССКАЯ ТРОПА

Бежит тропинка озорно
с пригорка в яму
за хутор, брошенный давно,
за пилораму.
Через бревенчатый мосток,
где скобы ржавы.
Через овраг наискосок,
до переправы.

Любого пешего спроси,
кто ходом прыток, —
таких тропинок по Руси,
что в пряже ниток.
Из-за вкраплённости людской,
по нищете ли?
А может, сами мы такой
страны хотели.

То бездорожье, то тропа
нам вяжет петли.

ПАСТУХОВ Виктор родился в Приморье. Окончил электротехнический институт. Преподаёт автоматизацию энергосистем. Публиковался в журнале "Наш современник" и в альманахе "Литературный Владивосток". Автор трёх стихотворных книг. Живёт и работает во Владивостоке.

Как сетка, путана судьба.
К утру успеть ли?
Не всякий в силах дотерпеть,
бредя упрямо
до переправы по тропе,
а там — до храма.

* * *

Смеётся день, а комната, как склеп.
На ложе — тело мумиеподобно,
но живо. Неразборчиво и злобно
оно бубнит. Блевотина и хлеб,
окурки и раскатанные кегли
пустых бутылок — всё даёт настой
на спирте с передержанной мочой,
как будто в стоки госпиталя свергли.

Ты кто? Подземный гоблин? Человек ли?
Ты кто? Мой брат или родная дочь,
что корчится от всосанного пойла
полубезумно и почти бесполо?
И выбор — прочь бежать или помочь? —
мне катит спазмы, как шары, под горло...

“Шары” и “кегли”, “змий” на дне в стакане,
как будто мы в бесовском кегельбане.

А может быть, ты сын своей страны,
мой брат-близнец и спуд моей вины
за всё моё беспутье и шаманство,
за ровное дыханье и враньё,
за всё благополучие моё,
когда страну мутит и рвёт от пьянства?

Мы — братья по беде, по кандалам,
которые уже отлиты там,
куда нас тянет эскалатор ада.
Вопят его загонщики — и надо
скорей на воздух выбираться нам.

Ты ранен, брат! На нас идёт охота.
И только вместе, только против хода
ступенек и обманчивых перил,
без оправданий, на пределе сил
карабкаться наверх без остановки
к живому смеху, к детским голосам.
Ты ранен, брат, но встать обязан сам!
А руку протяну я для страховки...

ИНВАЛИДЫ

1

Жил в нашем доме инвалид
на костылях, поздней — в коляске.
Врач хмурился, а мать повязки
меняла и тянула быт.

Юнцы, не нюхавшие порох,
они держали правый фланг
в шинельках на худых телах,
когда мороз пальнул за сорок.

Всю ночь в окопе без движенья
прождал атаки взвод солдат.
А в результате — медсанбат
с диагнозом: обморожение.
Из-под Москвы — в глубокий тыл.
Но тот окоп не отпустил.

Отныне скальпель — враг и друг.
Он, тяготея к резким мерам,
из года в год по сантиметрам
кромсал культяшки ног и рук
по следу костных разложений,
но после кратких погружений
в наркоз опять всплывала боль.
И каждый день, как первый бой,
как подвиг без наград и славы.
И далеко до переправы.
И пусто поле за тобой...

2

Тот инвалид давно в гробу,
но почему его судьбу
в родном селе я вспоминаю,
где не был вот уж тридцать лет?
И здесь оставил скальпель след.
Деревня умирает с краю.
Я вижу улицы — культы.
На них, как пятна нагноений,
остатки брошенных строений
и травы — грядок не найти.
Всё дальше, чуть не целый день
бреду по тропкам и болотцам
к давно заваленным колодцам,
во двор, откуда на женьшень*
нас вёл двоюродной оравой
мой дядька, словно атаман,
в тайгу, что сопками к домам
скатилась многоствольной лавой.

Вчистую вырезан кедрач,
и дуб, и бархат — плачь, не плачь,
но как нам нужен корень жизни,
чтобы помочь больной Отчизне,
деревне, что без рук и ног
в пыли полей, в грязи дорог
напоминает инвалида,
того, что резала война,
и неспроста сейчас видна
в глазах селян его обида
и наша общая вина.

Заготовка женьшеня (корня жизни) — один из экзотических и весьма доходных промыслов в Приморском крае (*прим. авт.*).

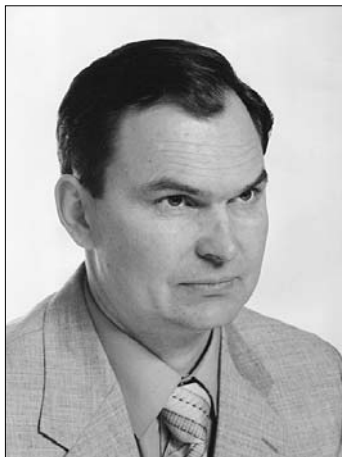
ЗИМА

В деревенском пятистенке
печь, иконы и подвал,
где у деда на коленке
я вопросы задавал:
“А зачем нам столько лука?
Эти бочки, банки, мед?”

Дед с усмешкой молвил глухо:
“У зимы большое брюхо.
Все припасы подберёт.
Все соленья и компоты.
Всякий овощ, дикорос.
Потому — полно заботы:
грядки, пасека, покос.
Если будешь ты лениться
и мешать в работе мне,
то сожрёт зима-волчица
самого тебя к весне!”

Дальше слушал я вполуха
и со страхом представлял,
как придёт зима-старуха,
у которой волчье брюхо
и чудовищный оскал.
Я представил злые глазки.
Где уж тут держать в уме
банки, луковые связки
и все бабушкины сказки
о красавице-зиме.

АНДРЕЙ БЕЛОЗЁРОВ

МЕЖДУ ТРЁХ ОГНЕЙ

РАССКАЗ

Майор Карданов возвращался в Бендеры. Двадцать лет спустя. Много это или мало? Смотря для чего... Для памяти? Для любви? Для войны — той братоубийственной бойни, что разразилась на берегах Днестра по недомыслию политиков...

Ныне же в Приднестровье опять шла война, но вместо огневых батарей работали орудия политехнологов. Избирали президента на новый срок. Не признанное до сих пор царство раскололось. Как и вещал с амвона, извергая громы и молнии из перста указующего на исполком, проглядывающий за окнами городского храма, отец Герман, не отступивший в служении и в кровавое лето 92-го: “Дом, разделившийся в себе, не устоит!.. Анафема на ваши головы, отбившиеся, прворовавшиеся!” — и неистово осенял прихожан охранительным крестом...

Кандидаты бились за электорат. Имиджи у всех претендентов были в луху. Ряды избирателей косило шквалом сенсационных разоблачений фаворитов гонки. Граждане, продираясь сквозь дебри лжи, поставленные перед судьбоносным выбором, надеялись обрести уверенность в завтрашнем дне.

Все эти сведения майор почерпнул в средствах массовой информации. И про отца Германа тоже: это был единственный приднестровский священнослужитель, в свое время открыто выступивший против тех, кто столкнул лбами православных братьев. Двадцать лет назад гвардии майор Юрий Кар-

БЕЛОЗЁРОВ Андрей Борисович родился в 1966 году в г. Бендеры Молдавской ССР. Учился в Кишинёвском институте искусств и педагогическом институте. Окончил Высшие литературные курсы в Москве. Проза печаталась в журналах “Кодры”, “Молдова литературная”, “Московский вестник”. Член Союза писателей Приднестровья. Живёт в г. Бендеры.

данов пошел на жёсткую конфронтацию с руководством республики, за что и был изгнан.

На вокзале он взял такси до центра. Ехал. Глотал слезы счастья и горя. Воспоминания накатывали, сушили глаза. Мощные бастионы, валы, рвы, где знаком каждый камень; есть среди них и камни с древними барельефами: “источник”, “куница”, “солнечный циферблат”... Обелиск русской воинской славы начала девятнадцатого века, увенчанный орлом с распростертыми крыльями... Въезд на мост, за который велись суровые бои. Майор узнавал и не узнавал город: куда ни кинь взгляд — торговые и игровые павильоны, бутики, реклама на щитах; старинная каменная мельница, прочное каменное здание, наполовину снесено, переоборудовано в вещевой рынок; главпочтамт превратился в супермаркет...

Гостиница “Днестр” — и та напоминает блудливый пятачок: в фойе стоят игровые автоматы, сомнительного вида прокуренные девицы, прицениваясь, снуют между редкими командировочными.

Снял номер, бросил вещи и — быстрее в город. Начал вновь себя обретать на той самой улице, у той самой школы, где состоялся последний бой, где ему подстроили позорную облаву и пленили в разгар войны. Впрочем, выдвинули альтернативу: исчезнуть — навсегда! Раздумывать было некогда. Выбрал побег. Ведь пленили и трибуналом грозили *свои!*

Он стал *persona non grata* — нежелательной фигурой — уже на девятый день вооруженной борьбы с Молдовой, невзирая на то, что его батальон держал большую часть города вместе с союзными казаками и ополченцами. Ни оружия в достатке, ни боеприпасов, ни раций — только штабные распоряжения: выкарабкиваться самостоятельно, если не смогли или не пожелали во время отступить. Вот Карданов и развернулся самостийно во вражеском кольце, на свой страх и риск, — действовал, как подсказывала совесть офицерская, возвращенная в гражданине города своего. Послал ко всем чертям связь с Тирасполем. Ведь ещё за неделю до начала военных действий докладывал местному главе:

— Товарищ президент, считаю архиважным незамедлительный вывод полиции из городского центра. Вражеская группировка — под боком у горисполкома!

— Майор, имейте в виду: штурм полиции — только по моей личной команде. Ориентировочно завтра к вечеру. О точной дате и времени сообщу позже!

Тщетно Карданов разрабатывал план, чертил схему, растолковывал задачи ротным и взводным. Ни завтра, ни послезавтра не поступило *никаких личных распоряжений*. Потом оказалось, что время упущено. Полицаи упрочили свою позицию, много вреда причинив впоследствии, притягивая к себе внимание гвардейцев в обороне городского периметра. А через пять дней, после успешного вывода основных частей в Тирасполь, молдавские военные волонтеры с юга прорвались к мосту и взяли под свой контроль подступы к городу со стороны Днестра. Шли бои и за исполком, где в подвале засела вся городская “верхушка”; молдаване захватили один из микрорайонов и расположили там штаб. Майор сражался. Зло и остервенело.

Но ведь не только память о войне и возможность вернуться в родные края привели сюда Карданова. Нет! Было ещё что-то... Вернее, кто-то, ради кого он и вернулся сюда. Галина... Он хотел и боялся встречи с ней...

В те горячие дни майор Карданов черпал силы из гнева — на себя, на врага, на бессилие великой страны России. Был жесток. А верное решение кристаллизовалось из донесений разведгрупп да из дискуссий с отцом Германом. “Сегодня Карданов раздаёт тушёнку со складов. Ещё банка повидла, зелёный горошек и пакет сахара в каждые руки!..” — передавали истые прихожане соседям. Осаждённые люди в период огневого затишья спешили к месту раздачи. “Карданов вернул из плена двадцать наших солдат в обмен на семерых молдавских военных волонтеров...” — шептались в заставленных мешками с песком окопах ополченцы перед очередным артобстрелом. “Карданов рассчитывает *лично* вести переговоры с президентом Молдовы...” — дивились между собой, дымя едкими самокрутками, приезжие казаки.

Отец Герман весь военный год бился за каждого мирянина, но *против* политических установлений. В Бендерах бок о бок жили враждующие: в домах и на этажах, да и в семьях, бывало, разделялись и бились каждый за свою идею. Узнав, что склонивший перед ним голову человек пришёл с баррикады, не важно, с какой стороны, он отказывал ему в причастии Святых Христовых Тайн — до сложения им с себя военных обязательств. “Иди немедля к брату, против кого замыслил казнь, вались в ноги, моли прощения! — увещевал святой отец. — Потому как проклят веки тот, кто прольёт кровь брата своего...”

Отец Герман был ярым противником *человека с ружьём*, вернее, с автоматом Калашникова. Бендеры — пороховая бочка конфликта. Здесь сошлись представители всех противоборствующих сил: имперцы, унитаристы, сепаратисты, националисты; и российско-украинские казаки, и молдавские национал-патриоты, и приднестровские активисты...

Но отец Герман службу вершил в согласии с источником светлым и незамутненным, что вложил в душу человека при сотворении Бог. Хотя в соседнем пределе собора иной его *сослуживец* и благословлял враждующих. Церковь-то одна. Бывало, стоят в очередь к покладистому попу молдавский полицейский и приднестровский гвардеец (или казачок какой залётный крестом осеняется наотмашь), глазами сверкают друг на друга, ненавистью исходя втихомолку, и... преклоняют колено перед священником, получая благословение на *дела добрые* — Отчизну защищать. А выйдя из храма, настаивают друг на друга стволы вороные, стремясь поскорее исполнить свой долг... И накануне войны бывало так, и во время неё, и много после... Отец Герман призывал отстаивать *Родину*, не разделяясь между собой по политическим мотивам, требовать сложить оружие. И только к комбату подходил священник с мерой иной. Они были однокашниками. Слава Мудренко (ставший впоследствии отцом Германом) и Юрка Карданов были такими друзьями-товарищами — *не разлей вода*.

...С торца лица на Карданова глядел портрет кандидата, был он на нём такой весь приглаженный, в очках. И чуть было не споткнулся майор — будто и не было двух долгих десятилетий! — разделивших его и *этого, с картинки...* “Говорить только ПРАВДУ!” — обещал будущий народный избранник. Такой уверенный в себе, холёный. Но Карданов звал его и другим...

Тут майор услышал за спиной голос с хрипотцой — знакомый голос. Оглянулся — Литвиненко! Его давний учитель по обществоведению, не изменившийся с тех давних пор ни в осанке властной, ни в темпераменте, ни даже в лице. Рядом с ним — двое молодых людей, похоже, молодые лицейские педагоги.

Литвиненко их наставлял:

— Голосуйте, ребята, за старого президента. Коней на переправе не меняют! Всех этих кандидатов не счесть, а Приднестровье у нас одно. Мы его кровью выстрадали в великой борьбе...

“Конечно, выстрадали, — горько усмехнулся майор. — Намутили, подыгрывая политикам. Извратили программу истории в школах, в вузах... Лишь бы разделить народ по обе стороны Днестра... А все эти митинги и стачки, предшествующие развалу? Интеллигенция и втемяшивала в сознание масс спускаемые ей верховными правителями лозунги. Учителя, артисты, писатели, художники... Разве не от них исходили самые злые призывы, удобные местной власти! Разве не они раздули искру раздора — *самопровозглашения*, неизбежно ведущего в тупик! Теперь вот и голосовать призывают за старого волка...”

Чтобы не встречаться с Литвиненко, который мог его узнать, Карданов отошёл в сторону, за вяз. Ещё раз глянул на огромный плакат с претендентом. Спросил себя: “А этот чем лучше?” Горлопаны, экономно улыбающиеся мальчишки под пятьдесят, почувявшие, что власть не под силу *нынешнему*: проворовался он со своей ушлой семейкой, да и здоровьем не блещет, и прихвостни-предатели со всех сторон; не говоря уж о поникшем международном авторитете, который всё время с момента *самопровозглашения* Приднестровского государства держался исключительно *российским авторитетом*.

Вот и выплыли эти... Карданов ведь сразу узнал человека на плакате, хорошо помнил встречу с ним, хоть и минуло столько лет.

Это был седьмой день войны. Карданов прибыл поутру, после очередной ночной огневой свистопляски, в свою ставку-штаб для координации действий с ополченцами и казаками. Это было помпезное старинное здание на одной из центральных улиц, окружённое по периметру асфальтом, вспоротым окопами и баррикадами. Тут-то и попались ему под горячую руку два велеречивых агитатора, которых он ещё днём раньше готов был расстрелять без всяких объяснений. Они были из тех, кто вздыбил регион своими хитроумными посулами, подожгли фитиль распри и подвигли его, офицера-афганца, стать настоящим *сатрапом*.

Представители двух враждующих идеологий сидели пленённые в подвале и ждали своей участи. Один — прожжённый сторонник народного фронта, известный антирусскими выступлениями в прессе и на митингах в Кишинёве; другой — такой же трибун рьяный, только сторонник самоопределения Приднестровья, студент университета из Тирасполя.

Карданов был крайне взвинчен: ещё бы, ночью был подбит БТР, снаряжённый казаками на штурм здания полиции. А ведь увещевал казаков комбат накануне штурма: пустая затея, верная смерть! бронетехника не приспособлена для ведения боя в городе, где даже тяжёлый танк — легкая добыча для “гранника” из подворотни! Черноморская “розвага козацька” решила по-своему. Итог — весь экипаж: четыре ополченца и два казака — сгорели в жестяной банке на колесах. Горевал комбат: свою голову не посадишь на плечи есаулу; ох, не те силы у него, чтобы вести бесконечную тяжбу среди *своих* в окружении *чужих*... Сгоряча Карданов винил в трагедии всех вокруг, подозревал во вредительстве каждого. А эти двое задержанных, в гражданке, вольготно сидели рядком и вели политические дебаты.

— Кто вас подослал, а? — взвился майор и для убедительности достал из кобуры “макарова”. Задержанные оторопело замолчали. Карданов резко бросил адъютанту: — Лейтенант Лазарев, доложите: кто и что?

— Этот очкастый, — указал подчинённый на студента, — намылился бежать из города на ведомственном транспорте. Мы его притормозили. Попросили ответить раненого Усачёва в больницу, а он отказался, помахал у меня перед носом какой-то бумаженцией...

— Все не так было, товарищ майор! Ваши бойцы приказали разворачиваться, везти раненого на другую сторону. Но мне туда нельзя... понимаете? У меня — задание!

— Твой темно-зелёный “фольксваген” во дворе?

— Нет. Джип “Чероки”! — отвечал, захлебываясь, приднестровский агитпроповец, которого комбат уже не однажды видел по телевидению (да и в местных газетах его фото мелькали), живчик из комсомольских заправил, быстренько продавшийся к новой кормушке. Выпуклые глазёнки его за стеклами в тонкой металлической оправе пучились в удивлении, словно пытались нащупать зацепки у *своего*. Вероятно, агитатору казалось, что придёт вот сейчас легендарный Карданов, и все недоразумения сразу пропадут, и его, не лазутчика-диверсанта, а актуального идеолога-пропагандиста, отпустят, вернут ключи от машины и принесут свои извинения... — Я ехал по заданию. Я планировал акцию для горожан на рынке, а меня арестовали ваши товарищи!.. — Он искренне недоумевал: — Я хотел говорить с народом о том, что международное признание нашей республики не за горами! Людей надо воодушевлять! Люди устали от войны... Ни воды, ни электричества, ни газа... Они прячутся по подвалам... Но не надо бояться... Правда за нами! Приднестровье никогда не было частью Молдовы... Россия нам поможет!.. Украина *тоже*!..

— Какого же хрена твои покровители разблокировали город и вывели свои войска накануне вторжения? Ведь разведка донесла: тяжёлая артиллерия прёт на Бендеры с юга! Почему я с батальоном солдат да с десятком-другим казаков — ополченцы необстрелянные не в счет! — должен держать оборону города?

— И все-таки вы держите... Главное сейчас — выстоять и не вступать

в переговоры с молдавским президентом, помнись, что Приднестровье никогда исторически не входило в состав...

Карданов выругался.

— Что ты вешаешь мне лапшу на уши? Я школьные уроки истории помню. Никогда Бендеры не выходили из Бессарабии. Даже во времена Российской империи один уезд был Бендерский, другой — уезд Кишинёвский... И что делать с теми русскими, кто остался на молдавской стороне?.. Ведь в Кишинёве русских больше, чем во всем Приднестровье! А сколько русских ещё и в молдавских городах и сёлах... — Майор вцепился взглядом во второго задержанного — этот был бородач, на вид лет сорока.

— Так и есть, Бессарабия — первична! — воскликнул бородач. — Бендеры и другие города попались в сети обмана, в так называемое Приднестровье...

Карданов и этого тоже заочно знал — это он тряс бородой и разбрасывал в кварталах листовки “Чемодан-вокзал-Россия!” или: “Сепаратисты, сдавайтесь! Иначе сравняем город с землёй!” С жаркой ненавистью этот молдавский агитатор извергал проклятия на русского агитатора: “Прихлебатель КГБ! Свинья!”

Теперь он вешал без пены у рта, но всё о том же:

— Политические авантюристы, господин майор, вышли из-под контроля! — он заискивающе заглядывал в глаза Карданову. — Ставленники международной мафии желают расчленить и без того маленькую, но прекрасную Молдову!

Карданов повертел в руках пистолет. Подумал: и тот, и другой в одной упряжке, обоим хочется развалить Молдову. И националисты, и сепаратисты... А кто-нибудь о людях подумал?

— Мы в целом за русский мир! — спешил высказаться бородач. — Вы же славянин, должны понимать. Мы расширим своё влияние на Балканах... Стоять в Приднестровье насмерть! А Молдова отойдет к Румынии! Девяносто процентов кишинёвской интеллигенции мечтает об этом...

— Заткнись! — оборвал его майор.

В Карданове боролись самые разные чувства, как бывает при *расщеплении сознания*. Куда катится мир? Почему смутьяны всегда оказываются наверху? Он взглянул на парочку, сидевших перед ним смиренно, как нашкодившие школьники, агитаторов. Расстрелять их, что ли? Нет, нельзя. Выйдет ещё большая смута, ещё больше увеличится трещина, разводящая живущий по обе стороны Днестра народ. Он словно бы услышал голос отца Германа: “Предоставь решать воле Божией!..”

Карданов отпустил пленников. Пусть сами расхлёбывают то, что заварили. А он офицер, с него довольно снайперов и барыг, мародеров и насильников, у которых нет ни идей, ни идеалов. У всех — своя война! Каждый приспособливается по-своему под омрачённым пожарами солнцем — только солнце и дарит хоть каку-то надежду.

...На месте отчего дома зиял пустырь — хорошо, что не павильон игровых автоматов! Карданов резко махнул рукой, будто перерубил что-то. Вот и состоялось свидание с домом...

Майор Карданов родился в рабочей семье. Мать с отцом упокоились с миром в первые годы перестройки, а не то вряд ли вынесли бы все эти перемены в обществе, локальные войны, *взлёт и падение* сына. Школа, военное училище, армия, Афганистан... Много товарищей довелось ему потерять на своём веку. А вот семья — ни жены официальной, ни детей у него не было. Его семья — батальон. Дневал и ночевал в части. И казалось, так надо. Так правильно... Но правильно ли, если больше всего сюда, на родину, его тянула именно встреча с женщиной?!

...Вот он на улице, где полегли первые *его* двое. Здесь окопался боевой расчёт — на перекрёстке главных линий в направлении на горисполком и логово молдавской полиции. Здесь от прямого попадания снаряда в огневую точку они и погибли. Потапов и Веверица... А дальше, на следующем перекрёстке погиб разведчик Королёв: он спешил предупредить взвод о засаде, спешил и не успел... А может, сам Карданов в этом и виноват. Не всё учел, не всё предусмотрел, и из-за него полегли солдаты? Нет, не только из-за него.

Народ в те горячие дни пожинал плоды *самоопределения и свободы*. Люди метались, как зачумлённые, среди каменных домов, из одного укрытия в другое. По запоздалому решению штаба гражданской обороны были вскрыты бомбоубежища на крупных предприятиях, только путь к ним под прицелом вездесущего снайпера часто оказывался роковым. Пребывали в растерянности и народные избранники-депутаты.

Лишь гвардейцы Карданова и союзные казаки знали, что делать: даже погибая, держать город. Вскоре и добровольные помощники армии — не сбежавшие из города жители — начали взывать к комбату об организации ополчения. И даже исконно молдавское население города, не принявшее, однако, курса на сближение с Румынией, к чему призывали его ярые националисты, жаждало вступить в бой на стороне осаждённых.

“Не оглядывайся ни на кого! — увещевал его молитвенным голосом отец Герман. — Неколебим будь, горд и верен себе! Защити люд православный, в брани неискушенный...” И майор Карданов поступил по совести. Не стал делить *страну* ни в угоду лидерам молдавским, ни на пользу лидерам приднестровским.

Однако отец Герман жестокости военных не жаловал. В этом он был непримирим и никак не мог согласиться с майором Кардановым. Священник проповедовал *иные* методы борьбы с врагом.

— Ничто, брат Юрий, не вершится без воли Божией, — терпеливо внушал отец Герман комбату. — Война, по сути, божественный план в процессе становления, дабы научить человечество, что насилие — это ошибка...

— Что ж ты, отец святой, и жестокость мою обеляешь?

— Тебя сам Бог послал на нашу многострадальную землю — ты словно Георгий Победоносец, гвоздящий гидру многоголовую... — отвечал священнослужитель. — Смотри же, не прилагай усилий больше, чем требуется.

...Неподалёку от Центральной библиотеки Карданов увидел на газоне памятную плиту оператору республиканского телевидения Воскресенскому. И бой, когда был сражен оператор, встал перед ним во всех подробностях. Со стороны здания молдавской полиции вёлся пулемётный огонь, прикрывающий частые вылазки отряда особого назначения к позициям казачества и приднестровской гвардии под руководством Карданова.

Карданов загонял их обратно в *полицейское логово*, но предугадать всплески их активности, связанные с наступлением военных волонтёров, всякий раз было невозможно. Полицейские доставляли майору постоянную *головную боль*, работая на отвлечение, чтобы основные силы тех, кто стремился захватить город, могли действовать более свободно.

Но в этот раз были *биты все карты*: полицейские предприняли отчаянную попытку в сумерках пробиться к главному стратегическому объекту — мосту, — чтобы упрочить его оборону, а самим выйти из каменного мешка ведомственного административного дома. Благо казаки приняли на себя удар волонтёров, поднявшихся в атаку, чтобы взять бойцов гвардии в клещи.

Карданов отстреливался из автомата, выбегая из укрытия библиотеки, и всеми силами вверенного ему батальона не дал врагу совершить прорыв. Но поплатился он за это ценой многих жизней своих товарищей, ценой осознания, что война ведётся *не по правилам*: сегодня ты выиграл бой за мост через Днестр, но это ещё не значит, что политики признают твою победу. Ситуацию в любой момент могут пересмотреть. Победу нынче добывают не герои на острие штыка, а мозги *новых* политиков. Что и говорить — рынок...

Тут вдруг и объявился *этот* оператор — он стремился заснять самые яркие события схватки, когда полицейских загоняли огнём обратно в управление... Пули секли воздух. Люди с автоматами мелькали между стен — то на одной стороне улицы, то на другой. А камера Воскресенского всё это снимала, — для истории тех, кто останется в *живых*. Выгодные ракурсы брал, словно не ведая страха, нацеливался вплотную к огненным точкам: дразнил и майора, и врага, и будущего зрителя своего репортажа.

“Куда лезет, черт?! Неужели и впрямь обойдёт *злая* смельчака? — кипятился Карданов, стараясь прикрыть огнём отчаянного телевизионщика. Бормотал, будто тем мог ему помочь: — Давай, парень! Жми на аппарат! Кто-то же должен показать всё это миру...”

Но скоро бойцы выносили под огневым щитом истекающего кровью Воскресенского. А камера продолжала снимать! Её нёс ординарец комбата, не зная, как отключить... Оператор умирал мучительно, *при исполнении*, добывая для истории подлинные факты течения войны. До последнего вздоха молил, чтобы майор передал кассеты на телевидение в Тирасполь. Ведь иных корреспондентов в разгар событий сюда не пускали.

Когда же общими стараниями отмотали кассету, просмотрели заснятое, изумились: крупный план противника, глаз в автоматном прицеле из-под каски с белой повязкой, — тот самый человек, который и пустил очередь в Воскресенского, смертельно ранив его. Вот он, *обыкновенный* подвиг!

Не поверить *такому* парню нельзя. Его кассеты — это бесценные свидетельства Бендерской трагедии, они завершались последним репортажем, в котором автор погибает на глазах зрителей...

После смерти оператора Карданов наказал адъютанту, уяснившему, где какая кнопка, не расставаться с камерой, — и всё снимать. И, унимая дрожь, этот юркий двадцатилетний парнишка из ополченцев все глаза проглядел, пялясь в объектив, пока не сдохла батарея (другую в осадном городе не раздобыть). Так собирался банк неоспоримых вещественных доказательств: на пленке были запечатлены попеременно трупы мирных граждан и служивых, одетых в разную форму. Живые не слишком стремились о себе сообщать, а мертвых нужно было фиксировать, прежде чем укладывать в братские могилы, чтобы легче потом было их опознавать.

Карданов шёл дальше по городу только с одной целью, о которой не хотел думать и которую не собирался обсуждать даже с самим собой. Впереди открылся парк культуры, где почти каждое дерево было обогрето человеческой кровью. Заброшенная танцплощадка с эстрадой, куда устремлялась, бывало, вечерами молодежь со всего города... А ведь здесь когда-то Карданов и познакомился с *ней*. Никакой он не танцор, а так, и оказался-то здесь случайно. И неведомая и непреодолимая сила заставила его подойти к Галине.

...У радиальной аллеи на афишной тумбе внимание майора привлекло объявление: “Люди хорошие! 29 ноября 2011 года вечером на этом месте был убит мой сын Чечельник Петр Алексеевич 1993 года рождения. Кто знает хоть что-нибудь об убийстве, прошу сообщить по телефону... Мать”. Здесь, на этой же тумбе майор почерпнул и другие сведения о местной жизни. “Помощь в получении гражданства: Румыния, Болгария, Польша, Чехия... Отказ от гражданства: Россия, Украина, Молдова... Продление загранпаспортов”; “Требуются строители, медики, повара в возрасте до 35 лет — в Италию, Грецию, Португалию...” Чертыхнувшись, майор зашагал дальше.

Городской стадион. Теперь он находился под юрисдикцией МВД, о чем гласила вывеска у главного входа на трибуны. “О времена, о нравы, — подумал майор, — менты катают мячи, а женщины ищут убийц собственных детей по объявлениям на столбе...” Скоро Карданов вышел на перекресток улиц с символическими названиями “Коммунистическая” и “Первомайская”, в район кинотеатра “Дружба”. Здесь проходили самые тяжелые бои.

Перекрестие дорог, — ни объехать, ни обойти, — а волонтеры бьют из орудий и в личный транспорт беженцев, ещё ничего не понимающих в политическом раскладе, и в кареты “скорой помощи”, не миновавшие той же участи, что и гранатометчики, и в пожарные машины: жилия саманная застройка вспыхивает и сгорает в секунды, словно спички... Здесь рубились насмерть молдавские волонтеры и бойцы батальона Карданова — сутки, вторые, третьи; а на четвёртый день майор отрядил на переговоры с врагом нескольких своих молдаван с бутылью спирта. В неприятельском стане (в младшем офицерском составе) к дерзости парламентариев отнеслись с пониманием: сами искали нетривиальных решений, были, по сути, в тупике, куда их загнали штабные чины. В общем, они столкнулись: бить по возможности в обусловленный квадрат, чтобы избежать лишних жертв. В этих координатах располагалось общежитие, к тому времени уже сожжённое и разграбленное...

Теперь на месте сметенного артиллерией квартала выросли частные дома, да такие, что впору российским нуворишам позавидовать. И тут же, через дорогу — всё в выбоинах стоит общежитие *той* поры: пустое, выгоревшее, словно вызывает к памяти живущих...

И вот он почти у цели. Карданов подошёл к этой калитке, настороженно озираясь по сторонам, словно боялся, что кто-то может следить за ним. И тут он услышал голос той, о ком вспоминал все ушедшие в пустоту двадцать лет. Озирался-озирался, а главного-то и не заметил...

— Юра! Ты вернулся? — Галина спросила просто и, казалось, даже без удивления. Только когда он обернулся к ней, лицо её вмиг побелело.

— Да. Я вернулся, — виновато подтвердил Карданов, чувствуя, что его лицо, напротив, горит, как маков цвет. Изменилась Галина, сильно изменилась. Внешность-то как бы и не в счёт, но что-то в ней появилось новое, а морщинки под глазами вроде и не прибавилось, и глаза такие же синие...

— Ну, что ж, проходи.

— Это удобно?

— Да нет проблем! — с неестественной весёлостью откликнулась Галина и толкнула перед майором калитку.

Скоро Карданов, сидя за чашкой чая, говорил... Галина смотрела на него как-то рассеянно, будто и не слушала. Да и Карданов говорил как будто для себя, оправдываясь, что ли...

— Не вписался я в ни в чьи планы... Иные уж теперь герои. А меня обвинили во всех грехах, чуть ли не военным преступником, вором сделали. Самозванец!

Карданов помнил до сих пор проповедь отца Германа, произнесённую с высокого крыльца храма, как с амвона; слова священника были просты и понятны: “Православных братьев и сестёр не разделить политической интригой, границами и таможнями! Пролитие христианскую кровь воинствующие сепаратисты и националисты — посланники дьявола! Тот же, кто готов положить живот свой за брата, — от Бога!”

И он снова напряженно пытался объяснить Галине, что и как тогда было, и почему она не видела его или он не видел её почти двадцать лет. Он как будто всё ещё жил событиями той поры, горячей поры, где он был всем нужен.

Во время своего “правления” в осажденном городе Карданов дал обездоленным людям возможность выжить, распечатав склады новоспеченных богатеев из бывшей, как правило, партноменклатуры; немалые силы он положил на организацию ополчения, снабдив добровольцев оружием и амуницией; по правилам военной науки он установил в городе линии обороны, и если сдавал квартал в силу тактической необходимости, то потом отбирал, не давая послаблений ни себе, ни врагу. Заодно и с криминалитетом местным разобрался. По адресам, бывшим у обывателя на слуху, объявлялся внезапно со своими бойцами и выволакивал не успевшую ретироваться за Днестр или в Кишинёв уголовную братву, которую изолировал крепко, чтоб не наживались они на чужом горе.

“Правил бал” майор Карданов, разъезжая по городу на БТРе, над башенкой которого развивался черно-желтый стяг со старинным гербом Бендерского уезда: на золотом верхнем поле — двуглавый орел со щитом в когтях; на черном нижнем — поверженный лев, изображенный там в память о бесславном пребывании у стен Бендерской крепости шведского короля Карла XII. Парламентариев всех рангов, резидентов Москвы, Киева и Бухареста он гнал со своего порога, заявляя: “Хочу говорить с развязавшим войну молдавским президентом!..” А когда объявлялись те, что работали с мандатом Красного Креста, рубил сплеча, не слушая их геополитических аргументов: “Я требую немедленного вывода всех атакующих из Бендер! Город — не арена для боевых действий! Необходимо остановить государственный терроризм! Быть ли городу молдавским, украинским или русским — сейчас не важно; прежде должен наступить мир!”

... — Вот за такое самоуправство и взяли меня, когда российские войска пришли. Хотели расстрелять. Но побоялись. Вдруг народ поднимется. Гражданский протест, новая смута... У граждан города я был популярен, поскольку защищал бесправный люд и его имущество от разграбления... — Карданов усмехнулся, посмотрел на Галину и опять прочитал на её лице некоторую отрешённость. Она ждала, наверно, других объяснений, не военных, не стратегических, — личных. — Предложили мне тогда немедленно покинуть Приднестровье, а заодно и Молдову, чтобы не дразнить гусей. Навсегда! По-

садили в “воронок” — и к украинской границе... А здесь чтоб я и носу не показывал.

Он взглянул на неё, и в её глазах прочитал немой вопрос:

“А как же я? Обо мне ты забыл?”

Карданов ответил:

— Тебя я не хотел подставлять, думал, что и в России они могут дотянуться до меня. Зачем тебе лишние переживания? Да и куда я уезжал? В поле. Ни кола, ни двора. Кому захочется тащиться неизвестно куда... А у тебя здесь всё же хозяйство, свой дом. Разве мог я позвать тебя в никуда? — Он вроде и не спрашивал её. И не ждал ответа. Карданов давно уже ответил себе сам, ещё тогда, когда, сжимая зубы от отчаяния, покидал родной край, родную землю, всё своё родное, политое кровью своей и своих товарищей. Уходил он тогда почти что в *бега*...

И сейчас разом представились ему его скитания по России. Он, легендарный комбат, кочевал изгоем по бескрайним просторам российским: от Мурманска до Камчатки. Рыбачил в артелях, бил зверя в охотничьем заготряде, сплавливал лес...

— Жил по улам, семья так и не создал... — рассказывал Карданов. Он не оправдывался перед Галиной, но чувствовал свою неловкость и хотел, чтобы его поняли. — Тогда было время какое-то шалое. Всем почему-то казалось, что вот будет свобода, независимость... незалежность... и всё сразу пойдёт, как по маслу, образуется и наладится... Что вроде как самое главное — самоопределение. И наступит рай. — Карданов вздохнул, огляделся исподлобья и тут заметил на стене фотопортрет молодого человека. — Не наступил рай. Вон и в России уже опомнились. Раздробили страну, а теперь локти кусают... Никто от этого не выиграл. Только враги... — Карданов кивнул на фото. — Кто этот парень?

— Это мой сын, — ответила Галина. — Он сейчас в Кишинёве. Учится в университете.

— Сколько ему?

— Девятнадцать...

Словно переступая через что-то, Карданов спросил, тихо и осторожно:

— Кто его отец?

— Его убили, — сухо, коротко, чеканно ответила Галина. — Убили на войне. Тогда, двадцать лет назад... Больше не спрашивай меня ни о чём!

Майор замер. Будто враз пролетели годы перед глазами, все те *пустые* годы скитаний. А потом опять появилось ощущение запаха пожарниц, следов крови на земле, повсюду — разбитые дома с торчачими из бетонных перекрытий кривыми венами арматуры... И он, майор Карданов, никому не нужный, никем не понятый, воюющий “за народ”, оставивший Галину одну, одну с ребёнком, с его ребёнком! Это Карданов понял сразу.

— Ты извини, Юра, мне нужно кое-что приготовить. Скоро муж из рейса вернется. Он водитель... Я очень боюсь потерять этого человека.

Карданов встал, выпрямился по-офицерски: время его гостевания в этом доме истекло. Слишком поздно он сюда явился.

Напоследок Карданов вьедливо вцепился взглядом в фото молодого парня. Сына?! Да какой он, Карданов, ему отец, если *не вспомнил* о нём ни разу!? За двадцать-то лет...

— Прости, — тихо произнёс он и пошёл к выходу, скользнув глазами по бледному лицу Галины.

Город жил своей жизнью. Светлый, чистый город, с простыми людьми, с простыми заботами. И казалось, всеми домами, окнами, деревьями, всеми афишными тумбами, памятниками, всеми глазами людскими, голосами, словами и поступками проклинал безумие и подлость политического дележа, который превращал обыкновенных людей в убийц, изгоев, подлецов... И всё ради чего? А главное — ради кого?

— Куда ты теперь? — услышал Карданов за спиной голос Галины. Всё же не стерпело женское сердце, сжалилось. Догнала его Галина, и голос заботливый, со слезой...

— Пойду к отцу Герману. Мы ведь с ним одноклассники. Детство и юность на этих улицах провели, — угрюмо сказал Карданов.

ПАМЯТЬ

К 70-летию победы под Сталинградом

Ветеран Великой Отечественной войны, непосредственный участник Сталинградской битвы А. И. Цветков ныне является известным учёным, доктором военных наук, профессором, академиком Академии военных наук России. Он автор более 300 научных, художественных и публицистических произведений. К 70-летию Сталинградской битвы А. Цветков выпустил книгу своих поэтических произведений под названием “Сталинградская тетрадь”. Это книга о сражающемся Сталинграде, о величайшей битве. Как пишет сам автор: “Я посвятил ей несколько десятков стихотворений очерков и статей. Часть из них родилась в боевой обстановке и нашла место в фронтовой печати того времени, часть написана и опубликована позже, а некоторые из них вообще пока не увидели света...” Но вот, наконец, читатель сможет ознакомиться с поэзией ветерана, услышать сквозь годы и годы дальнейшее военное эхо, эхо Сталинграда...

АНАТОЛИЙ ЦВЕТКОВ

ЭХО СТАЛИНГРАДА

ЖЕЛЕЗНЫЙ КРАЙ

Третий месяц кварталы горят,
Третий месяц не знаем покоя,
Мы не сдали врагу Сталинград
И оглохли от грохота боя.

Каждый день под неистовый «Хох!»
Немцы лезут на наши окопы,
Испуская последний свой вздох
У железного края Европы.

Сюда письма почти не идут
(Волга трудится только ночами),
Но стоит сталинградский редут,
Как потомкам завещанный камень.

Здесь разносит заволжский степняк
Запах пороха, крови, махорки.
Ещё много фашистских атак
Нам придётся отбить на пригорке.

Третий месяц кварталы горят,
Третий месяц не знаем покоя,
И в сражении за Сталинград
Ещё крестимся целой рукою!

Сталинград, октябрь 1942 г.

СПАСЁМ!

Я часто встречал этот горестный взгляд
На фронтовых перекрёстках,
Когда за спиною горел Сталинград
И плакали дети в повозках.

Я слышу ночами отчаянный крик
И не нахожу себе места.
Мы отразим этот варварский штык,
Спасём материнство и детство.

Я верю, начнём мы на Запад шагать
Сквозь пули, бомбежки и вьюги,
Чтоб выручить эту страдалицу-мать
С ребёнком; застывшим в испуге.

Хутор Вертячий на Дону, август 1942 г.

СОЛДАТСКИЕ СЛЁЗЫ

Пехота шла как грозный вал,
В атаку на врага,
Но пулемёт вдруг затрещал,
И рота залегла.

Тогда я вызвался идти
И точку подавить,
Мне по опасному пути
Не привыкать ходить.

Я по-пластунски полз вперёд,
Катился пот с лица,
И вот уже немецкий дзот,
И языки свинца.

Я приподнялся и метнул
Гранату в этот ад,
И прокатился взрыва гул,
Зовущий как набат.

Увидел я, как поднялась
Пехота во весь рост,
И навернулись в первый раз
В глазах бусинки слёз.

Сталинград, январь 1943 г.

АЛЕКСАНДР ЗВЯГИНЦЕВ

НЕУЛОВИМАЯ

РАССКАЗ

Примчался неугомонный Серёжа Прядко и потащил на место происшествия. Взрыв в охраняемом гаражном комплексе, есть жертвы, азартно объяснил он по дороге. Руководство взволновано — вдруг терроризм? Тогда весь город будет *стоять на ушах*.

Ехать было недалеко.

У гаражей уже работали криминалисты и врачи “скорой”. На земле в луже крови лежал человек с чёрным обугленным лицом. У него были по локоть оторваны обе руки. Невозможно было понять, жив он или мёртв.

— Живой, но... Шансов почти нет, — покачал головой врач.

— Что-то взорвалось у него прямо в руках, — доложил эксперт. — Взрыв был граммов так на сто в тротиловом эквиваленте. Как он ещё жив остался, не понимаю! Башку должно было снести напрочь. Повезло...

Ледников ещё раз взглянул на обугленный обрубок — если *это* считать везением...

Прядко, известный скорохват, уже выяснил, что потерпевший — владелец одного из гаражей Кирилл Селивёрстов. Причём в свой гараж он, судя по всему, даже не вошёл — дверь была заперта. Это подтвердил и один из охранников, видевший, как Селивёрстов, не открывая дверь, зашёл за угол гаража, а через минуту грохнул взрыв.

— С собой он, что ли, эту бандуру принёс? — хмыкнул Прядко.

ЗВЯГИНЦЕВ Александр Григорьевич родился в 1948 году. Мастер остросюжетной прозы, известный также как служитель Фемиды и историк. Его романы, в частности о легендарном майоре Сармате, давно завоевали признание у читателей. Многие книги А. Звягинцева экранизированы, переведены на другие языки и изданы за рубежом. Живёт в Москве.

— Или тут нашёл, — пожал плечами Ледников.

Пока врачи в больнице спасали Селивёрстову жизнь, эксперты установили, что в руках у него взорвалась коробка с видеокассетой, от которой практически ничего не осталось — только крохотные кусочки пластмассы.

Прядко неустанно таскал Ледникову добытую информацию.

Так как тридцатипятилетний Селивёрстов, как выяснилось, служил в коммерческой структуре, начали отрабатывать версию, связанную с профессиональной деятельностью пострадавшего. И ничего явно подозрительного не нашли. Сам он никаких финансовых вопросов не решал, и вообще от него в фирме мало что зависело.

— Я с владельцем говорил, — доложил Прядко. — Он прямо сказал: если бы хотели наехать на фирму, то имели бы дело лично с ним. Получается бытовуха...

— Ну, и какие будут предложения? — устало поинтересовался Ледников, на котором, как обычно, висело ещё несколько неоконченных дел. Успокоившееся начальство, для которого всё, что не терроризм, может подождать, уже не требовало срочных отчётов, поэтому можно было спокойно разобраться в том, что случилось.

— Надо, пока он сам не заговорил, поработать с его семьёй, — недолго думая, сказал Прядко.

— А он сам-то сможет когда-нибудь заговорить?

— Врачи говорят, что теперь шансы есть, хотя... рук нет, лёгкие обожжены, от глаз ничего не осталось, еле-еле слышит...

— Да, повезло мужику, — вспомнил Ледников слова эксперта. — А что у него за семья?

— Семья — одно название. Развёлся он месяц назад. Ушёл от жены.

— Характерами не сошлись? Или были другие причины?..

— Откуда я знаю? — слегка осадил его Прядко. — Я пока его работой занимался.

— А я вот хочу знать, что у него с семьёй, — ворчливо повторил Ледников. — Причём очень надеюсь услышать это от тебя.

— Слушаюсь, товарищ начальник! — козырнул Прядко.

Прядко, как всегда, обернулся быстрым соколом. И уже на следующий день выложил весьма любопытную информацию. Бывшая жена Селивёрстова рассказала, что муж очень изменился за пару месяцев до развода, но она поначалу на это не обращала особого внимания, потому что была занята ребёнком — родившаяся год назад девочка всё время болела. А потом Селивёрстов заявил, что уходит. Причём решительно настоял на официальном разводе. Немедленно. Жёстко, без экивоков сказал: “Чтобы у тебя не было иллюзий, что я вернусь”.

— Видимо, у него кто-то появился, — подвёл итог услышанному Ледников.

Прядко, зажмурив глаза, потянулся, как кот.

— Что характерно, я и сам до этого дошёл.

— Иди ты! Ну, ты даёшь!

— Да-да, гражданин начальник. Не ты один у нас такой умный.

— И кто она, эта разрушительница семьи?

— Ищу.

— Давай. И без женщины не возвращайся.

Прядко вернулся без женщины, но зато со смыслёным парнишкой, который не только видел у гаражей мужика, звонившего по мобильнику, но и ясно слышал, как он сказал: “Кассета будет лежать на крыше твоего гаража, завёрнутая в пакет”. Парнишка оказался настолько смыслёным, что запомнил марку машины, цвет и последние цифры номера. Да ещё помог составить фоторобот звонившего. Для Прядко этого было, по его собственному выражению, выше крыши.

Он явился через день, сел напротив и уставился на Ледникова, который молча ждал, когда Прядко начнёт колотиться. Наконец, тот сказал:

— Я нашёл похожую машину.

- Кто бы сомневался.
- И владелец очень даже похож на фоторобот.
- Ну, и кто это?

Прядко со значением глубоко вздохнул.

- Подполковник.
- Настоящий.
- Ещё какой. Сотрудник центрального аппарата МВД...

Прядко состроил удручённую физиономию и закончил:

- Гладыш Николай Николаевич.

Ледников тоже немедленно впал в задумчивость — ничего себе поворот сюжета!

- Может быть, совпадение?
- Может, — послушно согласился Прядко. — Только ещё я нашёл женщину Селивёрстова. Ту, из-за которой он бросил семью. Её зовут Нина Владимировна. Фамилия — Гладыш.

Ледников удивлённо посмотрел на хитрую физиономию Прядко.

- Не может быть.
- Да-да, — подтвердил тот. — Любимая женщина ныне взорванного Селивёрстова — жена подполковника Гладыша.

И нетерпеливо спросил:

- Будем брать товарища подполковника?
- Успеешь, — успокоил его Ледников. — Куда он от тебя денется... Ты же понимаешь, что ошибки тут быть не должно. Так что давай ещё покопайся. Пройдись по родственникам, знакомым, сослуживцам...

Уже через пару дней Прядко расписал Ледникову всю диспозицию.

Подполковник Гладыш был совершенно сумасшедшим мужем и отцом. Нину, жену свою, он отбил восемь лет назад у какого-то сослуживца, который с горя подался в далёкие края. От первого брака у неё уже был сын, а через два года от Гладыша родился второй. Гладыш обожал обоих. С женой он буквально нянчился — возил на работу, забирал, сам делал всё по дому. Он открыто гордился своей ненаглядной, даже в присутствии посторонних зачастую просто не мог отвести от неё страстного взгляда, смущая не только других, но и её тоже. Вот такое счастье... Но полгода назад влюблённый подполковник с недоумением заметил, что жена вдруг внезапно исчезает с работы, а её мобильник в это время почему-то отключается. Жена в ответ на расспросы устало улыбаясь: “Ты что, ревнуешь?” Однако и на работе её исчезновения среди бела дня тоже не остались незамеченными.

На то, что творится что-то необычное, обратили внимание и в фирме, где трудился Кирилл Селивёрстов. У него тоже начались регулярные отъезды в неизвестном направлении, появилась непривычная мрачная задумчивость, время от времени вырывались помимо воли странные фразы: пора что-то менять, начинать новую жизнь.

А потом их, Селивёрстова и Нину Гладыш, кто-то увидел вдвоём... А потом ещё кто-то увидел...

- Они, конечно, скрывались, как могли, встречались только в рабочее время, но, сам понимаешь...

Прядко почесал щёку, вздохнул.

- К тому же Селивёрстов решил, что хватит уже скрываться. Намерения у него были, судя по всему, самые серьёзные. Он хотел, чтобы Нина Гладыш стала его женой. Он для того и решил разводиться.

- А у неё какие были намерения?

— А она, как я понимаю, уходить от мужа не собиралась. Да и зачем? Мужик растит её детей, что родного, что неродного, готов носить на руках, с карьерой у него всё в порядке, глядишь, в генералы выбьется... Её всё устраивало, но Селивёрстов пошёл буквально *в разнос*: уходи от мужа, и всё тут. Сдаётся мне, что Гладыш всё узнал, ну и...

Ледникову уже было ясно, что так всё и было. Он просто чувствовал это. Интуиция его, если вообще срабатывала, то практически не ошибалась.

- Он мужик-то неплохой, Гладыш этот, — задумчиво сказал Прядко. — Я наводил справки. Десантник в прошлом...

— Значит, и бомбу сделать может при нужде, — сказал Ледников.

— Да понятно тут всё, — махнул рукой Прядко, как бы отодвигая в сторону сантимерты. — Братъ надо!.. Одного не пойму: зачем ей, этой самой Нине, всё это было нужно? Было у бабы всё, а теперь что? От любовника — слепой обгорелый обрубок остался, муж в тюрьму на долгие годы сядет... Сломала жизнь и себе, и мужикам.

— Ты её-то видел? — поинтересовался Ледников.

— Так, посмотрел со стороны. Из любопытства.

— Ну, и как?

— Честно? Не в моём вкусе. Только чувствуется в ней что-то... — Прядко пощёлкал пальцами. — Какая-то она, понимаешь, неуловимая.

— В смысле?

— Ну, на первый взгляд, тихая, спокойная, а потом вдруг начинает казаться, что способна она на многое. Что-то она такое обещает, от чего у мужика голова кругом идет.

— И всюду страсти роковые, и от судеб защиты нет?

— Сам придумал?

— Пушкин. Заключительные строки поэмы “Цыганы”.

— Класс! — одобрил Прядко.

— А ты думал. Слушай, ты приведи-ка её ко мне, сию, как выражаются французы, *la femme fatale*.

— А не опасаясь? — ухмыльнулся Прядко.

— Чего? — не понял Ледников.

— Что она того — произведёт на тебя сильное впечатление? За бомбой не полезешь? — заулыбался Прядко.

— На тебя же не произвела, — отмахнулся Ледников.

— Так то я! А ты у нас впечатлительный. С женщинами у тебя всегда всё очень запущено...

— Ладно-ладно, разговорился, — проворчал Ледников. — Свободен.

Ледников не стал говорить Прядко, что он задумал нечто, что может лишить его лавров победителя в расследовании покушения в гаражном комплексе. А Серёжа Прядко такие вещи, всякие там лавры и благодарности в приказе, очень уважал. Правилось ему быть победителем. И начальству напомнить про свои доблести он никогда не стеснялся.

Прирождённый оперативник, Прядко действительно углядел в Нине Гладыш самое главное — неуловимость облика.

Была она не очень высокая, но стройная, со светлыми, рассыпанными по плечам волосами и непроглядно тёмными, скрытыми под падающей на лоб чёлкой глазами. На первый взгляд её лицо могло показаться просто правильным, но будто стёртым, невыразительным. И вдруг буквально на глазах, затаённо улыбнувшись чему-то своему, она превращалась в загадочно-прекрасную женщину, в которой угадывалась глубоко спрятанная страстность. И мужчине невольно хотелось этой женщине понравиться.

— Нина Владимировна, — сказал Ледников, аккуратно подбирая слова, — у нас есть все основания считать, что взрыв, во время которого пострадал Кирилл Селивёрстов, организовал ваш муж Николай Гладыш. Мы могли бы арестовать его хоть сегодня...

— Господи, и за что мне всё это, — устало, с искренним непониманием произнесла женщина.

— Что именно?

Но она словно не слышала Ледникова и продолжала говорить о чём-то своём, видимо, давно наболевшем.

— Подруги крутят романы — и ничего. Всё им с рук сходит. Отвлекалась, побаловалась — и домой. А я, как проклятая, — каждый раз такая история закручивается, что хоть вой! Ведь и с ним, с Николаем, так же было. Думала, так, интрижка, романчик, ни к чему не обязывает, а он впился в меня насмерть, и пока от мужа не увёл, не мог успокоиться...

Она покачала головой.

— И с Кириллом тоже сначала ничего серьёзного не было — баловство одно, развлечение на скорую руку. А потом и он туда же — уходи от мужа, и всё. Куда уходи? У меня двое детей! Да и не хочу я с мужем разводиться. А Кирилл как с цепи сорвался! Сам развёлся, мне ничего не сказав, планы стал на наше общее будущее строить... Я уже прятаться от него стала, на звонки не отвечала. Так он заявил, что сам встретится с Николаем и всё ему объявит по-мужски. Бред! Я уже просто не знала, что делать...

Было ясно, что она говорит совершенно искренне.

— Видимо, Бог наделил вас способностью вызывать в людях глубокие чувства, — мягко сказал Ледников.

— Да? А меня Он спросил — нужно мне это?

Ледников не стал объяснять ей, что Господь не спрашивает чьего-либо разрешения. У него иные резоны.

— По-моему, вы сразу догадались, что взрыв устроил ваш муж, — сказал он.

— Догадывалась, — не стала отпираться Гладыш. — Догадывалась, но... старалась не думать.

— То есть вы с ним об этом не говорили?

— Нет, конечно.

— Ну, и как вы с Гладышем живёте после этого? Зная, что он искалечил Селивёрстова?

Она непонимающе посмотрела на него.

— Нормально. Делаем вид, что ничего не случилось. Что ничего не было. Что мне — руки на себя накладывать?.. У меня дети.

Ледников видел, что женщина действительно способна всё забыть и жить так, словно ничего не было. И уверена, что слепой обрубок, оставшийся от здорового красивого мужика, полного надежд и страсти, не имеет к ней никакого отношения...

Он вздохнул.

— Нина Владимировна, вам надо убедить мужа прийти к нам и во всём признаться. Иначе мы придём за ним сами.

Она посмотрела на него задумчиво, но ничего не сказала.

— Я достаточно много узнал о нём. Он приличный человек, но... Видимо, ослеплён страстью, которую вы ему внушаете. У него чистое прошлое, прекрасная репутация, есть государственные награды... В случае явки с повинной всё это будет учтено. Да и Селивёрстов всё-таки остался жив. Хороший адвокат способен многого добиться при таком раскладе. Срок может быть вполне терпимый. К тому же амнистии, условно-досрочное освобождение... И потом... Мне кажется, если вы его дождётесь, он вам всё простит.

— Он уже простил, — грустно улыбнулась женщина.

Гладыш пришёл на следующий день. Написал явку с повинной, из которой следовало, что он решил убрать Селивёрстова вовсе не из ревности, а потому, что тот преследовал его жену своими гнусными домогательствами. И что его жена была лишь ни в чём не повинной жертвой, которую он должен был спасти от преследований этого маньяка...

Из колонии, как случайно узнал Ледников, Гладыш писал жене письма, полные любви и страсти. Чуть ли не каждый день. А как вела себя она в это время, Ледников не интересовался. Хотя его не удивило бы ни известие, что она закрутила новый роман, ни рассказ о том, что она живёт теперь только ради семьи и ждёт мужа...

Удивило его другое — к искалеченному, полуслепому Кириллу Селивёрстову вернулась жена, и они опять стали жить вместе.

А Серёже Прядко, которому Ледников своими действиями помешал героически взять опасного преступника, убедив того с помощью Нины Гладыш явиться с повинной, он клятвенно пообещал в следующий раз помочь проявить свою железную хватку и получить за это причитающуюся звёздочку на погоны.

ПОЛНЫЙ АКУТАГАВА!

РАССКАЗ

Полковник в отставке Крестовский, прошедший Афган и Чечню, а после увольнения из армии превратившийся в удачливого бизнесмена, лежал на полу, словно прижимая что-то к груди. На самом деле, падая, он просто схватился обеими руками за рану. В него выпустили из пистолета семь пуль — четыре в спину, по одной в живот, грудь и шею. Палили с близкого расстояния, пока не кончились патроны.

На стене висела фотография: молодой, счастливый Крестовский в мундире с погонами капитана рядом с улыбающейся женой, полнеющей блондинкой, и очень серьёзной темноглазой дочкой, словно предчувствующей какие-то ужасные события.

Тело Крестовского нашла его дочь Альбина, вернувшись с прогулки с собакой. Та самая темноглазая девочка с фотографии. Она сидела на диване, не шевелясь, и прижимала к себе собаку, видимо, боясь выпустить её хоть на секунду. Утром ей надо было идти в школу, потому что завтра 1 сентября, а теперь она не знает, можно ли ей завтра идти туда.

— Если бы дело было только в этом, — завершив осмотр места происшествия, подумал следователь по особо важным делам Ледников. — Кто знает, что теперь будет с её жизнью... Ведь судя по всему, её отца убила её мать.

Сергей Прядко, молодой энергичный опер, который времени на чувства не тратил, быстро установил, что случилось здесь накануне.

Отец задержался на работе, и когда пришёл, мама Альбины стала его ругать. Родители ссорились громко, девочка не хотела при этом присутствовать и поэтому пошла гулять с собакой. Гуляла долго, надеялась, что родители к её возвращению успокоятся. Вернувшись, она нашла отца лежащим на полу в луже крови. На столе лежал пистолет. Матери дома не было... Она позвонила в "скорую помощь", отперла дверь и спряталась в другой комнате.

Альбина говорила медленно, но очень внятно и разумно, изо всех сил стараясь правильно и подробно отвечать на вопросы Прядко. Да, папа опять задержался на работе, мама из-за этого, как обычно, сильно переживала... Было видно, что девочка достигла того переломного момента в своей жизни, когда родители уже не выглядят всемогущими и всепонимающими людьми, их слабости и недостатки становятся видны ребёнку совершенно отчётливо, а иногда и преувеличиваются...

Серёжа Прядко спросил у девочки, где может быть мама? Девочка чуть слышно ответила, что, наверное, у тёти Жени. А кто это? Мамина подруга, она живёт рядом. Ледников с Прядко отправились по адресу. Крестовская была там. Они с тётей Женей, стареющей и расплывающейся бабёнкой, допивали вторую бутылку водки. С пьяным упрямством Крестовская принялась твердить, что с мужем она не ссорилась и ни в кого не стреляла... Ушла из дома, потому что он стал распускать руки.

Пьяненькая тётя Женья сидела рядом и утвердительно кивала головой: подтверждаю, всё так и было!

Когда Ледников, которому надоели две пьяные сговорившиеся тётки, резко и зло спросил, знает ли Крестовская, что её муж убит, она, не поднимая глаз, замотала головой. Но в глазах её стоял какой-то предсмертный ужас, который всё же пробирался в её затуманенный водкой мозг. Наверное, она, когда убегала, надеялась, что Крестовский остался жив.

Утром, слегка протрезвев, терзаемая похмельными страхами и судорогами, Крестовская во всём созналась: она выстрелила в мужа во время ссоры. Но мужа она любила и любит. Выглядела она нехорошо, как и должна вы-

глядеть спивающаяся пожилая тётка. От спеси полковничьей жены в ней не осталась ничего. Она превратилась просто в полумёртвую от страха глупую бабу, испоганившую собственную жизнь и жизнь собственной дочери.

В деле не было ничего интересного, все экспертизы подтверждали её признания, оставалось выяснить, откуда в доме взялся пистолет. Прядко обещал обернуться мигом. Он был доволен собой и судьбой — ещё одно быстрое расследование в карьере бравого старшего лейтенанта, которому задуматься и о погонах капитана уже не грех. Но с пистолетом вышла заковыка: он нигде не был зарегистрирован, его следы нигде не обнаруживались.

— Да ясное дело — Крестовский из Чечни привёз, — торопил Ледникова настёрный Прядко. — Там этого добра — как грибов в лесу. Решил себе оставить на свою голову. Оружие в доме — всегда скрытая угроза, потому что не известно, как жизнь повернётся. Не держал бы Крестовский пистолет дома, может, остался бы в живых.

— Ну, если женщина из ревности его возненавидела, она и сковородкой убить может.

— Может. Но, согласитесь, что сделать это куда труднее... Тут есть шанс отбиться.

— Ишь, ты, куда тебя понесло. Смотри — философом станешь. А философам в операх делать нечего.

— Не бойсь за нас, мы меру знаем. Лишнего в мозг не берём, — усмехнулся Прядко. — Мне вот другое не нравится: чего это ты, гражданин следователь, с этими Крестовскими задумал... Вола за хвост тянешь. А ведь дело-то ясное.

От этого неутомонного опера скрыть что-либо было сложно.

— А может, и нет, а?

— Чего тут неясного! — взвился Прядко. — Пистолет их — небось, среди белья хранился. Отпечатки на нём — жены Крестовского. Стреляли явно по-бабы — палила, закрыв глаза, пока не выпустила всю обойму.

— А если по-бабы, то как эта клуша могла хладнокровно сходить за оружием, снять его с предохранителя, передёрнуть затвор?

— Да потому что она — прапорщик в прошлом. Понимаешь — прапор! Наверняка её в гарнизоне научили с оружием обращаться. А может, это вообще её пистолет? И Крестовский о нём ничего не знал?

— Серый, они прожили вместе восемнадцать лет. Знали друг друга с детства. Она вышла за него, когда он был лейтенантом, а ей было всего двадцать лет. Она из-за него бросила институт и моталась с ним по гарнизонам и горячим точкам... И после всего этого — вот так, взяла и убила? Зная, что вот сейчас в дом войдёт дочь?

Прядко безнадёжно махнул рукой.

— И на что ты намекаешь? Стреляла-то она.

— Да. Но её могли натравить на него. Убедить, что он хочет с ней развестись, бросить её ради молодой и красивой, забрать дочь...

— Ты это сейчас придумал? Или во сне увидел?

— Какая тебе разница? Посмотри, что у него на фирме творится. Мы даже не знаем, есть у него компаньоны или нет.

— Ладно. Завтра сгоняю.

Он был уже в дверях, когда Ледников его окликнул.

— Серёга, ты прикинь. Сейчас у нас на руках самая банальная бытовуха — жена убила мужа. Хорошо ещё, что не сковородкой. А если там окажется запутанное резонансное дело? Это же совсем другой расклад, совсем другие заслуги и, соответственно, поощрения...

Хмурое лицо Прядко сначала сделалось задумчивым, а потом посветлело — слово “резонансное” действовало на него магически. Он такие дела любил и, в отличие от начальства, никогда их не боялся.

Предчувствия, как всегда, его не обманули. Через несколько дней после похорон к Ледникову пришла темноглазая девочка Альбина. Впрочем, девочкой её назвать было уже трудно, настолько она повзрослела за эти дни. Совсем другое лицо.

Альбина протянула Ледникову бумажную папку. В ней были фотографии и отпечатанные на принтере короткие письма.

— Где ты это взяла? — спросил Ледников, быстро просмотрев бумаги.

— Они на столе лежали и валялись на полу, когда я тогда домой пришла... Когда папу убили. Я их собрала и спрятала.

— Почему ты их сразу нам не показала?

Альбина, чуть помедлив, объяснила:

— Я не знала, что вы подумаете... И не хотела, чтобы об это знали другие.

— А теперь?

— Теперь я хочу помочь маме. Потому что папе уже помочь нельзя.

На фотографиях был запечатлён Крестовский с молодыми женщинами. Отставной полковник, судя по снимкам, жадно добирал те радости жизни, которыми трудно было пользоваться в военных гарнизонах, где вся жизнь на виду и никуда не спрятаться от местных сплетниц. В письмах Крестовскую в коротких, энергичных, а порой и просто непристойных выражениях информировали о забавах и увлечениях мужа. В более поздних по времени письмах аноним давил на то, что муж давно решил её бросить, а дочку взять себе... “Ты, прапорщица, останешься с голой задницей, никому не нужная. Почаще в зеркало смотри...”

— Вы же видите, её специально изводили, толкали на убийство, — сказала Альбина.

— Альбина, кто тебе посоветовал принести это мне? — спросил Ледников. — Я же вижу, что ты не сама это придумала.

— Адвокат, — с вызовом сказала Альбина. — Маме наняли очень хорошего адвоката. Он сказал, что эти... бумаги помогут. Что они меняют дело.

Что-то они меняют, подумал Ледников, но вот Крестовского из могилы они всё равно не поднимут. Кстати, очень интересно узнать, откуда у Крестовской вдруг появились деньги на адвоката?

Скоро и это выяснилось. Прядко перетряхнул фирму Крестовского и выяснил много интересного. Оказывается, её совладельцем была Вера Максимовна Клейменова, по совместительству главный бухгалтер. Мало того, Прядко раскопал, что в прошлом они были любовниками, однако любовь увяла, остались одни дела. Но и с делами не очень ладилось: Крестовский так увлёкся сладкой жизнью, что это стало сказываться на бизнесе. Клейменова, женщина не только интересная, но и деловая по натуре, даже предлагала ему уйти из бизнеса, продав ей свой пакет акций, но он об этом и слышать не хотел. Зато его жене, оказавшейся под следствием по обвинению в убийстве мужа, деваться было некуда. И вскоре Клейменова объявила персоналу фирмы, что она теперь является единственной владелицей, потому что Альбина, наследница Крестовского, обязалась продать ей весь пакет акций фирмы после вступления в права наследования. Естественно, за солидную сумму. Солидную, но, разумеется, несопоставимую с их рыночной стоимостью. Но на адвоката этих денег хватило. В общем, именно Клейменова оказалась вся в шоколаде — бросивший её любовник наказан, фирма от непутёвого совладельца спасена, сама она при этом ещё и деньги большие получила. С таким везением и на свободе...

Ледников с Клейменовой, разумеется, встретился. Мадам произвела на него впечатление. Но взять её было решительно не за что. На самые интересные вопросы: “Могла она представить себе, что жена способна застрелить Крестовского?”, “Знала ли, что в доме есть оружие?” — ответ был один: “Нет”. На том и расстались.

И даже Прядко не удалось на неё ничего наречь. Хотя он и старался, когда Ледников сказал ему, что изводить Крестовскую могла именно Клейменова — всё указывает на неё. “Валя, я тебе, конечно, но концов нет. Тётка грамотная”, — признал Прядко. А он такое признавать ох, как не любил.

Крестовская получила минимальный срок. Адвокат у неё был действительно хороший. Но вот что с ней будет, когда она выйдет, подумал Ледников, узнав о приговоре. И что ей скажет темноглазая Альбина, которая пришла в доме труп своего отца, убитого собственной женой...

Зашедший вечером после работы к Ледникову Прядко был в этот раз вообще не похож на себя — задумчивый, никуда не спешащий. После пары рюмок вдруг сказал:

— И всё-таки, знаешь, не могу поверить, что эта самая Клейменова жёну Крестовского до убийства довела.

— Давай-ка я тебе лучше одну историю расскажу, — миролюбиво предложил Ледников. — Перескажу своими словами старинный японский детектив.

— Ну, разве что японский, — согласился Прядко. — наших детективов мне на работе хватает. Только выпьем сначала — чтобы лучше думалось.

Выпив и закусив, он изобразил на лице внимание.

— Погнали, пока при памяти.

— Так вот, жил-был много-много лет назад, считай, в Средние века, один хороший японский следователь. И был у него друг — классный опер, с которым они много мокрых дел раскрутили. И вот однажды случилась такая история: в роще за городом дровосек наткнулся на труп самурая. На теле была всего одна рана, уже застывшая, а рядом ничего, чем эта рана могла быть нанесена. Разумеется, наш опер-молодец вместе со следователем начинают дело крутить.

А так как опер наш действительно молодец, то скоро он находит свидетелей, которые видели самурая. Но не одного, а с женой, молодой и красивой. Женщина сидела на лошади, рыжеватой, с подстриженной гривой. А у самурая, кроме меча и кинжала, был чёрный лакированный колчан со стрелами. Они направлялись в ближайший город.

Потом наш опер, который землю копытом роет, натывается неподалёку от места убийства на человека, который лежит со сломанной ногой на земле. Рядом валяется чёрный колчан со стрелами, а неподалёку пасётся рыжеватая лошадь с подстриженной гривой.

— Какой везучий был опер! — завистливо помотал головой Прядко. — Нам бы такого! Настоящий опер — всегда везунчик.

— Ты слушай дальше, — усмехнулся Ледников. — Так вот, опер наш вспоминает словесный портрет одного известного разбойника, и сразу понимает, кто перед ним. И, разумеется, волочёт его к следователю, дабы тот предстал перед его светлые и всё видящие очи. А следователь наш такой ушлый и умный, так умеет построить допрос, что разбойник скоро признаётся, что вчера он действительно встретил самурая с женой и пошёл за ними, потому что она сразу произвела на него, так сказать, неизгладимое впечатление. И понял он, что должен обладать этой женщиной. Но было ясно, что для этого придётся убить самурая. Ибо когда хотят завладеть женщиной, её мужчину всегда убивают. Но, как сказал разбойник, он не собирался убивать его, так сказать, физически — мечом или стрелой. Он решил убить его морально — овладев женщиной прямо у него на глазах...

В общем, он хитростью заманил самурая с женой в рощу, там оглушил его и привязал к дереву. А потом изнасиловал его жену, как она ни сопротивлялась. После этого он благоразумно решил смыться, но женщина, как безумная, вцепилась в него и крикнула: “Кто-нибудь из вас двоих должен умереть!.. А я пойду с тем, кто останется в живых”. Разбойник, глядя в её пылающие глаза, вдруг понял, что не может уйти без неё. А значит, должен убить её мужа. Но он понимает, что если просто прирежет связанного, то это будет подло и навсегда запятнает его в глазах женщины... Едва он разрезал верёвку, самурай выхватил меч и бросился на него. Во время отчаянного поединка разбойник убил самурая.

Но когда он с окровавленным мечом в руках обернулся к женщине — её нигде не было! Он стал искать её и не нашёл. Только мирно ципала траву лошадь. Разбойник испугался, что сейчас она приведёт людей, взял меч убитого, лук и стрелы, сел на лошадь и помчался прочь. Но неподалёку от города лошадь поскользнулась, он свалился с неё и сломал ногу... Тут и появился наш замечательный японский опер.

— Прямо как в кино! — не выдержал Прядко.

Но Ледников не обратил на него внимания.

— Это ещё что! Пока следователь *колол* разбойника, опер нашёл монаха, которому скрывшаяся женщина рассказала, как всё было на самом деле. Оказывается, разбойник не просто связал мужа и изнасиловал её, он при этом всячески издевался над ним... А потом, когда всё было кончено, он встал и брезгливо оттолкнул её ногой от себя. В этот миг, как сказала женщина, она увидела в глазах мужа какой-то “неописуемый блеск”.

“Даже теперь, вспоминая его глаза, я не могу подавить в себе дрожь, — сказала она монаху со слезами на глазах. — Муж в это мгновение излил всю свою душу в этом взгляде. Его глаза выражали холодное презрение и затаённую ненависть. Он был совершенно безучастен к моим страданиям. Я поняла, что не могу вынести этот взгляд... А тем более, жить с ним рядом”. И тут она увидела кинжал на траве. Подняла его и сказала мужу: “После того, что случилось, я не могу больше оставаться с Вами. Я решила умереть. Но... но умрёте и Вы. Вы видели мой позор. Я не могу оставить Вас в живых”.

— Она что же, с мужем на Вы? — удивился Прядко.

— Так она же японка. Чего ты от неё хочешь? Да ещё муж самурай! И смотрит на неё с ненавистью и презрением. В общем, схватила она кинжал и вонзила в грудь мужа. И потеряла сознание. Когда она очнулась, муж висел на верёвках уже мёртвый. Она разрезала верёвку и... Она понимала, что у неё есть один выход — умереть. Но чувствовала, что убить себя она не может. Как она сказала: “Не могла найти в себе силы умереть”. Она бросила нож и побрела прочь...

— Ну, да, себя зарезать — то ещё упражнение... — с пониманием заметил Серёжа.

— После этого рассказа наш японский следователь задумался. Обе версии хороши, но противоречат друг другу. Кто же прав, а кто лжёт? Он приказал доставить дровосека, который нашёл труп. И по ходу разговора понял, что тот что-то скрывает — путается в показаниях, говорит о вещах, которые знать вроде бы не должен. Поняв это, следователь принимается за него всерьёз. И тогда дровосек сознаётся, что видел убийство своими глазами, сидя в кустах, но побоялся сразу рассказать об этом...

— Ну, и что поведал этот ханьга? Знаем мы таких, которые в кустах сидят, — усмехнулся Прядко, наполняя рюмки.

— А сказал он вот что... Разбойник, обесчестив женщину, стал уговаривать её уйти с ним жить вместе. Но она сказала, что не сможет быть с ним при живом муже. Разбойник говорит: отвяжи его, и я вступлю с ним в честный бой за тебя. Женщина отвязывает мужа... Но самурай не собирается драться за неё! Он говорит, что не собирается рисковать жизнью ради обесчещенной женщины. “Забери эту потаскуху себе, если хочешь!” — говорит он разбойнику, отталкивая женщину от себя. Но и разбойник, как выясняется, уже не горит желанием драться. Весь пыл его куда-то улетучился, и он собрался уходить. А вы, мол, тут разбирайтесь сами. И вот тогда, как рассказал дровосек, женщина принялась страстно убеждать их вступить в поединок. Она взывает к их доблести и гордости. Она смеётся над их трусостью. Женщину, мол, нужно покорять мечом, вы просто не мужчины... В результате ей удаётся разозлить их, они вступают сначала в перепалку, а потом и в поединок, и разбойник убивает самурая... Однако женщина после смерти мужа убегает, а разбойник даже не пытается её искать. Собирает добычу, забирает коня и уходит прочь. Вот какую историю рассказал следователю дровосек.

Прядко с задумчивым видом жевал сыр. Потом поинтересовался:

— Ну, и что следователь, наш японский друг и коллега? Опер-то у него нормально работал, а сам он?

— Сам-то... Дело в том, что был он товарищем несколько философского склада. Например, иногда размышлял о том, как можно ловить убийц в стране, где любой самурай может отрубить любому крестьянину голову только потому, что ему надо проверить, хорош ли его новый меч? Или просто потому, что крестьянин чем-то ему не понравился.

— Можно подумать, у нас иначе! — пробормотал Прядко, принимаясь за оливки.

— Ну, головы всё-таки прилюдно теперь вроде бы не рубят, — возразил Ледников.

— Вот разве что, — усмехнулся Прядко. — Зато джипами давят, как курей! При свидетелях и без всяких последствий.

Ледников возражать не стал, только вздохнул и продолжал свой рассказ.

— В общем, закончив допросы, наш следователь стал думать о том, как мерзко устроен человек... Ведь всё, что он узнал сегодня, говорит не только о том, как трудно установить истину, но и о греховности людей, их бесчестности и эгоизме. Они все лгали. Почему? Только от страха? Или чтобы выгородить себя? А может, они просто не способны говорить правду?.. В общем, наш следователь довёл себя до того, что ночью ему приснился то ли сам убитый, то ли дух его и рассказал, что случилось на самом деле...

— Неплохо устроился дядя: сам дрыхнет, а ему во сне признательные показания дают.

— Серый, ты хотел бы, чтобы бандюки тебе ещё и во сне являлись? Вместо баб?

Прядко задумался, почесал нос и рассудил, что это было бы слишком. Правда, проворчал с обидой:

— К тебе-то, небось, приходят!

— Бывает, — не стал отпираться Ледников. — Так про самурая рассказывать?

— Давай-давай! Интересно же, что у него там за версия нарисовалась?

— И нарисовал дух убитого самурая нашему следователю такую картину... Овладев женой самурая, разбойник уселся рядом с ней на землю и принялся её всячески утешать. Жена сидела на опавших листьях и не поднимала глаз. Можно было подумать, что она внимательно слушает разбойника. А тот говорил женщине, что после того, что произошло, жить с мужем она всё равно не сможет. Так не лучше ли уйти с ним? Ведь он сделал всё это только потому, что она сразу поразила его сердце, и теперь он не может без неё жить. А муж будет только всё сильнее ненавидеть её, потому что никогда не простит...

Женщина вдруг подняла голову. “Никогда ещё я не видел её такой красивой!” — признался, не в силах сдержать волнения, самурай.

И что же ответила красавица жена разбойника?

“Ведите меня, куда хотите”, — сказала она. А потом послушно, как во сне, последовала за разбойником, который вёл её за руку.

Они уже вышли из рощи, как вдруг женщина остановилась, указала на связанного самурая и несколько раз, как безумная, выкрикнула: “Убейте его! Я не могу быть с вами, пока он жив!” Разбойник в недоумении остановился. “Убейте его!” — умоляла женщина, хватая разбойника за руки. Но разбойник отшвырнул её от себя и обернулся к самураю. “Что делать с такой женщиной? — спросил он. — Убить?” Самурай не успел согласно кивнуть, как его жена бросилась бежать... Разбойник только посмотрел ей вслед. Потом он забрал добычу, вскочил на лошадь и был таков. Но перед этим он надрезал в одном месте верёвку, которой был связан самурай, и сказал: “Выбирайся сам и живи, как сможешь”. Когда самурай освободился от пут, то увидел кинжал, который разбойник забыл захватить с собой. Он вспомнил, как его прекрасная жена с искажённым лицом умоляла: “Убейте его!”, Поднял кинжал и одним взмахом вонзил себе в грудь. И наступила тишина. Только горели печальные лучи закатного солнца на стволах бамбука. И вдруг кто-то вынул кинжал из его груди. После этого он навеки погрузился во тьму небытия...

Ледников замолчал.

— Надо будет моей рассказать, — задумчиво сказал Прядко. — Пусть знает, какие они, бабы, бывают. Даже в Японии. Ну, гражданин Ледников, теперь вопрос на засыпку. Кто кинжал-то из самурая вынул?

— А ты как думаешь? Могла жена вернуться... Мог разбойник...

Ставить в известность Прядко, что в рассказе Акутагавы об этом не говорится, он не стал. Есть, правда, своя версия в гениальном фильме Куроавы. Интересно, какую выберет опер Серёжа Прядко?

— Да нет, жена и разбойник тут ни при чём, — отмахнулся Прядко. — Кинжал должен был спереть этот самый тихий ханыга-дровосек... Знаю я таких свидетелей. Особенно если учесть, что он сначала темнил: мол, ничего не видел! Точно — сидел в кустах, пускал слюни, а когда всё закончилось, пошёл и кинжал прихватил. По тем временам вещь, наверняка, ценная.

— Ты с Курсовой случайно не был знаком? — улыбнулся Ледников.

— А кто это?

— Великий японский кинорежиссёр. Мыслите вы с ним одинаково. У него в фильме тоже дровосек кинжал вынул. У Акутагавы, между прочим, об этом ничего не говорится.

— Поработал бы этот Акутагава с моё в розыске!.. Валь, а теперь колось: на хрена ты мне эту притчу поведал?

Ледников помолчал. Чёрт его знает, для чего!

— А ты как думаешь? — наконец спросил он.

— Думаю, решил вот так хитро объяснить мне, дурачку, что дело с Крестовской такое же запутанное и психическое... Только вот что я тебе скажу. Следовательно твоему впечатлительному надо было не сны смотреть, а провести весь комплекс следственных действий, дабы установить, каким оружием была нанесена рана — мечом или кинжалом? Надо было провести очные ставки и следственный эксперимент, пальчики снять с кинжала, у всех одежду исследовать, экспертизы провести... И тогда стало бы ясно, кто именно самурая нашего кончил. Вот что следствие должно установить и суду предъявить. Этому, по-моему, ты меня постоянно учишь. А что там обвиняемые и подозреваемые врут, не наше с тобой дело. Их на том свете черти за это крючками драть будут. А ты, Ледников, классным следователем был бы, если бы не изводил себя всякими мерехлюндиями. Далея тебе этот Акутагава! Где он, а где мы? В прокуратуре Акутагавам делать нечего.

— Это ты точно заметил, — засмеялся Ледников. — Тем не менее, Серёга, запомни одно: если не будешь сомневаться, всё проверять и перепроверять, много безвинных людей от такой твоей скорострельности пострадает.

— Согласен. Но я, Валя, тебе ещё одну вещь скажу. Нет, две. От себя и от того японского опера, который свою работу честно проделал. Первое: всё-таки чаще всего преступник есть, причём конкретный и реальный. Так что не надо его вину размазывать, особенно по жертвам. Ладно, допустим, сам Крестовский был не сахар, а эта баба, Клейменова, его жену травила, к убийству подводила... Но за пистолетом в другую комнату разве жена не сама сбегала? Не сама она его на мужа направила? Не сама начала?... У меня с женой тоже, знаешь, скандалы бывают, ещё какие! Но ведь я не собираюсь брать пистолет и палить в неё. Так что если ты убил, значит, ты и виноват. Ты и расплачивайся.

— А вторая умная вещь? — напомнил Ледников, несколько удивлённый неожиданно открывшейся в Прядко способностью чётко формулировать неуставные мысли.

— Была тебе белка, будет и свисток, — попридержал его тот. — Ты первую усваивай, а я пока хлопну рюмочку и закушу.

Исполнив задуманное, он откинулся на спинку стула и совершенно трезво, цепко поглядел на Ледникова.

— Ну, доказал ты мне, что истину в этом японском деле установить не так просто. Что каждый не только лжёт, но и не помнит, что было в действительности. Что с того? Что это меняет? Искать всё равно надо. И люди её, истину, всё равно будут искать. Не в судах и прокуратуре, а в разговорах на кухне. Там они всё равно свой приговор вынесут и виновного назовут. Потому что жизнь без истины — бардак, а люди — плохие клоуны или мартышки.

— Ну, Серый, ты прямо на глазах растёшь. Ход этих твоих мыслей нас очень сближает. Кстати, Акутагава покончил с собой в состоянии депрессии, — задумчиво сказал Ледников.

Серёжу известие о печальной судьбе Акутагавы несколько не удивило.

— Ну, правильно, с такими мыслями долго не протянешь. И поэтому большинство людей верит, что она, истина, есть. И никогда не согласится с тем, что её нет вообще. А для нас с тобой это, знаешь, что значит? Что ес-

ли есть убитый, значит, есть и конкретный убийца. И найти его — наше с тобой дело.

В кармане у Прядко запел телефон. “Если кто-то кое-где у нас порой...”

Ледников всё время забывал спросить, Серёже действительно так нравится эта песня с дурацкими словами или он так *прикальвается*? А может, специально для допросов держит? Например, упёрся подозреваемый, а тут вдруг — “Если кто-то кое-где у нас порой...”

Прядко выслушал неведомого собеседника, с грустью оглядел недоеденное и недопитое, сунул телефон в карман и поднялся.

— Всё, Валь, сумрак ночи зовёт. Я помчался. Опять убийство. И судя по всему, на бытовой почве. Прямо полный Акутагава!

ДУЭЛЯНТЫ

РАССКАЗ

Они ехали на место преступления вместе, и Прядко загружал Ледникова уже добытой информацией. Он обладал способностью только ему ведомым способом улавливать её будто прямо из воздуха, в котором вились обрывки слухов, разговоров, официальной информации. А дело было неприятное.

В отделе вневедомственной охраны районного отдела милиции два офицера учинили перестрелку. Один убит на месте, другой в тяжелейшем состоянии в больнице. И вообще это была самая настоящая дуэль из-за женщины. Причём женщина служит там же в звании капитана.

У Прядко блестели глаза в предчувствии интересного дела, а Ледников только вздыхал. Дуэль в райотделе милиции! Из-за женщины в погонах капитана. Господи, помилуй! К тому же он хорошо представлял себе, какие вокруг этого закрутятся интриги, чтобы соблюсти честь мундира. Начальство предупредило его — дело деликатное.

Когда они приехали в райотдел, на месте уже работали медэксперты и криминалисты. Дуэлянт в наличии был только один, убитый. Он лежал в курилке на полу ногами к выходу, лицом вниз. Одна рука была прижата к груди. Лежал он на ней всем телом, откинув вторую руку в сторону. Рядом валялся пистолет, а чуть дальше — мобильник.

Прядко, тихо шепнув: “Я с людьми пообщаюсь, у меня тут знакомые есть”, — пропал в коридорах райотдела. В плане “общения с людьми” Сергей был гений, ему почему-то рассказывали то, что скрывали от других.

Первой, как выяснилось, обнаружила дуэлянтов молодая женщина по фамилии Мотылёва, служившая в отделе инспектором. Она уже отошла от испуга и рассказывала с удовольствием, чувствуя себя чуть ли не героиней дня.

Итак, в райотделе уже несколько дней шёл ремонт. В этот день рабочие очищали от старой краски стены в коридоре. И вдруг они услышали три выстрела в курилке, куда рядовой состав обычно не ходит. Перед этим в курилку зашли капитан Живилло и лейтенант Бушманов. Рабочие растерянно глядели друг на друга, когда из своего кабинета вылетела Мотылёва. Она была назначена наблюдать за ремонтом и почему-то решила, что рабочие замкнули проводку, и хотела было на них наорать. Но рабочие сказали ей, что это в курилке стреляют. Когда Мотылёва вбежала туда, лейтенант Бушманов лежал на полу, а рядом сидел капитан Живилло. Он стонал и зажимал рукой окровавленное плечо.

— Значит, рана была не смертельной? — уточнил Ледников.
— Крови было много, а так он даже начальнику, когда тот прибежал, показал свой мобильный, — успокоила его Мотылёва.
— Это ещё зачем?
— А там ээмэска была.
— Как интересно! — протянул Ледников. — И какого же содержания?
— Сейчас точно скажу, слово в слово, — сосредоточилась Мотылёва. — “Последний наш разговор сегодня. Виктор”.
— Виктор, я так понимаю, это лейтенант Бушманов?
— А вы откуда знаете? — Мотылёва с притворным удивлением взглянула на Ледникова.
— Догадался. Вы так наглядно всё рассказываете, что это нетрудно.
— А он ещё и сказал что-то, — уже в открытую кокетничая, сообщила Мотылёва.
— И такая внимательная женщина, как вы, разумеется, запомнила, что именно, — продолжал разыгрывать из себя галантного кавалера Ледников.
— Разумеется. “Он своё обещание выполнил”. Вот, слово в слово.
— Побольше бы таких свидетелей, у нас бы все дела раскрывались, — по возможности обольстительно улыбнулся Ледников.
Инспектор Мотылёва многозначительно хихикнула.

Вечером они подводили предварительные итоги расследования. Как выяснил расторопный Прядко, капитан Живилло и лейтенант Бушманов любили одну женщину — Вику Пешкову, “королеву красоты” райотдела.

— Ты её видел? — поинтересовался Ледников. — Что, действительно королева?

— Для здешних мужиков — да. Но не для тебя. Для тебя, Валентин, она из другой оперы, — туманно проинформировал Прядко.

— Больно много ты обо мне знаешь.

— А чего тут знать, — пожал плечами Прядко. — Я что, твою женщину не видел? Вика рядом с ней — продавица с рынка.

— Не понял.

— Ну, твоя — покупательница с платиновой карточкой, а Пешкова — продавица. Вот так.

Ледников только головой помотал от такого сравнения.

— Но мужиков рядом с ней, с этой самой Викой, всегда много было. Только мужей официальных — трое. С мужем последним она, знаешь, где познакомилась? В тюрьме...

— Сидела, что ли?

— Нет, работала там. Она, когда в Москву приехала за счастьем, устроилась надзирательницей, хотя у неё диплом был учительницы физкультуры. Но уже вскоре стала Вика лейтенантом и получила офицерскую должность. Ну, поработала, познакомилась с мужем будущим. Он опером был и потому в тюрьму к своим подопечным часто заходил. А потом она перевелась во вневедомственную охрану. Да как — стала командиром “группы захвата”.

— Это которая выезжает на место, если сработала сигнализация?

— Ну, да. Там она с капитаном Живилло сошлась. Причём у него тоже семья, дочки... И началась между ними любовь. Да какая! Несколько лет дшилась. Их даже называли потом — два влюблённых капитана.

— А муж? Который опер?

— А муж объелся груш. Он ей верил, хотя вокруг все знали, что происходит. Правда, потом всё-таки прозрел, и они развелись. Ну, Вика тут же стала Живилло душить — женись. Бросай свою и женись. А у того что-то заколодило. И чувства уже остыли.

Не Бог весть какая оригинальная история, подумал Ледников. Только с какого бока тут лейтенант Бушманов?

— В общем, она поставила Живилло ультиматум — или расписываемся, или расстаёмся. Ну, он подумал и решил, что можно и расстаться. И вся их любовь как бы осталась в прошлом, стали они друзьями. И тут в отдел

перевели лейтенанта Бушманова. И завязался у молодого холостого лейтенанта с разведённой Викой бурный роман. Прямо на глазах у Живилло.

— И Живилло вдруг обнаружил, что ему обидно, — вдохнул Ледников.

— Точно. Оказалось, смотреть на любовь Вики и Бушманова спокойно он не в состоянии. Корёжить его стало.

— Теперь говорят — *колбасить*, — усмехнулся Ледников.

— Ну, заколбасило, — не стал спорить Прядко.

— Ладно, с этими корсиканскими страстями всё понятно. Картину преступления мы имеем?

— Вполне.

И Прядко тут же рассказал, как нарисовалось ему это дело со слов очевидцев и самого Живилло. Ледников знал, что Прядко в последнее время любил развернуться, набросать версий, и потому всегда предоставлял ему возможность посолить. Растёт человек не по дням, а по часам.

Итак, рассказал Прядко, утром после ночного дежурства лейтенант Бушманов сдавал табельное оружие только что заступившему на дежурство капитану Живилло. Причём, как утверждают очевидцы, процесс проходил совершенно мирно, с взаимными шуточками. Потом был развод, после которого Живилло и Бушманов и отправились в злополучную курилку. Бушманов уже был без оружия, Живилло при табельном пистолете. А потом раздалась выстрелы...

Как успел рассказать Живилло до того, как его отвезли в больницу, случилось следующее. Бушманов после развода сказал Живилло, что надо поговорить без свидетелей. Едва они вошли в курилку, Бушманов прошипел: “Я тебя предупреждал, сука! Если не оставишь Виду, башку отвинчу! Ну, вот и получай!” Живилло решил, что сейчас начнётся драка, поднял руки, чтобы защищаться, но Бушманов просто выдернул у него из кобуры пистолет и выстрелил. Стрелял он с двух шагов, целился прямо в сердце, но Живилло успел присесть, и пуля попала в плечо. Живилло упал. Лёжа на полу и обливаясь кровью, он в ужасе ждал, что Бушманов его добьёт. Тот смотрел на него безумными глазами, а потом вдруг поднял руку с пистолетом и дважды выстрелил в себя. Видимо, хотел в голову, но руки у него тряслись, и он первый раз попал себе в шею, а второй — под челюсть. После второго выстрела — упал.

— Я так понимаю, что если бы разговор состоялся без оружия, то Бушманов бы Живилло спокойно накостылял, — задумчиво уточнил Ледников.

— Ну, да. Живилло хилый такой, дёрганный, а Бушманов — парень здоровый был, спортсмен. Потому все и боялись, что он не выдержит и как-нибудь сопернику по рогам надаёт. Тем более, что Живилло в последнее время сам напрашивался.

— Ну, и зачем Бушманов стрелял в Живилло, если он мог ему просто в лоб дать? Зачем в себя стрелял?

— Стрелял он, судя по всему, в состоянии аффекта.

— А чего в него, в этот аффект-то, он впал? — продолжал придирались Ледников.

— Живилло его довёл до беспамьтства, — объяснил Прядко. — Он всем рассказывал, что Вика всё равно его баба, а Бушманова называл козлёнком на два дня. Бушманов был парень довольно стеснительный, говорить с Живилло не решался, поэтому слал ему эсэмэски. Мол, оставь Виду в покое... Живилло их всему райотделу показывал со смехом. Особенно предпоследнюю. “Если она не будет моей, то и твоей тоже!” — с чувством продекламировал Прядко.

— Что-то уж больно красиво для офицера вневедомственной охраны. Свихнулись они совсем с этими эсэмэсками, уже нормально поговорить не могут, — пробормотал Ледников, думая о своём.

— Это точно. Но для нас, сыщиков, тут большое удобство — следы остаются, — хмыкнул Прядко. — В общем, дошёл парень до точки. А в себя стрелял, когда увидел, что убил офицера при исполнении, и понял, что ему теперь грозит...

— Ну, во-первых, не убил, — остудил Серёжу Ледников. — А во-вторых... Смотри. В левой руке, на которую Бушманов упал, у него была бар-

сетка. То есть эта рука у него была занята. Берём правую руку. Кисть застыла в полусогнутом состоянии, что вроде бы подтверждает, что перед смертью он держал в руке...

— ...пистолет, который выскользнул из руки при падении, — встрял нетерпеливый Прядко.

Ледников назидательно поднял указательный палец.

— Но рядом с пистолетом валялся ещё и мобильник... Его, Бушманова, мобильник. Он что — правой рукой держал и пистолет, из которого стрелял, и телефон? А до того он ещё и выхватил этой же рукой пистолет из кобуры Живилло?

Прядко задумчиво почесал где-то за ухом.

— Ну, мобильник мог и выпасть из кармана.

— Мог, — не стал спорить Ледников.

Тем более что тут позвонила та самая женщина, у которой Прядко подозревал наличие платиновой карточки.

С улыбкой глядя на Прядко, Ледников не удержался и спросил: “Слушай, а у тебя есть платиновая карта?.. Пришла в голову одна странная мысль”.

Прядко хмыкнул и посмотрел на Ледникова победоносно. Тот поднял обе руки вверх.

— Ладно, на сегодня всё. Давай дождёмся результатов экспертизы. Мне почему-то кажется, что там будет много интересного.

Получив результаты экспертизы, Ледников вызвал Прядко, и они отправились в больницу, на свидание с оставшимся в живых дуэлянтом — капитаном Живилло.

Тот не выглядел ни страдающим, ни удручённым. Скорее даже умиротворённым, как человек, у которого свалилась с плеч долго мучившая его забота. Первым делом Живилло сообщил, что пуля скользнула по ключице, важных органов не задела, операция была лёгкой и скоро его выпишут. При этом он глядел в потолок и чему-то улыбался.

— Всё понятно, капитан, — остановил его Прядко. — Теперь давай по делу.

В машине, после того как Прядко изучил заключения экспертов, Ледников сказал ему, чтобы он вёл допрос, а сам он какое-то время понаблюдает за происходящим со стороны.

— Мы люди свои, так что давай по-честному, чтобы зря время не тратить, — предложил Прядко. — Поговорим как офицер с офицером.

— Пожалуйста, я готов, — чуть ли не весело сказал Живилло. — Только должен предупредить, что у меня уже был адвокат и объяснил мне, что я должен говорить.

— Быстрый ты! — удивился Прядко.

— Так я же понимаю — ситуация непростая...

— Тогда поехали. Значит, так. Медэксперты установили, что Бушманов скончался от второго выстрела под подбородок. Первый выстрел смертельным не был — пуля практически только пропорол кожу.

— Ну, да, правильно. Убил он себя вторым.

— Идём дальше. Дактилоскопическая экспертиза установила, что на пистолете чётко отпечаталась ладонь Бушманова. Кисть его руки находилась в полусогнутом состоянии, что подтверждает — в ней был пистолет...

Живилло кивнул.

— Но вот рядом с пистолетом лежал его мобильник, — деловито сказал Прядко. — Другая его рука была занята барсеткой... Что же он, в одной руке и пистолет, и мобильник держал?

Живилло пожал плечами.

— Может, он у него в кармане был? А когда он свалился — выпал...

— Я вот тоже так товарищу следователю сказал, — кивнул Прядко в сторону Ледникова. — Но вот дальше-то, капитан, что-то у нас не складывается...

— Что именно?

— Ты же знаешь, что первая пуля из ствола всегда выходит со следами оружейного масла? — глядя на Живилло ясными глазами, спросил Прядко.

— Да?

— Да. Так вот эксперты установили, что “масляная” пуля действительно была первой. Но она была выпущена не спереди, а сзади... Понимаешь, капитан, что это значит?

Живилло ничего не ответил. Просто лежал, уставившись в потолок. По-прежнему улыбаясь.

— Мало того, — продолжал нажимать Прядко, — установлено, что первый патрон был загнан в патронник заранее, задолго до выстрела. К стрельбе готовились... И вот ещё что. Мы выяснили, что угрозы от Бушманова, которые поступали тебе на телефон и которые ты показывал всему отделу, на самом деле слал себе ты сам с другого телефона...

Ледников смотрел на Живилло и никак не мог понять, что тот переживёт теперь, когда стало очевидно, что никакой “дуэли между ментами” не было. А было хладнокровно спланированное и осуществлённое убийство... Он, этот самый Живилло, по рассказам коллег, вовсе не был уверенным и умеющим держать себя в руках мужиком. Наоборот, его считали истериком, склонным зачастую паниковать без всякого повода. А тут лежит и чуть ли не доволен тем, что его уличили в убийстве, за которое ему придётся отдуваться по полной программе.

— Ну, что, капитан, сам расскажешь или как? — спросил его Ледников.

Живилло вздохнул.

— Витьку, конечно, жалко. Он мужик был неплохой, но вот не повезло ему... Мы так из-за неё, из-за Вики, сцепились, что уже не распепить нас было по-хорошему. Не смог бы я терпеть, что они живут рядом и от счастья аж светятся...

— Так ты же сам на ней жениться не захотел! — напомнил Прядко.

— Сам, — согласно кивнул Живилло. — Я ведь и свёл их сам. Мы с ней разошлись уже тогда, а Витька в неё сразу влюбился, только сказать боялся, как пацан. А я ему и предложил: “Давай скажу ей?” Он перепугался. А я думаю, пусть Вика на другого переключится, а то больно уж переживает она наше расставание, достала просто... В общем, подошёл я к ней по старой памяти и говорю: “Есть у меня человек один, который в тебя влюбился без памяти, а сказать боится”. Ну, посмеялись. А потом смотрю — у них такое началось. Я был уверен, что ничего серьёзного быть не может, Витька-то был младше неё... А на меня она, как на пустое место, стала смотреть... И почувствовал я, что не могу этого вытерпеть. Выше моих сил. Не могу, и всё!.. Ну, и придумал... Стал себе эзэмэски с угрозами слать и всему отделу показывать. Самое интересное, что между нами с Витькой никаких ссор не было. Он вообще говорил мне, что никогда не забудет, что это я его с ней вроде как свёл, будет всю жизнь благодарить... Лучше бы не говорил.

В общем, выбрал я день и момент, когда он точно без оружия будет. Понимал, что мне надо стрелять быстро — если я начну у него на глазах пистолет доставать да передёргивать затвор, он может меня скрутить, потому что мужик здоровый... Так что загнал я заранее патрон в ствол, а когда он свой пистолет сдал, сказал, что надо поговорить... “Пошли, — говорю, — в курилку, там никого нет”. Идём по коридору, я смотрю — у него на левой руке барсетка болтается. Надо, думаю, и правую руку ему чем-то занять, чтобы он ничего не успел... Только в дверь вошли, я говорю: “Слышал, у тебя мобильник новый? Вика подарила? Покажешь?” Он мобильник вынимает, чтобы похвастаться, как она его любит, я тут же и выстрелил, попал в шею... Он упал, лежит, смотрит на меня, ничего не соображая... А я говорю: “Она моя и всегда только моей будет!” Он что-то замычал, типа — возражает, я наклонился и выстрелил второй раз в подбородок. Потом в плечо себе выстрелил. А пистолет Витьке в руку вложил и сжал его кисть, чтобы отпечатки на рукоятке остались. Я вообще-то хотел сам в коридор выйти, чтобы кого-нибудь позвать, но у меня вдруг голова закружилась, и я рядом с ним грохнулся...

Живилло помолчал, помотал головой.

— Очнулся, а его лицо от меня — в полуметре... И я ещё подумал: вот так, Витя, не мог я её тебе уступить, не мог.

Ледников с некоторым изумлением смотрел на этого заурядного капитанишку, в котором вдруг пробудились такие страсти.

— Ну, будешь чистосердечное писать? — деловито спросил Прядко, ни на секунду не забывавший, когда надо ковать железо.

— Чистосердечно, не под протокол, я вам всё рассказал. Зачем мне вас дразнить, раз вы обо всём и без меня догадались, — засмеялся Живилло. — А писать мне адвокат пока запретил. Скажет написать — напишу. Скажет не писать — не напишу. Ему виднее.

— Ты чего такой радостный, а, капитан? — удивился Прядко. — Ты хоть понимаешь, что тебя теперь ждёт?

— Это всё ещё доказать надо. Мало ли что я вам тут наплёл. Правда, я и такой вариант продумывал, что следствие обо всём дознается, — потянулся Живилло. — Давай посчитаем. Мне больше восьми лет не дадут — у меня смягчающие обстоятельства — аффект, двое детей малолетних. Служба безупречная. Сидеть буду на милицейской зоне, там за хорошее поведение на поселение быстро переведут... Знакомые кое-какие солидные по-могут. Так что годика через три выйду...

— А если Вика за это время ещё кого-нибудь найдёт? — поинтересовался Ледников.

— Нет, теперь не найдёт, теперь она знает, что за это бывает.

Живилло вдруг весело подмигнул им. Господи, он действительно чувствовал себя чуть ли не счастливым. Во всяком случае, человеком, который сделал то, что должен был сделать.

Потом у Ледникова был ещё разговор с Викторией Пешковой. Постаревшая и подурневшая женщина, которую уже никто не мог бы назвать “королевой красоты”, в полном отчаянии не могла понять, в чём она провинилась перед Богом и за что ей такие испытания. Рассказывала, что в отделе поговаривают, что дело постараются как-то замять, тем более, у Живилло есть знакомый генерал. Отмазать Живилло совсем, конечно, не удастся, но срок, скорее всего, ему дадут небольшой, а там и досрочное освобождение возможно подоспеет...

— Я, знаете, чего больше всего боюсь? Что он опять ко мне зайвится и начнёт права качать. Не вынесу я этого...

На следующий день Ледникову приказали дело Живилло передать другому следователю для окончания расследования, ведь с ним всё уже ясно, а самому переключиться на другие, более важные дела. Он всё-таки следователь по особо важным делам!

Мы публикуем главы из книги Юрия Лощица “Кирилл и Мефодий”, готовящейся к изданию в серии ЖЗЛ, где 40 лет назад вышла первая книга Юрия Михайловича, посвященная Григорию Сковороде.

ЮРИЙ ЛОЩИЦ

КИРИЛЛ И МЕФОДИЙ: СТРАНИЦЫ ЖИЗНЕОПИСАНИЯ

ТОРЖЕСТВО И СМЕРТЬ В РИМЕ

К новому апостолику

В Риме, в папской курии, похоже, были уже достаточно осведомлены о громкой полемике, затеянной в Венеции Константином. Его противники, которых он только что во всеуслышание обличал в ереси и обзывал “триязычниками”, как раз и могли первыми проявить рвение, отослав в канцелярию папы свою жалобу на строптивца да заодно и на всю моравскую публику, его окружавшую. Пришлецы эти, слышно, нацелились дойти и до святого града. А не отправить ли их, вместе с несуразными славянскими буквицами, туда, откуда они и явились, – в паннонские болота?

Братья со своей малой дружиной терпеливо пережидали в Венеции приход хмурых и сырых осенних недель. Свет идёт на убыль, дни всё короче, ночи длинней. Но должно же, наконец, поступить из Рима подтверждение гостевой грамоты, полученной от папы Николая! Вызывает он их или передумал? Если вызывает, то в какие всё же сроки?

Зима почти подступила, когда узнали: встречи с папой Римским Николаем у них не будет. Да что там! Никогда уже не будет. Потому что 13 ноября апостолик скончался.

Это звучало для них почти как приговор. И во все месяцы ожидания они не очень-то надеялись на благорасположение жёсткого, волевого Николая, чья анафема патриарху Фотию побудила константинопольского первоиерарха, как недавно стало известно в Венеции, на ответную анафему. С нею, ответной, получается, Папа и ушёл в могилу?

Вот какие свирепые задули ветра между двумя столицами! И наступит ли затишье?

Кто сменит на престоле усопшего? Как долго продлится межвластие? Будет ли преемник так же неуступчив в своём отношении к Константинополю? Захочет ли принять миссию из Моравии в удобообозримые сроки? Или отложит встречу на неопределённое время, сославшись на чрезвычайную занятость?

Решили, что лучше всё-таки ждать здесь, в малоприветливой Венеции, зато при коротком переходе к Риму. Потому что возвратиться теперь в Велеград либо в Блатноград означало бы признать своё полное поражение – и перед Ростиславом, и перед Святополком, и перед тем же Коцелом.

И уж совсем непредвиденным по своим последствиям могло представляться возвращение братьев в Константинополь. Разве император Василий отправлял их в Моравию, а не убиенный этим Василием Михаил? Разве патриарх Игнатий благословил их на труд просвещения славян, а не Фотий, которого новый василевс, как сообщают, совсем недавно отправил в ссылку — за отказ признать его царское достоинство? И на место Фотия вновь поставил Игнатия.

Можно догадываться, что братья, как в обычае у них, не сидели и в Венеции сложа руки, в безвольном оцепенении. Им надлежало незамедлительно отправить в папскую курию соболезнование по случаю кончины Николая. Да присовокупить, что с благодарностью вспоминают они заботу почившего о задуманной достойной встрече святых мощей Климента, папы Римского. Что надеются они на милосердное внимание будущего высокого избранника Западной Церкви к просветительским трудам их миссии у славян.

Трудов же этих они и теперь не прерывали ни на день. Да пособит им и святой Климент исполнить всё задуманное до конца!

Каждые сутки творили они службы, — в своём жилье или в каком-то из греческих храмов города, — утешая слух звучанием славянской речи. И ловя себя исподволь на том, что звучит она от месяца к месяцу, от недели к неделе всё уверенней, возвышенней, мелодичней и при этом достоверней, будто слагали на ней Господа от самого Христова века.

Миновал месяц после кончины Николая. А ещё через несколько дней из папской канцелярии пришла весть, что его преемником 15 декабря 867 года избран семидесятипятилетний Адриан II.

Со стремительностью, необычной для его возраста, новый апостолик почти тут же подтвердил Мефодию и Константину вызов своего предшественника. Да, в Риме их ждут.

У Христовых яслей

Был самый канун Рождества Христова, праздника, который христиане Рима привыкли встречать с особой торжественностью. Часть этого великолепия вдруг досталась и нашим пришлецам.

Старенькому папе Адриану не вдвойне ли приятно и трогательно, что его восхождение на апостольский престол знаменуется не только урочным ликованием Рождества, но и неурочным шествием гостей, которые спешат доставить святому городу его великую святыню! Как-никак, они тоже грядут с Востока. То есть уподобляются теперь евангельским магам, несущим в ночи, на свет звезды Вифлеемской, свои дары.

Потому её, чаемую святыню, и приветствовать вышли заблаговременно, встречным ходом, ночью, со свечами и факелами, с благовонными кадильницами, с пением и трезвонами, с плачем умиления и воплями калек. Тысячные толпы растроганных римлян, будто волны, качались в бликах, дымах и заревах. Женщины, да и мужчины тоже, простирали руки, силась дотянуться, когда ярко освещённые носилки с заветным ковчегом проплывали, как во сне, мимо них. Гущу народа пронзали слухи о последовавших в эти самые часы чудесных исцелениях, об отверстых дверях темниц, откуда — не иначе как по заступничеству самого святого Климента — выходили в эту ночь на волю славящие небесного покровителя узники...

Похоже, безымянный художник, изобразивший на одной из внутренних стен базилики святого Климента сцену встречи мощей и препровождения их на вечное упокоение (именно в эту базилику), сам был очевидцем триумфального шествия. Очень уж правдоподобны в его исполнении эти огни и зарева под иссиня-чёрным пологом рождественского неба, эти парящие над головами кресты и хоругви; тут же и Адриан в праздничном пурпурном облачении, а по левую и правую сторону от него — два главных виновника события, Константин и Мефодий. Впрочем, почему два, если их трое? Разве он сам, новый апостолик, не сделал всё от него зависящее, чтобы событие состоялось, несмотря на недавнюю громкую распрю, случившуюся в венецианском синоде?

То, что ему об этом происшествии уже известно, выяснилось вскоре же. К немалой радости прибывших, мудрый старец подтвердил правоту доводов Константина. И пожурил иных из аквилейских клириков за их досадное буквоедство.

Кажется, и сами клички “пилатники”, они же “триязычники”, показались ему настолько удачными и уместными, что он их произносил даже с удовольствием, как изделия собственного остроумия. Право же, как могут не знать эти тугоухие “триязычники”, что уже многие народы христианской ойкумены славят Господа на своих природных речениях, составляют книги на языках своей паствы.

После такого благоприятного для братьев зачина вдруг, как нечто само собой разумеющееся, счастливо разрешился и вопрос, который больше всего их беспокоил: пожелает ли римский первоиерарх благословить дорогое для них детище – службу на славянских книгах для славян?

Разумеется, он готов благословить. Но он, дело понятное, и сам первым хочет увидеть эти книги, освятить их, услышать, как по ним читают и поют. А если гости, оказывается, уже в состоянии и весь мессал – то есть всю литургию – спеть на славянском, то не найти в целом Риме лучшего места для такой службы, чем базилика Святой Марии. Да, Санта Мария Маджоре! Ведь этот храм римляне почитают совершенно особо, называя его греческим словом Фатие, что, как им ведомо, значит *ясли*, потому что в Санта Мария Маджоре хранится такая трогательная, достойная умиления святыня – доподлинные ясли Богомладенца Христа, чудесным образом доставленные некогда из маленького Вифлеема. И не символично ли, что при нынешнем Рождестве Христове гости принесут свой славянский литургический дар прямо сюда – к маленьким яслицам Господним, уподобившись евангельским волхвам-звездочётам.

Esse magi ab oriente venerunt Hierosolimam...

Не так ли и по-гречески?

Ἰδὸν μάγοι ἀπὸ ἀνατολῶν παρεγένοντο εἰς Ἱερουσόλυμα...

А по-славянски как звучит?

Се волсви от восток приидоша во Иерусалим...

Ну что же, благолепно звучит и у славян!

У Адриана было ещё одно, сугубо личное побуждение к тому, чтобы торжественная встреча мощей Климента и служба на необычном языке, по необычным книгам состоялись именно под сводами Санта Мария Маджоре: целые четверть века, почти до самой своей интронизации, он бы настоятелем этого храма.

*“Прим же папежь книги словенскыя, положи я в цркъви святыя Мариа, – читаем в “Житии Кирилла”, – пеша же с ними литургию”**. Тем самым агиограф подчёркивает: папа Адриан не только из рук в руки принял привезенные ему во свидетельство книги, не только возложил их для освящения на алтаре Богородичного храма, но и участвовал в той поистине судьбоносной для гостей службе.

В наши дни базилика Санта Мария Маджоре, о которой идёт речь в житии, по-прежнему остаётся одним из самых почитаемых храмов Рима. Говорят, к базилике этой время оказалось милостиво, как мало к какому из зданий раннего Средневековья. Её первоначальные величественные пропорции, настенные мозаики, приалтарное углубление, в котором почивает вифлеемская святыня, – всё и сегодня предстаёт почти в том облике, в каком застали его солунские братья в рождественские дни 867 года. Но, конечно, почти никто уже теперь не вспомнит, что когда-то – единожды за всю их более чем тысячелетнюю историю – эти своды, парящие над двумя шеренгами мраморных колонн, оглашены были звуками славянского богослужения.

...Что ни день, Рим от щедрот своих одаривал братьев новыми высокими переживаниями.

Узнав, что моравская миссия нуждается для укрепления своей паствы в рукоположении новых священников и что в Рим вместе с братьями прибыли вполне достойные такой чести кандидаты, папа Адриан тут же отдаёт распоряжение посвятить избранных. Рукоположение поручено сразу двум епископам – Формозе и Гаудериху. Первый из них ценится здесь как искушённый

* “Житие Кирилла” и “Житие Мефодия” – древнейшие литературные произведения, написанные на старославянском языке. Здесь и далее они цитируются на языке оригинала, с сохранением большинства особенностей древней орфографии. Это создаст некоторые дополнительные трудности при чтении, но максимально приблизит читателя к восприятию самых первых в мире опытов литературной записи славянской речи.

советник по славянским делам. При покойном папе Николае выполнял он поручения, связанные с укреплением в Болгарии римской церковной юрисдикции. Он, слышно, как и венецианские “пилатники”, вовсе не был поклонником славянских книг. Но куда ж ему, Формозе, теперь деться? Служба есть служба.

Второй, Гаудерих, хорошо запомнился братьям в самую ночь их прибытия в Рим. Оказывается, он епископ города Веллетри, где кафедральный собор посвящён святому Клименту, потому что папа-мученик был родом оттуда. Даже самого краткого общения с Гаудерихом оказалось достаточно, чтобы почувствовать исключительность переживаний, объявших душу этого владыки. Он очень надеется узнать от братьев-солунян как можно больше подробностей об обретении драгоценных мощей, отъятых ими в Херсонесе у мрачного Понта. И уповает на то, что хотя бы часть мощей будет милостиво вручена ему епископом для препровождения в веллетрийский алтарь.

Об этом епископе здесь рассказывают, что сразу же после своего избрания Адриан II обратился с просьбой к королю Людовику Немецкому, умоляя помиловать невинно томящихся по затворам христиан, которые пострадали при недавнем несправедливом нападении на Рим, учинённом неким воеводой Ламбертом из подвластного королю Сплита. И самым первым среди невольников апостолик назвал достопочтенного Гаудериха. Король не промедлил с ответом. Как и принято по случаю великих перемен в духовной либо мирской власти, тут же последовала амнистия.

Вот, значит, почему, входя в ночной, озарённый свечами, факелами и кострами город, братья слышали восклицания растроганных римлян о чудесном избавлении узников из тюрем. И вот почему так выразительно поглядывал в их сторону в те минуты и во все эти дни сам не свой веллетрийский епископ.

В “Житии Мефодия” по поводу рукоположения первых моравских священников из славян читаем краткое, но важное уточнение: “. . . и *святи от ученик словеньск три попы и два аногности*”. У агиографа не было ещё под рукой подходящего славянского слова для обозначения греческого понятия *аногност*, то есть чтец.

Поставление сразу трёх священников, имеющих право самостоятельно служить литургию, и двух чтецов, обученных выразительно, громогласно и нараспев читать Апостол, Псалтирь, часы и литии, придало свежую силу, новую уверенность малой греко-славянской дружине. Это их настроение, готовность ещё и ещё потрудиться и постараться, великолепно, будто по наитию, почувствовал их мудрый и ласковый покровитель. У Адриана в замысле, оказывается, была уже и следующая славянская литургия. И не где-нибудь на отшибе, а в самом сердце Церкви – во святая святых Западной церкви.

Да-да, он благословляет отслужить её в соборе Святого апостола Петра! Необходимо лишь, чтобы она прозвучала здесь достойно, как просят сами эти алтари, стены, своды, иконы и фрески, раки и саркофаги, мощевики и реликварии – свидетели и соучастники великих и бессчётных славословий Господу и святым Его. Вот для чего и пригодятся им три новых священника и резво-голосистые чтецы.

В тот век заглавный храм Рима ещё не был таким пышно-помпезным архитектурным дивом, ежегодным вместилищем миллионов любопытствующих туристов и затёртый между ними истовых паломников, каким мир знает его сегодня. Тот собор, по свидетельству старинных рисовальщиков и гравёров, выглядел скромнее. Тропы пилигримов к нему в IX веке едва-едва намечались. Но Мефодию с Константином, а особенно их ученикам после маленьких храмов велеградских и блатноградских, и даже после здешней Богородичной базилики Фатие, эта – Петрова базилика – представилась поистине необозримой. Можно лишь догадываться, какой внутренний трепет испытали в ответственные часы литургии два наставника и горстка их учеников под каменными кручами и сводами апостола Кифы. Это ведь его, Петра, однажды нарёк Христос “скалой” или “камнем”, то есть Кифой.

Хотя обедня и здесь благословлена славянская, как и предыдущая, но, можно догадываться, не дословно, не сполна вышла она славянской. Такое предположение вытекает из текста “Жития Мефодия”, где приведено письмо папы Адриана князьям Ростиславу, Святополку и Коцелу. В нём апостолик настоятельно просит, чтобы местные моравские клирики во время храмовых

служб Апостол и Евангелие читали сначала на латыни, а затем уже на славянском: “...первое чтут Апостол и Евангелие римскы, таче (потом) словенскы...” Вряд ли в кафедральном соборе Рима в столь памятный для моравской миссии день порядок чтений был иным.

А завтра — ещё им труд и одновременно поощрение: нужно обедню свою отпеть в храме святой Петрониллы.

А сутками позже — в церкви Апостола Андрея! Но как же им и тут было не постараться! Как не прославить великого христианского первопроходца в земли скифов — славян Эвксинского Понта! Ведь это по Андреевым стопам пробирались братья восемь лет назад от Малого Олимпа к таврам и херсонянам, в южные славянские приграничья.

Вот как раскатилась их жизнь в латинской столице! Что ни день, литургия в ином храме! Будто старец Адриан дотошно испытывает их на верность церковному послушанию, на знание ежедневного чина служб. Не пропускают ли песнопений, положенных по календарю разным святым? Блюдут ли уставные тонкости, благолепие, мерность и величавость? Но разве Мефодий, воин и игумен, не знает цены строгому, неукоснительному монашескому послушанию? И разве Константин не способен за считанные часы до новой службы перевести с греческого песнопение поминаемому ныне святому?

Ареопагитские лекции

Пятую по счёту славянскую литургию папа Адриан благоволил братьям отслужить — ещё одна неожиданная награда! — в загородном храме Апостола Павла. Но и какое волнение сердечное! В этих стенах, над алой лампадой, знаменующей место казни великого “учителя языков”, предстояло им доказать, насколько верно усвоили они его заветы. Здесь они огласят из Апостола его, Павлово, послание. Здесь уместно будет напомнить в проповеди, что, по старому византийскому преданию, Павел ходил со словом о Христе и к иллирам, значит, в Иллирию, где соседствовали тогда, живут и ныне славянские племена сербов и хорватов. Не только Андрей ходил к славянам, но и Павел.

Служба была ночная, братья “имели себе в помощь” епископа Арсения, одного из семи наиболее приближённых к Папе иерархов, и его племянника Анастасия, библиотекаря при “Святом престоле”.

Упомянутый в “Житии Кирилла” Анастасий заслуживает здесь особого — и даже пристального — внимания. Его звание библиотекаря означало, ни много ни мало, что он руководит всей папской канцелярией и заведует архивом курии. Вряд ли такому осведомлённому человеку не было ведомо, что и Константин в своё время при патриархе Игнатии исполнял, пусть и недолго, сходную должность. В отличие от большинства нынешних насельников папской резиденции, Анастасий отлично знал греческий язык, постоянно упражнялся в переводах с греческого на латынь житий святых и самых разных документов византийской церковной канцелярии. Подобное “родство душ” вроде бы предполагало к взаимной открытости, к живому, увлечённому обмену мнениями по самым разным, подчас неожиданным вопросам.

Один из таких вопросов не заставил себя долго ждать. Однажды Анастасий вдруг открыл для себя, что, оказывается, Философ знаком с трудами самого святого Дионисия Ареопагита! Причём знаком не понаслышке. Он не только наперечёт знает названия ареопагитских трактатов-посланий. Он их ревностно, ещё со студенческой скамьи, изучал, он ими восхищён, он их готов цитировать целыми страницами, чуть ли не главами. И он их считает подлинно принадлежащими сокровенному — до недавних пор — богослову апостольского века, прямому ученику и последователю божественного Павла.

Да, в “Деяниях Апостолов”, где Дионисий Ареопагит упомянут в эпизоде выступления Павла перед членами афинского ареопага, о нём сказано лишь самая малость. Да, этот молодой и богатый завсегда судейских собраний вдруг, под впечатлением дерзкой и вдохновенной речи чужеземца, покинул своё почётное место и ушёл вослед за ним, чтобы вскоре стать верным последователем Апостола. Но “Деяния...” ни слова не говорят о Дионисии как о выдающемся, единственном в своём роде богослове.

По энергичным, цепким расспросам Анастасия Философ мог понять, что Рим всё-таки по отношению к Константинополю остаётся в некотором духов-

ном полузапустении. Но мог также заметить, что у его собеседника имеется к этой теме какая-то своя особая привязанность или даже своего рода *корысть*. Мы не знаем, насколько Анастасий был откровенен в их беседах, сообщил ли Философу, что в папской библиотеке уже есть один, “свой” кодекс Ареопэгита, что этот латинский перевод был не так давно исполнен ирландским богословом Эриугеной, но что он, Анастасий, считает переложение Эриугены слишком буквалистским и потому очень надеется на возможность создания нового, более совершенного перевода.

Сообщил Анастасий всё это или нет, но в любом случае он не скрывал, что незнание большинством его здешних коллег греческого языка поневоле обрекает нынешних римлян на некоторую провинциальность. Хотя они и горят ревностью всячески навёрстывать свои отставания. Очень бы надо им в этом как-то помочь. Здесь лишь краем уха слышали о жарких спорах, вспыхнувших в Византии после того, как труды Дионисия два столетия тому назад вдруг, после долгого забвения, будто заново народились и тотчас же привлекли самое пристальное внимание богословствующих умов всего христианского Востока.

Суть этих споров, как понимал их Константин, к сожалению, больше всего вращалась вокруг подлинности трудов автора “Небесной иерархии”, “Божественных имён”, “Церковной иерархии” и “Мистического богословия”. Точно ли этот автор был афинянином, первым епископом города, свидетелем необыкновенного солнечного затмения в час распятия на Голгофе, последователем апостола Павла, собеседником евангелиста Иоанна, наставником Тимофея, того самого, которому и Павел направил два послания? Или же всё это — и афинское гражданство сочинителя, и епископство его, и поразительный своими подробностями рассказ о затмении — лишь присвоение чужой славы? Но тогда мыслимо ли, чтобы истиннейший христианин, каким он предстаёт в своих удивительных по отважности богословских созерцаниях, оказался при этом изощрённым мистификатором, а проще сказать, лгуном?

Сторона, сомневающаяся в принадлежности “Ареопэгитик” Ареопэгиту, исходила из того, что столь сложные по своему богословскому содержанию и утончённому слогу трактаты и послания никак не могли быть сочинены на заре христианской эры. Не была-де на ту пору ещё почва подготовлена, чтобы на ней возросли такие чудесные семена!

У сомневающихся были и другие доводы. Константин знал их в подробностях, не считая нужным что-либо скрывать. Ему было бы достаточно сослаться на комментарии к Дионисию проницательнейшего богослова-полемиста Максима Исповедника, жившего в седьмом веке. Но увы, в Риме его труд тоже не был известен. Толкования Максима по необходимости так подробны, что вся эта ареопэгитская тема в устном пересказе для латинского слуха не окажется ли пробежкой ветра по воде?

Но разве и порыв ветра не даёт надежду на движение застоявшейся воде? Анастасий-библиотекарь горел желанием заполучить драгоценного собеседника на куда больший срок. Где же, как не здесь, в святом граде, где почивают мощи святых Апостолов Петра и Павла, найдутся и достаточное время, и достаточный круг людей, умеющих внимать и усваивать сказанное. Лишь бы гость милостиво согласился раскрыть в лекции (а лучше — в лекциях) доводы в пользу подлинности трудов знаменитого Дионисия. И сами высокие смыслы этих трудов.

Похвальная любознательность! Если б только касалась она, прежде всего, самих трудов! Но почему так часто бывает, что людей занимают не сами труды, а накопившиеся вокруг них кривотолки, слухи и рассказы? И плодятся они, похоже, лишь для того, чтобы забыть напрочь сами эти труды.

Видимо, посоветовавшись со старшим братом, Константин решил, что отнекиваться и уклоняться всё же неучтиво. До сих пор к ним здесь, паче всех ожиданий, относятся без венецианского брезгливого высокомерия. Принимают так уважительно, с такой непритворной лаской, что грех не отвечать взаимностью.

Что ж, он рад будет встретиться, а если надо, то и многократно, с теми друзьями почтенного Анастасия, чья любознательность устремлена к “Ареопэгитикам”, к их вдохновенным свыше смыслам.

Каждый христианин если ещё не знает, то должен знать: Бог, сотворший вся и всех, заперделен и непредставим — как для воображения, так и для ума

людского. Потому Церковь и возбраняет в храмах иконные изображения Бога в отеческой ипостаси. От имени Отца здесь нас встречает Сын и все предстоящие и служащие Сыну. Но человек в своём любовном порывании к Творцу всё равно пытается хоть как-то представить *непредставимого*, приблизить к себе *запредельного*. И потому награждает его множеством высоких имён: Создатель, Господь, Единый, Троица, троичная Единица, Добро, Прекрасное, Премудрость, Истина, Вера, Любовь, Жизнь, Благой, Совершенный, Сверхсущий, Причина причин, Царь царствующих, Бог богов, Покой, Движение, Непостижимый...

Но сколько их ещё ни приводи, ни одно из имён не может насытить нашу жажду – приблизить к себе и постичь Его – Непостижимого. Всякое молитвенное обращение к Богу, всякое чистое размышление о Творце уже есть богословие, доступное каждому из смертных. Но в стремлении приблизить Господа к себе есть опасность кумиротворения. Поэтому опытный богослов никогда не посмеет усаживать Запретного за один стол с собою, превращать Его, как делали и делают язычники, в домашнего божка. Истинный богослов призван восходить к Нему через отрицание своих чувственных, воображительных, фантастических или рассудочных представлений о сверхпостижимой причине всего сущего.

Как проходили ареопагитские лекции Константина? Цитировал ли он Дионисия по памяти, или в походном кожаном мешке Философа были какие-то конспекты или даже весь корпус сочинений афинского епископа? На возможность такого предположения указывает сам инициатор лекций Анастасий, говоря в одном из своих писем, что Константин “вверил памяти” римских слушателей “весь кодекс” Дионисия. Но что это значит: “вверил памяти”? Просто пересказал? Пересказы, как мы неоднократно убеждались, вовсе не были в правилах Константина, который по возможности предпочитал всякому устному изложению письменное. Можно ли пересказать, надеясь только на свою память и без неминуемого ущерба для памяти слушателей, главу Евангелия или самое краткое из апостольских посланий? Возможна ли в пересказе страница из “Ареопагитик”?

Упомянутое письмо Анастасия, к счастью, известно нам не в пересказе. Через шесть лет после кончины Философа папский библиотекарь отправил это письмо персоне высшего в пределах Европы ранга – французскому императору Карлу Лысому. Посылая корреспонденту в дар сочинения Ареопагита в недавнем (не собственном ли?) переводе на латинский язык, Анастасий с пиететом упоминает покойного своего собеседника-византийца как “великого мужа и учителя апостольской жизни”, который в бытность свою в Риме много потрудился, чтобы приохотить римлян к чтению трудов афинского епископа-богослова: “...Константин Философ, который при священной памяти папе Адриане II прибыл в Рим и возвратил тело святого Климента на своё место, вверил памяти весь кодекс часто упоминаемого и заслуживающего упоминания отца и указывал слушателям, сколь полезно его содержание; он обыкновенно говорил, что если бы святые, а именно первые наши наставники, которые с трудом и как бы дубиной обезглавливали еретиков, располагали написанным Дионисием, то, без сомнения, они рубили бы их острым мечом”.

Трудно определить, насколько здесь Анастасий точен в своём пересказе ответственного суждения Константина о значении “Ареопагитик” для последующей эпохи. Но, впрочем, по одной подробности мы, похоже, узнаём особый склад речи Философа. “Обезглавливать дубиной еретиков” – это его, Константина, образ, его притчевый ход мысли! Вооружась книгами Дионисия, борцы с еретиками стали бы и в самом деле куда искусней!

Иными словами, любуясь Дионисием, Философ не в последнюю очередь восхищён в его богословии красотой и мощью греческого гения. Разве для того греческие мыслители языческой, дохристианской поры возносились и изнемогали в исканиях истины, чтобы она навсегда оставила их в сумерках недоумений, ложных распутий? Ареопагит приходит как живое оправдание предшествующих поисков и прозрений. Греческий философский гений искал не зря. После Дионисия так же будут осознавать своё преемство великие Отцы Церкви – тот же любимый Философом Григорий Богослов, тот же Василий Великий.

Богословие Ареопагита – суровый упрёк языческому пантеизму. Да и любому пантеизму более поздних времён, упорно стремящемуся растворить Бога в сотворённом Им мире. Так, в подражание Ареопагиту, и сам Философ

терпеливо предлагал своим римским слушателям, по словам агиографа, “и двойное, и тройное объяснение”, когда видел, что не сразу всё понимают. А приходили-то к нему, как подтверждает житие, непрестанно.

Худая слава

Но лекции Константина вдруг иссякли. Нежданная-негаданная подступила остуда.

Сколько раз замечает за собой каждый поживший на свете человек, что нельзя слишком доверчиво поддаваться прибывающей в душе радости. Если плещет она уже через край, жди подвоха.

Дело не в том, что отошла в Риме черда славянских литургий. Не были же братья так самонадеянны, чтобы всех латинян, от епископов до брадобреев и конохов, разом влюбить в славянскую речь.

И ясно, что не мог же Константин до бесконечности произносить свои речи о сокровенном Ареопагите, как ни подбадривали его замороженным вниманием слушатели и сам неутомимый, тонкий в расспросах Анастасий.

Нежданное-негаданное неистошимо на выдумки. Вы-то, приезжие, не знали, но иногда мостовые римские, поры домов, крыши, стволы и хвоя пиний, обломки мраморных стел с их громадными, с головой младенца, римскими буквами, верхние одежды и обувь горожан вдруг покрываются лёгким жёлто-серым налётом. И тогда здешние бывальцы говорят со знанием дела: Африка... Или уточняют: Карфаген... Это как же нужно разогнаться африканскому ветру, чтобы поперёк моря пригнать сюда, на италийский берег, столько песчаного праха! В такие дни, наверно, даже соль в отцовской солонке древнего поэта Горация приобретала болезненно-лимонный оттенок.

Никуда не деться – стихия!..

Вот и с ними случилось. Вдруг стали никому в Риме не надобны.

Где Анастасий? Никто не ведает, где он. Где его дядя – епископ Арсений? И о нём молчат. Где сам старец Адриан? Но разве апостолик обязан докладывать всем и каждому, где он сейчас? Римский папа принадлежит всей Западной империи, а она – ему.

А что, если не от Африки вовсе, а от Константинопольского холма подул остудный ветер? Обычно насельники греческих монастырей Рима быстро узнают вести с Босфора. Слышно, что Игнатий, возвращённый в патриархи, на каждом шагу мстит низложенному и сосланному Фотию. Уже издал указ, отменяющий Фотию анафему покойному папе Николаю, и письмом с радостным сообщением о своём решении прислал сюда, Адриану. Что ж, если доложено Игнатию о том, что византийцы Мефодий и Константин сейчас находятся в Риме и рьяно обивают пороги папской канцелярии, то не мог ли он вдобавок известить апостолика: сии братцы – прямые выученики волка Фотия, стерегись их... Библиотекарь же первым прочитывает греческие послания, адресованные папе, прежде чем нести на доклад: ...стерегись их!..

Но не лучше ли им самим сейчас остеречься от предположений, хватких, как зелёная плесень? Что бы и кто о них ни говорил, громко или на ушко, они чисты – и перед патриархией своей, и перед здешней курией. Они не искали тут своей выгоды и не ищут. Они исполняли и исполняют свой труд, за который если и стыдно, то лишь потому, что он – при самом начале.

Исчезновение Анастасия и епископа Арсения вдруг обозначилось разом, и оно, как стало тотчас очевидно, с пребыванием моравской миссии в Риме совсем никак не соотносилось.

Стихия людской худой славы если вдруг прорвётся, то какой же ветер-африканец с нею поспорит?!

Не успел в марте месяце епископ Арсений получить от апостолика поздравительную буллу, расписанную многими похвалами, как епископский сыннок по имени Елевтерий взял да и выкрал по-разбойничьи дочь папы Адриана. И не одну, а вместе с матерью. Спасаясь от папского гнева и позора, Арсений спешно покинул Рим.

Но почему за дядей своим почти тут же исчез и Анастасий?.. Его бегство ещё пуше развязало языки горожанам, как правдолюбам, так и правдобрехам. Никакой он, Анастасий, не племянник! Он тоже сын Арсения!.. И в библиотекарю-то попал совсем недавно, лишь с избранием Адриана. А до этого

кем только не был, где только не подвизался! И в кардиналы его поставляли, и аббатом монастыря побывал, и отлучали его, и предавали анафеме... И в бега не раз пускался, как жалкий шарлатан. Против двух пап интриговал, да так рьяно, что однажды и сам целых три дня посидел на папском троне да тут же и был спроважен...

На слух свежего человека всё это могло показаться дикими россказнями, в которых правды ни на малую лепту. Ведь до тех дней Константин видел совсем иного Анастасия. Но так ли уж спешил многознающий, желающий всё знать о своём собеседнике-византийце глава папской канцелярии рассказывать Константину о себе самом? Нет, вовсе не спешил.

Вот ещё новость: как бы ни чернили Анастасия римские всезнайки, а у покойного Николая I он, оказывается, был на хорошем счету. Рьяно помогал предыдущему Папе в намерении подчинить болгарскую церковь римской юрисдикции, а тем самым — в противодействии Константинополю. Значит, Анастасий или ничего не знал о фотиевской “родословной” солунских братьев, или очень искусно скрывал до поры своё знание их подноготной, видя, что перед ним не наивные простаки, а борцы опытные, заслуживающие более искусного с ними обхождения.

Неизвестно, где же он скрывается со своим родственником-епископом и что думает о гостях-славянолюбях на самом деле, и скоро ли объявится здесь. Или не объявится вовсе? В любом случае, им и теперь, при разразившемся посреди Рима скандале, нужно, как прежде, оставаться самими собой, как глубь морская остаётся непоколебимой при всех страстях, гуляющих на поверхности вод.

Их младенческое детище — славянское письмо — ещё не в состоянии стоять за себя без их ежедневных родительских забот. Значит, из Рима им никак нельзя впопыхах сниматься. Как из Венеции, так и отсюда негоже уйти ни с чем. Надо дожидаться, когда апостолик, оправившись от домашней смуты, вспомнит о них и о своём обещании благословить — не только устно, но и на письме — их дальнейшие труды в Моравской земле.

Инок

В знойном изнурении Рим трудно дышал на своих холмах и, казалось, чах от памяти о невозвратной имперской славе. В какую сторону ни ступи гость, на каждом шагу, как собиража попрошаек, ожидают его скалящие обломки колонн, искалеченных саркофагов, пустые оконные глазницы. Посреди разора и каменного хлама новенькие базилики, похоже, стесняются своей нарядности. И серым колоссам триумфальных арок неуютно торчать здесь в своём безадресном величии. Да, они угодили напоследок совсем не в ту страну. Скелетообразный Колизей будто предупреждает тебя: зевака, поди прочь, живым тебе отсюда не выйти. В его каменных подвальных лабиринтах по ночам, говорят, воют самые настоящие волки.

А потому мимо Колизея к маленькой тихой базилике святого Климента, где теперь упокоены мощи, обретенные братьями под Херсонесом Таврическим, лучше им идти в сопровождении опытных бывальцев.

Если же подберётся для гостей надёжная охрана, можно, отъехав за римские околицы, спуститься в катакомбы первых христиан. Они хоть и жили три века в нищете, в постоянном страхе облав, но в этих подземных улочках и закутках при свечах и факелах различаешь какую-то поистине идеальную заботу о скромных могильных нишах для почивших братьев и сестёр. И радуешься первым попыткам иконного и мозаичного письма в крошечных здешних молельнях и храмах. Сколь же силён был в этих людях внутренний свет веры! Чего-чего, а уж тщеславия, желания покрасоваться на виду Рима и мира они не ведали.

...Житие Философа упоминает, что постучал однажды к братьям в их римское жилище некий иудей, пожелавший что-то необычное сообщить о Христе. Константин не отказался его выслушать. *“По числу лет, — заявил гость, — Христос, о коем пишут книги и пророки, что родиться ему от девы, еще и не пришёл”*. Велика новость! Такое от его собратий уже тысячу раз слышано. Хотя пророков их отцы камнями забрасывали, они и пророков приплетут в строку. *“Ещё не пришёл”*, и всё тут. Они ведь ждали и ждут совсем дру-

гого. Ждут Мессию, вождя, который покорит для них весь мир, подчинит им все народы. Так и ждите, спорить незачем.

Но раз уж спорщик выставил какой-то свой временной счёт, Константин распахнул перед ним евангельскую главу с Матвеевым порядком поколений — от Адама до Христа. Зри, человече, и слышь. Говорят ли что-нибудь твоей памяти древние родословия, ведомые твоим предкам имена: кто кого породил, кто от какого был колена? Так зри же и разумей: пришёл Христос! И зри, сколько лет уже минуло с той поры, как пришёл — “оттоле и доселе”. Убедил — не убедил, но собеседник спорить больше не стал, и даже благодарил, так что расстались мирно.

А между тем, новая гостья толкнула без звука дверь, прошла без спроса. И не куда-то мимо прошла, а напрямик — во внутреннее естество Константина.

Самоуправной хозяйкой вошла, без слов объявила: “Мой, весь теперь мой”. Неумолимая язвила его мука, такой никогда ещё, кажется, не терпел. Разве лишь Багдад пришёл на память, где он страдал внутренностями, и все свои подозревали, что отравлен.

Но не так в Багдаде было. Там подержала-подержала боль и отпустила. А эта лютовала в нём изо дня в день, так что от изнеможения и счёт дней начал для него размываться.

Но однажды пробрезжило освобождающее дуновение, и он пропел слабыми губами, едва внятным голосом:

“О рекших мне “Внидем во дворы Господни” возвесели мя дух мой и сердце обрадовася”.

Значит, решили, кто-то в видении посетил его и призвал.

Назавтра он самостоятельно поднялся с кровати, облачился во всё чистое. Захотел пробыть с братом и учениками целый день, и тихая радость смягчала черты осунувшегося лица. Радость освобождения слышна была и в голосе, когда выговорил:

“Отселе я ни царю слуга, ни кому другому на земли, но только Богу Вседержителю... Аминь”.

Так он сказал — обликом своим, облачением, словами, — что желает принять иноческий постриг. На следующий же день состоялось таинство его посвящения в монашеский чин.

Был Константин.

Стал инок Кирилл.

Как и положено, ему строгий устав предписывал остаться на срок совсем одному — в ночном безмолвии, наедине с молитвами, которые обращал к Творцу своему.

То были молитвы особые, для вхождения души в строй иноческого бытия. Но были и молитвы, впитанные им ещё с родительских уст. И первая из них, самая малая, самая прескромная и самая, как теперь отсюда видит, великая, бесконечная в своей всегдашней настоячивости: Κύριε ἐλέησον! — *Господи, помилуй!*.. А рядом и молитва-благодарение, так часто людьми на радостях забываемая: Δόξα Σοι, ο Θεός ημών, δόξα Σοι! — *Слава Тебе, Боже наш, слава Тебе!*

Так, через молитву, он издавна возлюбил язык, считавшийся в его кругу чужим. А теперь не может и дня прожить без него, молится и думает на нём...

*Господи, Боже мой,
иже вся ангельские силы и бесплотные чины составил
и небо распротер, и землю основал,
и вся сущая от небытия в бытие привел,
иже всегда и везде слушал творящих волю Твою,
боящихся Тебе и хранящих заповеди Твоя,
послушай и моей молитвы
и верное Твое стадо словенское сохрани,
к коему меня приставил,
ленивого и недостойного раба Твоего.
Избавляя вся от всякой безбожной и поганской злобы
и от всякого многоречивого и хульного еретического языка,
глаголющего на Тя хулы,
погуби триязычную ересь*

*и возрасти Церковь Твою множеством,
и вся в единомыслии совокупив,
сотвори изрядны люди,
единомыслящие о истинной вере Твоей и правом исповедании,
вдохни же в сердца их слово Твоего учения,
ибо они Твой дар.
Если нас приял, недостойных,
на проповедание им Евангелия Христа Твоего
и наострившихся на добрые дела
и творящих угодное Тебе,
и если мне дал,
то Твои есть и Тебе их возвращаю.
Устрой же их сильною Твоею десницею,
покрой их кровом крыл Твоих,
да все они хвалят и славят имя Твое,
Отца и Сына и Святаго Духа во веки. Аминь.*

Так, в молитвенном сосредоточении прошло пятьдесят дней после пострига. Не раз, наверное, вспоминалась ему в эти недели тишина Малого Олимпа, где провели они с Мефодием, может быть, самые радостные годы совместных трудов, потому что тогда ещё невозможно было вообразить, сколько злоключений ждёт их именно из-за этих трудов, когда спустятся они со своей Горы.

Может быть, поэтому однажды, попросив Мефодия остаться с ним наедине, он вспомнил и Гору: “Были мы, брат, как два вола в одной упряжи, одну бразду тянули... И вот я на пахоте падаю, свой день скончав... А ты, знаю, так любишь Гору. Но не позволь себе ради нашей Горы оставить научение свое. Чем иным еще спасемся?”

Это было уже совсем незадолго до кончины монаха Кирилла. Житие повествует, что перед самым своим исходом он, собрав последние силы, облобызал брата, всех единомышленников своих и ещё раз напомнил молитвенно об их общем труде:

“Благословен Бог наш, иже не дасть нас в ловитву зубам невидимых враг наших, но сеть их сокрушися, и избавил нас от истления...”

14 февраля 869 года Мефодий сказал стоящим перед Кирилловым гробом, что брат его, оставивший для них всех такой великий дар и такой небывалый образ бескорыстия, прожил совсем немного — всего сорок два года.

Но как же это столь малое уместило в себе столь неисчислимое?

В Климентовой базилике

Прощание с Философом вдруг напомнило события более чем годовой давности, когда Рим торжественно встречал братьев. Напомнило просто-таки исключительным вниманием, которое вновь проявлял Адриан II, — но теперь уже к проводам младшего из гостей-византийцев.

Всё устройство отпевания апостолик взял на себя. Потребовал участвовать в прощании с новопреставленным не только подопечное ему духовенство, но и всех-всех римлян. Просьба прибыть касалась также священников и монахов греческого обряда, что немалым числом жили в городе. Агиографы Кирилла приводят важную подробность события: Адриан повелел *“со свещами сшедшеся пети над ним (Кириллом. — Ю. Л.) и сотворити провождение ему, якоже и самому папежу”*. Отпеть монаха-чужеземца, к тому же совсем недавно постриженного, отдав ему почести, достойные римских пап, — это что-то да значило!

Мефодий и его спутники снова оказались на виду у всего города.

Будто и не было перед тем нескольких месяцев тягостной остуды по отношению к ним со стороны придворных клириков.

Улучив минуты для доверительного разговора, старший брат попросил у апостолика благословения на неблизкий путь в Вифинию:

— Мать наша взяла с нас клятвенное обещание: кто бы первым из двоих ни отправился на Господний Суд, пусть второй брат перенесёт его прах в наш монастырь и там предаст земле.

С участием выслушав Мефодия, папа отдал распоряжение своим гробовщикам: опустить тело усопшего в раку, приколотить её крышку железными гвоздями и так держать неделю, нужную для сборов в путь.

Но тут у епископов римских возник свой довод:

— По скольким бы землям ни ходил сей честной муж, но ведь Господь его к нам привёл. И у нас принял его душу. Значит, достойно ему у нас лежать, а не где-то ещё.

На это расчувствовавшийся старец Адриан изрёк:

— А если так, то за святость его и любовь повелеваю нарушить римский обычай и погresti его в гробу, что для меня самого вытесан, — в соборе святого апостола Петра!

Видимо, этот жест апостолика показался всем окружающим даже слишком решительным.

— Если уж вы меня не послушали, не отдали мне его, — ещё раз заговорил Мефодий, — и если вам моё предложение будет любо, то пусть положат его в церкви святого Климента, с мощами которого он и пришёл сюда.

Мнение вифинского игумена своей мерностью как-то разом устроило всех.

И вот настал день, когда в скромную базилику, алтарь которой год назад принял Климентовы мощи, притекло шествие с ещё одной ракой. Её уместили в тёсаный из камня гроб — по правую руку от алтаря.

“Житие Кирилла” заканчивается словами о том, что в церкви “начаша тогда многа чудеса бывати”, и римляне, видя их или слыша о них, с ещё большим почитанием и трепетом приходили сюда и вскоре же написали икону с его изображением и возжгли пред нею лампаду, светившую и днём, и в ночи.

Так в стенах малой римской базилики началось местное почитание. И самые первые славянские молитвословия, обращённые к Кириллу, Мефодий и его спутники пропели именно здесь, хваля за всё Бога, “Тому бо есть слава и честь в веки. Аминь”.

СИРМИУМ

Дознание библиотекаря

Мефодию и после похорон младшего брата нельзя было ни на день отлучаться из Рима. Хочешь — не хочешь, но жди здесь. До тех самых пор жди, пока не определится Адриан II в своём отношении к дальнейшей судьбе моравской миссии. Ведь одно дело — трогательное своей чувствительностью внимание, проявленное старым апостоликом по случаю кончины Кирилла. И совсем другое — клубок противоречивых оценок, гуляющих по коридорам папской канцелярии в связи с совершённым двумя греками переворотом. А чем же ещё, как не переворотом, могла считать римская курия неожиданный-негаданный перевод моравской церковной практики на “народный”, то есть славянский, язык? То, что год с небольшим назад, во время Рождественских славянских литургий в Риме, многих растрогало своей экзотической необычностью, варварской свежестью, теперь оборачивалось для протрезвевших умов какой-то головомолной стороной.

Да, здесь живут люди имперского кругозора, — не какие-то там узколобые “триязычники” и “пилатники”, с которыми покойный Философ спорил в Венеции. Римляне не понаслышке знают, что сирийские христиане издавна служат в храмах на своём языке, а египтяне-копты — на своём, и армяне с грузинами — на своих наречиях. Но это где-то далеко — на Востоке. А здесь, на Западе, с самого начала повсеместно утвердилась служба на благородной латыни. И эта традиция аксиоматична. Она равно благовоспитывает франков, галлов, бриттов, испанцев. Какая смута вспыхнет, если кому-то из них взбредёт на ум поддаться восточной моде и завести своё богослужение на местном языке, ну, хотя бы на немецком?!

Мефодий, опытный духовный стратиг, предчувствовал: и в Риме, как и в Константинополе, — всегда на одно мнение отыщется другое. Рим образцово противоречив, подстать остальному миру. Папа Адриан, придя к вла-

сти, похоже, захотел внятно изменить стиль отношений как с настырными наследниками Карла Великого, так и с Византией. Значит ли это, что до единого исчезнут в курии приверженцы жёсткой имперско-церковной политики Николая I? И Мефодий, и покойный брат видели: нет, такие люди не исчезли и не исчезают.

В середине лета 869 года в Риме вдруг объявился, возвратясь из своих бегов (или из ссылки?), Анастасий-библиотекарь. Завидная невозмутимость этого человека, который держался так, будто никуда и не отлучался, по-своему даже восхищала. Возобновилось, словно на прерванной только вчера приятельской беседе, его общение с Мефодием и его спутниками. Всё тот же дружелюбный тон, всё то же сочувственное внимание к нерешённой по сию пору судьбе миссии. Но кто же перед ними на самом деле: ласковый сопереживатель или искуснейший соглядатай? Непросто было свыкаться с двойственностью, исходившей от библиотекаря.

Похоже, никак не могла римская курия долго обходиться без помощи этого блестящего канцеляриста, единственного тут переводчика, безупречно владеющего греческим языком. Нужда в нём была ещё и потому, что всё заметнее обозначалась трещина в отношениях курии с болгарским князем Борисом-Михаилом. Тот уже не скрывал намерения вернуться под покровительство цареградского патриархата. Видимо, и в запутанных болгарских делах опыт Анастасия, как деятельного сотрудника покойного папы Николая I, снова срочно понадобился. Не случайно всего через месяц с лишним после своего возвращения Анастасий отбыл порученцем Адриана прямым в столицу Византии.

Мефодий вряд ли мог знать, что одним из заданий, полученных библиотекарем, было выяснение подробностей открытия братьями мощей Климента. Тем самым Анастасию, по сути, предстояло удостовериться в подлинности самих мощей. Вскоре в Константинополе он встретился с митрополитом Смирнским Митрофаном, который во время обнаружения и прославления останков Климента как раз находился в Херсонесе.

Владыка Митрофан, на удачу, знал событие во всех важных для библиотекаря деталях. Его свидетельство для Анастасия представляло особую ценность ещё и потому, что митрополит в Херсонесе находился не по своей воле, будучи сослан туда патриархом Фотием. Так что никакого “Фотиева следа”, неприятного для репутации солунских братьев, как убеждался дотошный римлянин, история мощей не содержала.

С итогами своего дознания, благоприятными для памяти покойного Философа и для чести его старшего брата, всё ещё ждущего своей участи в Риме, Анастасий спустя полгода и вернулся в канцелярию. Но сам по себе факт дотошной проверки красноречив. В старом Латеранском дворце, вокруг папского престола, и после кончины Кирилла у моравской миссии оставались свои противники.

Между тем, из Константинополя дошла весть о сильном землетрясении. Причём ущерб многим строениям города. “А что София?” – тревожный этот вопрос среди греков, обитающих в Риме, звучал то и дело. Как не вспомнить о Софии, когда ты далеко от неё, и она стоит перед мысленным взором как оплот и образ всего града, всей державы?.. Выяснилось, что и Софии нанесён урон. Хотя подземные толчки пощадили сам купол, но сильно повреждены внутренние изображения купольной сферы. Впрочем, многие увидели в этом обрушении перст Божий, вразумляющее знамение. Потому что осыпался большой мозаичный крест, тот самый, что когда-то, при иконоборческих самоуправствах, наспех закрыл, замуровал собою лики Христа и херувимов. И вот же – на месте осыпей, только-только прах развеялся, на сводах вновь, будто подтверждая незыблемость истины, проступили и лик Вседержителя, и образы крылатых сил херувимских.

Но несравненно больше волнений, толков, пересудов и всякого рода предположений вызвало в греческой колонии Рима другое византийское событие 869–870 годов.

Собор намерений

5 октября в Константинополе при участии нового императора Василия Македонца, патриарха Игнатия, папских легатов (в их числе видели и Анаста-

сия-библиотекаря) открылся Собор, очередной по счёту после семи Вселенских. Ему римская курия намеревалась придать совершенно исключительное значение, заранее определив его в своём сценарии как “Восьмой Вселенский”. Для заявки на такой громкий исход в Риме заблаговременно, у престола Апостола Петра, созвали свой Поместный Собор. Его участники единодушно анафематствовали отстранённого василевсом Василием Фотия и сожгли кодекс, содержащий Фотиеву анафему Николаю I.

Век был таков: анафема анафему догоняла и в огне спешно пожирала. Легаты отбыли в Константинополь с поручением произвести подобное же картинное сожжение и там, на Соборе Вселенском.

Адриан II с нетерпением ждал церковного триумфа всемирного звучания. Собрание восточных патриархов, подтвердив правоту Западной Церкви в её приговоре Фотию, тем самым наконец-то признает духовное главенство апостольского престола. Рим жил надеждой: этот – *Восьмой* – станет последним в череде, итоговым, всё и вся завершающим. И он на веки вечные утвердит незыблемый авторитет первой кафедры всего христианского мира.

Время самое благоприятное. Император Василий, судя по его первому же письму апостолику с отчётом об изгнании Фотия, будет податлив. Печать убийцы своего предшественника, наверняка, отягчает душу нового василевса. Ему явно хочется выглядеть во мнении Востока и Запада спасителем имперской чести – от дурной славы Михаила III, беспутного пьянщика и кощунника на троне. Василий надеется на моральную поддержку Рима. И он вовсе не прочь завести дружбу с династией сильных Каролингов. Не зря тому же расторопному Анастасию апостолик доверил ещё одно важное поручение. Под самый конец работы Собора, растянувшегося чуть не на полгода, библиотекарь срочно отбыл с Босфора. Но вскоре вернулся туда с делегацией королевских послов – для заключения договора о женитьбе Константина, старшего сына Василия, на дочери Людовика Немецкого.

Вести о работе Собора, раз от разу поступавшие в Рим, не могли не волновать и обитателей здешней греческой общины. Мефодий с учениками впитывали молву, чаще скупую, чем изобильную, с особой жадностью. Там, в стенах Софии, где проходили сейчас заседания, косвенно решалась и их участь.

Нет, что-то в стольном граде ромеев сразу же пошло вопреки замыслу римской курии. Начать с того, что состав собравшихся был поразительно мизерен. Кроме самого Игнатия, эту встречу не почтил своим присутствием ни один из восточных патриархов. Не явилось и большинство митрополитов и епископов. Устроителям пришлось срочно заполнять пустующие кресла множеством придворных чиновников. Ну, разве такими были настоящие Вселенские Соборы, кипевшие многолюдством, сверкавшие именами самых маститых и достойных посланцев своих епархий? Какое-то вялое театральное действие вместо Собора!.. Латинские легаты к тому же сразу выставили присутствующим свои доставленные из Рима “формулы”, напоминавшие правила примерного поведения, которые все обязаны были подписывать. И чем же сии скрижали подписывать? Обычными чернилами? Или киноварными – из чернильницы самого василевса? Прямо какая-то присяга на верность папам – и нынешнему Адриану, но, особенно, покойному Николаю.

Даже приверженцы Игнатия, даже императорские чиновники, говорят, опешили от такого натиска. Когда речь дошла до анафемствования Фотия, с мест послышалось возмущённое: “Отсутствующий да не судим будет!”.

Тогда, на пятое по счёту заседание, опального патриарха, несмотря на его нежелание участвовать в действе, доставили принудительно. Рассказ о том, что происходило дальше, Мефодий не мог слушать без волнения.

Чтобы унижить Фотия, ему велели стоять у самого входа в зал, за спинами присутствующих мирян. Легаты, никогда не видевшие Фотия в лицо, всполюшились:

– Кого это там ввели?.. Кто этот – последний?

– Это и есть Фотий! – ответил сановник василевса.

– Тот самый Фотий? – вскричали, как со сцены, легаты. – Тот самый Фотий, что причинил столько злостраданий Римской Церкви за семь лет своего самоуправства?! Тот, который столько бед нанёс и Церкви Константинопольской, и всем Церквям Востока?!

Зал притих. Молчал и Фотий.

После подробнейшего перечня его вин потребовали, чтобы подсудимый защищался. Все снова обернулись к Фотию.

– Бог слышит мой голос, если я и молчу.

На это легаты изрекли:

– Твоё молчание не спасёт тебя от осуждения!

Фотий снова сказал:

– Но и Иисус Христос своим молчанием не избегнул осуждения...

Многие возроптали:

– Как смеет святотатец сравнивать себя с Христом?!

Это было всё или почти всё, что, по словам разных рассказчиков, произнёс на суде Фотий. Но даже такого изложения хватило Мефодию, чтобы растроганно оживить в памяти облик опального патриарха. Покойный брат возлюбил Фотия ещё со студенческой скамьи. Почитал его как искуснейшего наставника, мудрейшего из мирских. Оба успели оценить его и как пламенного защитника православных догматов, когда Фотий, что бы ни судили и ни рядили о нём теперь, был, – по воле свыше, а вовсе не по своему тщеславию, – призван к патриаршему служению. Теперь же молва открывала Мефодию в этом человеке новое свойство – мудрость выстраданного молчания. Такого молчания, что красноречивей любых речей.

Из других известий ободрило то, что сразу три епископа, несмотря на давление василевса, отказались на соборе судить Фотия. Один из них, Иоанн, митрополит Ираклийский, сказал во всеуслышание: “Кто анафемствует своего епископа, да будет проклят!”.

Однако латинские легаты постарались исполнить задание курии до конца. Состоялась процедура анафемствования, с непременным (уже вторичным) сожжением прямо здесь, в зале заседаний, неугодных декретов за подписью Фотия, вытщенных из патриаршего архива. Внесли медную жаровню, развели в ней огонь, принялись метать в чадную пасть одну за другой рукописные хартии.

Дьякон-грек грозным рыком возгласил брань проклятия, превыспреннюю, к тому же почти стихотворную:

Фотию придворному и узурпатору анафема!

Фотию мирскому и площадному анафема!

Фотию неوفиту и тирану анафема!

Схизматику и осуждённому анафема!..

Изобретателю лжей и сплетателю новых догматов анафема!..

Даже “новым Иудой” напоследок назвали.

Какие бы бодрые отчёты ни слали легаты в Рим о своих победах, Собор явно проваливался. Никто на нём не заикнулся вслух оспорить всем известные доказательства Фотия в защиту Символа веры, в текст которого западные иерархи во главе с покойным Николаем пытались было протащить своё тощее изобретение – *filioque*.

Говорят, сразу по закрытии Собора, когда василевс пригласил легатов во дворец, вдруг обнаружилась вся мнимость их успехов, достигнутых в Константинополе. Неожиданно в числе присутствующих они увидели... послов от болгарского князя Бориса. Послы эти от имени своего государя во всеуслышание представили императору и патриарху просьбу принять народ болгарский под свой духовный покров, прислать в страну византийских иерархов и священников. Получалось, что все многолетние труды Николая I, так желавшего укротить болгарскую стихию юрисдикцией апостольской кафедры, обернулись прахом. Получалось также, что эти хитрые греки, Василий и Игнатий, пошли навстречу Риму лишь в деле Фотия, а соседку-Болгарию – эту капризную то ли страну, то ли орду – и не думали никуда от себя отпускать.

Напоследок, уже в марте 870-го, когда легаты везли в Италию реляции “Восьмого Вселенского”, было на них нападение морских разбойников, по слухам, славян. Скарб легатов, подарки от василевса, сами хартии с подписями – всё бесследно исчезло. Да и о судьбе своих порученцев Адриан ещё многие месяцы ничего не знал.

Но, как догадывался Мефодий, самое главное старый апостолик знает

и без документов кривоватого Собора: Византия дала слабину лишь по видимости. Ну, сожгли свитки, позорящие имя Папы Николая. Но что до стараний покойного Папы к укреплению всемирного первенства римской кафедры, — тут византийцы не то что не уступили ни шагу. Тут они, как показал новейший разворот болгарского дела, прямо землю рвут из-под ног у римлян.

Есть косвенные подтверждения тому, что Анастасий Библиотекарь по своём возвращении в Рим как ни в чём ни бывало снова встречался с Мефодием. И не раз. А при встречах, возможно, даже рассказал старшему солунянину о своей беседе в Константинополе с митрополитом Митрофаном, тем самым, которого братья знали ещё по Херсонесу. Можно догадаться, что Мефодий в таком внимании Библиотекаря к подробностям открытия мощей Климента постарался не заметить ничего зазорного и для себя обидного. Пусть они проверяют и перепроверяют. Вправе же страна, наконец, обретшая свою святыню, узнать о ней как можно больше.

Но тема эта выводила Мефодия к раздумьям о действиях, гораздо более для него важных и неотложных. Пока в Латеранском дворце обсуждают или, что скорее всего, затягивают обсуждение судьбы моравской миссии, у него есть время привести в должный порядок записи, оставшиеся от брата. Одно дело черновые пробы и начатки новых богослужебных переводов. Они почти всегда под рукой у него и его помощников. Через эти писания они словно продолжают ежедневные свои беседы с Кириллом, ища у него советов, подсказок, радуясь маленьким озарениям, когда вдруг выясняется в пометах Философа смысловой оттенок отдельного славянского слова, предложения.

Но ведь есть и другое Кириллово наследие. Может ли Мефодий пренебречь им? Оно тоже — в тетрадях, тетраджах, свитках, на листах, а то и на малых пядях пергамена. Но лишь отчасти в них. Хотя Философа отличала образцовая верность письменному свидетельству как таковому, никак не успевал он всё, достойное памяти, запечатлеть на письме. Как многое из его жизни ушло в тишину, прошлестев напоследок, будто ветер в камышах! Тем более важно теперь обозреть и заново оценить уцелевшее.

Благо, невредимы записи, из которых снова, как сквозь мглу, проступают следы важнейших путей и испытаний брата. Слава Богу, сбереглись записи его прений с арабами в Багдаде. Есть, похоже, в виде домашней заготовки, и наброски спора с иконоборцем Аннием. Впрочем, брат мог сделать эту запись не до, а сразу по следам полемики.

И, конечно, особо важен, даже по весу своему, черновик прений Константина с хазарскими иудеями и мусульманами. Это же целый трактат! О нём думать ещё и думать...

А вот и она — история о нахождении мощей Папы-мученика! К счастью, такая замечательно подробная! Рукопись вполне можно показать и Анастасию. Пусть увидит дотошный канцелярист, с какой ответственностью покойный брат описал всё, что связано было с обретением святых останков. Да задно пусть лишний раз поупражняется в чтении греческой скорописи. Ведь все свои рабочие записи, не касающиеся впрямую славянской темы, Константин вёл обычно по-гречески.

Ученики поговаривают: эти рукописи Философа нужно, не откладывая надолго, тоже переводить — для назидания славянских умов. Пусть всяк славянин, имея уши, узнает об их учителе Кирилле те наставительные и драгоценные подробности его жизни, что изложил он сам. Если сохранил их без изъяна, значит, волеизъявлением своим подсказывает: и вам тоже понадобятся.

Уже не раз, сначала как бы исподволь, вздохом и намёткой, звучало в их кругу рядом с привычным “жизнь” и это особенное слово, своим смыслом дающее животу человеческому какое-то совсем иное пространство, целительное дыхание.

Житие... Что, разве и сам Мефодий, и ученики не читали, не слышали многократно жития славных мужей и жён христианского мира — мучеников за веру, исповедников, святителей? И слышали, и читали. Но жития вели свою достойную речь о людях иных веков или стран, о событиях чудесных, несовместимых с житейской теснотой, бестолковостью. Кто и как теперь посмеет примерить житийный лад к своим дням?

Но Кирилл — иное. Хотя и томился он совсем недавно среди них, в той же тесноте, неопределённости, в муке своей телесной, — но теперь он столь уже

далеко, будто стремительно достиг тех иных веков и стран и стал причастником их чудесных деяний. Он сам творил чудесное, продолжает творить. Мощь чуда исходит от него, не убывая. Разве не великое чудо, что гордый Рим ошеломлённо притих, расслышав божественные смыслы в речи народа, считаемого на Западе презренным и рабским?

Эпистола и замысел Адриана

Уход Болгарии из сферы влияния римской курии, как ни странно, заставил всё же её внимательнее рассмотреть досаждавший ей моравский вопрос. Что, если, поддавшись примеру болгарина Бориса, и Ростислав отправит в Константинополь послов с согласием на полный перевод его моравлян под византийскую юрисдикцию?

По крайней мере, до слуха Мефодия и учеников уже доходили вести о беспокойстве Ростислава и Коцела за их судьбу. Следы такого беспокойства – в *“Житии Мефодия”*, где упомянуто прошение Коцела в Рим, чтобы поскорей отпустили к нему старшего солунянина. Там же, в житии, и ответ апостолика: “Не тебе единому отпущу, но всем землям тем славянским...”.

То, что оба славянских князя, каждый поодиночке, уже обременяют курию жалобами на затянувшуюся беспризорность своих Церквей, не могло не воодушевлять засидевшихся в Риме просителей...

Со стороны Ростислава такая настойчивость могла быть вызвана и тем, что под конец 869 года он вдруг добился впечатляющей удачи в открытом воинском противостоянии франкам. Удачи такой убедительной, что те впервые вынуждены были предоставить его княжеству полную независимость.

Но что же сам Его апостольство, блаженнейший папа Адриан?

Очень ли будет прилично – после всех прозвучавших из его уст громких поощрений в адрес славянских писymен и славянской литургии, после траурных соболезнований по поводу кончины Кирилла – так одними выражениями чувств и ограничиться? Или он хоть слегка накренит чашу весов в сторону дерзкого новшества двух византийцев, а тем самым – в сторону моравлян и паннонцев?

И, наконец, он её накренил, эту чашу. Слегка, но накренил.

Латинский оригинал письма Адриана II, адресованного князьям Ростиславу и Коцелу, в канцелярии Ватикана не сохранился. Не сберётся и греческий перевод, который, наверняка, тогда же составили, как принято при подготовке посланий межгосударственного достоинства. Над этим переводом как раз и могли совместно работать Мефодий с Анастасием. Но *“Житие Мефодия”* содержит пространный славянский текст письма, и он, судя по стилю, предельно близок к первоисточнику. Вполне возможно, что документ и готовили сразу на трёх языках, и это условие предложил Мефодий. Пусть-де и славянские князья получат эпистола, подтверждающую их высокое достоинство, уважение к их родной речи.

Письмо вышло явно напутственного, благословляющего, миротворного и покровительственного звучания. Попробуем услышать письмо папы Адриана так, как слышали его стародавние те славяне. Вот как звучит оно в *“Житии Мефодия”*:

“Адриан епископ и раб Божий к Ростиславу и Святополку и Коцелю.

Слава в вышних Богу и на земли мир, в человецех благоволение.

Яко о вас духовная слышахом, ныня же жадахом с желанием и молитвою вашего ради спасения, како есть воздвиг Господь сердца ваша искати Его и показал вам – не токмо верою, но и духовными делы достоин служити Богу.

Вера бо без дел мертва есть, и отпадают ти, иже ся мнят Бога знающе, а делы ся Его отметають. Не токмо бо у сего святительскаго стола просисте учителя, но и у благовернаго цесаря Михаила да посла вам блаженаго Философа Костянтина и с братом, дондеже мы не доспехом. Она же уведевша апостольскаго стола, достояща ваша страны, кроме канона не сотвористе ничесоже, но к нам приидосте и святаго Климента мощи несущее. Мы же трегубу радость приимше, умыслихом испытавше послати Мефодия свящаше и с ученики, сына же нашего на страны ваша, мужа же свершена разумом и правоверна да вы учит, яко же есте просили, сказая книги в язык ваш по всему церковному чину исполнь и с святою мшею (мессой) рекше,

со службою и крещением. Яко же есть Философ начал Костянтин Божию благодатью и с молитвы святого Климента, тако же еще ин кто возможех достойно и правоверно сказати свято и благосно Богом и нами и всею кафоликую и апостольскую церковью буди да бысте удобь заповеди Божия навыкли. Сей же един хранити обычай да на мши (мессе) первее чтут Апостол и Евангелие римскы, таче словенскы да ся исполнить книжное слово, яко восхвалят Господа вси языки и друго иде вси возглаголют языки различни величья Божия, яко же дасть им Святыи Дух отвещавати.

Аще же кто от собранных вам учитель и чешующих слухы и от истины отвращающих на бляди, начнет, дерзнув инако, развращати вы, гадя книги языка вашего, да будет отлучен токмо в суд, а ны церкви дойде ся исправить. Ти бо суть волцы, а не овця, яже достоин от плод нагнати и хранитися их.

Вы же, чада возлюбленная, послушайте учения Божия и не отрините казания церковнаго, да ся обрящете истиннии поклонители Божия, Отцю нашему небесному с всеми святыми. Аминь”.

Несмотря на сугубый архаизм, а отсюда — для современного читателя — вязкость и смысловую непроясненность некоторых оборотов документа, его содержание для славянских князей было вполне прозрачным. Адриан скромно именовал себя епископом, а не папой (ведь и все восточные патриархи с митрополитами тоже были — по сути, а не по званиям — епископами). Старик не оскорбил Ростислава никаким непочтительным словом в адрес убиенного царя Михаила. Хотя и напомнил, что когда-то Ростислав первым делом обратился за духовным окормлением всё же в Рим, а не на Босфор (“у сего святительского стола просите учителя”). Тут же, впрочем, признал очевидное: миссия из Византии в Моравию опередила римскую (“мы не доспехом”). Зато напоследок именно в Риме Мефодия с учениками “свещаше”, то есть рукоположили: сначала учеников в священники и диаконы, а напоследок и учителя — в епископы.

Вот это, вроде бы мельком сказанное о рукоположениях, и было для князей едва ли не самым важным местом письма. Отныне в Моравии и Паннонии будет у них свой епископ! Не от латинян, не от немцев назначенный, а уродившийся им солунский ромей, как и его покойный брат, по духу, по ревности своей к справедливости — истый славянин.

И свои, моравского, славянского роду, будут у них отныне священники!

И не так уж их расстроило, что старик-римлянин предписывает: во время литургии Апостол и Евангелие читать сперва на латыни, а потом уж на славянском. Да пусть! Тем с большей жадностью слух будет ждать, когда зазвучат стихи славянских книг! И каждому, впервые ступившему в Церковь, можно будет втолковать: раньше-то была одна латынь, а теперь сам Господь по милости своей для нас заговорил. Имеющий уши да внимлет...

А ектеньи, большая и малая, и просительная, а тропари праздникам и поминаемым святым, а молитвы, а стихи из “Псалтыри”? Они всё равно, как уже и заведено было братьями, будут звучать по-нашему! А те же проповеди!

Теперь и Мефодий, покидая Рим, мог убедиться: несмотря на кончину брата, несмотря на проволочки и неопределённость, изнурявшие их здесь долгими месяцами, дело всё же подвигается. Это Кирилл молится за них, чудесно помогает, чтобы общее дело не рассыпалось прахом. Подлинно: вера без дел мертва. Не зря Адриан привёл в своём письме это премудрое изречение апостола Иакова. Они теперь снова возвращаются к свободному, как дыхание, деланию. Они и здесь не томились бездельем, но затомились их велерадские и блатноградские люди, оставленные при одной лишь азбуке.

Похоже, по намерениям Адриана, ему, Мефодию, придётся на своей вновь учреждаемой для славян епископской кафедре потрудиться не в одной лишь Моравии. И не только в Паннонском княжестве Коцела. Дело в том, что кафедру эту Рим заводит хотя и вновь, но никак не на пустом месте.

Чтобы утвердиться в таком решении, в Латеранском дворце пошелестели страницами весьма старых книг, извлекли на свет давно не разгибавшиеся пергаменные свитки, а то и папирусы.

Среди имён семидесяти апостолов Христова века твёрдо, незыблемо стояло и это — Андроник, победитель мужей, по-гречески. Апостол Павел в своём письме к Римлянам просит приветствовать Андроника, называет его родственником и говорит, что этот прославленный среди апостолов муж рань-

ше его уверовал во Христа. Святительское служение Андроника связывалось в преданиях со старой римской провинцией в Подунавье, в северном Иллирике. Центром удела Андроника был город Сирмиум, он же Сирмий, считавшийся когда-то у римлян одним из четырёх самых важных городов всей империи. Сирмиум стоял на берегу Савы со всеми своими имперскими древностями – театром, ипподромом и прочая, прочая. Но много позже оказался лакомой поживой для вторгшихся с востока гуннов. После того разграбления его жители разбежались кто куда, а кафедру архиепископскую уже не хватало сил восстановить.

Но вот и самое время приспело вернуть ей жизнь, – к такому мнению склонилась римская курия. На Мефодия, направляемого в Сирмий, поглядывали напоследок с таким единомышленным дружелюбием, будто и не шушукались ещё недавно возле папской кафедры противники славянского богослужения.

Мефодий, пожалуй, как никто другой подходил для замысла. В нём, с его воинской исполнительностью, воловьим упорством, будто от природы выпирает епископская жила. Князья к нему дружелюбны, ученики за него хоть в огонь, хоть в воду пойдут без колебаний. Там, в Моравии Ростиславовой и в Паннонии Коцеловой, судя по всему, есть уже у него немалая паства. Есть и опыт твёрдого противостояния франкским епископам. Ведь эти не в меру заносчивые отцы, заручившись покровительством Каролингов, ведут себя с каждым годом всё своевольней и по отношению к апостольскому престолу. Ромей Мефодий способен стать неплохим заслоном на востоке от напористых немцев. С другой же стороны, это и удобно, что он, вышколенный византиец, прибывший к моравлянам по благословению ныне отлучённого Фотия, вторично отправится к славянам уже как порученец, благословляемый римским Папой. Вот и живой противовес намерениям Византии. Она перетянула к себе болгар, хочет распоряжаться, будто в исконной вотчине, не у одних болгар, но и по всей Иллирии? Ну, и получайте по соседству своего Мефодия! Но теперь – *нашего* архиепископа. . .

И как это мудро, что местопребыванием возобновляемой древней кафедры определён именно Сирмиум. От него до Рима путь веками накатан, не то что от Велеграда или Коцелова городка. Мефодий тут почти под рукой. Его будет проще и надёжней при надобности вразумлять. Конечно, одно дело восстановить громадную древнюю епархию в мечтаниях – в буллах и на картах. И совсем иное – определить и отстаивать её пределы, противостоя тем же франкам, тем же болгарам с греками. А не управится с такими полномочиями и обязанностями Мефодий – не беда. Найдут другого. Важно начать. . .

Сирмиум витал в великих преданиях Рима, а затем и Константинополя, звездой с остро устремлёнными лучами. Через этот город пролегал жизненные пути четырёх императоров, в том числе Константина Великого. Одно из преданий намекало, что он вначале намеревался обустроить новую столицу империи именно в Сирмиуме. Но луч Константина устремился всё же к Босфору, к холму маленького Византия над Пропонтидой. Луч Андроника-Апостола, уже после его мученической кончины, тоже от Сирмий потёк на юго-запад. Говорят, его мощи нашли захороненными в пригороде Константинополя.

Мефодий с детства знал, что великомученик Димитрий казнён в его родном городе. Но вот в Сирмии веками жило упорное предание, что Димитрия Солунского казнили именно здесь. По поводу таких разноречий приходилось лишь вздыхать. Ну, что поделаешь, если каждая земля ревновала и ревновать будет о славе великих светочей Христовых!

Отбывая к месту назначения, Мефодий не мог не осознавать зыбкости, сомнительности, а главное, двойственности своего архиерейства. Он прибудет в маленький, полузаброшенный после нашествия гуннов городок, который, слышать, сполна умещается теперь в пределах ипподрома имперских времён. Приедет туда, где его никто не знает, как и он никого. Вместо радостной встречи с учениками школы, оставленной в Велеграде, с Ростиславом и его молодым племянником Святополком, с тем же Коцелом, его ждут насторожённые присматривания: кто сей? уж не назначено ему у нас место опалы? . .

В *“Житии Мефодия”* Сирмий даже не упомянут. Нет никаких других старых письменных свидетельств тому, что он сюда заезжал, здесь останавливался, строил церковь (или приспособил уже когда-то построенную), завёл хозяйство, соответствующее его архиерейским нуждам. Вместе с тем, Сир-

мий (современная Сремска Митровица в Сербии, на берегу Савы, в двух десятках километров от Белграда) как географический пункт его епископской деятельности в научный оборот вошёл – в качестве если не доказательной реалии, то заслуживающей внимания проблемы*.

УЗНИКИ МОНАСТЫРЯ РАЙХЕНАУ

“И потоцы беззакония смятоша мя...”

Рим... О благословении ли, полученном в Риме, было ему теперь вспоминать? Какое ещё епископство, если тут впору стать поперёк дороги и запретить себе даже единый шаг – в любую из сторон. И дышать не дыши, хватит. Камнем застынь. Старым безнадёжным солдатским камнем, на котором ни имени, ни рода-племени твоего уже не различить, а только щербатый номер легиона или когорты. Ни о чём не думай. Ничего больше не жди. Некуда. Незачем. Хватит с тебя.

Да что ж ты так несчастна, Моравия? Почему всё в тебе опять стремглав перелицевалось? За какие грехи и в который раз!

Он-то Ростислава спешил поздравить, а заодно и молоденького Святополка – с недавней их воинской победой. С тем, что вырвали, наконец, из рук немецких долгожданную волю. С тем, что заживут теперь свободно.

Нет же! Ему на пути в голос кричат:

– Да куда ж вы вы!? Разве не знаете: в княжестве измена! Ростислав схвачен... А кем? Далеко искать не нужно. Молодой племянничек – он и покусился на дядину власть...

Неужели Святополк?... Но где ж Ростислав?..

– Спросите лучше, где ветер... Одни немцы знают, куда Ростислава упрятали. У Карломана спрашивайте, где Ростислав. И жив ли ещё тот Ростислав...

Карломан. Он же Карломань. Один из трёх сыновей Людовика Немецкого... Сколько же их на свете – Людовиков, Карломаней?... Какой-то Карломан, самый, что ли, первый из всех по счёту, был родным братом Карла Великого, но умер юношей. Был ещё какой-то, но тоже не здесь, а в Бургундии. А этот, старший сын Людовика?... Ещё в первое своё пребывание в Моравии братья слышали о нём немало всякого. То он союзничал с Ростиславом, то, неугомонный в коварствах и клятвопреступлениях, почти тут же свежую распрю затевал. И теперь, после прошлогоднего поражения от Ростислава, видать, недолго копил в себе злость для нового умысла. Но действовать решил напоследок не мечом, а прельщением. Немало, должно быть, наобещал Святополку и его вельможам нитрским за измену. Не пролив и капли крови, получил от них клятву с опутанным по рукам и ногам велеградским князем.

Нет, не получается ему, Мефодию, стоять посреди поля придорожным обломком воинского надгробья. Ради хотя бы этой малой горстки учеников, что в унынии сгрудились возле него, нужно перебороть в себе терпкую каменную усталость.

Всё равно надо в Велеград ехать! А значит, так и так – через Нитру пы-

* Агиограф Мефодия сразу после текста письма Адриана II сообщает о поступке князя Коцела, вроде бы характерном для этого горячего правителя Паннонии. Коцел встречается у себя Мефодия с великой честью, но почти тут же снова... посылает его к апостолику, прося того “святить на епископство в Паннонии, на столе святого Андроника Апостола” ещё и... двадцать своих “муж честны чади”. Этот рассказ, вызвавший множество разноречивых толкований в учёной среде, действительно, заслуживает перепроверки. Или автор жития вовсе не входил в число учеников, побывавших с братьями в Риме, и потому не мог знать подробностей и ненамеренно сместить их, или за давностью описанных событий передал поспешный замысел Коцела в утрированном виде. На самом деле Мефодий, услышав о таком пожелании паннонского князя, перво-наперво постарался бы остудить его пыл, напомнив, что ему, Мефодию, с братом удалось в Риме добиться рукоположения в священники (а никак не в епископы) всего трёх учеников, причём в совершенстве подготовленных к служению в Церкви. Скорей всего, весной 870 года речь в Блатнограде, на обратном пути Мефодия в Велеград, могла вестись об устройстве у Коцела первоначальной школы, как об этом и уславливались два с лишним года назад. Для такого почина двадцать “муж честны чади” как раз были бы достаточны.

лить. Если же Святополк уже не в Нитре, а в Велеград перебрался, на дядин стол, надо перво-наперво усовестить Святополка. Наложить на него строжайшую епитимию за Иудин грех. Может, ещё не поздно спасти и Ростислава? Только знает ли племянник, куда спровадили дядю родного?

Но вышло так, что никто из них двоих — ни Святополк, ни Мефодий — ещё долго ничего не знал о судьбе Ростислава. Как ничего или почти ничего достоверного ещё долго не знали Мефодий со Святополком и друг о друге.

Так получилось, что Мефодий, если и добрался тогда до Велеграда, то лишь на самый малый час, — чтобы доставить превеликую радость глумливой облове. Наконец-то — с копьями, арканами и ножами — вышли на лов долгожданного византийского зверя и его зверят:

... Сии на колесницах и сии на конех,
Мы же имя Господа нашего призовем...

И учеников похватили вместе с их опозоренным епископом. Ехали из Рима к великой радости, а облеплены были грязью с головы до ног.

Куда везут их? На запад солнца, в предгорья и горы, через ямины, нарытые потоками. Значит, в самое гнездовье франкское. Не там ли теперь и Ростислав, если только жив князь?

... Аз есмь червь, а не человек,
поношение человеков и унижение людей.

Помоги же напоследок, спасительная книга!.. Когда начинал он перелагать её псалмы, заботливо подбирая на место греческих славянские слова, мог ли догадываться, как много в ней наперёд сказано и про него самого! Про каждого из нас сказано наперёд — на случай всякой беды, всякого непереносимого унижения. И вот — память нашаривает во тьме последнее прибежище для души.

... Одержаша мя болезни смертныя
и потоцы беззакония смятоша мя.
Болезни адовы обыдоша мя,
предвариша мя сети смертныя.
И внегда скорбети ми, призвах Господа
и к Богу моему возвах:
Услыши от храма святого Своего глас мой,
и вопль мой пред Ним внидет в уши Его.

Прежде, когда жили с братом на Горе, книга эта чаще всего открывалась для него стихами тихой радости и благодарности за то, что теперь и монахи его из славянского племени тоже, не хуже греков, понимают смыслы Давидовых стихов:

Повемя имя Твое братии моей,
Посреде Церкви воспою Тя.

Душа переполнена была смиренным ликованием. Казалось, и по всему миру так же теперь разливается благодатная теплота. Верилось, что навсегда допущены они в это селение чистых трудов и до конца дней своих будут распроганно славить Творца на сладкозвучных гусях царёвых.

... Кто взыдет на гору Господню
или кто станет на месте святем Его?
Неповинен рукама и чист сердцем,
иже не прият vsуе душу свою...
Сей примет благословение от Господа
и милостыню от Бога Spаса своего.

Но так она теперь далека, та Гора, будто в чужой совсем жизни! А их — не в преисподнюю ли тащат? Можно подумать, что и не христиане вовсе тащат, а свирепые язычники — гунны, авары. Или угры, что напали было на него с братом в степях приказарских... Но и язычники бы так не злобились, видя их беззащитность.

Аще ополчится на мя полк,
не убоится сердце мое.
Аще восстанет на мя брань,
на Него аз уповаю...

Немецкие епископы и папа

Поистине ополчился против него и горстки учеников целый полк враждебных им лиц, да ещё и с духовными воеводами во главе... Хотя в “Житии Мефодия” не назван по имени ни один из участников расправы, дело спустя три года вдруг получило такую громкую огласку, что пало несмываемой тенью сразу на нескольких церковных владык.

Все они из Восточно-Франкского королевства. Все входили в синод Зальцбургской архиепископии. Все в большей или меньшей степени были ответственны за прямо-таки разбойничье самоуправство, вызвавшее, наконец, возмущённую отповедь из Рима. Автор жития говорит о них во множественном числе: “епископы”. Замечает лишь, что некоторые из участников сговора после событий прожили совсем недолго: “...не избыша святаго Петрова суда, 4 бо от них епископи умроша”.

Упомянем каждого отдельно.

Первым – Германриха, епископа из Пассау. Его владения располагались ближе всего к моравским землям, и он в 870-м непосредственно участвовал в набеге на Моравию, находясь при войске Карломана. Он теперь и повёз схваченного византийца в свой Пассау. О Германрихе известно также, что за пять лет до этого он побывал в сопровождении своих священников в Плиске, у болгарского князя Бориса, надеясь добиться постоянного присутствия в этой стране немецких пастырей. Но вынужден был отъехать, ни в чём не успев. Тогдашний Папа Николай имел, как известно, собственные виды на Болгарию и потому не потерпел конкуренции.

На судное собрание (оно состоялось в Регенсбурге) явились также епископы Анон из Фрайзинга и Ландфрид из Себена. Среди присутствовавших называли и Вихинга, священнослужителя из Нитры, пути которого с Мефодием будут впоследствии многократно пересекаться.

В затеянном разгроме моравской миссии участвовал и Адальвин, архиепископ Зальцбургский. Если он и не был главным исполнителем расправы, то, скорее всего, как раз он постарался, хотя бы задним числом, обосновать необходимость и особую строгость суда. Именно в стенах его епископской канцелярии тогда же, к началу 871 года, и появился трактат, известный среди письменных источников той эпохи под названием “Крещение Баварцев и Карантинцев”. Анонимный автор трактата постарался отметить историческое первенство Зальцбургского духовного центра в деле христианского просвещения не только германских, но и славянских язычников. Адальвин, по мнению исследователей, явно приложил усилия к появлению этой рукописи.

Но мог ли епископский синод обсуждать в обстановке, приличной такого ранга собранию, вопрос о том, кто в большей степени достоин и способен просвещать славян – они, старожилы этих мест, или приезжие миссионеры из Константинополя? Нет, после того, что успели здесь вытворить по отношению к Мефодию, синод совершенно уже не был способен удерживаться в рамках пристойности. Об этом с возмущением заявил в своём письме – прямо в лицо епископу Германриху – не кто иной, как папа римский.

“...Воистину, чья жестокость, – не скажу про епископа, ни про какого-то светского человека, ни даже про тирана, – или чья зверская свирепость способна превысить твою дерзость, когда обрёл нашего брата и епископа Мефодия на затворническое притеснение и когда самым жестоким и бесчеловечным способом принудил его такое продолжительное время стоять под открытым небом, в зимнюю стужу и под дождём, и как отстранил его от доверенного ему руководства Церковью, и как дошёл до такого безумства, что приволакиваешь его на епископский Собор и бьёшь конской плетью, и как не было такое воспрепятствовано другими? И это, спрашиваю тебя, поступки епископа?...”

Письма со словами возмущения несправедливым судом отправлены были из Рима, кроме Германриха, также епископам Адальвину в Зальцбург и Анону во Фрайзинген. Адальвину предписывалось: “...ты, который стал виновником

его (Мефодия. — Ю. Л.) свержения, да станешь виновником и его восстановления на доверенной ему службе”. Анону, “чья надменность и дерзость превышают не только облака, но и всё небо”, выставлено ещё более жёсткое требование: “Если не будут созданы для уважаемого епископа добрые условия”, то ему, Анону, надлежит срочно явиться в Рим и здесь дать отчёт обо всём случившемся. До тех пор, пока Мефодий не будет освобождён и восстановлен в своих правах, всем этим епископам запрещалось служить мессы.

Как явный соучастник расправы получил буллу и Карлемань, сын Людвига Немецкого. “Да будет дозволено брату нашему Мефодию, — диктовалось из Рима, — который назначен от апостолической кафедры, свободно исполнять епископскую функцию сообразно старым обычаям”.

Чтобы проверить исполнение своих повелений, Папа отправляет на место событий своего легата — епископа Павла Анконского, которому предписано способствовать освобождению Мефодия и благополучному возвращению его в Моравию.

Все эти буллы составлялись и отправлены были из Рима в самом конце 872 или начале 873 года. Но автор их — уже не Адриан II, что сразу видно и по энергичному, жёсткому стилю этих писем. Автором был новый первоиерарх Западной церкви — Иоанн VIII.

Старого апостолика, который вручал в Риме архиепископские полномочия Мефодию, уже не было в живых. Он скончался 25 ноября 872 года, возможно, так и не узнав ничего достоверного о судьбе своего неведомо куда исчезнувшего посланца. Скорее всего, князь Паннонии Коцел, обеспокоенный покушением на жизнь сначала Ростислава, а за ним и Мефодия, мог, и даже неоднократно, слать в Рим запросы, полные тревоги и самых мрачных предположений. Если бы Адриан отправлял Коцелу в Блатноград хоть какие-то письменные ответы, они в том или ином виде сохранились бы. Как сохранились четыре письма папы Иоанна VIII по делу Мефодия.

В любом случае, новый папа в этом деле самым рьяным способом принялся за то, в чём не успел или сплеховал старый.

Иоанн VIII — второй папа, с которым Мефодию придётся сотрудничать непосредственно. Происходил он из старого римского рода. До своего избрания долго прослужил в соборе Апостола Петра архидиаконом, то есть был у всех и вся на виду. Значит, вполне мог лично знать Мефодия и покойного Кирилла. И даже, как художник речитативного слова, артист по складу души, проявлять особое внимание к литургическому творчеству братьев на славянском языке.

Но вряд ли расположенность личная (если она и была) побудила нового главу Западной церкви поступить теперь так стремительно и властно, прибегнув к грозному окрику.

В курии, судя по беспрекословному тону булл Иоанна, с его приходом, кажется, вполне возобладала антигерманская партия. Её сторонники уже накопили достаточно свидетельств того, что от Восточно-Франкского королевства при Людовике Немецком и его сыновьях не приходится ждать достойного отношения к престолу Святого Петра. То и дело почва под ногами вступивали древние, вроде бы давным-давно похороненные инстинкты. Словно само время норовило отползти — к стародавним тяжбам империи с беспокойными и дикими германскими племенами. Но теперь у Рима не было ни собственных императоров, ни могучих легионов, чтобы укрощать северных властолюбцев, расплодившихся безмерно после смерти Карла Великого.

Здесь прекрасно помнили, как самого Карла в начале века тогдашний Папа Лев III увенчал в Риме короной императора, вызвав этим поступком сильное неудовольствие императора Византии. Но Карл не оставил по себе столь же великих наследников. А потому надёжнее Риму рассчитывать не на силу меча, а на силу духовного авторитета, то есть на самих себя. Так полагал Папа Николай I. Такой же линии хотел придерживаться с самых первых своих шагов и он, Иоанн VIII.

Тем более что последние события показали: мирские вождения Людовика Немецкого и его сыновей дурно влияют на поведение восточно-франкских епископов. Что за самоуправство, что за варварские выходки позволяют себе его баварские духовные чада!

Иоанн тоже, вослед Николаю и Адриану, не собирался упускать из вида Болгарию. Он вовсе не хотел, чтобы немецкие короли, поглотив Моравию и Паннонию, расширились вплоть до болгарских земель, а немецкие еписко-

пы укоренились в болгарских городках. Болгария всё равно должна, наконец, войти в юрисдикцию апостольского престола. Как и Паннония и Моравия уже пребывают под покровом кафедры Святого Петра. По крайней мере с того самого дня, когда Адриан учредил грека Мефодия архиепископом на древнюю кафедру Апостола от 70-ти Андроника.

А потому пусть Моравия с Паннонией и впредь остаются сами по себе – независимыми от немецких посягательств.

Но всё это пока что было у него только на уме. И через три почти года после того, как пленили князя Ростислава и схватили Мефодия, об их дальнейшей судьбе в Риме знали лишь по обрывочным слухам.

Суд и расправа

Нам снова нужно вернуться к событиям 870 года. Ростислава немцы судили в Баварии в ноябре. Последние сведения о жизни князя, дружелюбно принявшего у себя в Велеграде двух греческих учителей, ничтожно скупы. Суд приговорил его к смертной казни. Король Людовик, столько раз воевавший с моравским вождём, напоследок смилостивился. И казнь, если только считать это милостью, отменили, заменив ослеплением. Но в том же году Ростислав умер. Где скончался, где погребён? Бог весть.

Святополк, выдавший Карломаню своего дядю в обмен на обещанную независимость, так ничего за измену и не получил. А когда попробовал возмутиться, Карломань и его запрягал в одну из баварских тюрем.

Существует благочестивое предание, что в том же самом узилище оказался тогда и Мефодий. И, значит, если представилась им возможность видаться и беседовать, у Святополка был случай покаяться перед своим епископом в грехе предательства и властолюбия. Только ли Ростислава выдал он всегдашним врагам Моравии? Осознал ли теперь, что не одного лишь дядю, но всю землю моравскую, со всей её бесправной чадью пустил на разграбление?

Есть древний документ, вроде бы подкрепляющий это предание о встрече двух подневольных. Речь идёт о рукописном помяннике – “Книге побратимства” (*Liber confraternitatum*) из библиотеки южно-немецкого монастыря Райхенау. На разных страницах помянника прочитываются записанные латиницей имена Мефодия (*Methodius*) и Святополка (*Szuentebulc*). То, что это подлинно они, а не одноименные им лица, подтверждает другая запись того же документа, где имя находящегося в заточении архиепископа проставлено по-гречески – ΜΕΘΟΔΙΟΣ.

В “Книгу побратимств” записывали имена людей и духовного звания, и мирян, и гостей-паломников, и недобровольных насельников монастыря – всех, кто просил братию молитвенно их поминать.

Если Святополк и был в стенах Райхенау пленником, то сравнительно недолго. А Мефодий?

Где же всё-таки с первой половины 870 года до первой половины 873-го искать нам следы его подневольного пребывания?

Агиограф, как всегда скупой на даты, имена людей и географические подробности, в своём рассказе о годах заключения Мефодия говорит, что после суда его “заславше в Свабы” (в Швабию), где продержали ещё “пол третия лет” (то есть два с половиной года).

В рассказе этом, – возможно, такова была воля Мефодия, не любившего лишний раз поминать гонителей, и так уже получивших по делам своим, – умолчано о нанесённых ему оскорблениях, которые с таким возмущением живописал Папа Иоанн VIII в буллах к баварским епископам.

Но всё-таки двумя-тремя важными подробностями передана в житии предельная жёсткость самого судилища. По главному доводу обвинителей – “На нашей области учийшь!” – Мефодий не посчитал нужным развёрнуто оправдываться. Сказал лишь без обиняков:

– Если бы ведал, что ваша область, обошёл бы стороной. Но не ваша область, а Святого Петра. Вопреки канонам, лакомства своего ради, наступайте на старые пределы. Будто хотите железную гору косяным теменем пробить. Опасайтесь лучше, чтобы мозг свой не пролили.

Когда в ярости пригрозили ему, что за такую хулу не оберётся зла, ответил:

– Я истину и перед цесарями говорю и не стыжусь. Вы, как задумали, так и правьте волю свою на мне. Чем я лучше тех, которые, отстаивая правду, жизнь свою в муках избыли?

Сколько ни кричали ещё, не смогли толком ничего ему возразить.

Присутствовавший на суде король Людовик Немецкий, когда епископы умолкли, даже сказал с ухмылкой:

– Ну, хватит вам утруждать моего Мефодия, а то он уже употел, будто возле печи стоит.

На что обвиняемый отшутился:

– Когда-то одного потного философа люди повстречали и спрашивают его: “Отчего ты так взопрел?” – “Да оттого, что с грубиянами прения затеял”... .

Не после таких ли слишком жарких обменов мнениями и выставляли узника на двор, под дождь и снег, или заталкивали в стылые подвалы?

В итоге синод баварских епископов, как и можно было ожидать, определил ни в коей мере не менять участь строптивца Мефодия к лучшему. Избрали только иное место заточения. Ещё дальше на запад увезли, в Швабию. Чтобы уже никоим образом не добрался оттуда до своих моравлян.

Вскую лице Твое отвращаеши,
забываеши нищету нашу и скорбь нашу.
Яко смирился в персть душа наша,
прильпе земли утроба наша.
Воскресни, Господи, помози нам
и избави нас имене ради Твоего.

Имена

Среди различных предположений, касающихся наиболее достоверного места ссылки Мефодия и его учеников, чаще иных называли и до сих пор называют старый швабский монастырь Элланген, основанный в VIII веке. Предпочтение ему отдают потому, что как раз на Эллангене мог настаивать епископ Германрих, наиболее ярый из гонителей славянской миссии. Он сам был родом шваб, и в Эллангене его рукополагали в священнический чин. Но монастырь этот, если и побывали в его стенах невольники, почему-то оказался непригодным для их постоянного содержания. Похоже, зачинщики расправы делали всё, чтобы замести следы. Среди предполагаемых точек очередных пересылок называются ещё монастыри за пределами Швабии и к западу от Рейна, то есть в краях, входящих теперь в состав восточной Франции.

Позже других в поле особо пристального исследовательского внимания попал швабский монастырь Райхенау.

О здешнем узничестве Мефодия свидетельствуют не только записи его имени в упомянутой выше “Книге побратимства”. Вторая из записей, та, что выполнена не латынью, а греческим письмом, драгоценна ещё и тем, что сразу за именем учителя прочитываются ещё несколько имён, записанных тоже по-гречески. Полностью строка выглядит так:

ΜΕΘΟΔΙΟΣ, ΛΕΟΝ, ΙΓΝΑΤΙΟΣ, ΙΟΑΚΙΜ, ΡΥΜΕΟΝ, ΔΡΑΓΙΑΣ.

Вот, наконец, впервые появляется возможность прочитать имена учеников Мефодия и покойного Кирилла. Потому что кто же это, как не они!

До сих пор ни жития братьев, ни другие документы тех дней подобной возможности не давали. Поневоле в нашей книге, – шла ли речь о Малом Олимпе или Велеграде, о Венеции или Риме, – ученики всегда присутствовали безымянно. И вот имена проявились – на старых пергаменных листах IX века*.

Правда, сразу же напрашивается ряд вопросов. А что, в записи из немецкого монастыря упомянуты те самые ученики, которых братья возили с собой

* Словацкий писатель Милан Ферко сообщает, что идентичного содержания перечень имён Мефодия и его спутников (алфавит греческий) выявлен и на странице 53-й монастырского помянника, который принадлежал древнему восточно-французскому аббатству Люксей-ле-Бейн (Ferko M. Velkomoravske zagady. Tatran. Bratislava, 1990). Известно, что основатель аббатства Люксей, ирландский аскет и миссионер Святой Колумбан со своими сподвижниками отсюда предпринимал хождения и дальше на восток, в том числе поднимался вверх по Рейну до Боденского (Констанкского) озера.

в Рим? Может, среди них есть и те, кого учителя присмотрели ещё в вифинском Полихроне? Кроме последнего (имя Драгиос больше всего напоминает сербское Драгош) все остальные как будто из греческого имясловного ряда, известного и латинянам, и немцам. Но значит ли это, что все ученики — греки? Скорее всего, в списке должны преобладать славяне, получившие в крещении (или при монашеском пострижении) новые имена. Понятно, не могли они и заикаться о том, чтобы записали их в помяннике буквами славянской азбуки. Ну, куда уж в чужой монастырь со своим уставом! И за то великое благодарение милостивым хозяевам, что теперь на службах и их, лишённых свободы, станут поминать вслух по именам.

В Райхенау кроме “Книги побратимств” издавна существовал, как и должно, главный монастырский помянник — для здравствующей братии (*Nomina vivorum fratrum...*). Имена учеников Мефодия появились в те же годы и на его листах, хотя уже не в греческом, а в латинском написании, к тому же с прибавкой трёх новых имён: “Ignatus, Leo, Hiltibald, loachim, Lazarus, Uualger, Simon”. Значит ли это, что ученики зачислены были в штат постоянных насельников монастыря — в чине послушников, трудников или даже монахов? На этот вопрос ответить труднее всего. По крайней мере, запись говорит о степени расположенности, доверия настоятеля и братии к людям, оказавшимся здесь не по своей воле.

Но более всего, пожалуй, трогает ещё одна сокровенная подробность монастырских помянников. Она — в списке покойных монахов Райхенау (*Nomina defunctorum fratrum...*) На одном из листов рукописи внятно прочитывается: Kirilos. По свидетельству немецких археографов, изучавших рукопись, её чернила и почерк — те же самые, что и в латинской надписи Methodius. Возможно, за скромным и таким непредвиденным причислением Кирилла в сонму покойных отцов Райхенау мог стоять целый сюжет: доверительная беседа Мефодия с настоятелем немецкой обители, рассказ о брате, скончавшемся в Риме и погребённом вблизи мощей священномученика Климента. И почтительное предложение аббата вписать брата Кирилла в помянник почивших здесь отцов. Земля ведь, слава Богу, одна. И вера, слава Богу, одна. И да не попуцены будут в доме Христа, в его семье никакие раздоры, вражды, отпадения...

Монастырь, куда их привезли, древний. Стоял он на одном из островов Боденского озера. Местные жители рассказывали об этом острове, что прежде, пока не ступили на него первые монахи, он кишел змеями. А о самом озере говорили, что оно — самое большое и глубокое в Европе. Хотя и живут здешние отцы в строгом островном уединении, но кое-что знают и о мире. В Райхенау любят вспоминать аббата Хейтона, одного из мудрых строителей обители: он ведь когда-то даже в свите самого Карла Великого ездил в Константинополь. При василевсе Никифоре это было, который в сражении с болгарами тогда же и погиб. Хейтон привёз из того посольства книжку дорожных записей, и она как драгоценная реликвия сберегается в здешней библиотеке.

Вода вокруг тёплая, мягкая, озеро даже зимой редко замерзает. Но монастырь есть монастырь. Под солнцем не разнежишься. От старых каменных стен и в жару исходит крепкий холод, повязывающий плоть напоминанием: *земля еси и в землю отидеши*. А пока труждайтесь, как и все. Не глазеть же сюда присланы — на воду, на горы, на текучие туманы...

Монастырское житьё — и для монаха та же неволя, хотя неволя по своему желанию. А монах, сосланный в монастырь, всё равно попадает в братскую среду. И тут уж не до различения: кто — по собственной воле, а кто — по принуждению...

Был в стенах Райхенау ещё один документ, подтверждающий, что, по крайней мере, часть срока своего заключения Мефодий с учениками отбывал именно здесь. Это “Баварский географ” — сочинение, давно известное в учёном мире. Из наших соотечественников первым с его содержанием ознакомился Николай Михайлович Карамзин. Современный русский исследователь А. В. Назаренко, тщательно изучив небольшой по объёму, но чрезвычайно насыщенный этногеографическими сведениями документ, пришёл к выводу, что название “Баварский географ” мало соответствует его содержанию. Оригинальное наименование в переводе с латыни звучит иначе: “Описание городов и областей к северу от Дуная” — “*Descriptio civitatum et regionum ad septentrionalem plagam danubii*”. Общепринятое название ставит акцент на баварском происхождении автора и памятника. В самой же записке Бавария как

таковая, как географический объект, по сути, и не рассматривается. Безымянного автора занимают сведения о славянских и других народах и племенах, обитающих на громадных пространствах Центральной и Восточной Европы. Из этих стран и народов лишь некоторые непосредственно соседствуют с Восточно-Франкским королевством, в том числе с Баварией.

По мнению А. В. Назаренко, “представляется достаточно обоснованной гипотеза о том, что “Баварский географ” был составлен в южно-швабском монастыре Райхенау после начала 870-х годов – времени пребывания в монастыре Св. Мефодия и некоторых его учеников, причём единственная сохранившаяся рукопись, возможно, является оригиналом памятника”.

Если так (а хочется верить, что именно так), то все эти разнородные по происхождению сведения (собственные наблюдения и подсчёты, записи письменных и устных рассказов, почерпнутых от самых разных лиц) собирались как исходный, нуждающийся в тщательных уточнениях материал. Собирались и в пору хождения солунских братьев в Херсонес, и к хазарам, и во время первоначального знакомства с Моравией, до ссылки Мефодия.

Теперь, во время вынужденной приостановки трудов миссии, можно было хоть начерно собрать в один документ накопленные сведения, не стесняясь их рыхлостью, отрывочностью, а часто и сказочно преувеличенным числом городов в той или иной славянской области. Да, то, что они собирают – только самая приблизительная разведка. А она, как известно со времён великого искателя стран и народов Геродота, не брезгует и слухами. Ведь слухи дразнят воображение и побуждают к действию. Но сами действия оправдываются лишь добытыми “языками”.

Многие из народов и племён в латинских написаниях “Баварского географа” недостаточно удобочитаемы и остаются загадкой для исследователей. Но те имена, тоже многочисленные, что поддаются прочтению, красноречиво подтверждают намерение составителей записки обозреть славянские земли от западных пределов, где с немцами соседят лужицко-сорбские племена, затем чехи, они же богемцы (Beheimari), малопольские племена в верховьях Вислы (Vuislane), болгарские славяне (Bulgarii) – до восточноевропейских пространств, на которых обитают русь (Ruzzi), живущие по Бугу бужане (Busani), волыняне (Velunzani), а ещё восточнее – и хазары (Caziri).

Можно догадываться, что, надиктовывая здешнему любознательному монаху, знатоку латыни, имена народов и племён, Мефодий и его ученики хоть на время забывали тяготы заточения. В эти часы наполнились их души каким-то тихим рассветным чувством: до чего же обилен и многозвучен славянский мир! И восхищение бодрило, и оторопь брала: да возможно ли кто когда обойти его пределы и обозреть, и описать достойно, не сбиваясь в именах и числах?

ЖАТВА

Возвращение в Велеград

“Простая чадь”, как называл моравлян князь Ростислав, вряд ли способная была чем-то озадачить властителей – и своих, и чужих. Оказавшись без Ростислава, почти тут же и без Святополка, не успев порадоваться Мефодию и его дружине, угодившим по прибытии из Рима прямо в немецкую засаду, моравляне, по всему, обречены были на беспросветное уныние. Кажется, ещё поискать бы надо на земле племя, до такой степени безвольное, невезучее, обречённое, как чахлая нива, валиться при первом же порыве ветерка!

Таким не всё ли равно, свой князь правит, заезжий ли немецкий граф, лишь бы последней рубахи с плеч не сдирали, завалящего клок земли не лишали. Латинская месса звучит в храме или обедню правят на вроде бы своём языке, а жизнь ни от того, ни от другого всё равно не становится понятней, сносней. Что там Страшный Суд на ином свете, если он, суд, и во весь нынешний короткий век, будто бич, по-хозяйски хлещет то вдоль, то поперёк спины.

Но откуда же тогда – хоть слуху не верь! – исподволь прорвался, раскатился по руслам тихих рек неостановимый вопль? Вдруг скирдами пересохшей соломы полыхнуло восстание, да такого накала, что отблески того жара и до

баварских гор долетели. Шептания своих гонителей о мятеже могли слышать по темницам и Мефодий с братьями, и Святополк, и Ростислав, если на ту пору старший князь Моравии ещё оставался живым.

Любой бунт и дня не выстоит без вожака. Вскоре и среди немцев заговорили, что какой-то главарь у варваров всё же сыскался. Но не купец, не князёк, не воевода. В вожди произвели, вроде бы даже без его воли, нитранского священника по имени Славомир. А это был, однако, родственник князя Святополка, считай, не чужой и его дяде.

Временем кончины князя Ростислава, наступившей после его ослепления в баварском монастыре, принято считать позднюю осень 870 года. А начало восстания обычно относят уже к следующему, 871 году. Останься Ростислав в живых до этой поры, долети до его узилища весть о неожиданной отваге Славомира, об отчаянной решимости моравской “простой чади”, он бы, пожалуй, хоть напоследок утешил радостью сердце, угнетённое сверх всякой житейской меры. Вот уж кто мог перед смертью сполна обратиться к своей земной доле стихи Псалмопевца:

“Сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничтожит”.

И Христовы слова о душе, претерпевшей всё до конца, тоже были про него*.

Вряд ли немецкие епископы сомневались в том, что не меньше, чем Ростиславу и Святополку, главарь бунта известен и Мефодию. И что наверняка ещё до отъезда двух византийцев в Рим какие-то связи между ними и этим попом уже имели место. Не потому ли сразу после суда в Регенсбурге отправили Мефодия с его людьми подальше на запад, в Швабию?

Казалось бы, ничего доброго не мог ожидать для себя от известия о восстании и князь Святополк. Но, как ни странно, события в Моравии послужили его скорейшему освобождению. В очередной раз выпало князю замориться с сыном Людовика Немецкого Карломанем. В наскоро задуманной игре хитроумец Карломань решил снова поставить на Святополка, такого же, как и он сам, мастера интриг. Пообещал ему не только личную свободу, но и возвращение власти над Моравией, если тот поведёт туда франкское карательное войско и сам покажет на месте, какими средствами можно угомонить взбунтовавшихся холопов.

Святополк, хоть и опасался подвоха, принял игру. Не смутила его ни унизительная слава усмирителя собственных подданных, ни то, что вместе с ним отряжены для неусыпного надзора за всяким его шагом два немецких маркграфа, Вильям и Энгельшалк.

Как только вломились в моравские пределы, начались самые свирепые расправы. Святополк не препятствовал баварцам в их обычных повадках распорядиться чужим добром, чужими жёнами и девками.

Когда подошли к валам и крепостным тынам Велеграда, он отсоветовал маркграфам готовить осаду или штурм. Первое отнимет много времени, второе будет стоить больших людских жертв со стороны нападающих. Есть лучший способ. Он сам берётся пройти внутрь восставшего города, объяснить людям безрассудность сопротивления и уговорить их добровольно сдать город. Кому-кому, а уж ему-то моравляне поверят, как отцу родному.

Защитники Велеграда, заметив приближающегося к главным воротам одинокого всадника и узнав в нём князя Святополка, которого уже не чаяли узреть в живых, действительно проявили признаки почтительного умиления и тотчас впустили его внутрь крепости.

За тынами установилась выжидательная тишина. Такая же – среди всадников, что изготовились ворваться в город.

Пошли минуты, а потом и часы. Похоже, Святополк очень уж понадеялся на свои способности перехитрить бунтарей, склонить их к сдаче ему никак не удавалось. Могли ведь ещё и побить князя, и повязать, узнав, что он-то и привёл карателей в свою землю.

Когда баварцы уже притомились сидеть верхами наизготовку, за тынами зашевелились. Из нескольких ворот горожане повалили им навстречу. Но не

* В декабре 1992 года, спустя более тысячи и ста лет после мученической кончины князя, на Поместном Соборе Православной церкви Чешских земель и Словакии было принято решение о канонизации святого равноапостольного Ростислава Великоморавского. Русская Православная Церковь молитвенно поминает святого Ростислава 24 мая, в тот же день, когда чествуется память святых равноапостольных Мефодия и Кирилла.

с повинными головами, а с секирами, мечами, копьями и дрекольем в руках. Они первыми кинулись в схватку и быстро окружили всадников. Рукопашная закончилась полным поражением чужого войска. Помяли и двух маркграфов...

Оказавшись весной 874 года на свободе, Мефодий наверняка слышал эту историю во множестве красочных изложений, в том числе и из уст самого Святополка, встреча с которым состоялась в Велеграде. По всем статьям князь выглядел полным героем. И немцев побил, и Карломаня переиграл. Хотя гуляли по городу и особые подробности того дня. Сам-де Святополк на вылазку не пошёл, чтобы на случай её неудачи было ему чем оправдаться перед Карломанем: да повинен ли он?.. Горожан уговаривал на мирную сдачу, а они скрутили ему руки-ноги и кинули в холодный подвал...

В тот самый год, когда Мефодий с учениками вернулся в моравскую столицу, Святополк решил воспользоваться затруднениями Карломаня, повязанного по рукам и ногам распрями с родными братьями. Князь отправил к старшему сыну Людовика в качестве своего доверенного лица некоего священника Иоанна Венецианца с предложением о мире. В письме заранее подтверждалась вассальная зависимость Моравии от немецкого королевского дома. Тем самым обеим сторонам предлагалось закрыть глаза на столкновение у стен Велеграда. Карломаня такое условие как будто устраивало, хотя бы на время. Мир был заключён в баварском замке Форхайм. Похоже, что оба участника сделки радовались каждый своей победе.

Но сказать ли про Мефодия, что он с особой радостью на душе повторно возвращался в столицу Моравии? Где уж там. Десять лет назад, когда они с покойным братом поспешали сюда из Константинополя, лежала перед ними дорога чистая, без единой ухабины. Теперь же всё изрыто вдоль и поперек, и не знаешь, за каким лесным бугром ждать новой засады.

Благо ещё заботливый Папа Иоанн VIII распорядился дать претерпевшему архиепископу и его спутникам в провозатые своего легата – епископа Павла Анконского, который следовал вместе с ними от самого места освобождения до Велеграда.

О том, чтобы завернуть с дороги в Сирмиум, городок на Саве, ещё в решении покойного Папы Адриана означенный как центр восстанавливаемой древней архиепископии и как резиденция Мефодия, сейчас речь не заходила. Как и во время короткой побывки у князя Коцела, не заходила больше речь о том, чтобы Мефодию остаться здесь и перенести в Паннонию свою владичную резиденцию из Сирмиума и открыть в Блатнограде большую школу.

Похоже, что почти четыре года, прошедшие со времени их последней встречи, сильно остудили бывшее рвение паннонского князя. А ведь кажется, совсем недавно, узнав, что Мефодий схвачен и находится неведомо где, князь слал письма в Рим, хлопотал перед курией о судьбе человека, которого, как и его покойного брата, считал чуть ли не посланцами самого Господа в своём уделе.

В *“Житии Мефодия”* есть выразительное объяснение произошедшей с Коцелом перемены. Баварские епископы, с великой неохотой отпуская Мефодия на свободу и прослышав, что он намерен посетить Блатноград, поторопились отправить Коцелу письменную угрозу: *“Аще сего имаше у себе, не избудеши нас добре”*. Словом, условие поставили: или он – или мы: примешь его у себя, от нас добра не жди.

Наверное, князь пожаловался гостю на незавидную свою участь. Если немцы с Ростиславом, его добрым другом и союзником, так жестоко обошлись, если столькие беды претерпел от них Мефодий, уже будучи архиепископом, то посчитаются ли они с живущим у них прямо под боком паннонским дюком?

Что мог сказать Мефодий, слушая эти жалобы и оправдания? Что не пристало славянскому князю вести себя так малодушно? Что надо стоять на своей правде до конца, как Ростислав стоял? Или лучше подражать стеблю блатенского камыша, беспрерывно наклоняться туда-сюда, равняясь на таких же шатучих, тоскливо шепчущих про свои и чужие страхи: тише, тише, чтоб никто не дослышал?..

Надо бы помнить князю, что это и его, Коцела, имел в виду Христос, когда говорил: *“Жатва велика, а делателей мало”*.

Похоже, то была последняя встреча. Ни в *“Житии Мефодия”*, ни в бумагах папской канцелярии, ни в архивных документах Зальцбургской архиепи-

скопии Коцел больше не упоминается. Никто из исследователей не берётся точно определить, сколько ещё он правил в своём Блатнограде: год, два?.. Есть косвенные подтверждения того, что это именно он в 876 году, будучи вассалом королевства, был отправлен во главе франкского войска, чтобы подавить бунт далматинских хорватов, и погиб во время сражения.

Святополк

А что же князь Моравский? При встрече с Мефодием в Велеграде он выглядел, не в пример Коцелу, возбуждённо-жизнерадостным, пышущим важными намерениями. Он будто пребывал слегка во хмелю от собственной ловкости, с которой неизменно выходил из передраг последних лет.

Его, похоже, совсем не удручало, что после подписания мира с Карломанем к моравлянам прибыл целый полк немецких священников, и во многих храмах, как ни в чём не бывало, возобновились службы на латыни. Будто ничего такого не замечая, он и Мефодия с его молодыми священниками не раз поощрял: пусть, как и раньше было заведено, правят славянскую литургию! Тем более разрешённую ныне Римом. И не только там, где прежде правили, но и новые храмы пусть строят. И школы свои пусть расширяют. И в книгописные мастерские пусть набирают способных отроков.

Его и в этом вскипающем на глазах соревновании как будто не столько занимала желанная для всех своих победа народного богослужебного языка над чужим, насильственно внедряемым, сколько тешили и возбуждали, как утончённого игрока, сами подробности возобновившейся распри умов.

Рассказывали, что он с немецкими духовниками встречается даже чаще, чем с Мефодием. И на мессах латинских прилежно сидит. И в Нитру, из которой вышел сам в большие князья и в которой теперь, будто в собственной епархии, обосновался швабский священник Вихинг, отлучается нередко. То ли на исповедь, то ли за новостями из королевского дома, то ли сам не прочь снабдить согладатя Вихинга свежими байками о Мефодии, то ли для охотничьих потех и прочих игрши.

Не один архиепископ с некоторой опаской привыкал-присматривался к новому хозяину моравского дома. В ближайшем окружении владыки большинство было таких, кто вспоминал годы правления покойного Ростислава с неизменным вздохом сожаления и сравнивал его со Святополком.

Как ни хлопотно было самому Мефодию после общения с прямодушным, нелукавым и обязательным Ростиславом приноравливать свои поступки к подчас непредсказуемым действиям его племянника, духовно опытный солунянин старался не поощрять среди своих помощников мечтаний о желаемой перемене власти.

Он был и в этом истинный византиец. Сколько бы на его родине ни случилось при разных императорах и патриархах распрей между мирской властью и церковной, истинный византиец ни за что не порадуется случившемуся разладу. И не станет лихорадочно метаться, спеша с осуждениями той или другой стороны. Нет, он лучше помолится прилежней, крепче, истовей за тех и тех, чтобы уберёг их Господь от вражьих наущений. Может оступиться один человек, василевс он или патриарх, но такие *оступления* способны лишь временно затемнить образ и принцип желаемого и осуществляемого вопреки помехам согласия. Ибо ясно, что лишь благодаря этому так подчас трудно достигаемому согласию между Божиим и кесаревым, между Церковью и миром первая на земле христианская держава, вопреки вражьим козням, из века в век соблюдает свой путь и даруемые ей по благодати сроки.

Говорить о том, что такая держава или подобная ей близка к построению и в Моравии, было ещё рано. Как и в соседней Болгарии, всё здесь пока слишком зыбилось, слишком не походило на те неповторимые условия, в каких собралась однажды для своего поприща Византия-христианка. Но замысел устроения страны на новых духовных началах пустил первые корешки и в Моравии. Мефодию очевидно было, что миссионерские труды его и покойного брата Кирилла не развеялись прахом. До их приезда сюда князь Моймир уже пробовал собирать языческие славянские племена вокруг моравского княжества. Но ничего не вышло из тех простоватых механических сопряжений, потому что не стояло за ними высокой скрепляющей меты. Ну да, мы все

одного великого рода, одной крови и речи, но каждое племя со своими богами и божками, а дальше-то куда и как? И это озадачивало Ростислава. Потому и началось при нём вызревание замысла моравской Церкви, говорящей на родном языке о Троиедином Господе.

Мефодий не мог не видеть теперь, что Святополк по всем статьям недотягивает до Ростислава. Что в Святополке никак ещё не угмонится буйное языческое начало. Что порывистый, увлекающийся князь не столько верит в христианского Бога, сколько обряжается в христианина.

И всё же владыка не позволял себе усомниться в том, что князь искренне желает своей земле блага. И уж никак не мог заподозрить Святополка в холопской службе королевскому дому. Владыка, с его крепкой воинской закалкой, даже готов был поощрять пылкие ратные замыслы князя. Что худого в этих настойчивых хлопотах о расширении своей земли? И к востоку, и к западу от Моравии сколько еще сиротствует поодиночке славянских племён?!

Только станет ли крепче сама Моравия, расширившись за счёт язычников? Не повторить бы хоженных путей старого Моймира, уповавшего лишь на силу. Немецкая сила почему вышла сильнее? Немцы оправдывают свои захваты тем, что несут варварам истинное христианское просвещение. Славянские вожди догадываются, что уже им не отсидеться по глухomanям. Но не знают, к какой силе надёжней прислониться. А ведь не сегодня, так завтра могут они стать очередной добычей напористых немецких королей и епископов. Но разве моравляне не способны уже показать своим коснеющим в языке славянским соседям, что есть иное просвещение, не на чужом языке выказывающее свою истинность?

Узнав, что Святополк с недавних времён приятельствует с молодым чешским князем, который помогал ему в боевых делах против немцев и правит у ближайших на западе соседей, Мефодий захотел и сам повидаться с этим юношей. В один из его приездов к Святополку в Велеград владыка увидел чеха. Звали его Боривой или, как сами чехи предпочитали произносить, Борживой. Навострѣнный слух солунянина не впервой улавливал те малые различия, что позволяли поговору быстро сообразить, кто стоит перед тобою: чех или моравлянин. Язык один, зато говоров да наречий много. От этого подчас хлопотно становится, но и весело притом. Потому что и славян, слава Богу, пренемного. Куда больше, чем они с братом предполагали, собравшись на Дунай.

Боривой был вполне язычником, но с любопытством и твёрдо, не переминаясь с ноги на ногу, стоял за славянской обедней, потом на чьих-то крестинах. Мефодию радостно было наблюдать, что юноша с легким удивлением улавливает смысл произносимых молитв, сосредотачивается, под стать всем, когда торжественно звучат стихи из Апостола и Евангелия. Он будто в доме родном оказался, где не был почти с рождения, но где никто не косится на него, как на чужака.

В один из своих приездов Боривой сам выразил желание креститься. Здесь же, в Велеграде, совершенно было таинство, и правил службу владыка.

А вскоре Боривой сказал, что и его молодая жена пожелала стать христианкой, и пригласил Мефодия в их княжеский замок Градишин, на берегу Влтавы. Можно бы и поскорей поехать к ним, но не лучше ли крестить молодую женщину в собственном княжеском храме, в крещальне-баптистерии? Значит, для начала нужно помочь Боривою строителями, чтобы церковь в его Градишине из дерева срубить или из камня поставить. И тогда начнут открываться для молодой семьи и для всех, кто им пожелает последовать, великие смыслы следующих за крещением таинств – исповеди, причастия, венчания, миропомазания, отпевания. Вскоре первую в Градишине церковь построили, и она была посвящена, по совету Мефодия, памяти святого Климента.

Тогда-то владыка и собрался к Боривою. Звали крестницу Людмилой. Она оказалась не чешского рода, а сербского, и замуж отдана тоже из княжеского дома*. Когда Мефодий услышал об этом, впору было ему со вздохом подумать: как же велико и пока ещё для него неохватно архиепископское поле, доставшееся в наследование от сирмиумского святителя Андроника. Тут

* Надолго пережив своего мужа, скончавшегося в конце 880-х, Людмила, по интригам язычников, вынуждена была отправиться в изгнание и приняла мученическую кончину в 928 году. Позднее прах её был перенесен в Прагу. Блаженная Людмила почитается покровительницей Чехии. Православная Церковь празднует её память 29 сентября.

и сербские пределы, и хорватские. И в те края тоже пора бы ему торить свой владычный путь.

И это — лишь на западе и юго-западе от Моравии и Паннонии.

А у Святополка тем временем вызревали уже иные намерения. Ведь кроме сербов южных есть и другие сербы, лужицкие. Эти лужичане, или сорбы, как их чаще зовут, — тоже люди славянского рода и на своей земле сидят к северо-западу от чехов, по реке Спревье. Владыке с его священниками, дьяконами да певчими и к ним не мешало бы наведаться. Они, как и большинство чехов, тоже язычествуют по сей день.

За ними, ближе к Венедскому, или Готскому, морю, есть ещё племена: бодричи или ободриты, лютичи, тоже нашего слова люди. И полабские есть славяне, что на реке Лабе живут. Немцы всех славян без разбора одним именем кличут: венды, венеды. Ещё при Карле Великом начали жестоко теснить тех же ободритов, лютичей, полабов. Совсем мало там, говорят, осталось славянского люду после тех походов, когда целые сёла-вески огнём жгли вместе с жителями.

Но и на север, и на восток, и до реки Тисы, до Карпатских гор, всё будет нашего же слова, нашей речи племена. И все они во язычестве, при своих богах и божках сидят, а куда им деваться?!.. Правит, к примеру, на Висле-реке сильный князь, но, видно, немцы ему крепко насолили, и он zelo против всех христиан озлоблен. Вот бы кого владыка попросил усовестить!

Мефодий и тут готов был свои действия согласовывать с намерениями Святополка. А потому отправил на Вислу к польскому князю послание. В житии оно приведено лишь в кратком пересказе, но вот как выглядит самый решительный довод и, одновременно, совет *“поганьску князю”* от лица человека, наделённого властью вязать словом и словом же разрешать:

“Добро ти ся крестити, сыну, волею своею на своей земли, да не пленен нодьми крещен будеши на чюжеи земли и помянеши мя”.

Судя по приписке *“Тако и бысть”*, строптивый князь не внял отеческому совету, который для него оказался пророческим. Хотя и был в итоге крещён, но не в своей земле и не по своей воле, а *нодьми*, то есть по принуждению.

Впрочем, Мефодий не стеснялся и Святополка укорять, замечая его нерадение к церковным службам. Однажды, услышав, что князь оправдывает своё затянувшееся отсутствие в Велеграде неудачами на ратном поле, владыка отрядил и к нему гонца. Как раз близился большой праздник, день первоверховных Апостолов Петра и Павла. Владыка просил передать князю, что уж в такой-то день негоже пропустить службу на родном языке в храме Господнем:

“Аще ми ся обещаеши на святыйи Петров день с вои своими сотворити у мене, веруюю в Бога, яко предати ти имать я вскоре”.

Иными словами, владыка повязал князя условием: если тот обещает со своими воинами в день Святого Петра быть у него в церкви, то Бог не замедлит предать князю в руки его неприятелей.

Святополк прибыл в срок. А вскоре, как сообщает агиограф, и это Мефодиево обещание, оно же предсказание, сбылось. Князь со своей дружиной, наконец, одержал победу.

Как было ученикам владыки после таких событий не заговорить с восхищением, что это в нём не что иное, как дар пророчества открыто действует! Но соблюдали почтительную сдержанность, опасаясь, что он, услышав такие разговоры, рассердится. Почаще им надо слова истинных пророков Божиих перечитывать и слушать. Вот где великие откровения, огненные прорицания сквозь тьму веков! А таким, как он, поручено только надзирать, будто в школьной палате, за взрослыми нерадивцами и ленивцами, да за лицемерами, которых и в храмах уже развелось.

Не у всех ли на глазах советник князя Святополка, из лучших его дружинников? И богат, и к церковной службе прилежен, и в крестных отцах любит предстоять. Да вот взял и сошёлся со своей же кумой. На все уговоры владыки прекратить блуд и разойтись и он, и она отвечают, как сговорились, отказом. И всё потому, что у священников-немцев нашли покровительство. Те ласкатели-льстецы, задобренные деньгами, не находят в их сожительстве ничего зазорного и для других соблазнительного. Вот и совсем перестали в свою церковь заглядывать. Но час придёт, и уже не помогут им ласкатели. И не дождутся ниоткуда помощи.

И ведь сбылось, как и предрёк, и это сбылось. И стали они, по словам Псалмопевца, *яко прах, егоже возметае ветр от лица земли*. Разве же не пророчество!?

От тех лет и событий молва о неподкупном, справедливом, грозном в своих предсказаниях велеградском епископе стала шириться и за пределами Моравии. Особенно она прижилась в древних чешских преданиях, а из них попала позже в чешскую средневековую письменность. Из тех свидетельств явствует, что чехи запомнили Мефодия ещё и под другим именем, похожим на уличную кличку, — *Страхота*. Проще всего допустить, что речь шла только о прозвище, и оно было дано человеку, который своими обличениями умел напомнить слушателям о страхе Божиим или же просто вгонял провинившихся в смятение и страх суровым обликом и голосом. Впрочем, чешский учёный и писатель XVII века Павел Странски в своей книге “Чешская держава” упоминает имя Страхота как вполне официальное: “епископ греческого вероисповедания Страхота, то есть Метудиус или Методиус”. Как одного из создателей чешской Церкви упоминает Страхоту-Методиуса и более известный современник Странского — Ян Амос Коменский. Не так давно в среде болгарских учёных возникло предположение, что Страхота — мирское имя Мефодия, данное ему от рождения. А это будто бы подтверждает, что братья были не греки, а болгарские славяне*.

И всё же речь, скорее всего, идёт не о личном имени, а о почтительно-шутливом прозвище, которое Мефодий мог получить ещё в молодые свои лета от подчинённых ему славян. Ведь его высокое и грозное воинское звание стратиг (*στρατηγός*) так легко и весело отражалось в славянском Страхота. А если он до своего монашества всё-таки носил имя небесного архистратига Михаила (к чему всё больше склоняются в исследовательской среде), то прозвище приобретало ещё более высокое значение. Ибо страшен был полководец небесного воинства не только для мерзопакостных бесовских легионов, но и для самого Сатаны.

Судя по всему, понравилось прозвище и Мефодию, и он его не скрывал: Страхота так Страхота.

Рим

Между тем епископ Моравский сам дождался вестей, напомнивших ему, что и он — лицо подчинённое, обязанное отчитываться о своих словах, поступках, исповедуемых догматах веры.

Во второй половине лета 879 года князю Святополку доставили из Рима письмо от Папы Иоанна VIII. Апостолик высказывал в нём свои суждения в ответ на запрос князя по поводу неурядиц, возникших в церковной жизни Моравии. В частности, Папа сообщал, что в Риме было выслушано обвинение против епископа Мефодия, которое привёз порученец Святополка пресвитер Иоанн Венецианец. Папа выражал надежду на то, что князь при возникшем духовном нестроении будет держаться правой стороны. Обвинённому же в догматических отклонениях и нарушении богослужебных правил Мефодию велел прибыть в Рим для рассмотрения его дела.

Вряд ли Святополк дал прочитать это письмо своему епископу. В нём очень уже отчётливо обозначилось и его, князя, вольное или невольное участие в интриге, затеянной латинско-немецкой “партией”, к которой князь так благоволил. Но не мог Святополк при общении с владыкой и вовсе промолчать о полученном письме. Хотя бы потому, что апостолик уполномочил его направить Мефодия в Рим. Главное же, послание от *самого* наследника апостолического престола, судя по всему, первое в жизни князя, стало для него событием настолько незаурядным, настолько отозвалось трепетом в душе задлого игрока, что как же тут было промолчать! До сих пор он побеждал лишь на поле боя (пусть не всегда) или в умении перехитрить своих противников, таких же, как сам, хитрованов. А теперь получение *такого* письма вдруг вво-

* Подробнее о чешских и болгарских упоминаниях и толкованиях имени Страхота — в исследовании Ивана Г. Панчовски: Св. Методий Славянобългарски. Живот и Дейност // Годишник на Духовната Академия св. Климент Охридски. Т. XXVIII (LIV). София, 1986.

дило его в круг игроков высшей масти, которые и епископов способны ставить на место, а то и вовсе лишать места.

Если Мефодию было сообщено из содержания письма хотя бы то, что касалось его лично, он имел полное право не предпринимать совершенно никаких действий. И уж в любом случае не мчать сломя голову в Рим. Насколько он знает апостолика, тот не станет действовать по отношению к епископу, им самим назначенному, окольными путями. А потому он намерен ждать, что Папа Иоанн напишет ему сам.

В том же 879 году папский легат епископ Павел Анконский, тот самый, что пять лет назад по поручению Иоанна VIII помогал старшему солунянину и его ученикам благополучно вернуться в Велеград из ссылки, доставил в моравскую столицу и письмо апостолика к Мефодию. Канцелярия курии сработала безукоризненно, хотя с некоторым нарушением очерёдности посланий.

Своим содержанием письмо, действительно, подтверждало, что глава римской церкви резко изменил отношение к единственному епископу-греку в землях славян. “Слышал еще, что служишь литургию на варварском языке, то есть на языке славян”, – удивлялся папа и тут же категорически запрещал впредь совершать на таком неприличном языке божественные службы. Кроме того, из письма явствовало, что против моравского епископа выдвинуты обвинения в ереси. Всё это, настаивал папа, понуждает рассмотреть его дело в Риме.

Мефодий и сам видел необходимость прямого и нелицеприятного разговора с папой. Про себя он даже был рад письмам Иоанна VIII Святополку, а теперь и ему, Мефодию. Письма расставляли всех затейщиков интриги по своим местам. От латинских духовников он не ждал для себя никакой пощады, как не ждуг её от голодных цепных псов. Но он не предполагал, что настолько различным вновь окажется Святополк. Видимо, душе князя досаждала память о совершенном им предательстве Ростислава. И он, пытаясь освободиться от той памяти, загонял её в пущую темень новыми мелкими пакостями.

Виновным в выдвинутых против него обвинениях Мефодий себя, разумеется, не считал. Но если апостолик при встрече сочтёт его доводы неубедительными, значит, его с братом и их учеников многолетние труды окажутся под угрозой полнейшего уничтожения. Претерпеть – и в итоге из-за кого? Из-за таких нечистоплотных персон, как Вихинг и венецианский триязычник Иоанн? Опять закаркали, “яко враны на сокол”? Нет, Мефодий не желал и в мыслях смириться с подобным бесславьем.

Он мог счесть для себя оскорблением, что одновременно с ним отправляется на разборательство в Рим и Вихинг. Но не сам ли Господь проверяет его ещё и таким испытанием? Ну, что ж, пусть и Вихинг при всех выслушает, кто из них двоих верно исповедует Никео-Константинопольский Символ веры, а кто его искажает своими лживыми прибавками, наподобие *filioque*.

Сведения о ходе следствия в “Житии Мефодия” отсутствуют. Видимо, никто из учеников владыки, способных быстро записывать устную речь, не был допущен на заседания малого синода. Не сохранилось и протоколов суда, который зимой 880 года под председательством Иоанна VIII разбирал обвинения против моравского епископа. Похоже, на ту пору было не до протоколов.

Дело в том, что в Риме ко времени начала процедур уже знали последние вести из Константинополя. Они не могли не озадачить всех здешних иерархов. Накануне в ромейской столице скончался патриарх Игнатий. Совершенно неожиданно император Василий повелел освободить из ссылки бывшего патриарха Фотия, и на созванном тут же Соборе Фотию были торжественно возвращены отнятые у него десять лет назад полномочия главы Константинопольской патриархии.

Хотя напрямую эти события как будто никак не были связаны с делом Мефодия, участники заседаний в Риме не могли не знать, что перед ними стоит тот самый грек, который в своё время из Константинополя был направлен вместе со своим покойным братом в Моравию именно по благословию Фотия.

Вряд ли сам Мефодий счёл нужным напоминать сейчас об этом. Но не мешало напомнить, что и Рим, и Константинополь остаются верны освящённому веками Символу веры, который, как здесь известно, пытаются исказить некоторые испанские, а теперь уже и немецкие епископы. Символ, который последовательно и твёрдо отстаивал в своих посланиях именно патриарх Фотий ещё до своей ссылки.

И, конечно, стоило всё же высказать им своё удивление: неужели многие из заседающих здесь забыли, как покойный папа Адриан II благословлял в Риме славянские богослужебные книги, привезенные братьями из Моравии? И как благословил тогда же, на Рождественских святках, отслужить славянские литургии в нескольких великих храмах города, в том числе и под сводами базилики Святого Петра? И как он же, Адриан, в письме славянским князьям Ростиславу и Коцелу благословил служить литургии для славян по-славянски и только Евангелие велел читать сначала по латыни, но тут же и по-славянски?

Что из поручений блаженной памяти Адриана не исполняется в Моравской земле? Если вдруг прекратятся славянские богослужения, десятки храмов там сразу же опустеют. Народ за пятнадцать лет не просто привык к славянским службам, он полюбил их, потому что людям открылся, наконец, смысл Христова Благовестия. В этом ли выискивают ересь? Нужно ли напоминать, что покойный апостолик Адриан нашёл еретическое уклонение как раз в доктрине триязычников-пилатников, до сих пор требующих исполнения христианских богослужений только на одном из трёх языков – греческом, латинском и еврейском?!

Выслушав объяснения сторон, папа Иоанн VIII вдруг, к немалому недоумению многих присутствующих, распорядился следующим образом: архиепископа Мефодия от всех возведённых на него вин полностью оправдать. Служба на славянском языке пусть правится и впредь в заведённом порядке во всех храмах, где служилась до сих пор.

Но чтобы и сторона, выставившая обвинения, не чувствовала себя пораженной в своём усердии, накануне отъезда Мефодия домой папа вручил ему буллу для князя Святополка. В ней Иоанн VIII поблагодарил князя за верность престолу Святого Петра, удовлетворил его просьбу о том, чтобы придворные службы отныне служились на латинском языке, сообщил также, что в Нитре открывается новая епископская кафедра, и на неё рукоположен пресвитер Вихинг, который будет находиться в подчинении у архиепископа Мефодия. Что же до богослужений на славянском языке, то они благословляются в установленном прежде порядке.

Однако, вернувшись в Велеград, старший солунянин вместо ожидаемой радости увидел на лицах своих духовных детей огорчение паче меры. Оказалось, Вихинг успел сюда из Рима раньше него и уже вручил князю какое-то иное письмо папы. Якобы в том письме признана его, Мефодия, вина в лжеучении и велено изгнать его из страны. Послание уже зачитывалось во всеулышание. Оттого все чада Церкви, верные владыке, и пребывают в плаче и скорби. Но немало объявилось и таких, что тут же переметнулись к Вихингу и теперь злорадствуют, с нетерпением ждут принародного осмеяния еретика, как только тот прибудет.

Мефодий не мешкая отправился в княжеский дворец. Святополка явно смутили вид вручаемой ему буллы от Иоанна VIII и её тут же озвученное содержание. Обескуражил князя и сам суровый облик владыки. Тот едва сдерживал превеликую досаду на своего собеседника, поверившего подделке и грубому оговору. Если князь до сих пор не может понять, какое же из двух писем настоящее, он, владыка, постарается в самые скорые сроки представить неопровержимое доказательство подлинности привезенной сейчас буллы. А пока просит не предпринимать по сему делу никаких поспешных решений.

Ему не хотелось думать, что и папа поддался повадкам снующих вокруг игроков и лицемеров: ему дал один свиток, а новоиспечённому епископу – предписания совсем иного рода.

Мы не знаем содержания письма Мефодия, адресованного в столицу Западной церкви, с которым, видимо, в те же самые сутки скрытно ускакал из Велеграда некий надёжный гонец. Можно лишь догадываться, что когда апостолик прочитал так стремительно доставленный ему свиток, то и сам решил не медлить.

Его ответ, отправленный теперь уже лично Мефодию, помечен 23 марта 880 года. По тону видно, что папа крайне смущён тем, как недостойно встречен в Моравии только что произведённый по его воле в архиепископы защитник славянского богослужения. Иоанн уверяет Мефодия, что никакого отдельного послания князю Святополку он не отправлял и никаких отдельных тайных инструкций другому епископу не давал. Апостолик ещё раз подтвер-

ждает истинность христианских воззрений Мефодия и надеется, что тот не усомнится в поддержке, которую оказывает ему святой престол.

В *“Житии Мефодия”* вся эта сумятица перекрещивающихся друг друга истинных и ложных новостей, всевозможных толков и пересудов, драглых наветов и подделок передана в восприятии верных чад владыки Мефодия, которые, несмотря ни на что, верят в его правоту. И потому, в конце концов, торжествуют вместе со своим незыблемым, как скала, духовным воеводой.

Получив письмо от 23 марта, он перво-наперво просит своих священников и дьяконов, чтобы оно было зачитано по всем верным ему церквам.

“Почтоше же апостоликовы книги, обретоша писание, — пишет агиограф, называя по обычаю письмо книгами и пересказывая далее по-славянски самую суть папской буллы, — яко брат наш Мефодий свят и правоверен есть и апостольско деяние делает и в руку его суть от Бога и от апостольского стола вся словенская страны, да его же проклянет, проклят, а его же святит, свят да буди”.

Вот какую высокую, поистине апостольскую власть вновь доверял Папа Иоанн VIII *“брату нашему Мефодию”!*

Именно вновь, потому что не могли, конечно, и учитель, и ученики не вспомнить при этом ситуацию почти десятилетней давности, когда неизвестный им новый Папа вызволил их из швабского узилища, не посчитавшись с решениями короля и зальцбургских епископов, и восстановил Мефодия на его епископской кафедре. Скорей всего, он потом и подзабыл об особенностях богослужбной практики в Моравии на *“народном языке”*. Иначе бы год назад не затребовал Мефодия к себе на суд по грубому немецко-венецианскому оговору. Но на суде снова вспомнил, кто стоит перед ним, и вновь вызволил из пут клеветы. Ну, что ему славянское письмо, славянская Церковь? Не пустая ли прихоть? Но вдруг сказал своё *“да”*, и никто не посмел перечить. Может, он, действительно, разглядел в Мефодии родную душу, собрата по духу неподкупной христианской совести?

После тех письменных выяснений правды и лжи они больше не встречались. И, судя по всему, не переписывались. К тому же, не прошло и двух лет, как папы Иоанна VIII не стало. Старый исторический источник (которому, по правилам *“хорошего тона”*, принято не очень доверять)* сообщает, что он умер насильственной смертью. Подозрение пало на соперников в борьбе за престол; апостолика пытались сначала отравить, но яд не подействовал, и тогда он был убит ударом молота по голове. Впрочем, погребение прошло по обычному протоколу, с соблюдением почестей, соответствующих папскому достоинству, в базилике Святого Петра, недалеко от врат, именуемых Судными.

Царьград

Казалось бы, после того, как подлинные письма Иоанна VIII князю Святополку, а затем и Мефодию были всеюдно оглашены, зачинщикам расправы над владыкой оставалось если не усомниться и покаяться, то хотя бы уgomиниться. Что же до Святополка, то он во всей этой поддержанной им смуте, ничего, по сути, не потерял, а даже приобрёл: личное внимание Папы, его похвалу за верность апостолическому престолу, его поощрение латинским мессам в придворном храме. Его жажда великих игровых утех насытилась всем происшедшим сполна. У него теперь ещё и свой епископ в Нитре, лично ему обязанный возвеличением. А значит, открывается поле для очередных хитроумных ходов, для сталкивания самолюбий этих подвластных ему церковных князьков — славянского и немецкого.

Да, настоящая власть была и будет не у заезжего грека и не у прикормленного шваба, а у него, превратившего на глазах у соседей малое и хилое при Ростиславе Моравское княжество в Великоморавскую державу. В немецком королевском доме после смерти Людовика как затеялись, так и длятся распри между наследниками, и Карломаню теперь совсем не до него, Святополка. Теперь, куда бы он ни глянул, полная свобода действий: на западе — до Лужицких гор Чернобога и Белобога, на севере — до Янтарного моря, на востоке — до Карпатских планин.

* Речь идёт о *“Регенсбургских анналах”* (продолжении анналов аббатства Фульда).

А потому как раз впору оказалось для князя доставленное ему то ли из Нитры, то ли от мимоезжих купцов-всезнаек мнение: ладно бы Рим, но по-настоящему худы дела у Мефодия с совсем другой стороны: сильно он прогневил византийского кесаря тем, что напрочь отбил ся от своего царства. Потому и застрял в Велеграде, что Константинополь его добром теперь уже не встретит. . .

По княжескому разумению, всё как будто совпадало с таким слухом. Более шестнадцати лет минуло, как братья-византийцы сюда пожаловали. И послал их не нынешний император Василий, а ещё Михаил, которого этот Василий сжил со свету за пьянство. И приехали греки всего на три-четыре года. Но Мефодий после смерти брата не отбыл из Рима напрямик домой, в свой Царьград, а напросился в епископы сюда. Значит, точно, ещё с тех пор страшится кесаревой расправы?

А потому пусть и этот слух гуляет без препятствий по Велеграду. Надо, чтобы и грек услышал то, что о нём все знают. Пусть усмирит свой владыч-ный нор. . .

Агиограф Мефодия не утаивает от читателей злорадной сплетни, подделанной под горькую правду. Но тут же, как о великой радости для всех сподвижников владыки, сообщает о письме, полученном из Константинополя.

Будто сам Господь положил на сердце государю милосердное попечение о старом уже человеке, и эти простые, идущие от души слова приветствия и пожеланий:

“Отче честныи, вельми тебе желаю видети. То добро сотвори потруди ся до нас, да тя видим, дондеже еси (пока пребываешь) на сем свете, и молитву твою приимем”.

Что и говорить, Мефодий вряд ли надеялся получить однажды такое письмо. Оно было от человека, которого он если когда и видел среди придворных лиц, то лишь мельком, потому что тот был конюхом из Македонии, пусть и приближенным, благодаря столичному ипподрому и царёвой конюшне, к самому трону. Письмо было от василевса, взявшего власть насильственным способом. От императора, который почти сразу после своего воцарения отправил в ссылку патриарха Фотия, а как раз Фотий вместе с убиенным Михаилом III и собирал его и Философа в Моравскую землю. Правда, не так давно Василий вернул Фотия из ссылки и восстановил его в патриаршем достоинстве. Может быть, теперь как раз Фотий – а кто же ещё? – и подсказал государю послать письмо старому Мефодию, который неизвестно, жив ли – нет ли?

Но что ему догадки строить! Надо, не откладывая надолго, собираться. Путь не близок, а время ненадёжно.

Житийный отчёт о поездке скуп на слова:

“Абие же (вскоре) шедшу ему тамо, прият и (их) с честью цесарь великою и радостью и ученицы его похваль, удержаша от ученик его попа и дьякона с книгами. Всю же волю его сотвори, елико хоте, и не ослушав ни о чемом же (не воспрепятствовал ни в чём), облюбль (обласкал) и одарь вельми, проводи и паки славьно до своего стола. Тако же и патриарх”.

Для нужд биографического повествования этому отчёту также понадобятся посильная реконструкция, включающая в себя и наиболее вероятные психологические мотивировки событий.

Итак, Мефодий следовал в Константинополь с избранными учениками. Он догадывался, что государь захочет не только поглядеть на увенчанного сединами Христова воина, так долго исполнявшего на чужбине особое поручение своей державы, но и узнать: а в чём же всё-таки за такой немалый срок преуспели два его подданных – этот старый солунянин и его покойный брат?

Для того и были с Мефодием священник, дьякон, певчие. Владыка очень надеялся, что и патриарх Фотий, и василевс выразят желание послушать славянскую литургию, и эта служба станет, как и в Риме когда-то, самым достоверным свидетельством его с Философом трудов.

А потому и книги везли, по которым будут читать и петь. И ещё Евангелие с Апостолом и Псалтирю в исполнении лучших моравлянских книгописцев и художников – это уже для даров и василевсу, и патриарху. Вообще владыка постарался, чтобы книжная поклажа, следующая с ним в великую столицу, представляла собой добротные списки всех богослужебных переводов, которые они с Кириллом успели осуществить.

Да, время даже слишком ненадёжно. Не было у Мефодия уверенности в том, что вихри последних лет, едва не разорившие саму славянскую Церковь в Моравии, угомонились насовсем. Что, если опять они пронесутся по нивам, сокрушат, втопчут в прах побелевшие колосья? Хотя бы часть жатвы нужно собрать в крепкие меха, отвезти и сыпать в более надёжную, по его предчувствию, житницу.

Церковь болгарская, как он узнавал по дороге, похоже, снова восстанавливает порушенные было отношения с константинопольской патриархией. Там и сям открываются у болгарских славян новые епархии, сельские приходы. Но служат-то, как и раньше, по-гречески! Долго ли такое взаимное неразумение продлится может? Вот где пригодились бы его сметливые моравские дети с их знанием славянского богослужения.

В житии не сказано, где именно по прибытии в город служили славянскую литургию. В придворной домово́й церкви? По соседству с дворцами, у святой Ирины? У Апостолов? Или даже под сводами Софии? Где бы это ни происходило, но как желал Мефодий, чтобы и под купол святой Софии вознеслось ликующее:

“С нами Бог, с нами Бог! Разумейте вси языцы и покоряйтеся, покоряйтеся, яко с нами Бог!”

О, как бы брат его, прошедший под этими сводами сокровенные часы своей юности, порадовался теперь славянскому торжеству Православия, звучащему, наконец, в городе, который однажды проводил их за Дунай!..

Судя по тому, что сам василевс после службы не только похвалил Мефодиевых учеников, но и попросил владыку оставить их в Константинополе, государева радость тоже была изобильна. Похоже, свежей выразительностью “скифского” богослужения, яркими заглавными буквицами самых первых в мире “скифских” книг он захочет теперь потчевать своих знатных гостей из иных стран. И не в последнюю очередь – подвигит и озадачит завистливых болгарских боилов: вот что у нас есть! Какие книги! Какое пение, какая красота!.. Вот что и у вас может появиться, присылайте только побольше прилежных учеников, способных быстро усвоить греческую грамоту, а вместе с нею и ладный славянский буквенный строй.

Об открывающейся возможности более надёжного просвещения болгар – и только ли их? – василевс и патриарх говорили с Мефодием душа в душу. Не в такие ли минуты и удостоверятся на небесах желанность и достижимость симфонии на земле – благодетельного согласия между устремлениями светской и церковной властей?!

Заходил ли разговор в те часы о том, что Мефодий сполна и даже с преизбытком потрудился и нужно ли ему теперь снова собираться к его “простой чади”? Если и заходил, то владыка мог лишь поблагодарить за трогательное попечение о его сугубых годах, но в намерении возвратиться на малую речку Мораву был твёрд. Его ведь не архиепископское почитание там прельщает. И он не Папе едет служить, не князю, а молодому Христову народу, среди которого и хотел бы прозреть в вере до конца своих земных служб.

Василевс распорядился, чтобы владыка взял с собой достойные дары для туземного князя, щедростью своей способные подсказать, как высоко ценит Ромейская империя своего маститого старца. И тем самым надумать Святополка: береги же его, как зеницу ока своего, он – наше и твоё сокровище.

Язык подарков груб своей броской прямолинейностью, но доходчив. В этом Мефодий ещё раз убедился, когда увидел, уже в Велеграде, как засияли при виде вручаемых от кесаря даров глаза князя и его советников. И с каким благодарным умилением станут они теперь посматривать и на него, такие дары в целостности им привезшего.

Владыка знал, что в Константинов град, к свежим стремительным бурнам Босфора, к матовому свечению мирной Пропонтиды уже ему не вернуться. Хватило ли сил в ногах и дыхания в груди, чтобы на прощанье по мощёным булыжником пандусам и узким лестницам в стенах Софии взойти к самому её куполу, ступить на горячую смотровую кромку? Отсюда в ясный день можно было различить за Принцевыми островами полосу малоазийского побережья, спящие холмы Вифинии и три неподвижные серебряные главы, подобия об-

лаков, — Малый Олимп. И туда уже не будет ему пути. Только стаи ласточек, с сумасшедшим ликованием носясь вокруг купола, гомонят свой двусложный клич: в путь-путь, в путь-путь!

А в Солуни, когда остановились на малый отдых, зашёл ли в базилику Святого Димитрия? Полюбовался ли по старинной привычке тем, как бережно каменная чаша города-амфитеатра накрывается к заливу? И как бездна морская призывает к себе по вечерам бездну небесную?..

Крепостные стены и башни, опоясывающие акрополь, мощью своей напоминали: всё ещё остаётся за ним долг перед святым покровителем их с братом родного города. По приезде в Моравию нужно ему, без всяких отлагательств, переложить, наконец, с греческого канон Димитрию Солунскому для пения его в славянских храмах... .

Среди стихов великой ектеньи, среди этих ежедневных вопрошаний, известных тебе и каждому, и в забытии, и наяву, одна есть просьба к Господу, одна мольба, один порыв, одно горячее взывание о памяти, о помощи, о пощаде, и ты его, сколько бы раз оно ни звучало для тебя, всякий раз произносишь или слышишь словно впервые, и всякий раз оно неизменно омывается в душе твоей слезами тревоги, сострадания... .

О плавающих, путешествующих, недугующих, страждущих, плененных и о спасении их Господу помолимся!

И кто скажет, что тут упомянуты ещё не все, что кто-то в небрежении забыт, оставлен за бортом, за обочиной, брошен в беде? Нет же, все-все до единого уместились, все, кто были до нас, кто в сей день и в сей час подвергнуты испытанию, и все-все, с кем это случится завтра, потом, всегда, до самого конца. Потому-то стих этот — про всех. Ибо чья жизнь — не плавание по хребтам и пропастям житейского моря, не изнуряющее шествие, не череда болезней, страданий, чья жизнь — не плен, не узилище? Подай голос, счастливцев!

Если представишь себе, что за грехи людские обречено на погибель всё до последней страницы Священное Писание, и лишь на каком-то обугленном клочке пергамента осталась эта сиротская строка, то кто-нибудь из нечаянно уцелевших, найдя и прочитав её, подумает в изумлении: значит, были на свете люди, что умели так сострадать и так молиться за всех — за правых, и неправых, добрых и озлобленных. И потому их вера пощажена огнём. Всё погибло. А этот их горючий стих, нещадно царапающий своими звуками самый очерствелый слух, существует, цел... .

Да, в самих этих словах, особенно в славянском их облике, — *о плавающих, путешествующих, недугующих, страждущих, плененных* — ему с братом хотелось передать ещё и замедленно-текущую, надсадную поступь шествия, скрежет корабельных обшивок, скрип колёсных осей, шарканье подошв... .

Эти строки были из самых первых, что они перевели на Горе по просьбе учеников. Эти строки вообще, похоже, вместе с остальными стихами ектении, принадлежали к самому раннему достоянию Церкви и сотворены были первыми учениками Христовыми в ту пору, когда ещё и Евангелие с Апостолом не полностью легли на кожаные листы.

И, как часто бывало и прежде у них с Философом, вспоминался в дороге — рядом со стихами великой ектении — и Апостол Павел; и тогда читали вслух его скорбный перечень невзгод и скорбей — из второго письма к Коринфянам, как брат по-славянски изложил:

“В путных шествиих множицею: беды в реках, беды от разбойник, беды от сродник, беды от язык, беды в градах, беды в пустыни, беды в мори, беды во лжебратии. В труде и подвизе, во бдениих множицею, во алчбе и жажде, и в пощениих многаши, в зиме и нагоде”.

Что тут было не про них, братьев, не про всех, кто до них? Удивительно лишь, что этот перечень скорбей всегда как-то придавал сил, а не угнетал.

... В *“Житии Мефодия”* самому прибытию владыки в Велеград не уделено ни строки. Нетрудно, однако, догадаться, что встреча была великим праздником для всех, кто его отсутствие переживал с острой тревогой: вернётся ли?... или Царьград его больше не захочет отдавать им?

ЦАРСКИЙ ПУТЬ

Профитологии

После возвращения из Константинополя с архиепископом произошла некая важная перемена. В течение более чем полугода он почти никого не принимал, почти никуда не выходил и не выезжал с обычными для архиерея посещениями храмов, училищ, мастерских.

Объяснение тому – в *“Житии Мефодия”*. Агиограф сообщает, что владыка *“... от ученик своих посажь два попы скорописьця зело, преложи вбрзе вся книги, вся исполнь разве Макавеи от гръчьска языка в словеньск шестию месяц начьн от марта месеца до двою десяту и шестию день октября месяца. Оконьчав же, достойную хвалу и славу Богу воздасть, дающему такову благодать и поспех. И святое возношение тайное с клиросомь вознес, сотвори память святого Димитрия. Пьсалтырь бо бе токмо и Евангелие с Апостоломь и избранными служьбами церьковными с Философомь преложил перьвее, тогда же и Номоканон, рекше Закону правило и отеческыя книги преложи”*.

Как ни подробно это объяснение, но оно, конечно же, нуждается в обстоятельном рассмотрении.

Итак, агиограф сообщает, что Мефодий усадил (*посажь*) за работу двух священников-скорописцев, весьма (*зело*) опытных, из своих учеников и перевёл (*преложи*) очень быстро (*вборзе*) с греческого языка на славянский все книги Священного Писания, и всё исполнил, кроме (*разве*) Макавеи (трёх книг, которые в Ветхом Завете именуются Маккавейскими) за шесть месяцев, начиная с марта до 26 октября (число месяцев указано неточно; на самом деле речь идёт о семи месяцах, если счёт от конца марта, или около восьми; год не указан, но приблизительно это 881-й или 882-й; по иному предположению – 884-й). Окончив же, воздал достойную хвалу и славу Богу, давшему такую благодать и скорость в работе. И святую литургию с одними только певчими своими отслужив, сотворил канон в память Святого Димитрия (Солунского). Первоначально же (*перьвее*) они с Константином Философом перевели только Псалтырь и Евангелие с Апостолом и избранными церковными службами. Тогда же были переведены и Номоканон, иными словами Правилу закона, и Отеческие книги.

Хотя агиограф для начала сообщает о переводе Мефодием книг Ветхого Завета, но напоследок считает нужным упомянуть и его главные переводческие труды, предпринятые ещё при жизни младшего брата, а отчасти и совместно с ним. По сути, это краткий библиографический обзор славянских произведений Мефодия. В него не включены переведенные им с греческого сочинения Философа, уже известные нам по *“Житию Кирилла”*. Не включены и многочисленные молитвы, стихи церковных песнопений, которые совместно с братом или самостоятельно он озвучивал и записывал по-славянски ещё во времена жизни на Малом Олимпе. Из всего этого обширного наследия в обзоре представлен только канон великомученику Димитрию, работа под греческим названием Номоканон (по-славянски – Правилу закона) и некие книги, именуемые Отеческими*. Но и этот обзор, при его краткости, настолько впечатляет объёмом совершённого, что не случайно к нему было обращено самое пристальное внимание нескольких поколений исследователей. И в первую очередь, оно сосредоточивалось на том, с чего жизнеописание начинается, – на переводе книг Ветхого Завета.

* Греческим источником переведенного Мефодием Номоканона принято считать византийский сборник церковных постановлений и гражданских законов, составителем которого был константинопольский патриарх Иоанн Схоластик (565–577). Книга нужна была моравским сотрудникам Мефодия как руководство, описывающее образ поведения священнослужителя в храме и в миру. К старейшим спискам этого труда на русской почве относят *“Устюжскую кормчую”* XIII века. Что до *“Отеческих книг”*, то слишком большой разброс мнений по поводу наиболее достоверного источника или источников этого перевода пока что мешает исследователям прийти к согласованному мнению. Заслуживают внимания публикации И. В. Лёвочкина, посвящённые знаменитому *“Изборнику Святослава 1073 года”* как одному из парадных списков, восходящих к переводу Мефодия. См. его работу: *“Отеческие книги и Изборник Святослава 1073 г<ода>”*. // Советское славяноведение. 1985. № 6.

Что и говорить, сведения, сообщаемые об этой части переводческих трудов Мефодия, способны вызвать сильное недоверие. В них вправе усомниться каждый, кто однажды держал в руках тяжелый том Библии и хотя бы пролистал, а тем более частично или полностью прочитал ту её часть, в которой описаны судьбы, деяния и воззрения ветхозаветного человечества, а затем и народа Израиля – до Рождества Христова. Для вдумчивого, сосредоточенного, ничем посторонним не отвлекаемого прочтения книг Ветхого Завета (пусть и за вычетом книг Маккавейских) нужны не месяцы, а годы. Конечно, скорость восприятия текста у новичков и людей, привыкших читать Библию, многократно различается. К примеру, опытный в чтении монах способен прочитать Четвероевангелие всего за несколько часов одного дня. Псалтирь по покойнику прочитывается за ночь. Но в нашем случае речь идёт не просто о чтении или скорописном воспроизведении услышанного, но о высоком искусстве перевода с одного языка на другой. Исследователи, не сомневающиеся в житийном описании события, приводят такой довод: Мефодий готовился к переводу Ветхого Завета длительное время и перед тем, как привлечь к работе священников-сорописцев, уже располагал черновыми записями, с которых просто надиктовывал страницу за страницей, книгу за книгой.

“Вся книги... разве Макавей”... Сомнения в возможности такого стремительного исполнения задуманного труда отпали бы, сохранись велеградские библейские переводы в своём полном первоначальном объёме. Но после кончины Мефодия они уцелели только частично. Не потому ли, что владыка, похоже, не успел вывезти с кем-нибудь в более пригодное для хранения место итоговую часть своей с братом *духовной жатвы*, как сделал это во время недавней поездки в Константинополь.

Известный знаток кирилло-мефодиевского книжного наследия, профессор А. В. Михайлов ещё в начале XX века предложил на обсуждение коллег самую скромную оценку объёма переводческих трудов солунских братьев. “Исторические памятники, – писал он, – свидетельствуют, что первоучители славян перевели на церковнославянский язык с греческого всю Библию кроме Маккавеев. Причём Кирилл и Мефодий перевели вместе только Евангелие и Апостол (апракос), Псалтирь и Паремийник, а все прочие книги перевёл после смерти брата... Мефодий. Но так ли это? В настоящее время только относительно церковнославянского перевода Евангелия, Апостола, Псалтири и библейских отрывков, вошедших в Паремийник, можно с уверенностью сказать, что они восходят к эпохе Кирилла и Мефодия и дело их рук. Что касается других книг Священного Писания и других ветхозаветных текстов, не вошедших в Паремийник, то об их отношении к литературной деятельности Кирилла и Мефодия наука до сих пор ничего определённого сказать не может”.

Такой малоутешительный вывод вроде бы трудно согласовать с мнением, которое высказал автор, творивший всего двумя-тремя десятилетиями позже Мефодия. Это Иоанн Экзарх Болгарский, один из выдающихся славянских просветителей той эпохи. В своём предисловии к переводу книги “Богословие” (“Небеса”) Иоанна Дамаскина он упомянул сначала Кирилла, который “многы троуды прия, строя писмена словеньскихъ книгъ и отъ Евангелия и Апостола прелагая изборъ”, а затем и архиепископа Мефодия, который “преложи вся уставныя кънигы 60 отъ елиньска языка, еже есть греческъ, въ словеньскъ”.

Это же число переведенных Мефодием библейских книг находим и в Проложном житии Кирилла и Мефодия: *“... преложи вься 60 книгъ Ветхааго и Новаго закона от гречьскаго в словеньскыи”*.

Одно из двух: либо эти цифры и свидетельства, исходящие от почти современников солунских братьев, нужно отнести к панегирическим преувеличениям, либо сдержанный в выводах А. В. Михайлов недооценил подлинные размеры их переводческого творчества.

Конечно, при начале своих трудов братья, как мы помним, ограничивали себя задачами только богослужебного, по точному определению Иоанна Экзарха, *избора*. Избранное Евангелие-апракос, избранный Апостол-апракос... Даже перевод Мефодием Псалтири поначалу, можно догадываться, ограничивался псалмами и отрывками из них, постоянно звучащими в церковных службах, и лишь постепенно этот *избор* восполнялся, чтобы к концу его жизни приобрести облик полной 150-псалмовой Псалтири.

Но что же имел в виду Михайлов, говоря о Паремийнике как ещё одном безусловном труде братьев? Название это попало в русский церковный оби-

ход из греческого, где слово *παροιμία* означает “притча”, “пословица”. Паремийниками называли сборники для богослужебных чтений, составленные по преимуществу на основе ветхозаветных книг. Отрывки из них, паремии, иногда звучали во время литургии, но чаще всего – в составе праздничных вечерних служб. Здесь были представлены почти в полном объёме “Притчи Соломоновы”, отчего за сборниками и закрепилось это название. Впрочем, в греческом употреблении они чаще именовались профитологиями, то есть “книгами пророков”.

Последнее название более соответствовало содержанию ветхозаветных чтений, поскольку за каждым из них стояло авторитетное имя одного из пророков. Имя Моисея, которого почитали как великого законоучителя, создателя первых пяти книг Библии, в том числе книги Бытия. Или имя того же Соломона с его Притчами и Книгой премудростей. Или имя Исаяи, пророка из пророков, которому принадлежат самые пророческие из предсказаний о Рождестве Христовом. Не случайно и книга Исаяи почти в полном объёме представлена в паремийниках. Но не обойдены вниманием и пророк Иезекииль с его знаменитым пророческим видением о четырёх евангелистах, и Иеремия, и Даниил, и так называемые “малые” пророки – Аггей, Малахия, Софоний, Михей, Иона, Аввакум, Осия, Захарий... И книга Иова. И книги Царств, в которых повествуется о пророках Или и Елисее.

Так, на праздничной вечерне Преображения Господня читались (и по сей день неизменно читаются) паремии из Исхода и Царств – о явлении Бога пророку Моисею на горе Синай и о наставлениях Господних пророку Или. Эти отрывки предваряли чтение евангельского зачала о горе Преображения, где Христос предстал апостолам в таинственном собеседовании с Моисеем и Илией.

Для своих переводов Псалтири и паремийных чтений братья, естественно, брали за образец практику Константинопольской Церкви того века, а в ней ветхозаветные паремии Священного Писания были представлены в законодательной для всего православного Востока Лукиановской редакции Септуагинты.

Это был не их выбор, а *избор* всей Церкви Христовой. Она сама из века в век мудро наставляла, что христианину нужно помнить из Ветхого Завета в первую очередь, а что можно отложить, как “всякое житейское попечение”, для чтения в келье или в мирском жилище.

В понимании Церкви Ветхий Завет был царским путём ко Христу. Узкий и тесный путь, и его никто не устилал мягкими коврами, не забрасывал лепестками лилий и роз. Путь, по которому шествовали великие провидцы, осыпаемые злобой бранью, плевками, градом камней. Земные же цари, обличаемые пророками за жестокость, лицемерие, стяжательство и лихоимство, отправляли сих праведных на мучения, на позорную смерть. Но выходили на тот путь новые страстотерпцы духа, предтечи, укрепляемые светом озарений, вдохновленных свыше.

Таков был в понимании Церкви единственно верный смысл всей ветхозаветной истории. Не найти её живой промыслительный ток в хрониках династий и колен, в триумфах племенной гордыни, в чреде чудовищных ритуальных отмищений. По сути своей, это была история малой горстки *богоизбранных*, чающих пришествия обещанного от Господа помазанника. История сокровенных предчувствий, выстрадавших надежд на приход в мир милосердного Спасителя. Но одновременно и жертвенного агнца, которого предадут на позорное мучение.

...Служебный распорядок молодой моравской Церкви, каким он выстраивался когда-то с приездом братьев в Велеград, не мог оставаться неизменным. Прирастала народом паства, прибавлялось число приходо-городских и сельских. От недельных (воскресных) и праздничных служб пришла пора переходить – хотя бы во владычном соборе для начала – к службам ежедневным, для которых первоначальных кратких апракосов уже не хватало. Служебные Евангелие, Апостол, Паремийник пополнялись новыми зачалами и чтениями. Нужно было обзаводиться и книгами *четырьми* – для домашнего чтения: Четвероевангелием, полным Новым Заветом, полной Псалтирью. Рано или поздно славянин-священник, славянин-монах, славянин-прихожанин хотел и имел право получить представление обо всех книгах Священного Писания – от Бытия до Апокалипсиса.

Вот какие побуждения подвигли однажды архиепископа Великоморавского развернуть перед собой и священниками-скорописцами *вся книги*.

Но сколько именно насчитывалось в их работе книг? Если вспомнить число 60, которое приводит Иоанн Экзарх Болгарский и автор Проложного жития, то выходит, что Мефодием был предпринят не только перевод ветхозаветных, но и пополнение объёма славянских новозаветных книг. В предреволюционном Синодальном издании церковнославянской Библии Ветхий Завет, включая и три книги Маккавейские, представлен пятьюдесятью названиями. В Новом Завете, соответственно, двадцать восемь, считая и Апокалипсис, который в храмовых службах не звучал. Но для Нового Завета мог быть в ходу иной счёт: всего 5 (четыре евангелия и Апостол, включающий в себя Деяния Апостолов и их послания). И при том, и при другом счёте общее число 60 не собирается.

Цифровые подсчёты оказываются ненадёжным средством ещё и потому, что для IX века нет достаточно выверенных сведений о том, каков был канон или “устав” ветхозаветных книг, принятых к чтению в разных поместных Церквях.

В любом случае, Мефодий со своими сотрудниками, кроме книг Маккавеев, не выкладывали на рабочий стол ещё несколько книг, считавшихся неканоническими (Юдифь, Товит и некоторые другие сочинения).

Отсутствие в современных книгохранилищах подлинных славянских рукописей из кирилло-мефодиевской книжной мастерской вовсе не означает, что пытливому исследователю невозможно приблизиться к первоисточнику на расстояние почти вытянутой руки. К счастью, не всё утерянное пропадает навсегда и навсегда. Сохранилось несколько кириллических и глаголических рукописей XI, XII и более поздних веков, которые вполне могли быть списками если не с самих рукописных книг, созданных братьями и их учениками, то копиями первых списков. Нередко устойчивые словарные и грамматические приметы кирилло-мефодиевского литературного стиля просматриваются в древнерусских богослужебных рукописях вплоть до XIV–XV веков. Свидетельство тому – первая древнерусская полная Библия, знаменитая Геннадиевская, названная так по имени новгородского архиепископа, жившего в XV веке.

По итогам современных исследовательских поисков, к творческому достоянию Мефодия неуклонно возвращаются целые главы из его утерянных, казалось бы, навсегда, библейских переводов. Тем самым преодолеваются скептические ограничения, предложенные в своё время А. В. Михайловым. Но к каким бы итоговым выводам по этому поводу наука не пришла, самым великим из ветхозаветных переводов, оставленных Мефодием славянскому миру, навсегда пребудет книга псалмов Давидовых.

“Из всех книг, написанных руками человеческими, ни одна, не исключая даже Евангелий, не положила на христианское чувство и сознание печати столь неизгладимой, столь повсеместной, столь властной, как именно Псалтирь. Самая пророческая из пророческих книг, она стала азбукой христианства. В то же время она остаётся венцом молитвенного песнопения, недостижимым образцом, неиссякаемым источником, питающим поэтическое творчество двух тысячелетий”.

Это слова замечательного русского педагога Сергея Рачинского из его книги “Сельская школа”. О том, что слова эти не преувеличенны, а глубоко пережиты, скажет ещё один отрывок из очерка “Чтение Псалтири в начальной школе”:

“Мальчик, научившийся в школе, хотя механически, но бегло и истово читать Псалтирь, не расстанется с нею до гроба. Случалось ли вам, при вынужденной ночёвке в крестьянской избе, осмотрев от скуки всю скудную её обстановку, раскрыть ту единственную книгу, которая лежит под полкой с образами? В огромном большинстве случаев эта книга – Псалтирь. Запятнаны её страницы, обтёрты её углы. Но не одна грязь мозолистых рук оставила эти пятна. Тут есть капли воска, есть капли слёз, медленно падавшие на эти страницы во время долгих ночных чтений по дорогим покойникам. Не рассеянно небрежностью истрёпаны эти углы; но благоговейным переворачиванием этих страниц, быть может, многими поколениями. И при всяком чтении для чтеца, по мере его умственного и нравственного роста, ярким пламенем вспыхивал внутренний смысл того или другого речения, до тех пор для него непонятного; и с каждым чтением дороже становилась ему эта книга, лежащая под образами”.

Кажется, как непредставимо велико расстояние, – не столько в пространстве, сколько во времени, – между славянскими псалмами Мефодия и обык-

новенной русской избой, где при свече или лучине мальчик вычитывает ка-
физмы у тела почившего отца или брата, а сельский учитель коротает путевую
ночь. Но путь перед всеми — один и тот же: царская дорога ко Христу.

Несправедливо было бы не привести здесь ещё одно обобщение Рачин-
ского. Отдав должное высоким поэтическим достоинствам греческой Псалти-
ри, он продолжает: “И этот-то текст, с изумительной точностью, с вдохновен-
ною смелостью был переложен на язык юный и свежий, но богатый и гибкий,
при этом впервые вошедший в полную свою силу, и перевод этот наложил на
юный язык неизгладимую печать. Язык этот сделался книжным языком вели-
кого христианского народа и до сих пор остаётся живым элементом русской
речи, письменной и устной.

Самый же перевод стал одним из величайших сокровищ этого великого
народа. Каждое его слово, постоянно звучащее в торжественные минуты об-
щественного богослужения, своеобразный ритм каждого стиха, закреплённый
дивными напевами прокимнов, антифонов, причастных, срослись со всеми
отголосками сердечной памяти, со всеми изгибами верующей души”.

Горазд

Подошла пора, когда велеградские ученики, почувствовав в облике
и распорядке жизни своего владыки признаки возрастающей усталости, под-
ступились к нему, не без смущения, с вопросом, который всегда в таких слу-
чаях вроде бы и неловко задавать, но и таить про себя негоже:

*“Кого чуеши, отче и учителю чесьныи, в ученицех своих, дабы от учения
твоего тебе настольник был?”*

Казалось бы, с вопросом об ученике, достойном и способном заменить
его на архиепископском столе, обращаться следовало совсем не к нему. Раз-
ве в его власти утверждать себе духовного наследника? В Риме, в Риме всё
решается и решится! В том числе и судьба преемничества на его захолустной
кафедре. Но какие ветры подуют из Рима теперь, после неожиданной вести
о скоропостижной кончине Иоанна VIII? Пусть не всегда и не во всём оказы-
вался папа его надёжным заступником. Но поискать бы надо ещё таких покрови-
телей, как старый Адриан и этот его преемник, совсем ещё не стариком
уложенный в каменную раку.

Архиепископская власть давала и Мефодию право рукополагать в еписко-
пы достойных избранников. Но при этом, по старому церковному канону,
в поставлении требуется, кроме него, участие ещё двух епископов. Один у не-
го был, только кто же? Вихинг! Его недреманный соглядатай. Сидит пока что
в Нитре, но вожделеет тотчас переселиться к Святополку в столицу, как толь-
ко помрёт ненавистный ему старый грек.

Хотя при покойной апостолике Иоанне заходила речь о необходимости от-
крыть в преобширной Моравии хотя бы ещё одну епископскую кафедру, что-
бы у себя на месте втроем рукополагать новых священников и даже еписко-
пов, но в коловращении тогдашних интриг обещание позабылось. А теперь —
кому писать или к кому ехать в Рим по этому делу о его, Мефодия, желаемом
наследнике?

Нет, вопрос, заданный учениками, не поставил его в тупик и вовсе не вы-
глядел преждевременным.

*“Показа же им единого от извесътных ученик своих, нарицаемаго Гораз-
да, глаголя: “Сеи есть ваша земля свобода мужь, учен же добре в латинь-
ская книги, правоверен. То буди Божия воля и ваша любви, яко же и моя”.*

Таков ответ, читаемый в *“Житии Мефодия”*. Выбор владыки пал на Гораз-
да. Всё, что сказано было о нём, уместилось, как видим, всего в одно крат-
кое предложение. Но не лишне заметить сразу же, что это единственный из
учеников, названный во всём житии по имени (*“Житие Кирилла”* не называет
вообще ни одного). И вот в таком подчёркнутом внимании к имени прочиты-
вается уже не воля владыки, а безусловное согласие с его выбором всех, кто
присутствовал и признал мудрую правоту старца.

Почему Горазд? Для начала потому, что он *“свобода муж”*. По понятиям
того времени, речь шла даже не о личной свободе, а о принадлежности к из-
бранному сословию, к людям родовитым и именитым. Разве это не преиму-
щество на случай, если против такого избранника начнёт злоумышлять заез-

жий шваб Вихинг? Уж тут-то моравская знать не даст в обиду выходца из своей среды.

Вторым преимуществом было то, что священник Горазд, как все ученики Мефодия, читал и по-гречески, и по-латыни. К тому же он не просто преуспел в латинской грамоте, но знал и латинскую церковную службу. А ведь знание такое пригождалось всякий раз, когда за литургией надо было сначала читать Апостол и Евангелие латинской речью, на чём настаивал Рим, а потом уже, если угодно, по-гречески или славянски.

Но ещё более был Горазд способен, успешен и горазд, — чем и оправдывал своё имя, похожее на добродушное семейное или уличное прозвище, — в усвоении смысла, чина и последования славянской службы. Наконец же и во-первых, был он твёрд и, по определению владыки, *правовверен* в стоянии своём за нерушимость христианского исповедания, то и дело подвергаемого нападкам триязычников или изобретателей *filioque*.

Вопрос о преемнике никак не мог решиться сам по себе. Свой выбор владыке следовало отстоять, как ни обременительно в его лета было готовиться к очередному посещению папской канцелярии, а иных мест, где бы ему постоять за своего Горазда, добившись его рукоположения в епископы, Мефодий не знал. Ехать же в Рим, не дождавшись вызова от нового апостолика, он тоже не мог. Его неожиданное появление сочли бы, в лучшем случае, дисциплинарным проступком.

Однако шли месяц за месяцем, а от нового папы никаких сообщений не поступало. Так ни единого и не пришло. Причину его молчания напоследок искали в том, что папский век этого апостолика по имени Марин оказался очень уж короток — менее полутора лет. Из немногих вестей, дошедших до Велеграда при его правлении, одна насторожила: Марин, оказывается, быстро успел рассориться с императором Василием и с патриархом Фотием. Да и вторая весть озадачила: в Рим по воле Марина был возвращён епископ Формоза, осуждённый покойным Иоанном VIII за участие в заговоре. Этого Формозу Мефодий запомнил ещё по первому приезду в Рим. Когда папа Адриан II благословил посвятить во священники трёх моравских учеников, то поручил совершать рукоположение двум епископам, в том числе Формозе. Уже в те часы знакомства Философу и Мефодию было видно, что Формоза по духу своему — истовый триязычник и поручение апостолика исполняет, почти не скрывая недовольства, лишь по долгу службы.

И двух этих вестей было велеградскому владыке достаточно, чтобы понять: лучше ему к Марину, даже если вызовет, не спешить. А тут как раз подоспела и ещё весть. Если кто и вызовет его, то уже не Марин, а другой апостолик. Имя ему — Адриан III. Впрочем, и с ним Мефодию не довелось увидеться. На папскую кафедру Адриана III возвели 17 мая 884 года, то есть всего за год и четыре месяца до его неожиданной кончины, случившейся во время поездки к королю Карлу III Толстому, сыну Людовика II Немецкого. Об этом апостолике, как и об Иоанне VIII, существовало предание, что он умер насильственной смертью. Мефодия он пережил меньше, чем на полгода.

Труднее сказать, успели они или не успели вступить хотя бы в переписку друг с другом. До Велеграда ещё во второй половине 884 года могли поспеть воодушевляющие сообщения из Рима и Царьграда о первых поступках нового апостолика. Адриан III предпринял шаги для исправления грубых ошибок своего предшественника, допущенных в отношениях с византийским двором и константинопольской патриархией.

Мефодию и его сподвижникам очень хотелось надеяться на прочность этой самой недавней перемены к лучшему. Пусть в Риме возобновятся для начала хотя бы те настроения, которые они застали когда-то при старце Адриане II, тезоимените теперешнего папы.

Да, для начала — хотя бы! Мефодий поневоле был сдержан в оценках и ожиданиях. Он повидал уже не один самонадеянный рывок римской курии к первенству во всей Вселенской церкви. На его веку церковь Западная всё чаще впадала в какие-то воспалённые состояния, при которых проговариваются вслух прегордые мечты о собственной духовной исключительности. Не стало ли это следствием того, что у пап никогда не было для надёжной опоры кесарева плеча — мирского равновеса? То есть, императорская христианская власть ещё со времён Константина Великого как была, так и пребывает — для римской церкви, равно как и для всех. Но императоры далеко, на Босфоре,

а мирского величия хочется не вдали и для всех, а здесь, у своего плеча. Здесь, в вечном Риме, где всемирное величие сияло незаходящим солнцем при августях-язычниках. И потому снова и снова возникало желание поискать это самое плечо, надёжное и близкое. И уже нашли было при папе Льве, когда он самочинно, в порыве небескорыстной лести произвёл в императоры Карла Великого. И чего добились? Того, что теперь сразу несколько королей, наследников Карла, не могут поделить между собой земли мнимой “Римской империи”. Сами же папы то и дело испытывают неудобства от препирательств в семействе почившего Людовика. Не оставляет в покое курию и духовенство франкское, с его постоянными самоуправствами. Разве не пытались и Мефодия те самоуправники лишить власти, вручённой ему на ступенях папского престола?..

И вот курия мечется. То просят василевса, одного, затем другого о военной помощи против арабов в южной Италии. То капризно забывают о полученной поддержке, и василевс им уже не брат во Христе, а разбойник, покушающийся со своим патриархом захватить все болгарские церковные приходы... То снова учтиво ищут у Константинополя защиты от арабских морских пиратов.

Такая изнуряющая неуравновешенность в отношениях между двумя церквями не может, не должна длиться долго. Ни он, Мефодий, ни его покойный брат не предполагали, что на их веку необратимое уже обозначилось, что распри, невольными свидетелями и участниками которых они становились, из мелких трещин вот-вот превратятся в настоящие земные провалы. В конце концов, старый Рим не захочет навсегда смириться с физической кончиной своего имперского величия. Его церковь воззавидует величию Рима нового и продолжит строить своё грандиозное здание при одной лишь папской главе – без опоры на кесарево плечо.

... Не имея возможности в скорые сроки поставить перед новым апостолом вопрос о своём желаемом преемнике, владыка решил действовать пока что в пределах архипастырских полномочий. Его ответ ученикам о Горазде как о преемнике поначалу был дан, как можно догадываться, келейно. Но свой выбор ему следовало озвучить и во время проповеди за литургией, когда, по давно заведенному правилу, Мефодий обращался ко всему народу со словом о празднуемом торжестве или об услышанном сегодня Евангелии. Или же о наиболее важных событиях в жизни моравской церкви.

Он знал, что молва о его выборе быстро расстелется по всей Моравии, а кое-где даже обгонит архиерейское письмо, подтверждающее его волю и рассылаемое в славянских списках во все приходы, где служат его духовные дети.

Он понимал, что слух о предпочтении, которое он отдаёт Горазду, первым делом долетит до Нитры и, конечно же, возбудит ярое негодование Вихинга. И потому Мефодий без всякой отсрочки огласил с велеградской кафедры ещё одно своё архипастырское решение. Суровое, но необходимое, чтобы искоренить источник непрекращающихся церковных смут. Он не желает более терпеть на епископском столе в Нитре неисправимого еретика, искажающего догматы Вселенской Церкви, сочинителя клеветнических подделок, оскверняющего своим поведением образ апостольского служения. Он анафемствует Вихинга, изгоняя его из лона церкви.

И одно, и другое решения Мефодий не считал допустимым утаивать от апостолического престола и при первой удобной okazji постарался переслать в канцелярию папы Адриана III.

В те же дни стало известно, что Вихинг прикровенно отбыл из Нитры. Куда? В Баварию, к зальцбургским покровителям? В Венецию, к своему напарнику по козням против Мефодия? Или напрямик в Рим?

Страстная седмица

У князя Святополка было три сына. Существует старое благочестивое предание о том, что однажды князь призвал к себе этих уже возмужавших княжат и положил перед ними обыкновенную крестьянскую метлу для уличного сора, состоящую из пучка перевязанных ближе к основанию прутьев. Князь спросил, может ли кто из сыновей переломить ее. Взялся один, напрягался так и эдак – не поддаётся. Попробовал второй – не ломается. Ничего не по-

лучилось и у третьего. Тогда князь развязал ее и переломил один прут за другим. “Вот так и вы, — сказал сыновьям. — Когда все вместе, в согласии, вас никто не одолеет. А когда каждый только за себя, так вас поодиночке и ломают”.

Наверное, ни один из сыновей не решился напомнить тогда отцу о старой насаде их семейной памяти, о которой они могли слышать, и не раз, вне родительских стен: согласие хорошее дело, но сам-то отец не захотел жить в согласии со своим дядей.

Эта притча, приписываемая Святополку, на самом деле — сюжет бродячий. В разных странах и даже на разных континентах живучее это сказание не раз исходило из уст почтенных отцов, преподающих сыновьям такую простую и вместе с тем мудрую истину. Вполне мог считать её своей и Святополк.

После возвращения Мефодия из Константинополя, князь, видимо, немало удивлённый тем, что владыка столь достойно принят был у себя в Византии, не был подвергнут там суровым карам за служение папскому трону (что предрекал Вихинг), старался больше не подчёркивать перед архиепископом пристрастий ко всему латинскому, а почаще заявлять о своём моравском и славянском родолюбии.

Вот и после исчезновения из поля видимости Вихинга Святополк даже с удовольствием заговорил о вреде раздоров в церковной жизни. Ученики Мефодия надолго запомнили улыбочивые укоризны князя-родолюбца, обращённые к владыке, а заодно и к ним: с меня, мол, неучёного, каков спрос, но вы же у меня тут все христиане, как и эти латинисты немецкие, тоже христиане, так что же вы нас, простецов, миротворению учите, а между собой христианского мира никак не заведёте?

Но при этом радетель о мире не мог скрыть выжидательной приглядки искусника, намеренного при любом исходе дел что-нибудь для себя выгадать.

Тем временем в приобретении земель князь, как и прежде, преуспевал. Уже и Паннонское княжество после смерти Коцела удалось Святополку выторговать у баварских маркграфов. Уже и владения свои именовал он не просто Моравской, а Великоморавской державой. Право же, она расширялась куда стремительней, чем соседняя Болгария.

Одна только забота с недавних пор нешуточно озадачивала князя, и кручиной этой он захотел поделиться с Мефодием. В слабозаселённые порубежья между его державой и болгарами с восточной стороны забрёл, а прямее сказать — вломился без спросу какой-то неизвестный доселе кочевой люд, прозывающий себя уграми. Откуда объявились и куда намереваются двинуться, неведомо, но доносят про них, что воинственны, злы, жадны, речью говорят никому не понятной, не разбирают ничьих прав и владений. И между их вожаками есть один, которого даже королём именуют. Через купцов, идущих своими всегдашними дорогами с востока и на восток, этот вожак, величающий себя королём, уже прослышал о мудром моравском наставнике веры и теперь зовёт Мефодия к себе для знакомства.

Что скажет владыка? Нужно ли ему отвечать на прихоть какого-то незнамого пришлеца? Как лучше по-христиански поступить? От этих угров, слышно, любой пакости можно дождаться...

Если по-христиански, то надо, помолясь, поехать. Так решил для себя Мефодий. Пусть и дорога далека, и хворей в теле не убывает, но почему же не обратиться? Ведь король этот зовёт его как христианина. Значит, о христианстве уже слышан. Христос всегда шёл, когда кто-то звал его для беседы или для помощи в свой дом. К сотнику шёл, к мытарям, к важному сановнику, к фарисею, к бесноватому — никому не отказывал. Как же и ему, старику, отступить теперь от царского пути?!

Да и время ли бояться за свою жизнь? У кого только не побывал, с кем только не виделся... Исполнял поручения трёх ромейских императоров, встречался и обсуждал судьбы Славянской Церкви с двумя римскими Папами, а святые мощи ещё одного Папы привёз вместе с братом в Рим; сиживал за восточной словесной трапезой перед хазарским ханом и его всевластным беком; шутивно возражал на суде немецкому королю; крестил в гостях сербку — жену чешского князя; говорил в лицо баварским епископам невыносимую для них правду; давал отеческие наставления славному моравскому князю, потом пытался и до сих пор старается учить уму-разуму другого... А однажды они с братом без всяких даже увещаний, лишь силою молитвы уго-

монили посреди степи наскочившую на них ватагу разбойных угров – так ему ли бояться новой встречи с уграми, даже если у них теперь и свой король завёлся?

Ничем не обидел его этот предводитель. Жадно распытывал владыку о вере, с завистью глядел на святые книги, в которых вера высказана для всех, кто пожелает услышать или прочитать. Огорчался, что нет ещё у его народа своих таких книг. Но зато есть желание не искать больше по свету иных земель, а осесть на этой и учиться у тех, кто тут мирно живёт, выращивать хлеб и выдерживать в бочках весёлое золотое вино. А на прощание просил владыку молиться о нём и приезжать ещё и ещё, по-дружески. Не меньше короля довольны были и купцы-переводчики, устроители беседы и пира, а значит, по их понятию, самые важные во всём этом событии люди.

Святополк не зря тревожился. Эти угры, как понял их намерения Мефодий, утомились гулять по свету, и вряд ли обильны народом настолько, чтобы состязаться в зверских подвигах с ордами, что приходили до них, с теми же гуннами или аварами. Они тут, пожалуй, и осядут, и укоренятся. На земле не жаркой и не студёной, а тёплой, как парное молоко или бродящее вино. И тогда Святополку, хочет ли, нет ли, а придётся потесниться. Или не впускать их, но тогда – воевать. Но воевать сразу на востоке и на западе, с уграми и немцами одновременно, – хватит ли сил?

Мефодий твёрдо стоял на том, что держава сильна не кровью, не одними лишь мечами и шлемами, даже не общей речью, а верой, исповедуемой родным словом. Для веры же нужно потрудиться несравненно больше, чем для того, чтобы меч выковать. Если ты крещён, и осенить себя умеешь крестом, и поклоны кладёшь до земли, и расторопно чмокаешь руку своему владыке или попу, то не думай, что уже всю веру стяжал. Ты ещё и на нижнюю ступень лестницы ногу не занес.

Никому не преграждён путь, никому и не закрыта дверь к вере – ни вору, ни убийце, ни блуднику, ни предавшему своих, ни кривляющемуся лицедею. Потому что Христос всем говорит: “Я – ваш путь, Я – ваша дверь”. Но и предупреждает: “Узок путь... тесны врата”.

Разумеешь ли, княже Святополче? Разумеют ли сыновья твои? Македонец полмира покорил, столько богов и божков по дороге собрал в свою кумирню, и всё вмиг рассыпалось. Где его полки, где царство, где сила? В бесславье, как в песок, всё ушло... А где Атилла? Он же здесь гулял, где мы с тобой беседуем, и Рим развалил до обломков, а где его сила? Бесславьем поросла... Но тебе, княже, разве не дан другой пример? *Сим победиши*, как победил некогда император Константин Великий. Иной победы, иной силы не сыщешь на Земле...

Мефодию, столько годы беседовавшему прямой и открытой речью – сначала по-гречески, а потом и по-славянски – с царём-Псалмопевцем, не было навыка, разговаривая теперь с князем, переходить на язык лести или утвивых потаканий, к которым так приучен был властелин Моравии.

После разговоров с ним оставалась досада: да впрок ли они? А с тем подступала к сердцу слабость. Или это был признак неумолимого старения, о котором тот же Псалмопевец с мягким сокрушением сказал: дни лет наших – семьдесят лет, через силу восемьдесят, а сверх того – болезнь и труд; когда же придёт кротость на нас, ею научимся.

Но до поры не ведаешь, когда он прозвучит, голос, доступный только твоему слуху. И прозвучит ли он для тебя? У брата его был такой слух. Мефодий, по крайней мере, дважды в том убеждался: когда в Херсонесе Философ предрёк скорую кончину архиепископа и когда в Риме сам вдруг разболелся и вскоре попросил постричь его в монашеский чин.

Но можно и болеть, и сильно недуговать, а всё не слышать Божиего глаза. Можно изойти в напряжённом ожидании, но голоса всё не будет. А достоин ли ты, чтобы тебе сообщены были твои сроки?

Владыке нездоровилось в утро Цветной недели, когда Господь входит в Иерусалим и весь город радостно высыпает на улицы встречать Грядущего, и дети устилают камни мостовых молодыми побегами пальм, а здесь, в Велеграде, – ветками распушившейся серебристой вербы. И столько детского щебета в пригретом апрельском воздухе, и таким победным гимном раздаётся вширь и ввысь:

*Величаем Тя, Живодавче Христе,
Осанна в вышних,
и мы Тебе вопием:
благословен Грядый во имя Господне!*

Как же в такой день не быть со всеми? И он превозмог себя, пришёл, вступил в собор, как в переполненный гудящий улей, замер в алтаре перед престолом.

И тут – расслышал.

Он достоял службу до конца и произнёс благословение – своему кесарю, князю, и всем здесь служащим, поющим и предстоящим. И после того сказал бывшим около него, чтобы они от этого часа не оставляли его молитвенной стражей и попечением. И даже срок свой назвал: “Стрезете мене, дети, до третьего дне”.

И потом, в понедельник и во вторник Страстной седмицы, когда лежал на своём твёрдом монашеском ложе, всё самое сокровенное, таинственное, что пелось в храмах, звучало и в нём. Это ведь были его с братом и первыми учениками его самые ранние славянские начатки. Но он уже не различал, чьи именно начатки пелись. Его наполняло чувство, что это пение звучало в мире ещё до них и будет звучать всегда.

*Се, Жених грядет в полунощи,
и блажен раб, его же обрящет бдяща...*

Близость величайшего события из всех, когда-либо происшедших на Земле для смертных людей, переполняла его трепетом, потому что видел свою неготовность быть допущенным к этому самому торжественному из торжеств.

*Чертог Твой вижду, Спасе мой, украшенный,
но одежды не имам да вниду в онь;
просвети одеяние души моя, Светодавче,
и спаси мя.*

Но всё подсказывало, что в Великий Четверток чудесный страстной чин чтения Двенадцати Евангелий отслужен здесь будет впервые без него...

И что же, Мефодие, и что же?! Когда-то этот чин страстной недели впервые был прочитан и без брата твоего, которому каждая буква, каждый звук принадлежали в том чтении. Но так прочитан, будто и Кирилл стоял с ними вместе, читал и пел. Так и с тобою будет. Прочитают без тебя, но с тобой. Ты всё отдал, что мог, и не тревожься. Что бы без тебя ни случилось, твои дети всё прочитают, всё споют и исполнят. Всё продлится, как вы с братом хотели. И плащаницу украсят, и на пасхальный ход выйдут под звёзды с хоругвями, и с воскресным целованием друг друга обымут, и тебя проводят с пением до земли, и душа твоя в светлых одеяниях внидет в чертог Спасителя нашего. Иного не будет, ибо ты прошёл царским путём и не сбился.

... В среду на рассвете он тихо проговорил: “В руце Твои, Господи, душу мою вьлагаю”. И с тем мирно почил, поддерживаемый священниками. Гроб с его телом, приготовленным к отпеванию, внесли в соборную церковь, где на левой стороне от алтаря решено было после прощания предать почившего земле. За литургией и панихидой читали и пели на греческом, на латыни и на родном своём языке, ради которого были все его с братом Кириллом вдохновения, испытания и труды.

*Люди же бесчислен народ собрався,
проважаху со свещами плачущееся
добра учителя и пастыря,
мужеск пол и женьск, малии и велиции,
богати и убозии, свободнии и раби,
вдовиця и сироты, страньнии и тоземьци,
недужнии и здравии,
вси бывшааго всяческо всем,
да бы вся приобрел.*

*Ты же свыше, святая и честная главо,
молитвами своими призирай на ны,
желающая тебе избавляй от всякоя напасти,
ученикы своя и учение пространяя, а ереси прогоняя,
да достойно звания вашего живше zde,
станем с тобою, твое стадо,
о десную страну Христа Бога нашего,
вечную жизнь приемлюще от Него,
Тому же есть слава и честь в веки веком.
Аминь.*

Так, по “Житию Мефодия”, проводили моравляне своего владыку. Агиограф – а им был Климент, один из способнейших учеников солунских братьев, в будущем архиепископ Охридский, – прибег в своём описании, как видим, к языку особому, передающему трепет, сердечное смятение тысяч людей, вдруг лишившихся такой мощной духовной защиты. Обычно строгий, сдержанный, даже скуповатый в обращении со словом, Климент будто решил напомнить напоследок, что люди провожают ещё и подлинного поэта, потому что только поэт был способен оставить им в дар славянскую Псалтирь, многие другие вершинные образцы христианской поэзии. Как и эту песнь прощания и надежды, что сейчас звучала под сводами собора и вне его стен:

*Со святыми упокой, Христе,
душу раба Твоего, новопреставленного Мефодия,
идеже несть болезнь
ни печаль, ни въздыхание,
но жизнь бесконечная.*

Погром. Бегство. Победа

“Житие Мефодия” завершается описанием проводов владыки, вылившихся поистине во всенародный сбор верных ему духовных чад. Тогда же было подсчитано, что на панихиду сошлось и съехалось отовсюду около двухсот одних только старших учеников – священников и дьяконов. А сколько прихожан стеклось от ближних и дальних градов и весей? Над всеми плачами и скорбями плескалась в те дни пасхальная радость о воскресшем Христе.

Похоже, Климент и принялся за жизнеописание Мефодия вскоре после его кончины, когда обострённая утратой память помогала всему осиротевшему содружеству учеников заново переноситься в дни испытаний, преодоленных бок о бок с владыкой. И когда всем им так хотелось надеяться на то, что сама картина благодатного прощания Моравии со своим кормчим веры наконец-то усюветит двоедушных. А недоброжелателей угомонит – навсегда или хотя бы надолго. Утешение находили и в поминальных службах над местом захоронения, куда стекался народ отовсюду*.

В сентябре, через полгода после смерти Мефодия, в Риме произошло избрание нового апостолика. Им вместо скорпостижно скончавшегося Адриана III стал Стефан V. Одним из тех, кто с особым нетерпением ждал этого избрания, оказался анафемствованный Мефодием бывший епископ Нитры Вихинг. Надо полагать, он уже вооружился доводами, подтверждающими совершенную незаконность единоличного и самоуправного отлучения его от церкви, которое он претерпел от покойного архиепископа, не имевшего никакого права на то, чтобы самовольно объявлять своим наследником на кафедре одного из собственных любимцев – Горазда.

Вряд ли Вихинг успел сразу же пробиться на приём к апостолику. Только в самом конце 885 года Стефан V отправил буллу в Велеград, адресованную князю Святополку. Кроме того, в Моравию отбыл с письменными инст-

* В XX веке чешские и словацкие археологи предпринимали неоднократные попытки разыскать место захоронения Мефодия. К сожалению, экспедиции оказались безуспешными. Главной помехой послужило отсутствие непротиворечивого местоположения Велеградского кафедрального собора. К тому же, возможно, останки первого архиепископа Великой Моравии были перезахоронены его сподвижниками, как только возникла опасность их осквернения противниками Славянской Церкви.

рукциями папский легат епископ Доминик в сопровождении двух священников. Им было поручено рассмотреть причины и суть споров, возникших среди местного духовенства, в том числе по поводу искажения Символа веры прибавкой *filioque*.

Стефан в патетических тонах благодарил князя за верность святому престолу (иногда эту патетику объясняют тем, что совсем не бедный в ту пору Святополк, судя по всему, отправил, по совету Вихинга, в Рим, на имя нового апостолика, щедрю помощь, прослышав о всеобщем голоде, поразившем полуостров). Довольно подробно писал папа о том, что римская церковь не считает нужным вовлекать людей, не обученных теологии, в обсуждение сложных догматических тем, таких, как вопрос об исхождении Святого Духа.

Но письмо папы и инструкции, вручённые епископу Доминику, далеко не во всех подробностях совпадали. Это дало повод исследователям предположить, что и на сей раз, как и несколько лет назад, были произведены подделки. И эти фальсификации, случившиеся при составлении документов или их оглашении на месте, снова исходили от расторопного Вихинга.

Однако в любом случае и булла папы, и переданные им инструкции в одной точке сходились вполне. В храмах Моравии категорически запрещалось служить литургии «на местном языке». Тем самым Стефан V отменил благословение на славянские церковные службы, которое пять лет назад Мефодий вернул после встречи с папой Иоанна VIII.

Новый папа отменил церковное отлучение епископа Вихинга и возвратил ему кафедру в Нитре. Что же до Горазда, то апостолик, у которого, возможно, имелся письменный запрос Мефодия, адресованный ещё Адриану III, посчитал, что принять по такому щепетильному делу окончательное решение можно только в Риме, в присутствии самого священника.

Но Вихинг был уже на месте и снова действовал с опережением любых булл и инструкций. Два жития, написанных много позже и посвящённых самому Клименту Охридскому и ещё одному из ближайших сподвижников Мефодия, монаху Науму, рисуют поистине зловещую картину беспощадного погрома кирилло-мефодиевской духовной миссии, учинённого в Великоморавском княжестве в 886 году при попустительстве Святополка.

Началось всё как будто вполне благопристойно – с открытого обсуждения вопроса об истинном понимании Символа веры. Князь Святополк присутствовал на Соборе, но в полемике участвовать отказался, сославшись на свою неготовность к разумению догматических различий, предложенных сторонами. Он лишь предложил решать суть спора так, как принято было всегда в моравском мирском суде, – произнесением клятв. В Пространном житии Климента Охридского князь выражает своё условие так: «...кто первым явится и принесёт клятву, что он верует хорошо и правоверно, тот и будет, согласно моему суду, безупречным знатоком веры, тому и передам я Церковь и вручу, по справедливости, церковное священство»*.

Автор жития к Святополку относится крайне недружелюбно и не жалеет для него чёрной краски, но князь в этой своей речи вполне узнаваем. Опять всё те же хорошо известные приёмы лукаво-простоватого игрока, так любящего наблюдать за дракой со стороны.

Похоже, сторонники Вихинга были о принесении клятв предупреждены заранее. Собственную клятву они кинулись оглашать перед князем и всем собранием сейчас же, едва выслушав до конца его выступление.

“Суд” и послужил знаком к расправе. Задним числом говорили, что, присутствуй сам Святополк до конца при событиях следующих дней, он, возможно, не допустил бы такого разгула страстей и жестокости, какой учинило франкское духовенство. Но вскоре после ареста и заточения в тюрьму нескольких известных учеников владыки Мефодия, в том числе Горазда, Климента, Наума и Ангелария, князь покинул город по каким-то своим, как всегда, неотложным делам. Не всё же сидеть здесь и выслушивать стенания защитников славянского богослужения, закованных для острастки в железа.

В городское узилище, на испытание голодом, холодом и на пытки зачинщики погрома кинули тех, кто постарше. До двухсот молодых священников, дьяконов и чтецов они отобрали на продажу. Купцы-евреи не поспешили,

* См.: Флоря Б. Н., Турилов А. А., Иванов С. А. Судьбы Кирилло-Мефодиевской традиции после Кирилла и Мефодия. СПб., 2000. С. 185.

зато впервые повезли в Венецию на рынок рабов такую крупную партию славян-грамотеев.

В том же году на невольничьих торгах в Венеции оказался и пресвитер Наум, хотя по возрасту он был далеко не молод. В житии его сказано, что когда-то они с Климентом посетили Рим в дружине Кирилла и Мефодия, и Папа Адриан “и Климента и Наума с прочими свещенници и диаконы рукоположи”. Значит, до прибытия в Рим Наум вместе с учителями уже пожил в Венеции и имел представление о размахе здешних работорговых сделок.

Только теперь не он наблюдал этот процесс со стороны, а к нему приценивались. И уже продан был и ждал неизвестной дороги, но “по строению Божию” оказался на торгу знатный ромей из Константинополя, исполнявший в городе поручение самого царя Василия. Он быстро различил по облику Наума и по разговору с ним и другими невольниками из Моравии, что перед ним несчастные особого рода-племени. Этот царёв муж, не мешкая, выкупил нескольких учеников Мефодия и отвёл их на свой корабль, отходящий в сторону Босфора.

Так Наум оказался в Константинополе. О спасённых из неволи было доложено царю Василию и, надо полагать, патриарху Фотию. Вскоре же нашлись труды и для этих знатоков славянской церковной службы. Кто-то остался в столице, а Наум уехал на служение в Болгарию, где через какое-то время его ждала ещё одна подобная чуду встреча.

...Вовсе не милосердием победителей можно объяснить то, что однажды Климент и ещё несколько страдальцев были всё же выпущены из велеградского узилища. Их дальнейшее пребывание в застенке слишком будоражило городских жителей. Ропот моравлян, возмущённых жестокостью насильников, грозил перерасти в открытое неповиновение. Подручные Вихинга не решились в отсутствие князя и его воинства пролить кровь тех, кого моравляне уже открыто почитали как мучеников за веру и новых чудотворцев, у которых окопы в тюрьме уже не раз сами спадали с рук.

Отряду немцев-стражников было приказано тайно вывести нескольких заключённых за город. Измождённых побоями и голодом людей, чтобы ещё более унижить и опозорить, раздели догола. Подталкивали сзади копьями, представляли к шеям мечи. Будто развлекались напоследок, перед тем как убить. Дул свирепый ветер, какой тут бывает в конце зимы, перед началом весны. Это запомнилось Клименту как признак того, что ведут в сторону большой реки. Ветер глодал их тела, кости ныли немилосердно. Непогода донимала и стражников. Спустя некоторое время они перестали понукать и *стращать* пленников. Похоже, сообразив, что ветер доделает своё дело и без них, *во-яки* развернулись и быстрым шагом ушли в сторону города.

Тогда, уверясь в своём нежданном освобождении, чуть прибавили шагу и Климент со спутниками. Или им только казалось, что они спешат? Положение было – плачевней некуда. Кто их в таком облике не побрезгует пустить в своё жильё, кто не пожалеет им самой заваливающей одежды да охапки соломы для ночлега?

Когда добрались, наконец, к хмурому, в мурашках, Дунаю, кое-как смастерили плот, и, собрав сухие стволы, связав их липовыми лыками, переправились на другой берег – всё подальше от недавней своей беды. И теперь направление было одно – приречными тропами и дорогами, всё вниз и вниз по течению. А там, у впадения в Дунай Савы, на каменном кряже стоит малая крепость Белград, и в ней уже приходилось им бывать вместе с Мефодием, а ещё раньше – и вместе с Философом. Теперь крепостью владеют болгары, вот к ним-то, болгарам, и надо идти. Так завещал Мефодий: случись что, надо уходить в Болгарию, к князю Борису-Михаилу, в его престольную Плиску.

И они дошли до Белграда, а оттуда добрались и до Плиски. Все были приняты и обласканы князем Борисом. Климент вскоре получил под своё церковное начало целую область, а позже обосновался в невеликом Охриде, на берегу Белого озера, где построил монастырь, открыл школу, книгописную и иконописную мастерские, – всё по образцу и примеру незабвенных своих учителей. Тут и встретился он с пресвитером Наумом.

Разве это не чудо – их встреча? Слишком много делалось на их веку, чтобы никогда этим двоим, да и всем остальным ученикам больше не видеть друг друга. Пресвитер Наум принял иноческий постриг и основал монастырь с церковью Михаила-Архангела в нескольких километрах от обители Климента,

“на исходь Белаго езера”, как сказано в его житии. К Охридской дружине продолжателей кирилло-мефодиевского дела присоединился и Ангеларий. Ещё один ученик, из способнейших, Константин Преславский, служил и творил в новой столице Болгарии, построенной сыном Бориса-Михаила царём Симеоном, – в Преславе.

Личности учеников, уцелевших после разгрома славянской миссии в Моравии, связанные с ними судьбы средневековой письменности в Болгарии никак не заслуживают скороговорки. Но это должны быть отдельные объёмные главы в истории становления и развития славянской православной культуры.

Здесь же выход за рамки биографий Константина-Кирилла и Мефодия допущен лишь для того, чтобы хоть немного понятней стало, какая невероятная жизнестойкость понадобилась тем немногим, кто уцелел после кончины великоморавского архиепископа.

Впрочем, разве и сами солунские братья не испытывали при жизни почти постоянных угроз своему славянскому замыслу и его осуществлению? По сути, в их судьбе есть две строки, до сих пор не поддающиеся никакому рациональному прочтению. Строка первая: как всё же они успели сделать то, что ими сделано? И строка вторая: как то, что они сделали, не погибло почти сразу, а сохранилось до наших дней?

Вряд ли поддались эти строки и мне в этом рассказе. Но когда я вхожу в православную церковь в любом городе или селе России, когда слышу псалмы в быстром, но отчётливом исполнении чтеца, или голос дьякона, возглашающего стихи великой ектении, когда священник в алтаре зачитывает Евангелие или певчие на клиросе доносят, будто из-за облаков, сокровенное “Иже херувимы...”, когда весь храм согласно запеваёт “Верую...”, – ответы на невыясненные вопросы открываются сами.

Эти люди, жившие так давно, больше, чем самих себя и чем друг друга, больше, чем родных своих и друзей, возлюбили Христа, Сына Божия и Сына человеческого. И эту любовь свою они так сильно захотели выразить на языке, который с детских лет знали, а возмужав, познали в совершенстве и полюбили как свой родной, что им удалось совершить то невозможное, что они совершили.

Евангельский Христос, благодаря их любви заговоривший по-славянски, прошёл ко всем, кто с нетерпением ждал его как единственного Спасителя своего. Поэтому богослужебный язык, созданный ими, не погиб сразу, жив сегодня, не престанет звучать и до скончания веков.

Ничто в этой священной победительной речи не изменилось, каждый стих, каждая строка и буква, каждый смысл стоят непоколебимо. В любую минуту церковной службы святые равноапостольные братья Кирилл и Мефодий молятся и дышат рядом с нами.

АЛЕКСАНДР КАЗИНЦЕВ

ПОЕЗД УБИРАЕТСЯ В ТУПИК

IV. БУДУЩЕЕ РОЖДАЕТСЯ НА ПЛОЩАДЯХ

“Арабская весна”

Мы — люди разных рас, разных полов, разных верований. Нас — большинство. Мы — это 99%. И мы не намерены больше безмолвствовать.

Декларация движения “Оккупируй Уолл-стрит”

Свержение Мубарака и Бен Али. Уход йеменского диктатора Абдаллы Салеха, до последнего цеплявшегося за власть. Падение под напором протестующих европейских кабинетов Ж. Сократеша, Л. Пападимоса, С. Берлускони. Яркий, хотя и краткий, взлёт движения “Оккупай”. Появление “Чайной” и “Кфейной” партий и небывало ожесточённая борьба между демократами и республиканцами в Америке.

Нет, это не случайные эксцессы, досадные неприятности, как уверяют охранители. Это — начало обновления. Первые признаки отката от миропорядка, претендовавшего на безальтернативность после распада Восточного блока и крушения СССР. Системы, основанной на неолиберализме в экономике и сворачивании реальной демократии в политике.

Новый период отмечен взрывом протестной активности масс. Миллионы людей на разных континентах выходят на площади, требуя перемен. В некоторых странах демонстрации проходят еженедельно — так было минувшей осенью в Испании, Португалии. А в Каире волнения на Тахрире не утихали ни на один день! Центральные площади, на которых собираются манифестанты, стали символами народной борьбы — Синтагма в Афинах, Пуэрта-дель-Соль в Мадриде и, конечно, знаменитый Тахрир в Каире.

Ситуация изменилась даже в сравнении с серединой нулевых, когда начала расти волна протестов. Я описал её в книге “Возвращение масс”. Движение пикетерос в Латинской Америке, волнения арабской улицы, демонстрации противников западного вторжения в Ирак — все эти кампании поражали массовостью и размахом. Однако те выступления не имели единого политического знаменателя, да и хронологически не совпадали. Латиноамериканцы меняли правительства в начале нулевых, пацифисты митинговали в 2003-м, мусульмане жгли западные посольства в 2006-м. Каждое движение преследовало собственные цели. Очень сомневаюсь, что исламисты, штурмовавшие

Продолжение. Начало в № 7–11 за 2010 год; № 2, 3, 6, 7, 10 за 2011 год; № 1, 2, 6, 8, 10 за 2012 год.

посольство США в Джакарте, нашли бы общий язык с демонстрантами в Вашингтоне — даже несмотря на то, что американцы протестовали против вторжения своих войск в мусульманский Ирак.

Ныне всё изменилось. Египетский флаг развевался над площадью Пуэртадель-Соль как знак солидарности и преемственности. Американские участники движения “Оккупай” грозили перенести Тахир в Нью-Йорк и Сан-Франциско. Московские выступления начала 2012 года наблюдатели сравнивали с “арабской весной”, а их организаторы устраивали озорные перформансы в духе американских “оккупай”.

Нынешние протесты приобрели всемирный масштаб. Только в один день — 16 октября 2011 года — демонстрации против экономического неравенства прошли в 850 (!) городах Европы, США, Канады, Австралии и Японии (newsru.com//world/17oct2011). Разумеется, их участников по-прежнему вдохновляют разные идеалы, да и уровень благополучия повсюду различен. Но общий политический знаменатель сегодня очевиден: и американцев, и греков, и арабов, и русских не устраивает сложившийся порядок вещей. Они требуют перемен.

Нетрудно политически конкретизировать этот настрой. В основе отвергаемой системы — капитализм. Ещё недавно классовые дефиниции считались в интеллектуальной среде неприличными. Они отсылали к марксистской теории, которая, казалось, потерпела окончательное поражение в начале 90-х. Но сегодня “Капитал” К. Маркса стал самой читаемой книгой немецких высококолых, а слова “капитализм” и — внимание! — “социализм” — возглавляют список запросов в американских поисковых системах (“Новости”, РБК, 02.01.2013).

Люди и щут — иные цели, новые смыслы, иные — более справедливые и человечные — системы социальных отношений. Они обнаруживают: у них один противник. И воротили Уолл-стрита, с которыми борются участники движения “Оккупай”, и “жирные коты” Мубарака, ненавистные египтянам, и “жулики и воры” — антигерои речёвок на Болотной и Пушкинской — всё это разные лики капитала. В России социальный аспект протестов первоначально был затушёван, но по мере становления движения (а это дело не одного месяца!) он вышел на первый план. Что с впечатляющей наглядностью показал марш “несогласных” 15 сентября 2012 года, где красный цвет доминировал.

Столь жёсткая классовая определённость, обычно не свойственная моим работам, в данном случае необходима. Всеохватный протест породил столь же масштабный ответ. Буржуазные издания в Нью-Йорке, Москве, Каире пытаются фальсифицировать суть борьбы народов, исказить, растворить в бесчисленных лживых интерпретациях.

Поэтому важно сразу же зафиксировать несколько тезисов. Первый: сегодняшние протестные движения носят глобальный характер. Второй: они порождены кризисом капитализма. Третий: попытки найти локальные решения проблем — путём политических уступок или жёсткого силового подавления “несогласных” — обречены на неудачу.

“...Мир стоит перед принципиальным, радикальным сломом. По силе и размаху он неизмеримо превосходит сломы 1917-го и 1991 годов”, — констатирует известный экономист М. Хазин (“Завтра”, № 33, 2012). Пытаться как-то извернуться, “починить машину, летящую в бездну”, бесполезно.

Не преодолев кризиса капитализма или, точнее, не преодолев капитализм, нормализовать ситуацию невозможно.

Нет никаких оснований исключать из этой схемы Россию. Рассуждения руководства об “острове стабильности”, равно как и мечтания придворных патриотов об “особом пути” могли бы сойти за аргумент в советский период. Теперь это пустая риторика. Нынешняя РФ строит свою экономику, политическую систему, государственность по рецептам Запада. Не без полемики с учителями, приобретающей порою ожесточённый характер. Но это спор о персоналиях, а не о принципах. Принципы — общие, а значит, общие и проблемы.

“Хозяева дискурса” — капитал, правительства, СМИ — пытаются ослабить протест. Действуют по проверенной схеме: “Разделяй и властвуй”. Умалчивают о единой природе процесса, разрывают его на отдельные выступления, сводят к локальным акциям. Огонь охватил полмира! А нам талдычат то о Болотной, то о столкновениях на Тахире.

На Западе охотно говорят о наших проблемах, предпочитая умалчивать о своих. Подзадоривают “несогласных”, но своих “оккупаев” разгоняют с демонстративной жестокостью.

Новые арабские руководители твердят об исламской специфике и прямо — об “исламской революции”, противопоставляя её демократическим движениям в своих странах и на Западе.

Но всех изобретательней российская пропаганда! С мстительным удовлетворением отмечает она протестные выступления в Соединённых Штатах и Западной Европе. И одновременно ведёт настоящую информационную войну против арабских революционеров. И хотя причины социального взрыва на Ближнем Востоке более чем очевидны — коррупция, несменяемость власти, безработица, рост цен, — протесты в Египте, Тунисе, Йемене объявляют “иррациональными”, “срежиссированными зарубежными разведцентрами”.

Ту же кальку используют при освещении московских демонстраций. Их участники чехом подсаживают в “агенты Госдепа”, которые отработывают американские деньги. Хотя ни наличие зарубежного политического заказа, ни тем более использование зарубежного финансирования доказано не было. На запрос А. Навального о достоверности сведений, содержащихся в “разоблачительном” ролике “Анатомия протеста”, ФСБ дала официальный ответ: “Прямых указаний и доказательств финансирования из иностранных источников митингов и выступлений (здесь и далее разрядка моя. — А. К.), проходивших в 2012 году в Москве, телепередача “Анатомия протеста” не содержит” (newsru.com/russia/14jan2013/nat.html).

Пропагандистские ухищрения привели к парадоксальному явлению: общественное мнение России, настроенное в целом антикапиталистически, и патристическое движение, исповедующее левые взгляды, с подозрением отнеслись к “несогласным”, несмотря на то что уже к середине 2012 года их возглавил лидер “Левого фронта” С. Удальцов.

Страна, словно раком изъеденная коррупцией, защищает пресловутую стабильность! Хотя, если вдуматься, стабильность эта означает прежде всего продолжение чудовищного разграбления государства, о размерах которого мы получили хотя бы частичное представление после разоблачений финансовых афер в системах Минобороны и Минсельхоза.

Вы этого хотели, выходя, пусть и по чиновничьей разрядке, с плакатами “Нам есть что терять” и “Мы против революций”?

Что вам терять? На Западе демонстранты негодуют: “Люди просто подвергаются пыткам. Разве можно прожить на 500 евро?” (“Новости” Евроньюс, 19.02.2012). **Помножьте-ка 500 на 40 — получится 20 тыс. рублей. У нас в стране это средняя заработная плата, а в провинции и вовсе — предел мечтаний миллионов людей, вынужденных жить на куда более скромные деньги. Им ли кричать о “стабильности”, гарантирующей условия жизни, которые европейцы (чем они лучше нас!) считают “пыткой”?**

Массированное промывание мозгов мешает разобрататься в сути событий — глобальных и внутренних. Чтобы пробиться к ней, приходится преодолевать домыслы, ложь, заведомо недобросовестные версии. А заодно заполнять информационные лакуны: штатные пропагандисты намеренно умалчивают о многом. В том числе о ситуации в ключевых регионах планеты.

Необходимо восстановить целостную картину происходящего. Определить вектор мирового развития. Понятно, что в кратком очерке, завершающем книгу, сделать это можно только пунктирно. Но за штрихами, за беглым конспектом событий внимательному взгляду откроется неударжимый ход истории.

Вот уже два года внимание всего мира приковано к Ближнему Востоку. Я предсказал восстание арабской улицы пять лет назад в разделе “Удар Зульфикара” книги “Возвращение масс”*. То, что большинству политиков и политологов показалось “громом с ясного неба”, я считал закономерным итогом многолетнего процесса. Суть которого в опасном разобращении

* На что обратили внимание рецензенты, писавшие о “Возвращении...” — С. Хатунцев и А. Севастьянов. Последний отметил: “... Книга, которую можно было бы назвать пророческой... Не часто приходится иметь дело с исследованиями, так точно предсказывающими ближайшее будущее” (Севастьянов А. “Когда массы вернуться...” — “Вопросы национализма”, № 10, 2012).

правителей и народов. Там, где он заходит так далеко, как в арабских странах, взрыв неизбежен!

Революции преобразили регион. Полный демонтаж режимов в четырёх странах. Смена правительств ещё в четырёх. И лихорадочные уступки населению повсюду. Пытаясь удержаться у власти, правители осыпают подданных дождём динаров. В Кувейте на эти цели эмир выделил 10 млрд долларов. Военнослужащим и полицейским жалованье подняли на 115%, прочим госслужащим на 100. Стипендии студентам “потяжелели” в два раза – до 700 долларов холостым и 1200 долларов женатым. Кроме того, каждый гражданин Кувейта получил единовременную выплату в 3500 долл. и право 14 месяцев питаться бесплатно (newsru.com/world/22fev2011/kuwait_print.html). Бахрейн и Оман заплатили за лояльность населения ещё больше – 20 млрд долл. (“НГ дипкурьер”, 14.03.2011). Но рекордсменом по превентивным социальным выплатам стал король Саудовской Аравии. На помощь бедным, строительство жилья, а также на отсрочки по кредитам он выделил 37 млрд долл. (Васильев А. М. Африка и вызовы XXI в. М., 2012).

Это же надо – так напугать обычно прижимистых восточных деспотов! Вот она – сила народа, поднявшегося на борьбу за свои права.

На пике “арабской весны” выступления охватили 13 государств – от Марокко на Атлантическом океане до Йемена и Омана на Индийском. Общая численность населения взбунтовавшегося региона – свыше 200 млн. Представьте – 200 миллионов человек, осознавших, что судьба страны зависит от них. Надеющихся, думающих, отстаивающих свою позицию, несмотря на террор полиции и попытки властей откупиться.

Грандиозное событие не только ближневосточной – мировой истории. Во многом определяющее характер наступившего столетия.

И что же узнали о нём в России?

Не колеблясь ни минуты, подавляющая часть отечественных СМИ встала на сторону старых режимов – коррумпированных и жестоких. Кровавое подавление протестов подавали как акции по “сохранению стабильности”, а многотысячные народные митинги как проявления разрушительной стихии. Особое рвение проявили штатные востоковеды. Отыскивали в глубоком Средневековье специфический термин – “аль-фитна” – смута, а заодно с полдюжины других, только бы не произносить страшное для власти имущих слово “революция”. Ну а к смуте и отношению соответствующее: “Аль-фитна расценивается как зло, в борьбе с которым оправданы все средства (разрядка моя. – А. К.), включая уничтожение носителей смуты” (Саватеев А. Д. Антиавторитарные выступления и исламская культура. В кн.: Протестные движения в арабских странах. Предпосылки, особенности, перспективы. М., 2012).

Впрочем, какое дело современному российскому читателю до диковинно звучащих терминов исламского богословия! Чтобы отвести нашу молодёжь от опасного арабского примера, нужны куда более современные идеи. Их нашли в арсенале мубараковских спецслужб. Это они впервые объявили “арабскую весну” – заговором Запада, коварным планом по разрушению Египта и других арабских государств. “Ты предал свою страну и стал агентом иностранной разведки”, – кричали следователи в лицо Ваэлю Гониму, молодому компьютерщику, ставшему одним из вдохновителей революции на Тахрир (Гоним Ваэль. Революция 2.0. Пер. с англ. Спб, 2012).

После того как на Ближнем Востоке к власти пришли правительства исламистов, настроенные антиамерикански и уж конечно антиизраильски, ключевой тезис мубараковской (и российской) пропаганды представляется откровенной чепухой.

Другая “ударная” идея, позаимствована непосредственно у одряхлевшего раиса. Незадолго до отставки Мубарак пугал сограждан, а заодно и западный мир, хаосом и распадом в случае своего падения (“Новости”, Евроньюс, 04.02.2011). Мубарака свергли, но Д. Медведев подхватил его мысль, спроецировав на весь арабский мир: “Посмотрите на ситуацию, которая сложилась на Ближнем Востоке и в арабском мире – она тяжелейшая... Речь может пойти о дезинтеграции больших густонаселённых государств” (newsru.com/russia/27fev2011/wsmedvedev_print.html).

Минуло два года. Ни одно арабское государство, даже скроенные на живую нитку Йемен и Ливия, не распалось, а российская пресса всё

пророчит недоброе. “Срекает” – как говорят в народе: “Египет агонизирует... Арабский Восток гибнет. Тень Сомали витает над ним” (svpresssa.ru/politic/article/61930).

Наибольшее усердие, иной раз явно не по разуму, демонстрируют всё те же профессиональные востоковеды. Известный арабист А. Коротаев вместе с некой Ю. Зинькиной взялись за неблагодарный труд. В широко растиражированной в прессе и интернете работе они объясняют российским читателям и египтянам, как хорошо жилось при свергнутом президенте: “...Режим Мубарака предпринял героические усилия по сохранению цены на хлеб... Египет принадлежал скорее к группе наиболее благополучных стран Третьего мира” (Коротаев А. В., Зинькина Ю. В. Египетская революция 2011 г.: структурно-демографический анализ. – Polit.ru/article/2011/03/04/egyrev).

Статья обильно проиллюстрирована таблицами со статистикой, где Египет поставлен в ряд с благополучными европейскими странами. Цифры впечатляют. Признаюсь, я не без досады подумал: чего же они бунтуют с такими-то показателями! Именно на этот эффект авторы скорее всего и рассчитывали.

Они не учли одного: теперь у каждого под рукой интернет, где можно уточнить любые сведения. Им я и воспользовался. Есть такое понятие – подушевой доход. Это средства, которые приходится на каждого жителя. Разумеется, среднестатистического. Тем не менее, этот показатель точнее всего характеризует уровень благополучия населения страны.

По данным Всемирного банка, подушевой доход в Египте – 2,6 тыс. долл. в год. В арабском мире ниже он только в Йемене – 1 тыс. Во всех остальных странах он выше, зачастую значительно. Я даже не беру нефтяные эмираты: планка Катара – 80 тыс. долл. всё равно недостижима. Выше доход только в Норвегии. Но и в скромном Ливане он – 9,1 тыс. долл. (russian.doingbusiness.org.data/exploreconomies/economycharacteristics/?sortColumn=name&SortDirection=as). К слову, показатель России – 10,4 тыс. долл. Но и это в четыре раза больше, чем в Египте. Можете представить, что там у них за жизнь!

Чтобы картина получилась выразительней, приведу свидетельство Вазля Гонима: “30 миллионов египтян страдают от депрессии, в том числе 1,5 миллиона – от острой депрессии. В 2009 году было более 100 тысяч попыток самоубийств, которые привели к смерти 5 тысяч человек. В Египте 48 миллионов бедняков, в том числе 2,5 миллиона живущих в крайней бедности. У 12 миллионов египтян нет крыши над головой, в том числе у 1,5 миллиона, проживающих на кладбищах. Укоренившаяся коррупция привела к возникновению системы взяточничества объёмом 39 миллиардов фунтов в год... Из египетской молодёжи не имеют работы более 3,5 миллиона человек: уровень безработицы среди молодёжи перешагнул 30%” (Гоним Вазль. Революция 2.0).

Скажут: это слово против слова. Но, во-первых, как мы убедились, слово Гонима более основательно подкреплено статистикой. Во-вторых, что куда важнее – оно подкреплено волей миллионов египтян. Жилось бы им так, как изображают Коротаев и Зинькина, они бы не свергли Мубарака. Статья производит странное впечатление. Это попытка обмануть историю! От учёных можно было бы ожидать большей ответственности и объективности.

С объективностью у штатных востоковедов беда. Её не найти даже в малом – рассказе о конкретной человеческой судьбе. Как известно, “арабская весна” началась с трагедии тунисца Мухаммада Буазизи. Выпускник университета, не сумевший устроиться по специальности, он подрабатывал торговлей овощами. В декабре 2010-го полиция конфисковала его передвижной лоток. Женщина-полицейский дала ему пощёчину и плюнула в лицо – смертельное оскорбление для мужчины-мусульманина. Буазизи облил себя бензином и поджёг. 4 января 2011 года он умер в больнице. А 8 января люди вышли на улицы – началась “арабская весна”. Полиция расстреляла демонстрацию, 50 человек погибло. Это лишь разозлило манифестантов. После недельного противостояния президент Бен Али бежал из страны (события изложены по сборнику “Против”. М., 2012).

В интерпретации отечественного арабиста история, прогремевшая на весь мир, приобретает иные черты. Некто Л. Фитуни начинает с очернения мученика. Тот, дескать, вёл “полулегальную торговлю”. Конфликт с полицией также приобретает двусмысленный характер. Практически все, писавшие о нём, отмечают: “Причины этого (конфликта. – А. К.) до сих пор не уста-

новлены” (“Против”...). Но Фитуни известно всё! Торговец якобы хотел дать взятку – полицейские ответили отказом, сопроводив его пощёчиной. Фитуни пытается поставить под сомнение даже гибель несчастного. Точнее, серьёзность его намерений: “Хотел или не хотел того Мухаммад Буазизи... но облил он себя горючей жидкостью так, что врачи той больницы, куда его доставили после самоподжога, довольно долго считали, что его удастся спасти. Скончался он только через три недели...” (Фитуни Л. Л. “Арабская война” в глобальном и региональном измерениях. В кн.: Протестные движения в арабских странах...).

Фитуни мнится, что пострадавший умирал подозрительно долго. Дескать, а точно ли хотел – или просто бил на жалость?

В прежние времена бытовало выражение: “Хочет быть святее папы Римского”. Отзывались так о пустосвятах. И всё-таки желание выделиться благочестием, пусть ложным, можно понять. Но стремление – как бы это поделikatнее выразиться – превзойти отъявленных мерзавцев выше моего понимания. Тунисские власти сами признали свою вину – и покаяться! К Буазизи в больницу приезжал президент Бен Али. Бдительный Фитуни не столь благодушен.

Ждать объективности здесь бессмысленно. Большую часть из написанного и сказанного у нас по поводу “арабской весны” можно охарактеризовать одним словом – пропаганда. Вот почему российское общество, не чуждое, как показывает история, революционных устремлений, встретило “арабскую весну” настороженно, если не прямо враждебно.

Пытаться в одно мгновение изменить тренд, сложившийся в результате двухлетней работы колоссальной пропагандистской машины, – чересчур самонадеянно. И всё же постараюсь достучаться до читателя, дав слово творцам египетской революции.

Им ведь тоже приходилось объясняться со своими. На куда более негативном информационном фоне. При том, что арабам, так же как и русским, свойственны патернализм, боязнь резких изменений в жизни, политическая пассивность. Но революционеры смогли убедить соотечественников и в чистоте своих намерений, и в необходимости действий.

Пожалуй, наиболее развёрнутые попытки объяснить предпринял Ваэль Гоним. Накануне митинга 25 января 2011 года, с которого началась революция в Египте, он опубликовал развёрнутое обращение к согражданам. Документ представляется мне столь важным, что привожу его почти целиком. Не без торжественности подчеркну: книга Гонима вышла на русском небольшом тиражом, так что это будет практически первая публикация манифеста египетской революции в широкой российской печати.

“Чего бы я желал как египтянин? Я хочу спросить каждого из вас, чего желаете вы, потому что уверен: пускай причины наших трудностей одни, сами трудности многообразны.

Лично я хотел бы, чтобы в моей стране у меня было реальное право голоса. Чтобы я выбирал своего представителя в парламенте и главу страны. Мне надоело, что мой голос ничего не значит и, как бы я ни проголосовал и какого бы мнения ни держался, всё будет подтасовано. Я не хочу приходить на избирательный участок, где подонок скажет мне со смешком: “Всё в порядке, мы уже за тебя проголосовали”. Я хочу истинной, а не фиктивной демократии.

Я хотел бы, чтобы мы объединились против коррупции. Я не хочу узнавать, что американское правительство наказало “Мерседес”, потому что компания подкупила правительственных чиновников разных стран, включая Египет, а моё правительство договорилось с США о том, что имя египетского чиновника никому не сообщат. Это почему же? Разве это не народные деньги? Когда обворовывают ваш дом, разве вы не вправе узнать имя вора и проследить, чтобы он вернул украденное и получил должное наказание? <...>

Я хотел бы, чтобы служащие полиции были как в старых фильмах – уважаемыми людьми с чистой совестью, которые, применяя власть, честны перед Аллахом, скромны, но тверды. Уважительно обращаясь с сыном известного предпринимателя, они в то же время не обижают бедных и беспомощных... Я хотел бы, чтобы прокуроры по-настоящему представляли народ и по-настоящему контролировали служащих полиции.

Я хотел бы, чтобы мы перестали пользоваться связями и обходить закон ради выгоды. Я не желаю узнавать о том, что сын главы коллегии адвокатов

назначен районным прокурором, хотя его оценки не выше “удовлетворительно”. Я также не желаю слышать о том, что такой-то купил земельный участок по смехотворной цене лишь потому, что он приятель министра.

Я хотел бы, чтобы взятки стали преступлением, которое никто не потерпит. И чтобы паршивой овцой в обществе стал тот, кто вымогает взятки, а не наоборот. <...>

Я хотел бы, чтобы правительство прекратило обращаться с народом как с детьми, которым можно лгать. Так народ утратил доверие к правительству и порой даже по-настоящему добрые новости встречает с недоверием. <...>

Я хотел бы, чтобы люди обращались друг с другом, не глядя на классовые различия, и прекратили возвеличивать других без меры. Все мы созданы богатыми и бедными, это так, но это не означает, что нельзя обращаться друг с другом как с равными. Хорошо бы нам поучиться у народов других стран, где владелец “мерседеса” равен владельцу “Фиата”. Когда речь заходит о правах человека, у всех равный приоритет и равное уважение. Тех, кого окружающие ценят не по заслугам, поражает высокомерие. <...>

Я хотел бы, чтобы все мы избавились от негативизма и пассивности. Неужели их взрастили в нас нарочно? Интересно, как? Мы стали нацией, отсталой буквально во всём. Мы опережаем другие страны почти во всём плохом. Но отчего? Отчего мы говорим: “Это их страна. Гори она огнём, мне-то что. Я не могу исправить мир”. <...>

Я хотел бы, чтобы мы научились любить друг друга, любить по-настоящему. Я хочу, чтобы мы избавились от беспричинной подозрительности. Поверить не могу, что всякий раз, когда кто-то стремится сделать для своей страны что-нибудь стоящее, он то ли шпион, то ли его финансируют из-за границы, то ли – в лучшем случае – гонится за славой. Почему злоба, ненависть, ожидание худшего побеждают солидарность, верность, ожидания лучшего?

Кстати... я вправе мечтать и следовать за своей мечтой. Мечтать – это и ваше право. И, серьёзно, мы умрём, если перестанем мечтать” (Гоним Вазель. Революция 2.0...).

Поразительно ёмкий и ясно написанный текст. При том, что Гоним не профессиональный литератор.

Кому-то его размышления могут показаться наивными. В последнее время мы все заделались “реалистами”. Размышления о справедливости, честности и – страшно вымолвить – о любви к соотечественникам способны вызвать у многих разве что кривую усмешку: “Во даёт!” Наверное, египтяне, особенно молодёжь, не слишком отличались от нас в “просвещённом скептицизме”.

Но это было до революции. Что нам твердили о ней на институтской скамье? Смена формаций. А это прежде всего обновление жизни. Русским это полагалось бы знать, хотя бы на генетическом уровне. Почитайте великолепную книгу Джона Рида “Десять дней, которые потрясли мир”, – он стал свидетелем русской революции 1917 года. Автор показывает: изменился не только политический строй – другими стали люди. Всё в это оспало с них и едва ли не в первую голову – скепсис и приземлённый реализм.

Не верите Риду, перечитайте Пастернака. Размышления Живаго: “Революция вырвалась... как слишком долго задержанный вдох. Каждый ожил, переродился (разрядка моя. – А. К.). У всех превращения, перевороты. Можно было бы сказать: с каждым случилось по две революции, одна своя, личная, а другая общая”. И тут же гениальная евангельская параллель: “Как во времена апостолов. Помните у Павла? “Говорите языками и пророчествуйте. Молитесь о даре истолкования” (Пастернак Борис. Доктор Живаго. М., 1989).

Вот так и египтяне, прошедшие через Тахрир – “ожили, переродились”. Революция, которую они совершили, не только общая – она и личная! Поэтому они не боятся мечтать, не боятся призывать “любить друг друга”. Они и пуль не боятся!

Я ещё буду говорить о результатах “арабской весны”, анализируя, в том числе, нравственные изменения – людей и общества. Но уже сейчас отмечу: обращение Вазеля Гонима к согражданам свидетельствует о возрастании человека, участвующего в революционном преобразовании мира.

Пожалуй, это главное. В те дни не только Гоним – тысячи и тысячи людей из сочувствующих борьбе за справедливость превратились

в борцов. Преодолели апатию, страх (в тюремных главах “Революции 2.0” борьба со страхом запечатлена живо и откровенно). Обрели решимость, достоинство, ясность мысли.

Мы в России — и оппозиция, и власть — всё считаем, сколько народа вышло на площадь. А стоило бы больше внимания уделять самим людям. Если произойдёт духовное преобразование, то и количество участников акций возрастает многократно, как это было в Египте, Тунисе, Йемене.

Ваэль Гоним приобрёл всемирную известность. Тем любопытнее: как отозвалось его слово в России, как отразилась в отечественной прессе деятельность смельчака?

Поразительно: нравственный аспект, равно как и содержательная часть его выступлений — а их десятки, если не сотни — проигнорированы. О чём говорит любимец Тахрира, как говорит, российский пропаганду не интересуется.

Она выхватывает один биографический факт: Гоним являлся сотрудником американской компании Google. “Ах, американской!” — восклицают наши борцы с “оранжевой угрозой”. Прямо повторяя слова египетских тюремщиков, допрашивавших блогера. Примечательно, что наши авторы безо всякого стеснения ссылаются на сотрудников египетской госбезопасности.

Отставной генерал полиции (фамилию называть не стану) в пространной статье отмечал: “В настоящее время имеются прямые доказательства участия представителей крупнейших IT-структур, связанных с Белым домом, в организации беспорядков в Египте” (“Завтра”, № 9, 2011). И далее ссылка на доклад Ваэля Гонима.

Поучительно проследить за фантастической трансформацией фактов из жизни блогера. Один сотрудник Google превращается в нескончаемых “представителей” — и не конкретной фирмы, а “крупнейших” (опять во множественном числе!) IT-структур. Чувствуете, запахло заговором! И тут же возникает “Белый дом”. Заговор обретает политического заказчика.

Между прочим, Ваэль Гоним, гостивший в Соединённых Штатах осенью 2011 года, вынужден был буквально бежать оттуда после событий 11 сентября: “В последовавшие недели египетскому мусульманину в США приходилось нелегко. Почти физически ощущалось, что в этом злодейском преступлении обвиняют моих братьев-мусульман и меня лично” (Гоним Ваэль. Ук. соч.) Вот вам и тайный посланец Белого дома.

Самое главное: генерал начисто игнорирует причины, побудившие благополучного блогера заняться опасной политикой. В его схеме личные мотивы и не нужны. Получил задание — выполняй: “организуй беспорядки”.

А ведь Гоним обстоятельно рассказывает о том, почему он создал оппозиционный сайт. Летом 2010 года (блогер указывает точную дату — 8 июня — настолько ему запомнился тот день) он увидел в интернете фотографию молодого египтянина, забитого полицейскими. Лицо погибшего было обезображено. Его звали Халед Саид. “Первая мысль — не может быть. В подобную жестокость просто не верилось, — вспоминает Ваэль Гоним. — Я не мог просто сидеть и смотреть на такую тяжкую несправедливость. И решил, что приложу все свои умения и опыт, чтобы потребовать справедливости для Халеда Саида и представить его историю на активное обсуждение общества. Пришла пора разоблачить грязные методы Министерства внутренних дел” (там же).

Так родился сайт “Куллена Халед Саид” — “Каждый из нас Халед Саид”. Первоначально Гоним публиковал на нём отчёты о ходе следствия. Затем призывы собраться в память о мученике. Постепенно сайт превратился в “коллективного агитатора и пропагандиста”. Число просмотров стремительно росло — 100, 200, 300 тысяч. В дни восстания сайт посещали 2 миллиона человек!

На одном из митингов к Ваэлю Гониму подошла мать Халеда Саида: “Она крепко обняла меня и заплакала: — Мой сын не умер. Ты — мой сын Халед” (там же).

Такую “легенду” не выдумать тайному агенту. Это — жизнь во всём волнующем и неотразимо убедительном драматизме.

Понятно, труженикам пропаганды глубоко безразличен и сам Гоним, и люди его окружавшие, и те два миллиона пользователей, которые заходили на его сайт. Надо же, сколько “агентов” у Белого дома!

Нашему агитпропу Ваэль Гоним понадобился, как известная фигура, чтобы проиллюстрировать заветную мысль об “иностранном заговоре”. А дальше конспирологическая версия обретала собственную жизнь.

В генеральской статье сообщается о “тайном докладе”, написанном по заказу Обамы. Автор цитирует “Нью-Йорк таймс”: “Президент Обама в августе прошлого года (2010. – А. К.) поручил советникам написать секретный доклад о нестабильности в арабском мире, и те пришли к заключению, что, в отсутствие всеобъемлющих политических изменений, страны от Бахрейна до Йемена готовы к народному бунту” (“Завтра”, № 9, 2011).

Прошу вчитаться в процитированный текст. За исключением упоминания о “секретном” характере доклада, речь идёт о рутинной аналитической работе. Ближний Восток – ключевой регион мира – как же его не мониторить! Секретность тоже вполне объяснима: результаты исследования могли вызвать недовольство местных режимов – союзников Соединённых Штатов.

Как явствует из материала в “Нью-Йорк таймс”, американские аналитики пронизательно указали на угрозу народного бунта. Я специально выделяю это слово, ибо оно отсылает прямоком к сути дела. Не заокеанские советники готовили бунт, а народы готовились к бунту. Почему? Об этом скажет сам автор-генерал: коррупция, инфляция – и далее весь список.

Однако, отметив объективные предпосылки “арабской весны” – в тексте прямо сказано об “объективных обстоятельствах”, – автор делает поразительный кульбит, позволяющий встроить информацию в версию “иностранного заговора”: “А теперь главный вопрос, – на манер шоуменов возглашает генерал, – зачем потребовалось Обаме и его команде это восстание на Большом Ближнем Востоке?” (“Завтра”, № 9, 2011).

Я уделяю такое внимание статье, потому что это один из первых развёрнутых откликов на “арабскую весну”. По сути установочный. Здесь видна ещё не затёртая схема манипуляции: конкретная информация перемешивается с идеологическими клише и откровенным вымыслом. Так формируется фальсифицированная версия, напрочь заслоняющая реальные события.

Особенно ценно то, что генерал не без простодушия выдаёт причины, заставляющие заниматься фальсификацией. Он указывает на схожесть ситуации в арабских странах и в России: “Уровень коррупции в России ничем не ниже египетского; социальное неравенство и социальный разрыв даже выше (в Египте – один к пяти, а у нас официально – один к шестнадцати); рост ВВП ниже египетского, а инфляция – выше... Нас... подталкивают к выводу: революция в России имеет большие шансы” (там же).

В последнем автор лукавит. У него получается, будто какие-то “внешние силы” (опять заговор?) подталкивают нас к мысли о революции. На самом деле к ней подталкивают перечисленные в статье факты.

Руководствуясь нормальной логикой, следовало бы сделать вывод: необходимо срочно ускорить рост российского ВВП, снизить инфляцию, провести реформы, которые выбьют почву из-под ног революционеров. Но для этого нужно много и напряжённо работать. А кто же, пусть и в генеральском чине, осмелится дать такой совет руководству страны? Проще обвинить в “заговоре” американцев.

Неудивительно – версия оказалась востребована на самом вершине. “Они поменяли режимы в Северной Африке”, – высказался В. Путин (цит. по: “Новости-24”, РЕН ТВ, 25.02.2012).

Ну, а раз первый сказал...

И вот мы читаем уже не в “Завтра”, а в “Литературной газете” – рупоре интеллигенции: “Американцы... сознательно расчленяют арабские государства, превращая их в анклавные воюющих между собой полевых командиров, попутно демонизируя образ радикального ислама и всего арабского мира. Кроме того, добиваются массового бегства арабов в Европу, чтобы до крайности осложнить миграционную обстановку в Евросоюзе, являющемся геостратегическим соперником США. А ведь можно ещё и заполнить право вмешиваться в дела арабских стран на том основании, что они – рассадники терроризма” (“Литературная газета”, № 38, 2011).

Ну разумеется, если “осложнить”, то непременно “до крайности”, и — обязательно “расчлениать”. Таков стиль! Хотя, если вдуматься, — какую арабскую страну американцы “расчленили”? Полновластными хозяевами они были только в Ираке. Он сохранил единство. Правда, курды укрепили свою автономию, но её предоставил им ещё Саддам Хусейн.

В том-то и особенность стиля наших конспирологов, что вдумчивого чтения он не предполагает. Вникните в этот скачущий поток синтаксических конструкций: “кроме того”, “попутно”, “а ведь можно ещё...”. Анализ здесь противополоказан.

Не убеждён, что искатели заговоров сами верят в свои теории. И горячо надеюсь, что не верят в них руководители страны! Одно дело — морочить головы легковверным согражданам, другое — попасться на крючок собственной пропаганды...

Но есть миллионы одуроченных простецов. Специально для них я рассматриваю вопрос: насколько в принципе реальна версия “западного заговора” на Ближнем Востоке? И отвечает ли “секретная операция” в регионе интересам Соединённых Штатов и их союзников?

Допустим, вашингтонские социотехнологи могут предаваться всевозможным фантазиям. Но никто (и прежде всего собственное начальство) не позволит им игнорировать фактор, предельно ограничивающий возможности предпринимать резкие движения в политической и военной сфере. У этого фактора есть имя — Израиль.

Конечно, где Америка и где Израиль! Единственная сверхдержава и крошечное образование, которое не на всякой политической карте можно разглядеть. Но особенность ситуации в том, что Израиль прочно обосновался в самих Соединённых Штатах. Я имею в виду еврейское лобби. Чтобы читатели в полной мере осознали степень его влияния на вашингтонское руководство, советую им ознакомиться с содержательной книгой Дэвида Дюка “Еврейский вопрос глазами американца” (пер. с англ.: М., 2001). Особенно любопытна глава “Влияние евреев в политике”. Тот, кто захочет глубже разобраться в вопросе, найдёт в книге Дюка обширную библиографию.

Сошлюсь и на собственные наблюдения. Вот характерная подробность, подмеченная мной в ходе пресс-конференции Барака Обамы 6 марта 2012 года. Прямую трансляцию вёл телеканал “Евроньюс”. Выступление президента перед журналистами в выборном году было посвящено внутренним проблемам. Но первый же вопрос сломал сценарий. Обаму попросили сказать, будет ли он помогать Израилю нанести удар по Ирану. Обама ответил, что в таком случае ему придётся послать на смерть американских юношей и девушек. И он должен будет объяснить стране, зачем это делает. Сейчас такой необходимости нет — закончил президент. Тут же второй вопрос: так Вы не поддерживаете Израиль? Обама растолковывает: поддерживаю, но у Америки есть и свои интересы. И вновь писаки не дают ему сменить тему. Следуют третий, четвёртый вопросы — все по поводу Израиля.

Судите сами: может ли американское руководство предпринять резкие шаги, осложняющие положение еврейского государства?

Между тем, арабские революции мало того, что осложнили это положение — они поставили под вопрос само существование Израиля.

Едва ли не первая резолюция египетского парламента, избранного после свержения Мубарака, потребовала выдворить из Каира посла Израиля — цитирую — “в знак протеста против развязанной агрессии против сектора Газа и вернуться к глобальной блокаде Израиля” (“МК”, 14.03.2012).

Высший совет вооружённых сил, который в течение года правил страной после Мубарака, распустил парламент. Формальным поводом стали нарушения на выборах. Но разве остановить народную стихию, которая уже почувствовала свою силу?

Египтяне избрали президентом кандидата “Братьев-мусульман” Мохаммеда Мурси и в ходе новой волны протестов заставили военное руководство передать ему полноту власти.

Тем поучительней ознакомиться с высказываниями Мурси по еврейскому вопросу. Только что в сети обнаружился ролик с его выступлением 2010 года. “Сионистам не место на Ближнем Востоке, — провозгласил будущий президент, — их надо изгнать “с арабских и мусульманских

земель”, а также “изо всех мусульманских стран”. Мурси особо остановился на проблеме Палестины. С его точки зрения, “сионистскому образованию не должно быть места на палестинской земле” (lenta.ru/news/2013/01/06/kindguy).

Не случайно Израиль яростно противился “арабской весне” и однозначно высказался в поддержку Мубарака. “Активную агитацию в пользу Хосни Мубарака ведёт Израиль, для которого падение режима грозит серьёзными потрясениями”, — сообщил хорошо информированный “Коммерсантъ” и указывал: “Как отмечают израильские эксперты, учитывая антизападные и антиизраильские настроения, царящие в египетском обществе, на волне революции к власти в Каире могут прийти радикальные силы. После этого Египет, который в 1979 году первыми из арабских стран подписал мирный договор с Израилем (разрядка моя. — А. К.), может сблизиться с палестинскими экстремистами в секторе Газа и начать милитаризацию Синайского полуострова” (“Коммерсантъ”, 01.02.2011).

Как в воду глядели! Мурси, в отличие от Мубарака, активно поддерживает “Хамас”. И уже предпринял попытки вернуть на Синай египетские войска, выведенные оттуда в соответствии с мирным договором.

Соглашательская политика по отношению к Израилю стала одной из важнейших причин, поднявших египтян на борьбу с режимом. Не случайно демонстранты на площади Тахрир рисовали на портретах Мубарака шестиконечные звёзды!

К слову, так же, как и ливийские повстанцы на портретах Каддафи. “Портреты Каддафи изрисованы шестиконечными звёздами, — утверждал корреспондент “МК”, — восставшие называют его мариотенкой сионистов и Запада” (“МК”, 03.03.2011). Источник не заслуживает доверия? Тогда прислушайтесь к свидетельству Гейдара Джемалея, постоянного автора газеты “Завтра” и ведущего специалиста по Ближнему Востоку. Он уверял, что во время гражданской войны в Ливии частная израильская компания, возглавляемая израильским генералом, вербовала наёмников для Каддафи (“Диалог”. РБК, 14.03.2011).

Новые правительства в странах “арабской весны” гораздо жёстче относятся к Израилю, чем их предшественники. В то же время они идут на сближение с Ираном, в котором Мубарак и другие раисы видели своего главного соперника. Почин опять-таки за Египтом. В августе 2012 года президент Мурси прибыл в Тегеран для участия во встрече Движения неприсоединения. Это первая поездка египетского лидера в Иран после 1979 года, когда аятолла Хомейни разорвал дипломатические отношения с Египтом, осуждая подписание мирного договора с Израилем.

Арабские революции нанесли серьёзный удар по политике еврейского государства, стремившегося упрочить свои позиции за счёт сговора с коррумпированными и антинародными арабскими режимами. В Тель-Авиве вынуждены были признать: “Появился новый актер, который израильское руководство никогда прежде не принимало в расчёт, — арабский народ, арабские массы” (Васильев А. М. Указ. соч.).

Беседуя с востоковедами, я задаю вопрос: зачем американцам понадобилось свергать своих союзников в арабских столицах, рискуя навлечь на себя гнев Израиля и еврейского лобби в Вашингтоне? Мне не могут ответить!

Осторожные учёные молчат. Но генерал, на чьё мнение я ссылался, высказался и по этому поводу. Он выдвигает ещё одну конспирологическую версию (вступив в политическое “закулисье”, трудно остановиться!): дескать, Обама хочет “задружить” с мировым исламом и “кинуть” Израиль. Концепция, восходящая к любителю конспирологических изысканий С. Кургияну, обозначившего её, когда Обама баллотировался на первый срок.

И то сказать, Америке было бы крайне важно установить более тесные отношения с исламским миром. Это и полтора миллиарда жителей, и бескрайние, стратегически важные территории, и богатейшие энергетические ресурсы. Но препятствие всё то же — Израиль. И палестинская проблема, по которой еврейское государство занимает непримиримую позицию.

Как раз в разгар “арабской весны” Обама решил высказаться на сей счёт. Он призвал Израиль вернуться к границам 1967 года (между прочим, это официальное требование ООН). Президент обосновал своё предложение, указав на три опасности для Израиля: “Во-первых, чис-

ленность палестинцев, проживающих на Западном берегу реки Иордан, быстро растёт, что основательно меняет демографическую картину как в Израиле, так и на палестинских территориях... Во-вторых, вследствие развития технологий Израилю будет сложнее защищать себя в отсутствии мира. В-третьих, новое поколение арабов перекраивает регион. Продолжительный мир уже не может быть достигнут лишь с одним или двумя арабскими лидерами (разрядка моя. – А. К.). Миллионы арабов должны увидеть, что мир возможен” (news-ru.com/world/22may2011/obama_print.html).

Тезис – долговременный мир невозможно заключить за спиной миллионов, свидетельствует о том, что Обама учёл уроки “арабской весны”. Конечно, от этого далеко до коварной дестабилизации региона, но связь с революционными реалиями налицо.

Тем показательнее реакция еврейского государства. Премьер Нетаньяху “категорически отверг” предложение Обамы – сразу же по окончании его выступления (lenta.ru/news/2011/05/20/borders.Printed.htm). Более того, он прибыл в Вашингтон и выступил с разгромной речью не где-нибудь, в американском Конгрессе. И конгрессмены, вместо того чтобы поддержать своего президента, восторженно приветствовали израильского премьера. Журналисты подчитали, что речь Нетаньяху прерывали овациями 29 раз (Тополь Эдуард. Спасите Израиль! – “МК”, 09.07.2011).

Обаме ничего не оставалось делать, как дезавуировать собственный план!

Страшно подумать, какая судьба ждала бы американского президента, решишь он на закулисную игру, противоречащую интересам Израиля. Достаточно вспомнить позорный конец блистательной карьеры Ричарда Никсона. Даже масштабная помощь, оказанная им Израилю в войне 1973 года, не стала индульгенцией для “президента-антисемита”. Американский руководитель, позволивший себе, пусть даже в приватной беседе со своим советником, заявить: “У евреев отвратительный, агрессивный, грубый характер, поскольку они страдают от комплекса неполноценности” (maof.rjews.net/actual/13-2009-07) был с позором изгнан из Белого дома.

Учитывая все эти подспудные соображения, а заодно и геополитический расклад, Америке меньше всего нужны были арабские революции.

Кстати, взглянув на ситуацию в контексте новой Большой Игры, зададимся вопросом – так ли уж независима и патриотична была позиция Кремля? Изо всех сил противодействуя восставшим народам, Россия поссорилась со всем арабским миром. Туманные намёки на то, что нашу позицию поддерживают некие “альтернативные силы” в странах Северной Африки, не более чем попытка сохранить хорошую мину при плохой игре. Реальное положение, прямо скажу, трагично. Духовный лидер исламских богословов – шейх Юсуф аль-Кардави провозгласил: “Россия стала врагом номер один для ислама и мусульман... Арабский и мусульманский мир должен встать против России. Мы должны бойкотировать её. Мы должны зачислить её в наши главные враги” (“НГ-религии”, 05.12.2012).

Стойкое противоборство России с революционной волной в арабских странах на руку только одному игроку. Израилю.

Патриарх российских востоковедов – академик Е. Примаков без колебаний отвергает версию “американского заговора”. “Я думаю, что можно отрицать полностью фактор провокации извне... Это социальный взрыв – надо относиться к этому так, как есть на самом деле, это чисто социальное явление” (newsru.com/kussia/22feb2011/primus_print.html).

Разумеется, сказанное не означает, что Соединённые Штаты не продвигали своё влияние в арабских странах – до, во время и после революций. Так поступают все державы. А сверхдержава активничает больше других. Основным каналом влияния были прямые связи с режимами. Мубарак, Бен Али, Салех не по разу бывали в Соединённых Штатах, имели широкие контакты в американском истеблишменте. Ещё одна прямая линия – сотрудничество с армейской верхушкой. Американские вояки активно взаимодействовали с йеменской армией в войне против исламистов. Египетские вооружённые силы получали ежегодную помощь от Вашингтона

в размере 1,3 млрд долл. И лишь вторым-третьим планом осуществлялось сотрудничество по линии демократических партий и пресловутых НКО.

Последних при Мубараке не любили так же, как сегодня в РФ. После падения диктатора Высший совет вооружённых сил продолжил линию на вытеснение НКО из Египта. 43 сотрудникам, в том числе 19 американцам, были предъявлены обвинения в том, что они занимались “чисто политической деятельностью, не имеющей отношения к гражданскому обществу” (“Независимая газета”, 10.02.2012). На что один из американцев – сотрудник Национального демократического института заявил: “Часть наших обязательств... заключалась в том, что мы обучали всех, от исламистов... националистов, либералов, социалистов и сторонников свергнутого президента Мубарака” (“Независимая газета”, 07.06.2012).

Не поручусь за искренность американца. В любом случае заокеанская помощь НКО ни в какое сравнение не идёт с помощью египетскому правительству. Наши востоковеды подсчитали, какие суммы передавал некоммерческим организациям Египта Национальный фонд демократизации. За два года чуть больше 3 миллионов долларов. Средний размер грантов – 20–50 тыс. долл. (Фитуни Л. “Арабская весна” в глобальном и региональном измерениях. В кн.: Протестные движения в арабских странах...).

Вездесущий Wikileaks в ходе столкновений на Тахрире выдал информацию: “За революцией в Египте стоит Вашингтон”. О чём речь? О поездке в США некоего диссидента, который с помощью американского посольства побывал на съезде “Альянса молодёжных движений”. В рамках форума он встретился с второстепенными чиновниками американской администрации, которые “интересовались планами демократических перемен в Египте”. Оппозиционер обозвал их “пособниками преступлений Мубарака”. В свою очередь американцы сочли “нереалистичным” представленный им план смены режима. По возвращении в Египет диссидента арестовали (newsru.com/world/31jun2011/US_mubarak.html).

И эту клоунату пытаются представить как задокументированный факт “вмешательства Вашингтона”?

По-настоящему взяться за ум американцев заставила угроза падения правительств. Прежде всего Мубарака. Нужно было срочно найти приемлемую замену и тем самым минимизировать ущерб. Об этом откровенно сказал Е. Примаков: “...Началась небывалая активность – президент Обама несколько раз разговаривал с президентом – когда он ещё был президентом – Мубараком, была постоянная связь с генералом Сулейманом. Всё это было моментально активизировано, и даже бывшие дипломаты, которые имели хорошие связи в Каире, сразу вылетели в помощь посольству”.

Наверняка в те дни в Каире можно было встретить немало известных лиц не только из Вашингтона, но из Москвы, Анкары, Тель-Авива, Пекина, Парижа, Лондона. И наверняка круг их контактов не ограничивался представителями власти. Те же американцы могли рассчитывать не только на генерала-разведчика Сулеймана, с дальним прицелом занявшего пост вице-президента, и не только на министра обороны фельдмаршала Тантауи, но и на ряд оппозиционеров, слывших “прозападными” – прежде всего на Амр Мусу, бывшего генерального секретаря Лиги арабских стран, и аль-Барадеи, бывшего главу Международного агентства по атомной энергии. С этими фигурами работу, скорее всего, вели по-настоящему. Молодые блогеры типа Ваэля Гонима “отдыхали”.

Но, как выяснилось вскоре, договариваться нужно было не с престарелыми “бывшими”, а с разгневанной молодёжью. Именно она не позволила Сулейману перенять власть у обречённого Мубарака. Она же не дала засидеться на освободившемся троне фельдмаршалу Тантауи. Народ не поддержал и прозападных политиков.

Выяснилось: ни поддержка полиции и армии внутри страны, ни помощь ведущих мировых держав не могут гарантировать беспрепятственного пребывания на вершине власти. “Бог дунул – и они рассеялись”, – как говаривали во время оно. В данном случае вершителями истории выступили народные массы.

Попытки принизить, а то и вовсе игнорировать их роль (что наблюдаем в России): 1) несправедливы, 2) недалёковидны и 3) опасны.

Опасны потому, что дезориентируют не только массы, которые пытаются отвлечь от участия в историческом процессе, но и тех, кто манипулирует ими. Чтобы сохранить в руках бразды правления, власть имущие должны иметь перед глазами реальную картину происходящего, а не конспирологическую страшилку.

Есть такое политологическое понятие – “конспирология слабых”. Это именно то, что навязывают нам. “Тайное” знание и зрение, которые выдают за высшую мудрость, на самом деле чудовищно искажают реальность. Бессовестно принижают роль народов и безмерно преувеличивают значение “избранных” – идёт ли речь о так называемых “элитах” государств или о самих государствах, прежде всего сверхдержаве.

Конспирологи возопят: да мы же разоблачаем Америку!

Но если вдуматься, “разоблачители” наделяют Соединённые Штаты такой силой, которой у них нет! Гигант, манипулирующий миллионами людей на всех континентах. Свергающий и возводящий на трон десятки правителей – революции вышли далеко за пределы арабского мира. Да это же не о б о р и м ы й д е м и у р г! Если додумывать до конца – сопротивляться ему бесполезно. Не случайно не раз поминавшийся мною генерал в панике восклицает: “Получается, что ситуацию можно “раскачать” в любой момент, на любой территории, по любому поводу” (“Завтра”, № 9, 2011).

Преувеличивая силу соперника, наши борцы с “закулисой” готовы едва ли не капитулировать перед ней. Или так закрутить гайки, что не только революция – любое развитие станет невозможным.

И то и другое американцам выгодно. Ибо обрекает Россию на бесплодие, застой, гибель.

Полюбившаяся многим конспирология предельно сужает угол обзора. Перегружает информацией ненужной, зачастую вздорной, лишая той, что действительно необходима. Да как вы не понимаете – нам нужен открытый, всеохватный взгляд на события. Тогда мы получим панорамную картину происходящего. А то так и просидим всю жизнь в берлоге, замирая от мнимо й опасности.

Революции в арабском мире – не триумф, а провал американской разведки и политики Вашингтона в целом. Резко ухудшилось не только положение Израиля, подорвано влияние Соединённых Штатов в регионе. Дружественные режимы пали. Армейское руководство, тесно связанное с Пентагоном, отсечено от политики. К власти пришли несговорчивые исламисты, которые по поводу и без повода обличают Америку. Характерный заголовок в газете – “Президент-исламист (Мурси. – А. К.) указал США на ошибки” (“Независимая газета”, 24.09.2012).

Но главное – против Америки арабская улица. Ненависть выплёскивается при первой же возможности. Очередным поводом стал провокационный фильм “Невинность мусульман”. В Каире, Тунисе, Сане (Йемен) толпы разгневанных мусульман штурмовали американские посольства. В Каире они сожгли американский флаг и подняли чёрный, считающийся символом “Аль-Каиды”. В Сане погромщикам удалось проникнуть на территорию посольства. Они подожгли несколько автомобилей и принялись бить стёкла в зданиях (“Независимая газета”, 14.09.2012). При штурме американского представительства в Бенгази (Ливия) разъярённая толпа растерзала посла США.

Заметьте, всё это страны победившей “арабской весны”. Что даёт недвусмысленное представление о направленности революционного процесса.

Выразительный итог двух лет потрясений на Ближнем Востоке подвёл бывший английский разведчик Алистер Крук в интервью телекомпании Russia Today. Он с горечью отметил, что многим “показалось”, будто события развиваются по “западному пути”. Тогда как на деле “они были направлены против политики неолиберализма и поддержки США и Израиля” (RT, 25.09.2012).

О провале политики Вашингтона размышляет и американский специалист по Ближнему Востоку Аарон Дэвид Миллер в статье, опубликованной в “Лос-Анджелес таймс” (14.11.2011). Характеризуя отношение

арабов к Соединённым Штатам, он пишет: “Почти никто не хочет поддерживать американскую политику, ставшую столь непопулярной во всём регионе”. Миллер констатирует: “Позиции Америки слабее, чем когда бы то ни было”. С нескрываемой неприязнью он замечает: “Что касается арабов... они становятся хозяевами своей судьбы (разрядка моя. – А. К.) и получают наконец возможность решать, как им устраивать свою жизнь. Но для Америки этот опыт может оказаться не таким счастливым”.

Эх, конспирологи! Ничегошеньки-то вы не знаете. Всё норовите заглянуть за кулисы, а того, что перед глазами, разглядеть не можете! Поверить вам, так Соединённые Штаты оказались в шаге от мирового господства. Тогда как они потерпели позорное фиаско.

Под угрозой не только политические, но и экономические интересы Запада. Прежде всего бесперебойное снабжение энергоносителями. В России популярна версия (опять конспирология!), будто американцы дестабилизируют арабские страны для того, чтобы обеспечить себе полный контроль за добычей нефти и газа. Но когда волнения перекинулись на Кувейт, Бахрейн, Восточную провинцию Саудовской Аравии – центр местной нефтедобычи, – стало ясно, что колоссальные риски превышают возможные выгоды.

Это при условии, что конспирологи правильно “расшифровали” намерения США. Однако реальность заставляет усомниться в выдвинутой версии.

Казалось бы, где и ждать появления американских компаний, как не в “покорённой” (или “освобождённой” – как кому нравится) Ливии. Я внимательно следил, какие контракты заключит новое правительство в Триполи. А оно от каз а л о с ь от подписания новых договоров (vesti.ru/doc.html?id=566132). В страну вернулись фирмы, работавшие при Каддафи – американская *Copoco Phillips*, британская *BP*, итальянская *Eni* и... российские “Газпром-нефть” и “Татнефть” (vestifinance.ru/articles/21402). То ли у американцев случился “облом”, то ли – “не очень-то и хотелось”.

Не слышком продвинули американцы интересы своих нефтедобытчиков и в Ираке. Вот данные о контрактах, заключённых местным министерством нефти в 2009–10 годах, которые составители “Википедии” охарактеризовали как “одну из крупнейших распродаж нефтяных месторождений” (ru.wikipedia.org/wiki. Статья “Экономика Ирака”). В списке победителей 2 компании США (*Exxon* и *Occidental*), 2 из Великобритании (*BP* и *Shell*), 2 из России (*Лукойл* и *Газпром*) и по одной из Малайзии (*Petronas*), Китая (*CNPS*), Франции (*Total*), Италии (*Eni*), Норвегии (*Statoil*), Кореи (*Kogas*), Турции (*TPAO*). Как видим, нет и следа американского доминирования.

И это в стране, где недавно стояли бравые джи-ай! Ирак готов возобновить сотрудничество с Россией не только в нефтяной области, но и в военной. В ходе визита в Москву премьер Нури аль-Малики договорился о закупке ракетно-пушечных комплексов “Панцирь-С1Э”, боевых вертолётов Ми-28НЭ и другой техники. Всего на сумму 4,2 млрд долл. (“Независимая газета”, 11.10.2012).

Правда, после возвращения премьера в Багдад военный контракт был поставлен под сомнение – якобы из-за “коррупционной составляющей”. Скорее всего, это происки американцев, для которых инициатива их союзника в Багдаде стала неприятным сюрпризом.

Аль-Малики всё чаще демонстрирует самостоятельность. При нём Багдад наладил сотрудничество с Тегераном – злейшим врагом Израиля и Соединённых Штатов. Он распорядился беспрепятственно пропускать иранские транспортные самолёты в Сирию. Не будь этой помощи, режим Асада давно бы пал. Эксперты подчёркивают: иракский премьер “всё чаще ведёт себя не как союзник, а как непредсказуемый авторитарный лидер, не желающий считаться с Вашингтоном” (“Коммерсантъ”, 01.04.2012).

Скорее всего, конфуз ждёт Соединённые Штаты и в Кабуле. “...Уход Афганистана из орбиты американской политики становится практически неизбежным”, – предупреждают наблюдатели (“Коммерсантъ”, 01.11.2011).

Разумеется, дело не в “непредсказуемости авторитарных лидеров”, как интерпретируют смену курса авторы, благоволящие Вашингтону. Аль-Малики и Корзай вынуждены считаться с политикой своих сосе-

дей – Ирана и Пакистана, а главное, с настроением своих народов. Это и заставляет их отдаляться от Соединённых Штатов.

Если Вашингтон не в силах контролировать оккупированные страны, то как он может диктовать курс Египту, Тунису, Йемену, Ливии, где нет американских войск и где политики в той или иной мере зависят от своих народов. Соединённые Штаты смирились с очевидным. Не то чтобы они стали менее агрессивными. Но пришло осознание предела своих возможностей. Сегодня в Вашингтоне популярен лозунг: “США не могут всё делать за всех” (Васильев А. М. Ук. соч.). Пора бы и нашим политикам осознать эту реальность.

Откуда же странная слепота? Казалось бы, кому как не россиянам, взявшимся вновь оппонировать дяде Сэму, зорко выцеливать его просчёты и использовать в своих интересах? А тут – историческое фиаско Вашингтона, а Москва продолжает делать вид, будто верит в хитроумие американцев.

Риску предположить: российский официоз не спешит зафиксировать поражение Соединённых Штатов потому, что победитель ещё более антипатичен нашей элите, чем администрация Обамы. Это – арабская улица. И – шире – восставший народ. Политики, политологи, конспирологи боятся народных масс и с недоверием, неприязнью, негодованием встречают их победу.

Аналитики верно подметили особенность ближневосточных революций: “...В странах, где уже пали или зашатались режимы, власти относились к народу с презрением” (“Независимая газета”, 22.02.2011).

Вспомните Мубарака. В последние годы его тридцатилетнего правления в нём не осталось почти ничего живого. Глаза – и так восточные, траурные – были мертвы. Но в надменной посадке массивной головы, в хищном её повороте, в профиле, напоминавшем профиль грифа, теплилась искра жизни. Импульс презрения и неприязни, пронизывавший каждого, кто видел президента.

Египтяне “не доросли до демократии”, – заявил в ходе волнений мубаракковский премьер Ахмед Назиф (“МК”, 19.04.2011). Таким было мнение всей политической верхушки Египта.

А разве по-другому думает российская элита? Конечно, у нас высказываются поделикатнее: Европа всё ж! Но суть та же: “Настоящая демократия не создаётся одномоментно... Необходимо, чтобы общество было готово к использованию демократических механизмов”, – из предвыборной статьи В. Путина “Демократия и качество государства” (“Коммерсантъ”, 06.02.29012).

Египетский народ преподнёс неприятный сюрприз не только собственным раисам – всем властителям, полагающим, что подданные до демократии “не доросли” и никак не обучатся пользоваться её “механизмами”.

Российская элита – как до неё египетская, тунисская и т. д. – предпочитает списывать успехи арабских революций на “козни американцев”. Лишь бы не признавать силу и созидательные способности народов, поднявшихся на борьбу.

Каких только определений не придумали, чтобы охарактеризовать “арабскую весну”. “Заговор”, “смута”. Заговорили о “Twitter-революции”, пытаясь сосредоточить внимание на технической стороне дела. Восставшие, действительно, общались между собой в основном через Twitter и Facebook. Но, когда власти отключили интернет, общение переместилось в мечети. Важны не сами по себе каналы связи, а тот настрой, который с их помощью выражали “несогласные”.

Австралийский эксперт по информационным технологиям Эндрю Тэттерсолл справедливо отверг термин “Twitter-революция” как некорректный, предложив куда более ёмкую характеристику – “революция людей” (цит. по: Исаев Л. М., Шишкина А. Р. Египетская смута XXI века. М., 2011).

Это самое важное – против Мубарака выступили миллионы людей. Они представляли все слои общества. Ваэль Гоним свидетельствует: “Египтяне, принявшие участие в Jan28 (грандиозной демонстрации 28 января. – А. К.), были разных классов, полов, возрастов, с разным образованием. Люди постарше шли бок о бок с подростками и студентами и вместе скандировали: “Народ хочет свергнуть режим!” Деспотический режим душил их тридцать лет, и они были готовы наконец дать отпор” (Гоним Ваэль. Ук. соч.).

Что стояло за внезапно обретённой готовностью? Арабисты скажут: египтяне – в отличие от ливийцев или иракцев – народ спокойный. Вся их культура – песни, пословицы, богословские трактаты – говорит о терпении, возводя его в норму поведения (см. исследование великолепного знатока местной культуры А. Васильева “Египет и египтяне”. Изд. 3-е. М., 2008).

Нужен был радикальный внутренний переворот, чтобы привыкшие к долготерпению люди толпами повалили на площадь.

Я уже обозначил подступы к разговору об этом явлении, сказав о “личной революции” в душе человека.

Пришло время более обстоятельно изучить произошедшую трансформацию. Иначе мы рискуем ничего не понять в египетских событиях. И в тех глобальных переменях, которые они, по моему убеждению, предвещают. Не забудем, что глава называется “Будущее рождается на площадях”.

Итак, какой он – человек будущего, явившийся на Тахрире? Прежде всего он преодолел страх. Тридцать лет в Египте действовал режим чрезвычайного положения. Он давал фактически безграничные полномочия полиции и госбезопасности. Люди боялись собираться группами – не то что выходить на демонстрации протеста. Активисты политических партий, чью деятельность периодически запрещали, в большинстве прошли через тюрьмы. И когда в январе 2011-го начались волнения, они не спешили подставиться под удар. Место на площади заняли молодые блогеры, сетевые хомячки, не нюхавшие настоящей борьбы. Но когда 25 января на Тахрире полиция начала стрелять резиновыми пулями, поливать их из водомётов и травить газом, они не разбежались. Столкновения продолжались несколько часов!

Ваэль Гоним пишет: “Египетская революция показала нам, что огромные массы людей, которые обычно не расположены к риску и не являются активистами, могут, объединившись, стать отважными и деятельными” (Гоним Ваэль. Ук. соч.).

Но объединиться мало. Нужна сумасшедшая мотивация, позволяющая преодолеть политическую апатию, разобщённость. Такую мотивацию Гониму и его сверстникам дало чувство причастности к судьбе страны. “Без причастности и без надежды я бы умер, – писал на своём сайте Гоним. – Если я буду жить без стоящей цели, то буду не лучше животного, которое живёт, чтобы есть, спать и наслаждаться” (там же).

Египетский блогер точно выразил суть. Его отвержение жизни без цели заставляет вспомнить классический трактат Аристотеля “Политика”. Великий мыслитель определял человека как “существо политическое”, а живущего “вне государства” уподоблял животному (Аристотель. “Политика”. М., 2002).

Как бы я хотел, чтобы эту переключку через тысячелетия услышали мои соотечественники! Ведь они в большинстве до сих пор убеждены, что смысл жизни в наслаждениях. А те, кому на это претендовать не по карману, просто едят и спят, вполне довольные судьбой. С насмешкой, а то и с откровенной злобой они именуют всех, кто стремится к более высоким целям, чудиками и маргиналами.

Совсем недавно тот же настрой был характерен и для египтян. Помните сетования Гонима: “Отчего мы говорим: “Это их страна. Гори она огнём, мне-то что. Я не могу исправить мир” (там же). Жители Египта сумели преодолеть подобные настроения. Вот с этого и начинается человек будущего. Которому под силу всё – и революция, и созидание. С неравнодушия. С осознания того, что судьба страны и мира от него зависит.

Чувство причастности, о котором писал Гоним, породило острое ощущение недовольства положением страны и народа. “Прежние правители опустили нас на самое дно, египетский народ достоин иного”, – говорят жители Каира после свержения Мубарака (“Новости”, Евроньюс, 17.06.2012).

“Восстановление достоинства” стало своеобразным паролем египетской революции. Этим призывом активисты собирали египтян на первую демонстрацию: “25 января египетский народ восстановит своё достоинство, отправив эль-Адли (министр внутренних дел. – А. К.) в отставку. Для этого тем, у кого есть достоинство, следует собраться перед зданием МВД” (Иса-

ев Л. М. Социальные сетевые технологии и революционный процесс в Египте. В кн.: Протестные достижения в арабских странах...).

Те же слова повторяли, празднуя победу: “Мы – в новом Египте! Мы вернули честь и достоинство великого Египта” (Васильев А. М. Африка и вызовы XXI в...).

Жизнь ради такой, действительно, “стоящей цели” совершенно изменила поведение массы египтян. Они не просто дни и ночи стояли на Тахрире, несмотря на атаки полиции. Они проявили чудеса самоорганизации. Ту самую креативность, о которой много говорят у нас, но почему-то как о признаке профессии или статуса, а не как о принципе жизнедеятельности.

Трагикомическая подробность: во время прошлогодних майских “гуляний” оппозиции в Москве остро встала проблема передвижных туалетов. На Тахрире её решили на раз. Да как озорно: умельцы переделали под эти нужды подбитые броневики!

Организация быта сотен тысяч людей, неделями проводивших время на площади, требовала незаурядных административных способностей и немалой изобретательности. В центре установили палатки, где оппозиционеры ночевали. Добровольцы раздавали питьё и еду. Специальные бригады убирали мусор. Мобильные телефоны и ноутбуки подзаряжали у пульта, подключённого к уличному фонарю. Желающие побриться пользовались услугами парикмахера-добровольца. Медики развернули на Тахрире передвижной госпиталь. К концу стояния здесь работала своя радиостанция и издавалась газета “Майдан Тахир” (news.com/world/4feb2011/mitzraim_print.html).

Когда власть натравила на протестующих уголовников, руководство обороной взяли на себя активисты “Братьев-мусульман”. Они разделили собравшихся на десятки. Одни стояли на баррикадах и бросали камни в нападавших. Другие подносили булжники. Третьи выковыривали их из мостовой (Васильев А. М. Ук. соч.).

И такую же организованность и дисциплину проявляли египтяне по всей стране. Политолог Ш. Султанов вспоминал: “Мубаракowski режим выпустил уголовников из тюрем, чтобы организовать хаос на улицах. Тут же появились отряды самообороны, которые патрулировали населённые кварталы. Режим Мубарака при помощи своих подручных пытался организовать столкновение народа с армией. Опять была проявлена удивительная дисциплина и этого не произошло” (“Завтра”, № 7, 2011).

У нас не только обыватели, но и политики с политологами любят говорить о массах как о “неорганизованной”, “бессмысленной” толпе. Мужество и изобретательность, проявленные египтянами на Тахрире, позволяют взглянуть на явление по-другому. Вазель Гоним справедливо пишет о “мудрости толпы”.

Мудрость египетских масс резко контрастировала с поистине безумным поведением диктатора. Престарелый президент физически не мог выполнять свои обязанности. Во время записи его последнего обращения к нации Мубарак дважды терял сознание (Васильев А. М. Ук. соч.). И всё-таки он цеплялся за власть!

Свой уход президент омрачил пролитой кровью. Полиция стреляла по демонстрантам не только резиновыми пулями, но и боевыми патронами. Во время телетрансляций с Тахрира видно было, как военная техника на полном ходу врывается в толпу и давит людей. За 18 дней погибло 850 манифестантов. Раненых – несколько тысяч (“МК”, 21.07.2011).

Пропаганда запугивает обывателя “ужасами революции”. Забывая уточнить: как правило, эти “ужасы” – результат действий правящего режима. Вот кого мирным гражданам следует опасаться гораздо больше, чем митингующих.

Новый посол Египта в России А. Эльхадиди с гордостью отметил: “Особенность египетской революции в её мирном характере. Не было никаких репрессий” (со стороны победителей. – А. К.) (“МК”, 21.07.2011).

Два года назад – в феврале 2011-го египетский народ доказал свою гражданскую зрелость. Конечно, история на этом не остановилась. Сегодня Тахир снова бурлит. Повод – принятие исламской Конституции, против которой выступали сторонники светской модели государства и копты-христиане.

Конституция — детище президента М. Мурси, выдвигенца “Братьев-мусульман”. Его победа на выборах была запрограммирована. Египетская глубинка, неграмотная в прямом смысле слова и тем более неискушённая в партийной борьбе, не знает других политических сил, кроме исламистов и представителей прежнего режима. Показательно, во второй тур президентских выборов, наряду с Мурси, вышел Ахмад Шафик, занимавший премьерский пост в одном из правительств при Мубараке.

Но революцию делали другие люди. В основном студенты и городской средний класс. Они куда более сведущи в политике. И голосовали они по-другому — в Каире и Александрии в первом туре победил социалист Хамдин Саббахи. На референдуме по Конституции жители Каира и Александрии проголосовали против её принятия.

В этих условиях М. Мурси следовало проявить больше такта. Но в том-то и беда постреволюционных государств: свергнутые режимы, авторитарные по своей природе, не формируют полноценной политической культуры, которая учит население искусству выбора, а лидеров — искусству компромисса.

Сторонники авторитаризма — в арабских странах и у нас в России — с мстительным удовлетворением указывают на новые протесты, нахраписто проталкивая мысль: видите, чем всё обернулось. Не стоило и начинать!

На самом деле, нынешний кризис доказывает другое: начинать следовало раньше. Нормальная государственная жизнь невозможна без политической культуры. Быть может, главное зло прежних режимов в том, что они не только не сформировали её, но жестоко затапывали стихийно пробивавшиеся её ростки.

К счастью, в арабских странах многие понимают это. Молодые ветераны Тахира не опустили руки: мол, поиграли в политику и хватит. “Мы убрали Мубарака и в силах добиться ухода Мурси”, — заявляют наиболее решительные (“Новости”, Евроньюс, 28.01.2013). И это — не безответственная “буза”, постреволюционное “похмелье”, как пытаются представить происходящее СМИ, а осмысленная борьба за новый Египет.

В странах победившей “арабской весны” немало недовольных. Но поглядите — на Ближнем Востоке, где народы тесно связаны между собой и знают, что происходит у соседей, — не стихают революционные выступления. Манифестанты штурмуют парламент в Кувейте. Несмотря на присутствие оккупационных саудовских войск, не смирился Бахрейн. Непокойно в Иордании. Разочаровавшись в тех или иных выдвигенцах революции, арабские массы не разочаровались в самой революции.

Въедливый читатель спросит: а как же Ливия и Сирия? Почему автор ничего не говорит о ситуации в этих странах? Она, что, не укладывается в его концепцию?

Отвечу: не укладывается. Но не только в мою концепцию, а в общеарабский тренд. Если в Египте, Тунисе, отчасти Йемене он определялся стремлением к демократизации, то в Ливии имеет место межрегиональный конфликт (богатая нефтью Киренаика против Центра), а в Сирии межконфессиональный (сунниты против алавитов). Из-за глубины противоречий и бескомпромиссности сторон политическое противостояние быстро переросло в вооружённое. Активистка Фуддаз Сулейман с горечью подметила: “Революция (в Сирии. — А. К.) превратилась в вооружённую революцию, а это совсем не то, чего мы добивались” (“Евроньюс”, 27.03.2012). Наконец и в той и в другой стране ситуация осложняется иностранным вмешательством. Всё это требует специального анализа (заинтересовавшимся рекомендую книгу А. Васильева “Африка и вызовы XXI века”, М., 2012).

Завершая разговор об “арабской весне”, сошлюсь на мнение одного из самых авторитетных политиков Ближнего Востока президента Турции Абдуллаха Гюля. В пространным интервью российской прессе он дал чёткую формулировку: “Произошедшие народные выступления опровергли устойчивое искажённое представление о том, что демократическая форма правления в нашем регионе невозможна, и показали решительность народов в стремлении восстановить попорченную честь и достоинство. Нынешний этап является поворотным моментом, после которого возвращение к старому невозможно” (“МК”, 08.09.2011).

(Окончание следует)

АЛЕКСАНДР КАЗИНЦЕВ

ПОЕЗД УБИРАЕТСЯ В ТУПИК

Будущее рождается на площадях

Мы — люди разных рас, разных полов, разных верований. Нас — большинство. Мы — это 99%. И мы не намерены больше безмолвствовать.

Декларация движения “Оккупай Уолл-стрит”

Свержение Мубарака и Бен Али. Уход йеменского диктатора Абдаллы Салеха, до последнего цеплявшегося за власть. Падение под напором протестующих европейских кабинетов Ж. Сократеша, Л. Пападимоса, С. Берлускони. Яркий, хотя и краткий, взлёт движения “Оккупай”. Появление “Чайной” и “Кофейной” партий и небывало ожесточённая борьба между демократами и республиканцами в Америке.

Нет, это не случайные эксцессы, досадные неприятности, как уверяют охранители. Это — начало обновления. Первые признаки отката от миропорядка, претендовавшего на безальтернативность после распада Восточного блока и крушения СССР. Системы, основанной на неолиберализме в экономике и сворачивании реальной демократии в политике.

Новый период отмечен взрывом протестной активности масс. Миллионы людей на разных континентах выходят на площади, требуя перемен. В некоторых странах демонстрации проходят еженедельно — так было минувшей осенью в Испании, Португалии. А в Каире волнения на Тахрире не утихали ни на один день! Центральные площади, на которых собираются манифестанты, стали символами народной борьбы — Синтагма в Афинах, Пуэрта-дель-Соль в Мадриде и, конечно, знаменитый Тахир в Каире.

Ситуация изменилась даже в сравнении с серединой нулевых, когда начала расти волна протестов. Я описал её в книге “Возвращение масс”. Движение пикетерос в Латинской Америке, волнения арабской улицы, демонстрации противников западного вторжения в Ирак — все эти кампании поражали массовостью и размахом. Однако те выступления не имели единого политического знаменателя, да и хронологически не совпадали. Латиноамериканцы меняли правительства в начале нулевых, пацифисты митинговали в 2003-м, мусульмане жгли западные посольства в 2006-м. Каждое движение преследовало собственные цели. Очень сомневаюсь, что исламисты, штурмовавшие посольство США в Джакарте, нашли бы общий язык с демонстрантами в Вашингтоне — даже несмотря на то, что американцы протестовали против вторжения своих войск в мусульманский Ирак.

Продолжение. Начало в № 7–11 за 2010 год; № 2, 3, 6, 7, 10 за 2011 год; № 1, 2, 6, 8, 10 за 2012 год.

Ныне всё изменилось. Египетский флаг развевался над площадью Пуэрта-дель-Соль как знак солидарности и преемственности. Американские участники движения “Оккупай” грозили перенести Тахрир в Нью-Йорк и Сан-Франциско. Московские выступления начала 2012 года наблюдатели сравнивали с “арабской весной”, а их организаторы устраивали озорные перформансы в духе американских “оккупай”.

Нынешние протесты приобрели всемирный масштаб. Только в один день – 16 октября 2011 года – демонстрации против экономического неравенства прошли в 850 (!) городах Европы, США, Канады, Австралии и Японии (newsru.com//world/17oct2011). Разумеется, их участников по-прежнему вдохновляют разные идеалы, да и уровень благополучия повсюду различен. Но общий политический знаменатель сегодня очевиден: и американцев, и греков, и арабов, и русских не устраивает сложившийся порядок вещей. Они требуют перемен.

Нетрудно политически конкретизировать этот настрой. В основе отвергаемой системы – капитализм. Ещё недавно классовые дефиниции считались в интеллектуальной среде неприличными. Они отсылали к марксистской теории, которая, казалось, потерпела окончательное поражение в начале 90-х. Но сегодня “Капитал” К. Маркса стал самой читаемой книгой немецких высокопоставленных, а слова “капитализм” и – внимание! – “социализм” – возглавляют список запросов в американских поисковых системах (“Новости”, РБК, 02.01.2013).

Люди и шут – иные цели, новые смыслы, иные – более справедливые и человечные – системы социальных отношений. Они обнаруживают: у них один противник. И воротили Уолл-стрит, с которыми борются участники движения “Оккупай”, и “жирные коты” Мубарака, ненавистные египтянам, и “жулики и воры” – антигерои речёвок на Болотной и Пушкинской – всё это разные лики капитала. В России социальный аспект протестов первоначально был затушёван, но по мере становления движения (а это дело не одного месяца!) он вышел на первый план. Что с впечатляющей наглядностью показал марш “несогласных” 15 сентября 2012 года, где красный цвет доминировал.

Столь жёсткая классовая определённость, обычно не свойственная моим работам, в данном случае необходима. Всеохватный протест породил столь же масштабный ответ. Буржуазные издания в Нью-Йорке, Москве, Каире пытаются фальсифицировать суть борьбы народов, исказить, растворить в бесчисленных лживых интерпретациях.

Поэтому важно сразу же зафиксировать несколько тезисов. Первый: сегодняшние протестные движения носят глобальный характер. Второй: они порождены кризисом капитализма. Третий: попытки найти локальные решения проблем – путём политических уступок или жёсткого силового подавления “несогласных” – обречены на неудачу.

“...Мир стоит перед принципиальным, радикальным словом. По силе и размаху он неизмеримо превосходит сломы 1917-го и 1991 годов”, – констатирует известный экономист М. Хазин (“Завтра”, № 33, 2012). Пытаться как-то извернуться, “починить машину, летящую в бездну”, бесполезно.

Не преодолев кризиса капитализма или, точнее, не преодолев капитализм, нормализовать ситуацию невозможно.

Нет никаких оснований исключать из этой схемы Россию. Рассуждения руководства об “острове стабильности”, равно как и мечтания придворных патриотов об “особом пути” могли бы сойти за аргумент в советский период. Теперь это пустая риторика. Нынешняя РФ строит свою экономику, политическую систему, государственность по рецептам Запада. Не без полемики с учителями, приобретающей порою ожесточённый характер. Но это спор о персоналиях, а не о принципах. Принципы – общие, а значит, общие и проблемы.

“Хозяева дискурса” – капитал, правительства, СМИ – пытаются ослабить протест. Действуют по проверенной схеме: “Разделяй и властвуй”. Умалчивают о единой природе процесса, разрывают его на отдельные выступления, сводят к локальным акциям. Огонь охватил полмира! А нам талдычат то о Болотной, то о столкновениях на Тахрире.

На Западе охотно говорят о наших проблемах, предпочитая умалчивать о своих. Подзадоривают “несогласных”, но своих “оккупав” разгоняют с демонстративной жестокостью.

Новые арабские руководители твердят об исламской специфике и прямо – об “исламской революции”, противопоставляя её демократическим движениям в своих странах и на Западе.

Но всех изобретательней российская пропаганда! С мстительным удовлетворением отмечает она протестные выступления в Соединённых Штатах и Западной Европе. И одновременно ведёт настоящую информационную войну против арабских революционеров. И хотя причины социального взрыва на Ближнем Востоке более чем очевидны – коррупция, несменяемость власти, безработица, рост цен, – протесты в Египте, Тунисе, Йемене объявляют “иррациональными”, “срежиссированными зарубежными разведцентрами”.

Ту же кальку используют при освещении московских демонстраций. Их участников чохом записывают в “агенты Госдепа”, которые отработывают американские деньги. Хотя ни наличие зарубежного политического заказа, ни тем более использование зарубежного финансирования доказано не было. На запрос А. Навального о достоверности сведений, содержащихся в “разоблачительном” ролике “Анатомия протеста”, ФСБ дала официальный ответ: “Прямых указаний и доказательств финансирования из иностранных источников митингов и выступлений (здесь и далее разрядка моя. – А. К.), проходивших в 2012 году в Москве, телепередача “Анатомия протеста” не содержит” (newsru.com/russia/14jan2013/nat.html).

Пропагандистские ухищрения привели к парадоксальному явлению: общественное мнение России, настроенное в целом антикапиталистически, и патриотическое движение, исповедующее левые взгляды, с подозрением отнеслись к “несогласным”, несмотря на то что уже к середине 2012 года их возглавил лидер “Левого фронта” С. Удальцов.

Страна, словно раком изъеденная коррупцией, защищает пресловутую стабильность! Хотя, если вдуматься, стабильность эта означает прежде всего продолжение чудовищного разграбления государства, о размерах которого мы получили хотя бы частичное представление после разоблачений финансовых афер в системах Минобороны и Минсельхоза.

Вы этого хотели, выходя, пусть и по чиновничьей разрядке, с плакатами “Нам есть что терять” и “Мы против революций”?

Что вам терять? На Западе демонстранты негодуют: “Люди просто подвергаются пыткам. Разве можно прожить на 500 евро?” (“Новости” Евроњьюс, 19. 02. 2012). Помножьте-ка 500 на 40 – получится 20 тыс. рублей. У нас в стране это средняя заработная плата, а в провинции и вовсе – предел мечтаний миллионов людей, вынужденных жить на куда более скромные деньги. Им ли кричать о “стабильности”, гарантирующей условия жизни, которые европейцы (чем они лучше нас!) считают “пыткой”?

Массированное промывание мозгов мешает разобраться в сути событий – глобальных и внутренних. Чтобы пробиться к ней, приходится преодолевать домыслы, ложь, заведомо недобросовестные версии. А заодно заполнять информационные лакуны: штатные пропагандисты намеренно умалчивают о многом. В том числе о ситуации в ключевых регионах планеты.

Необходимо восстановить целостную картину происходящего. Определить вектор мирового развития. Понятно, что в кратком очерке, завершающем книгу, сделать это можно только пунктирно. Но за штрихами, за беглым конспектом событий внимательному взгляду откроется неудержимый ход истории.

1) “Арабская весна”

Вот уже два года внимание всего мира приковано к Ближнему Востоку. Я предсказал восстание арабской улицы пять лет назад в разделе “Удар Зульфикара” книги “Возвращение масс”*. То, что большинству политиков и политологов показалось “громом с ясного неба”, я считал закономерным итогом многолетнего процесса. Суть которого в опасном разобщении

* На что обратили внимание рецензенты, писавшие о “Возвращении...” – С. Хатунцев и А. Севастьянов. Последний отметил: “... Книга, которую можно было бы назвать пророческой... Не часто приходится иметь дело с исследованиями, так точно предсказывающими ближайшее будущее” (Севастьянов А. “Когда массы вернуться...” – “Вопросы национализма”, № 10, 2012).

правителей и народов. Там, где он заходит так далеко, как в арабских странах, взрыв неизбежен!

Революции преобразили регион. Полный демонтаж режимов в четырёх странах. Смена правительств ещё в четырёх. И лихорадочные уступки населению повсюду. Пытаясь удержаться у власти, правители осыпают подданных дождём динаров. В Кувейте на эти цели эмир выделил 10 млрд долларов. Военнослужащим и полицейским жалование подняли на 115%, прочим госслужащим на 100. Стипендии студентам “потяжелели” в два раза – до 700 долларов холостым и 1200 долларов женатым. Кроме того, каждый гражданин Кувейта получил единовременную выплату в 3500 долл. и право 14 месяцев питаться бесплатно (newsru.com/world/22fev2011/kuwait_print.html). Бахрейн и Оман заплатили за лояльность населения ещё больше – 20 млрд долл. (“НГ дипкурьер”, 14.03.2011). Но рекордсменом по превентивным социальным выплатам стал король Саудовской Аравии. На помощь бедным, строительство жилья, а также на отсрочки по кредитам он выделил 37 млрд долл. (Васильев А. М. Африка и вызовы XXI в. М., 2012).

Это же надо – так напугать обычно прижимистых восточных деспотов! Вот она – сила народа, поднявшегося на борьбу за свои права.

На пике “арабской весны” выступления охватили 13 государств – от Марокко на Атлантическом океане до Йемена и Омана на Индийском. Общая численность населения взбунтовавшегося региона – свыше 200 млн. Представьте – 200 миллионов человек, осознавших, что судьба страны зависит от них. Надеющихся, думающих, отстаивающих свою позицию, несмотря на террор полиции и попытки властей откупиться.

Грандиозное событие не только ближневосточной – мировой истории. Во многом определяющее характер наступившего столетия.

И что же узнали о нём в России?

Не колеблясь ни минуты, подавляющая часть отечественных СМИ встала на сторону старых режимов – коррумпированных и жестоких. Кровавое подавление протестов подавали как акции по “сохранению стабильности”, а многотысячные народные митинги как проявления разрушительной стихии. Особое рвение проявили штатные востоковеды. Отыскивали в глубоком Средневековье специфический термин – “аль-фитна” – смута, а заодно с полдюжины других, только бы не произносить страшное для власти имущих слово “революция”. Ну а к смуте и отношению соответствующее: “Аль-фитна расценивается как зло, в борьбе с которым оправданы все средства (разрядка мая. – А. К.), включая уничтожение носителей смуты” (Саватеев А. Д. Антиавторитарные выступления и исламская культура. В кн.: Протестные движения в арабских странах. Предпосылки, особенности, перспективы. М., 2012).

Впрочем, какое дело современному российскому читателю до диковинно звучащих терминов исламского богословия! Чтобы отвадить нашу молодёжь от опасного арабского примера, нужны куда более современные идеи. Их нашли в арсенале мубараковских спецслужб. Это они впервые объявили “арабскую весну” – заговором Запада, коварным планом по разрушению Египта и других арабских государств. “Ты предал свою страну и стал агентом иностранной разведки”, – кричали следователи в лицо Ваэлю Гониму, молодому компьютерщику, ставшему одним из вдохновителей революции на Тахрир (Гоним Ваэль. Революция 2.0. Пер. с англ. Спб, 2012).

После того как на Ближнем Востоке к власти пришли правительства исламистов, настроенные антиамерикански и уж конечно антиизраильски, ключевой тезис мубараковской (и российской) пропаганды представляется откровенной чепухой.

Другая “ударная” идея, позаимствована непосредственно у одряхлевшего раиса. Незадолго до отставки Мубарак пугал сограждан, а заодно и западный мир, хаосом и распадом в случае своего падения (“Новости”, Евроњьюс, 04.02.2011). Мубарака свергли, но Д. Медведев подхватил его мысль, спроецировав на весь арабский мир: “Посмотрите на ситуацию, которая сложилась на Ближнем Востоке и в арабском мире – она тяжелейшая... Речь может пойти о дезинтеграции больших густонаселённых государств” (newsru.com/russia/27fev2011/wsjmedvedev_print.html).

Минуло два года. Ни одно арабское государство, даже скроенные на живую нитку Йемен и Ливия, не распалось, а российская пресса всё

пророчит недоброе. “Срекает” – как говорят в народе: “Египет агонизирует... Арабский Восток гибнет. Тень Сомали витает над ним” (svpressa.ru/politic/article/61930).

Наибольшее усердие, иной раз явно не по разуму, демонстрируют всё те же профессиональные востоковеды. Известный арабист А. Коротаев вместе с некой Ю. Зинькиной взялись за неблагодарный труд. В широко растиражированной в прессе и интернете работе они объясняют российским читателям и египтянам, как хорошо жилось при свергнутом президенте: “...Режим Мубарака предпринял героические усилия по сохранению цены на хлеб... Египет принадлежал скорее к группе наиболее благополучных стран Третьего мира” (Коротаев А. В., Зинькина Ю. В. Египетская революция 2011 г.: структурно-демографический анализ. – Polit.ru/article/2011/03/04/egyrev).

Статья обильно проиллюстрирована таблицами со статистикой, где Египет поставлен в ряд с благополучными европейскими странами. Цифры впечатляют. Признаюсь, я не без досады подумал: чего же они бунтуют с такими-то показателями! Именно на этот эффект авторы скорее всего и рассчитывали.

Они не учли одного: теперь у каждого под рукой интернет, где можно уточнить любые сведения. Им я и воспользовался. Есть такое понятие – подушевой доход. Это средства, которые приходится на каждого жителя. Разумеется, среднестатистического. Тем не менее, этот показатель точнее всего характеризует уровень благополучия населения страны.

По данным Всемирного банка, подушевой доход в Египте – 2,6 тыс. долл. в год. В арабском мире ниже он только в Йемене – 1 тыс. Во всех остальных странах он выше, зачастую значительно. Я даже не беру нефтяные эмираты: планка Катара – 80 тыс. долл. всё равно недостижима. Выше доход только в Норвегии. Но и в скромном Ливане он – 9,1 тыс. долл. (russian.doingbusiness.org.data/exploreeconomies/economycharacteristics/?sortColumn=name&SortDirection=as). К слову, показатель России – 10,4 тыс. долл. Но и это в четыре раза больше, чем в Египте. Можете представить, что там у них за жизнь!

Чтобы картина получилась выразительней, приведу свидетельство Ваэля Гонима: “30 миллионов египтян страдают от депрессии, в том числе 1,5 миллиона – от острой депрессии. В 2009 году было более 100 тысяч попыток самоубийств, которые привели к смерти 5 тысяч человек. В Египте 48 миллионов бедняков, в том числе 2,5 миллиона живущих в крайней бедности. У 12 миллионов египтян нет крыши над головой, в том числе у 1,5 миллиона, проживающих на кладбищах. Укореняющаяся коррупция привела к возникновению системы взяточничества объёмом 39 миллиардов фунтов в год... Из египетской молодёжи не имеют работы более 3,5 миллиона человек: уровень безработицы среди молодёжи перешагнул 30%” (Гоним Ваэль. Революция 2.0).

Скажут: это слово против слова. Но, во-первых, как мы убедились, слово Гонима более основательно подкреплено статистикой. Во-вторых, что куда важнее – оно подкреплено волей миллионов египтян. Жилось бы им так, как изображают Коротаев и Зинькина, они бы не свергли Мубарака. Статья производит странное впечатление. Это попытка обмануть историю! От учёных можно было бы ожидать большей ответственности и объективности.

С объективностью у штатных востоковедов беда. Её не найти даже в малом – рассказе о конкретной человеческой судьбе. Как известно, “арабская весна” началась с трагедии тунисца Мухаммада Буазизи. Выпускник университета, не сумевший устроиться по специальности, он подрабатывал торговлей овощами. В декабре 2010-го полиция конфисковала его передвижной лоток. Женщина-полицейский дала ему пощёчину и плюнула в лицо – смертельное оскорбление для мужчины-мусульманина. Буазизи облил себя бензином и поджёг. 4 января 2011 года он умер в больнице. А 8 января люди вышли на улицы – началась “арабская весна”. Полиция расстреляла демонстрацию, 50 человек погибло. Это лишь разозлило манифестантов. После недельного противостояния президент Бен Али бежал из страны (события изложены по сборнику “Против”. М., 2012).

В интерпретации отечественного арабиста история, прогремевшая на весь мир, приобретает иные черты. Некто Л. Фитуни начинает с очернения мученика. Тот, дескать, вёл “полулегальную торговлю”. Конфликт с полицией также приобретает двусмысленный характер. Практически все, писавшие о нём, отмечают: “Причины этого (конфликта. – А. К.) до сих пор не уста-

новлены” (“Против”...). Но Фитуни известно всё! Торговец якобы хотел дать взятку — полицейские ответили отказом, сопроводив его пощечиной. Фитуни пытается поставить под сомнение даже гибель несчастного. Точнее, серьёзность его намерений: “Хотел или не хотел того Мухаммад Буазизи... но облил он себя горючей жидкостью так, что врачи той больницы, куда его доставили после самоподжога, довольно долго считали, что его удастся спасти. Скончался он только через три недели...” (Фитуни Л. Л. “Арабская война” в глобальном и региональном измерениях. В кн.: Протестные движения в арабских странах...).

Фитуни мнится, что пострадавший умирал подозрительно долго. Дескать, а точно ли хотел — или просто бил на жалость?

В прежние времена бытовало выражение: “Хочет быть святее папы Римского”. Отзывались так о пустосвятах. И всё-таки желание выделиться благоличием, пусть ложным, можно понять. Но стремление — как бы это поделикатнее выразиться — превзойти отъявленных мерзавцев выше моего понимания. Тунисские власти сами признали свою вину — и покаялись! К Буазизи в больницу приезжал президент Бен Али. Бдительный Фитуни не столь благодушен.

Ждать объективности здесь бессмысленно. Большую часть из написанного и сказанного у нас по поводу “арабской весны” можно охарактеризовать одним словом — пропаганда. Вот почему российское общество, не чуждое, как показывает история, революционных устремлений, встретило “арабскую весну” настороженно, если не прямо враждебно.

Пытаться в одно мгновение изменить тренд, сложившийся в результате двухлетней работы колоссальной пропагандистской машины, — чересчур самонадеянно. И всё же постараюсь достучаться до читателя, дав слово творцам египетской революции.

Им ведь тоже приходилось объясняться со своими. На куда более негативном информационном фоне. При том, что арабам, так же как и русским, свойственны патернализм, боязнь резких изменений в жизни, политическая пассивность. Но революционеры смогли убедить соотечественников и в чистоте своих намерений, и в необходимости действий.

Пожалуй, наиболее развёрнутые попытки объяснить предпринял Ваэль Гоним. Накануне митинга 25 января 2011 года, с которого началась революция в Египте, он опубликовал развёрнутое обращение к согражданам. Документ представляется мне столь важным, что привожу его почти целиком. Не без торжественности подчеркну: книга Гонима вышла на русском небольшом тиражом, так что это будет практически первая публикация манифеста египетской революции в широкой российской печати.

“Чего бы я желал как египтянин? Я хочу спросить каждого из вас, чего желаете вы, потому что уверен: пускай причины наших трудностей одни, сами трудности многообразны.

Лично я хотел бы, чтобы в моей стране у меня было реальное право голоса. Чтобы я выбирал своего представителя в парламенте и главу страны. Мне надоело, что мой голос ничего не значит и, как бы я ни проголосовал и какого бы мнения ни держался, всё будет подтасовано. Я не хочу приходить на избирательный участок, где подонок скажет мне со смешком: “Всё в порядке, мы уже за тебя проголосовали”. Я хочу истинной, а не фиктивной демократии.

Я хотел бы, чтобы мы объединились против коррупции. Я не хочу узнавать, что американское правительство наказало “Мерседес”, потому что компания подкупила правительственных чиновников разных стран, включая Египет, а моё правительство договорилось с США о том, что имя египетского чиновника никому не сообщат. Это почему же? Разве это не народные деньги? Когда обворовывают ваш дом, разве вы не вправе узнать имя вора и проследить, чтобы он вернул украденное и получил должное наказание? <...>

Я хотел бы, чтобы служащие полиции были как в старых фильмах — уважаемыми людьми с чистой совестью, которые, применяя власть, честны перед Аллахом, скромны, но тверды. Уважительно обращаясь с сыном известного предпринимателя, они в то же время не обижают бедных и беспомощных... Я хотел бы, чтобы прокуроры по-настоящему представляли народ и по-настоящему контролировали служащих полиции.

Я хотел бы, чтобы мы перестали пользоваться связями и обходить закон ради выгоды. Я не желаю узнавать о том, что сын главы коллегии адвокатов

назначен районным прокурором, хотя его оценки не выше “удовлетворительно”. Я также не желаю слышать о том, что такой-то купил земельный участок по смехотворной цене лишь потому, что он приятель министра.

Я хотел бы, чтобы взятки стали преступлением, которое никто не потерпит. И чтобы паршивой овцой в обществе стал тот, кто вымогает взятки, а не наоборот. <...>

Я хотел бы, чтобы правительство прекратило обращаться с народом как с детьми, которым можно лгать. Так народ утратил доверие к правительству и порой даже по-настоящему добрые новости встречает с недоверием. <...>

Я хотел бы, чтобы люди обращались друг с другом, не глядя на классовые различия, и прекратили возвеличивать других без меры. Все мы созданы богатыми и бедными, это так, но это не означает, что нельзя обращаться друг с другом как с равными. Хорошо бы нам поучиться у народов других стран, где владелец “мерседеса” равен владельцу “фиата”. Когда речь заходит о правах человека, у всех равный приоритет и равное уважение. Тех, кого окружающие ценят не по заслугам, поражает высокомерие. <...>

Я хотел бы, чтобы все мы избавились от негативизма и пассивности. Неужели их взрастили в нас нарочно? Интересно, как? Мы стали нацией, отсталой буквально во всём. Мы опережаем другие страны почти во всём плохом. Но отчего? Отчего мы говорим: “Это их страна. Гори она огнём, мне-то что. Я не могу исправить мир”. <...>

Я хотел бы, чтобы мы научились любить друг друга, любить по-настоящему. Я хочу, чтобы мы избавились от беспричинной подозрительности. Поверить не могу, что всякий раз, когда кто-то стремится сделать для своей страны что-нибудь стоящее, он то ли шпион, то ли его финансируют из-за границы, то ли – в лучшем случае – гонится за славой. Почему злоба, ненависть, ожидание худшего побеждают солидарность, верность, ожидания лучшего?

Кстати... я вправе мечтать и следовать за своей мечтой. Мечтать – это и ваше право. И, серьёзно, мы умрём, если перестанем мечтать” (Гоним Ваэль. Революция 2.0...).

Поразительно ёмкий и ясно написанный текст. При том, что Гоним не профессиональный литератор.

Кому-то его размышления могут показаться наивными. В последнее время мы все заделались “реалистами”. Размышления о справедливости, честности и – страшно вымолвить – о любви к соотечественникам способны вызвать у многих разве что кривую усмешку: “Во даёт!” Наверное, египтяне, особенно молодёжь, не слишком отличались от нас в “просвещённом скептицизме”.

Но это было до революции. Что нам твердили о ней на институтской скамье? Смена формаций. А это прежде всего обновление жизни. Русским это полагалось бы знать, хотя бы на генетическом уровне. Почитайте великолепную книгу Джона Рида “Десять дней, которые потрясли мир”, – он стал свидетелем русской революции 1917 года. Автор показывает: изменился не только политический строй – другими стали люди. Всё в т х о е спало с них и едва ли не в первую голову – скепсис и приземлённый реализм.

Не верите Риду, перечитайте Пастернака. Размышления Живаго: “Революция вырвалась... как слишком долго задержанный вдох. Каждый ожил, переродился (разрядка моя. – А. К.). У всех превращения, перевороты. Можно было бы сказать: с каждым случилось по две революции, одна своя, личная, а другая общая”. И тут же гениальная евангельская параллель: “Как во времена апостолов. Помните у Павла? “Говорите языками и пророчествуйте. Молитесь о даре истолкования” (Пастернак Борис. Доктор Живаго. М., 1989).

Вот так и египтяне, прошедшие через Тахрир – “ожили, переродились”. Революция, которую они совершили, не только общая – она и личная! Поэтому они не боятся мечтать, не боятся призывать “любить друг друга”. Они и пуль не боятся!

Я ещё буду говорить о результатах “арабской весны”, анализируя, в том числе, нравственные изменения – людей и общества. Но уже сейчас отмечу: обращение Ваэля Гонима к согражданам свидетельствует о возрастании человека, участвующего в революционном преобразовании мира.

Пожалуй, это главное. В те дни не только Гоним – тысячи и тысячи людей из сочувствующих борьбе за справедливость превратились

в борцов. Преодолели апатию, страх (в тюремных главах “Революции 2.0” борьба со страхом запечатлена живо и откровенно). Обрели решимость, достоинство, ясность мысли.

Мы в России — и оппозиция, и власть — всё считаем, сколько народа вышло на площадь. А стоило бы больше внимания уделять самим людям. Если произойдёт духовное преображение, то и количество участников акций возрастает многократно, как это было в Египте, Тунисе, Йемене.

Ваэль Гоним приобрёл всемирную известность. Тем любопытнее: как отозвалось его слово в России, как отразилась в отечественной прессе деятельность смельчака?

Поразительно: нравственный аспект, равно как и содержательная часть его выступлений — а их десятки, если не сотни — проигнорированы. О чём говорит любимец Тахрира, как говорит, российский пропаганду не интересуется.

Она выхватывает один биографический факт: Гоним являлся сотрудником американской компании Google. “Ах, американской!” — восклицают наши борцы с “оранжевой угрозой”. Прямо повторяя слова египетских тюремщиков, допрашивавших блогера. Примечательно, что наши авторы безо всякого стеснения ссылаются на сотрудников египетской госбезопасности.

Отставной генерал полиции (фамилию называть не стану) в пространной статье отмечал: “В настоящее время имеются прямые доказательства участия представителей крупнейших IT-структур, связанных с Белым домом, в организации беспорядков в Египте” (“Завтра”, № 9, 2011). И далее ссылка на допрос Ваэля Гонима.

Поучительно проследить за фантастической трансформацией фактов из жизни блогера. Один сотрудник Google превращается в нескитанных “представителей” — и не конкретной фирмы, а “крупнейших” (опять во множественном числе!) IT-структур. Чувствуете, запахло заговором! И тут же возникает “Белый дом”. Заговор обретает политического заказчика.

Между прочим, Ваэль Гоним, гостивший в Соединённых Штатах осенью 2001 года, вынужден был буквально бежать оттуда после событий 11 сентября: “В последовавшие недели египетскому мусульманину в США приходилось нелегко. Почти физически ощущалось, что в этом злодейском преступлении обвиняют моих братьев-мусульман и меня лично” (Гоним Ваэль. Ук. соч.) Вот вам и тайный посланец Белого дома.

Самое главное: генерал начисто игнорирует причины, побудившие благополучного блогера заняться опасной политикой. В его схеме личные мотивы и не нужны. Получил задание — выполняй: “организуй беспорядки”.

А ведь Гоним обстоятельно рассказывает о том, почему он создал оппозиционный сайт. Летом 2010 года (блогер указывает точную дату — 8 июня — настолько ему запомнился тот день) он увидел в интернете фотографию молодого египтянина, забитого полицейскими. Лицо погибшего было обезображено. Его звали Халед Саид. “Первая мысль — не может быть. В подобную жестокость просто не верилось, — вспоминает Ваэль Гоним. — Я не мог просто сидеть и смотреть на такую тяжкую несправедливость. И решил, что приложу все свои умения и опыт, чтобы потребовать справедливости для Халеда Саида и представить его историю на активное обсуждение общества. Пришла пора разоблачить грязные методы Министерства внутренних дел” (там же).

Так родился сайт “Куллена Халед Саид” — “Каждый из нас Халед Саид”. Первоначально Гоним публиковал на нём отчёты о ходе следствия. Затем призывы собраться в память о мученике. Постепенно сайт превратился в “коллективного агитатора и пропагандиста”. Число просмотров стремительно росло — 100, 200, 300 тысяч. В дни восстания сайт посещали 2 миллиона человек!

На одном из митингов к Ваэлю Гониму подошла мать Халеда Саида: “Она крепко обняла меня и заплакала: — Мой сын не умер. Ты — мой сын Халед” (там же).

Такую “легенду” не выдумать тайному агенту. Это — жизнь во всём волнующем и неотразимо убедительном драматизме.

Понятно, труженикам пропаганды глубоко безразличен и сам Гоним, и люди его окружавшие, и те два миллиона пользователей, которые заходили на его сайт. Надо же, сколько “агентов” у Белого дома!

Нашему агитпропу Ваэль Гоним понадобился, как известная фигура, чтобы проиллюстрировать заветную мысль об “иностранном заговоре”. А дальше конспирологическая версия обретала собственную жизнь.

В генеральской статье сообщается о “тайном докладе”, написанном по заказу Обамы. Автор цитирует “Нью-Йорк таймс”: “Президент Обама в августе прошлого года (2010. – А. К.) поручил советникам написать секретный доклад о нестабильности в арабском мире, и те пришли к заключению, что, в отсутствие всеобъемлющих политических изменений, страны от Бахрейна до Йемена готовы к народному бунту” (“Завтра”, № 9, 2011).

Прошу вчитаться в процитированный текст. За исключением упоминания о “секретном” характере доклада, речь идёт о рутинной аналитической работе. Ближний Восток – ключевой регион мира – как же его не мониторить! Секретность тоже вполне объяснима: результаты исследования могли вызвать недовольство местных режимов – союзников Соединённых Штатов.

Как явствует из материала в “Нью-Йорк таймс”, американские аналитики пронизательно указали на угрозу народного бунта. Я специально выделяю это слово, ибо оно отсылает прямиком к сути дела. Не заокеанские советники готовили бунт, а народы готовились к бунту. Почему? Об этом скажет сам автор-генерал: коррупция, инфляция – и далее весь список.

Однако, отметив объективные предпосылки “арабской весны” – в тексте прямо сказано об “объективных обстоятельствах”, – автор делает поразительный кулбит, позволяющий встроить информацию в версию “иностранного заговора”: “А теперь главный вопрос, – на манер шоуменов возглашает генерал, – зачем потребовалось Обаме и его команде это восстание на Большом Ближнем Востоке?” (“Завтра”, № 9, 2011).

Я уделяю такое внимание статье, потому что это один из первых развёрнутых откликов на “арабскую весну”. По сути установочный. Здесь видна ещё не затёртая схема манипуляции: конкретная информация перемешивается с идеологическими клише и откровенным вымыслом. Так формируется фальсифицированная версия, напрочь заслоняющая реальные события.

Особенно ценно то, что генерал не без простодушия выдаёт причины, заставляющие заниматься фальсификацией. Он указывает на схожесть ситуации в арабских странах и в России: “Уровень коррупции в России ничем не ниже египетского; социальное неравенство и социальный разрыв даже выше (в Египте – один к пяти, а у нас официально – один к шестнадцати); рост ВВП ниже египетского, а инфляция – выше... Нас... подталкивают к выводу: революция в России имеет большие шансы” (там же).

В последнем автор лукавит. У него получается, будто какие-то “внешние силы” (опять заговор?) подталкивают нас к мысли о революции. На самом деле к ней подталкивают перечисленные в статье факты.

Руководствуясь нормальной логикой, следовало бы сделать вывод: необходимо срочно ускорить рост российского ВВП, снизить инфляцию, провести реформы, которые выбьют почву из-под ног революционеров. Но для этого нужно много и напряжённо работать. А кто же, пусть и в генеральском чине, осмелится дать такой совет руководству страны? Проще обвинить в “заговоре” американцев.

Неудивительно – версия оказалась востребована на самом верху. “Они поменяли режимы в Северной Африке”, – высказался В. Путин (цит. по: “Новости-24”, РЕН ТВ, 25.02.2012).

Ну, а раз первый сказал...

И вот мы читаем уже не в “Завтра”, а в “Литературной газете” – рупоре интеллигенции: “Американцы... сознательно расчленяют арабские государства, превращая их в анклавов воюющих между собой полевых командиров, попутно демонизируя образ радикального ислама и всего арабского мира. Кроме того, добиваются массового бегства арабов в Европу, чтобы до крайности осложнить миграционную обстановку в Евросоюзе, являющемся геостратегическим соперником США. А ведь можно ещё и заложить право вмешиваться в дела арабских стран на том основании, что они – рассадники терроризма” (“Литературная газета”, № 38, 2011).

Ну разумеется, если “осложнить”, то непременно “до крайности”, и — обязательно “расчленишь”. Таков стиль! Хотя, если вдуматься, — какую арабскую страну американцы “расчленили”? Полновластными хозяевами они были только в Ираке. Он сохранил единство. Правда, курды укрепили свою автономию, но её предоставил им ещё Саддам Хусейн.

В том-то и особенность стиля наших конспирологов, что вдумчивого чтения он не предполагает. Вникните в этот скачущий поток синтаксических конструкций: “кроме того”, “попутно”, “а ведь можно ещё...”. Анализ здесь противопоказан.

Не убеждён, что искатели заговоров сами верят в свои теории. И горячо надеюсь, что не верят в них руководители страны! Одно дело — морочить головы легковерным согражданам, другое — попасться на крючок собственной пропаганды...

Но есть миллионы одураченных простецов. Специально для них я рассматриваю вопрос: насколько в принципе реальна версия “западного заговора” на Ближнем Востоке? И отвечает ли “секретная операция” в регионе интересам Соединённых Штатов и их союзников?

Допустим, вашингтонские социотехнологи могут предаваться всевозможным фантазиям. Но никто (и прежде всего собственное начальство) не позволит им игнорировать фактор, предельно ограничивающий возможности предпринимать резкие движения в политической и военной сфере. У этого фактора есть имя — Израиль.

Конечно, где Америка и где Израиль! Единственная сверхдержава и крошечное образование, которое не на всякой политической карте можно разглядеть. Но особенность ситуации в том, что Израиль прочно обосновался в самих Соединённых Штатах. Я имею в виду еврейское лобби. Чтобы читатели в полной мере осознали степень его влияния на вашингтонское руководство, советую им ознакомиться с содержательной книгой Дэвида Дюка “Еврейский вопрос глазами американца” (пер. с англ.: М., 2001). Особенно любопытна глава “Влияние евреев в политике”. Тот, кто захочет глубже разобраться в вопросе, найдёт в книге Дюка обширную библиографию.

Сошлюсь и на собственные наблюдения. Вот характерная подробность, подмеченная мной в ходе пресс-конференции Барака Обамы 6 марта 2012 года. Прямую трансляцию вёл телеканал “Евро Ньюс”. Выступление президента перед журналистами в выборном году было посвящено внутренним проблемам. Но первый же вопрос сломал сценарий. Обаму попросили сказать, будет ли он погонять Израилью нанести удар по Ирану. Обама ответил, что в таком случае ему придётся послать на смерть американских юношей и девушек. И он должен будет объяснить стране, зачем это делает. Сейчас такой необходимости нет — закончил президент. Тут же второй вопрос: так Вы не поддерживаете Израиль? Обама растолковывает: поддерживаю, но у Америки есть и свои интересы. И вновь писак не дают ему сменить тему. Следуют третий, четвёртый вопросы — все по поводу Израиля.

Судите сами: может ли американское руководство предпринять резкие шаги, осложняющие положение еврейского государства?

Между тем, арабские революции мало того, что осложнили это положение — они поставили под вопрос само существование Израиля.

Едва ли не первая резолюция египетского парламента, избранного после свержения Мубарака, потребовала выдворить из Каира посла Израиля — цитирую — “в знак протеста против развязанной агрессии против сектора Газа и вернуться к глобальной блокаде Израиля” (“МК”, 14.03.2012).

Высший совет вооружённых сил, который в течение года правил страной после Мубарака, распустил парламент. Формальным поводом стали нарушения на выборах. Но разве остановить народную стихию, которая уже почувствовала свою силу?

Египтяне избрали президентом кандидата “Братьев-мусульман” Мохаммеда Мурси и в ходе новой волны протестов заставили военное руководство передать ему полноту власти.

Тем поучительней ознакомиться с высказываниями Мурси по еврейскому вопросу. Только что в сети обнаружился ролик с его выступлением 2010 года. “Сионистам не место на Ближнем Востоке, — провозгласил будущий президент, — их надо изгнать “с арабских и мусульманских

земель”, а также “изо всех мусульманских стран”. Мурси особо остановился на проблеме Палестины. С его точки зрения, “сионистскому образованию не должно быть места на палестинской земле” (lenta.ru/news/2013/01/06/kindgy).

Не случайно Израиль яростно противился “арабской весне” и однозначно высказался в поддержку Мубарака. “Активную агитацию в пользу Хосни Мубарака ведёт Израиль, для которого падение режима грозит серьёзными потрясениями”, – сообщал хорошо информированный “Коммерсантъ” и указывал: “Как отмечают израильские эксперты, учитывая антизападные и антиизраильские настроения, царящие в египетском обществе, на волне революции к власти в Каире могут прийти радикальные силы. После этого Египет, который в 1979 году первыми из арабских стран подписал мирный договор с Израилем (разрядка моя. – А. К.), может сблизиться с палестинскими экстремистами в секторе Газа и начать милитаризацию Синайского полуострова” (“Коммерсантъ”, 01.02.2011).

Как в воду глядели! Мурси, в отличие от Мубарака, активно поддерживает “Хамас”. И уже предпринял попытки вернуть на Синай египетские войска, выведенные оттуда в соответствии с мирным договором.

Соглашательская политика по отношению к Израилю стала одной из важнейших причин, поднявших египтян на борьбу с режимом. Не случайно демонстранты на площади Тахрир рисовали на портретах Мубарака шестиконечные звёзды!

К слову, так же, как и ливийские повстанцы на портретах Каддафи. “Портреты Каддафи изрисованы шестиконечными звёздами, – утверждал корреспондент “МК”, – восставшие называют его мариотенкой сионистов и Запада” (“МК”, 03.03.2011). Источник не заслуживает доверия? Тогда прислушайтесь к свидетельству Гейдара Джемала, постоянного автора газеты “Завтра” и ведущего специалиста по Ближнему Востоку. Он уверял, что во время гражданской войны в Ливии частная израильская компания, возглавляемая израильским генералом, вербовала наёмников для Каддафи (“Диалог”. РБК, 14.03.2011).

Новые правительства в странах “арабской весны” гораздо жёстче относятся к Израилю, чем их предшественники. В то же время они идут на сближение с Ираном, в котором Мубарак и другие раисы видели своего главного соперника. Почин опять-таки за Египтом. В августе 2012 года президент Мурси прибыл в Тегеран для участия во встрече Движения неприсоединения. Это первая поездка египетского лидера в Иран после 1979 года, когда аятолла Хомейни разорвал дипломатические отношения с Египтом, осуждая подписание мирного договора с Израилем.

Арабские революции нанесли серьёзный удар по политике еврейского государства, стремившегося упрочить свои позиции за счёт сговора с коррумпированными и антинародными арабскими режимами. В Тель-Авиве вынуждены были признать: “Появился новый актер, который израильское руководство никогда прежде не принимало в расчёт, – арабский народ, арабские массы” (Васильев А. М. Указ. соч.).

Беседуя с востоковедами, я задаю вопрос: зачем американцам понадобилось свергать своих союзников в арабских столицах, рискуя навлечь на себя гнев Израиля и еврейского лобби в Вашингтоне? Мне не могут ответить!

Осторожные учёные молчат. Но генерал, на чьё мнение я ссылался, высказался и по этому поводу. Он выдвигает ещё одну конспирологическую версию (вступив в политическое “закулисье”, трудно остановиться!): дескать, Обама хочет “задружить” с мировым исламом и “кинуть” Израиль. Концепция, восходящая к любителю конспирологических изысканий С. Кургиняну, обозначившего её, когда Обама баллотировался на первый срок.

И то сказать, в Америке было бы крайне важно установить более тесные отношения с исламским миром. Это и полтора миллиарда жителей, и бескрайние, стратегически важные территории, и богатейшие энергетические ресурсы. Но препятствие всё то же – Израиль. И палестинская проблема, по которой еврейское государство занимает непримиримую позицию.

Как раз в разгар “арабской весны” Обама решил высказаться на сей счёт. Он призвал Израиль вернуться к границам 1967 года (между прочим, это официальное требование ООН). Президент обосновал своё предложение, указав на три опасности для Израиля: “Во-первых, чис-

ленность палестинцев, проживающих на Западном берегу реки Иордан, быстро растёт, что основательно меняет демографическую картину как в Израиле, так и на палестинских территориях... Во-вторых, вследствие развития технологий Израилю будет сложнее защищать себя в отсутствии мира. В-третьих, новое поколение арабов перекраивает регион. Продолжительный мир уже не может быть достигнут лишь с одним или двумя арабскими лидерами (разрядка моя. – А. К.). Миллионы арабов должны увидеть, что мир возможен” (newsru.com/world/22may2011/obama_print.html).

Тезис – долговременный мир невозможно заключить за спиной миллионов, свидетельствует о том, что Обама учёл уроки “арабской весны”. Конечно, от этого далеко до коварной дестабилизации региона, но связь с революционными реалиями налицо.

Тем показательнее реакция еврейского государства. Премьер Нетаньяху “категорически отверг” предложение Обамы – сразу же по окончании его выступления (lenta.ru/news/2011/05/20/borders.Printed.htm). Более того, он прибыл в Вашингтон и выступил с разгромной речью не где-нибудь, в американском Конгрессе. И конгрессмены, вместо того чтобы поддержать своего президента, восторженно приветствовали израильского премьера. Журналисты подсчитали, что речь Нетаньяху прерывали овациями 29 раз (Тополь Эдуард. Спасите Израиль! – “МК”, 09.07.2011).

Обаме ничего не оставалось делать, как дезавуировать собственный план!

Страшно подумать, какая судьба ждала бы американского президента, решился он на закулисную игру, противоречащую интересам Израиля. Достаточно вспомнить позорный конец блистательной карьеры Ричарда Никсона. Даже масштабная помощь, оказанная им Израилю в войне 1973 года, не стала индульгенцией для “президента-антисемита”. Американский руководитель, позволивший себе, пусть даже в частной беседе со своим советником, заявить: “У евреев отвратительный, агрессивный, грубый характер, поскольку они страдают от комплекса неполноценности” (maof.rjews.net/actual/13-2009-07) был с позором изгнан из Белого дома.

Учитывая все эти подспудные соображения, а заодно и геополитический расклад, Америке меньше всего нужны были арабские революции.

Кстати, взглянув на ситуацию в контексте новой Большой Игры, зададимся вопросом – так ли уж независима и патриотична была позиция Кремля? Из всех сил противодействуя восставшим народам, Россия поссорилась со всем арабским миром. Туманные намёки на то, что нашу позицию поддерживают некие “альтернативные силы” в странах Северной Африки, не более чем попытка сохранить хорошую мину при плохой игре. Реальное положение, прямо скажу, трагично. Духовный лидер исламских богослов – шейх Юсуф аль-Кардави провозгласил: “Россия стала врагом номер один для ислама и мусульман... Арабский и мусульманский мир должен встать против России. Мы должны бойкотировать её. Мы должны зачислить её в наши главные враги” (“НГ-религии”, 05.12.2012).

Стойкое сопротивление России с революционной волной в арабских странах на руку только одному игроку. Израилю.

Патриарх российских востоковедов – академик Е. Примаков без колебаний отвергает версию “американского заговора”. “Я думаю, что можно отрицать полностью фактор провокации извне... Это социальный взрыв – надо относиться к этому так, как есть на самом деле, это чисто социальное явление” (newsru.com/kussia/22feb2011/primus_print.html).

Разумеется, сказанное не означает, что Соединённые Штаты не продвигали своё влияние в арабских странах – до, во время и после революций. Так поступают все державы. А сверхдержава активничает больше других. Основным каналом влияния были прямые связи с режимами. Мубарак, Бен Али, Салех не по разу бывали в Соединённых Штатах, имели широкие контакты в американском истеблишменте. Ещё одна прямая линия – сотрудничество с армейской верхушкой. Американские вояки активно взаимодействовали с йеменской армией в войне против исламистов. Египетские вооружённые силы получали ежегодную помощь от Вашингтона

в размере 1,3 млрд долл. И лишь вторым-третьим планом осуществлялось сотрудничество по линии демократических партий и пресловутых НКО.

Последних при Мубараке не любили так же, как сегодня в РФ. После падения диктатора Высший совет вооружённых сил продолжил линию на вытеснение НКО из Египта. 43 сотрудникам, в том числе 19 американцам, были предъявлены обвинения в том, что они занимались “чисто политической деятельностью, не имеющей отношения к гражданскому обществу” (“Независимая газета”, 10.02.2012). На что один из американцев – сотрудник Национального демократического института заявил: “Часть наших обязательств... заключалась в том, что мы обучали всех, от исламистов... националистов, либералов, социалистов и сторонников свергнутого президента Мубарака” (“Независимая газета”, 07.06.2012).

Не поручусь за искренность американца. В любом случае заокеанская помощь НКО ни в какое сравнение не идёт с помощью египетскому правительству. Наши востоковеды подсчитали, какие суммы передавал некоммерческим организациям Египта Национальный фонд демократизации. За два года чуть больше 3 миллионов долларов. Средний размер грантов – 20–50 тыс. долл. (Фитуни Л. “Арабская весна” в глобальном и региональном измерениях. В кн.: Протестные движения в арабских странах...).

Вездесущий Wikileaks в ходе столкновений на Тахрире выдал информацию: “За революцией в Египте стоит Вашингтон”. О чём речь? О поездке в США некоего диссидента, который с помощью американского посольства побывал на съезде “Альянса молодёжных движений”. В рамках форума он встретился с второстепенными чиновниками американской администрации, которые “интересовались планами демократических перемен в Египте”. Оппозиционер обозвал их “пособниками преступлений Мубарака”. В свою очередь американцы сочли “нереалистичным” представленный им план смены режима. По возвращении в Египет диссидента арестовали (newsru.com/world/31jun2011/US_mubarak.html).

И эту клоунаду пытаются представить как задокументированный факт “вмешательства Вашингтона”?

По-настоящему взяться за ум американцев заставила угроза падения правительств. Прежде всего Мубарака. Нужно было срочно найти приемлемую замену и тем самым минимизировать ущерб. Об этом откровенно сказал Е. Примаков: “...Началась небывалая активность – президент Обама несколько раз разговаривал с президентом – когда он ещё был президентом – Мубараком, была постоянная связь с генералом Сулейманом. Всё это было моментально активизировано, и даже бывшие дипломаты, которые имели хорошие связи в Каире, сразу вылетели в помощь посольству”.

Наверняка в те дни в Каире можно было встретить немало известных лиц не только из Вашингтона, но из Москвы, Анкары, Тель-Авива, Пекина, Парижа, Лондона. И наверняка круг их контактов не ограничивался представителями власти. Те же американцы могли рассчитывать не только на генерала-разведчика Сулеймана, с дальним прицелом занявшего пост вице-президента, и не только на министра обороны фельдмаршала Тантауи, но и на ряд оппозиционеров, слывших “прозападными” – прежде всего на Амр Мусу, бывшего генерального секретаря Лиги арабских стран, и аль-Барадеи, бывшего главу Международного агентства по атомной энергии. С этими фигурами работу, скорее всего, вели по-настоящему. Молодые блогеры типа Вазля Гонима “отдыхали”.

Но, как выяснилось вскоре, договариваться нужно было не с престарелыми “бывшими”, а с разгневанной молодёжью. Именно она не позволила Сулейману перенять власть у обречённого Мубарака. Она же не дала засидеться на освободившемся троне фельдмаршалу Тантауи. Народ не поддержал и прозападных политиков.

Выяснилось: ни поддержка полиции и армии внутри страны, ни помощь ведущих мировых держав не могут гарантировать беспрепятственного пребывания на вершине власти. “Бог дунул – и они рассеялись”, – как говаривали во время оно. В данном случае вершителями истории выступили народные массы.

Попытки принизить, а то и вовсе игнорировать их роль (что наблюдаем в России): 1) несправедливы, 2) недалёковидны и 3) опасны.

Опасны потому, что дезориентируют не только массы, которые пытаются отвлечь от участия в историческом процессе, но и тех, кто манипулирует ими. Чтобы сохранить в руках бразды правления, власть имущие должны иметь перед глазами реальную картину происходящего, а не конспирологическую страшилку.

Есть такое политологическое понятие – “конспирология слабых”. Это именно то, что навязывают нам. “Тайное” знание и зрение, которые выдают за высшую мудрость, на самом деле чудовищно искажают реальность. Бессовестно принижают роль народов и безмерно преувеличивают значение “избранных” – идёт ли речь о так называемых “элитах” государств или о самих государствах, прежде всего сверхдержаве.

Конспирологи возопят: да мы же разоблачаем Америку!

Но если вдуматься, “разоблачители” наделяют Соединённые Штаты такой силой, которой у них нет! Гигант, манипулирующий миллионами людей на всех континентах. Свергающий и возводящий на трон десятки правителей – революции вышли далеко за пределы арабского мира. Да это же не оборимый демург! Если додумывать до конца – сопротивляться ему бесполезно. Не случайно не раз поминавшийся мною генерал в панике восклицает: “Получается, что ситуацию можно “раскачать” в любой момент, на любой территории, по любому поводу” (“Завтра”, № 9, 2011).

Преувеличивая силу соперника, наши борцы с “закулисой” готовы едва ли не капитулировать перед ней. Или так закрутить гайки, что не только революция – любое развитие станет невозможным.

И то и другое американцам выгодно. Ибо обрекает Россию на бесплодие, застой, гибель.

Полюбившаяся многим конспирология предельно сужает угол обзора. Перегружает информацией ненужной, зачастую вздорной, лишая той, что действительно необходима. Да как вы не понимаете – нам нужен открытый, всеохватный взгляд на события. Тогда мы получим панорамную картину происходящего. А то так и просидим всю жизнь в берлоге, замирая от мнимой опасности.

Революции в арабском мире – не триумф, а провал американской разведки и политики Вашингтона в целом. Резко ухудшилось не только положение Израиля, подорвано влияние Соединённых Штатов в регионе. Дружественные режимы пали. Армейское руководство, тесно связанное с Пентагоном, оттеснено от политики. К власти пришли несговорчивые исламисты, которые по поводу и без повода обличают Америку. Характерный заголовок в газете – “Президент-исламист (Мурси. – А. К.) указал США на ошибки” (“Независимая газета”, 24.09.2012).

Но главное – против Америки арабская улица. Ненависть выплёскивается при первой же возможности. Очередным поводом стал провокационный фильм “Невинность мусульман”. В Каире, Тунисе, Санае (Йемен) толпы разгневанных мусульман штурмовали американские посольства. В Каире они сожгли американский флаг и подняли чёрный, считающийся символом “Аль-Каиды”. В Санае погромщикам удалось проникнуть на территорию посольства. Они подожгли несколько автомобилей и принесли битые стёкла в зданиях (“Независимая газета”, 14.09.2012). При штурме американского представительства в Бенгази (Ливия) разъярённая толпа растерзала посла США.

Заметьте, всё это страны победившей “арабской весны”. Что даёт недвусмысленное представление о направленности революционного процесса.

Выразительный итог двух лет потрясений на Ближнем Востоке подвёл бывший английский разведчик Алистер Крук в интервью телекомпании Russia Today. Он с горечью отметил, что многим “показалось”, будто события развиваются по “западному пути”. Тогда как на деле “они были направлены против политики неолиберализма и поддержки США и Израиля” (RT, 25.09.2012).

О провале политики Вашингтона размышляет и американский специалист по Ближнему Востоку Аарон Дэвид Миллер в статье, опубликованной в “Лос-Анджелес таймс” (14.11.2011). Характеризуя отношение

аравов к Соединённым Штатам, он пишет: “Почти никто не хочет поддерживать американскую политику, ставшую столь непопулярной во всём регионе”. Миллер констатирует: “Позиции Америки слабее, чем когда бы то ни было”. С нескрываемой неприязнью он замечает: “Что касается арабов... они становятся хозяевами своей судьбы (разрядка моя. – А. К.) и получают наконец возможность решать, как им устраивать свою жизнь. Но для Америки этот опыт может оказаться не таким счастливым”.

Эх, конспирологи! Ничегошеньки-то вы не знаете. Всё норовите заглянуть за кулисы, а того, что перед глазами, разглядеть не можете! Поверить вам, так Соединённые Штаты оказались в шаге от мирового господства. Тогда как они потерпели позорное фиаско.

Под угрозой не только политические, но и экономические интересы Запада. Прежде всего бесперебойное снабжение энергоносителями. В России популярна версия (опять конспирология!), будто американцы дестабилизируют арабские страны для того, чтобы обеспечить себе полный контроль за добычей нефти и газа. Но когда волнения перекинулись на Кувейт, Бахрейн, Восточную провинцию Саудовской Аравии – центр местной нефтедобычи, – стало ясно, что колоссальные риски превышают возможные выгоды.

Это при условии, что конспирологи правильно “расшифровали” намерения США. Однако реальность заставляет усомниться в выдвинутой версии.

Казалось бы, где и ждать появления американских компаний, как не в “покорённой” (или “освобождённой” – как кому нравится) Ливии. Я внимательно следил, какие контракты заключит новое правительство в Триполи. А оно отказалось от подписания новых договоров (vesti.ru/doc.html?id=566132). В страну вернулись фирмы, работавшие при Каддафи – американская *Copoco Phillips*, британская *BP*, итальянская *Eni* и... российские “Газпром-нефть” и “Татнефть” (vestifinance.ru/articles/21402). То ли у американцев случился “облом”, то ли – “не очень-то и хотелось”.

Не слишком продвинули американцы интересы своих нефтедобытчиков и в Ираке. Вот данные о контрактах, заключённых местным министерством нефти в 2009–10 годах, которые составители “Википедии” охарактеризовали как “одну из крупнейших распродаж нефтяных месторождений” (ru.wikipedia.org/wiki. Статья “Экономика Ирака”). В списке победителей 2 компании США (*Exxon* и *Occidental*), 2 из Великобритании (*BP* и *Shell*), 2 из России (*Лукойл* и *Газпром*) и по одной из Малайзии (*Petronas*), Китая (*CNPS*), Франции (*Total*), Италии (*Eni*), Норвегии (*Statoil*), Кореи (*Kogas*), Турции (*TPAO*). Как видим, нет и следа американского доминирования.

И это в стране, где недавно стояли бравые джи-ай! Ирак готов возобновить сотрудничество с Россией не только в нефтяной области, но и в военной. В ходе визита в Москву премьер Нури аль-Малики договорился о закупке ракетно-пушечных комплексов “Панцирь-С1Э”, боевых вертолётов Ми-28НЭ и другой техники. Всего на сумму 4,2 млрд долл. (“Независимая газета”, 11.10.2012).

Правда, после возвращения премьера в Багдад военный контракт был поставлен под сомнение – якобы из-за “коррупционной составляющей”. Скорее всего, это происки американцев, для которых инициатива их союзника в Багдаде стала неприятным сюрпризом.

Аль-Малики всё чаще демонстрирует самостоятельность. При нём Багдад наладил сотрудничество с Тегераном – злейшим врагом Израиля и Соединённых Штатов. Он распорядился беспрепятственно пропускать иранские транспортные самолёты в Сирию. Не будь этой помощи, режим Асада давно бы пал. Эксперты подчёркивают: иракский премьер “всё чаще ведёт себя не как союзник, а как непредсказуемый авторитарный лидер, не желающий считаться с Вашингтоном” (“Коммерсантъ”, 01.04.2012).

Скорее всего, конфуз ждёт Соединённые Штаты и в Кабуле. “...Уход Афганистана из орбиты американской политики становится практически неизбежным”, – предупреждают наблюдатели (“Коммерсантъ”, 01.11.2011).

Разумеется, дело не в “непредсказуемости авторитарных лидеров”, как интерпретируют смену курса авторы, благоволящие Вашингтону. Аль-Малики и Корзай вынуждены считаться с политикой своих сосе-

дей – Ирана и Пакистана, а главное, с настроением своих народов. Это и заставляет их отдаляться от Соединённых Штатов.

Если Вашингтон не в силах контролировать оккупированные страны, то как он может диктовать курс Египту, Тунису, Йемену, Ливии, где нет американских войск и где политики в той или иной мере зависят от своих народов. Соединённые Штаты смирились с очевидным. Не то чтобы они стали менее агрессивными. Но пришло осознание предела своих возможностей. Сегодня в Вашингтоне популярен лозунг: “США не могут всё делать за всех” (Васильев А. М. Ук. соч.). Пора бы и нашим политикам осознать эту реальность.

Откуда же странная слепота? Казалось бы, кому как не россиянам, взявшимся вновь оппонировать дяде Сэму, зорко выцеливать его просчёты и использовать в своих интересах? А тут – историческое фиаско Вашингтона, а Москва продолжает делать вид, будто верит в хитроумие американцев.

Риску предположить: российский офицер не спешит зафиксировать поражение Соединённых Штатов потому, что победитель ещё более антипатичен нашей элите, чем администрация Обамы. Это – арабская улица. И – шире – восставший народ. Политики, политологи, конспирологи боятся народных масс и с недоверием, неприязнью, негодованием встречают их победу.

Аналитики верно подметили особенность ближневосточных революций: “...В странах, где уже пали или зашатались режимы, власти относились к народу с презрением” (“Независимая газета”, 22.02.2011).

Вспомните Мубарака. В последние годы его тридцатилетнего правления в нём не осталось почти ничего живого. Глаза – и так восточные, траурные – были мертвы. Но в надменной посадке массивной головы, в хищном её повороте, в профиле, напоминавшем профиль грифа, теплилась искра жизни. Импульс презрения и неприязни, пронизывавший каждого, кто видел президента.

Египтяне “не доросли до демократии”, – заявил в ходе волнений мубаравский премьер Ахмед Назиф (“МК”, 19.04.2011). Таким было мнение всей политической верхушки Египта.

А разве по-другому думает российская элита? Конечно, у нас высказываются поделикатнее: Европа всё ж! Но суть та же: “Настоящая демократия не создаётся одномоментно... Необходимо, чтобы общество было готово к использованию демократических механизмов”, – из предвыборной статьи В. Путина “Демократия и качество государства” (“Коммерсантъ”, 06.02.29012).

Египетский народ преподнёс неприятный сюрприз не только собственным раисам – всем властителям, полагающим, что подданные до демократии “не доросли” и никак не обучатся пользоваться её “механизмами”.

Российская элита – как до неё египетская, тунисская и т. д. – предпочитает списывать успехи арабских революций на “козни американцев”. Лишь бы не признавать силу и созидательные способности народов, поднявшихся на борьбу.

Каких только определений не придумали, чтобы охарактеризовать “арабскую весну”. “Заговор”, “смута”. Заговорили о “Twitter-революции”, пытаясь сосредоточить внимание на технической стороне дела. Восставшие, действительно, общались между собой в основном через Twitter и Facebook. Но, когда власти отключили интернет, общение переместилось в мечети. Важны не сами по себе каналы связи, а тот настрой, который с их помощью выражали “несогласные”.

Австралийский эксперт по информационным технологиям Эндрю Тэттерсолл справедливо отверг термин “Twitter-революция” как некорректный, предложив куда более ёмкую характеристику – “революция людей” (цит. по: Исаев Л. М., Шишкина А. Р. Египетская смута XXI века. М., 2011).

Это самое важное – против Мубарака выступили миллионы людей. Они представляли все слои общества. Вазэль Гоним свидетельствует: “Египтяне, принявшие участие в Jan28 (грандиозной демонстрации 28 января. – А. К.), были разных классов, полов, возрастов, с разным образованием. Люди постарше шли бок о бок с подростками и студентами и вместе скандировали: “Народ хочет свергнуть режим!” Деспотический режим душил их тридцать лет, и они были готовы наконец дать отпор” (Гоним Вазэль. Ук. соч.).

Что стояло за внезапно обретённой готовностью? Арабисты скажут: египтяне – в отличие от ливийцев или иракцев – народ спокойный. Вся их культура – песни, пословицы, богословские трактаты – говорит о терпении, возводя его в норму поведения (см. исследование великолепного знатока местной культуры А. Васильева “Египет и египтяне”. Изд. 3-е. М., 2008).

Нужен был радикальный внутренний переворот, чтобы привыкшие к долготерпению люди толпами повалили на площадь.

Я уже обозначил подступы к разговору об этом явлении, сказав о “личной революции” в душе человека.

Пришло время более обстоятельно изучить произошедшую трансформацию. Иначе мы рискуем ничего не понять в египетских событиях. И в тех глобальных переменных, которые они, по моему убеждению, предвещают. Не забудем, что глава называется “Будущее рождается на площадях”.

Итак, какой он – человек будущего, явившийся на Тахрире? Прежде всего он преодолел страх. Тридцать лет в Египте действовал режим чрезвычайного положения. Он давал фактически безграничные полномочия полиции и госбезопасности. Люди боялись собираться группами – не то что выходить на демонстрации протеста. Активисты политических партий, чья деятельность периодически запрещали, в большинстве прошли через тюрьмы. И когда в январе 2011-го начались волнения, они не спешили подставиться под удар. Место на площади заняли молодые блогеры, сетевые хомячки, не нюхавшие настоящей борьбы. Но когда 25 января на Тахрире полиция начала стрелять резиновыми пулями, поливать их из водомётов и травить газом, они не разбежались. Столкновения продолжались несколько часов!

Ваэль Гоним пишет: “Египетская революция показала нам, что огромные массы людей, которые обычно не расположены к риску и не являются активистами, могут, объединившись, стать отважными и деятельными” (Гоним Ваэль. Ук. соч.).

Но объединиться мало. Нужна сумасшедшая мотивация, позволяющая преодолеть политическую апатию, разобщённость. Такую мотивацию Гониму и его сверстникам дало чувство причастности к судьбе страны. “Без причастности и без надежды я бы умер, – писал на своём сайте Гоним. – Если я буду жить без стоящей цели, то буду не лучше животного, которое живёт, чтобы есть, спать и наслаждаться” (там же).

Египетский блогер точно выразил суть. Его отвержение жизни без цели заставляет вспомнить классический трактат Аристотеля “Политика”. Великий мыслитель определял человека как “существо политическое”, а живущего “вне государства” уподоблял животному (Аристотель. “Политика”. М., 2002).

Как бы я хотел, чтобы эту переключку через тысячелетия услышали мои соотечественники! Ведь они в большинстве до сих пор убеждены, что смысл жизни в наслаждениях. А те, кому на это претендовать не по карману, просто едят и спят, вполне довольные судьбой. С насмешкой, а то и с откровенной злобой они именуют всех, кто стремится к более высоким целям, чудиками и маргиналами.

Совсем недавно тот же настрой был характерен и для египтян. Помните сетования Гонима: “Отчего мы говорим: “Это их страна. Гори она огнём, мне-то что. Я не могу исправить мир” (там же). Жители Египта сумели преодолеть подобные настроения. Вот с этого и начинается человек будущего. Которому под силу всё – и революция, и созидание. С неравнодушия. С осознания того, что судьба страны и мира от него зависит.

Чувство причастности, о котором писал Гоним, породило острое ощущение недовольства положением страны и народа. “Прежние правители опустили нас на самое дно, египетский народ достоин иного”, – говорят жители Каира после свержения Мубарака (“Новости”, Евроньюс, 17.06.2012).

“Восстановление достоинства” стало своеобразным паролем египетской революции. Этим призывом активисты собирали египтян на первую демонстрацию: “25 января египетский народ восстановит своё достоинство, отправив эль-Адли (министр внутренних дел. – А. К.) в отставку. Для этого тем, у кого есть достоинство, следует собраться перед зданием МВД” (Иса-

ев Л. М. Социальные сетевые технологии и революционный процесс в Египте. В кн.: Протестные достижения в арабских странах...).

Те же слова повторяли, празднуя победу: “Мы – в новом Египте! Мы вернули честь и достоинство великого Египта” (Васильев А. М. Африка и вызовы XXI в...).

Жизнь ради такой, действительно, “стоящей цели” совершенно изменила поведение массы египтян. Они не просто дни и ночи стояли на Тахрире, несмотря на атаки полиции. Они проявили чудеса самоорганизации. Ту самую креативность, о которой много говорят у нас, но почему-то как о признаке профессии или статуса, а не как о принципе жизнедеятельности.

Трагикомическая подробность: во время прошлогодних майских “гуляний” оппозиции в Москве остро встала проблема передвижных туалетов. На Тахрире её решили на раз. Да как озорно: умельцы переделали под эти нужды подбитые броневики!

Организация быта сотен тысяч людей, неделями проводивших время на площади, требовала незаурядных административных способностей и немалой изобретательности. В центре установили палатки, где оппозиционеры ночевали. Добровольцы раздавали питьё и еду. Специальные бригады убрали мусор. Мобильные телефоны и ноутбуки подзаряжали у пульта, подключённого к уличному фонарю. Желающие побриться пользовались услугами парикмахера-добровольца. Медики развернули на Тахрире передвижной госпиталь. К концу стояния здесь работала своя радиостанция и издавалась газета “Майдан Тахрир” (news.com/world/4feb2011/mitzraim_print.html).

Когда власть натравила на протестующих уголовников, руководство обороной взяли на себя активисты “Братьев-мусульман”. Они разделили собравшихся на десятки. Одни стояли на баррикадах и бросали камни в нападавших. Другие подносили булжники. Третьи выковыривали их из мостовой (Васильев А. М. Ук. соч.).

И такую же организованность и дисциплину проявляли египтяне по всей стране. Политолог Ш. Султанов вспоминал: “Мубараковский режим выпустил уголовников из тюрем, чтобы организовать хаос на улицах. Тут же появились отряды самообороны, которые патрулировали населённые кварталы. Режим Мубарака при помощи своих подручных пытался организовать столкновение народа с армией. Опять была проявлена удивительная дисциплина и этого не произошло” (“Завтра”, № 7, 2011).

У нас не только обыватели, но и политики с политологами любят говорить о массах как о “неорганизованной”, “бесмысленной” толпе. Мужество и изобретательность, проявленные египтянами на Тахрире, позволяют взглянуть на явление по-другому. Вазль Гоним справедливо пишет о “мудрости толпы”.

Мудрость египетских масс резко контрастировала с поистине безумным поведением диктатора. Престарелый президент физически не мог выполнять свои обязанности. Во время записи его последнего обращения к нации Мубарак дважды терял сознание (Васильев А. М. Ук. соч.). И всё-таки он цеплялся за власть!

Свой уход президент омрачил пролитой кровью. Полиция стреляла по демонстрантам не только резиновыми пулями, но и боевыми патронами. Во время телетрансляций с Тахрира видно было, как военная техника на полном ходу врывается в толпу и давит людей. За 18 дней погибло 850 манифестантов. Раненых – несколько тысяч (“МК”, 21.07.2011).

Пропаганда запугивает обывателя “ужасами революции”. Забывая уточнить: как правило, эти “ужасы” – результат действий правящего режима. Вот кого мирным гражданам следует опасаться гораздо больше, чем митингующих.

Новый посол Египта в России А. Эльхадиди с гордостью отметил: “Особенность египетской революции в её мирном характере. Не было никаких репрессий” (со стороны победителей. – А.К.) (“МК”, 21.07.2011).

Два года назад – в феврале 2011-го египетский народ доказал свою гражданскую зрелость. Конечно, история на этом не остановилась. Сегодня Тахрир снова бурлит. Повод – принятие исламской Конституции, против которой выступали сторонники светской модели государства и копты-христиане.

Конституция – детище президента М. Мурси, выдвиженца “Братьев-мусульман”. Его победа на выборах была запрограммирована. Египетская глубинка, неграмотная в прямом смысле слова и тем более неискушённая в партийной борьбе, не знает других политических сил, кроме исламистов и представителей прежнего режима. Показательно, во второй тур президентских выборов, наряду с Мурси, вышел Ахмад Шафик, занимавший премьерский пост в одном из правительств при Мубараке.

Но революцию делали другие люди. В основном студенты и городской средний класс. Они куда более сведущи в политике. И голосовали они по-другому – в Каире и Александрии в первом туре победил социалист Хамдин Саббахи. На референдуме по Конституции жители Каира и Александрии проголосовали против её принятия.

В этих условиях М. Мурси следовало проявить больше такта. Но в том-то и беда постреволюционных государств: свергнутые режимы, авторитарные по своей природе, не формируют полноценной политической культуры, которая учит население искусству выбора, а лидеров – искусству компромисса.

Сторонники авторитаризма – в арабских странах и у нас в России – с мстительным удовлетворением указывают на новые протесты, нахраписто проталкивая мысль: видите, чем всё обернулось. Не стоило и начинать!

На самом деле, нынешний кризис доказывает другое: начинать следовало раньше. Нормальная государственная жизнь невозможна без политической культуры. Быть может, главное зло прежних режимов в том, что они не только не сформировали её, но жестоко затапывали стихийно пробивавшиеся её ростки.

К счастью, в арабских странах многие понимают это. Молодые ветераны Тахира не опустили руки: мол, поиграли в политику и хватит. “Мы убрали Мубарака и в силах добиться ухода Мурси”, – заявляют наиболее решительные (“Новости”, Евроньюс, 28.01.2013). И это – не безответственная “буза”, постреволюционное “похмелье”, как пытаются представить происходящее СМИ, а осмысленная борьба за новый Египет.

В странах победившей “арабской весны” немало недовольных. Но поглядите – на Ближнем Востоке, где народы тесно связаны между собой и знают, что происходит у соседей, – не стихают революционные выступления. Манифестанты штурмуют парламент в Кувейте. Несмотря на присутствие оккупационных саудовских войск, не смирился Бахрейн. Непокойно в Иордании. Разочаровавшись в тех или иных выдвиженцах революции, арабские массы не разочаровались в самой революции.

Въедливый читатель спросит: а как же Ливия и Сирия? Почему автор ничего не говорит о ситуации в этих странах? Она, что, не укладывается в его концепцию?

Отвечу: не укладывается. Но не только в мою концепцию, а в общеарабский тренд. Если в Египте, Тунисе, отчасти Йемене он определялся стремлением к демократизации, то в Ливии имеет место межрегиональный конфликт (богатая нефтью Киренаика против Центра), а в Сирии межконфессиональный (сунниты против алавитов). Из-за глубины противоречий и бескомпромиссности сторон политическое противостояние быстро переросло в вооружённое. Активистка Фуддаз Сулейман с горечью подметила: “Революция (в Сирии. – А. К.) превратилась в вооружённую революцию, а это совсем не то, чего мы добивались” (“Евроньюс”, 27.03.2012). Наконец и в той и в другой стране ситуация осложняется иностранным вмешательством. Всё это требует специального анализа (заинтересовавшимся рекомендую книгу А. Васильева “Африка и вызовы XXI века”, М., 2012).

Завершая разговор об “арабской весне”, сошлюсь на мнение одного из самых авторитетных политиков Ближнего Востока президента Турции Абдуллаха Гюля. В пространным интервью российской прессе он дал чёткую формулировку: “Произошедшие народные выступления опровергли устойчивое искажённое представление о том, что демократическая форма правления в нашем регионе невозможна, и показали решительность народов в стремлении восстановить поправленную честь и достоинство. Нынешний этап является поворотным моментом, после которого возвращение к старому невозможно” (“МК”, 08.09.2011).

(Продолжение следует)

ЗАХАР ПРИЛЕПИН

СОРТИРОВКА И ОТБРАКОВКА ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Штрихи к портрету либерала

Нам только повод дай, а что сказать, мы всегда найдем. Повод дала **Татьяна Никитична Толстая**, вдруг заявившая, что я “презираю интеллигенцию”.

Бог с вами, Татьяна Никитична, как вам такое вообще в голову могло прийти. Ряд моих недавних текстов действительно имел критический настрой – но касался он никак не интеллигенции в целом, но либеральной интеллигенции, или, если брать чуть шире, новых буржуазных элит.

Либеральная интеллигенция и новая буржуазия – это не совсем одно и то же, но в целом объекты соприкасающиеся. Например, **Михаил Прохоров** – это яркий представитель новых буржуазных элит, а прекраснодушные люди, что организовали группу его поддержки – это либеральная интеллигенция.

Надо заметить, что расхождения между **Путиным** и **Прохоровым** на существенном уровне – чисто стилистические. Занимаются они примерно одним и тем же, и поддерживают их из числа элитариев примерно одни и те же люди (... плюс искренне, от всей своей широкой души заблуждающиеся. То, что, скажем, **Александр Проханов** очень хочет поверить в патриота Путина, больше говорит о Проханове, чем о Путине. С тем же успехом **Евгений Ройзман** пытался убедить себя в искренней оппозиционности Михаила Прохорова).

Над тщетными попытками нынешней буржуазии считать себя новой российской аристократией либеральная интеллигенция для виду посмеивается, но в целом она за продолжение этого, что называется, тренда. Патентованные выгодоприобретатели приватизации должны стать нашим дворянством и взять управление страной в свои твердые руки.

То, что дворяне из них получают не многим лучше, чем из числа бывших кагэбешников, либеральную интеллигенцию не очень мучает.

Нам очень любят рассказывать байку, что “первичное накопление капиталов в США” тоже было бандитское – но раз у американцев образовалась своя элита из бывших бандитов, значит, и нам надо подождать.

И вот мы прождали четверть века, у первых приватизаторов уже внуки выросли – а результат не просматривается. Где эти меценаты и просветители, душу и кошелек готовые положить на благо России? Давайте, может быть, еще полвека подождем? Мы же не торопимся никуда.

Либеральная интеллигенция, как в том пошлом анекдоте про двух зэков, по поводу наших буржуазных элит упрямо заявляет: “А нам они нравятся!”.

Почитайте, к примеру, рассказ **Виктора Ерофеева**, как однажды у него в гостях собралось сразу пять российских миллиардеров. Это ж не рассказ, это — ода.

Если бы сегодня вместо Прохорова в политику пошел бы любой представитель российского списка “Форбс”, либеральная интеллигенция сразу же составила его пламенную группу поддержки. Любой, говорю, миллиардер. То есть тип, ничем кроме наличия необъятных денег до сих пор не подтвердивший своего права претендовать на управление Россией.

Ситуация с самозваной аристократией отчасти отражает ситуацию с самозваной либеральной интеллигенцией.

Дело в том, что класс интеллигенции в Советском Союзе был, как многие до сих пор помнят, действительно обширен. К интеллигенции относились все эти пресловутые физики и лирики, читатели толстых журналов, учителя и даже библиотекари, кандидаты и доктора гуманитарных и прочих наук, инженеры НИИ.

К несчастью, почти все из них были деморализованы либеральными реформами и низведены на маргинальный уровень. Эта интеллигенция исчезла как класс — мало того, либералы еще и оттоптались на них. Ну-ка, давайте вспомним, сколько раз мы читали в прессе про НИИ, где “никто не работал” и “все просиживали штаны”? Ничуть не реже мы слышали про бессмысленность и скудность советской филологической школы (на самом деле, одной из сильнейших в мире и ныне рассеянной).

Даже не будем затевать долгий разговор о существовании рабочей и крестьянской интеллигенции. (Хотя была и такая: собственно, я сам вырос в интеллигентной крестьянской семье и являюсь горожанином в первом поколении: все мои предки в прямом смысле пахали землю, отец первым из числа всей моей многочисленной деревенской родни получил высшее образование и стал сельским учителем). В наши времена об этом вспоминать моветон.

Та же Татьяна Никитична Толстая в интервью, где обвинила меня, заодно обвиняет дореволюционное крестьянство в презрении к интеллигенции, которая из сил выбивалась, чтоб этого крестьянина обучить и вылечить — а он, зверь пахучий, нос свой воротил и на “спасибо” так и не разорился.

Дореволюционное крестьянство — дело прошлое, а вот презрение либеральной интеллигенции ко всем остальным советским видам интеллигенции — вещь очевидная.

Произнесите в присутствии Татьяны Никитичны, к примеру, “советская рабочая интеллигенция” — и по ее вспыхнувшему взору сразу убедитесь в моей скучной правоте.

Наряду с ликвидацией иных социальных видов интеллигенции, либералами были побеждены в неравном бою и прямые идеологические оппоненты: в частности, интеллигенция “левого” и “правонационалистического” толка. Найти сегодня серьезного человека, вслух готового сказать о симпатиях, скажем, к журналу “Наш современник”, фактически невозможно. Но, между прочим, там по сей день публикуется ряд крупнейших мыслителей и литераторов современности.

Сегодня либеральная интеллигенция даже не втайне, а въяве уверена, что никаких других интеллигентов кроме них самих не существует.

Это как-то незримо, но вместе с тем ощутимо рассеяно в воздухе.

Вот давайте честно ответим себе на вопрос, кого мы считаем интеллигентом? Если не задумываться и отвечать мгновенно, услышав (навскидку) фамилию “**Ростропович**”, любой из нас тут же ответит “да, это интеллигент”, а услышав “**Василий Белов**” — даже я, и то задумаюсь.

Татьяна Толстая — точно интеллигент, никто не спорит, а **Валентин Распутин**... да Бог его знает!

Но разве моральный вес или интеллектуальная правота Ростроповича так уж кардинально превосходили моральный вес и интеллектуальную правоту Василия Белова?

Ответ простой: Белов не являлся носителем либеральных ценностей, а таких интеллигентов, как мы откуда-то поняли, не бывает.

Либеральная интеллигенция очень любит возводить свою генеалогию, например, к **Чехову** или к **Михаилу Булгакову**, что, хоть и лестно ей самой, никакого отношения к действительности не имеет.

С тем же успехом можно и Блока назвать либералом.

Если любой здравомыслящий человек попытался бы представить, как Чехов, Блок или Булгаков относились бы к нынешним либеральным витиям — он бы натурально ужаснулся.

Своим оппонентам либеральная интеллигенция очень любит рекомендовать читать “Бесов” Достоевского, и тут вообще все переворачивается с ног на голову. Потому что “Бесы” — именно что антилиберальный роман, и к столу лелеемому либералами февралю 1917 года имеет отношение куда большее, чем к октябрю.

Между прочим, царя свергли либералы, а то мы все время забываем об этом. И отречение его тоже приняли, не поверите, либералы. Мало того: Гражданскую войну развязали никто иные, как либералы. Большевики, да, забрали у них власть (тоже, кстати, фактически бескровно) — но никакого желания воевать по этому поводу не изъявляли. Однако от созидательной государственной деятельности их надолго отвлекло антисоветское либеральное подполье и военные походы, организованные генералами, не желавшими расставаться с завоеваниями февраля — ну, то есть, патентованными либералами.

Неповоротливые большевики, две трети истории Советского Союза тщетно пытавшиеся сдвинуть создаваемый ими строй на позиции консервативной революции, должны были “Бесов” популяризировать и переиздавать, а не наоборот. Тогда бы в конце 80-х у интеллигенции была бы реальная возможность узнать многих бесов в лицо.

Но этот процесс задержался на четверть века.

Сегодняшние путешествия по России, желательно не из Москвы в Петербург, а из Калининграда во Владивосток, дают удивительное ощущение наличия — да, обедневшей, да, брошенной, да, разрозненной, — но, безусловно, что называется, национально ориентированной интеллигенции. Вовсе не либеральной, но, скорей, как либералы бы сказали — охранительной. И вместе с тем в чем-то куда более радикальной, чем интеллигенция либеральная.

И это тоже парадокс, который либеральная интеллигенция замечать не хочет никак. В России есть огромное количество образованных, воспитанных и крайне полезных обществу людей, которые, не поверите, кардинально иначе, чем либеральная интеллигенция, расценивают и ситуацию в России в целом, и все последние скандалы — от дела “Пусси Райот” до дела Магнитского, — и при этом вовсе не стремятся голосовать всеми руками за действующую власть, но зачастую презируют ее еще острее и болезненней.

Наверное, надо перечислить несколько отличительных черт либеральной интеллигенции, чтоб было понятно, в чем ее отличие от просто интеллигенции.

Для начала, представители либеральной интеллигенции — категорические антисоветчики. Наверное, не все антисоветчики — либералы, но большинство либералов, ничего тут не поделаешь, неистово презируют все советское.

Между тем, советское — это как раз апофеоз народного участия в истории. И в самом высоком смысле, и в самом дурном. С одной стороны, — это серебряный век престонородья, давший России целую плеяду имен ученых, военачальников, писателей, музыкантов, режиссеров: что бы нам теперь ни рассказывали про “вертикальную мобильность” царского времени — там и близко не было подобной ситуации. С другой стороны — да, неотъемлемая часть советского проекта — все те безобразия, которые творила “чернь”: отменить их невозможно, и забыть не удастся.

Однако либеральная интеллигенция видит в большевистской революции и советской истории исключительно “окаянные дни” и всевластие “кухарок”.

В итоге, когда наши либералы рассказывает, как они любят народ, я почему-то втайне думаю, что под “народом” они имеют в виду по большей части свое отражение в зеркале.

Именно поэтому либеральная интеллигенция так любит повторять, что она не обязана любить народ в его худших проявлениях — а любит его за лучшие качества. Вот я и говорю: либеральная интеллигенция — любит под видом народа себя как носительницу лучших качеств народа.

И пусть вас не вводит в заблуждение недавнее участие ряда либеральных деятелей в недавних массовых протестах.

В целом либеральная интеллигенция никакой революции не желает. Она желает другого — оседлать любые стихийные процессы, чтоб истинно национальной революции не случилось.

Народа, ну, то есть черни, либералы втайне ужасно боятся и сделают все, чтоб чернь в свои руки власть не взяла никогда. А то “мы помним, чем все это закончилось”.

Именно поэтому либеральная интеллигенция из числа литераторов так до комизма односторонне описывает события октября 1917 года. Тут недавно вышел первый серьезный роман **Бориса Акунина** “Аристократия” (на самом деле, такой же серьезный, как и все остальные его книжки про Фандорина) – так это тысяча первый пример беллетристики подобного рода. Все большевики в романе (кроме одного маньяка, свихнутого на своей честности) – натуральное зверье и дегенераты, а их противники – Белые рыцари. Акунин их так и называет: Белые рыцари.

То, что в Белой армии был повально распространен антисемитизм и антисемитские листовки над красногвардейскими частями разбрасывались этими “рыцарями” с последовательностью просто удивительной, либеральная интеллигенция предпочитает не помнить. Что еще раз подтверждает, с каким неприятием и ужасом взирает либеральная интеллигенция на “чернь”: противникам “черни” можно простить все что угодно.

И если эта “чернь” приходит к власти, то пусть тогда страны такой не будет вообще в природе.

“А насчет Родины... К черту такую Родину”, – так завершается одна из глав акунинского романа. Слова эти произносит главный (и очень симпатичный автору) герой, покидая Россию после большевистской революции.

Критик **Лев Пирогов**, читая дневники **Андрея Тарковского**, однажды обратил внимание на рассуждения режиссера о том, что жить в Союзе стало совсем невыносимо, и вот поэтому пришлось уехать.

Почему, задался резонным вопросом Пирогов, представить в такой ситуации **Василия Шукшина** просто невозможно?

Они ж в одной стране жили. И оба были великим режиссерами. И обоих мучили чиновники от культуры.

Но чтоб Шукшин уехал?

Все помнят 90-е годы – безусловно ставшие апофеозом либерализма в России.

Можем ли мы себе представить, что любой представитель т.н. патриотической интеллигенции взял бы да и уехал из России тогда? – потому что жить в такой стране ему – по не менее понятным причинам, чем в случае с Тарковским! – было совсем невыносимо.

Ситуация как раз обратная: **Виталий Коротич**, редактор флага либерально-буржуазной революции – журнала “Огонек”, в 1991 году, от греха подальше, перебирается в США (нет бы полюбоваться на торжество либеральных идей в России!), а **Александр Проханов** в 1993 году, насмотревшись, как его товарищей в Белом доме расстреливают из пушек, бежит в компании критика **Владимира Бондаренко** в рязанскую деревню к писателю **Владимиру Личутину**.

Нашел куда бежать! Нет бы в Шанхай поехал.

Евгений Евтушенко, опять же, после 1993 года отбывает все в те же США, а **Эдуард Лимонов** – имевший тогда французское гражданство – прячется в Твери у знакомых своих знакомых. А как же Париж?

Вы скажете, что это случайные примеры, а я скажу, что концептуальные.

Потому что, если к власти придет Михаил Прохоров, ни один еще живой деревенщик и шагу не ступит из России. А если президентское кресло в результате некоего чуда займет **Геннадий Зюганов** (я уж не говорю про Лимонова!), – даже не стоит начинать перечисление тех, кто отсюда немедленно переберется куда подальше, шепотом повторяя: “К черту такую Родину!”.

Очень многие, да.

Свобода больше Родины – вот главный, но не произносимый вслух жизненный постулат либеральной интеллигенции.

Вместе с тем сказать, что либералы не любят Россию – было бы и глупо, и подло. Они ее любят, но выборочно. Новгородскую республику, Александра Освободителя, февральскую революцию любят. Матушку Екатерину иногда, но реже, реже. Выбор, в общем, не густой, но все больше, чем ничего.

В этом, кстати, отличие российского либерала от украинского или прибалтийского – те за любую строчку в своей истории глотку перегрызут – кро-

ме всех строчек, связанных с Россией. Беда в том, что там не связанных с Россией строк – раз, два и обчелся, поэтому их приходится додумывать.

И наш либерал, в России неустанно разглагольствующий на тему местного фашизма и ожидаемых погромов, по какой-то малообъяснимой причине, будучи в гостях у прибалтийских или украинских соседей, с их улицами и площадями, названными в честь натуральных профашистских людоедов, этих вопросов не касается категорически.

Объясняется все, опять же, просто: “национальные герои” воевали против советской власти, это важно, это ценится.

Интеллигент либерального образца с огромным нежеланием выступает в качестве адвоката России, когда о ней заходит речь – а вот в качестве обвинителя по любому вопросу готов выступать сплошь и рядом.

Сложная ситуация и с православием. Сказать, что либералы воюют с православной верой – значит, некрасиво солгать. Однако порой создается ощущение, что либералы явственно предпочитают мертвых православных священников – живым. Например, пойти к Соловецкому камню и принародно опечалиться о гибели священства в советских лагерях – это да, это обязательная программа. Но заставьте либерала принародно сказать добрые слова о деятельности РПЦ в наши дни – он с лица сойдет.

Между тем, это одна и та же церковь, и я даже не думаю, что те, убитые комиссарами, священники как-то принципиально отличались от ныне действующих, относиться к которым как минимум скептически стало нынче в либеральной среде правилом хорошего тона. Все, кто недавно наблюдали в социальных сетях и прессе буйную радость, что “Большую книгу” дали “не попу”, в очередной раз имели прекрасный шанс убедиться в этом.

В целом же жизненная философия либеральной интеллигенции кроется в неустанных мантрах об эволюции (им очень нравится это слово), она же – социал-дарвинизм (это слово им не очень нравится, хотя разницы никакой).

Под эволюцией они понимают исключительно торжество либеральных ценностей, а все, входящее с этими ценностями в противоречие, числят по разряду “мракобесия”. Любая дорога, помимо либеральной – “тупиковая ветка истории”, утверждают либералы, причем с таким апломбом, словно уже прожили историю человечества на тысячу лет вперед и вернулись к нам в день сегодняшний нас просветить.

Мы все поняли, спасибо. Это был хороший и важный урок.

Ответ на этот урок будет короток и прост.

Во-первых.

В советской истории было много ужасного, убогого и ханжеского, мы не слепые и тоже это видим. Но вместе с тем это был момент безусловной реализации народного потенциала – причем реализации во многом ошеломительно успешной.

Будущая Россия нуждается именно в этом: высвобождении национальных сил.

Высвобождение должно произойти не на основе вашей пресловутой дарвинистской концепции конкуренции и частной инициативы, а в результате смены неолиберальной экономической модели на модель просвещенного патернализма.

Во-вторых.

Буржуазия – это не наша аристократия, в основной своей массе, за редкими исключениями, никогда ей не будет, и ждать этого чудесного превращения целому (вымирающему с огромной скоростью) народу – нет никакого резона.

Нынешняя власть либеральна в силу той простой причины, что освободила деньги. Либерализм – это свобода, верно? В России деньги свободны как мало где в мире. Эти деньги плавают где хотят и не очень охотно возвращаются сюда – а должны пастись здесь, в России, и работать только на Россию.

В-третьих.

Православие ни в чем перед вами не виновато, и вред от неразумных действий отдельных священников тысячекратно ниже той колоссальной пользы, что приносит институт церкви России и русским людям.

Далее.

В России есть интеллигенция, которая ненавидит сложившийся порядок вещей куда яростней, чем вы. Просто счеты у нас к власти несколько разные.

Ну и ничего не поделаешь, Родина важнее вашей свободы.

СЕРГЕЙ КАРА-МУРЗА

О СОБЛАЗНАХ

Записи в ЖЖ

“Нам очень хочется чего-то большого и чистого...”

Январь, 01–02, 2012

Меня мало волнуют выборы – не здесь решается наша судьба. Её надо строить, и строительство будет долгим, так что время для настоящих выборов ещё не пришло, и отвлекаться на эти выборы сейчас мне бы не хотелось. Но было бы жаль, если кто-то по глупости или из корысти превратит очередную выборную интригу в цепную реакцию обострения множества конфликтов, которыми пузырится наше болото, а то и доведёт этот процесс до катастрофы. Глупее в нашем положении ничего не придумаешь, а если это делается, чтобы сорвать начало строительства нового общества, то это затея испытанная, хотя для нас совсем не полезная.

Поэтому попробую сформулировать несколько тезисов. Что-то вам, может быть, покажется любопытным, но в целом, я думаю, это не понравится почти никому. Ведь все хотят, как лучше, а главное, чтобы честно, – разве может из этого выйти какая-нибудь глупость.

Считается бесспорным, что 4 декабря на выборах были подтасовки: “Единая Россия” хапнула себе лишнего – “украли наши голоса!”. Вопрос о подмене был поднят на уровень высших ценностей, так что сколько “украли”, уже стало неважно. Торг здесь неуместен! А может, и уместен, но мы не о нём. Исследуем проблему в принципе, во всей её чистоте. Тут-то и начинаются сомнения.

Вот самый неприятный вопрос: а кому в РФ нужны честные выборы (можно перечислить все социальные группы, начиная с благородных интеллигентов и студентов до профессиональных красавиц и гопников)?

Примем за аксиому, что “честность выборов” есть ценность, безусловно, положительная. Я уважаю Касьянова и Ксюшу Собчак за их приверженность этой ценности (хотя бы избирательно, в применении к Чурову). Говорят, правда, что со многими другими типами честности они ведут себя вольно. Ну, да ладно, а за эту честность – им *респект и уважуха*.

С другой стороны, ценности не плавают, как пельмени в кипятке, а встроены в системы. И тут возникает несуразица: почему целые толпы образованного народа, в общем, отвергая демократию, вдруг требуют: вынь да положи им честные выборы? Ведь эта “честность выборов” – маленькая деталь той ржавой инсталляции “Демократия”, которую мы поставили в Москве для вида. Не приняли и поломали эту машинку сначала Ельцин и вся его рать, а за-

тем, в условиях начавшейся *холодной гражданской войны*, и большинство населения. Рано, мол, нам. Мы — как начальство скажет...

Все всегда знали, что выборы — ритуал, спектакль, и равнодушно принимали обман, считая его мелочью, ибо не он решал исход нашей окопной войны. Сколько уж таких выборов прошло, и мало кто ими интересовался.

Вообще-то социальные противоречия в РФ, если взглянуть в преисподнюю, где мыкает горе половина населения, надо трактовать как *холодную гражданскую войну*. Но в такой ситуации “честные выборы” — нонсенс. Уже потому хотя бы, что мыкающая горе часть населения в основном на выборы не ходит.

Для примера приведу маленький рассказик о том, как решалась проблема “честности выборов” в крестьянской России, — именно в состоянии *холодной гражданской войны*. М. М. Пришвин, живя в деревне, записал ход таких выборных собраний после Февральской революции 1917 года. 3 июля 1917 года. Выборы в комитет — дело важное, так как комитет, в отличие от совета, ведёт хозяйственные дела (и земельной собственности, и арендной платы). Кандидат — некто Мешков: “виски сжаты, лоб утюжком, глаза блуждают. Кто он такой? Да такой — вот он весь тут: ни сохи, ни бороны, ни земли”. Мешков — дезертир и вор. Но ведущий собрание дьякон находит довод:

— Его грех, товарищи, явный, а явный грех мучит больше тайного, все мы грешники!

И дал слово оправдаться самому Мешкову. Он сказал:

— Товарищи, я девять лет назад был судим, а теперь я оправдал себя политикой. По новому закону всё прощается!

— Верно! — сказали в толпе.

.....
— Благодарю вас, товарищи, — ответил Мешков, — теперь я посвящу вас, что есть избирательная урна. Это есть секретный вопрос, и совпадает с какой-нибудь тайной, эту самую тайну нужно вам нести очень тщательно и очень вежливо и даже под строгим караулом!

И призвал к выборам:

— Выбирайте, однако, только социалистов-революционеров, а которого если выберете из партии народной свободы, из буржуазов, то мы всё равно всё смешаем и всё сметём!”.

Нравится нам это или не нравится, но такая реальность возникает в иные периоды общественной истории.

Подойдем с другого края.

Хорошо было бы митингующим в Москве задать такой вопрос: государство коррумпировано, элита вообще не следует нормам права и морали — объедает страну и половину населения. Коррупция стала системообразующим фактором, без неё — никак. Какие же тут “честные выборы”? Как может предприятие “выборы” крутиться без системообразующего фактора? Это какой-то идеализм. Выборы — тип коррупции, по сравнению с другими почти безобидный, почему же именно к нему такая неприязнь? Чего только у нас не творилось — взять хоть приватизацию как всеобщее “ограбление народа”. Никаких митингов! Значит, не из-за фальсификации сыр-бор, хотя толпу на площади, возможно, в этом уверили.

На деле, думаю, всё множество разных причин недовольства, которые накопились у “среднего класса”, организаторы сумели “канализовать” в одну маленькую трубку, которая и выплюнула “всеобщее возмущение” несправедливыми выборами: “Украли наши голоса!”.

Опасен ли этот плевок? Многим он кажется мелким инцидентом, а на деле, при соблюдении некоторых условий, может стать зародышем урагана, как крылышко бабочки.

Ясно, что последние три года вся система РФ нестабильна, многое надо менять, и давно пора. Страна — на перепутье. Одни считают, что сдвиг надо производить в сторону восстановления хозяйства, а внутренняя политика должна быть социально ориентированной. “Перебрали” с изъятием куска хлеба у обедневшей половины населения, причём перебрали так сильно, что приходится только удивляться терпению людей. Другие — “романтики с большой дороги цивилизации”, — хотели бы сдвига в прямо противоположную сторону. А именно: расширить экономические свободы предпринимателей и завести для начала миллионов двадцать покладистых мигрантов. Полезно было

бы всем почитать их стратегические программы, но и этот гражданский долг мало кто выполняет. Вот эти-то романтики и заинтересованы в том, чтобы усмирить контролируемый хаос в мутной воде “подсчета голосов”. Технология отработанная, политологов, жаждающих заказов, тоже достаточно.

Подумали бы хоть студенты, толпящиеся на проспекте Сахарова: а чего они ждут от дестабилизации? Представьте, что некий Ангел заставил-таки власть провести новые, “честные” выборы, о которых мечтают немцы и лимоновы. Что было бы дальше? Шведский социализм? Наблюдая весь этот политический класс в течение 25 лет, могу почти с уверенностью сказать, что, прилети вдруг к нам такой Ангел, вся нынешняя государственная система, которая и так еле держится, рухнула бы в одночасье и без всякой революции. Хотите ли вы этого, обитатели дискотек и пассажиры чартерных рейсов? Думаете ли вы и теперь так же, как думали в 1991 году, что система рухнет, а всё остальное останется по-прежнему?

Неужели опыт революции XX века не научил вас, что даже мощные державы могут быть разрушены, если ткнуть их в нужное место? Если мы хотим иметь сильную страну, надо обращаться с ней осторожно. Захотелось выплеснуть негативные эмоции, хором обругав Путина и Чурова, – подумаешь, мелочь. И вдруг от такого баловства сходит лавина и накрывает город. Какая безответственность! Вы ставите под угрозу жизнеустройство страны, так подговите сначала силу, способную принять на свою спину этот груз. Так нет же ничего! Кого вы впряжете в эту полуразрушенную телегу – Ксюшу Собчак в паре с Лимоновым? Ах, как сказал поэт: “Не можно...”

Примечательно, что всё это они интуитивно понимают и потому отказываются сказать, какой результат они бы посчитали “честным” (точнее, хотели бы получить). Хотят ли они над собой власти Каспарова или Касьянова? Думаю, одной этой мысли все бы ужаснулись. Даже Зюганов – уж куда как честный и добрый человек, ни одного бюллетеня не присвоит – скорее, половину своих отдаст. А ведь многие сомневаются – справится ли он, такой нравственный, с нашей “тёмной энергией”? Знает ли он, как именно надо мочить в сортире хотя бы какого-нибудь доцента?

Подозреваю, что большинство “активных протестантов” желало бы продолжения власти Путина, но чтобы он никому не позволял заставить их затянуть пояса, а изыскал бы средства где-то вне креативного класса. Другие хотят на его место Медведева, а Путина – только пошантажировать. Думают они, что тогда им бросят ещё кусок мяса, вырезанного из той половинки населения, что без голоса сидит в “социальной тени” преисподней. Но надо же вникнуть в состояние, в каком пребывает эта молчаливая половина! Вот где требуется честность и мужество. И вот где зарождается корень настоящей угрозы для дутого благополучия!

Если студентов спросить, могут ли быть честными выборы при той структуре общества, которая сложилась у нас теперь, и при той степени всеобщей анонимии, в которую мы погрузились, они, пожалуй, и сами рассмеются, настолько нелепо это предположение.

Но существует и более фундаментальное препятствие. Реальных выборов не бывает при отсутствии принципиально разных стратегических программ. А программы ещё не вызрели – наш кризис слишком глубок и слишком плохо изучен. Многие формы нашей жизни пока условны, мы бредём, словно в тумане, по нашим порочным кругам, что ещё не свалились в пропасть. Что до выборов, то власть и “элиты” komponуют из разных групп “политиков”, загримированных слегка по-разному, псевдопарламент, где есть и коммунисты, и социал-демократы, а вот противных либералов мы туда не берём, их русский народ не любит. Пусть они в Высшей школе экономики и в правительстве сидят, стратегические программы пишут для России. Сейчас, в этом “переходном периоде”, Россия представляет собой типичное “общество спектакля”. Пока что этот спектакль удерживают в рамках жанра вялой бытовой драмы – и то это почти подвиг со стороны нашей власти.

Если бы реально собрали Думу по “голосам сердец”, спектакль стал бы страшным. Может, я вижу ситуацию слишком мрачной? Но тому есть множество примет. В РФ “честные” выборы без программ – это риск катастрофы без единого шанса выбраться.

Вот еще довод – философский, исходя из идей современного либерализма. Патриарх английских либералов Дж. Грей пишет о том, что считает самой

главной и трудной проблемой либеральной демократии: “Ценности, воплощённые в различных способах жизни и человеческой идентичности, и даже в пределах одного и того же способа жизни и идентичности, могут быть рационально несовместимыми... Когда эти ценности оказываются в конфликте или соперничестве друг с другом, нет ни общего критерия или принципа, ни общей “валюты” или системы измерения, позволяющих такой конфликт разрешить или рассудить”*.

Обращаюсь к либералам, вышедшим на проспект Сахарова (кто там у вас поумнее – послушайте и вдумайтесь; чтобы было понятнее, выражаюсь буквально словами Грея).

Российское общество пережило в 90-е годы тяжелую культурную травму и дезинтеграцию. У нас возник калейдоскоп “различных способов жизни и человеческой идентичности”. Мы попали в ситуацию, когда должны совместить две рационально несовместимые системы ценностей! Одна из них дорога (сегодня) вам, это – “честность выборов”. Другая – стабильность, жизненно необходимая миллионам, чтобы пережить грядущие и неизбежные трудности (кстати, особо необходима она большинству митингующих). Как пишет Грей, “эти ценности оказываются в конфликте или соперничестве друг с другом”.

Так прикиньте, какой ценой и страданиями будет оплачена ваша победа, если вы её добьётесь! При этом “нет ни общего критерия или принципа, ни общей “валюты” или системы измерения, позволяющих такой конфликт разрешить или рассудить” – только ваша совесть (или сила и мужество власти, которые в нынешнем положении России тоже таят большие риски, – ОБСЕ так и щёлкает зубами). И если вы действительно либералы, то никуда от этой дилеммы вам не деться. Прислушайтесь к Исае Берлину, которого цитирует Грей: “Конфликт между несоизмеримыми ценностями возникает в самом сердце либерализма... содержится внутри самой идеи свободы”.

Конечно, мы далеко продвинулись в нашей демократии, теперь даже наши эсеры стали другими: сравните Мешкова и Сергея Миронова. Но нам срочно надо собираться не для того, чтобы митинговать, а для выработки национальной идеи – для обсуждения стратегии развития без монополии ИНСОРА и Мау с Кузьминовым.

Дело ведь не во власти (она, нехорошая, никак не слушает свой народ!), а именно в народе, который пока что не решил, чего он хочет. Иначе и революцию быстро бы соорудил, и её бы даже не заметили, потому что власть подчиняется большей силе, которую даже не требуется показывать. Сейчас такой силы нет, а есть противоречивые идеалы и интересы в одной голове. Это произошло не потому, что свергли советский строй, а советский строй потому и свергли, что народ развился до такого состояния, – подъехал к распутию и сидит, как витязь у придорожного камня.

Да, среди тех, кто приходит на площадь, поровну отрицающих воображаемую власть и Касьянова, и Немцова, и Каспарова, и Зюганова, и даже Ксюши Собчак. Но поскольку они – враги пока воображаемые, общим врагом для всех митингующих оказывается власть реальная. Но зачем её свергать и кого теперь сажать, они между собой не только не договорились, но даже и не подумали пока. А ведь *варягов* уже к нам на княжение не заманишь...

Не только о проекте устройства жизни не думают наши демонстранты (хотя бы в виде утопии), но даже и вопроса такого в голову им не приходит. “Мы хотим, чтобы нам было хорошо!” – вот и вся программа. Ничего себе революция! Как выразился один блогер, задача протестующих – “уничтожить весь нынешний правящий класс!” Умно. Сразу всё варенье съедим!

И ведь это и есть устойчивая установка, принимаемая как руководство к действию, только выражается она немного по-разному. В Ливии вот нашлись такие умники, но им *прогрессивное человечество* помогало. А наши на что надеются? Кстати, выложите штатную ведомость “правящего класса”: кого конкретно уничтожать-то будете? Почтальоны входят в его состав?

Выход из несоизмеримости ценностей можно найти, только ставя главные вопросы, которые население станет обдумывать по мере ухудшения своего положения. Тогда дело будут решать голоса всех избирателей, вместе с теми, кто сегодня остаётся в тени. Пусть все выложат свои идеалы и интересы

* Грей Дж. Поминки по Просвещению, М.: Праксис. 2003. С. 136, 139.

на всеобщее обозрение и обсуждение! Но для этого и надо выстроить все необходимые условия – вот за что надо бы идти на митинг!

Я думаю, на этом пути возьмут верх те, кто за восстановление хозяйства, – без дураков! И к ним примкнёт молодежь – не вся сразу, а шаг за шагом. Так я считаю, судя по настроению студентов.

Но эти вопросы надо сформулировать и хорошо обдумать. Когда будут выработаны основы честных программ, тогда и возникнут предпосылки для честных выборов.

Важные дополнения

Январь, 3, 2012

В этих наших новогодних разговорах я узнал много полезного, спасибо всем. Некоторые из “борцов” (можно так для краткости?) воспринимали мои реплики сердито. Прошу простить, обидеть, по-моему, никто никого не хотел. Говорили вообще о явлении социальном, а если затрагивали личности, то символические (типа Ксюши Собчак – это именно символ).

Ряд товарищей старались усилить имидж “борцов”, приписывая им намерения произвести антиолигархическую революцию или защитить КПРФ, “которая победила в Москве”. Это было приятно слышать – благородные помыслы. Но общей массовой картины это, по-моему, не меняет. По-прежнему мне представляется иллюзией убеждение многих, что они шли на митинг “не к Немцову и т. п. ”. Конечно, не к Немцову, но “за Немцовым”. Он (в широком смысле слова) заказал и организовал эту вечеринку. Те же вожди КПРФ (как, к примеру, Смолин) простояли возле Немцова как бедные родственники и слова на митинге не получили.

Другие митинги, поменьше (КПРФ и Кургиняна), никаких основ, кажется, не сотрясали, и о них мы не говорим (да и власть они не обеспокоили). Но главное: никто внятно не сказал, чего “борцы”, осознавшие себя властью и народом, грозно требовали у “чиновников”. Требовать “честных выборов” – это понятно, это столь же конкретно, как и “Господи, помилуй!” Это обязательно надо время от времени говорить, и с этим мы все согласны.

Сердитых “борцов” я упрекну только в одном: они вступили в разговор, заранее считая своих оппонентов близорукими, не понимающими очевидных вещей или даже шкурниками. Помните, у Горького: “...робко прячет тело жирное в утесах...” Им на блюдечке революцию подают, а они боятся её откусать. Это неверное мнение, при таких посылах пользы от диалога не будет никакой. Мы тут пытаемся понять свои мотивы и мотивы другой стороны, ибо нам всем вместе предстоит жить в нашей стране и взаимодействовать друг с другом.

Я хочу высказать некоторые предположения, мнение о которых хотелось бы услышать. Они дополняют первое письмо и служат неуверенными ответами на вопросы многих участников.

1. Если не ошибаюсь, большинство “борцов” крайне негативно относятся к Путину. Они могут часами стоять под трибунами – иногда посвистывая, – с которых вещают Немцов и Каспаров, но появившись там Путин, они бы зарычали от возмущения. Примерно так? Соответственно, они возмущены (но цивилизованно) “охранителями”, которые такой антипатии к Путину не испытывают (точнее, не проявляют её открыто – не будем “читать в сердцах”!).

Действительно, здесь проходит рубеж, пока еле заметный, который при некоторых поворотах событий может послужить линией тяжёлого раскола (вспомнить Украину, не говоря уж о Ливии). Лучше было бы если не рационализировать, то хотя бы внятно выразить основания этих установок. Попробую объяснить, как я понимаю основания пропутинской или нейтральной к нему позиции (ясно, что речь идет об отношении в координатах спектра имеющихся у нас реально политиков).

Я сейчас говорю об отношении интегральном, интуитивном, без взвешивания параметров и индикаторов. Естественно, говорю не о моём личном отношении – мы тут все “мыслители о других”, о себе, хомячках, молчим...

Кто противостоит В. В. Путину в политике? Та часть гвардии перестройки и 90-х годов, которых он слегка (!) отодвинул от кормушки (об узнике совести Ходорковском не говорим, хотя его невидимые миру слёзы жгут сердца этой гвардии, не говоря уж обо *всём прогрессивном человечестве*. Здесь человек попал в передрагу, и это уже другая тема).

“Антипутинская партия” представлена самыми разными фигурами: от Горбачева с Яковлевым до молодых последних птенцов гнезда... Ельцина. Все они Путина ненавидят, все их слова о нём – как стрельба на поражение, уже никакой конструктивной критики он от них не получит. Что об этой гвардии думает большинство населения (и, как показывают исследования, успешно передаёт свои оценки детям)? Эту гвардию большинство ненавидит холодно и тяжело, беспросветно. Очень большая доля опрошенных даже отмечает: “с отвращением”. Это – болезненный осадок в массовом сознании, и мы влачим на себе это наследие, как гирию.

И вот Путина, которого большинство населения страны приняло с надеждами, увидев в нём антипода Ельцина, эта гвардия начинает ненавидеть примерно так же тяжело и беспросветно, как её ненавидит вышеозначенное большинство. Естественно, что большинство, даже ничего не зная о сути межпартийных свар в высших эшелонах политиков и олигархов, видит в Путине своего явного или скрытого союзника. И даже те вредные для большинства действия, которые Путин совершал и совершает как правитель, этого отношения не отменяют. Всегда находится объяснение: ему приходится так поступать, но в критический момент он нас поддержит, а мы поддержим его. Потому-то, мол, “эти” и беснуются.

Зачем я это говорю? Есть опасность, что “борцы”, пренебрегая этим фактором, навлекут на себя ненависть (или антипатию) большинства населения в статусе, как говорили раньше, “подкулачников”. С сожалением и даже состраданием, мол, “наши ведь ребята, а с кем снюхались”...

Если этот процесс будет развиваться, это будет огромная потеря для общества. Будет сорвана сборка того “нашего гражданского общества”, которому придётся выработать национальный проект, создавать механизм давления на власть или совершать революцию (не “оранжевую”, а собственного замысла и изготвления).

2. Теперь об одной стороне кризиса, на которой столкнулись цели, намерения, ограничения и угрозы молодёжи, правительства, среднего класса, банков России, и много чего ещё.

Это мысли сырые, тем более что я не экономист, но и эта корявая модель может оказаться полезной. А может, кто-то её додумает, придаст ей товарный вид. Ельцин удерживал социальную ситуацию в условиях резкого спада производства, изымая средства отовсюду, откуда только можно, и закупая товары по импорту. Но Путин, придя к власти, стал резко наращивать народное потребление за счёт нефтедолларов и кредитов. Банки брали кредиты на Западе под залог акций промышленных предприятий, да с перебором (без обеспечения). На Западе тоже надували этот пузырь. И образ жизни нашего “среднего класса” резко изменился, идеологически это подкреплялось тем, что народ наш разошёлся в две совершенно разные социальные ниши. Всё это укрепило систему. Ударил кризис, и этот дутый рост благосостояния был прерван, и люди остались с неоплаченными долгами и привычкой жить в кредит. Какую часть промышленности “наши” собственники потеряли, отдавая долги, неизвестно. А у “среднего класса” – по-прежнему тревожные ожидания. Инвестиции малы, развития не предвидится, надо бы начать новый виток индустриализации, да кто её оплатит? Надо ремонтировать ЖКХ, а денег нет. Внешний долг 520 млрд тоже надо как-то отдавать*. Конечно, у нас не так шиковали, как в Греции или Испании, – не успели мы раскрутиться как следует. Но и такого провала, как у нас в 90-е годы, там не было.

Конечно, для “антипутинской” партии – это удачный момент, чтобы устроить смуту и свалить его (такие соблазны возникли во многих странах). А для большинства смута сейчас весьма не желательна. Это, товарищи “борцы”, тоже следует иметь в виду.

Ответ на вопрос

Январь, 9, 2012

Мне показался важным вопрос: как же можно оказывать на власть давление “снизу” в нынешней обстановке. Я кратко ответил так.

* К концу 2012 года он превысил 600 млрд долларов.

Для “давления снизу” существуют такие ресурсы. Главные вопросы “национальной повестки дни” власть вынуждена замалчивать, так как не может ни ставить их, ни на них отвечать. Если бы было налажено производство “манифестов” хорошего качества по главным вопросам, и они пошли бы по интернету, игнорировать их было бы очень трудно. Возник бы “плебисцит”, и надо было бы участвовать в обсуждении. Сдвиги и компромиссы в такой ситуации были бы оптимальным выходом для власти. Это то, чего испанцы с Социал-демократическим народным фронтом добились после смерти Франко даже без интернета – “круглыми столами”. Но они тогда были на подъёме и имели большую интеллектуальную поддержку в Европе. Но и у нас это можно было бы начать – публика готова.

Тут важны такие условия, которые власть, конечно, может сильно ухудшить, хотя в перспективе это было бы глупо (если, впрочем, к этому не принудят “тёмные силы”):

- Выработка такого “катехизиса России” – даже в виде заготовки – требует наличия нового сообщества обществоведов, хотя бы небольшого, но организованного и имеющего свою платформу; на втором этапе его будут подпитывать сами оппоненты. Чтобы создать его “зародыш”, нужны силы и некоторые средства. Работа есть работа.

- Создание трактатов – “манифестов” – по главным пунктам “катехизиса” – это уже очень серьёзная работа. Плохие тексты загубят дело, если не будет ядра, состоящего из хороших. Хороший текст требует досуга. Раньше как-то по тюрьмам и ссылкам устраивались, а то и за границей. Сейчас это нереально (в смысле написать хороший текст в тюрьме). Такое создаётся ощущение.

- Требуется собрать контингент людей, которые в обстановке тотальной анонимии не сдвинулись, как бывало со многими борцами за народное дело, к тупиковым установкам, а именно:

- не впали в ретритизм (стремление к хотя бы маленькому успеху при тайном отрицании ценностей официального общества);

- не впали в *ressentiment* (смешанное чувство ненависти, злобы и враждебности по отношению к официальному обществу);

- не впали в конформизм “стяжательства большого общества” (имитация следования нормам официального общества при реальном их нарушении).

Иными словами, нужно собрать в сеть людей, которые отвечают на аномию мятежом (это условное понятие социологии). Определение мятежа берём у Мертона: “Мятеж как реакция приспособления возникает, когда существующая система представляется препятствием на пути достижения целей, признанных законными. Для участия в организованной политической деятельности необходимо не только отказаться от приверженности господствующей социальной структуре, но и перевести её в новые социальные слои, обладающие новым мифом. Функция мифа заключается в определении социально-структурного источника массовых разочарований и в изображении альтернативной структуры, которая не должна привести к разочарованию достойных. Таков устав деятельности” мятежников.

Иными словами, мятеж – это выработка проекта благой жизни, который будет принят достойными (“народом”). Это и будет “катехизис + манифесты”.

Достойных и дееспособных много, но они рассеяны, как солдаты разбитого полка в отступлении.

Надо собираться, а не лаяться в интернете по мелочам.

Соблазн “честных выборов”

Февраль, 07, 2012

И “правые”, и “левые”, и даже “националисты” сошлись в требовании *честных выборов*. Это стало столь всеобщим и обязательным, что никто не решается даже высказать сомнение в их надобности. А ведь это требование предельно странное, как будто люди перестали вдруг соображать и идут за блуждающим огоньком. Магия слов или атрофия скептического разума?

Мы стали народом-лицедеем: играем роли, произносим чужие слова, но ведь надо вечером стереть грим, переодеться в своё потрепанное платье и вернуться домой.

Ясно, что у населения накопилось недовольство по принципиальным вопросам общественной жизни, но по разным в разных группах. “Креативный

класс”, перспективы которого сумрачны, прильнул к нашей “демократической буржуазии”, которую потеснили у кормушки “силовики и бюрократы”. Он в том же беспокоестве пошёл на Болотную площадь требовать честных выборов. Это — средство компенсировать фрустрацию, хотя реально нет никаких надежд на то, что эта “буржуазия”, победив Путина, поделится с нашей “креативной” офисной молодёжью.

Другая часть общества — большинство, но организованное гораздо хуже, — считает, что “силовики и бюрократы” у власти есть всё же меньшее зло, чем “буржуазия”, показавшая свой людоедский оскал в 90-е годы. Люди этой части общества пошли на Поклонную гору. И вот абсурд — главный лозунг и на их трибуне: “За честные выборы!”

Зачем этот лозунг? При чём он здесь? Кто хочет украсть голоса на выборах в марте и в чью пользу? Почему прямо не сказать, что это — митинг сопротивления попытке реванша лихих 90-х? Митинг в защиту меньшего зла, поскольку и ему понадобилась защита, и защитить его — в интересах большинства. А ведь этот лозунг — признание того, что выборы в Госдуму были нечестными, он — прямое обвинение Путину. Но разве в этом сейчас “суть времени”? Разве десяток-другой мест в Госдуме сейчас важнее угрозы резкой дестабилизации всей государственной системы, которая и так дышит на ладан? Этот лозунг дезориентирует людей и парализует их действия.

И ладно бы, если бы этот лозунг на обоих митингах был маской, ритуальным прикрытием истинных целей, как у ораторов на трибунах. Так нет же, массы людей в него действительно верят и о нём напряженно думают. Как легко их отвели от главного, от того, что происходит на их глазах!

Подойдём к вопросу с разных сторон. Итак, зовут на баррикады — ради “честных выборов” (прямо как в Сирии: “Долой президента из алавитов!”).

Часть 1. Возможны ли честные выборы в том состоянии общества, в котором оно пребывает в России?

Назовём лишь три признака этого состояния.

Во-первых, политическая система России коррумпирована настолько, что “коррупция стала системообразующей”. В этом уверены почти все, но слово “забывают” об этом. Конечно, в таком образе коррупции есть преувеличение, хотя бы в том, что коррупция якобы гнездится “наверху”. На деле она проросла во все слои общества и процветает там в разных формах. Мы даже не замечаем множества её проявлений, и правильно делаем — иначе выжить невозможно. Мы не робинзоны — ни острова, ни Пятницы у нас нет, — а потому, вольно или невольно, соучаствуем в коррупции. Но как в этих условиях может возникнуть и уцелеть такое большое и важное предприятие, как “честные выборы”? Ведь тут на кону ценности покрупнее, чем в банках. Почему же везде коррупция, а тут её не будет?

Принимать коррупцию как норму, пусть даже ворча, и требовать “в порядке исключения” честности именно в выборах — немыслимая наивность. Или какая-то немыслимая манипуляция, циничное двоемыслие. При этом упор делают на подтасовке при подсчёте голосов (трудно измерить её величину, но не она решает дело). Выборы — это не опускание бумажки в урну, это — обдумывание и обсуждение программ, альтернативных векторов развития страны.

На деле партии или кандидаты, идущие на выборы, не могут внятно изложить свои программы. Их спокойное рассудительное объяснение заменено скандальными шоу с циничным посредником-краснобаем, который формирует тематику и сравнивает выступающих между собой. Это профанация выборного процесса, которая целенаправленно искажает образ кандидатов (хотя и качество их программ оставляет желать лучшего, во многом из-за деформации массового сознания под влиянием СМИ, которые не устают им, сознанием масс, манипулировать). Но эту фундаментальную нечестность выборов как будто не замечают ни “правые”, ни “левые”.

Особенно удивляют националисты: они легко называют политический режим России “оккупационным” и тут же возмущаются тем, что “выборы нечестные”! И эти несовместимые образы у них прекрасно уживаются! Представляете — идет отряд партизан Ковпака, а на знамени у него: “За честные выборы!”

Во-вторых, в России произошло глубокое и тотальное отчуждение населения от власти. Ведь половина избирателей вообще не участвует в выборах — их разными способами отвратили от этой операции. Уже поэтому выборы нельзя считать честными, но и на это никто не обращает внимания — “средний

класс” принял “правила игры” такой демократии. Но и те, кто всё же приходит на выборы, голосуют в состоянии стресса.

Вот выходы из доклада “Двадцать лет реформ глазами россиян” (Институт социологии РАН. М., 2011): “Самое распространённое по частоте его переживания – чувство **несправедливости всего происходящего вокруг**. Это чувство, свидетельствующее о нелегитимности в глазах россиян самого миропорядка, сложившегося в России, испытывало в апреле 2011 г <ода> хотя бы иногда подавляющее большинство всех россиян (свыше 90%), при этом 46% испытывали его часто... На фоне остальных негативно окрашенных эмоций чувство несправедливости происходящего выделяется достаточно заметно, и не только своей относительно большей распространённостью, но и очень маленькой и весьма устойчивой долей тех, кто не испытывал соответствующего чувства никогда – весь период наблюдений этот показатель находится в диапазоне 7–10%. Это свидетельствует не просто о *сохраняющейся нелегитимности сложившейся в России системе общественных отношений в глазах её граждан, но даже делегитимизации власти в глазах значительной части наших сограждан, идущей в последние годы...*

В первую очередь в этой связи стоит упомянуть **чувство стыда за нынешнее состояние своей страны**. Стыд за страну... связан с отрицанием сложившегося в России “порядка вещей”, “правил игры” и т. п., которые представляются людям не просто несправедливыми, но и позорными... *Новой тенденцией последних лет является при этом практически полное исчезновение связи чувства стыда за свою страну и всего блока негативных чувств с доходом – если ещё пять лет назад наблюдалась отчётливая концентрация испытывающих соответствующие чувства людей в низкодоходной группе, то сейчас они достаточно равномерно распределены по всем группам общества, выделенным с учётом их среднедушевых доходов. Это значит, что если тогда эти чувства вытекали, прежде всего, из недовольства своей индивидуальной ситуацией, то сейчас это следствие несовпадения реальности с социокультурными нормами, широко распространёнными во всех слоях россиян, что также говорит об идущих процессах делегитимизации власти. При этом в последние годы чувство стыда за свою страну довольно быстро нарастает”.*

Ну, как может в этих условиях разумная власть допустить честные выборы? Люди переживают сильнейший стресс, их недовольство и отчаяние канализированы именно на власть, которая предстаёт в массовом сознании как “коллективный враг народа”. В таком состоянии сами граждане не могут выступить как разумные и расчётливые избиратели. Часто люди признаются: “Я голосовал за... но с отвращением”. Ничего себе честные выборы!

Строго говоря, на основании такого доклада главной социологической службы следовало бы принять решение об отсрочке выборов, но это уже было невозможно, да и Хиллари Клинтон не разрешила бы. Но и устраивать спектакль честных выборов, которые неизбежно привели бы к резкому обострению всех противоречий в обществе, было бы безответственно. Повторять опыт октября 1993 года?

В-третьих, общество поражено *аномией* – социальной и культурной болезнью, приводящей к “безнормности” (отходу от нравственных и правовых норм), разрыву общественных связей и утрате чувства ответственности (тип аварий и катастроф последних лет это хорошо показывает). Эта болезнь поразила все слои и общины, но всё же мало-мальски организованным остался госаппарат, его кое-как восстановили “силовики и бюрократы”. Но в тени действует едва ли не более организованная сила – преступные сообщества. Наше положение отягощено особенностями порождённой 90-ми годами аномии. Социолог-криминалист В. В. Кривошеев определяет её так: “Специфика аномии российского общества состоит в его небывалой криминальной насыщенности... *Криминализация общества – это такая форма аномии, когда исчезает сама возможность различения социально позитивного и негативного поведения, действия”.*

Как в этом состоянии обеспечить честные выборы? Да, избыточное участие государства ведёт к некоторому сдвигу результатов в пользу власти. Но ведь у нас нет гражданского общества, которое на Западе выполняет контролирующие функции. Его там выращивали 300 лет, а у нас уже и надежды утрачены на его возникновение – нет у нашей “буржуазии” протестантской этики. Кто же возьмет под свою крышу и под своё руководство избирательные

комиссии, если отогнать от них “силовиков и бюрократов”? Именно преступные группировки — уже отвязанные от “силовиков”. РФ в плоскости выборов станет одной большой Кущёвкой. То-то будут довольны честные наблюдатели, которые возмущались грубостью функционеров “Единой России”. Их для начала вилами поколют. И ведь трудно этого не понять!

Но самое главное — в другом.

Часть 2. Выборы в обществах “переходного типа”

После возникновения “современного Запада” как мощной агрессивной цивилизации, которая, как акула, может существовать только в непрерывном движении, все незападные общества и культуры были вынуждены модернизироваться — или превратиться в колонии, а многие из них были попросту уничтожены. Традиционные общества впали в перманентный кризис модернизации, который по-разному развивался в разных культурах. Везде происходил раскол на “западников” и “почвенников”, а культура становилась синкретической, что отразилось на всех общественных институтах. Поскольку вполне западными они стать не могут, а Запад в ряде сфер их пока опережает, модернизация не может быть завершена, и все эти страны и народы живут в нескончаемом “переходном состоянии”.

Одним из западных институтов, который стал для таких обществ настоящей миной, являются выборы западного типа — тайные и равные (“один человек — один голос”). На самом Западе эти выборы вводили постепенно, по мере укрепления и государства, и гражданского общества — со многими цензами и ограничениями, с мощным воздействием СМИ, так что бедная треть населения вообще на выборы не ходит. А главное, там сложился средний класс в размере 2/3 населения, он разделен почти пополам, и каждая половина голосует за одну из партий, различия между которыми микроскопические. Они чередуются у власти, и общество идет галсами, как парусник, в целом не отклоняясь от курса. Никакого смысла фальсифицировать выборы там нет, поочередно уходить каждой партии от власти даже необходимо, чтобы “зафиксировать прибыль”. Да и опасно чиновнику фальсифицировать результаты выборов, так как смена партий у власти вполне вероятна.

Но в традиционных обществах этих условий нет, в них ценность единства гораздо выше ценности конкуренции. Такие общества тяготеют к власти идеократической и долговременной, к одной главной партии (если они там есть). Появление конкурентов на выборах вызывает беспокойство, а затем и раскол. Сами многопартийные выборы приводят к тяжелому кризису в политической жизни государства. Поэтому в формат выборов вводят модификации, и они с точки зрения западной демократии становятся “нечестными”.

Антропологи изучали это явление. Леви-Стросс пишет в “Структурной антропологии”: “Важно отметить, что почти во всех абсолютно обществах, называемых “примитивными”, немислима сама идея принятия решения большинством голосов, поскольку социальная консолидация и доброе взаимопонимание между членами группы считаются более важными, чем любая новация. Поэтому принимаются лишь единодушные решения. Иногда дело доходит до того — и это наблюдается в разных районах мира, — что обсуждение решения предваряется инсценировкой боя, во время которого гасятся старые неприязни. К голосованию приступают лишь тогда, когда освежённая и духовно обновлённая группа создала внутри себя условия для гарантированного единогласного востума”.

О нашем опыте скажем ниже, а вот исследования последних десятилетий. Антропологи видят в спектакле выборов перенесённый в современность ритуал древнего театрализованного государства, отражающий космический порядок, участниками которого становятся избиратели. С. Тамбия, изучавший этнические конфликты, вызванные выборами, пишет: “Идея театрализованного государства, перенесённая и адаптированная к условиям современного демократического государства, нашла бы в политических выборах поучительный пример того, как мобилируются их участники и как их преднамеренно подталкивают к активным действиям, которые в результате нарастающей аффектации выливаются во взрывы насилия, спектакли и танцы смерти до, во время и после выборов. Выборы — это спектакли соревнования за власть. Выборы обеспечивают политическим действиям толпы помпезность, страх, драму и кульминацию...”

Процессии как публичные зрелища проходят в окружении “медленных толп” зрителей. Эксгибиционизм с одной стороны и восхищающаяся аудитория зрителей – с другой, являются взаимосвязанными компонентами спектакля. Митинги завершаются публичными речами на открытых пространствах. Центральным элементом массового ораторства является энергичная декламация стереотипных высказываний с готовыми формулировками, одобренными мифически-историческими ссылками, напыщенным хвастовством, групповой диффамацией, грубыми оскорблениями и измышлениями против оппонентов. Эти речи передаются и усиливаются до рвущего барабанные перепонки звука с помощью средств массовой информации – микрофонов, громкоговорителей, современной теле- и видеоаппаратуры. Этот тип шумной пропаганды эффективно содействует “демонизации” врага и появлению чувства всемогущества и правоты у участников как представителей этнической группы или расы. . .

В ходе подробного исследования, которое я в настоящее время веду по теме недавних этнических беспорядков в Южной Азии, я всё более утверждаюсь во мнении, что то, как организуются политические выборы и события, происходящие до, во время и после выборов, можно в известной степени обозначить через понятие ритуализации коллективного насилия”.

В Африке это – типичный исход выборов, где-то в Азии научились договариваться. А что осталось бы от Китая, если бы правители разделили свою партию, как КПСС, на несколько, и устроили честные выборы? Но они ещё не забыли опыт гражданской войны с родственной партией Гоминдан.

У нас сейчас до “ритуализации коллективного насилия” во время и после выборов пока не дошло, но по тому, как рычали ораторы на митингах и как орут они на телевидении, видно, что мы идём по этой дорожке. Мы свою историю, в отличие от китайцев, забываем быстро.

Давайте вспомним. В 1905 году царь согласился на демократизацию, провёл “честные выборы”. Даже при урезанных избирательных правах, четырехступенчатых выборах для крестьян, бойкоте большевиков, эсеров и многих крестьянских и национальных партий 30% депутатов оказались крестьянами и рабочими. Но правительство не смогло вести с Думой диалог – и распустило первую Думу всего через 72 дня её работы. Выбрали новую Думу – и снова разногласия, после чего выборы стали совсем “нечестными”. И все равно Дума превратилась в штаб революции – Февральской.

После Февраля сразу стали готовить выборы в Учредительное собрание. После Октября его выбрали по старым спискам, но ситуация уже изменилась, советская власть утвердилась. Учредительное собрание не признало декреты советской власти – и его распустили. Никто не охнул, но именно его депутаты, социалисты-революционеры, и начали гражданскую войну, опираясь на иностранную интервенцию – войну социалистов против социалистов.

СССР продержался 70 лет, создав особую конструкцию выборного процесса “без выбора”: пришел, значит, “за”. Но в 1989 году началась демократизация общества, и устроили “честные выборы”. Воздвигли вавилонскую башню Съезда народных депутатов, и за два года развалили СССР, а потом в России началась гражданская война в виде “шоковой терапии”, которая в 1993-м завершилась расстрелом Дома советов. В 1996 году выборы были очевидно сфальсифицированы, но никто не пикнул и не потребовал “честных выборов”. Зюганов первым поздравил Ельцина с победой. И правильно сделал, потому что тогдашняя президентская рать была в силе и начала бы большое кровопускание. Кстати, нынешние пожилые “оранжевые”, вероятно, тогда оказались бы в первых рядах карателей. Давайте сегодня задумаемся: надо ли было тогда начинать братоубийство ради “честности” тех выборов?

Я думаю, это было бы бессмысленно, и не только потому, что жалко людей, а из-за неготовности оппозиции взять на себя бремя власти при отсутствии реалистичного проекта и организации.

В общем, в настоящее время российское общество находится в “переходном состоянии”, и главная задача оппозиции – выработать новые способы оказывать давление на власть, чтобы заставить её подвинуться на решение задач национальной безопасности в интересах страны и большинства. Для этого надо преодолевать аномию, изучать реальную структуру общества и налаживать диалог с консолидирующимися социокультурными сообществами с помощью современных информационных средств.

Если уж придётся свергать эту власть, надо быть к этому готовыми и теоретически, и организационно, и в кадровом отношении, а не пользоваться “оранжевым” тараном, чтобы потом сразу сдуться и посадить нам на шею очредного Чубайса.

О революции

Февраль, 10, 2012

После двух заметок, которые коснулись митингов, ряд товарищей огорчились или возмутились, зачем я их отговариваю от революции. Они бы, мол, могли образовать “исторический блок” со своими противниками (“Немцовым и Ко”) и свергнуть надоевшего всем Путина. Революция – праздник угнетённых! Зачем этот СГКМ омрачает им праздник или хотя бы мечты о нём?..

Понимаю, что нехорошо каркать, когда люди грезят наяву. Правильно кто-то объяснил, что это во мне бушует старческая зависть и страх перед переменами. Есть такое свойство у стариков. Но у меня к нему много чего ещё примешивается.

Во-первых, “страх перед переменами” – вообще необходимое свойство разумного человека, даже ребёнка. Перемены означают неопределённость, а она с большой вероятностью таит в себе опасность. Этот страх отвлекает человека от грёз наяву и заставляет беспристрастно изучать зону неопределённости. На фронте для этого существует разведка – почти неизбежно с большими потерями она идёт в тыл врага не для того, чтобы уничтожить его, а чтобы получить достоверное знание, позволяющее предвидеть будущее.

Этого знания, как правило, не хватает, и его приходится дополнять логическим анализом. Я написал два аналитических текста, опираясь на знание, которое набирал в течение 20 лет. Молодые люди, у которых кипит разум возмущённый, на логические доводы не ответили и, простите, знания свои не обнаружили. Они даже не сформулировали, в чём и как могла бы выразиться их победа. А ведь постороннему невозможно представить себе этот “образ будущего”.

Во-вторых, сама идея союза с “оранжевыми” шита белыми нитками. Мы, мол, “на плечах буржуазии придём к власти”. Что за странная идея, право! Раньше говорили: “Пролетариат борется, буржуазия крадёт к власти”, – а теперь решили, наконец, перехитрить и буржуазию. Не вяжутся концы с концами. Если вы, “красная молодежь”, идёте на митинг “норковых шуб” и придаёте ему видимость “народного протеста”, то на какое отношение к вам большинства населения вы можете рассчитывать? “Элита” этого митинга – маргинальная группа, остатки ельцинской группировки. Они населением отвергнуты, какие бы песни сейчас ни пели. Их сила – в деньгах олигархов и в посольстве США в Москве. Зачем лезть в их чужую и враждебную вам революцию? Зачем помогать им свергать Путина, за которого, как за соломинку, держится минимум половина населения? По-моему, глупее не придумаешь.

Советы и большевики за два месяца до своей революции спасали Керенского от мятежа Корнилова. А ведь Корнилов вовсе не собирался восстанавливать монархию. Почему бы Советам было с ним не соединиться? Потому что это было бы глупо. А ведь Корнилов был ближе Советам, чем Немцов, – в состав правительства, которое он должен был возглавить, входил Плеханов, отец русского марксизма.

Я связываю будущее России и всего постсоветского пепелища с революцией. Но эта революция – не с Чапаевым. Если она будет нормально подготовлена, её вообще не заметят, она будет гораздо мягче, чем у Лукашенко в Белоруссии. Все ресурсы для неё уже есть, её примет 99% населения нашей страны. Время работает на неё, и уже выросло дееспособное поколение, которое выходит на арену общественной жизни. Так зачем устраивать “выкидыш” этой революции? Не хочется работать для её созревания?

Еще о готовности левых патриотов

Февраль, 12, 2012

Они сердятся, когда им говорят, что “свержение власти” при неготовности самим принять на себя её груз, – безобразие. Что, послужив чужому дяде

в качестве бульдозера, они посадят нам на шею власть гораздо более разрушительную и энергичную, чем нынешняя.

Ну, так предьявите свои рациональные доводы, речь же идёт об огромной угрозе для мирного населения. Какие ресурсы вы мобилизуете, чтобы “овладеть реальностью”? Нынешнее положение не имеет никакого подобия с 1917 годом. Тогда Россию держал культурно-исторический тип, огромное трудолюбие, и была она на духовном и культурном подъёме. Она была организована в общины с очень высоким уровнем координации. Её авангард – армия в 15 млн человек – три года в боевой обстановке оттачивала своё мастерство и план действий. Её интеллигенция напряженно трудилась, отрабатывая язык и логику – в тюрьмах и в эмиграции, в Академии наук и на заводах, а не на пляже или в офисе.

Сейчас в интернете сложилось много ячеек мысли и диалога, они работают, но росссыпью, не соединившись в систему, поскольку ещё не успели. Их продукт этот пока ещё очень сырой, идеи – невызревшие, язык – тусклый. Никакой конкретной проблемы никто сформулировать и доработать до “товарного вида” не может – нет ни времени, ни спроса. На публику, даже предвыборную, их вожди выходят с маниловскими фантазиями.

Если бы всерьёз они пошли с Ксюшей Собчак свергать власть, то потом их, как мавра, сделавшего своё дело, отправили бы на конюшню (а Ксюша, может быть, и стала бы президентом при теновом опекуне).

Аргумент “надо же что-то делать” не годится. Если у кого-то есть средства работать на будущее полный рабочий день, надо скоординироваться и выработать реальный проект, адекватный нашему текущему моменту, а не 1917 году. Пока для этого есть время и терпимость власти.

Охладить реактор, или “Не пора ли вам освежиться?”

Февраль, 26, 2012

Опять норвят “двумя руками” сломать шею стране. Уже и в гражданскую войну начали играть, прямо как *Тимур и его команда*, спасавшие народ от Мишки Квакина.

Устроив митинг “За честные выборы (и против Путина)”, всенародно назвали митинг с точно таким же лозунгом, но собравшийся на другой улице, “врагами”. Тутси против хуту!

Вот вчера попала мне в руки листовка – шедевр экспериментального творчества. Надо, наверно, её петь на мотив популярной песенки:

*— Что там за люди такие? — А просто враги.
— Просто враги, вы уверены? — Да, я уверен...”*

А ниже – портретики Гитлера и дяди Сэма с надписью: “Вот этим нужна твоя помощь. Пойдёшь на “оранжевый” митинг?”

А на обороте – плакат “Родина-мать зовёт!” с такой идентификацией: “Мы с Сергеем Кургиняном... За Родину, за народ, против власти и против “оранжевых”...”

Если бы я был Маяковский, я бы сказал: “Вы что, товарищи, белены объелись?”

А может, это чёрный пиар, и листовка отпечатана в ЦРУ и привезена на подводной лодке? Неужели докатились?..

Вы хоть читаете то, что издаёте? Ведь концы с концами не сходятся – и это вы несёте людям, вербуя себе сторонников среди них. “За народ, против власти...”

Вот, рядышком, два суждения: “Никогда больше мы не отдадим страну в руки врагов и предателей... Россия – наша страна, мы в ней хозяева”.

Товарищи хозяева, когда же вы успели вырвать страну “из рук врагов и предателей”? И почему вы, хозяева, так плохо здесь хозяйничаете? Вы, похоже, бредите наяву.

Что вы пишете о мотивации тех, кто был на Болотной площади? Вчитайтесь: “Они хотят нас грабить под прикрытием Запада, хотят стать полициями при оккупационном режиме – не зря они цепляют белую повязку на рукав! – хотят забрать власть у одних воров и передать другим”. Это, откровенно говоря, свинство, уж не сердитесь. Да и глупо это.

А неделю назад я видел очень похожую листовку, но ещё круче: на плакате юноша со злобно искажённым лицом бежит прямо на вас с голыми руками, и надпись: “На нас идут оранжевые собаки!”

Это уже ни в какие ворота не лезет! Кого вы называете собаками? Таких же студентов и инженеров, которые собрались на соседней улице! Да у них точно такая же каша в голове, как и у вас, различия совсем незначительны, не воображайте. Все мы контужены, но надо же знать меру... У них точно такие же причины куда-то идти вместе, что-то кричать и свистеть. Потому что за двадцать лет – весь срок их жизни! – она зашла в тупик, а десять последних лет в тупик их вела нынешняя власть. Вела по многим непреодолимым причинам – из коридора 90-х выбраться трудно, подходящей дыры там нет.

И выходит, что и оба *альтермитинга* ведут их в тупик, уже безвыходный. Обе родственные группы внемяют, как их вожди с трибуны внушают им самознание смертельных врагов. Ни на одной трибуне не говорят о том, как выйти из тупика! Только патетические заклинания.

Какой провал рациональности, этики и эстетики! В 1918 году сорвались в гражданскую войну – культура не созрела до революции. Интеллигенция грезилась наяву и начала битву призраков, в которой разум отключается. Дорого мы заплатили за этот урок! И вот, когда он мог бы быть освоен, – нам устраивают спектакль новой гражданской войны.

Вот это и есть творческая помощь дяде Сэму!

Пессимистическая гипотеза

Май, 18, 2012

Во многих комментариях явно, а в других – неявно, высказывалась мысль о том, что наше спасение – в восстановлении нравственности, выработанной на основе Православия. Более того, многие убеждены, что дело даже не нравственности, а в вере, в восстановлении религиозной картины мира и мистической связи личности с Богом (в основном, в лоне Православия, но это детали, вопрос ставится в общем виде).

Эта стратегическая мысль пока не опускается на уровень практических задач, например, по выработке социальных и культурных механизмов восстановления религиозной картины мира в индустриальном (и частично постиндустриальном) обществе; обращении в веру массы людей, в нескольких поколениях воспитанных образованием, основанным на научной (секулярной) картине мира. Это задачи, очевидно, очень сложные, а без их решения вся эта доктрина вырождается в попытку создания новой секты – отшельников.

Но сейчас речь идёт не о практическом выполнении этих задач, надо сначала окинуть взглядом наше и прилегающее пространство с точки зрения этой доктрины. Вот что я вижу и вот какую могу предложить гипотезу.

Религиозная вера понесла большие потери, начиная с эпохи Просвещения и развития промышленной цивилизации. Однако инерция мировоззрения и, особенно, нравственности, корнями уходящая в религиозную рациональность, оказалась очень велика. Они прижились и на почве научной картины мира и выполняли важную социальную и культурную функцию.

Скажу даже, хотя это многих возмутит, что жизнь религиозной нравственности была продлена благодаря русской революции и СССР. Советский проект (представление о *благой жизни*) вырабатывался, а Советский Союз строился людьми, которые находились в состоянии *религиозного подъёма*. В разных формах многие мыслители Запада, современники русской революции, высказывали такое утверждение: Запад того времени уже был безрелигиозен, а Советская Россия – глубоко религиозна. Дж. Кейнс, работавший в 20-е годы в России, писал: “Ленинизм – странная комбинация двух вещей, которые европейцы на протяжении нескольких столетий помещают в разные уголки своей души, – религии и бизнеса”. Позже немецкий историк В. Шубарт в книге “Европа и душа Востока” (1938) писал: “Дефицит религиозности даже в религиозных системах – признак современной Европы. Религиозность в материалистической системе – признак советской России”.

Уже говорилось, что в ходе индустриализации и урбанизации СССР погрузился в мировоззренческий кризис: унаследованные от традиционного общества крестьянской России идеократические ценности и нравственность не

удалось облечь в новые слова и образы и передать послевоенным поколениям. СССР рухнул потому, что православная этика большинства населения, прикрытая “тонкой плёнкой европейских идей” (Ортега-и-Гассет), исчерпала свой потенциал без подпитки новыми интеллектуальными и эстетическими инструментами, она была недостаточна.

Ведь мощное (даже безумное) наступление на христианскую идею равенства (в карикатурном образе “уравниловки”), начатое в 70-е годы в кругах интеллигенции и охватившее “широкие народные массы”, делегитимировало главные основания советского строя. Социальный порядок постсоветской России – торжествующее безбожное мракобесие. Размеры социального “дна”, то есть общности совершенно обездоленных, в середине 2000-х годов достигали 15–17 млн человек, но благополучная половина населения этого не замечала. Еще в 1989–1990 годах, когда мы начали выезжать на Запад, нас поражало даже не столько зрелище бездомных и нищих, сколько абсолютное равнодушие к ним благополучных жителей европейских стран. Но мы сами через 5–7 лет провалились гораздо глубже. А кого сейчас волнует безысходное бедствие деревни?

Церковь окормляет души людей строго по “госстандарту” – готовит к неизбежной встрече со смертью, отпускает грехи, примиряет с земными печальми. Проблема дехристианизации социального порядка она не затрагивает.

Есть ли надежда, что “заграница нам поможет”? У меня такой надежды нет, тамошние мыслители (из консерваторов) еще с 1989 году предупреждали: “Если СССР падёт, то Запад оскотинится”. Тогда это туманное предвидение понималось в политическом смысле, свидетельством стала, как полагали, “война в Заливе” и характер празднования “победы” в этой войне в США.

Но это были цветочки... Запад оскотинился в том смысле, что произошла его глубокая и почти молниеносная дехристианизация, причем синхронная с похоронами Просвещения. Универсальные ценности и нормы как корова языком слизала. От гражданского общества остались рожки да ножки, социал-демократы выполняют жёсткие неолиберальные программы, двухпартийная система называется *ambi-dextra* – “двоеправая”.

К чему я клоню? К тому, что кризис – всеобщий, и он пока на подъёме. Все хорошие и даже сомнительные идеи нам надо собирать и фиксировать, не пререкаясь между собой. И в то же время не придавать нашим, даже любимым, идеям ранга панацеи. Надо стабилизировать сознание, чтобы остаться на плаву, но пытаться охватить мысленно всю большую систему этого кризиса, прокручивать её в уме, чтобы найти слабые места. Какой-то одной ниточки, за которую надо потянуть, мы не найдём, – надо будет растаскивать этот клубок за много разных ниточек.

Понятно, что среди нас много есть товарищей, излишне возбуждённых политическими страстями, нельзя их подзуживать и подкалывать, у нас у всех глаза чем-то застит. Нам придётся думать, разговаривать, а потом и действовать среди плевков, воплей и стонов. Надо придумать какую-то психологическую защиту – “другого населения у нас нет”.

Гипотеза, в которой хотелось бы ошибиться

Сентябрь, 22, 2012

К ней меня подтолкнули комментарии, в которых практически все игнорировали сам вопрос: есть ли у реформаторов шанс устроить приемлемый образ жизни одной половине населения, превратив другую половину населения в деградирующее и угасающее “нацменьшинство” вроде аборигенов Австралии? Ведь если такой шанс есть, то, имея в руках власть, собственность, школу и СМИ, это “креативное господствующее меньшинство” сможет достаточно долго доминировать над всей массой населения нашей страны. Мало кто устоит перед соблазном поймать этот шанс, а идеалы без религиозных догм оказались беззащитными перед современными информационными технологиями.

Во всяком случае, хороших средств защитить идеалы солидарности против соблазнов самими же идеалами мы не знаем – им нужна внешняя поддержка. Вилли Брандт признал, что социал-демократия таких средств не нашла: немцы уже в 70-е годы отошли от своей былой культуры солидарности.

Поэтому никакие отраслевые забастовки не могут победить – система имеет ресурсы, чтобы выдержать убытки. Мы провалились с “реальным социализмом”. Кубу ждёт смена поколений лидеров, и прогноз её политического развития неопределённый. Китай ещё опирается на ресурс крестьянского коммунизма и коллективную память.

Я был на большой конференции обществоведов, большинство из них принадлежали к советскому поколению, а молодые симпатизировали СССР. Все доклады строились вокруг наших вопросов: как бы “восстановить атмосферу достойной жизни”. В целом – детский лепет, рассуждения о том, что “надо бы то да надо бы это...”. Всё это – взгляд поверх реальности.

Если этот культурный сдвиг, который вошёл в кооперативное взаимодействие очень разных культур, продлится долго (в этом и состоит гипотеза), то надо разрабатывать долгосрочную программу, прогнозируя состояние сознания хотя бы на два поколения вперёд. Для этого надо организоваться как общество, вроде тайных обществ Китая, которые и вырабатывали философию революции начала XX века. Как выражался Сунь Ятсен, только эти общества отверженных “сохранили сокровище национализма”, которое отбросила китайская интеллигенция.

Если же есть надежда на скорые политические изменения, надо вести срочную разработку курса, логики, художественных средств. Вот почему хотелось бы взвесить шансы попасть в тот или иной коридор. А пока мы вынуждены действовать поодиночке – кто что умеет.

Критическая гипотеза

Декабрь, 11, 2012

Многие в этом ЖЖ стараются себя убедить в том, что впереди перед нами маячит неразрешимый ценностный конфликт вовсе не с “олигархами и коррупционерами”, а внутри той общности, которую мы считаем своей. Это я пытался и так, и эдак сформулировать в гипотезах, которые лучше бы оказались ошибочными. Попробую в другой форме.

Во всех книжках об СССР я предлагал считать, что хозяйство СССР было устроено по типу “семьи”, альтернативному типу “рынка”. Достоинство хозяйства семьи в том, что в производство благ вовлекаются ресурсы “низкой интенсивности”, даже “бросовые”. Это давало очень большую прибавку продукта. Можно сказать, сама Россия встала на ноги с такими ресурсами (читайте Милова о русском пахаре). Но вести такое хозяйство можно только при довольно высоком уровне солидарности и уравниловки. Поэтому пахари держались за общину, а советский народ – за трудовые коллективы и патерналистское государство.

В 70–80-е годы продвинутая энергичная часть общества всё громче стала требовать: “Каждому по труду”, – а кончилось это криком: “Больше социализма! Больше справедливости!” Уравнильность превратили в пугало, которым пугают детей.

Мы, не желая признать нечто страшное, объясняем апатию общества при ликвидации СССР обманом, изменой и пр. А может быть, люди почувствовали, что им даётся шанс? Риск, конечно, но приемлемый.

Кто производит больше продукта высокого качества? Тот, кто получает для своей работы ресурсы с высоким кпд. Небольшие подтасовки в экономической теории и в идеологии – и примерно половина честных трудящихся начинает ратовать за “оплату по труду”. А если победа в конкуренции (пусть даже пока на мировом рынке) становится делом чести, доблести и геройства, то система сдвигается к концентрации лучших ресурсов в части хозяйства, и их “разбавление” ресурсами низкой интенсивности затрудняется или вообще подавляется.

Соответственно, из экономики (и почти сразу из общества) выдавливаются та часть населения, которая и использовала в народном хозяйстве ресурсы низкой интенсивности. Так и произошло уже в самом начале реформы.

Забросили половину пашни Нечерноземья. Перестали косить траву на сено. Свернули оленеводство на Севере, которым жили малые народы. Ликвидировали речной флот и производство простых лекарств, охранниками стали не старушки, а красавцы-парни, перестали ремонтировать старые дома

и инженерные сети – речь идёт лишь о “новом жилье улучшенной планировки”.

Примерно половину населения отодвинули от “модерна и постмодерна”. И это расслоение гораздо более фундаментально, чем расслоение между работающей и миллионером. Потому что нефтяник, получающий 40 тыс. руб., считает, что он получает “по труду”, как и крестьянин, получающий 6 тыс. Семья распалась, и масштабы производства неизбежно сократились. Пенки с нефти и газа надолго не хватит.

Но половину населения, прежде занятую в производстве, которое свернули, пока что подкармливают за счёт “передовых тружеников”, отбирая у них часть их выгодного продукта. Эту подкормку постепенно будут сокращать.

Ну, и какова перспектива? Каковы будут установки “передовых тружеников”? Ведь теперь понятия хозяйства-семьи, общинности и пр. уже стали абстракцией для обеих частей населения страны. Уже будет очень трудно показать, что целостное народное хозяйство намного выгоднее, чем собирание пенек. Я думаю, экономически это можно показать, но никто из наших патристических экономистов этого делать не желает – они бредят высокотехнологичными укладами, а не распахкой тощих почв.

Таким образом, эта гипотеза более пессимистична, чем предыдущая. Там ставился только вопрос: сможет ли меньшинство организовать себе комфортную жизнь в России, вогнав в архаизацию и вымирание большинство? От ответов, в общем-то, все уклонились.

А теперь речь идёт уже не о меньшинстве, а о половине всего населения страны.

ЮРИЙ КОМАРОВ

почётный строитель России

НОВАЯ МОСКВА: ГРАДОСТРОИТЕЛЬНЫЙ ПЛАН ИЛИ ПИАР?

Когда въезжаешь на Крымский мост со стороны Зубовского бульвара, по правую сторону встает всё ещё не застроенная безудержными стараниями прежнего мэра Пушкинская набережная с ожерельем зелени ЦПКиО им. Горького, запомнившаяся по картине Крымова “Утро в ЦПКиО им. Горького”. По другую сторону моста – беломраморная громада ЦДХ, поделенная с Государственной Третьяковской галереей, на фоне ещё не выкорчеванной зелени Парка искусств на Крымской набережной.

Одни современные исследователи пытались доказать нам, неискушенным в архитектуре обывателям, что существует связь облика многострадального детища Николая Сукояна и Юрия Шевердяева с виллой “Савой” Ле Корбюзье (и это при таких-то масштабах!), другие предлагали увидеть в фасаде пропорции венецианского Дворца Дожей с его изысканной моделировкой.

Начатое в далеком 1965 году строительство неоднократно прерывалось из-за неопределённости поставленной задачи. Первый проект ЦДХ Н. Сукоян разработал еще в 1957 году. Тогда планировалось построить два здания: одно – для ГТГ, другое – для Союза художников под выставочные залы, короче, ЦДХ. Новый проект был выполнен в 1962–1963 годах и в марте 1964 года утверждён заказчиком. Начатое в следующем году строительство было закончено только через 15 лет, и то не в полном объеме: публике залы ЦДХ приняли лишь в декабре 1979 года, а советский раздел ГТГ – “Искусство XX века” – был сформирован в 1985 году. Типичный долгострой, с прекращением строительства на значительные сроки, коррозией металлоконструкций, демонтажем проржавевшей вентиляционной разводки – многое пришлось менять...

В 2008 году небезызвестная фирма “Интеко” собиралась возвести многофункциональное здание на берегу Москва-реки под названием “Апельсин”, разработанное при участии именитого Нормана Фостера. Проект этот был представлен на Каннской выставке недвижимости и получил приз. В то время, зная пристрастия мэра к строительству, власти Москвы неоднократно заявляли, что ЦДХ необходимо снести, а освободившееся место отдать под застройку. Идею демонтажа поддержали и немногочисленные архитектурные критики, выступавшие за снос только по тому, что это произведение “закончелой” брежневской эпохи. Не представляется возможным описать, что пришлось пережить 93-летнему Н. Сукояну: за год до смерти он узнал о плане столичных властей в 2009 году снести ЦДХ.

Но Господь распорядился иначе. В защиту несостоявшегося памятника архитектуры, — а для постановки на учёт в качестве выявленного памятника требуется 40 лет, — поднялась общественность. Чего испугались московские власти — экономического кризиса или возмущения общественности, — неизвестно, но символа оранжевой революции на отдельно взятом участке столицы, как многие называли творение Фостера, в центре города на Крымской набережной, по мнению прежнего главного архитектора столицы, не будет. Однако новый главный архитектор С. Кузнецов заявил, что «снос ЦДХ нужен».

Фостеровский апельсин так и не раскроется, а дамоклов меч по-прежнему висит над беломраморной плашкой Сукояна, как и над всей советской живописью, которая нашла приют в этом здании, поскольку изящные искусства, особенно после эскапад Н. С. Хрущева в декабре 1962 году, особой популярностью у современных жителей города не пользовались, да и не пользуются. Возможно, отчасти в силу этого Москва не располагает обширными, специально приспособленными экспозиционными площадями. Поэтому о месте переезда Третьяковской галереи из ЦДХ и не задумывались. О проекте компенсационного строительства у нас вообще не принято думать. Зная нынешние нравы, в случае сноса здания можно предугадать судьбу коллекции. Тем более, что через двадцать — тридцать лет, как говорят специалисты, стоимость произведений соцреализма в силу их естественных утерь будет подтянута к стоимости картин импрессионистов.

Новая Москва и Юрий Пименов

Уподобясь Тесею, чтобы не потерять нить в этом лабиринте, идём по залам галерейной части здания. Основные популярные полотна советских художников 30-х годов экспонируются в залах № 25 и № 26. А вот в зале № 16 вольно или невольно, несмотря на пережитые картиной 75 лет, привлекает внимание своей яркостью и свежестью «Новая Москва» (1937) Юрия Пименова — одного из лучших русских художников советской эпохи. Погрузившись в «реакционный» импрессионизм, он при этом получил Ленинскую премию за серию картин «Новые кварталы» (1963–1967), хотя в молодые годы отдал дань модернистским веяниям.

Под стать картинам К. Писсаро и К. Моне, воспевавшим реконструированный Париж XIX века, пейзаж центра Новой Москвы, выполненный Ю. Пименовым, — отражение реальных достижений советского народа, строившего новую жизнь.

На переднем плане — сидящая спиной к зрителю женщина-водитель, с золотоволосой коротко остриженной головой, — многозначительное и перспективное явление Новой Москвы. Но у Пименова она свободна и уверена за рулем современного авто с преувеличенно огромным, без импоста, ветровым стеклом и небрежно брошенными алой и белой гвоздиками. Это же настоящая Любовь Орлова — Марион Диксон из фильма «Цирк» (1936) с её «Широка страна моя родная...». Вторым планом идёт площадь Свердлова со зданием гостиницы «Континенталь» и открытым в ней «Восток-кино», кусочком сквера Большого театра, запруженная сверкающими под утренним солнцем машинами и празднично одетыми пешеходами. А задник — монументальные здания советских архитекторов Щусева, Лангмана и Чечулина, отражающие уверенную поступь строителей нового мира. Слева, за гостиницей «Континенталь» — почти законченная гостиница «Москва» (1938), справа — Дом СТО СССР (1936), наземный вестибюль станции метро «Охотный ряд» (1935). Это уже не старый московский Охотный ряд с традиционно прижатыми друг к другу лавками и разношерстными вывесками. Художник демонстрирует зрителю преображённый творческим трудом свободного народа Охотный ряд, утопающий в лёгкой дымке пульсирующего, согретого солнцем утреннего потока воздуха. Умытые автомобили, праздничное убранство Дома Союзов с красным полотнищем на фасаде; группки москвичей, спешащих мимо сквера Большого театра, продавщицу газированной воды у торца Малого театра; перебегающие улицу пешеходы, выезжающий с Пушкинской трамвай и многочисленные автобусы у Дома Союзов, мерцающая буква «М» над входом в метро... И за каждым изображением предметного мира, созданного руками и творческим умом советского человека, чувствуется любовь художника

к преображённой столице. Благодаря живописному приёму, струящееся утреннее воздушное пространство придаёт динамичности повседневному процессу новой жизни этой просторной широкой улицы с пульсирующими массами людей и машин, новыми современными зданиями в фиолетовой дымке и автомобилями эпохи строительства социализма. Бодрое, энергичное звучание темы Новой Москвы выражает гордость художника за дела народа, достижения своей страны.

Точно так же, как К. Моне с его двумя вариантами Бульвара Капуцинок (1873) и К. Писсаро с двумя сериями "Проезд *Grand Opera*", написанными через двадцать пять лет осенью 1898 года, заставляют нас восхищаться преобразованным Парижем, реконструированным под руководством неутомимого барона Османа, префекта столицы, во многом определившего её современный облик.

И французские мастера, и лучшие советские художники запечатлели образы обновлённых, кардинально перестроенных столиц. Вспомнить об этом заставляют амбициозные проекты, недавно презентованные во Франции и России. Речь идёт – ни много ни мало – о строительстве Большого Парижа и Новой Москвы.

Попытаемся проанализировать имеющуюся информацию и понять: будут ли эти заново пересозданные города так же вдохновлять художников? И что вообще выйдет из широко разрекламированной затеи?

Большой Париж

Шесть лет назад, в 2007 году по инициативе экс-президент Франции Николя Саркози, объявившего о намерении превратить компактную столицу в первый в мире "посткиотский" мегаполис, начал разрабатываться план создания Большого Парижа. Стояла задача освоения присоединённых территорий Большого Парижа через создание далеко отстоящих от центра новых экономических зон. По этому проекту Париж должен слиться в единое целое со своими пригородами, где сейчас активизировалось разного рода строительство вместе с созданием рабочих мест. В итоге агломерация с предполагаемым населением в одиннадцать миллионов человек должна существенно разгрузить исторический центр французской столицы.

Двухмиллионный Париж – прекрасный, но маленький город. Так почему бы не расширить его на 150 лишних километров к северу до берегов Ла-Манша? Это ли не решение многовекового противостояния столиц: 8-миллионного Лондона и 8-миллионного (при 6 млн проживающих в пригородах) Парижа? Но главным и бесспорным успехом Саркози оказалось то, что в дискуссию о будущем города включились все его жители, и, как показывает опрос журнала *Le Parisien*, более 70% парижан выступает "за". Так что новоизбранному президенту Франсуа Олланду ничего не оставалось, как подтвердить намерение продолжать финансирование проекта Саркози. Ключевые перемены могут коснуться только органов самоуправления в пригородах. По плану Саркози, власти парижских регионов должны быть чётко подчинены единому центру; Олланд же делает ставку на децентрализацию и большую автономию периферийных органов власти.

Разработку проекта комплексного развития Парижа решили проводить на конкурсной основе. Саркози счёл необходимым провести консультации на мировом уровне – серии исследований с участием не только архитекторов и урбанистов, но и географов, социологов, экологов и даже философов. Приём заявок начался в начале марта 2008 года, причём подавать их могли только мультидисциплинарные команды. Качество работ контролировал специально созданный учёный совет. В декабре 2008 года десять отобранных коллективов представили свои соображения по созданию "посткиотской" метрополии. В середине марта 2009 года уже были готовы решения, которые выставлялись в музее архитектуры, обсуждались в Центре Помпиду и в регионах, а во второй половине 2010-го гастрольный, урезанный вариант показали на двух международных архитектурных биеннале: сначала в Москве, а затем в Венеции. После этого все десять команд были объединены в *L'Atelier international du Grand Paris (AIGP)*. Перед ними была поставлена задача не конкурировать друг с другом, а предлагать своё видение развития столь обширной территории,

поскольку концепции конкурсантов предусматривают полицентрическое развитие агломерации путём создания на территории Большого Парижа нескольких ядер притяжения со своими офисными центрами, новыми музеями, театрами и малоэтажным жильём. Архитекторы подчёркивали, что их программы основаны на принципах энергосбережения и созданы в соответствии с Киотским протоколом о сокращениях вредных выбросов в атмосферу.

Из этих предложений французское правительство собиралось отобрать лучшие и на их основе в этом году представить новый генеральный план города. Но, не дожидаясь утвержденного генплана, в предвыборной горячке правительство Саркози уже запустило проект создания технопарка в 20 км от Парижа. Начали осуществлять транспортный проект *Le Grand Paris Express* стоимостью в 32,4 млрд евро. Урбанистическая составляющая сильно запаздывает, жилищно-гражданское строительство осталось на том же уровне, что и в 2007 году. И это при том, что сформированы основные организационно-бюрократические структуры: в июне 2010 года Парламент одобрил закон о Большом Париже, в соответствии с которым была создана компания *La Societe du Grand Paris*; в ноябре этого же года во французском правительстве было воссоздано министерство города (под стать нашему Минрегиону).

Снова Новая Москва

Весной 2011 года президент России Д. Медведев, вероятно, посоветовавшись с неопределённым кругом лиц, поручил новому столичному мэру С. Собянину разработать план расширения Москвы. Ранее подобные идеи выдвигались и Ю. Лужковым, но не находили поддержки. Системный кризис развития города не без его участия — налицо, и мы видим это воочию: система больше не способна удовлетворить потребности горожан в необходимом уровне комфортности проживания. Она уже не один год даёт сбой во всех подсистемах: на транспорте, в экологии, в миграционных потоках... Видимо, поэтому уже 17 июня 2011 года Д. Медведев выступил на Международном экономическом форуме в Санкт-Петербурге с предложением расширить Москву. По его словам, это необходимо для развития мегаполиса, причём одна из главных заявленных целей — вывести из центра столицы органы законодательной, представительной и исполнительной власти, а также развивать финансовый центр РФ. Реализация этих идей, по его мнению, должна облегчить решение транспортных проблем, снизить уровень перенаселённости столицы и способствовать развитию инфраструктуры, что невозможно в существующих границах Москвы.

С таким предложением мог бы поспорить разве что Ле Корбюзье, предложивший в 30-е годы прошлого века снести всю Москву, за исключением Кремля и Китай-города, и застроить её небоскрёбами. Спустя почти 80 лет современные девелоперы сформировали не менее радикальные предложения. Был выбран участок к юго-западу от Москвы — между Киевским и Варшавским шоссе и Большим кольцом Московской железной дороги площадью 144 тыс. га, что в 2,4 раза больше современной Москвы. И уже в июле Мосгордума утвердила постановление об изменении границ столицы. Подольск, Климовск, Щербинка и Апрелевка должны были остаться в составе области, а Троицк — стать частью столицы. В столичной мэрии пояснили, что это фактически был единственный относительно свободный участок в Подмосковье.

Мэру Сергею Собянину и губернатору Борису Громову понадобилось меньше месяца, чтобы прочертить новые границы двух регионов, что моментально вызвало шквал критики и разочарования. Действительно, границы Новой Москвы были прочерчены поспешно — многие эксперты считают, что это может стать роковой ошибкой при создании агломерации, и это уже вызвало осложнение в региональном Парламенте при изменении границ Московской области. «В Мособлдуме и сегодня есть депутаты, которые против расширения Москвы», — признается спикер Мособлдумы И. Ю. Брынцалов. *И хотя решение по расширению Москвы принималось ещё прошлым созывом Парламента, история с изменением границ имела продолжение в новом составе облдумы при обсуждении изменений, внесённых в региональное законодательство при уточнении порядка изменения границ субъекта Федерации. Ряд депутатов использовали обсуждение поправок как повод вернуться к теме расширения сто-*

лицы. И большинство проголосовало за внесение изменений в устав. Теперь границы субъекта могут быть изменены только по результатам референдума.

В августе стало известно, что Москва будет увеличена уже не на 144 тыс. га, а на 160 тысяч. Руководители столицы и Подмосковья уточнили новые границы, и в результате Москва растянулась до Калужской области. Всего к столице перешло 21 муниципальное образование, в том числе два городских округа – Троицк и новоприсоединённая Щербинка, а также 19 городских и сельских поселений, входивших в Подольский, Ленинский и Нарофоминский районы Подмосковья. Новая карта будущей Новой Москвы была опубликована 19 августа. Совет Федерации 27 декабря 2011 года утвердил, а через 10 дней после публикации решение о расширении границ Москвы с 1 июля 2012 года вступило в силу. И вместе с распоряжениями президента от 9.04.2012 оно является основой административной составляющей реализации плана Д. Медведева.

Конкурс

Противоречиво складывается ситуация с содержательной частью.

В ноябре 2011 года НИиПИ Генплана Москвы выиграл конкурс на выполнение функций заказчика на разработку концепции развития московской агломерации, хотя из-за отсутствия опыта институт считают слабым для такого рода деятельности. После новогодних каникул в январе 2012 года в полном соответствии с парижской моделью власти Москвы объявили конкурс на разработку самой концепции, который должен будет определить стратегию развития столицы. По мнению многих, такой конкурс – неприкрытая попытка легитимизировать в сознании обывателя через авторитет привлечённых западных урбанистов странную идею о расширении Москвы. Ведь всем понятно, что проведение концептуального конкурса после принятия политического решения о расширении Москвы невольно вынудит участников уложить свои предложения в прокрустово ложе этого решения и о реализации приглянувшихся жюри проектов не может быть и речи.

В конкурсном задании были подробно перечислены проблемы, которые предстоит решать проектировщикам. Это и избыточная концентрация рабочих мест в центре при нехватке работы на окраинах, и транспортный коллапс, который создают москвичи, едущие с окраин на работу в центр, и размещение правительственного центра. Перед архитекторами поставлена задача разделить новые земли на три планировочных пояса. “Город исчерпал свои ресурсы – территории, населения, законодательства, управления”, – констатировали власти.

А так ли это? Еще в 2003 году гендиректор ОАО “ЦНИИПромзданий” д. т. н. В. В. Гранев излагал идею использования пустующих и заброшенных промплощадок и железных дорог с отчуждаемыми территориями, занимающих от 15 до 30% от общей площади города, для жилищно-гражданского строительства. Рано или поздно, но нам придётся пересмотреть использование этих территорий. И, как заявил Собянин на заседании Мосгордумы в октябре прошлого года, по 16-ти промзонам из 83 крупных ныне существующих уже приняты градостроительные решения, а на территории промзон вдоль Москва-реки планируется открыть места для отдыха горожан. К числу привилегированных промзон правительство Москвы относит территорию завода им. Лихачева, собираясь преобразовать её в парк площадью 25 га, 80% из которых будут представлять зелёные насаждения.

Нельзя забывать, что суммарная площадь двухсот московских промзон и площадок непомерно велика: 150 кв. км – это, фактически, полтора Парижа. Однако в результате обсуждения осталось ощущение неопределённости. Власти пообещали в ближайшие годы “разобрать” московские промзоны, но как будет финансироваться этот процесс и кто будет участвовать в разработке концепции – не конкретизировали. После святотатства прежнего мэра с застройкой Москвы город остро нуждается в подобных общественных пространствах, что подтверждается мнением москвичей: в этом городе жить стало невозможно. Дошло до того, что, по статистике, более 60% жителей столицы не чувствуют себя москвичами, хотя 20% из них родились и выросли в этом городе.

Миллионы квадратных метров жилья, что планировалось построить только к 2020-м годам, уже были готовы к 2010-му, а по инфраструктуре планы не выполняются вовсе. Политика прежнего руководства города разрешала инвесторам не задумываться над необходимостью подвести к новостройке все необходимые коммуникации. Да и сами власти не думают о необходимости развития транспортной сети и прочей инфраструктуры.

Но вернёмся к конкурсу. В конце февраля прошлого года эксперты мэрии, идя в фарватере организаторов парижского конкурса, также выбрали десять самых перспективных заявок с передачей каждой из 10 групп архитекторов по 10 миллионов рублей на разработку проекта Новой Москвы с тем, чтобы через год победители конкурса сформулировали окончательный вариант концепции. “По идеологии, стоимости, масштабам и значимости проекты действительно очень похожи”, – согласился Собянин. Но, в отличие от российской власти, французы не стали перекраивать границы Парижа и прилегающих к нему департаментов (в регионе, объединённом понятием “Большой Париж”, проживают около 12 млн человек и сохраняется прежнее административное деление). Упор был сделан на создание новой транспортной инфраструктуры, которая объединит столицу и окрестности, свяжет богатые западные предместья и бедные восточные, создаст десятки тысяч рабочих мест и новые точки экономического роста. Главный тезис этих концепций: городской житель должен проводить минимум времени в транспорте и максимум на природе, а городские постройки и зелёные насаждения должны уравнивать друг друга.

В нашем случае конкурсантам поставлена иная задача: найти решение по переселению за МКАД 2,5 млн москвичей и органов власти. Самая амбициозная цель – сократить число жителей внутри МКАД с официальных 11,552 млн человек до 8–9 млн. Планом же расширения Парижа предусматривается, что в новом регионе будут жить более 11 миллионов человек. Кстати нужно отметить, речи не было о переезде государственных органов Франции и, соответственно, переселении парижских чиновников. Зато в интегрированных пригородах предполагается разветвлённая система местного самоуправления и создание условий для притока горожан. Развитие региона, подчеркнём, должно быть полицентричным.

После публикации конкурсной документации представители Москомархитектуры, правда, неоднократно уверяли общественность, что об административном переселении 2,5 млн граждан не может быть и речи. Власти лишь хотят создать такие комфортные условия на новых землях, чтобы москвичи сами захотели туда переместиться. Это в духе борьбы с коррупцией: нужно сделать так, чтобы взятки было брать невыгодно.

Первоочередной задачей на ближайшие годы столичные власти считают объединение метро и железнодорожного транспорта в единую сеть, выступают за расширение сети подземного транспорта: в ближайшее десятилетие планируют построить 70 новых станций метро. Кроме того, от проектировщиков ждут идей и по резкому сокращению числа рабочих мест в центре города (на 1 млн человек) с одновременным приращением их числа (на 1,5 млн) на периферии.

Реакция корпоративного сообщества и не только

Первая реакция на неожиданное решение Президента РФ была уничижительной. Начнём с того, что в современных представлениях принятие столь масштабного решения без внимательного изучения вопроса специалистами просто невозможно. Пока не довелось слышать или читать хотя бы одного эксперта – урбаниста, архитектора, экономиста, транспортника, – который бы эту идею одобрил безоговорочно. Да что там безоговорочно – таких, кто находят в нём больше плюсов, чем минусов, тоже не густо.

По мнению президента Российской академии архитектуры и строительных наук А. Кудрявцева, “увеличение площади города при сохранении его планировочной структуры и распространении статуса столичных жителей ещё на сотни тысяч граждан может рассматриваться только как жест отчаяния в попытке решить острейшие сиюминутные проблемы, демонстративной готовности к “малым и конкретным делам”, направленной на привлечение электората.

Но административные методы не помогут”, – убеждён президент РААСН. По сути, освоение новых территорий – это бегство от проблем города во имя сверхприбылей стройкомплекса и подмосковных лендлордов.

Генеральный директор ОАО “Моспроект” С. Миндрул подчеркнул: “Главная беда всех скороспелых решений в том, что власти не советуются со специалистами. И в данном случае мнение профессионалов-градостроителей не было учтено. Ни в Союзе архитекторов, ни в МАРХИ, ни в одном из НИИ не состоялись соответствующие обсуждения”.

По мнению председателя Наблюдательного совета Института демографии, миграции и регионального развития Ю. Крупнова, “Новая Москва не поможет ни городу, ни России в целом, а, по сути, только усугубит ситуацию. Все фантазии на тему о том, что все правительственные учреждения будут вывезены за пределы нынешней Москвы – очень наивны, поскольку вопрос не в правительственных учреждениях, а в том, что все вопросы, офисы, центры приложения сил и реализации интересов лежат в Москве, которая при этом ещё и утроится”.

Заместитель директора Центрального научно-исследовательского и проектного института по градостроительству М. Вильнер в интервью “Строительной газете” от 8.06.2012 № 23 витиевато заметил, что многое подлежит глубокому дополнительному исследованию, поскольку возможны очень серьёзные просчёты в реализации этого поистине масштабного проекта.

Так случилось, что Московский международный урбанистический форум “Глобальные решения для российских городов” совпал с утверждением новых административных границ города. По мнению Джима Хайда, руководителя “Экспертной группы Москвы”, чьи слова приводит “Московская перспектива”, “вопрос расширения границ привёл нас в замешательство. В мире есть такой опыт, но он, как правило, негативный”. Вообще нужно отметить, что иностранные специалисты, приглашённые на Форум, оказались удивительно единодушны в своём недоумении. В частности, европейские и азиатские градостроители никак не могли взять в толк, почему российская столица присоединила к себе именно юго-западную часть области, а не какую-либо ещё. “По соседству находится активно растущее Домодедово. Этот район будет продолжать расти и генерировать финансовые потоки, он мог бы стать идеальной движущей силой для развития земель”, – убежден вице-президент *AECOM Design Planning* Крис Чоа, которого цитируют “Московские новости”.

Критически высказались даже члены лояльной к власти Общественной палаты РФ. Указывалось на то, что проект “информационно закрыт”, то есть требует общественного обсуждения и проведения ряда экспертиз, не было общественных слушаний, идея переселения москвичей вызывает опасение, так как “в данном случае учитываются, в первую очередь, интересы бизнеса, а не людей”. Проект вызвал недовольство общественников из-за того, что “в нём не учтено мнение граждан и возможная угроза окружающей среде”.

ОП пришла к выводу, что при реализации этого проекта может возникнуть ряд экологических, экономических и строительных проблем. Однако власть, предпочитающая в последние годы, по крайней мере, обозначать наличие дискуссии, на этот раз решила “заиграть” ситуацию. Как доложил Медведеву Собянин, “за этот период мы провели десятки слушаний с населением, встреч с активом этой территории. Приняты десятки соответствующих решений органов местного самоуправления и региональных парламентов”. В Мосгордуме заявили, что реализацию проекта отменить уже невозможно, а в других органах власти резюме ОП комментировать не стали.

Уничжительно высказалась о проекте депутат Госдумы РФ д. э. н. О. Дмитриева: “У нас полностью отсутствует градостроительная и региональная проработка крупных решений в области строительства. Более того, те решения, которые принимаются, противоречат самим азам построения крупных городов. Наиболее типичным примером таких ошибочных градостроительных решений, по моему мнению, является недавнее расширение территории Москвы по совершенно странной, на мой взгляд, траектории. Это приведёт к чрезвычайной растянутости всех инженерных, дорожных и инфраструктурных коммуникаций в столице”.

Как же отреагировало население РФ на столь эпохальное предложение верховной власти? Согласно опросу ВЦИОМ, проведённому сразу же после заявления Медведева о расширении границ столицы в 2011 году, половина

граждан РФ (51%) “с равнодушием оценила решение расширить границы Москвы”. Каждый четвёртый опрошенный (24%) высказался в поддержку увеличения территории, 19% – против.

Сколько стоит предприятие

Приблизительными остаются и суммы планируемых бюджетных затрат, да и сами источники финансирования. “Ведомости” со ссылкой на некоего высокопоставленного чиновника называют ориентировочную цифру – один триллион рублей. Источник также категорично добавил, что федеральный бюджет эту сумму – в неё включено строительство зданий, инженерных сооружений и инфраструктуры – не потянет. Рабочая группа, собранная “Справедливой Россией”, определила затраты аж в 11 трлн рублей, что сопоставимо с размером бюджета РФ. А вот соображения наших конкурсантов. Команда архитектора Антуана Грюмбаха (парижское бюро *Antoine Grumbach et Associés*) назвала цифру 187 млрд евро при необходимости размещения на новых территориях жилья на 830 тыс. человек. Коллектив Андрея Чернихова предполагает, что на развитие Новой Москвы потребуется 86 млрд евро при условии, что на присоединённых территориях появится около 1,45 млн рабочих мест, в том числе 250 тыс. – вокруг правительственного центра и 500 тыс. – сопряжённые с ними рабочие места.

Если председатель Мосгордумы В. Платонов затруднился предположить, сколько лет уйдет на освоение новых земель, включённых в Москву, то некоторое время спустя была продемонстрирована очень интересная реакция одного из самых вменяемых и реалистичных руководителей московского правительства А. Шаронова, вице-мэра по экономике. Согласно его версии, освоение займет полвека. До утверждения концепции и выполнения соответствующих проектных работ ни о каких серьёзных цифрах затрат говорить не приходится.

“Известно, что большая часть поселений, присоединённых к Москве, не имеет утверждённой документации. На новых территориях есть только пять генеральных планов городских округов и сельских поселений, а также 147 проектов планировки”, – передает ИТАР-ТАСС. При отсутствии определённых планов развития земель не может быть установлена и стоимость расширения Москвы. Только в конце 2012 года глава государства сообщил медийному сообществу, что он “попросил посчитать, во сколько обойдётся этот вопрос. Эти объекты, которые освободятся в центре Москвы. Это пока никто не делал... И это прямые траты федерального бюджета”. “Соответствующим министрам и ведомствам дано поручение посчитать, сколько это будет стоить. Это не праздный вопрос”, – заключил президент.

“Эта территория требует комплексного градостроительного планирования, которое будет предусматривать и административное строительство, и деловое, и строительство новых образовательных, научных центров и жилья”, – подчеркнул С. Собянин и поручил ГУП НИИПИ Генплана Москвы разработать генплан в новых границах к концу 2014 года. Мало того, в канун нового года Собянин подписал распоряжение о создании в столице Научно-исследовательского и проектного института Градостроительного планирования города Москвы (НИИПИ Градплана Москвы). Как видно, цель создания НИИПИ Градплана Москвы – обеспечение выполнения возложенных на Москомархитектуру полномочий в сфере развития территории города. Однако, по мнению замдиректора старого института, “отсутствует чёткая городская политика, не до конца проработаны меры финансовой поддержки и нормативно-правовая база. Это уже помешало разработке технико-экономических обоснований развития ряда промышленных зон”.

Платонов также подтвердил, что затраты на строительство пока не подсчитаны. “Неизвестно, какие будут вложения федерального бюджета, и поэтому сложно предсказать что-либо”, – заметил спикер. По мнению специалистов, этот проект абсолютно неподъёмен для московского и даже федерального бюджета. Только на обустройство присоединяемых территорий требуется сумма от 1,5 до 3 трлн руб., которые Москва изыскать не сможет. Если вчера Москва в ходе подготовки решения посулила Б. Громова ежегодные отступные в размере 4 млрд руб. за потерю территорий и посчитала налоговые поступления от приобретения – 24 млрд руб. в год, то искромётный преемник Громо-

ва – С. Шойгу – уже успел потребовать 35 млрд руб. Но с приходом на пост руководителя области А. Воробьёва, накануне предстоящих выборов руководителя региона, для и. о. губернатора внесена поправка в федеральный бюджет, согласно которой Московская область получит компенсацию доходов, выпадающих в трёхлетие из-за передачи Москве территорий, в размере 70 млрд руб., и еще 30 млрд руб. – на развитие дорожной инфраструктуры. Плюс 9 млрд руб. ежегодно в течение трёх лет за расширение Москвы будет платить московская мэрия – на развитие социальной инфраструктуры районов, которые частично вошли в состав столицы.

Ликвидны ли здания министерств?

Заместитель председателя правительства РФ А. Дворкович считает, что строительство новых объектов для переезжающих органов федеральной власти в Новую Москву будет профинансировано за счёт продажи зданий, который они занимают в настоящее время. Кроме того, он добавил: “Пока вопрос о стоимости переезда чиновников серьёзно не прорабатывался, хотя какие-то оценки есть. В целом считаем, что с учётом того, что недвижимость, из которой будут переезжать федеральные органы власти, будет освобождаться, – её стоимости будет более или менее достаточно для покрытия стоимости нового строительства зданий федеральных органов”.

Нынешние здания министерств и ведомств, институтов и университетов не годятся для офисов, в которые их предлагает переоборудовать Дворкович. Поэтому более реалистичный Ресин на месте нынешних зданий Парламента предлагает построить гостиницы, новые объекты культуры, досуга, спорта, отдыха. Но в случае реализации этой идеи “нужны чудовищные деньги”. И ещё вопрос – насколько ликвидна будет оставляемая площадь.

О переселении за МКАД

А вот в массовое переселение аппарата министерств и ведомств за МКАД верится с трудом. Фантазии на тему о том, что все правительственные учреждения могут быть вывезены за пределы нынешней Москвы, на наш взгляд, наивны. Напомним, что Н. Хрущёву пятьдесят лет назад не удалось вывезти в Курск всего лишь один Минсельхоз. Идея о перемещении Главного штаба ВМФ в Санкт-Петербург, поближе к морю, была реализована в виде переезда в здание Адмиралтейства 500 офицеров. Но уже через полтора месяца новый министр, усомнившись в правильности перевода Главного штаба, отменил распоряжение предшественника.

Наверняка в Кремле останется Президент, а на Старой площади – его администрация, да и ФСБ вряд ли сдвинется с исторического места. Что касается депутатов Госдумы нынешнего созыва, то они не ратуют за переезд и желают располагаться в пределах МКАД. По мнению специалистов, вынос из города правительственных структур, в которых занято только 7% работающих, не ослабит транспортную перегрузку, однако расходов потребует чрезмерных.

К осени 2012 года стало понятно, что Кремль от идеи переезда отказался. Поэтому перевод чиновников на территорию Новой Москвы будет рассматриваться формально, как бы после тщательного подсчёта затрат на создание соответствующей инфраструктуры. Общественное мнение по этому вопросу выразил Совет по градостроительному развитию Москвы: “Сохранение властных структур в исторически сложившемся сакральном пространстве столичного центра упрочит престиж государственной системы как внутри страны, так и на международной арене”.

Напомним: ранее глава Управления делами президента России В. Кожин объявил о планах по созданию правительственного квартала недалеко от Кремля. Куда проще вместо властных структур отправить за МКАД по предложению Минобрнауки безгласные вузы – в их числе оказались МИФИ, РЭУ им. Плеханова, МИСиС, МИРЭА, МГИУ и т. п. со всеми вытекающими последствиями. И задумано это мероприятие исключительно “для разгрузки московских дорог и улучшения качества образования – студентам больше не придётся тратить время на дорогу от общежития до учебного корпуса”. Но ведь денег

всё равно не будет на формирование обещанных кампусов – это просто дымовая завеса.

Новые земли

Казалось, прирезанные территории – это дополнительная возможность строить жильё. Но...

Сносить нельзя оставить... Как всегда в таких случаях, не знаем, где поставить запятую.

“Ничьих” земель, которыми мэр Москвы сможет распорядиться, на новых территориях давно уже нет. Что было – давно распродали главы местных администраций, незастроенными остались либо частные земли, либо особо охраняемые, – прежде всего, леса. Экс-губернатор Московской области Б. Громов в последние дни своего пребывания на посту фактически частично разрешил застройку лесного фонда. С 3 по 6 мая 2012 года с его лёгкой руки по ходатайству коммерческих организаций около 1,5 тыс. га в Одинцовском районе близ Жуковки, Барвихи, Таганьково и прочих престижных посёлков перевели из лесного фонда в категорию “земель населённых пунктов”. Говорят, что площадь этого массива можно грубо оценить в 1,5 млрд долл. Собственник почти всех этих земель – офшорная компания *Project Invest Holdings Ltd* с Британских Виргинских островов. И хотя Генпрокуратура заинтересовалась решением экс-губернатора, однако, по мнению экс-зампреда подмосковного правительства Д. Куракина, в действиях Громова нет ничего противозаконного: губернатор имеет право изменять территориальные границы населённых пунктов за счёт лесных массивов. Но опасения общественности, что леса сразу же пустят под топор и начнётся застройка вырубленных делянок, к сожалению, уже оправдались, признал Куракин. В этой связи всё большую поддержку у властей предрежащих приобретает идея отмены категорий земель.

Какую-то землю под застройку Новой Москвы придётся выкупать, что также не будет способствовать доступности жилья. По мнению экспертов, для застройки Новой Москвы необходимо будет провести изъятие частных земель. Что же касается федерального значения, то, скорее всего, Правительство передаст мэрии Москвы право изъятия, оформления и резервирования земель под строительство, и власти Москвы смогут изымать земли, если владелец в течение двух месяцев не подтвердит своё право на них. По такому же принципу изымались земли для олимпийских объектов в Сочи. Согласно новому закону столичное правительство получит преимущество при покупке таких земель до января 2025 года. Но наученное опытом Сочи и Владивостока, Правительство России, включив административный ресурс, земли под строительство правительственного центра на территории Новой Москвы планирует получить бесплатно по договору дарения, о чем писали “Ведомости”. Ведь крупные земельные участки Подмосковья скуплены небольшой группой лиц. По данным аналитиков “Газета.ру”, к таковым относятся группа “ИстЛайн”, “Абсолют”, Соалсо, MDK, “Дэймос”. В частности, “Абсолют” владеет участками в Софьино, Красной Пахре, Полянах, Страдань, Романцево общей площадью 3,5 тыс. гектаров, “Дэймос” – в поселке Битца, “Вектор инвестментс” имеет 200 га в совокупности на территории Подольского района Подмосковья и Новой Москвы. Во владении “Масштаба” – обширные участки, занятые под проект А101. На них уже строят многоквартирные жилые дома, потому под частную застройку владелец участка не продаёт.

Многие из этих земель попросту простаивают в ожидании спекулятивных сделок. Известно, что присоединяемые территории пока застроены не очень плотно. Количество жителей составляет 250 тыс. человек, 70 тыс. из которых – пенсионеры. Помимо этого, стоит как-то учитывать и интересы 450 тыс. владельцев дачных участков.

И напоследок – о качестве земель. Как утверждают специалисты, на присоединённых территориях находится крупнейший в Европе полигон бытовых отходов, до 100 несанкционированных радиационных свалок, созданных в 1940–1950-е годы. Кроме того, эти земли могут “похвастаться” семью скотомогильниками. Ещё одна проблема – нехватка воды: воды мало, а качество её оставляет желать лучшего. Систем центральной канализации практически нет. Не менее плачевно обстоят дела и с электроэнергией: на территории нет электростанций, ближайшие – Калининская и Смоленская. Но для этого придётся построить более 20 центров питания и многие километры ЛЭП.

Новая Москва строится

Не дальше как в 15–20 км от МКАД строительство ведут полным ходом, не обращая внимания на пожелания Д. Медведева осуществлять на присоединяемых территориях малоэтажную застройку и заявление мэра, что плотность застройки в Новой Москве будет в 50 раз меньше, чем в “старой”. Скорее всего, мы получим хаотичную высотную застройку, характерную для Подмоскovie. А о новых западных технологиях, на применении которых настаивал экс-президент, не может быть и речи.

Строительство нового жилья – это и важный аспект плана Большой Париж. В условиях ограничения высоты зданий 36,9 метра и при площади города в 66 кв. км жилья решительно не хватает. Местные архитекторы отказываются от типовых многоэтажек в новых районах в пользу экологической застройки. Пока в Большом Париже выделено 10 кластеров по типу экономической специализации.

Одна из самых заинтересованных сторон в нашем проекте – московский стройкомплекс. Он всегда жил припеваючи. У него всегда были объёмы производства благодаря неумным строительным амбициям прежнего руководства города. Сейчас по разным причинам они уменьшились. Сложилась критическая ситуация. Или надо что-то делать с московским стройкомплексом, которому явно недостаёт объемов, а это сотни тысяч человек. Или надо выискивать новые площадки, то есть раздвигать Москву. Похоже, идея расширения Москвы *по всему полюбилася ему*. С самого начала 2012 года на этих территориях резко активизировались девелоперы с предложением строительства порядка 3 млн. кв. м жилья. Текущий объём предложений оценивается примерно в 8–8,5 тыс. квартир (около 600 тыс. кв. м). И скоро вдоль Боровского шоссе, в Коммунарке, Новом Переделкине, городе Московском и на других прилегающих к “старой” Москве бывших полях вырастет привычное типовое 17-этажное жилье, кое-где разбавленное 25-этажными зданиями. Строительство начато в чистом поле без учета городской инфраструктуры, вопросы теплоснабжения, водоснабжения, канализации ещё не проработаны, будто они предполагаются автономными. Такое скопление недвижности в одном месте уже сейчас блокирует транспортную доступность отдельных присоединённых территорий, что полностью перечёркивает весь смысл расширения Москвы.

Интересно заметить, что 2–3 года назад появился тренд: строительство на территории садоводческих товариществ пятиэтажных “коттеджей”, а по сути – многоквартирных жилых домов, состоящих из элементарных одно-, двух- и трехкомнатных квартир, в целях перепродажи. Разумеется, вопросы даже элементарной бытовой инфраструктуры – водопровод, канализация, энергоснабжение – были за пределами мышления инвесторов и застройщиков этих объектов капитального строительства. По данным риэлторов, трехкомнатную квартиру площадью 75 кв. м в садовом некоммерческом товариществе можно было купить за 4,7 млн руб. – то есть за 62,6 тыс. руб. за 1 кв. метр, в то время как в соседнем новотроицком жилом комплексе стоимость квадратного метра равна 100 тыс. рублей. Во время возведения этих циклопических строений на шести сотках никто на предупредительные сигналы внимания не обращал. Снос одного такого “коттеджа” государственное телевидение широко рекламировало в конце прошлого лета. А уже в начале октября в Подмоскovie выявили около 400 объектов такого незаконного строительства. Только в составе 13 садоводческих товариществ, которые до 1.07.2012 числились в составе Ленинского района Подмоскovie, насчитывается более 30 многоквартирных “коттеджей”. И власти Подмоскovie занялись проблемой такого рода построек лишь после того, как стало известно о передаче областных земель Москве. По некоторым строениям уже есть решения судов относительно присвоения им статуса самовольной постройки, но районные администрации Подмоскovie так и не довели дело до конца. Это и понятно: строительство велось с ведома и разрешения местных властей. Если всё будет продолжаться такими темпами и в таком направлении, нас ожидает превращение Москвы в город Третьего мира. Осовремененные латиноамериканские бидонвили и фавеллы с коррективной отечественную индустриализацию и климатические условия... Мэрия Москвы обеспокоена, что застройка ведётся “без всякой социальной, инженерной и дорожно-транспортной инфраструктуры”. Собянин пообещал остановить подобные стройки:

“Мы не позволим создавать такие резервации, в которых люди будут обречены на муки, не имея ни детских садов, ни школ, ни инфраструктуры”. Мэрия только сейчас начала переговоры с инвесторами о корректировке проектной документации. Вся надежда на её административный ресурс.

Несмотря на то, что руководство Москвы заморозило более ста инвестиционных проектов строительства коммерческой недвижимости, провело ревизию строительных инвестконтрактов и снизило их совокупный объём более чем на 8 млн кв. м, выбранный Собяниным метод едва ли решает проблему. В Москве земля в основном в аренде, а в области – в собственности, поэтому с каждым инвестором городу придётся договариваться индивидуально. Пока что предполагается один вариант: за снижение объёмов застройки инвесторам может быть предложено участие города в создании инфраструктуры.

Отдельная тема – необходимость ограничения панельного строительства по массовым сериям, которое, как раковая опухоль, под флагом “доступного жилья” захватывает, за неимением новых площадок в городе, всё новые уголки прирезанных территорий. Как будто нет в Гражданском кодексе РФ ст. 1294, где для реализации допускается только однократное использование архитектурного проекта и без разрешения его автора повторное воспроизведение не разрешено.

Кроме того, если развитие этой территории пойдёт с экономическими приоритетами, в соответствии с решением Громова, то мы потеряем экологическую зелёную зону вокруг города – всё это будет застроено. И главное: основные проблемы, ради которых всё делалось, – транспортная и экологическая – не только не будут решены, но, наоборот, усугубятся.

Что покажет членство в ВТО

Куй железо, пока горячо. Ведь с окончанием переходного периода вступления в ВТО можно предположить, что строительный комплекс столицы уже не получит таких жирных кусков, к каким он привык в условиях бесконкурсной деятельности, основанной на коррупции. И тогда, наконец, начнётся реализация “возможности полного запрета строительства жилья по старым технологиям на присоединённых территориях. Поэтому нужно привлечь к проектированию ведущие архитектурные компании мира, чтобы проектировать по существующим современным европейским нормам”, – предопределил организацию проектирования и строительства Д. Медведев 9.04.2012 на совещании в Троицке по вопросу разработки концепции развития московской агломерации. Это не только удар по нашим строителям, но и по отечественным проектировщикам и архитекторам. Недавно Медведев говорил, что нам нужны инженеры. Так ли это?

Как стало известно РИА “Новости”, иностранцам на конкурсе отдадут предпочтение, как это уже было сделано ранее при реконструкции музейного квартала на Волхонке, Мариинского театра в Санкт-Петербурге и т. п. А ведь во времена СССР отечественные зодчие получали международные архитектурные премии за градостроительные решения Шевченко и Навои.

Подведение итогов

В конце лета ведущие эксперты из Франции, Италии, Испании, США, Голландии и России представили соображения, как можно в корне переделать Москву с учётом присоединённых к ней 160 тысяч га, – конкурс на концепцию развития московской агломерации закончился. Результаты полугодовой работы десяти команд архитекторов продемонстрировались до конца сентября в ЦПКО им. Горького в специально построенном для этого павильоне на Пушкинской набережной. В то время как в Париже выставку десяти проектов международных архитекторов, попытавшихся показать свое видение Большого Парижа к 2029 году, открывал Саркози, в Москве этой чести был удостоен лишь мэр столицы при отсутствии политического руководства страны.

По мнению мэрии, единственной командой, чётко определившей границы агломерации, стал французский коллектив *Antoine Grumbach et Associes*, который готовил и план Большого Парижа. Эта команда предложила сформировать

ровать московскую агломерацию из главного города, зелёного защитного пояса шириной 5–15 километров и широкого кольца городов-спутников на удалении до 100 километров... Была также отмечена команда А. Чернихова, у которой “очень хорошо проработано, что такое агломерация, и ещё немного по этому поводу есть у ЦНИИП градостроительства”. А пригодится ли всё это? Это лишь предложения к размышлению.

Публичное недоверие профессиональному сообществу, его возможностям квалифицированно решить поставленные градостроительные задачи ярко продемонстрировал Д. А. Медведев своим поручением представить к 9.07.2012 предложения по перемещению государственных органов управления на территорию, присоединяемую к Москве с 1.07.2012. И это в то время, когда проводится международный конкурс, который ещё не завершён, пока ещё идут дискуссии, принимать, по сути, политическое решение просто не этично. А нужен ли конкурс – ведь уже ведётся строительство, и принимаются решения о каких-то переселениях! Требуется одно из двух: или дождаться результатов конкурса, или принять волевое решение по уже подготовленному кем-то плану освоения этих территорий. Либо одно, либо другое!

Прошлогодний опрос на сайте “Ведомостей” показал, что 40% читателей считают, что после ухода Медведева с поста президента о проекте “Большая Москва” все забудут. Верят ли участники рынка в проект “Большая Москва”? По мнению некоторых из них, проект не улучшит ситуацию в самой столице, а присоединяемая территория может превратиться в заселённый мигрантами район со слаборазвитой инфраструктурой. И эти соображения не безосновательны. В богатых странах многоэтажные дома строятся только в центрах городов, а в пригородах – исключительно малоэтажное жильё. Массовое многоэтажное строительство в пригородах Москвы показывает, что мы идём не по пути богатых, а по пути бедных стран, закладываем основу для появления через 20–30 лет огромных многоэтажных трущоб в пригородах столицы. Действительно, а почему бы не иметь своего СНГовского Гарлема?

Путин и Новая Москва

Как относится к инициативе экс-президента его преемник В. Путин, пока толком не ясно. В то время как Николя Саркози лично объявил о намерении превратить компактную столицу в огромный мегаполис и лично рассматривал конкурсные предложения, наш президент старательно обходит эту тему стороной. Однако, учитывая консервативные взгляды Путина, ему вряд ли стогла понравиться перспектива переезда из Кремля в некий кластер в абстрактном “городе будущего”. Бытует мнение, что Путин к идее кластера для чиновников относится прохладно и может спустить реформу на тормозах. Ещё в конце октября 2012 года президент РФ дал поручение финансовым ведомствам до конца года представить отчёт о целесообразности парламентского центра. Решение будет принято сразу же после получения заключения Минфина и Минэкономразвития РФ об экономической целесообразности перевода государственных учреждений за пределы МКАД. Это было подтверждено и на большой традиционной пресс-конференции в декабре прошлого года: президент заявил, что перевод чиновников на территорию Новой Москвы будет рассматриваться только после тщательного подсчёта затрат на создание соответствующей инфраструктуры. “Мы должны понять, сколько будет стоить строительство новой инфраструктуры: дорог, энергетики, связи, в том числе правительственной, которая стоит очень дорого. Нужно учесть прямые траты, связанные с безопасностью должностных лиц в случае возникновения каких-то конфликтов. И, наконец, это вопросы, связанные с обеспечением деятельности органов власти любого уровня: либо московских, либо федеральных. Гаражи, водители, машины и так далее находятся в Москве. Если мы туда переместим чиновников и руководителей различных органов, а весь обслуживающий персонал будет в центре Москвы, будут ездить туда-сюда, это, видимо, центр Москвы не разгрузит. Все это надо реально оценить и понять, сколько это стоит”.

“Я надеюсь, что в первом квартале следующего года соберётся необходимая информация для принятия соответствующего решения”, – добавил глава государства.

При этом президент не раз высказывался о судьбе громких московских строек. Так, в январе 2012 года именно он выдвинул идею разбить парк на территории бывшей гостиницы “Россия”. Однако Новую Москву – по мнению многих, выгодную вроде бы для кандидата в президенты тему, – Путин в предвыборный период не упоминал ни разу, что ставит реализацию концепции развития московской агломерации под большое сомнение. Конечно, совсем эту тему он обойти не мог. И решил её затронуть в подростковой аудитории, общаясь со школьниками Подольска 1.09.2011 во время урока обществознания. Он согласился, что “Москва в своих границах уже не может развиваться, уплотняющаяся застройка перешла все границы”. Однако на Петербургском экономическом форуме 2012 года он не исключил второй волны кризиса со всеми исходящими последствиями. В таком же ключе отреагировал британский *Architects’ Journal*, едко назвав планы Н. Саркози по расширению Парижа “журалём в небе” во время рецессии и социальной нестабильности. С точки зрения финансирования Новой Москвы, ограничения накладывают Олимпиада в Сочи 2014 года и чемпионат мира по футболу 2018-го.

Здесь хотелось бы подчеркнуть, что неопределённость ситуации со строительством новой Москвы в наших условиях управляемой демократии во многом зависит от позиции национального лидера. Когда крупные компании находятся в состоянии ожидания, они не делают инвестиций. Справедлив вопрос: “А куда их делать? Ведь генерального плана нет, а осуществление обещанного генплана столицы к концу 2014 года тоже из разряда виртуальной реальности”. Когда бизнес ждёт кризиса, он не организует рабочие места. Когда граждане ждут кризиса, они не делают инвестиций в своё будущее: не берут ипотеку, не вкладывают сбережения в фондовый рынок, не совершают приятных, но не обязательных трат. В результате всех этих “не” падает спрос, ухудшается ситуация в экономике – и предприниматели ещё больше сворачивают свой бизнес.

Представляется, что после снижения цен на нефть в мире и перехода США в разряд её нетто-экспортеров, что существенным образом изменит общий расклад на рынке, руководству будет не до Новой Москвы... Невольно это подтверждает Бюджетное послание президента, честно констатируя факт наступления кризиса и тяжелых времён. В нём содержится обещание действовать в ближайшей перспективе с применением жестких ограничений, связанных с неблагоприятной ситуацией в мировой экономике. Актуальные проблемы сегодняшнего дня потребуют ручного управления, и тогда начнут забывать или, в крайнем случае, с гораздо меньшей интенсивностью обсуждать проблему Новой Москвы и Сколково – этих любимых задумок Медведева. Вероятно, в какой-то форме они останутся, но если взвесить все “за” и “против”, то для экономики страны это “просто вредные и разрушительные игрушки”.

Фантазии и реальности

Расширение Москвы генерирует проблемы неравномерности развития России, усугубляет проблемы развития регионов и страны в целом. Москва не оставила каких-либо шансов ни городам, ни сёлам на экономическое и социальное развитие. Вытягивая из городов и весей амбициозных и квалифицированных людей, Москва и другие мегаполисы уничтожили какие-либо надежды регионов на строительство собственной экономики и городской среды.

В этих условиях идея расширения Москвы за счёт присоединения территорий южного Подмосковья выгодна прежде всего чиновникам. Причем выгодно при любом развитии событий: и воплощаемая в жизнь (можно немало заработать на строительстве жилья, офисной недвижимости, дорог и прочей необходимой инфраструктуры), и существующая лишь в виртуальном пространстве (пиар-ход накануне выборов и некоторое время после). Раскручивая этот проект, чиновники будут стараться “для себя любимых”, а самой Москве и москвичам реальную пользу он вряд ли принесёт.

ВАСИЛИЙ КУДРЯШОВ

ГЛАВНЫМ ДЛЯ МЕНЯ БЫЛО СЛУЖЕНИЕ РОДИНЕ

Когда грянула война, было мне всего восемнадцать. Жил я в городе Ленинграде, где окончил среднюю школу № 52. А 1 июля 1941 года, через неделю после начала войны, был призван в ряды Красной Армии и направлен на учёбу в 3-е Саратовское танковое училище. Училище было с двухгодичным сроком обучения, и срок этот тогда, в начале войны, не сокращали, несмотря на всю тяжесть и сложность военной обстановки.

В первый же день учёбы нас, курсантов, ознакомили с положением на фронтах и с разработанным немцами планом “Барбаросса”, названным так по имени императора Священной Римской империи Фридриха Барбароссы, который в Средние века пытался покорить Восток.

По этому плану Гитлер приказал приступить к блицкригу – молниеносной войне – против СССР. Нацисты презирали русских, называли нас “унтерменш” – “недочеловеки”. Гитлер считал коммунизм выдумкой еврейских интеллигентов и хотел уничтожить “класс большевиков и евреев”. Главной задачей считалось покорить СССР до конца 1941 года с помощью тотального террора против народа нашей страны. Но враг просчитался, хотя первые дни и месяцы начала войны для фашистов были удачными. Уже 3 июля их войска продвинулись на 500 км вглубь страны и находились на полпути к Москве, а 8 сентября был блокирован Ленинград.

Взять Москву не удалось, и Ленинград остался непокоренным. После поражения под Москвой немцы летом 1942 года решили нанести удар на юге и выйти к Волге в районе Сталинграда. Но и в Сталинграде фашистам не удалось победить...

Занятия в училище проходили с учётом сложившихся условий и обстоятельств на фронтах Великой Отечественной войны. Учебная программа была построена таким образом, чтобы будущий командир Красной Армии не только знал историю государства и Красной Армии, но и в совершенстве постиг уставные требования, соблюдал военную дисциплину, грамотно принимал решения с учётом места и времени.

КУДРЯШОВ Василий Порфирьевич, участник Великой Отечественной войны, танкист, трижды горевший в танке, прошедший Сталинградскую и Курскую битвы, тяжело раненный летом 1944 года в боях под Вильнюсом, недавно отметил 90-летие. Он награждён многочисленными боевыми и трудовыми наградами, является автором нескольких книг.

Я горжусь тем, что получил отличные знания по тактике ведения боя, огневой подготовке и бронетанковой технике, её характерных особенностях. Учёба в танковом училище закалила меня физически, помогла выработать твёрдый характер. Занятия по тактике танкового боя проходили под девизом А. В. Суворова: «Много пота в учении – меньше крови в бою». При принятии решения не допускай поспешности: «Поспешишь – делу повредишь». Будь в меру строг с подчинёнными, не допускай грубостей. «Сначала узнай причину нарушения Устава, а затем делай выводы». Во время боя показывай свой личный пример командира: «Делай, как я».

Мой боевой путь начался под Сталинградом поздней осенью 1942 года. Здесь, на берегах Волги, решался исход не только Великой Отечественной войны, но и Второй мировой войны в целом.

Сталинград долгое время был центром ожесточенных и кровопролитных боёв, гремели взрывы бомб и снарядов, плавился асфальт площадей и улиц, бушевал огонь на самой реке, покрытой плёнкой нефти. В течение полугода немцы, несмотря на огромные потери в живой силе и технике, предпринимали попытки овладеть городом.

Самым тяжёлым для сталинградцев стало 23 августа 1942 года. Гитлеровцы рвались к Волге. В 3 часа дня объявили воздушную тревогу: над городом, в его центральной части, появились тяжёлые бомбардировщики немцев. Взрывы страшной силы сотрясали воздух. Были разрушены почти все крупные здания. Улицы объаты пламенем. Армада бомбардировщиков насчитывала несколько сотен самолётов.

В городе начались ожесточённые бои. Военные действия в это время в Сталинграде вели три наших фронта, которыми командовали: Сталинградским – генерал А. И. Ерёменко, Донским – генерал-лейтенант К. К. Рокоссовский, Юго-Западным – Н. Ф. Ватутин; их войска отражали яростные танковые и авиационные атаки фашистов.

В сентябре 1942 года положение наших войск стало крайне тяжёлым. Немцы захватили почти всю центральную часть города. На ряде участков враг вышел к Волге. В это время мой земляк, Яков Федотович Павлов, в доме на площади имени 9 Января с несколькими бойцами 62-й армии занял оборону и 58 дней выдерживал бешеный натиск врага. Этот маленький гарнизон как будто в миниатюре представлял многонациональный Советский Союз. Рядом с русскими сражались украинцы, грузины, евреи, татары, казахи, таджики. За стойкость и героизм, мужество, проявленное в борьбе с врагом, Я. Ф. Павлову присвоено звание Героя Советского Союза.

Ставка Верховного Главнокомандования вынуждена была пополнить наши войска свежими силами. Из резерва Ставки было направлено 10 стрелковых дивизий, 2 танковых корпуса, 8 танковых бригад. Было принято решение сократить сроки обучения в танковых, общевойсковых и артиллерийских училищах. Так суровой осенью 1942 года закончилось моё учение.

1 ноября 1942 года из 3-го Саратовского танкового училища я был направлен в танковый полк, который находился в излучине Дона, вблизи города Калач, на должность командира танкового взвода.

В эти дни три наших фронта готовились к контрнаступлению, которое должно было начаться 19 ноября. С этой целью Ставкой был разработан план под названием «Уран».

Моему взводу было поручено поддерживать войска 159-й стрелковой дивизии на левом её фланге, с целью не допустить в Сталинград немецкие войска, шедшие на выручку к окружённой 6-й армии Паулюса и прорывавшиеся к городу Калач. Перед боем командир полка полковник Васильев сказал мне: «Ты получил в училище хорошие теоретические знания, теперь должен их применить в предстоящем бою».

Бой за город Калач 19 ноября шёл с 8 утра до позднего вечера. Немцы упорно сопротивлялись. Воины 159-й дивизии и танкисты полка, в составе которого принимал бой и мой взвод, остановили продвижение врага, идущего на Калач.

В ночь на 23 ноября 1942 года город был очищен от фашистов полностью. Калач стал первым освобождённым городом в ходе Сталинградской битвы. В этом бою моим взводом были подбиты три немецких танка, в том числе один – моим экипажем, четыре бронетранспортёра, убиты десятки солдат и офицеров противника.

Взвод за этот бой получил от командира полка благодарность, а я был награждён медалью “За боевые заслуги”. Эта медаль для меня – самая дорогая, ведь я её получил в первом бою, не зная в то время по-настоящему поведения врага на фронте, его тактики ведения боя.

Итогом Сталинградской битвы стали грандиозные потери вражеских сил: 5 немецких дивизий, 2 румынские и 1 итальянская. Общие потери противника за всё время боёв составили 1,5 млн человек, 12 тыс. орудий, более 4-х тыс. самолётов, 3,5 тыс. танков. Окружённая 6-я армия Паулюса 2 февраля 1943 года прекратила своё существование. Это была лучшая армия в германском вермахте, и вот 300-тысячная хваленая их армия была пленена, и сам генерал-фельдмаршал Паулюс сдался в плен вместе со всем своим штабом.

Победа под Сталинградом была второй по значимости после победы под Москвой, а третьей стала победа на Курской дуге. Сталинградская и Курская битвы в моём сознании – это как в жизни отец и мать, они всегда рядом, и нельзя гадать, чья роль из них важнее. Тем более что и под Сталинградом, и под Курском, да и во всех других сражениях наши войска проявили героизм, и советские солдаты доказали свою любовь к Родине.

И сейчас в моих ушах звучат заключительные слова последней сводки Верховного Главнокомандования о победе под Сталинградом: “В этот счастливый и в то же время тяжёлый час Вооружённые Силы чтят память своих погибших товарищей, мёртвые обязывают нас к дисциплине, повиновению и безусловной верности нашему Отечеству”.

Я мысленно отношу эти слова и к нашей молодёжи и прошу: молодые друзья, любите свою Родину, делайте людям добро. Вы должны всегда помнить тех, кто не щадил себя для победы над врагом...

... Снова мысленно возвращаюсь к боевым дням. К весне 1943 года я уже был закаленным бойцом, но то, что пришлось мне пережить на Курской дуге, я и сейчас вспоминаю с непреходящим волнением.

12 июля 1943 года.

На ржаном поле совхоза “Комсомолец” под Прохоровкой приняла свой первый бой 5-я гвардейская танковая армия, в том числе 53-я бригада, где мне было поручено командование ротой. Перед боем командирам взводов, рот, батальонов командир бригады поставил задачу: “В связи с тем, что немецкие танки “Пантера” и “Тигр” – тяжёлые и имеют малую скорость, что лишает их преимущества в ближнем бою, вы должны на максимальной скорости врезаться в их боевые порядки. В стрельбе применяйте новые бронебойные снаряды, выпущенные в последнее время”.

12 июля в 8 утра был дан сигнал к атаке. Первой на встречу с нашими танками двигалась армада немецких танков, в том числе новейшие “Тигры” и “Пантеры”. Вот как оценивал ход боёв под Прохоровкой Г. К. Жуков: “12 июля 1943 года в 8.45 после 15-минутной артподготовки две стальные лавины устремились навстречу друг другу: 1500 танков и САУ, наши легендарные “тридцатьчетвёрки” взрезались в строй “Пантер” и “Тигров”, шли на таран. Горели танки, сбитые самолёты. Горела сама чернозёмная земля”.

Когда я увидел в прицеле надвигающиеся “Тигры”, то выбрал цель и внимательно рассматривал незнакомцев. Вот один из них попал в прицел, я сразу же нажал ногой на гашетку пушки, но в это время качнуло танк, и первый снаряд, выпущенный по врагу, прошёл мимо цели. Незадача огорчила меня. Только потом я убедился в закономерности такого промаха. Танки стреляют на ходу, идут они не по асфальту, а по полю, где их качает, подбрасывает. То же происходит и с танками врага. Поэтому с первого выстрела из танка на ходу невозможно поразить цель. Пришлось зарядить пушку новым зарядом и нажать на гашетку – снаряд угодил в “Тигр” и разорвался в моторном отделении, танк загорелся, окутался густым дымом. Языки пламени лизали борт и чёрно-белый крест на башне танка.

Так в первой половине дня на счету моего танкового экипажа появился первый поражённый “Тигр”. Первый и второй взводы роты подбили два танка Т-III и Т-IV. Однако армада немецких танков продолжала наступать. И вдруг сильнейший удар потряс мой танк. Немецкий снаряд попал под башню, меня оглушило и ослепило. Осколок снаряда попал мне в голову. Мои товарищи вытащили меня через десантный люк. Пришёл я в сознание лишь в медсанбате. А через два дня, несмотря на возражения врачей, снова был в своей

роте! И продолжал вести вместе с ротой бои за освобождение городов Белгорода и Харькова.

Война катилась на запад. Я принимал участие в боевых действиях при освобождении городов и сёл Белоруссии. В моей памяти сохранилась хронология тех боёв.

26 июня 1944 года в составе 53-й бригады, 29-й танкового корпуса, 5-й гвардейской танковой армии я как командир танковой роты принял участие в бою за освобождение Витебска.

27 июня рота вела тяжёлые танковые бои за освобождение Орши.

28 июня – в течение двух дней велись бои за город Могилёв, и уже 29 июня – при значительных потерях немецких войск – 53-ей бригадой было окружено 80 тысяч немецких солдат, взято в плен 50 тыс. человек. Город за один день был полностью освобождён.

Моя рота приняла участие и в освобождении Минска, и в боевых действиях за освобождение других городов Белоруссии. Танкисты моей роты уничтожили 4 танка, 6 бронетранспортеров, десятки огневых точек, на поле боя остались сотни убитых немецких солдат. За освобождение Минска в приказе Верховного главнокомандующего И. В. Сталина я получил благодарность. Всего за годы Великой Отечественной войны я получил 6 таких благодарностей.

8 июля 1944 года осталось для меня памятным тяжёлым днём. Это был последний бой с моим участием под городом Вильнюсом. Я был назначен помощником начальника штаба бригады по разведке. Мне поручили произвести разведку боем перед наступлением наших войск на Вильнюс. Это значит – ходить перед противником, вызывать на себя огонь и засекают вражеские огневые точки, минные поля, определять конфигурацию оборонной линии немцев, глубину и быстроту течения реки Вилии, крутизну её берегов, осуществлять поиск тех мест, где можно её форсировать. Бой продолжался почти два часа, задание было выполнено. Во время налёта немецких бомбардировщиков в мой командный пункт попала бомба. И тут же один из снарядов угодил в мой танк, я получил тяжёлое ранение в левую ногу с потерей стопы. Контуженные, но оставшиеся в живых члены экипажа вынесли меня в укрытие, и оттуда я был отправлен в полевой госпиталь.

Шесть месяцев я пролежал в госпитале в г. Балахна Горьковской области, стал инвалидом в 21 год... Было очень тяжело всё это перенести. Но что делать, жить-то надо. Я не спасовал, не согнулся перед бедой. Перед операцией хирург Софья Петровна Виноградова сказала мне, что она внимательно изучила все мои ранения, полученные в горящих танках, и пришла к убеждению, что перенести адскую боль помогла мне сила воли.

Эта обаятельная девушка в возрасте 23 лет, с красивыми каштановыми, хорошо уложенными волосами, с ясными голубыми глазами, тёплыми мягкими руками, стройной фигурой и милой улыбкой была и сейчас остаётся для меня непревзойдённым доктором, способным внушить человеку уверенность в себе и в своём будущем, сделать всё необходимое, чтобы тот жил и работал на благо Отечества.

Мои воспоминания – это подведение итогов жизни. В ней у меня, как у всякого человека, были свои радости, огорчения, утраты... Оглядываясь назад, человек моего возраста неизбежно всё раскладывает по полочкам: что было главным и на что не стоит обращать внимание. Главным для меня было служение Родине, своему народу.

ИВАН ДРОНОВ

РУССКИЕ И КАПИТАЛИЗМ

Главы из книги

Ф. М. Достоевский о капитализме и буржуазии

Фёдор Михайлович Достоевский (1821–1881) – ещё один представитель русского консерватизма XIX столетия, отличающийся ярко выраженными антикапиталистическими взглядами и служащий связующим звеном идейной преемственности между славянофильством и русскими консерваторами второй половины XIX века. Хотя Достоевский никогда не входил в славянофильский кружок и даже в период издания журнала “Время” (1861–1863) вступал в довольно резкую полемику с изданиями славянофилов с позиций “почвенничества”¹, однако по общему характеру своих взглядов в пореформенную эпоху, в особенности по тому, как они выразились в 1870-х годах в его “Дневнике писателя”, Достоевский был очень близок по своим убеждениям к основному комплексу славянофильских идей. Так, в журнале братьев Достоевских “Эпоха” летом 1864 года была опубликована статья Н. Н. Страхова (1828–1896) с характерным названием “Славянофилы победили”, в которой автор доказывал, что действительность подтверждает жизненность славянофильских теорий и разоблачает фальшь западничества².

Сам Фёдор Михайлович в 1877 году в главе своего “Дневника писателя” под названием “Признания славянофила” недвусмысленно заявил: “Я во многом убеждений чисто славянофильских” (25, 195)³, а в черновых материалах (1877) выразился ещё более категорично: “Я славянофил” (25, 240). Свою принадлежность к “партии славянофилов” писатель подтвердил и в 1880 году в “Объяснительном слове” по поводу своей знаменитой речи о Пушкине, подчеркнув, что сказанное им в этой речи “не мне одному принадлежит, а всему славянофильству, всему духу и направлению “партии” нашей” (26, 133). А наряду с этим Достоевский в своих черновиках в 1877 году признавался: “Я социалист, но переменил идеал с эшафота”. Переменил с идеала “социально-демократического, европейского” (26, 185) на идеал “русского социализма”, по содержанию своему практически тождественного антикапиталистическому ядру славянофильской идеологии.

Не случайно, что в последние годы жизни Достоевский находился в самых дружеских отношениях с И. С. Аксаковым, о чём свидетельствует их переписка⁴. Последний представитель классического славянофильства горячо при-

ветствовал проповедуемые Достоевским в Пушкинской речи и в “Дневнике писателя” 1880–1881 годов идеи всемирно-исторической роли русского народа, залогом которой являются православная церковь и крестьянская община, воспитавшие в русских дух соборности и братского единения между людьми. По мнению И. С. Аксакова, Достоевский со всем блеском своего художественного и проповеднического гения развивал в своих выступлениях заветные мысли А. С. Хомякова и К. С. Аксакова⁵. Смерть великого писателя вызвала у И. С. Аксакова глубокое горе: “Это казнь Божия, — писал он в частном письме о смерти Достоевского. — Я вовсе сиротею. Становится жутко...”⁶.

Впоследствии именно газета И. С. Аксакова “Русь” предприняла “самую эмоциональную попытку “канонизации” Достоевского-мыслителя в совершенно определённом славянофильско-православном духе” и широко развернула пропаганду идей “русского социализма”, сформулированных в последнем выпуске “Дневника писателя”⁷.

Факт чрезвычайной близости Достоевского к славянофильским воззрениям был очевиден для его современников. К. Н. Леонтьев (1831–1891) не сомневался, что “Достоевский был славянофил”, причём именно славянофил “жизни, а не теории”, то есть истинный славянофил консервативного толка, ценящий высоко русское дворянство, а мужика любящий “не потому только, что он мужик, что он человек рабочий и небогатый”, а за то, прежде всего, что “он русский мужик, за то, что религиозен”⁸.

Очень близко общавшийся с Достоевским на протяжении последних 20 лет его жизни Н. Н. Страхов называл его “бессознательным славянофилом”. При этом славянофильство, как подчёркивал Страхов, “не есть надуманная и оторванная от жизни теория: оно есть естественное явление, с положительной стороны — как консерватизм, т. е. приверженность к давнишним началам русской жизни, с отрицательной — как реакция, т. е. желание сбросить умственное и нравственное иго, налагаемое на нас Западом”. “Таким образом произошло и то, — утверждал Страхов, — что Фёдор Михайлович создал себе целый ряд взглядов и симпатий совершенно славянофильских и выступил с ними в литературу, сперва не замечая своего сродства с давно существующею литературною партией, но потом прямо и открыто примкнул к ней”⁹.

Не вдаваясь в детальный анализ степени близости взглядов Достоевского к идеологии славянофильства в различных её аспектах, полагаем, что имеются все основания отнести его к категории “славянофильствующих” мыслителей (то есть апеллирующих к идеям “классического славянофильства”)¹⁰. Гораздо важнее для нашей темы то, что “в оценках буржуазного Запада Достоевский на несколько голов возвышался над иными современниками, в том числе, над теоретиками славянофильства”¹¹. Преимущество произведений Достоевского, в частности, его очерков “Зимние заметки о летних впечатлениях” (1863), “перед всей славянофильской литературой, посвящённой обличению “гнилого Запада”, советские литературоведы вполне справедливо усматривали в том, что в его произведениях даётся “социальная критика противоречий развитого капиталистического общества”, что “писатель в конкретной критике язв капитализма меток, убедителен и достигает временами очень высокого обличительного пафоса”, хотя при этом идеал Достоевского “обращён вспясть, к докапиталистической и к тому же весьма прикрашенной патриархальности”¹².

Закономерно, что Достоевский в критике капитализма пошёл значительно дальше славянофилов и сумел намного глубже вскрыть социальные противоречия буржуазного общества. В силу особенностей своего происхождения и биографии Достоевский, по сравнению со многими славянофилами, оказался гораздо менее защищён “стеклянным колпаком” помещичьего быта от болезненных впечатлений “борьбы за существование” в мире капиталистической конкуренции и гораздо ближе сталкивался с примерами беспощадной эксплуатации буржуазными предпринимателями как обычного, так и “умственного” пролетариата. Если в 1840–1850-х годах капитализм был для славянофилов ещё во многом абстракцией, и критика его могла строиться лишь на противопоставлении России и Запада, то в 1860-х и особенно в 1870-х годах, когда капитализм, словно из прорванной канализации, хлынул на российские просторы, Достоевскому почти не приходилось оставлять родную почву для анализа капиталистического общества и буржуазных отношений.

Теоретическим инструментарием для такого анализа Достоевский вооружился во времена своего увлечения “фурьеризмом” в кружке М. В. Буташе-

вича-Петрашевского (1821–1866), где основательно изучил современные учения западного утопического социализма. “Толки о Нью-Ланарке Роберта Оуэна и об Икарии Кабе, а в особенности – о фаланстере Фурье и теории прогрессивного налога Прудона занимали иногда значительную часть вечера” на собраниях петрашевцев¹³. Судя по имеющимся сведениям, Достоевский, при всей художественной впечатлительности и страстности своей натуры, даже в 1840-е годы не был фанатичным поклонником европейских социалистических идеологов: их наивный утопизм не мог укрыться от пронизывающего взора гениального писателя. В своих показаниях на следствии по делу петрашевцев Достоевский писал: “Фурьеризм, а вместе с тем и всякая западная система так неудобны для нашей почвы, так не по обстоятельствам нашим, так не в характере нации, а, с другой стороны, до того порождение Запада, до того продукт тамошнего, западного положения вещей, среди которых разрешается во что бы то ни стало пролетарский вопрос, что фурьеризм... в настоящее время, у нас, между которыми нет пролетариев, был бы уморительно смешон¹⁴”.

Искренность этих показаний подтверждается тем, что своим соратникам по кружку Петрашевского Достоевский говорил то же самое. “Он, – вспоминал А. П. Милюков, – читал социальных писателей, но относился к ним критически... В особенности настаивал он на том, что все эти теории для нас не имеют значения, что мы должны искать источников для развития русского общества не в учениях западных социалистов, а в жизни и вековом историческом строе нашего народа, где в общине, в артели и круговой поруке давно уже существуют основы более прочные и нормальные, чем все мечтания Сен-Симона и его школы”¹⁵.

Влияние утопического социализма на Достоевского оказалось, тем не менее, чрезвычайно глубоким. Исследователи отмечают многочисленные отголоски сочинений Фурье, Кабэ, Консидерана о будущем справедливом строе человеческого общества в снах и фантазиях героев Достоевского о счастливом “золотом веке” (“Сон смешного человека” в “Дневнике писателя”, сны Раскольникова, Ставрогина, Версилова)¹⁶. Однако эти отголоски идей французских утопистов в произведениях зрелого Достоевского носят скорее полемический, “антифаланстерский” характер: расписанному по регламенту, рационалистическому социализму французских теоретиков русский мечтатель противопоставляет этически окрашенный социализм “горячего сердца”, “братолюбивного единения”, основанного на заповедях Христа¹⁷. Воинствующий атеизм как некоторых западных, так и русских социалистов Достоевский не мог принять уже в 1840-е годы. Этим его отталкивали и В. Г. Белинский, и Петрашевский, и Н. А. Спешнев¹⁸.

Но вот в чём не было никаких расхождений у Достоевского с утопическим социализмом – ни в 1840-х годах, ни позднее, – так это в безусловном неприятии капиталистического общества. Особенно непримиримо и яростно критика капитализма и всей современной западной цивилизации звучит в произведениях Шарля Фурье (1772–1837)¹⁹. Фурье клеймил позором экономическую систему “индустриализма”, которая “вознесла на вершину почестей торговцев, биржевых игроков, скупщиков-барышников, ростовщиков и банкротов, монополистов и торговых паразитов”. Больше всего доставалось от него представителям торгово-посреднического класса, в деятельности которых он не видел ничего, кроме мошеннической спекуляции, жульничества и надувательства. “Торгашеская гидра”, “кровопийцы биржевой игры”, “хищники-торгаши” являлись, по мнению Фурье, главными виновниками глубоко порочного, античеловеческого характера современной западной цивилизации²⁰. Роль торговли в экономической системе свободной рыночной конкуренции оказывалась, с точки зрения французского утописта, чисто паразитарной, угнетающей производительные отрасли, прежде всего, земледелие: “Торговля в её нынешнем состоянии – не что иное, как корпорация корсаров от хозяйства”²¹. “Свобода обмена” превращена торгошами в “свободу обмена”: “Ибо что такое торговля? Это – обман со всеми его принадлежностями – банкротством, биржевой игрой, ростовщицеством и плутнями всякого рода”²². Символом всех этих безобразий капиталистической системы в сочинениях Фурье часто выступает “еврей Искарриот”, “вор-еврей”²³, а “торговцы и евреи” сливались у него в один класс населения, паразитирующий на трудящихся классах²⁴.

Строй современной цивилизации опрокинул прежнюю социальную пирамиду, поставив “на место придворной и военной аристократии – аристократию денежную, место герба и щита заняла денежная касса: тяжестью денежного мешка определяются иерархия рангов и порядок старшинства”. Новые обстоятельства с удвоенной силой “побуждают того, кто чем-либо владеет, к эксплуатации, спекуляции, торгашеству, ажиотажу и накоплению ценностей”. Такая организация общества возбуждает “противоречие интересов всех социальных группировок, которые могут образоваться внутри современной нации, что вызывает бесчисленные столкновения между индивидуумами, вовлекает их в ожесточенную борьбу друг с другом – *bellum omnium contra omnes* – войну всех против всех, создаёт массу стимулов к развитию самых низких инстинктов”²⁵. Вследствие этого, утверждал Фурье, “состояние цивилизации является антиподом предназначения, миром навыворот, социальным адом”²⁶.

По сравнению с антигуманным феодальным строем предшествовавший ему “земледельческий феодализм” казался Фурье самой блестящей эпохой в истории человечества, во время которой пусть медленно, но неуклонно происходило освобождение человека труда от завещанного Античностью рабства. Капитализм же, под завесой демагогии “философов” и “экономистов” о свободе и равенстве, принёс с собой новое и худшее рабство народных массам. Фурье высоко оценивал феодальную монархию, обуздавшую произвол знати в интересах народа, и средневековые общинные, корпоративные организации в городе и деревне, позволявшие защищать и постепенно расширять свободы и права трудящихся²⁷.

Атеизм Фурье называл “позорным следствием” строя промышленной цивилизации и “новейшего просвещения”, утверждая, что “законодательство человеческих обществ должно быть делом Бога, а не людей”²⁸. Неприемлем был для Фурье и деизм просветителей. Отрицать действие Божьего промысла в истории, по его мнению, может лишь ослеплённый гордыней и сомнением разум, тогда как истина заключается в необходимости соработничества, “сотворчества” Бога и человека. Не пассивная вера, а активное исполнение Закона и воли Божией, которые побуждают людей к единению и взаимному притяжению в противоположность социальному атомизму капиталистического общества, – вот подлинное содержание христианской религии. Свои теории Фурье подкреплял ссылками на Евангелие и писания святых отцов, впрочем, истолковывая эти тексты зачастую произвольно и далеко не ортодоксально, но с большим пылом²⁹. Это обстоятельство, по-видимому, привлекало к теориям Фурье Достоевского, человека с детства глубоко религиозного³⁰.

Критически относился Фурье и к современной представительной демократии, считая её одним из многочисленных “обманов” и “химер” торгашеской цивилизации. “Эти химеры не гарантируют даже работы и хлеба народу, – писал Фурье, – они приводят лишь к сеянию раздора, развязыванию драки кровавожадных партий, росту налогов и расточительства и вынуждению народа расплачиваться за продажность его представителей”. Выборы же приводят лишь к замене одних “вампилов” другими³¹. Обычным в произведениях Фурье было и противопоставление (так напоминающее славянофильское и народническое) буржуазной интеллигенции, продавшей капитал, и трудового народа, прежде всего, простого мужика-крестьянина: “Я вижу народ только в том, кто держит ручку плуга, а не в брехунах с общественных площадей, сделавших себе ремеслом продажу своих голосов”³².

“Торгашеский дух” привёл, по мнению Фурье, к несоизмеренному разрастанию индустриального сектора, превратившего население европейских стран в “белых рабов при посредстве каторжных острогов промышленности”. Вопреки рекламам либеральных экономистов, “индустриализм предоставляет участникам производства лишь голод и лохмотья”³³. Единственным выходом из кричащих противоречий капиталистического общественного строя Фурье виделся “строй гармонии”, в основе которого должна лежать “земледельческая ассоциация”, или “фаланга”³⁴. По его убеждению, солидарная община, ведущая преимущественно аграрное хозяйство, воспитывающая детей на лоне живой природы, среди лесов, полей и садов, в наибольшей степени согласуется с законом природным и божественным и одна только способна принести счастье измученному человеческому роду. Что касается перспектив осуществления своих теорий, то Фурье заявлял следующее: “В отношении моей системы я не рассчитываю на французов. Они, как и итальянцы, испанцы

и немцы, увязли в строе Цивилизации; но я рассчитываю на Восток, особенно на русских, которые, как все славянские народы, весьма склонны к общности”³⁵.

Антикапиталистические идеи Шарля Фурье, несомненно, оказали сильное влияние на Ф. М. Достоевского. Оценки и отзывы французского социалиста о пороках капиталистической системы и нравственном растлении буржуазного общества, порабощённого “торгашеским духом”, его меткие и сочные образы воров, плутов и мошенников, скрывающихся под благообразными личинами коммерсантов, политиков и либеральных интеллектуалов, в ещё более яркой художественной форме воспроизводятся в творчестве зрелого Достоевского. Нередко эти заимствования и реминисценции носят почти дословный характер. Таким образом, можно сказать, что французский утопический социализм послужил идейным источником и составной частью не только марксизма, но и “антикапиталистической ментальности” в русском консерватизме, выдающимся представителем которого являлся Фёдор Михайлович Достоевский.

В произведениях Достоевского нельзя найти сколько-нибудь систематически разработанных политических теорий или экономических и социальных концепций. Однако ранимое и отзывчивое сердце писателя, его неуёмный общественный темперамент, высокое сознание своей нравственной и гражданской ответственности побуждали его живо откликаться на различные злобы дня в своих романах и публицистике. В этих разрозненных выступлениях нетрудно увидеть общую структуру “антикапиталистической ментальности” Достоевского, которая, по нашему убеждению, обуславливала характер его общественно-политических взглядов на пореформенную российскую действительность и которая роднила его как с идеологическими предшественниками – славянофилами, – так и с последователями – консерваторами из круга журнала “Гражданин” (князь В. П. Мещерский, К. Н. Леонтьев, К. П. Победоносцев, Н. Н. Страхов). Редактором “Гражданина” Достоевский был в 1873–1874 годы и именно там впервые начал печатать свой “Дневник писателя”.

Политические воззрения зрелого Достоевского находились, несомненно, в сильной зависимости от славянофильской концепции самодержавия. Самодержавие служило, согласно пониманию Достоевского, “источником всех свобод в России”, и это понимание писатель противопоставлял взгляду на самодержавный строй либералов-западников, “русских иностранцев”: самодержавие “по-иностранному – тирания, по-русски – источник всех свобод” (24, 291). Национальный характер политического режима самодержавия обеспечивает его безусловную легитимность в глазах народа, а национальный характер власти Достоевский усматривал преимущественно в патриархальности самодержавия в России.

Достоевский, находясь под влиянием славянофильской традиции, был убеждён, что “отношение народа к царю, как к отцу, и есть у нас то настоящее, то адамантовое основание, на котором всякая реформа у нас может зиждиться”. Вера в то, что “царь народу отец”, по мнению Достоевского, это “не признак лишь детства народного”, отсталости в развитии, но “органическая идея”, “особливый пункт, отличающий народ наш от всех других народов Европы и всего мира”. Благодаря этой-то *особливости*, “у нас гражданская свобода может водвориться самая полная, полнее, чем где-либо в мире, в Европе или даже в Северной Америке”. “Не письменным листом утвердится, – подчёркивал Достоевский, – а соизжится лишь на детской любви народа к царю, как к отцу, ибо детям можно многое такое позволить, что немыслимо у других, договорных народов” (27, 22). Детская любовь к Царю-Отцу, широчайшая свобода народа под его отеческим попечением в сочетании с идеей “всеобщего, всенародного, всебратского единения во имя Христова” и составляет оригинальный “русский социализм”, в высшей степени патриархальный (27, 19). Но и этот патриархальный монархизм Достоевский также выводил из христианского мирозерцания русского народа: “Ибо везде власть есть лишь власть только, а у нас она есть отец. Царь – земной бог, говорит народ, называет себя крестьянином (христианином), а христианский Бог есть Отец” (27, 230).

Противостоящий “русскому социализму” буржуазный либерализм “договорных народов” своё законченное воплощение получает в “механических формах” бюрократизма: “Чиновник, теперешний чиновник – это европеизм, это сама Европа и эмблема её, – утверждал Достоевский. – Стало быть, чтоб быть последовательными, либералам и европейцам нашим надо бы стоять за

чиновника, в настоящем виде его... Они ведь за это, в сущности, и стоят. Дайте им хоть конституцию, они и конституцию приурочат к административной опеке России..." (27, 72).

Естественно, что Достоевский не допускал и мысли о введении конституционных учреждений в России, так как был убеждён, что "увенчание здания" обратится немедленно "в заговор против народа". "Увенчание здания" – заветную мечту либералов-конституционалистов, – народ, по словам Достоевского, "прямо окрестил "господчиной" (27, 44). Эту же мысль писатель с горячностью отстаивал в разговоре с А. С. Сувориным: "Конституцию, – вспоминал Суворин, – он называл "господчиной" и уверял, что так именно называют её мужики в разных местах России, где ему случилось с ними говорить"³⁶. А в черновых записях Фёдор Михайлович добавил ещё более резкий приговор конституционным вожделям либералов: "Конституция. Всякое дерьмо. Да, вы будете представлять интересы вашего общества, но уж совсем не народа. Закрепостите вы его опять! Пушек на него будете выпрашивать!.." (27, 65).

Главным образом, Достоевского не устраивал состав пореформенной цензовой общественности, претендовавшей на выражение мнения народного и представительство его интересов в гипотетическом парламенте: "В последнее время начало становится жутко за народ: кого он считает за своих лучших людей? Жид. Адвокат, банкир, интеллигенция" (24, 286). Размышляя о том, кто бы мог быть противовесом буржуазным элементам общества и служить посредствующим звеном между самодержавной властью и народной массой, Достоевский останавливался на родовом поземельном дворянстве, которое одно ещё сохранило интимную, а не коммерческую связь с землей, с народным деревенским бытом и традиционным патриархальным мировоззрением. "Дворянство и его сохранение необходимо, – считал он, – ибо оно всё-таки выражало своим установлением форму живой связи царя (знамени) с народом и заключало в себе все возможности дальнейших социальных развитий земли. Сохраняло дух связи, дух, в котором должна была пониматься служилость. Заменить его нечем" (21, 265). Поэтому-то "наши либералы и преследуют... честных помещиков, земледельцев, которые среди народа могли бы послужить к его же силе и просвещению" (24, 221). Помещиков Достоевский прямо именует "лучшими людьми" земли русской, которых, к сожалению, пореформенная эпоха основательно подкосила, чем воспользовались "адвокаты, купцы, жида Струсберги" (24, 285), а в итоге – "кончились помещики, кончились лучшие люди" (24, 267). С болью в сердце наблюдал Достоевский, как "прежний землевладелец продаёт имение за бесценок купцу, и теперь и жиду, те рубят леса, даже сады рубят, возьмут всё, что можно взять с землею, осрамят и обесчестят землю, и продадут потом по клочкам" (27, 214).

Достоевского тревожило разорение именно среднего и мелкого дворянства, заменить которое в политическом, социальном и культурном смысле не в состоянии ни крупные землевладельцы-магнаты, ни придворная знать, ни буржуазия, поклоняющаяся "золотому мешку" и "мамоне". В своих дневниковых заметках по поводу книги Р. А. Фадеева "Чем нам быть?" (1874) он писал: "Совершенное уничтожение дворянства и дворянского духа [осуществится] вытеснением их прав или обезземеливанием мелких владельцев, в которых именно и приютились старые знатные роды и дух дворянства, наплывут и сядут на место них толстопузые купцы, которые скупают мелкие имения. Тогда именно прекратится образование. Всякий купец скажет: 1000-летие дворянского духа оказалось, стало быть, пшиком. Пришли и поклонились капиталу-то. Когда я при собственном капитале-то что хочу, то и делаю, очень надо образование, когда сами признали, что деньги выше всего".

Достоевский категорически отвергал инициативы Фадеева по созданию нового элитарного слоя путём инкорпорирования в дворянское сословие успешных представителей буржуазных предпринимательских кругов, не ожидая от этого ничего, кроме "торжества говняков" (21, 271). Тенденции обуржуазивания старого дворянства вызывали у Достоевского омерзение и осуждение. "Самодержавие, разрушая дворянство, подняло на себя руку", – приходил он к неутешительному заключению (21, 266).

Кроме патриархального самодержавия и поместного дворянства, важнейшим заслоном на пути буржуазного перерождения общества могла стать, по мнению Достоевского, русская крестьянская община. Ещё в журналах

“Время” и “Эпоха” братьев Достоевских публиковались статьи в защиту общинного землевладения от нападок сторонников “экономической свободы”. В частности, Н. Н. Страхов находил фундаментальное противоречие в рассуждениях с позиций экономического либерализма, требующего полной свободы рыночных отношений, но не допускающих и мысли о такой же полной свободе в иного рода отношениях людей – политических, юридических, семейных. Такая неограниченная свобода, очевидно для всякого, привела бы к невыносимому произволу и хаосу, но разве может тот же хаос и “война всех против всех” в экономике привести к благим последствиям, как утверждают идеологи “*laisser faire, laisser passer*”? Общинное землевладение представлялось Страхovu одним из фундаментальных установлений, защищающих общество от рыночной стихии и анархии общественного производства при капитализме³⁷.

Сам Достоевский решительно выступал против тех, кто “легкомысленнейшим образом проповедует уничтожение общины – одной из самых крепких, самых оригинальных и самых существенных отличий сути народа”, – сути, разумеется, коллективистской, соборной, братско-христианской, как её понимали и славянофилы. Достоевский подчёркивал и менее возвышенное, но более практичное значение общины как организационной формы социального контроля, предостерегая, что если “уничтожат общину – порвутся последние связи порядка”, и тогда – “пропадём, как мухи”. Он горой стоял за “общинное землевладение” (24, 300), ведь “община держит человека у земли”, а “у нас страсть к бродяжничеству и к приключениям”, стоит только раздробить общину на частные владения, мужик “всё заложит и продаст жиду”. Вывод – “лучше держать в узде, в общине” (25, 227).

Общинное землевладение, был убеждён Достоевский, необходимо всячески оградить от попадания в водоворот рыночного обмена, а “собственники должны сделать уступки” (24, 236). В отличие от социалистов, Достоевский не выступал за полное уничтожение частной собственности, предвидя его “ужасные последствия”. Ему было понятно, что без института частной собственности невозможно развитие личного начала в человеке, высоко им ценимого, а это грозит низведением человеческой жизни до уровня муравьиного существования. Но и “безграничная собственность”, особенно в поземельных отношениях, опасна, так как ведёт к расколу общества и превращает народ в пролетариат и в рабов собственника. Средний путь между этими неприемлемыми крайностями Достоевскому виделся в том принципе, согласно которому “всякий должен иметь право на землю” (24, 231). Выражаясь марксистским языком, Достоевский выступал против отделения непосредственного производителя от средств производства, составляющего важнейшую основу капиталистического строя.

Поземельные отношения Достоевский считал определяющими и для хозяйственного и социального, и для политического и духовно-нравственного строя общества: “Это уж какой-то закон природы, не только в России, но и во всём свете: кто в стране владеет землёй, те и хозяева той страны во всех отношениях... Каков характер землевладения, таков и весь характер нации” (24, 138). Пока в России “не железнодорожники, не промышленники, не миллионеры, не банки, не жидаы обладают землёю, а прежде всех лишь одни земледельцы”, до тех пор православно-монархический “русский социализм” незыблем. Обеспечение первенствующего значения в экономике традиционного аграрного уклада обуславливало, по мнению Достоевского, и сохранение национальной идентичности, преемственности русской культуры и питающих её христианских ценностей. “Нравственность, устой в обществе, спокойствие и возмужалость земли и порядок в государстве, – утверждал он, – зависят от степени и успехов землевладения. Если землевладение и хозяйство слабо, раскидисто, беспорядочно, то нет ни государства, ни гражданственности, ни нравственности, ни любви в Боге”. По словам Достоевского, “промышленность и капитал действуют развратительно, отторгнувшись от земли, стало быть, от родины...” (21, 270).

П. П. Семёнов-Тян-Шанский, близко знавший Достоевского по кружку Петрашевского, вспоминал, что уже в молодые годы чувствовалось: “Ф. М. Достоевский был сыном деревни, а не города”. По собственному признанию писателя, “деревня оставила на всю его жизнь неизгладимые впечатления”³⁸. Летние месяцы, которые проводил Ф. М. Достоевский в имении своего отца Даровое в 1830-х годы, действительно сформировали в сознании

писателя образ деревни как светлого, безмятежного и счастливого бытия, гармонии человека и живой природы, как образ Царства Божия на земле, в противоположность темному и демоническому миру города, миру умерщвлённой материи. Во многих, особенно ранних, художественных произведениях писателя “деревня является в памяти действующих лиц повествования как радостное и недолгое видение их детства, прошедшее где-то вдали от городской жизни”, и это видение деревенского прошлого – когда “кругом были поля и леса, а не гряда мертвых камней”, – всегда у Достоевского “освещено самым радужным светом”³⁹. В произведениях зрелого Достоевского детские видения деревенской идиллии преобразились в чаяния будущего “золотого века”, о котором грезил его герои. Жизнь самого писателя и жизнь многих персонажей его произведений как будто складывалась согласно гегелевской диалектике: безмятежный деревенский рай в детстве (тезис), разорванное и одинокое существование в клоаке капиталистического города (антитезис), скрашиваемое мечтами об умирающем все противоречия будущем “золотом веке” в Саду–Эдеме (синтез).

В этих же категориях мыслил Достоевский и диалектику всемирной истории: “патриархальность было состояние первобытное”, отличавшееся цельностью и не подточенной рефлексией религиозностью. На смену ей пришла “цивилизация” (как и Фурье, Достоевский подразумевал под понятием “цивилизация” любое сообщество, нарушившее цельность и братство, внесшее внутрь себя начала неравенства, подавления и эксплуатации ближнего, и прежде всего, разумеется, – современную буржуазную цивилизацию, достигшую абсолютного максимума в осуществлении этих начал): “В Европе, например, где развитие цивилизации дошло до крайних пределов, т. е. до крайних пределов развития лица, – вера в Бога в личностях пала. Это состояние, т. е. распадение масс на личности, иначе цивилизация, есть состояние болезненное”. Наконец, “христианство – третья и последняя степень человека, но тут кончается развитие, достигается идеал”, или “рай Христов”, когда “воскреснет каждое я в общем Синтезе”, преодолев индивидуалистическое обособление⁴⁰. Разумеется, христианский идеал победы над злом, тьмой, распадом и смертью в совершенной полноте достижим лишь в плане инобытия, “в лоне всеобщего синтеза, т. е. Бога”. Однако это не означает, что из “болезненного состояния цивилизации” нет выхода, а царству буржуазии нет альтернативы. Социально-экономическое и духовное обновление человечества возможно и осуществимо уже здесь и сейчас: “Если хотите переродить человечество, дайте ему землю, воротите его к земле” (23, 276).

Верность земле, и хозяйственная, и духовная, представлялась Достоевскому надёжной гарантией от губительной пауперизации и пролетаризации не только экономической, но и социальной и культурной. Возвращение к аграрному образу жизни могло бы послужить духовному оздоровлению беспочвенной интеллигенции, способствуя формированию у неё религиозного взгляда на мир, ведь, по мнению Достоевского, “наш атеизм есть только разъединение с народом, оторванность от земли”, а вот “если б вы сидели на земле и её обрабатывали, вы бы верили в Бога” (24, 234). Поэтому “земледелие надо поддержать, ибо промышленность рождается из земледелия, а у нас помимо земледелия началась спекуляция” (24, 212). Говоря о своей приверженности к “убеждениям славянофильским, вернее, к православным, то есть к убеждениям крестьянским, то есть к христианским”, Достоевский фактически отождествлял их (24, 107).

Наоборот, всё, что связано с городом, с промышленностью, с коммерцией, в сознании писателя ассоциировалось с ненавистным ему западничеством: “С петровской реформой, с жизнью европейской мы приняли в себя буржуазию и отделились от народа, как и на Западе”⁴¹. Инъекция буржуазного духа естественно произошла в народном организме России тот же болезненный эффект, как и в Европе: нравственную порчу, религиозный индифферентизм и атеизм, мучительное обособление личности и разложение семейных и общественных связей. Городская, искусственная, “умышленная” цивилизация, разорвавшая доверительные отношения человека с органической природной жизнью, руководимой Провидением, неминуемо придёт, по убеждению Достоевского, к безрелигиозному мирозерцанию, к упованию на “эвклидов” человеческий разум, порождающий чудовищ нигилистического самоутверждения. И эта цивилизация возникла именно тогда, когда “стала подыматься

буржуазия в огороженных городах”, тесня постепенно баронов с их феодальными замками. Уже “в наш век произошла страшная революция, и одолела буржуазия”, и “с ней явились страшные города, которые не снились даже и во сне никому”, “города с хрустальными дворцами, с всемирными выставками, с всемирными отелями, с банками, с бюджетами, с заражёнными реками, с дебаркадерами, со всевозможными ассоциациями, а кругом них – с фабриками и заводами”.

Капиталистический город представлялся Достоевскому как самый настоящий социальный ад, пожирающий человечность своих обитателей и превращающий их в гнусных бестий. Это касается не только хищных капиталистов-собственников, но и пролетариев, “людей некрещеных и невенчанных, живущих, вместо брака “в скотском сожителстве” с “самкой, найденной на мостовой”. От них рождаются “Гавроши”, которых “вышвыривают на улицу” и которые “наполняют воспитательные дома и тюрьмы для малолетних преступников”. Из этих-то пролетариев и вырабатывается “будущая бесчужденная мразь”, “будущие дикие, которые проглотят Европу” (23, 94-96). В России, с тех пор как завелись здесь капиталисты, биржи и фабрики, происходит то же самое: “Протекло время с освобождения крестьян – и что же: безобразия волостных управлений и нравов, водка безбрежная, начинающийся пауперизм и кулачество, то есть европейское пролетарство и буржуазия и проч., и проч.” (30/1, 41). “Никогда народ не бывал в такой кабале, как на фабриках” (23, 158), считал Достоевский, а эксплуатация трудящегося народа современными буржуазными дельцами не шла, по его мнению, ни в какое сравнение с едва ли не добродушным, на этом фоне, крепостничеством прежних времён⁴².

К буржуазному типу человека, рвавшемуся заменить дворянство в роли элиты общества, Достоевский испытывал нескрываемое отвращение. “Купец, – писал он, – есть лишь развратный мужик. Он всегда готов соединиться с жидом, чтоб продать всю Россию” (24, 281). У торговца нет ни идеалов, ни святости, кроме денег, “миллиона”, ставшего в буржуазном обществе мерилом и преуспевания, и самого человеческого достоинства. Это мировоззрение Достоевский называет “чудовищно извращённым”, порождающим предельно “хищные и наглые” натуры, готовые на любое преступление, на любое попрание нравственного закона ради обогащения. В дореформенные времена купец, несмотря на скопленные миллионы, не обладал культурной гегемонией; тогдашний ведущий класс – дворянство, при всех своих недостатках, гнушалось торгашеством и презирало торгашей и проныр. Однако после буржуазных реформ 1860-х годов в обществе расцвёл культ “золотого мешка”, который стал почитаться “за высшее, что есть на земле”, а купец “вдруг увидел себя решительно на одном из самых высших мест в обществе, на том самом, которое во всей Европе давно уже, и официально и искренно, отведено миллиону” (23, 156-160).

Образы буржуазных дельцов в романах Достоевского выглядят один омерзительнее другого, а подчас приобретают прямо-таки инфернальные черты. Это пауки и гадины, сеющие вокруг себя разврат, смрад и смерть. Один из таких “пауков”, например, говорит, что “когда он будет богат, то самое большое его наслаждение будет кормить хлебом и мясом собак, когда дети бедных будут умирать с голоду. А когда им будет нечем топить, то он купит дровяной двор, сложит в кучу и весь истопит даром, на морозе, и ни полена не даст бедным”. Видный советский литературовед В. Ермилов в своей книге о Достоевском совершенно точно заметил, что писатель был буквально “болен капитализмом, видя в нём только ужас”. Развитие капиталистических отношений писатель воспринимал “катастрофически, как распространение неизвестной смертельной эпидемической болезни или обвал, наводнение, бесовское наваждение, дьявольский кошмар”; “он ненавидит и презирает буржуа как смертельного личного врага”⁴³.

Недаром другой знаток творчества Достоевского – А. С. Долинин – одну из глав своей книги “Последние романы Достоевского”, посвящённую проблеме отношения писателя к буржуазной трансформации российского общества, весьма выразительно назвал “Классовая ненависть”⁴⁴.

Одним из важных аспектов анализа капиталистической модернизации России является в творчестве Достоевского столкновение еврейского вопроса. Как и другие консервативные публицисты, Достоевский, разумеется, не забывал упомянуть в своих текстах Талмуд, кагал и шинкаря, однако в фокусе

его внимания была, прежде всего, проблема участия и роли еврейства в распространении капиталистических отношений, буржуазного образа жизни и мышления в русском обществе. Ф. М. Достоевский в “Дневнике писателя” противопоставлял прежнюю, средневековую, “христианскую идею спасения посредством теснейшего нравственного и братского единения людей” и “идею буржуазии, ставшую главной идеей всего нынешнего столетия во всём европейском мире”. Содержательно “идея буржуазии”, по Достоевскому, — это “матерьялизм, слепая, плотоядная жажда личного матерьяльного обеспечения, жажда личного накопления денег всеми средствами — вот всё, что признано за высшую цель, за разумное, за свободу”. В современной Европе “наступает вполне торжество идей, перед которыми никнут чувства человеколюбия, жажда правды, чувства христианские, национальные и даже народной гордости европейских народов”. То, что раньше осуждалось христианской моралью, — “безжалостность к низшим классам”, “эксплуатация бедного богатым”, спекуляция и “торговля чужим трудом” (капиталом), — ныне “возводится в добродетель”. “Но, — рассуждает Достоевский, — если евреи окончательно восторжествовали и процвели в Европе именно тогда, когда там восторжествовали эти новые начала даже до степени возведения их в нравственный принцип, то нельзя не заключить, что и евреи приложили тут своего влияния... Стало быть, недаром же всё-таки царят там повсеместно евреи на биржах, недаром они движут капиталами, недаром же они властители кредита... Верхушка евреев воцаряется над человечеством всё сильнее и твёрже и стремится дать миру свой облик и свою суть... Мы говорим о жидовстве и об идее жидовской, охватывающей весь мир, вместо “неудавшегося” христианства...” (25, 84-85).

Достоевский в своих текстах часто практически уравнивал понятия “жид”, “жидовство”, “жидовская идея” с понятиями “капитал”, “капиталист”, “буржуазное общество”, “буржуазная идеология”, подменяя сложное социально-экономическое или политическое явление более простым и наглядным псевдоэтнонимом. “Земледелие есть враг жидов”, — пишет он, например, подразумевая под термином “жиды” промышленный и торгово-спекулятивный капитал. “Очищается место, приходит жид, становится фабрику, наживается... А государство поддерживает жида (православного или еврейского — всё равно) всеми повинностями, тарифами, узаконениями, армиями”, — возмущался он, имея в виду тот же капитал и его сращивание с государственным аппаратом (24, 211-213).

“Оскудение дворянства” и замещение бывших бар буржуазными дельцами, скупавшими имения разорившихся помещиков, вырубавшими на этих землях леса и “вишнёвые сады”, под пером Достоевского представляло как иноплемennое нашествие: “Жиды становятся помещиками, — и вот повсеместно кричат и пишут, что они умерщвляют почву России, что жид, затратив капитал на покупку поместья, тотчас же, чтобы воротить капитал и проценты, иссушает все силы и средства купленной земли. Но попробуйте сказать что-нибудь против этого — и тотчас же вам возопят о нарушении принципа экономической волюнтарности и гражданской равноправности” (23, 42). В подобной ситуации, по мнению Достоевского, права “священной и неприкосновенной частной собственности” и предпринимательской свободы необходимо было бы ограничить.

Приведённые высказывания Достоевского, как представляется, вполне подтверждают мнение В. А. Твардовской о том, что в публицистике Достоевского 1870-х годов понятие “жид” становится более социальным, чем национальным, а неприятие еврейства, из среды которого в этот период выдвинулся ряд крупных предпринимателей и финансистов, выражает его вражду именно к буржуазности, а не к национальности как таковой⁴⁵. Этот вывод подкрепляет и тот факт, что и сам “еврейский вопрос” привлёк внимание Достоевского лишь в пореформенную эпоху, одновременно с развитием капиталистических отношений в России и рассматривался им в тесном переплетении с критикой этих отношений. То же можно сказать и относительно славянофильской публицистики. До 1861 года упоминаний о евреях в текстах славянофилов практически нет, а если они и встречаются, то только применительно к Западной Европе и в связи с тем или иным проявлением там буржуазного духа и жизнеустройства. Зато в 1860-е — 1880-е годы И. С. Аксаков регулярно в своих изданиях обращается к еврейской теме, приходя к выводу, что “нигде и ни в ком так не воплотилась... идея капитала — живём и гольём, — как в еврействе!”⁴⁶. Таково же было и мнение Ю. Ф. Самарина⁴⁷.

Видя в капитализме только деструктивное и регрессивное явление, Достоевский считал его исторически обречённым. Буржуазная Европа, с его точки зрения, вообще стоит на грани крушения: “Все эти парламентаризмы, все исповедуемые теперь гражданские теории, все накопленные богатства, банки, науки, жидаы – всё это рухнет в один миг и бесследно” (26, 167-168). Поэтому избежать тупикового капиталистического пути развития для России – насущнейшая задача. Образ чаемого будущего виделся Достоевскому довольно смутно, но одно было для него несомненным: “Кончится буржуазия и настанет Обновлённое человечество”. Обновлённое человечество “поделит землю по общинам и начнёт жить в Саду”. Аграрный и общинный характер будущего здорового и справедливого строя жизни был для Достоевского аксиомой: “Можно жить потом на мостовой, но родиться и *всходить* нация, в огромном большинстве своём, должна на земле, на почве, на которой хлеб и деревья растут. . . В Саду детки будут выскакать прямо из земли, как Адамы, а не поступать девяти лет, когда ещё играть хочется, на фабрике, ломая там спинную кость над станком, тупя ум перед подлой машиной, которой молится буржуа”. В России, “где так много земли, где фабрика ещё только шутка”, условия для прорыва в светлое будущее, минуя капитализм, гораздо более благоприятны, чем на Западе. “Огромное зерно для будущей идеи” заключено и в русской крестьянской общине, и в крепчайшей привязанности к земле русского мужика: “Земля у него прежде всего, в основании всего, земля – всё, а уж из земли у него и всё остальное, то есть и свобода, и жизнь, и честь, и семья, и детишки, и порядок, и Церковь, – одним словом, всё, что есть драгоценного. Вот из-за этой формулы он и такую вещь, как община, удержал. . .” (23, 96-99).

В плане критики явз капитализма и преувеличенных надежд, возлагаемых на крестьянскую общину, взгляды Достоевского оправданно сближают с идеологией русского народничества⁴⁸, иногда характеризую его мировоззрение как “род консервативного, славянофильского народничества”⁴⁹ или как “православное народничество”, в котором слились в одно целое “мужицкое православие, мужицкое общинное землевладение и царь-отец”⁵⁰. Действительно, между взглядами Достоевского и народников немало общего. Справедливо говорить и ещё об одном, наряду с Ш. Фурье, источнике антибуржуазных взглядов Достоевского – литературной деятельности основоположника идеологии “русского социализма” А. И. Герцена. Многие яркие страницы “Зимних заметок о летних впечатлениях” (1863) Достоевского, живописующие картины пошлости и нравственного убожества сытой буржуазии на фоне нечеловеческих страданий народных масс в пасти чудовищного Ваала – индустриального мегаполиса, – явно навеяны не только личными впечатлениями, но и произведениями Герцена. Так, А. С. Долинин выявил многочисленные текстуальные заимствования в “Зимних заметках” из герценовских “Писем из Франции и Италии” (1847–1852)⁵¹, в которых отразилось глубокое разочарование Герцена-эмигранта в буржуазной цивилизации Западной Европы и дана разносторонняя критика социально-экономических основ этой цивилизации⁵². “Герцен раньше многих других сказал, что Запад гниёт”, – отмечал Достоевский и усматривал в этом большую заслугу основоположника народничества (29/1, 113).

В 1860-е годы Герцен с отвращением писал о “буржуазной оспе”, начавшей уже проникать и в Россию⁵³. Единственной преградой на пути этой эпидемии могла стать, по его мнению, крестьянская община, важнейшие устои которой – “1) право каждого на землю, 2) общинное владение ею, 3) мирское управление”, – задают матрицу будущего социалистического общества⁵⁴. Центральный антикапиталистический лозунг идеологии “русского социализма”, сформулированный Герценом и безусловно разделяемый всеми течениями внутри народничества, – о “праве на землю”⁵⁵ – был целиком заимствован Достоевским в его версии “русского социализма”⁵⁶. И для народников, и для Достоевского это был самый желательный способ справедливого разрешения социально-экономических противоречий капитализма.

Как и Достоевский, народники противопоставляли буржуазную городскую культуру, насаждающую *вольчью мораль* борьбы за существование, коллективистским традициям крестьянской общины, которая “олицетворяла собой принцип солидарности и нравственной связи <её членов>, в противоположность принципу крайнего индивидуализма и нравственной разобщённости,

выразителем которого был и есть город"⁵⁷. Вслед за Достоевским беллетристы-народники связывали своеобразие национального духа народа с таинственной силой земли и сельским образом жизни: "Оторвите крестьянина от земли, — писал Г. И. Успенский в своих знаменитых очерках "Власть земли" (1880), — от тех забот, которые она налагает на него, от тех интересов, которыми она волнует крестьянина, — добейтесь, чтоб он забыл "крестьянство", — и нет этого народа, нет народного мирозерцания, нет тепла, которое идет от него"⁵⁸.

Гармоничное бытие пахаря-земледельца противопоставлялось народниками духовному вырождению современной буржуазной цивилизации. "Истинная цивилизация возможна только в деревне", — утверждал М. О. Меньшиков на страницах народнической газеты "Неделя". Ибо "живая общественность держится на нравственном единении, а городская жизнь ведёт к нравственному разрыву: возможна ли любовь, где всё основано на конкуренции, где связью служит кредитный знак?.. Городская жизнь развивает страшный эгоизм, жажду наживы, которая и в отдельных людях, и в целых сословиях, и даже в народах, где город возобладал, — переходит в манию"⁵⁹. Эта критика социокультурных издержек капитализма, которая велась Меньшиковым с народнических позиций, однотипна с такой же критикой у Достоевского. И здесь уместно говорить об обратном влиянии Достоевского на народничество: испытать глубокое воздействие антибуржуазных текстов Герцена, Достоевский как обличитель мерзостей капитализма, капиталистического города (Ваала) вдохновлял следующее поколение писателей-народников. Совсем "по-достоевски" звучат, например, тирады Меньшикова о бездуховности городской среды, оторванной от животворной связи с природой, с крестьянским трудом и деревенским бытом: "Рабочий никогда не видит ни солнца, ни звёзд, ни молний, не слышит ветра, не слышит даже громов небесных за грохотом машин. Он видит кругом себя только стены и станки, станки и стены... Религиозное чувство не может воспитываться среди лязга и шума машин... Земледелец — тот окружён бесконечным разнообразием жизни, целыми хорами явлений, сливающихся в общий гимн. Крестьянин у своей сохи каждую минуту может пасть на землю, как во храме, пред голубою, сверкающею вечностью и вознестись душою к Господу. Природа располагает к молитве, — не то фабрика, напоминающая ад с его огнём и грохотом. Парижский рабочий живёт без Бога: Провидение для него — хозяин завода, молиться приходится старшему мастеру и ставить ему — не свечи, а стаканы водки. Человек на фабрике весь в руках человека, который весь в руках своего старшего и т. д., вплоть до главного хозяина, который весь в руках рынка или биржи, существа слепого и жадного, и как всё мёртвое — неумолимого. Все поставлены в железную зависимость друг от друга, а не от Высшей воли"⁶⁰.

Разносимый из города железными дорогами, банками, спекулянтами и барышниками вирус капитализма несёт в деревню только растление, обнищание и усиленную эксплуатацию. Видный народнический экономист В. П. Воронцов описывал печальные последствия капиталистической перестройки отечественного сельского хозяйства для традиционных поземельных сословий буквально фразами из "Дневника писателя" Достоевского: "Кулак, завладевший мужиком, протянул руки и на господскую землю... Классы — исконные земледельческие производители (хотя и представители двух различных хозяйственных систем — крупной и мелкой), — помещики и крестьяне, заинтересованные в том, чтобы поставить сельское хозяйство на прочном основании, так как оно должно служить не только им самим, но и их детям и внукам, — эти классы сами устранились или были устранены посторонней силой от направления дальнейшего развития нашего земледелия, и оно попало в руки проходимца. Еврей, поляк, грек, армянин, русский — кто бы то ни было по происхождению, но по своему общественному значению кулак, аферист, эксплуататор, стремящийся лишь к быстрой наживе и преследующий её сегодня в области земледелия, завтра за прилавком кабака, а послезавтра, может быть, в обществе червонных валетов, — вот кто сделался руководителем современного крупного землевладения"⁶¹.

Развитие капиталистической индустрии и экономики свободного рынка и народники, и Достоевский расценивали как зло и регресс, не видя в них для трудящегося народа ничего, кроме нового ярма, намного горше прежнего — феодального. Об этом красноречиво свидетельствует опыт Запада, где раз-

рушение общины во имя “индивидуальной свободы” привело лишь к тому, что бывший крестьянин, попав в фабричные жернова, получил “существование в десять раз хуже и досуг в десять раз меньше прежнего”⁶². Поэтому буржуазные “публицисты наши, провоцирующие развитие отечественной, национальной промышленности, работают на гибель русского народа”⁶³.

Видя в общине самое “надежное убежище для крестьянской личности от грядущих бед капиталистического порядка”⁶⁴, идеологи народничества рассчитывали на сотрудничество в этом пункте с самодержавием. И. И. Каблиц (Юзов) считал, что самодержавное государство жизненно заинтересовано в том, чтобы поддержать “самобытный строй русского производства, основанный на общинных и артельных началах (так как этим самым подорвётся развитие капиталистического производства)”, что, в свою очередь, “способствует подавлению либеральной буржуазии”, которая выступает опасным конкурентом самодержавия в борьбе за политическую власть⁶⁵. Ради сохранения зашиты “мужика от бурь промышленной конкуренции”⁶⁶, ради “возможности непосредственного перехода к лучшему, высшему порядку, минуя среднюю стадию европейского развития, стадию буржуазного государства”, Н. К. Михайловский от лица народнической интеллигенции выражал готовность “не домогаться никаких прав для себя” и “довольствоваться и в юридическом смысле акридами и диким мёдом”. Иными словами, идеолог народничества соглашался отказаться от требования конституционных гарантий и либеральных свобод, смириться с самодержавно-монархическим режимом, если он встанет на защиту общинного землевладения и обеспечит некапиталистический путь развития России, “особливый от европейского”⁶⁷. Согласно сильно утрированной, но по сути верной оценке В. Я. Кирпотина, “лидер народничества согласен был пойти на сохранение самого неприкрытого, самого brutального самодержавия, лишь бы миновать иго капитализма”, и в этом он непосредственно смыкался и с Достоевским, и со славянофилами⁶⁸.

Такая смычка казалась тем естественней, что, как и Достоевский, народники относились скептически к так называемому “правовому порядку” и представителю системы правления, восхваляемым либералами как величайшее достижение буржуазного общества. Уже А. И. Герцен выражал глубокое сомнение в благах парламентской демократии, усматривая в ней “тиранство без тирана”, “анонимное общество политических шулеров и биржевых торговцев”⁶⁹. Н. Г. Чернышевский язвительно высмеивал ограниченность и формализм либеральных “прав” и “свобод”: “Ни мне, ни вам, читатель, не запрещено обедать на золотом сервизе; к сожалению, ни у вас, ни у меня нет и, вероятно, никогда не будет средства для удовлетворения этой изящной идеи; потому я откровенно говорю, что нимало не дорожу своим правом иметь золотой сервиз и готов продать это право за один рубль серебром или даже дешевле. Точно таковы для народа все те права, о которых хлопочут либералы”. Для безграмотного народа безразлична свобода печати, задавленному нуждой и невежеством рабочему люду недоступны хитросплетения парламентских выборов и дебатов, поэтому все эти институты, несмотря на их внешнюю обманчивую привлекательность, при сохранении частной собственности и социального неравенства всегда будут использованы буржуазией в своих классовых интересах против трудящихся⁷⁰.

Яростно выступал против парламентаризма и борьбы за политические права (всеобщее избирательное право, свободу печати, свободу ассоциаций и публичных собраний и т. д.) М. А. Бакунин в своей полемике с германскими социал-демократами (Ф. Лассалем и К. Марксом), полагая, что “всякое политическое движение не может быть другим, как движением буржуазным”, и, следовательно, участие в таком движении приведёт только к тому, что “работники-депутаты, перенесённые в буржуазные условия существования, в буржуазную атмосферу политических идей, перестанут быть настоящими работниками, сделаются государственными людьми, в конце концов, превратятся в буржуазов и превзойдут в этом отношении даже настоящих буржуа”⁷¹.

Н. К. Михайловский не сомневался в том, что “политическая и экономическая свобода в Европе оказалась новым видом рабства народа”⁷². Он сравнивал господствующее образованное меньшинство, интеллигенцию, с “ярким и ароматным цветком”, который возрос и расцвёл на счёт народного труда, оказавшись в большом нравственном долгу перед народом. Хотя для образованного человека “не может быть ничего соблазнительней свободы политиче-

ской, свободы совести, слова устного и печатного, свободы обмена мыслей (политических сходов) и проч.”, но есть вещи и поважнее. “Если все связанные с этою свободою права, – восклицал Михайловский, – должны только протянуть для нас роль яркого и ароматного цветка, – мы не хотим этих прав и этой свободы! Да будут они прокляты, если они не только не дадут нам возможности рассчитаться с долгами, но ещё увеличат их!”⁷³. Подобно герою последнего романа Достоевского Ивану Карамазову, Михайловский возвращал свой билет в царство политической свободы, не желая наслаждаться его благами в узком кругу избранных. На состоявшемся в декабре 1871 года многолюдном собрании народнического Большого общества пропаганды (кружка чайковцев), специально посвящённом рассмотрению вопроса об отношении народников к конституции, было признано, что буржуазная конституция “не была бы полезна, а послужила бы лишь к усилению эксплуатации широких народных масс и их угнетению”⁷⁴.

Когда в конце 1870-х годов в программе партии “Народная воля” появились требования политических свобод и конституционных прав, другие народнические фракции увидели в них “требования нарождающейся буржуазии” и расценили это как изменническое по отношению к народу “проявление в нашей революционной интеллигенции буржуазных инстинктов”⁷⁵. Из выдающихся идеологов народнического тактический союз “Народной воли” с либералами в борьбе за политические свободы и конституционные гарантии был поддержан только Н. К. Михайловским⁷⁶. Впрочем, “конституционализм” народолюбцев носил весьма условный характер: созыв Земского собора отодвигался ими на отдалённый послереволюционный период, когда посредством глубоких социалистических преобразований, осуществлённых диктатурой революционной партии, будет исключена опасность преобладания буржуазных элементов в представительных органах⁷⁷. Мечта о Земском соборе мужичьих “серых зипунов” без участия буржуазии и либеральной интеллигенции неоднократно высказывалась и Достоевским (27, 21).

Поражение “Народной воли” лишь подкрепило убеждённость многих народников в тщетности борьбы за политические права. Вожди легального народничества в 1880-е годы вновь и вновь напоминали, что “на Западе громаднейшее большинство личностей находится в странном положении: они вполне свободны и полноправны в юридическом отношении и в то же время находятся в фактическом рабстве у буржуазии, благодаря экономическому строю [капитализма]”⁷⁸. Именно по этой причине в авторитетном издании народников – газете “Неделя” – любой союз с буржуазией рассматривался как совершенно неприемлемый. Излагая программные задачи издания, редакция “Недели” подчёркивала, что намерена отстаивать “не идеалы западного пролетариата, совершенно чуждые русской жизни, а противоположные им идеалы русской деревни”⁷⁹.

А вот что, например, думали в “Неделе” о либерализме, конституции и буржуазных свободах: “Не довольствуясь той нравственной силой, какую даёт людям истинное знание и просвещение, либералы хотят закрепить за собою господство над народом посредством юридических учреждений. А такое закрепление поразило бы Россию величайшими бедствиями. Даже бюрократия никогда не может так вредно действовать на экономическую будущность народа, как та часть общества, те либералы, которые на Западе носят название буржуазии... Что же мы выиграли от замены бюрократизма общественной свободой?.. По нашему мнению, если браться за улучшение нашего общественного строя, то нужно хищным инстинктам буржуазии отводить наименьшее место, а не давать им полный и безграничный простор, как требуют либералы”⁸⁰.

Поддерживая критику “лжелибералов” и отрицание буржуазного “правового порядка” в смысле конституционного строя в органах консервативной печати, “Неделя” изъявляла готовность “присоединиться в этом случае к консерваторам”⁸¹. “Мы не можем не признать, – объясняли в “Неделе”, – что консерваторы оказали немалую услугу русскому обществу уже тем, что способствовали разоблачению истинной сущности либерализма”. В противном случае, “либералы ещё долго слыли бы за истинных друзей народа, ибо их антинародные вождедения прикрыты такими прекрасными вещами, как свобода печати, вероисповедания и т. п.”. В своей критике парламентаризма “Неделя” охотно привлекала авторитет Ф. М. Достоевского: “Достоевский определил подобный правовой порядок словом *господчина*, и мы уверены, что русские крестьяне обзовут его точно так же”⁸². Исследователи не случайно от-

мечают сильное влияние идей почвенничества на народничество “Недели”; самого Достоевского при жизни даже приглашали к сотрудничеству в “Неделе”, а после смерти писателя его почвенническое наследие получало неизменно высокую оценку на страницах этого народнического органа⁸³. Самый антикапиталистический роман Достоевского “Подросток”, разоблачающий “ротшильддовскую” идею всеислия денег и культ “миллиона”, был напечатан в 1875 году в “Отечественных записках”, главном легальном органе народничества, в котором подвизались и Н. К. Михайловский, и Г. И. Успенский, и В. П. Воронцов.

Такое отношение к консерватору Достоевскому, другу обер-прокурора Святейшего Синода К. П. Победоносцева и издателя “Гражданина” князя В. П. Мещерского, не следует расценивать как парадокс или свидетельство измены идеологов “Недели” и “Отечественных записок” народничеству. Во-первых, как для почвенничества братьев Достоевских, Н. Н. Стрехова и А. А. Григорьева, так и для народничества общим и важнейшим идейным предшественником служило славянофильство с его ярко выраженным антикапиталистическим комплексом идей. Во-вторых, по справедливому замечанию А. С. Долинина, “когда мы сравниваем взгляды Герцена со взглядами Достоевского той поры, которую разумеют под “почвенничеством” (годы 60–63), ещё раз полностью отразившимися в его Пушкинской речи, то сходство получается поразительное”⁸⁴. Концептуально почвенничество Достоевского – его вера в особую миссию и самобытную идею русского народа, основанием которых служит крестьянское общинное братство (= христианская соборность) и близость мужика к родной земле-матушке, его упование на торжество этой русской идеи над небратским обособлением и отчуждением личности, терзающим буржуазную Европу, – практически тождественно крестьянскому “русскому социализму”.

Поэтому естественно, что народники, последователи герценовского “русского социализма”, проявляли самый живой интерес и к творчеству Достоевского, и к проблеме синтеза консервативных и социалистических идей. “Казалось бы, слова *социалист* и *консерватор* несовместимы”, однако, как утверждали публицисты “Недели”, существуют так называемые “консерваторы-социалисты”, и “этого рода консерваторы признают весьма верной ту мрачную картину современного положения, которую рисует Карл Маркс в своём “Капитале”. Но спасение они видят в возвращении к учреждениям, которые при старом режиме гарантировали людям покой и порядок. По их мнению, зараза, разъедающая общество, кроется в свободе обмена, свободе конкуренции и лихвенных процентов, а потому они и стремятся к восстановлению цехов и т. п. учреждений. Социалисты-консерваторы утверждают, что монархические учреждения должны впитать в себя социалистические идеи и, таким образом, превратится в “социалистические монархии”...”⁸⁵.

Речь в данном случае шла о некоторых западноевропейских консерваторах, но суть дела ничуть бы не изменилась, если под рубрику “консерваторов-социалистов” были подставлены имена славянофилов, Ф. М. Достоевского, К. Н. Леонтьева, В. П. Мещерского... Их взгляды на капиталистическую трансформацию традиционного общества по своему обличительному пафосу очень живо напоминали “ту мрачную картину современного положения, которую рисует Карл Маркс в своём “Капитале””⁸⁶. Ещё более схожей была критика капитализма у русских консерваторов и народников, готовых, хотя бы теоретически, сойтись друг с другом в положительном идеале “социалистической монархии”.

Учитывая многообразие идейных течений даже в легальном народничестве (не говоря уже о подпольном) и рассматривая его как нечто единое только в смысле выражения этим народничеством крестьянского традиционалистского мировоззрения, мы обнаруживаем немало точек сближения, а подчас и совпадения взглядов народников-социалистов и такого выдающегося идеолога консерватизма, каким был Ф. М. Достоевский. Эти точки следующие: 1) оценка капитализма (в смысле экономической формации) как вредоносного, античеловеческого явления, не имеющего алиби; 2) неприятие принципа частной собственности, особенно в поземельных отношениях; 3) отстаивание аграрного уклада, природосообразного и гармоничного, против урбанизации и индустриального образа жизни как противоестественного и пагубного; 4) отвержение парламентаризма как буржуазного института, чуждого интересам

народа; 5) предпочтение традиционных, патриархальных отношений формально-юридическим отношениям эпохи модерна, противопоставление общинного коллективизма и солидарности своевольной свободе атомизированного индивида, ввергающей буржуазное общество в социальный ад; 6) взгляд на “еврейский вопрос” как результат капиталистической эксплуатации.

Все эти совпадающие элементы двух идеологий, отнюдь не второстепенные и не случайные, но структурно взаимосвязанные и составляющие единую картину мира, позволяющая говорить об их общей антикапиталистической основе, об антикапиталистической ментальности, роднящей народнический общинный социализм и одно из течений русского консерватизма, ярким выразителем которого выступал Ф. М. Достоевский.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Нечаева В. С. Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских “Время” 1861–1863. М., 1972. С. 271–273.
- ² См.: Нечаева В. С. Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских “Эпоха” 1864–1865. М., 1975. С. 71; Кирпотин В. Я. Достоевский в шестидесятые годы. М., 1966. С. 179–180.
- ³ Здесь и далее ссылки на Полное собрание сочинений Ф. М. Достоевского в 30-ти томах (Л.: Наука, 1972–1990). Первая цифра – номер тома, вторая – номер страницы.
- ⁴ Известно четыре письма Ф. М. Достоевского к И. С. Аксакову (1880) и семь писем И. С. Аксакова к Достоевскому (1864–1880). Подробнее об их взаимоотношениях см.: Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений. Т. 30. Кн. 1. Л., 1988. С. 416–417 (Указатель имён).
- ⁵ И. С. Аксаков – О. Ф. Миллеру, 17 августа 1880 // Ф. М. Достоевский. Новые материалы и исследования. Литературное наследство. Т. 86. М., 1973. С. 515.
- ⁶ И. С. Аксаков – О. Ф. Миллеру, ночь на 29 января 1881 // Ф. М. Достоевский. Новые материалы и исследования. Литературное наследство. Т. 86.
- ⁷ Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений. Т. 27. Л., 1984. С. 295 (Примечания); Твардовская В. А. Достоевский в общественной жизни России (1861–1881). М., 1990. С. 274.
- ⁸ Леонтьев К. Н. Достоевский о русском дворянстве // Он же. Восток, Россия и Славянство. М., 1996. С. 693.
- ⁹ Страхов Н. Н. Воспоминания о Ф. М. Достоевском // Биография, письма и заметки из записной книжки Ф. М. Достоевского. СПб., 1883. С. 204.
- ¹⁰ Лазари Анджей де. В кругу Фёдора Достоевского. Почвенничество. М., 2004. С. 11.
- ¹¹ Гуральник У. А. Достоевский, славянофилы и “почвенничество” // Достоевский – художник и мыслитель. М., 1972. С. 450.
- ¹² Кирпотин В. Я. Достоевский и Белинский. М., 1960. С. 109.
- ¹³ Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников. Т. 1. М., 1964. С. 185.
- ¹⁴ Бельчиков Н. Ф. Достоевский в процессе петрашевцев. М., 1971. С. 112.
- ¹⁵ Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников. Т. 1. С. 185.
- ¹⁶ См., напр.: Долинин А. С. Золотой век // Он же. Достоевский и другие: Статьи и исследования о русской классической литературе. Л., 1989. С. 270–288; Фридлиндер Г. М. Реализм Достоевского. М.–Л., 1964. С. 34–43; Пруцков Н. И. Утопия или антиутопия? // Достоевский и его время. С. 88–107.
- ¹⁷ См.: Пруцков Н. И. Социально-этическая утопия Достоевского // Идеи социализма в русской классической литературе. Л., 1969. С. 359–360.
- ¹⁸ См.: Сакулин П. Русская литература и социализм. Ч. 1. Ранний русский социализм. М., 1924. С. 376.
- ¹⁹ Критика капитализма в сочинениях Фурье удостоилась самой высокой оценки К. Маркса и Ф. Энгельса; см.: Иоаннисян А. Р. Шарль Фурье. М., 1958. С. 28.
- ²⁰ Фурье Ш. Избранные сочинения. Т. 1. М.–Л., 1951. С. 250–252.
- ²¹ Фурье Ш. Избранные сочинения. Т. 2. М.–Л., 1951. С. 203.
- ²² Фурье Ш. Избранные сочинения. Т. 1. С. 360.
- ²³ Там же. С. 292–295.
- ²⁴ Фурье Ш. Избранные сочинения. Т. 2. С. 205.
- ²⁵ Цит. по: Фурье и фурьеризм // Сен-Симон, Фурье и их школы. М.–Л., 1926. С. 330, 350–351.
- ²⁶ Фурье Ш. Избранные сочинения. Т. 3. М.–Л., 1954. С. 499.

- ²⁷ Фурье Ш. Избранные сочинения. Т. 2. С. 33–40.
- ²⁸ Фурье Ш. Избранные сочинения. Т. 4. М.–Л., 1954. С. 107, 116, 392.
- ²⁹ См.: Василькова Ю. В. Фурье. М., 1978. С. 231–233.
- ³⁰ См.: Гус М. С. Идеи и образы Ф. М. Достоевского. М., 1962. С. 85–86.
- ³¹ Фурье Ш. Избранные сочинения. Т. 4. С. 129, 411.
- ³² Фурье Ш. Избранные сочинения. Т. 2. С. 35.
- ³³ Фурье Ш. Избранные сочинения. Т. 4. С. 110, 403
- ³⁴ Фурье Ш. Избранные сочинения. Т. 1. С. 94–104.
- ³⁵ Цит. по: Василькова Ю. В. Указ. соч. С. 221.
- ³⁶ Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников. Т. 2. М., 1964. С. 420.
- ³⁷ <Страхов Н. Н.>. Заметки летописца // Эпоха. 1865. № 2. С. 1–6.
- ³⁸ Семенов-Тянь-Шанский П. П. Мемуары // Первые русские социалисты: Воспоминания участников кружков петрашевцев в Петербурге. Л., 1984. С. 85.
- ³⁹ См.: Нечаева В. С. В семье и усадьбе Достоевских. М., 1939. С. 61–67.
- ⁴⁰ Неизданный Достоевский. Записные книжки и тетради. 1860–1881. Литературное наследство. Т. 83. М., 1971. С. 174, 246–250.
- ⁴¹ Там же. С. 273.
- ⁴² См.: Твардовская В. А. Достоевский в общественной жизни России (1861–1881). С. 218–219.
- ⁴³ Ермилов В. В. Ф. М. Достоевский. М., 1956. С. 19, 113, 225–226.
- ⁴⁴ Долинин А. С. Последние романы Достоевского. Как создавались “Подросток” и “Братья Карамазовы”. М., 1963. С. 247–260.
- ⁴⁵ Твардовская В. А. Достоевский в общественной жизни России (1861–1881). С. 219. Эту точку зрения развивает современный итальянский исследователь творчества Достоевского Г. Карпи, который считает, что “жид” у Достоевского является “эмблемой чужеродного захватнического капитализма с вампирскими и садистскими характеристиками” (см.: Карпи Гуидо. Достоевский-экономист. Очерки по социологии литературы. М., 2012. С. 92, 99–100).
- ⁴⁶ Аксаков И. С. Еврейский вопрос. М., 2001. С. 87.
- ⁴⁷ См.: Ю. Ф. Самарин – Э. Ф. Раден, 21 февраля (4 марта) 1876. (на фр. яз.) // Переписка Ю. Ф. Самарина с баронессой Э. Ф. Раден. 1861–1876. М., 1893. С. 238–239.
- ⁴⁸ См., напр.: Фридендер Г. М. Достоевский и мировая литература. Л., 1985. С. 40–42; Твардовская В. А. Достоевский в общественной жизни России (1861–1881). С. 227–229; Твардовская В. А. “Двух голосов переключки”: Достоевский и Кропоткин в поисках общественного идеала // В раздумьях о России (XIX век). М., 1996. С. 274.
- ⁴⁹ Кирпотин В. Я. Достоевский и Белинский. С. 211.
- ⁵⁰ Пруцков Н. И. Достоевский и христианский социализм // Достоевский. Материалы и исследования. Т. 1. Л., 1974. С. 70.
- ⁵¹ Долинин А. С. Достоевский и Герцен (К изучению общественно-политических воззрений Достоевского) // Ф. М. Достоевский. Статьи и материалы. Пг., 1922. С. 308–317.
- ⁵² Влияние Герцена на “Зимние заметки о летних впечатлениях” Достоевского отмечал ещё Н. Н. Страхов: Страхов Н. Н. Воспоминания о Ф. М. Достоевском. С. 240.
- ⁵³ Герцен А. И. Письма к путешественнику (1865) // Он же. Сочинения в двух томах. Т. 2. М., 1986. С. 458.
- ⁵⁴ Герцен А. И. Русские немцы и немецкие русские (1859) // Он же. Сочинения. Т. 7. М., 1958. С. 300.
- ⁵⁵ См.: Калинин В. А. Философия революционного народничества. М., 1972. С. 246; Пирумова Н. М. Александр Герцен – революционер, мыслитель, человек. М., 1989. С. 188–190.
- ⁵⁶ Но ещё до Герцена народнический идеал “права на землю” обосновывали славянофилы; см.: Поликарпова Е. В. Идеология народничества в России. М., 2001. С. 52–53.
- ⁵⁷ Червинский П. П. Наша национальная особенность // Неделя. 1875. № 31. С. 109 (цит. по: Зверев В. В. Русское народничество. М., 2009. С. 179).
- ⁵⁸ Успенский Г. И. Власть земли (1882) // Собрание сочинений. Т. 5. М., 1956. С. 116.
- ⁵⁹ Меньшиков М. О. Думы о счастье. 2-е изд. СПб., 1901. С. 99–100, 104. Впервые цикл статей “Думы о счастье” опубликованы в “Книжках Недели” в 1894 году. (№№ 3–7).
- ⁶⁰ Там же. С. 101–102.

- ⁶¹ Воронцов В. П. Судьбы капитализма в России (1882) // Он же. Капитализм и экономика. Избранные сочинения. М., 2008. С. 182.
- ⁶² Михайловский Н. К. Что такое счастье? (1872) // Он же. Сочинения. Т. 3. СПб., 1897. С. 200.
- ⁶³ Михайловский Н. К. Из литературных и журнальных заметок 1874 года // Он же. Сочинения. Т. 2. СПб., 1896. С. 597.
- ⁶⁴ Михайловский Н. К. Письма о правде и неправде (1877) // Он же. Сочинения. Т. 4. СПб., 1897. С. 452.
- ⁶⁵ Каблиц И. И. (И. Юзов). Интеллигенция и народ в общественной жизни России. СПб., 1886. С. 186–187.
- ⁶⁶ Михайловский Н. К. Политическая экономия и общественная наука (1879) // Он же. Сочинения. Т. 6. СПб., 1897. С. 301–302.
- ⁶⁷ Михайловский Н. К. Литературные заметки 1880 года. // Он же. Сочинения. Т. 4. СПб., 1897. С. 952.
- ⁶⁸ Кирпотин В. Я. Достоевский и Белинский. С. 194–195, 209–211.
- ⁶⁹ Герцен А. И. Письма из Франции и Италии (1847–1852) // Он же. Сочинения. Т. 3. М., 1956. С. 201.
- ⁷⁰ Чернышевский Н. Г. Борьба партий во Франции при Людовике XVIII и Карле X (1858) // Он же. Сочинения в двух томах. Т. 1. М., 1986. С. 481.
- ⁷¹ См.: Богучарский В. Активное народничество семидесятых годов. М., 1912. С. 83–85.
- ⁷² Михайловский Н. К. Из литературных и журнальных заметок 1872 года // Он же. Сочинения. Т. 1. СПб., 1896. С. 766.
- ⁷³ Михайловский Н. К. Из литературных и журнальных заметок 1873 года // Он же. Сочинения. Т. 1. СПб., 1896. С. 869.
- ⁷⁴ Чарушин Н. А. О далёком прошлом. Из воспоминаний о революционном движении 70-х годов XIX века. М., 1973. С. 131. В этой “конференции” принимали участие Н. К. Михайловский, В. П. Воронцов, Д. А. Клеменц и другие видные деятели народнического движения.
- ⁷⁵ См.: Твардовская В. А. Социалистическая мысль России на рубеже 1870–1880-х годов. М., 1969. С. 130.
- ⁷⁶ См.: Виленская Э. С. Н. К. Михайловский и его идейная роль в народническом движении 70-х – начала 80-х годов XIX века. М., 1979. С. 244–249.
- ⁷⁷ См.: Письмо Исполнительного комитета “Народной воли” заграничным товарищам (конец 1881 года) // Революционное народничество 70-х годов XIX века. Т. 2. М.–Л., 1965. С. 320–321. Автором этого документа был Л. А. Тихомиров.
- ⁷⁸ Каблиц И. И. (И. Юзов). Интеллигенция и народ в общественной жизни России. С. 173.
- ⁷⁹ Канаева Т. М. Газета “Неделя” и цензура (1876–1893) // “Будущего нет и не может быть без наук...” (Памяти профессора Московского университета Михаила Герасимовича Седова). М., 2005. С. 511.
- ⁸⁰ Либерализм и “народная политика” // Неделя. 1882. 7 февраля. № 6. С. 181. Ср.: Народная политика // Неделя. 1882. 24 января. № 4. С. 113–114; Роль интеллигенции // Неделя. 1884. 18 февраля. № 8. С. 253.
- ⁸¹ Знамя либерализма // Неделя. 1882. 10 января. № 2. С. 44.
- ⁸² Либерализм и “народная политика” // Неделя. 1882. 7 февраля. № 6. С. 179–181.
- ⁸³ См.: Харламов В. И. Публицисты “Недели” и формирование либерально-народнической идеологии в 70–80-х годах XIX в. // Революционеры и либералы России. М., 1990. С. 166; Он же. Из истории развития либерально-народнической мысли в пореформенной России // “Будущего нет и не может быть без наук...” (Памяти профессора Московского университета Михаила Герасимовича Седова). С. 680–681.
- ⁸⁴ Долинин А. С. Достоевский и Герцен (К изучению общественно-политических воззрений Достоевского). С. 303.
- ⁸⁵ Лавеле де, Эмиль. “Современный социализм”, СПб., 1882 (рецензия) // Неделя. 1882. 21 марта. № 12. С. 389.
- ⁸⁶ Сопоставляя антикапиталистические произведения Достоевского, особенно “Зимние заметки о летних впечатлениях”, с марксистской литературой, в частности, с книгой Ф. Энгельса “Положение рабочего класса в Англии” (1946), современные исследователи обнаруживают немало общих моментов; см.: Ермилов В. В. Ф. М. Достоевский. С. 118–120; Твардовская В. А. Достоевский в общественной жизни России (1861–1881). С. 19–20.

(Продолжение следует)

Читателям журнала полюбились очерки наших давних авторов — историков Владимира Руги и Андрея Кокорева. Редакция публикует ещё один материал из подготовленной ими серии описаний московского быта XIX — первой половины XX века.

ВЛАДИМИР РУГА, АНДРЕЙ КОКОРЕВ

СЫЩИКИ И ВОРЫ

*— Не замечала ты: сегодня мимо нас
Какой-то господин проходит третий раз?
— Да мало ль ходит их...
— Но этот ищет, рыщет,
И по глазам заметно, что он сыщик!..*

И. Ф. Анненский

История розыска уголовных преступников, по утверждению учёных из системы МВД, уходит своими корнями во времена Киевской Руси*. В рамках теории классового общества такое рассуждение вполне логично: раз у славян возникла частная собственность, значит, обязательно должны были появиться люди, стремившиеся присвоить чужое имущество. А поскольку защита прав собственников является одной из главных функций государства, оно просто обязано было сформировать институт профессиональных борцов с нарушителями законов.

В истории государственных органов, предназначенных для розыска преступников, совершивших уголовные преступления, XIX век является особым периодом. Именно в этом столетии произошёл переход от старых, архаичных методов расследования преступлений к существующей и поныне системе сбора улик и их интерпретации для судебного разбирательства. Достижения науки, поставленные на службу уголовному розыску, стали играть решающую роль в уличении преступников. Достаточно назвать дактилоскопию, фотографию, химические анализы. Сейчас трудно поверить, но всего каких-то полтора сотни лет назад криминалисты не могли достоверно отличить следы крови животных от человеческой. Подозрительные бурые пятна, обнаруженные на одежде или в жилище подозреваемого, полицейские следователи, как правило, считали веской уликой в пользу обвинения.

Важные изменения произошли и в структурной организации сыска в России. В русле социально-экономических реформ середины XIX века произошла коренная перестройка полиции, что, в конечном итоге, привело к созданию специальных органов — сыскных отделений. Масштаб и характер этого нововведения говорит сам за себя: сложившаяся в то время система раскры-

* Елинский В. И. Становление и развитие уголовного сыска в России (X — нач. XX вв). М., 1997.; Мулукаев Р. С., Полубинский В. И. Сказ о сыске. // Советская милиция. 1990. № 1—12 и др.

тия уголовных преступлений в своей основе существует и по нынешний день.

Сущность преобразований отчетливо видна при простом сравнении методов работы органов полиции до 60-х годов XIX века и после этого рубежа. Но прежде чем перейти к разговору о них, рассмотрим, говоря языком философии, объект приложения сил полиции – преступный мир Москвы позапрошлого столетия. Упоминание о его неоднородности и имевшихся в нём градациях содержит фельетон, опубликованный в газете “Современные известия” в 1881 году:

– Громилы – это воры, занимающиеся *значительными кражами*.

– Почему же им дано особенное имя?

– Потому что все воры разделяются на разряды, и каждый разряд носит своё название, так как действует особым образом. Громилы, например, не ходят воровать зря, а сначала получают все необходимые сведения о том доме, который хотят обокрасть, и тогда уже отправляются наверняка, да ещё с проводником.

– Откуда же они получают сведения?

– От “бродячих лиц”, так называемых *припевал*, которые занимаются только тем, что заводят знакомства с прислугой в богатых домах, от которой и узнают всю подноготную господ.

– Откуда ты знаешь всё это? – спросил Первый.

– От одного сыщика.

– Ну, а ещё что он тебе говорил? Какие ещё бывают воры?

– Ещё бывают *глухари, конокрады, скамеечники, поездушники, домушники, подпольники, голодушники, забирохи, форточники, карманники, жулики, ерши*.

– Фу, какая пропасть! Точно 14 классов наших чиновников! – воскликнул Первый. – Какого же рода кражами занимаются эти?

– Об этом сыщик мне не говорил; обещался сказать в следующий раз.

– Любопытно, любопытно было бы узнать. Он тебе не говорил, какие воры подвизались, например, в деле Золотой Ручки?

– Как же. Там участвовали одни только *карманники, забирохи и домушники*, то есть лица, действующие партиями в публичных местах, а большею частью – на железных дорогах и в номерах; впрочем, при случае они не прочь забраться в дом. Все они принадлежат к *1-му разряду воровской партии*, а перворазрядные еврей-воры большею частью франты, одевающиеся весьма прилично, для свободного входа в общественные места”.

Подробный разбор категорий преступников с соответствующими описаниями их деяний сделан М. М. Максимовым в романе “Московские тайны, рассказ сыщика”, впервые представленном на суд читателей в середине XIX века.

“Забирохи и громилы” охарактеризованы автором книги как “...самые опасные и решительные, потому что каждый из них действует отчаянно”. Преступник этой категории не разменивался на мелочи, а был нацелен исключительно на богатую добычу. Поэтому в грабеже он шёл напролом, относясь с полным пренебрежением к жизни своей жертвы.

“Снимая с вас шубу или отбирая вещи и деньги, он много толковать с вами не станет, – пояснял герой “Московских тайн”, – будете сопротивляться – хлопыстнет вас по голове или виску заложенной у него в рукавице гирькой, и концы в воду. Гирька эта называется у них закладкой, а если она привязана на ремне, то кистенем, которым он ударяет сзади на ходу. Удар этот такой силы, что пробивает даже воротник вашей одежды, если вы им были закрыты. Притом, как бы крепки вы ни были, при ловком ударе непременно покачнетесь, а, пожалуй, и свалитесь с ног, не успев позвать на помощь. Эти мошенники действуют в основном ночью или в позднее время; а вот где-нибудь на дороге за городом могут ограбить и днём”.

О характерной черте московской жизни 50-х годов XIX века – полной беззащитности перед грабителями ночного прохожего – упоминал в мемуарах Н. В. Давыдов: “Я хорошо помню, как иногда при наступившей темноте, но даже ещё не поздно вечером, с площади доносились крики: “Караул, грабят!” – и от нас более храбрые выбегали на площадь, а менее мужественные отворяли форточки и возможно внушительно и громко возглашали: “Идём!” Происходило это не на глухой окраине, а в центральной части города – на Сенной площади, примыкавшей к Страстному бульвару.

Грабёж, или “погромку”, по их собственному выражению, “забиорохи” всегда тщательно готовили. Чтобы наверняка компенсировать риск ценностью добычи, они скрупулезно собирали сведения о намеченной жертве. Если того требовали обстоятельства, грабители на время селились по соседству и внимательно изучали распорядок дня в интересующем их доме. Туда же при первой возможности подсылали сообщников в качестве лакея, дворника, кучера или горничной. “Засланный казачок” должен был выведать, где хранятся самые ценные вещи, как рано в доме ложатся спать, не страдает ли кто бессонницей. Впрочем, довольно часто нужные сведения грабители получали от словоохотливой прислуги или при ловких расспросах соседей, лавочников и булочников.

Только удостоверившись, что их ожидает богатая добыча, “забиорохи” отправлялись “на дело”. По словам Максимова, в их инструментарий входили следующие предметы: лом (“фомка”), кольцо (“серёжка”), верёвка (“нитка”), бурав (“отмычка”). И, конечно, гирька, она же “грушка”.

“У всех у них есть непременно или свои лошади, или сообщники-извозчики, – раскрывал литератор очередную “московскую тайну”, – пешком без лошадей они на кражи не пускаются; каждый из них находится в тесных связях с барышниками и лавочниками, торгующими большей частью при рынках, и людьми денежными; у последних есть свои портные, серебряных дел мастера и часовщики, у которых каждая украденная вещь в одну минуту ломается, распарывается, переделывается в иной вид и форму и сбывается евреям или увозится на ярмарки по городам.

Краденые же не переделанные вещи, если они очень ценны по форме своей и по значению, до времени хранятся в таких местах, где вам и в голову не придёт их отыскивать”.

Однажды воровская технология избавления от улики – немедленная ломка украденных вещей – стоила карьеры честолюбивому полицейскому чиновнику. Молодой человек, горя желанием отличиться по службе через раскрытие крупной кражи, договорился с двумя ворами украсть в некоем богатом доме дорогие часы. Хозяин дома занимал видное положение в обществе и обладал связями на самом высоком уровне. Наверняка он не оставил бы покровительством человека, вернувшего в дом столь ценную вещь.

На беду начинающего карьериста воры, похитившие часы, давно пользовались покровительством его старшего коллеги – следственного пристава Яковлева. Он-то и приказал жуликам не открывать заказчику место, куда они сбыли украденное. Лишь спустя несколько дней уже сам Яковлев представил часы разгневанному вельможе, но только полностью изломанные – мол, только в таком виде удалось изъять у преступников. Воры указали на молодого человека как на организатора. В результате ему пришлось с позором покинуть службу и заплатить огромные деньги за безнадежно испорченную дорогую вещь.

Кражи в жилищах москвичей совершали также “форточники”, “оконники” и “домушники”, но, в отличие от громил, они действовали без предварительной разведки, наудачу.

По характеристике М. М. Максимова, ряды “форточников” пополняли “. . . ловкие, проворные и неглупые мальчики из нищих или из беднейших семейств, а также избалованные родителями, распутные и отчаянные дети”, которых примечали опытные воры. Обученные взрослыми преступниками, дети проникали в квартиры через форточку и передавали поджидавшему на улице сообщнику (“вожатому”) все найденные ценные вещи. Кражи таким способом совершались только летом, так как действовал “форточник” в одной рубашке (чтобы протиснуться через самое узкое отверстие) и босиком – для бесшумного передвижения по комнатам. Непременным качеством юных воришек было умение ловко выкручиваться из сложных ситуаций. В “Московских тайнах” приведён такой случай:

“Как-то раз, забравшись на 2-й этаж, форточник попал в спальню холостого барина. Он повыкидывал на улицу лежавшее там платье, портмоне и ризы икон и тут увидел за кроватью спящего висящие на стене карманные золотые часы. Чтобы их достать, нужно было либо подставить стул, либо перелезть через самого барина. Форточник решил на последнее. В то самое время, когда он потянулся к часам, барин повернулся во сне на другой бок. Мальчишка вообразил, что он хочет схватить его за ноги, потерял равновесие и всем своим телом упал на господина. Тот спросонья страшно испугался, спрятал голо-

ву под одеяло и начал изо всей мочи кричать: “Батюшки, воры! Режут, душат, спасите, спасите! Люди, люди!..” Мальчишка бросился было к окну, чтобы спуститься по верёвке, но второпях выпустил её из рук. Тогда он забрался под кровать барина и спрятался там за стоявшей в углу плетёной корзиной с какими-то бумагами.

Вбежавшие на крик люди едва смогли привести в чувство и успокоить своего барина. Потом осмотрели всё в комнате, но ничего не нашли. Решили, что воры ушли, вероятно, в открытое окно, потому что на улице дворник обнаружил верёвку с крючком.

Наутро барин ушёл из дома, слуга стал убирать в комнате, а мальчишка в это время крестился, думая только о своём освобождении. Он решил остаться под кроватью до тех пор, пока не представится возможность убежать.

Убрав комнату, слуга растворил окно и, увидав на улице какого-то сапожника Семёна, разговорился с ним о починке сапог для барина. Потом он напросился с Семёном в трактир и ушёл.

Мальчишка-форточник, не теряя времени, вылез из-под кровати, взял под мышку чьи-то стоявшие тут сапоги и вышел с ними через парадную дверь никем не замеченный.

Вы спросите меня, зачем же он взял сапоги?

А вот зачем. Если бы его кто-нибудь увидел выходящим из двери на улицу и остановил, он бы сказал, что сапоги ему дал камердинер и велел отнести к сапожнику Семёну, у которого он живёт в учениках”.

По дерзости в совершении преступлений “форточникам” не было равных. Так, в марте 1870 года воры залезли в квартиру начальника Московского губернского жандармского управления (!) генерала И. Л. Слёзкина. Их не испугало, что рядом с домом, где жил генерал, располагались казармы дивизиона конных жандармов и Сретенский полицейский дом. В самой же квартире в момент кражи находились жена генерала, его вестовой и два унтер-офицера. Правда, генеральша, ожидавшая возвращения мужа в кабинете, думала, что шум в гостиной, где орудовали воры, производит прислуга. А жандармы находились в передней и, в свою очередь, полагали, что по комнатам ходит хозяйка дома. В результате из квартиры генерала были вынесены канделябры, столовые часы и несколько ценных ваз.

Отличие от “форточников”, “домушники” попадали в квартиры москвичей через двери. Эти преступники действовали среди белого дня и целыми группами. Одни отвлекали прислугу, другие, пользуясь моментом, тащили всё, что успевали схватить: верхнюю одежду, предметы интерьера, ценные мелочи. Как-то раз невольным очевидцем действий “домушника” стал немецкий географ Коль, о чём он упомянул в записках о своём путешествии в Россию:

“Незадолго перед тем как покинуть Москву, мне посчастливилось поймать вора, который пытался меня обокрасть совершенно по-русски. Устав от ходьбы, я прилёг на свою софу за раскладной ширмой, чтобы ненадолго предаться покою, и вдруг услышал, как кто-то вошёл в мою комнату и занялся моими вещами, по-видимому, не подозревая в комнате, кроме себя, ни одной живой души. Я воскликнул: “Кто там?” Ответ был: “Я!” Мерзавец хотел убедить меня в том, что он был моим камердинером. Когда же я, взглянув из-за ширмы, поближе разглядел это “я”, то увидел совсем другую личность, нежели моего слугу, тут же побросавшую поспешно собранное белое и с весьма озабоченным и смиренным видом закричавшую “Ах, простите, господин, простите, я перепутал!”. С совершенным изумлением вор взглянул на номер комнаты и, улыбаясь, сообщил: “Боже мой, я ошибся номером. Я думал, это двенадцатый номер, а теперь вижу, что это одиннадцатый”. Разумеется, я не мог доказать его вины и потому отпустил, предупредив, чтобы в следующий раз он лучше смотрел на номера, но почёл своим долгом, ради других путешественников, обратить внимание хозяина на ненадежность зрения его слуги”.

Немецкому путешественнику ещё повезло. А вот, как сообщали газеты, у некоего подрядчика Л., постояльца гостиницы “Ярославль”, находившейся в 1870 году возле Сухаревой башни, воры украли около 150 тысяч рублей. И эта огромная сумма, казалось, была под надежным присмотром: товарищ подрядчика остался в номере, когда Л. отлучился по делам. Однако сторож, просматривая после обеда газету, задремал, чем и воспользовались ловкие “домушники”.

Судя по “Запискам”, для географа Коля это был единственный случай знакомства с русскими ворами. Тем не менее, немецкий ученый тут же сделал вывод:

“В целом, пожалуй, в России менее чем в какой-либо другой стране вам угрожают хорошо спланированные и продуманные кражи и грабежи. Но и нигде более нет такого множества воров по случаю, как здесь, нигде так часто не случаются попытки открыть замок или прихватить с собой то, что плохо лежало. Стащить что-то, стянуть украдкой, найти случайно что-то нужное и захватить с собою или одолжить что-то на неопределенное время, случайно забрести в чужую комнату, ошибиться номером двери – всё это здесь является обычным способом воровства, присущим даже самому добродушному поедателю огурцов, который, как правило, говорит о несомненно украденной вещи: “Бог послал”.

К таким искателям того, что “плохо лежит”, несомненно, относились “подпольники” – воры, уносившие добычу под полой своей одежды. Они орудовали чаще всего в торговых заведениях. В описании М. М. Максимова применявшийся ими метод выглядел так:

“Придут в лавку в обеденное время или в самый разгар торговли и начнут требовать разный товар, рассматривают его, бракуют, торгуются за такую цену, за которую нельзя отдать его, а между тем другие, стоящие позади этих покупателей, работают ловко и проворно: прячут товар себе под полу и уходят из лавки. Этого мало: являются с женами, будто приезжие из разных губерний, торгуют товар партиями и до того прельщают купца значительной покупкой, что тот и не приметит, как у него утащат с прилавка или дорогой воротник, или кусок материи. А то, пожалуй, явится госпожа с многочисленным семейством, в сопровождении ливрейного лакея и начнет копаться в выложенном товаре. Тут работают все, от лакея до самой барыни, и купец должен смотреть в оба. В этот класс мошенников входят люди разного звания, большей частью промотавшие свое состояние распутной жизнью”.

Как ни странно, но порой некоторые московские “барыни” не считали зазорным спрятать под полой одежды какую-нибудь приглянувшуюся вещь. Случалось это во время так называемых “дешёвок” (распродаж, говоря современным языком), традиционно проходивших в Москве во вторую неделю после Пасхи. Толчеей во время “дешёвок” успешно пользовались и профессионалы-карманники (они же “жулики”, они же “ерши” – по воровской терминологии тех лет).

“Их так называют по роду их промысла, – писал о “ершах” М. Максимов. – Они таскают из карманов вещи, деньги и платки наудачу. Видя вас порядочно одетым, они тотчас окружают вас компанией и жмутся к вам, что делается большей частью в тесноте, но редко в безлюдном месте, разве только заметят кого-нибудь пьяного или невнимательного прохожего. У барыни какой-нибудь они отрежут ридикюль или карман – при них всегда есть маленькие английские ножницы. Ими же они нередко перекусывают у часов цепочки, снимают с руки браслет и больше уже ни на какие проделки не решаются. В этом классе много женщин, девок, девочек и мальчиков. Одни из них бродят по улицам, рынкам, гуляньям, бывают в церквях во время похорон, свадеб и церковных праздников; другие таскаются по кабакам, пивным, харчевням и вообще везде, где только есть какая-нибудь возможность пожитья. В прежнее время у них были свои условные знаки и слова; но теперь это почти вывелось. Так, например, притыривай на их языке значит – сжимай, подсобляй; стрёма – смотрят, наблюдают; трёкнулся – сорвался, спохватился или почувствовал”.

До начала 60-х годов XIX века воры, попавшиеся с поличным, тут же получали наказание в виде “общественных работ”. По воспоминаниям Е. И. Козлининой, уличенным в воровстве вручали мётлы без различия пола, и они были вынуждены подметать мостовую перед лавкой или магазином, где попались:

“Таких метельщиков особенно много скоплялось в праздничные дни, когда обыватели толпами осаждали торговые заведения; тогда между ними шныряли воры-мужчины и женщины, иногда шикарно одетые, и вот эти-то франты и шикарные дамы с мётлами в руках и крестами, намеленными на спинах дорогих бурнусов, под которыми они прятали украденный товар, особенно вызывали остроту и шутки простолоюдинов. Вокруг них устраивалось целое гулянье, и это всенародное позорище обыкновенно длилось до сумерек, с наступлением которых воров, если их в одном месте оказывалось несколько, за руки свя-

звали вместе одной верёвкой, за конец которой держался городской и вёл их в часть. Там они ночевали тоже в кутузках, а наутро им снова давали метлы, и они уже мели мостовую у казённых учреждений данной части, а по окончании этой работы заносились в списки воров и отпускались по домам”.

Что касается конокрадства, то во второй половине 50-х годов XIX века московская полиция фиксировала ежегодно примерно 70 случаев. Как правило, потерпевшие лишались своей собственности навсегда. Сложность раскрытия такого рода преступлений объяснялась тем, что похитители лошадей (“скамеек” на воровском жаргоне, поэтому самоназвание этих воров – “скамеечники”) действовали в одиночку. Завладев добычей, конокрад немедленно сбывал ее: хорошего коня отводил к барышнику, клячу – живодёру. Те, в свою очередь, также не мешкали. Лошадей переправляли либо в другие города, либо в подмосковные деревни на постоя к надёжным мужикам, а никуда не годных забивали и утилизировали.

Автор “Московских тайн” оценивал конокрадов невысоко: “Народ этот самый жалкий. Бродит он, иногда по целым дням не евши, в торговые дни по рынкам, близ застав и по дорогам, а не в торговые – около трактиров, кабаков и других торговых заведений, высматривая пьяного мужика или извозчика, кучера-ротозея, забившегося куда-нибудь погреться или попить чайку. У некоторых из них имеется дурман, настоянный в вине, которым они опаивают оплошавшего. [...] Но воровство скамеечника скорее случайное, нежели обдуманное, ибо ему редко случается увести лошадь из конюшни, разве кучер-мошенник согласится помочь ему в этом. Этот класс мошенников состоит большей частью из негодных кучеров, работников и мужиков, с малолетства приученных к этому промыслу. Из цыган редко кто ввязывается в это дело, потому что каждый из них и без того вознаграждается деньгами от самих скамеечников и барышников за ловкость и хлопоты при продаже лошадей”.

На самой низшей ступени среди московских воров стояли так называемые “поездушники”. Их специальностью было похищение чемоданов из экипажей или тюков с товарами с возов. Пользуясь ночной темнотой, “поездушники” вскакивали на запятки колясок и подрезали ремни или веревки, которыми были закреплены дорожные сундуки. После этого им оставалось лишь бежать за экипажем, дожидаясь момента, когда от тряски вещи сами упадут на дорогу.

“Этот разряд мошенников, – сообщал М. Максимов, – состоит из людей, привыкших терпеливо переносить всякие крайности. Они не ропщут, если промокнут до костей, если по колено в грязи, если негде ночевать. Украденная ими вещь тотчас же сбывается за что попало барышнику или знакомому лавочнику, который охотно покупает краденые вещи. Лавочки подобного рода имеют большей частью табачные, мелочные, полпивные лавки или торгуют железом и разным старьём”.

И последний штрих к картине преступного мира дореформенной Москвы: его социальный состав. По статистике, большую часть правонарушителей составляло так называемое “простонародье”. В 1857 году, например, с полицией имели дело 429 мещан и “цеховых” (фабричных рабочих), 492 бывших помещичьих крестьянина, 286 государственных крестьян и 178 “воинских чинов”. В то же время в управе благочиния пришлось держать ответ 53 дворянам и 91 выходцу из купеческого сословия.

Понятно, что полицейскому офицеру, которому приходилось вести расследование, было более чем затруднительно “ходить в народ” для сбора информации и выслеживания преступников. В лучшем случае, его просто сторонились, в худшем – он мог пострадать физически. В таких условиях у следователя было два пути: либо, совершая вылазки “на дно”, умело маскироваться под простолудина, либо иметь в подчинении агентов из числа уголовников, которые снабжали его необходимыми сведениями.

По воспоминаниям современников, оба этих метода умело сочетал в работе следственный пристав Г. Я. Яковлев, служивший в московской полиции в первой четверти XIX века. Несмотря на высокие чины*, он не гнушался лично выслеживать преступников по самым грязным притонам и кабакам. Для изменения облика Яковлев использовал элементы театрального грима, по-разному наряжался: купцом, мещанином, ремесленником и даже нищим.

* Яковлев умер от холеры в 1831 году в чине коллежского советника, что согласно Табели о рангах соответствовало армейскому полковнику.

“В средних своих летах он был довольно силён, — писал о Яковлеве один из его сослуживцев Л. И. Халютин, — и нередко, встречая отыскиваемого им или подозрительного человека, неустрашимо бросался на него один, связывал его и отводил под стражу. Но бывало довольно и таких случаев, что и на его долю доставались порядочные побои, укладывавшие его в постель на несколько дней и даже недель. В таких обстоятельствах он имел обыкновение натирать свои оконтуженные члены хлебным вином, которому он отдавал преимущество пред всеми другими наружными и внутренними медицинскими средствами от всех человеческих недугов. Несколько раз он спасался от неизбежной, по-видимому, смерти при действиях своих по сыскной части только по особенному счастью, не оставлявшему его в продолжение всей его жизни”.

Знарок старой Москвы И. К. Кондратьев сделал сыщика Яковлева персонажем исторического романа “Драма на Лубянке”. По мнению писателя, прототип его литературного героя, кроме прочих достоинств, был в избытке наделён личной храбростью:

“Обладая необыкновенной силой, смелый, дерзкий, находчивый, Яковлев, нередко фискальничая, решался и на более бесшабашные поступки. Особенно много попадался он в неприятное положение, посещая Разгуляй. Разгуляем и по настоящее время в Москве называется местность, где находится вторая гимназия. Громадный дом, в котором помещается теперь гимназия, принадлежал тогда графу А. И. Мусину-Пушкину. Наискось от этого дома находился известный всем гулякам того времени трактир. Кому хотелось погулять втихомолку, негласно, особенно из купеческих детей, те вечером, заперев свои лавки и собравшись веселой компанией, человек пятьдесят, катили на Разгуляй, в упомянутый трактир, как в отдалённый угол Москвы, где их другие посетители не знали. Там всё было к их услугам: и отдельные комнаты, уютные, таинственные, и часы с курантами, считавшиеся тогда за редкость, и цыганки-ворожеи, и цыганки-солистки, и хор певцов, и гуслисты, и торбанисты*, и миловидные прелестницы для известных целей, — словом, всё, что только требуется буйством, удалью и расточительностью русского разгулявшегося человека. При таких случаях окна трактира запирались ставнями или закрывались тяжёлыми шторами, и гуляки пировали там от зари до зари. Не одна молодежь проводила там подобные вечера и ночи. Тайком от жён “закатывались” туда и сами почтенные купцы, вследствие чего часто происходили там вовсе неожиданные встречи отцов с детьми, хозяев с приказчиками, приказчиков с “молодцами”.

Очень естественно, что Яковлев как сыщик не мог упустить такого заведения из виду. Он делал туда частые набеги по ночам, переодевшись, и редко случалось, чтобы он там не напал на какой-нибудь след преступления; зато часто случалось, что он должен был отбиваться от целой толпы преследователей, которые не щадили сыщика. Больно доставалось Яковлеву, но доставалось и тем, кто с ним связывался. Достоинно внимания, что на подобные рискованные экскурсии он всегда отправлялся один и, когда начиналась расправа, прямо говорил, кто он такой, засучивал рукава и без шума, без крика вступал часто в далеко не равную борьбу”.

В романе “Драма на Лубянке” сыщик Яковлев боролся с кознями французских шпионов, посланных Наполеоном в Москву накануне вторжения в Россию. При отсутствии документальных данных, трудно сказать, насколько вымысел литератора соответствует реально случившимся событиям. Зато, по сведениям из других источников, бесспорно можно утверждать, что Яковлев действительно был грозой преступного мира.

Слава его была столь велика, что самые закоренелые преступники трепетали от одного упоминания имени знаменитого сыщика. Пристав Л. И. Халютин был очевидцем весьма характерного случая: на допросе у обер-полицмейстера некий молодец богатырского сложения упорно не признавался в содеянном. Но стоило в кабинет войти Яковлеву, как подследственный из дерзкого упрямяца мгновенно превратился в напуганного ребёнка. Упав на колени и моля не отдавать его в руки сыщика, детина принялся взахлёб рассказывать о своих преступлениях.

Такое поведение преступника объясняется весьма просто: Яковлев был известен как следователь, который добивался “чистосердечного сознания”

* Музыканты, игравшие на торбане — инструменте, похожем на бандуру.

от любого, кто попадал ему в руки. “Закон о не делании пристрастных допросов и истязаний при следствиях существовал и тогда, – раскрывал Л. И. Халютин секрет успехов коллеги, – но Яковлев действовал так, как будто этого закона совсем не было, и до того времени начальство смотрело на это как-то сквозь пальцы. [...] Самые упорные и сильные телосложением, подозреваемые в преступлении люди редко могли долго выносить грозные увещевания Яковлева и, наконец, чистосердечно сознавались в сделанных ими преступлениях, открывали своих соучастников и места, куда скрывали похищенное или награбленное”.

Современник знаменитого сыщика, М. А. Дмитриев, служивший одно время судьёй по уголовным делам, приводил в воспоминаниях свидетельство женщины, снимавшей мезонин в доме Яковлева: “. . . в его доме был целый арсенал орудий пытки, и всякий день происходили в нижних комнатах крики и вопли его жертв, так что она принуждена была съехать с квартиры из его дома”.

Другой мемуарист, Л. И. Халютин, хорошо знавший реалии полицейской службы, указывал ещё на одну особенность следственной деятельности Яковлева:

“К несчастью, бывало много и таких примеров, что невинно подозреваемые сознавались в тех преступлениях, к которым они не были причастны. Впоследствии иногда обнаруживаемы были настоящие виновники тех преступлений, совершение которых приняли на себя невинные, при допросе их Яковлевым. Но по негласности нашего судопроизводства это было известно только канцеляриям в судах и не порождало никаких неприятных последствий для сыщика. Многие из таких несчастных, на которых падали неосновательные подозрения в преступлении, побывав на допросах Яковлева, во всю свою остальную жизнь носили знаки увечья или преждевременно отправлялись на вечный покой. Представляемые в судебные места преступники часто при передопросах в суде жаловались на деланные им Яковлевым при следствиях истязания. Суды или вовсе не принимали таких жалоб, или признавали их не заслуживающими доверия, а изредка относились в полицию о произведении по таким жалобам исследований; но никогда не отыскивалось достаточных юридических доказательств к обвинению Яковлева”.

Впрочем, судя по отзывам современников, среди московских полицейских дореформенного времени Г. Я. Яковлев отличался лишь тем, что не знал пределов в применении к подследственным “особых” методов воздействия. Его коллеги, хотя и не достигли столь же высокой степени известности, но тоже работали не покладая рук, добиваясь (вернее, выбивая) “чистосердечного” признания. Благо основой уголовного следствия, по свидетельству М. А. Дмитриева, считался допрос, а сборник законов о его ведении уже одним названием – “Собственное признание есть лучшее доказательство всего света” – указывал следственным приставам главное направление их деятельности.

Прослужив несколько лет в суде по уголовным делам и постоянно имея дело с результатами полицейских расследований, М. А. Дмитриев до конца жизни утвердился в определённом мнении о стражах порядка:

“Всё зло нашего уголовного процесса лежит в следствии: не от того, чтобы правила следствия были дурны или недостаточны; но от исполнения, от невежества понятий и грубости чувства, от черноты людей, составляющих полицию, и тех агентов и помощников, которых она употребляет для своих целей! – Это – подонки общества, отребие человечества! – Сколько, например, ни было издано законов против пыток, они существуют! Сколько ни заботился князь Голицын, он не мог вывести русских привычек из русского процесса! – С одной стороны, таковы следователи, что не умеют без них обходиться, с другой – таков и русский простолудин, что нейдёт ни на убеждение, ни на совесть, а понимает и уважает только силу! – Битьё по зубам, сечение, содержание в угарной комнате, кормление одними солёными сельдями без утоления жажды – это дело обыкновенное! – Без этого у нас не обходится ни одно полицейское следствие; без этого не делается никакого открытия по уголовному следствию!”

К перечню полицейских методов “добывания истины” можно добавить ещё “басманные могилы” – семь настоящих темниц в подвале Басманного частного дома. В них местный пристав сажал тех, кто упорствовал в нежелании признать свою вину. “Один из таких подсудимых, почётный гражданин Сонов, –

свидетельствовал бывший прокурор Д. А. Ровинский, — по выходе из одной из Басманных могил (называвшейся у арестантов Аскольдовой) на свет Божий, совершенно ослеп”.

Само собой разумеется, прежде чем выбивать признания из подозреваемых, следственному приставу необходимо было заполучить преступника. Выслеживание по притонам и кабакам с помощью переодевания в рубища и подвязывания бороды не было распространено среди офицеров полиции. В этом отношении Г. Я. Яковлев был скорее исключением. Да и сам он совершал вылазки “в народ” больше из личного интереса, либо по острой необходимости.

Основную часть информации о преступниках сыщик Яковлев и его коллеги получали от “ищеек” — так называли представителей криминального мира, помогавших полицейским. Между стражами порядка и этой категорией воров существовало “джентльменское” соглашение: на мелкие делишки жуликов полиция смотрела сквозь пальцы; в случае же крупных краж или когда начальство непременно требовало отыскать похищенное — “ищейки” должны были выдавать своих товарищей с потрохами. Нередко они это делали и по собственной инициативе: когда их доля добычи была слишком мала, вступало в силу соображение лишний раз угодить начальству.

Симбиоз полиции и преступников, существовавший в дореформенной Москве, отмечали многие из современников. Мемуаристка Е. И. Козлинина, например, писала о полицейских агентах из числа уголовников:

“В каждом квартале среди обывателей были, конечно, люди подозрительные; среди них обыкновенно намечался человек поспособнее; ему делались кое-какие поблажки, а он за это платил услугами по сыску.

Обыкновенно такой агент, вращаясь в ночлежках, всегда был хорошо осведомлен, где совершено преступление, кем совершено и куда сбыты плоды его.

Когда являлась необходимость что-нибудь разыскать, его призывали в квартал на совет, и если сам он не был заинтересован в сокрытии этого преступления, то он иногда прямо, иногда намёками наводил полицию на след.

И такому агенту верили безусловно; если он говорил “не знаю”, его уже больше не расспрашивали, зная, что он или не может или не хочет сказать. Если же он говорил, что вещи увезли туда-то, полиция беспрекословно туда отправлялась, зная, что вещи несомненно там, где указано”.

В “Колоколе” А. И. Герцена упомянут такой интересный факт: московский обер-полицмейстер приказал, чтобы в первопрестольной во время коронации Александра II не было ни одного преступления. И действительно — за все три дня торжеств не случилось ни единого происшествия!

Другой литератор, пожелавший остаться неизвестным, отразил близкие отношения между полицейскими и ворами в сценке, которую “подсмотрел” в кабинете какого-то начальника:

“Очень просторная и грязная комната. Подле одной стены, прорезанной тремя окнами, два стола, докрытые изорванным толстым зелёным сукном; на столах книги, бумаги, чернильницы и перья. Перед столами — кожаные кресла. Прочие стены голые, с масляными пятнами, являющими следы прислоняющихся посетителей. Воздух в комнате сырой и тяжёлый неопределённого запаха, в котором однако же преобладает букет начищенных сапог и махорки. [...]

Начальник сидит у стола и держит в одной руке перо, готовый подписать бумагу. Николашка стоит шагах в трёх, прислонившись к стене из опасения потерять равновесие.

НАЧАЛЬНИК. Пошёл вон, пьяница!

НИКОЛАШКА. Помилуйте, ваше высокоблагородие, да ведь это просто грабёж!

НАЧАЛЬНИК. Говорят тебе, пошёл вон!

НИКОЛАШКА. Денной грабёж!.. Воля ваша... вы... тово... вы меня с Семичкиным рассудите.

НАЧАЛЬНИК. Стану я с пьяным разговаривать. Проспись, тогда увидим.

НИКОЛАШКА. Нет... ведь это просто грабёж!.. Как!.. Приношу я это разбойнику восемнадцать часов... а!.. восемнадцать... Срезал в какие-нибудь три дня... а!.. Он был это оценил, разбойник!.. Да не в соборе на гулянье, а то так себе, где попало. “На тебе, говорит, три целковых”. Да есть ли в нём после того Бог?.. а!.. Да это грабёж, ваше высокоблагородие; защитите!..”

Начальник приказывает запереть надоевшего ему Николашку в камеру —

до протрезвления. Но вскоре в кабинете появляется скупщик краденого Семичкин. Он тоже спешит высказать претензии:

“СЕМИЧКИН. Помилуйте, ваше высокоблагородие. Приходит ко мне это сегодня Николашка и говорит, что вы приказали ему за каждые часы по три рубля получить... Да ведь это просто грабёж!

НАЧАЛЬНИК. Ничего я ему не приказывал. Он был пьян, и я его выгнал. Я в ваши расчёты не мешаюсь. И ты-то напрасно прилез сюда.

СЕМИЧКИН. Помилуйте, ваше высокоблагородие! Ведь одна слава что часы. За иные-то и сам три рубля напросишься, а коли и есть получше, так сбывать-то до вашего приказа погодить придётся.

НАЧАЛЬНИК. Да, дня два нужно подождать циркуляров. Пожалуй, мошенник-то и у значительного лица подтибрил. Прикажут найти.

СЕМИЧКИН. Знамое дело, ваше высокоблагородие; за что же нас обижать-то? Отдай ему, вишь, по три рубля. Да это денной грабёж!

НАЧАЛЬНИК. Ну, мне некогда. Иди себе и вперёд ко мне с этими кляузами ни-ни! А то пугну по-своему.

СЕМИЧКИН. *(Кланяясь)* Счастливо оставаться, ваше высокоблагородие. *(В сторону)* Ну, пугать-то зачем? Сами пригодимся. *(Уходит)*

НАЧАЛЬНИК. *(Кладёт перо и после некоторого молчания громко рассуждает сам с собою.)* А ведь обидны, даже унижительны подобные сцены; но что же вы сделаете? Без этих мошенников служить нельзя. Вдруг обокрадут лицо значительное. Чтобы было, говорят, завтра же найдено! Ну, как же вы найдёте? Весь город, что ли, обыскать? А позовёшь эту братию и скажешь: “Вот то-то и то-то принесите! Не то искореню!” И принесут. Только спросят: в какое, дескать, время и где случилось, да кто из незнакомых в дом входил, не приносили ли спичек продавать, или на бедность не просили ли. Скажешь им, и уж без осечки. С другой стороны, попробуй прихватить их... Ничего из этого не выйдет. Себе не будешь видеть помощи, а они сухи из воды выйдут. На следствии один ответ: знать не знаю, ведать не ведаю. Свидетелей нет, и суд решит: оставить в подозрении. Сегодня его заподозрили, а завтра он опять украл и опять та же комедия. Мало ли их ловили? Да всех выпускали. Вот, помню, я одного поймал. Кучер ночью у дверей запертой конюшни; в руках у него долото. Привели в полицию.

– Ты, говорю, – воровать?

– Никак нет, ваше высокоблагородие, – у меня и паспорт со мной.

– Зачем же ты попал ночью на чужой двор и к конюшне?

– А за нуждой подошёл, ваше высокоблагородие. На улицах нечистоплотничать не велено, ну, и вошёл на двор.

Ну, и поди с ним! [...]

Вот как суды будут новые, да решать будут по совести – мошенники эти повыведутся. Конечно, и тогда выведутся не все, зато уж останутся одни мастера первой руки. Впрочем, и то сказать, за теми смотреть будет ещё труднее. Ну, да что будет, увидим. Хуже не будет”.

Что характерно, слова Начальника: “Вдруг обокрадут лицо значительное. Чтобы было, говорят, завтра же найдено!” – вовсе не плод фантазии автора сценки. Одним из подтверждений служит ставшая хрестоматийной история, случившаяся с министром внутренних дел А. Е. Тимашёвым.

По воспоминаниям А. И. Соколовой, опубликованным в “Историческом вестнике”, неприятность случилась с министром во время посещения им кремлевских святынь: “Тимашёв, очень богомольный, отправился на другой день после своего приезда к обедне в Успенский собор и, вернувшись домой, не нашёл в своем кармане ни кошелька, ни портфеля, в котором были нужные записки, ни портсигара, особенно дорогого тем, что он был подарен ему высокопоставленным лицом, вниманием которого министр глубоко дорожил.

Генерал-губернатор князь Долгоруков и обер-полицейстер граф Крейц, получившие от министра, кроме разноса, ещё и приказ немедленно отыскать похищенное, были в полном отчаянии. Хорошо, кто-то из чиновников надумил послать за приставом Хотинским, главным знатоком преступного мира Москвы.

Поворчав немного: “Не угодно ли?... Набить себе карманы такими вещами и в Успенский собор к обедне отправиться!.. Словно дитё малое, неразумное...” – Хотинский прямоком отправился в подмосковную деревню Большие Котлы, всё население которой, по его сведениям, кормилось кражами

в Москве. Энергичная речь, произнесённая приставом перед воровским обществом, возымела нужное действие. Через два часа на квартиру Хотинскому были доставлены портсигар, кошелек и портфель (правда, без бумаг, выброшенных ворами за ненадобностью).

Получив свои вещи, Тимашёв не жалел похвал в адрес московских сыщиков и объявил, что "... ни о чём подобном не имеют понятия даже в Лондоне, где сыскная полиция поставлена на чрезвычайную высоту".

В рассказе А. И. Соколовой есть одна неточность: граф Крейц оставил должность московского обер-полицмейстера за два года до назначения А. Е. Тимашёва министром внутренних дел. А те годы, когда Александр Егорович руководил МВД, московскую полицию возглавлял Н. У. Арапов.

Именно генерал Арапов в 1868 году подготовил проект преобразования московской полиции, которым, по примеру Санкт-Петербурга, предусматривалось создание специального подразделения – сыскной полиции. К этому времени в результате судебной реформы 1864 года из ведения полиции были окончательно изъяты судебно-следственные функции.

Однако реорганизация Московской городской полиции затянулась на долгие годы, и только 5 мая 1881 года был принят соответствующий документ. По новому Положению, утверждённому Александром II, в структуре правоохранительных органов Москвы появился особый отдел для производства розысков и раскрытия преступлений – сыскная полиция. Главная задача её деятельности была сформулирована так: "Следуя неумолимо и безгласно за всеми нитями происшествий, изыскивая связь их с другими событиями, сводя, наконец, вместе и соображая добытые отовсюду данные", она должна была "иметь за собою наибольшие ручательства в успехе дела"*.

Несмотря на такое напутствие императора, становление московской сыскной полиции проходило не так уж гладко. В воспоминаниях А. И. Соколовой сказано, что начальник сыщиков Муравьёв и несколько его ближайших помощников по именному указу были без суда сосланы в Сибирь. А подвела борцов с преступностью жадность: вместо того чтобы вернуть потерпевшему деньги, отобранные у вора и довольствоваться скромным вознаграждением, полицейские присвоили себе всё.

Здесь необходимо пояснить, что в московской полиции с незапамятных времён существовала незыблемая традиция: сыщик, отыскавший краденое имущество и вернувший его владельцу, получал от ошачливленного потерпевшего солидную премию. Так, Г. Я. Яковлев, кроме повышений по службе и орденов, получил за свою деятельность множество перстней, табакерок, часов и денежных наград. Не менее знаменитый в свое время пристав Пречистенской части С. М. Поляков, занявшийся после выхода в отставку залогами под недвижимость, сразу же пустил в оборот 200 тысяч рублей. Вдвое больший капитал оказался в распоряжении другого пристава – Шидловского.

Но если пристав Поляков добился материального достатка своими талантами и при этом, по свидетельству А. И. Соколовой, остался в памяти москвичей как человек, "никогда не накликавший на себя не только обывательских жалоб или упрёков, но даже и простых нареканий", то Муравьёв со товарищи использовали для обогащения служебное положение.

А разоблачены были сыщики-лихоимцы в результате истории с деньгами чиновника Николаева. Он вез в банк 20 000 руб., но по дороге в вагоне конки был обворован. Несколько дней спустя чиновника вызвали в сыскную полицию, где предъявили задержанного вора и целехонькие двадцать тысяч. Начальник сыскной полиции Муравьёв как бы между делом поинтересовался у Николаева, сколько он готов заплатить за розыск? Тот по простоте душевной ответил, что не видит смысла искать уже найденные деньги, а сумму законного вознаграждения внесёт в казну в размере, указанном судом. После этих слов Муравьёв под предлогом соблюдения некоторых формальностей запер деньги в свой стол, а задержанного жулика приказал отвести в камеру при сыском отделении. На следующий день Николаеву сообщили, что вор каким-то непостижимым способом бежал и вместе с ним из стола начальника пропали деньги.

* Цит. по: Колдаев В. М. Из истории практической криминалистики в России. Применение научных методов работы в розыске и расследовании преступлений. Факты, документы, комментарии. М., 2005. С. 27.

Этот случай так бы и канул в Лету, если бы кроме дважды обворованного чиновника не нашёлся ещё один обиженный. Им оказался некто Соколов, занимавшийся тёмными делишками и попутно сотрудничавший с полицией. Наведя сыщиков на вора, укравшего деньги у чиновника, он рассчитывал на вознаграждение, но ничего не получил. Муравьёв разделил 20 тысяч между своими ближайшими сослуживцами, не забыв, естественно, и себя. Тогда Соколов отправил в адрес высокого начальства прошение о восстановлении справедливости, в котором подробно описал механизм присвоения сыщиками денег Николаева. То ли донос попал в руки недругов Муравьёва, то ли назначенная проверка выявила у сотрудников сыскальной полиции более серьёзные прегрешения, но результат был один: принудительное перемещение бывших борцов с преступностью на жительство в Сибирь.

Впрочем, на освободившиеся “хлебные” места тут же нашлось много желающих. Ради материальных выгод, сопутствовавших службе в сыскальной полиции, некоторые жертвовали престижем. Об одном из таких случаев упоминала в мемуарах А. И. Соколова: успешно делавший карьеру чиновник судебного ведомства Реутский неожиданно для всех подался в сыщики. На прощальном обеде он “с горем и смущением” признался бывшим сослуживцам, что “...на подобный шаг подвигла его единственно невозможность жить и воспитывать детей при сравнительной ограниченности содержания, ассигнуемого судебным следователям”.

Надо полагать, именно огромная разница в доходах породила определённый антагонизм между сотрудниками сыскальной и наружной полиции. По этому поводу московскому обер-полицмейстеру Е. К. Юрковскому пришлось в сентябре 1888 года сделать подчинённым строгое отеческое внушение:

“В виду моём имеются случаи, в которых чины наружной полиции не только не содействовали сыскальной полиции в розысках её по уголовным делам, но выказывали даже пренебрежение к её требованиям по этому предмету и открытое несочувствие её деятельности.

Не говоря о том, что сыскальная полиция составляет органическую часть учреждения общей полиции, самая сущность деятельности её составляет такой отдел полицейских обязанностей, который непосредственно служит задачам общей полиции по охранению общественной безопасности и порядка, почему пренебрежение или бездействие в отношении к ней со стороны чинов наружной полиции, не согласуясь с целью прямых их охранительных обязанностей, не могут быть оправдываемы и указывают лишь на непонимание полицейскими чинами требований закона от полиции.

Ввиду этого и принимая во внимание, что на гг. участковых приставах лежит главная обязанность как в непосредственном содействии сыскальной полиции, так и в руководстве по этому предмету подведомственных им чинов, предлагаю гг. приставам оказывать сыскальной полиции во всех её розысках полное содействие как лично, так и через подчинённых лиц, внушив им относиться к этой обязанности с самым сочувственным усердием. Иначе я найду вынужденным прибегать к мерам строгого взыскания”.

Проблема больших денег, которые сыщики получали от потерпевших на розыск и в качестве благодарности, оставалась неразрешимой долгое время. При решении этого щепетильного вопроса всё зависело от личных качеств начальника сыскального отделения. Например, А. Ф. Кошко, возглавляя Московскую сыскальную полицию, разрешал подчинённым получать “премии” за успешные действия, но в определённых рамках. Характерным примером может служить случай избавления одной московской миллионерши от шантажа. Кошко писал в воспоминаниях, что женщина, обрадованная благополучным исходом дела, готова была вручить сыщикам десятки тысяч рублей. Чтобы не развращать подчинённых лёгкими деньгами, начальник сыскальной полиции согласился только на пять тысяч.

Официальная позиция МВД в отношении дилеммы “брать или не брать” была сформулирована лишь в 1913 году на Особом совещании для рассмотрения вопроса о мероприятиях по борьбе с преступностью, упорядочению уголовного сыска и развитию планомерности его организации. После многих споров – сторонники приёма вознаграждения указывали на Англию и Францию, где это практиковалось с разрешения начальства, – большинство участников совещания признало, что в российских условиях брать деньги с обывателей, обратившихся в полицию за помощью, недопустимо.

Итоги первых двадцати лет работы московских сыщиков были подведены В. И. Лебедевым* в объяснительной записке, приложенной к проекту обер-полицейстера Д. Ф. Трёпова “Об увеличении штата Московской сысской полиции”. Приступая к изложению ключевых моментов записки Лебедева, исследователь истории российской криминалистики В. М. Колдаев писал: “С начала создания сысская полиция работала достаточно успешно, раскрывала отдельные сложные преступления и тем самым поднимала свой престиж у жителей города”**.

На основании своего опыта В. И. Лебедев утверждал, что главным подспорьем в работе сыщиков является архив, в котором собраны описания уголовных преступлений и материалы проведённых по ним расследований. Все эти данные должны быть систематизированы таким образом, чтобы сотрудники сысской полиции, в первую очередь, новички легко могли получить нужную справку. Самому Лебедеву от предшественников досталась лишь сваленная в кучу гора бумаг. Дела за период с 1891 по 1900 год вообще оказались без документов – одни пустые обложки. При Лебедеве архив сысской полиции фактически был создан заново: под него были отведены три комнаты, в которых установили специальные шкафы.

Также должным образом был реорганизован отдел регистрации преступников, так называемый “Стол о судимостях”. Через него проходили задержанные за совершение преступлений и бродяги, личности которых необходимо было установить. Существовал специальный приказ по московской полиции, которым отделу идентификации криминальных элементов отводилась главная роль: “. . . в сысскую полицию следует доставлять безусловно всех задержанных по подозрению в кражах и других уголовных преступлениях, не отсылая в другие участки для удостоверения их звания и не позднее, как на следующий день по их задержании, так как многие рецидивисты, удостовераясь на чужое имя или предъявляя подложные паспорта, таким способом успевают избежать регистрации их в сысской полиции, полного обнаружения их преступной деятельности и грозящих им более тяжких наказаний. Прибегать же затем к пересылке таких заподозренных из участка в участок для удостоверения следует лишь в тех случаях, если лица эти сысской полиции не известны и по данным антропометрического отделения ею удостоверены быть не могли”.

Первоначально “Стол о судимостях” занимал две комнаты в здании сысской полиции. В одну из них через вход из Большого Гнездиковского переулочка приводили задержанных. Их по очереди вызывали к окну, устроенному в перегородке между комнатами, и сотрудники сысского отделения проводили опрос по поводу судимостей. Помещение было чрезвычайно грязным, в нем стоял постоянный шум. Задержанные в ожидании допроса располагались вповалку на полу.

В 1900 году для регистрации преступников было отведено другое помещение из трёх комнат, более тёплое и чистое. Стараниями В. И. Лебедева в практику “Стол о судимостях” были внедрены антропометрические измерения задержанных – так называемый “бертильонаж”. Суть этой системы, созданной в конце XIX века парижским врачом Альфонсом Бертильоном, заключалась в проведении измерений различных частей тела человека и записи результатов по определённой форме. Во время регистрации преступников в специальные карточки вносились результаты обмеров их роста (стоя и сидя), длины и ширины головы, длины среднего пальца и мизинца левой руки, левой ступни и подъёма, левого предплечья. На лице замеряли ширину скуловой кости, длину и ширину правого уха. По специальной таблице классифицировали цвет глаз.

Практика применения “бертильонажа” выявила ряд недостатков этой системы. Оказалось, что утверждение А. Бертильона о неизменности параметров человеческого тела в зрелом возрасте в некоторых случаях не находило подтверждения. Разница в измерениях могла наблюдаться из-за изменений частей тела в результате болезней или вследствие преклонного возраста человека. Бывало, причиной несовпадения данных являлась низкая квалификация сотрудников полиции, проводивших измерения.

* Возглавлял московскую сысскую полицию в 1901–1906 годах.

** Колдаев В. М. Указ. соч. С. 27.

Впрочем, к Москве это относилось в меньшей мере. В результате преобразований, проведённых В. М. Лебедевым, вместо “Стола судимостей” появилось “Справочное и измерительное отделение” (“стол приводов”), которым стал заведовать И. Е. Бояр. По отзыву А. Ф. Кошко, этот полицейский чиновник приобрёл после многих лет практики чуть ли не сверхъестественную прозорливость: “. . . окинет лишь беглым взглядом и почти безошибочно определяет профессию данного человека”.

В 1910 году по “столу приводов” было зарегистрировано 47 911 человек, из них в 777 случаях личности преступников удалось установить благодаря антропометрическим данным; “портретная галерея” сыскальной полиции пополнилась 20 252 фотографиями.

Фотографический отдел, кстати, существовал в Московской сыскальной полиции с самого начала. При Лебедеве была введена обязательная фотосъёмка всех задержанных, доставлявшихся в “стол приводов”, мест преступлений, убитых и неопознанных мёртвых тел. Это оказалось особенно полезным при розыске преступников, когда распоряжениями Министерства внутренних дел (от 29 декабря 1906 года и 9 апреля 1907 года) было создано Центральное регистрационное бюро Департамента полиции.

Сведения с мест поступали в него из регистрационных отделов (бюро), образованных в сыскальных подразделениях полиции. В “Инструкции чинам сыскальных отделений”, утверждённой МВД 10 августа 1910 года, указывалось, что “главную часть внутренней организации сыскального отделения составляет справочное регистрационное бюро”. Их работа строилась на применении фотографии, дактилоскопии (в Москве вошла в практику полиции в 1907 году) и антропометрических измерений.

Для облегчения учёта преступников стали регистрировать по категориям их деятельности: 1) “гастролёры”; 2) карманные воры; 3) воровки-проститутки; 4) простые воры; 5) воры по передним; 6) воры чердачные; 7) воры магазинные; 8) воры со взломом квартир и магазинов; 9) воры с употреблением обмана; 10) воры-прислуги; 11) воры железнодорожные; 12) воры велосипедные; 13) притоносодержатели; 14) скупщики краденого; 15) конокрады; 16) мошенники и аферисты; 17) грабители и разбойники; 18) подделыватели фальшивых денег; 19) поджигатели; 20) убийцы; 21) шулера-картёжники; 22) хулиганы и “коты”; 23) бродяги; 24) глухонемые; 25) ссыльные-каторжные; 26) соучастники преступлений; 27) барышники театральные; 28) хипесники, обкрадывающие мужчин, приводимых проститутками на квартиры; 29) подкидчики, обкрадывающие чаще всего приезжих провинциалов при помощи подкидывания на улице кошельков с деньгами или ценных колец; 30) “пушкари”*.

Стоит отметить, что в первопрестольной можно было встретить преступников всех указанных категорий. О некоторых из них, наводнявших город в 1914 году, писала газета “Голос Москвы”:

“В магазинах днём воруют изящные франты и франтихи с особо устроенными карманами в ротондах и шинелях. У ночных громил орудия взлома английских фабрик, стоящие огромных денег. Перед такими инструментами не устоит ни один железный шкаф. Воры разъезжают на гастролы из города в город. Среди таких гастролёров есть особый сорт карманников, носящих название “марвихеры”. Щегольски одетые, они совершают кражи компаниями, выкрадывая бумажники в банках, театрах, на вокзалах, на выставках, — словом, там, где бывает большое стечение зажиточной публики.

К этому же типу относятся “мойщики”. Это воры, обкрадывающие сонных пассажиров в поездах, особенно в отдельных купе. Эти франты заводят знакомство, угощают чем-нибудь наркотическим, и когда жертва уснет, разрезают карманы и обирают. Во время совершения кражи один ворует, а другой караулит. Обокрав, они соскакивают с поездов, иногда на ходу, а большую часть на станциях, где скрещиваются поезда.

Есть ещё “хипесники”. Это воры и воровки, обкрадывающие специально мужчин, увлекающихся встречами на улицах с женщинами, которые увлекают простаков в свои квартиры, а там их обирают”.

Большой наплыв последних — варшавских сутенёров с подопечными девицами — Москва пережила после революции 1905 года. Глядя на приезжих,

* Мулукаев Р. С., Епифанов А. Е., Чабан О. К. История отечественных органов внутренних дел в материалах их информационных подразделений: Учеб. пособие. Волгоград, 1997. С. 56.

активизировались московские “коты” с их “марухами”. В вечернее время на Тверском бульваре нельзя было протолкнуться среди крикливо одетых и раз-малеванных “дам”, предлагавших мужчинам “развеять скуку”. Одновременно полиция оказалась буквально завалена заявлениями от любителей приключе-ний: “ночные бабочки”, заманив их “на приличную квартиру”, опаивали дур-маном и, дочиста ограбив, выбрасывали в глухом переулке.

Кроме “хипеса”, варшавяне наладили поставки “живого товара” в публич-ные дома Европы. Через объявления в газетах они заманивали девушек, предлагая им поступить в хоры, отправлявшиеся на гастроли за границу, или стать гувернантками “с отъездом”. Только создав специальную группу аген-тов, сысской полиции удалось очистить Москву от этих международных пре-ступников.

Среди магазинных воров (“градушников”) незаурядными масштабами краж прославился некий Чуфнов. “На дело” он шёл, изображая богатого по-купателя, — в бобровой шапке и в николаевской шинели*, подбитой таким же дорогим мехом, в складках которого были спрятаны карманы и специальные крючки. Когда его арестовали, то в номере роскошной гостиницы, где он жил, сыщики обнаружили целый склад похищенных вещей: от ювелирных изделий, куска драпа, головы сахара до фонографа и даже бочонка (!) сельди.

Переполюх в городе вызвало появление некой “воровки-отравительницы”: “Из Москвы сообщают, что в доме Андриановой на Семёновской улице в квартиру А. П. Смирновой явилась незнакомая дама для найма сдающейся комнаты. Осмотрев комнату, нанимательница заявила, что комната ей нра-вится, и, вынув из портмоне 3 р., положила деньги на стол в виде задатка. В то же время незнакомка вынула из портсигара папиросу и закурила, напра-вив дым от папиросы на г-жу Смирнову.

Папироса оказалась отравленной. У Смирновой закружилась голова. Не-знакомка взяла из рук обессиленной Смирновой ключи. Открыла комод, вы-крала оттуда две государственные ренты по 2000 руб. каждая и забрала все золотые и серебряные вещи на несколько сот рублей. Затем открыла сундук, всё в нём перерыла, подожгла содержимое в сундуке в двух местах и скры-лась.

Начавшийся пожар заметили соседи и прекратили его. Они также приве-ли в сознание ограбленную Смирнову”.

О “барышниках театральных” (№ 27 по полицейской классификации), ко-торых в Москве называли “якупчиками” и “жужжалками”, в том же 1914 году газеты писали:

“Якупчики” — аристократия барышников. Они так называются по имени главного барышника.

“Жужжалки” — парии. Это те несчастные, которые дрогнут на морозе день и ночь и с таинственным видом предлагают проходящим мимо театра:

— Вам билетик на сегодня? Или на бенефис?

Они же стоят в очереди у кассы. Если тот, которому предлагают, враг ба-рышничества и вздумает позвать городского, чтобы отправить предлагавше-го в участок, то из этого ровно ничего не выйдет: при обыске у “жужжалки” никаких билетов не найдут.

Если же проходящий пожелает получить билет, то “жужжалка” ведёт его в Охотный ряд или куда-нибудь под ворота и просит ждать, а сам бежит в трактир “Лондон” и вызывает оттуда “якупчика”, приводит его под ворота, где и происходит продажа билета.

“Якупчик”, наживший сумму на продаже билета, даёт несколько копеек за комиссию “жужжалке”, который только этими грошами и питается.

Барышников в Москве более ста. Они почти все известны полиции, кото-рая, впрочем, ограничивается только составлением протоколов, передаю-щихся мировому судье Лубянского участка. Судья их штрафует крупно, но ба-рышникам штрафы нипочём:

— Недорого! — говорят и платят штрафы с огромных барышей.

“Жужжалки” отсиживают, но они попадают редко.

Недавно судили одного из крупных барышников за оскорбление городо-вого на посту. Мировой судья приговорил его к штрафу в 20 рублей. Барыш-ник тут же вынул толстый бумажник и спросил судью:

* Шинель широкого кроя с меховым воротником и несколькими пелеринами.

– Позвольте уплатить сейчас?

Но судья не принял штрафа, пока приговор не войдет в законную силу. А к этому времени “якупчик” наторгует сотни рублей и приготовит новый штраф.

Так благоденствуют в Москве театральные барышники”.

Интересно, что в 1910 году власти попытались ликвидировать спекуляцию театральными билетами раз и навсегда. Для этого были привлечены агенты сысской полиции. После трёх месяцев наблюдений они выявили всех “барышников” (около 50 человек) и вскрыли их систему конспирации. Полученные сведения позволили арестовать главаря спекулянтов – “клинского мещанина” Ш. У. Якубчика, носившего кличку “Король” и считавшего себя абсолютно неуязвимым. Во время обыска у него на квартире были обнаружены бумаги, из которых стало известно, что месячный доход главного “барышника” достигал порой свыше полутора тысяч рублей, а в год он “зарабатывал” 10–15 тысяч.

На суде выяснилось, что некоторые соратники Якубчика “кормились” возле касс Большого театра не один десяток лет. Кто-то из них уже по два, по три раза предстал перед мировым судьёй, но отделялся штрафами от 15 до 45 рублей. “Жужжалкам”, не имевшим средств для уплаты штрафов, приходилось отбывать арест. Посадку “в казённый дом” они оттягивали всеми правдами и неправдами до лета – до окончания театрального сезона.

Несмотря на операцию, блестяще проведенную сысской полицией, спекулянты продолжали своё малопочтенное, но доходное занятие. Кроме газетных публикаций, об этом свидетельствует изданный в начале 1914 года приказ градоначальника Адрианова. Для пресечения барышничества приставу 3-го участка Тверской части предписывалось “...назначать на дежурство под колонны Большого театра ежедневно облечённых наибольшим доверием начальства городских 1-го разряда”.

История с театральными барышниками служит примером того, как успешная работа сыщиков была сведена на нет объективными обстоятельствами. Повышенный спрос на билеты не мог не порождать спекуляцию. Гораздо хуже для общества, когда преступность процветает из-за субъективного фактора – забвения чинами полиции своего долга и в результате сращивания их с миром криминала.

В этом отношении показательной является деятельность начальника Московской сысской полиции Д. П. Моисеенко. Внешне это была обычная служба чиновника полиции. Не может не вызвать уважения тот факт, что она проходила в годы первой русской революции, когда жизни полицейских зачастую подвергались смертельной опасности*. Тем не менее, по распоряжению Моисеенко агенты сысской полиции совершали ежедневные обходы улиц, очищая город от криминальных элементов. По сообщению “Московского листка”, только за май 1906 года была задержана примерно тысяча подозрительных людей, среди которых удалось выявить около двухсот воров-рецидивистов и 792 нищих.

И всё было бы прекрасно, если бы однажды не открылась другая, “тёмная” сторона жизни начальника сысской полиции. Произошло это из-за того, что один из подчинённых Моисеенко, чиновник по особым поручениям В. М. Стефанов оказался не только талантливым следователем, но и честным человеком.

Службу в полиции Стефанов начинал, как теперь говорят, “на земле” – 13 лет был околоточным надзирателем. Когда он перешёл в сыское отделение, в его формуляре значилось 40 благодарностей и несколько высочайших наград: четыре медали и двое серебряных часов с цепочкой. В докладе “Материалы обследования Московской сысской полиции и жалоб на градоначальство, произведённого Членом Совета министра внутренних дел Н. Ч. Затончковским” петербургский ревизор написал о Стефанове: “Вообще дело о службе есть сплошной панегирик его служебной деятельности”**.

Весной 1906 года Стефанова, прекрасно зарекомендовавшего себя на новом месте, назначили исполняющим должность чиновника по особым поручениям при начальнике Сысского отделения Д. И. Моисеенко. Однако первые

* В декабре 1905 года был зверски убит заместитель начальника Московской сысской полиции А. И. Войлошников. Революционеры-боевики ворвались к нему в квартиру и, несмотря на мольбы жены и детей, расстреляли.

** Cit. по: Гурьев В. И. Становление Московской сысской полиции. //Актуальные вопросы гуманитарного познания. Научный молодёжный ежегодник. Вып. 5. Ч. 2. С. 40.

же успехи по розыску преступников в новом качестве привели сыщика к конфликту с начальством.

А началось всё с того, что в Московскую сыскную полицию обратился с заявлением присяжный поверенный Синани. Он сообщил, что действует по просьбе клиента, воронежского помещика Тарасова. Его имение было ограблено в апреле 1905 года, и теперь стало известно, что один из преступников, крестьянин Низов, отправился в Москву для реализации украденных ценных бумаг на сумму 70 тысяч рублей. Присутствовавший при разговоре агент сыскной полиции Николай Огарёв повёл себя странно, что сразу бросилось в глаза его товарищам. Не отвечая на расспросы, он самовольно ушёл с дежурства и больше на службе не появлялся.

По приказу начальника розысками пропавшего агента занялся Стефанов, и вскоре ему удалось найти беглеца, да ещё в компании с... Низовым. По описанию журналиста В. Ярхо, дальше события развивались совсем не так, как ожидал Стефанов:

“Огарёв не потерял присутствия духа: чтобы уладить дело, он посулил коллеге 5 тысяч рублей. Возмущённый Стефанов заявил, что немедленно доложит об этом Моисеенко. Огарёв лишь рассмеялся ему в лицо. Сыщик-ренегат намекнул, что Дмитрий Иванович в курсе дела, и пояснил: эта квартира – явка. Члены преступных шаек приносят на неё “долю”, а он поставлен сборщиком. Вот Низов, например, просил его превратить ценные бумаги в наличные, а он ему помогает – и за это получит причитающееся. Тех, кто платит, полиция не трогает. От принесённой доли большую часть Огарёв превращает в чистые деньги, которые передаёт начальнику, а уж с кем тот делится, он не знает, но догадывается.

Стефанов думал, что Огарёв блефует – бравада преступника, попавшегося с поличным! – и повёз его напрямик на квартиру к Моисеенко, чтобы сразу же вывести на чистую воду. Там-то и случилось странное: в домашнем кабинете начальника ему было приказано Огарёва освободить. Моисеенко объяснил приказ просто: “Так надо”. Ведение дела у Стефанова отобрали и передали агенту Ботневу. Вскоре Николай Огарёв скрылся. В следственном деле было записано, что он, находясь в бегах, умер при невыясненных обстоятельствах”*.

Прошло совсем немного времени, и на Стефанова обрушился гнев не только непосредственного начальника, но и самого градоначальника Рейнбота. На этот раз чиновника по особым поручениям привели к неприятностям его же успехи в расследовании серии дерзких краж на железных дорогах (в основном на Казанской).

Как выяснилось, преступники досконально отработали технологию похищения ценностей. При помощи сторожей-соучастников воры забирались в товарные составы, на перегонах выбрасывали из вагонов тюки с товарами, а затем вешали поддельные пломбы. Пропажи, как правило, обнаруживались далеко от Москвы, только в пункте назначения. Тем временем краденое успевало отвезти скупщикам – купцам из торговой фирмы “Зелман Членов и сын”, владевшим складами в переулках возле Мясницкой и магазинами на Ильинке.

Стоимость товара, пропавшего во время перевозки по железной дороге, были вынуждены возмещать по страховке транспортные конторы. Только одна из них из-за краж за год понесла убытки на астрономическую по тем временам сумму – два миллиона рублей. Позже выяснилось, что и железнодорожное начальство наловчилось греть руки на кражах. Оно приноровилось прямо на станции изымать часть груза, передавать его ворами, а потерпевшим выплачивать страховку из казённых денег.

Стефанов вышел на след преступников, можно сказать, случайно. Он допрашивал скупщика краденого Зыбина, проходившего по совершенно другому делу, но на всякий случай спросил о товарах с железной дороги. Подследственный удивился и, кивнув на присутствовавшего в кабинете чиновника полиции Сологуба, сказал:

– Да ведь сыскная полиция обо всём знает. Вот Сологуб вам лучше расскажет.

Но тот не стал делиться информацией, а быстро вышел из кабинета, чтобы обо всем доложить Моисеенко. Начальник сыскной полиции телефониро-

* “Совершенно секретно”, № 4/191 от 04/2005.

вал генералу Рейнботу, и очень скоро Стефанову пришлось выслушать суровый разнос от градоначальника:

– Что вы делаете? Зачем раскрываете железнодорожные кражи? Если будете якшаться с судебной властью (непечатная брань), я вас арестую и вышлю по этапу из Москвы!

Арест, правда, не состоялся, но из полиции Стефанов был спешно уволен. Позже он узнал, что купцы, торговавшие “железнодорожными” товарами, за его устранение вручили начальству 30 тысяч рублей. И что характерно, “отцы-командиры” продолжали преследовать бывшего чиновника по особым поручениям. Сначала они организовали через Союз русского народа донос, содержавший обвинение Стефанова в убийстве, но у него оказалось железное алиби, поэтому дело развалилось. Затем начальник сысской полиции подкупил мошенника Струевича, чтобы тот обвинил строптивого сыщика в получении взятки. Рейнбот немедленно приказал произвести обыск и начать следствие, но и оно закончилось ничем.

Несмотря на все препоны, Стефанов продолжал работу по изобличению преступников. Он отправился в Санкт-Петербург и подал в Сенат доклад, в котором описал все свои злоключения. Представленные им факты оказались настолько убедительными, что тут же была организована сенатская проверка деятельности московской полиции. Сам Стефанов приказом из столицы был прикомандирован к прокурору Московского окружного суда В. Ф. Арнольду, который довёл дело до конца и усадил на скамью подсудимых всю воровскую шайку – около 60 человек. Среди них были два чиновника сысской полиции, околоточный надзиратель и главный скупщик краденого З. Членов. Купца как ключевую фигуру на процессе Моисеенко лично попытался вывести из-под удара. Он предложил следователю взятку, но прокурор (пусть не удивляется современный читатель!) её отверг, сохранив верность долгу.

Последней попыткой дискредитировать Стефанова было заявление его бывшего коллеги по сысской полиции, прозвучавшее уже на суде. Суть клеветы заключалась в том, что никакой воровской шайки не существовало, а всё дело было состряпано чиновником по особым поручениям. Он, мол, сам нанял на Хитровке оборванцев, организовал налёты на поезда, чтобы затем успешно раскрыть громкое преступление и сделать карьеру.

Во время слушания дела вскрылась пикантная подробность: один из заправил воровской шайки Шестаков, уже пожилой человек, жил с гимназисткой из Лебедянска Ольгой Зарубиной. Он увёз её в Москву, соблазнив рассказами о весёлой столичной жизни. Когда девушка поняла, в какую компанию попала, она стала вести дневник, где описывала всех тех, кто приходил на квартиру её сожителя, а также содержание разговоров между ними. Таким образом, стало известно постоянное бахвальство вора перед членами шайки об их сообщнике из сысской полиции: “Сологуб на нашей стороне и всегда предупредит, если будет опасность...”

Только в 1913 году состоялся суд над полицейскими, покрывавшими железнодорожных воров. Среди них не было Моисеенко, уже наказанного Богом: после позорного увольнения со службы его разбил паралич. В ходе процесса достоянием гласности стал факт, что сыщики не столько преследовали воров, сколько старались создать им благоприятные условия для “работы”. В этом был их главный интерес, поскольку воры отчисляли полицейским солидный процент с добычи. Оказалось, что на банковских счетах “оборотней в погонах” лежали десятки (а у одного из них – сотня) тысяч рублей.

Как ни странно, но наказание коррумпированным полицейским было довольно мягким: увольнение со службы, штрафы от 100 до 500 руб., в отдельном случае год заключения в арестантском отделении.

Что касается сыщиков, оставшихся на службе, то встряска, несомненно, пошла им на пользу. В феврале 1908 года начальником сысской полиции Москвы был назначен статский советник Аркадий Францевич Кошко. На службе в первопрестольной ему удалось не только подтвердить личную репутацию “короля сыска” – он на деле доказал, что энергичный и честный начальник может превратить подведомственное ему подразделение полиции из шайки коррупционеров в реальную силу для борьбы с преступностью.

В приказе от 14 июля 1914 года градоначальник Адрианов отмечал сложную обстановку, в которой А. Ф. Кошко пришлось начать свою деятельность в Московской сысской полиции:

“Он принял её в разорённом виде: не было ни людей, ни помещения, ни внутренней правильной организации; не было той необходимой спайки между наружной и сыскной полицией, без которой трудно ожидать успешной и целесообразной работы. Между тем преступность не останавливалась, преступления совершались и даже в большем количестве, чем в любое время. Москва как промышленный и торговый центр, как узел десяти железных дорог привлекает преступные элементы в большом числе, чем другие города империи, и если она в числе больших городов Европы занимает не первое место по преступности, то, во всяком случае, стоит весьма высоко.

Если ещё принять во внимание, что пережитое смутное время всколыхнуло грязное болото, из которого вылезли негодные отребья общества, способные на всякие преступления от грубого убийства, разбоя до тонкого мошенничества, шантажа и т. п., и что смутное время развязало им руки, придало им больше смелости и дерзости, и вследствие этого преступность сильно возвысилась, то будет понятно, при каких тяжелых условиях статский советник Кошко принял московскую сыскную полицию. Нужно было бороться с преступностью и в то же время нужно было создавать средства этой борьбы”.

Новый начальник сыскной полиции начал с налаживания чёткой системы расследования и пресечения уголовных преступлений. Не внося коренных изменений, Кошко неуклонно добивался, чтобы каждый его сотрудник работал честно и с максимальной отдачей.

При каждом полицейском участке был поставлен надзиратель сыскной полиции, имевший под началом несколько постоянных агентов (вольнонаёмных), а также целую сеть внештатных агентов и осведомителей. “Каждый участковый надзиратель, — отмечал Кошко в мемуарах, — прослужив несколько лет в своём участке, с помощью своих постоянных агентов и многочисленных агентов-осведомителей имел возможность самым подробным образом изучить и территорию, и состав её населения. Обычно всякий переулочек, всякий дом были ему известны, что, конечно, значительно облегчало дело розыска”.

Обобщив опыт работы сыщиков, в том числе и московских, Министерство внутренних дел приняло в 1910 году “Инструкцию чинам сыскной полиции”. В частности, этим документом предписывалось постоянно собирать информацию:

“а) о притонах преступников, ночлежных домах, чайных лавках, постоянных и заезжих дворах, местах сбыта краденого (толкучие рынки), о содержателях воровских квартир и приёмщиках краденого, о лицах, занимающихся сводничеством, о местах наиболее усиленного проявления преступности (как, например, публичные дома, вокзалы, театры, трактиры, гостиницы, меблированные комнаты, тайные квартиры свиданий и тому подобное);

б) о “местах стоянки рабочих” и “рекомендательных конторах” для найма, причём необходимо выработать соответствующие местным условиям меры регистрации прислуги порочного поведения и надзора за рекомендательными конторами;

в) о проживающих в городе лицах, состоящих под особым надзором полиции, и о подчинённых гласному надзору в порядке административном;

г) о лицах, промысляющих развратом, сводничеством, сутенёрством, педерастией, доставкой женщин в русские и заграничные дома терпимости (см. в прилож. Циркул. Минист. О международном соглашении о мерах преследования торговцев “живым товаром”);

д) о высланных или подвергнутых взысканиям в порядке административном;

е) о лишённых права занятия каких-либо должностей, наприм. извозчиков, сторожей, дворников, швейцаров и т. п.;

ж) о неблагонадёжных полотёрах, водопроводчиках и иных мастеровых, пользующихся доступом в дома под предлогом своей профессии для совершения краж;

з) о подвергнутых неоднократно наказаниям за буйства, безобразное поведение в публичных местах;

и) о профессиональных нищих. [...]

Для наиболее успешного наблюдения по указанным предметам в каждом отделении должны иметься планы города и губернии в крупном масштабе, на которых должны отмечаться данные, поименованные в п. а, б, в, названных статей”*.

* Цит. по: Колдаев В. М. Указ. соч. С. 333–334.

В распоряжении начальника сыскальной полиции было несколько чиновников по особым поручениям, имевших в подчинении несколько надзирателей и, в свою очередь, также располагавших штатом собственных агентов. При необходимости им поручалось не только расследование преступлений, но и проверка деятельности участковых надзирателей.

Около сорока агентов сыскальной полиции составляли особый “летучий отряд”. В нём имелись специалисты по борьбе с отдельными, имевшими свою специфику розыска видами преступности: кражами в магазинах, в театрах, конокрадством и т. д. Для перевоплощений в представителей разных слоёв населения в распоряжении сыщиков были гримёр и парикмахер, а также целый склад всевозможных костюмов.

В дополнение к уже существовавшей структуре сыскальной полиции Кошко создал группу хорошо законспирированных “помощников”: “Над деятельностью чиновников особых поручений я наблюдал лично, имея для их контроля около двадцати секретных агентов. Имена и адреса последних были известны только мне. Им вменялась в обязанность строжайшая конспирация; с ними я видался только на конспиративных квартирах, которых у меня в Москве имелось три. С помощью этих секретных агентов я мог наблюдать за действиями и поведением любого моего подчинённого, не возбуждая в нём подозрений. Эти двадцать человек были выбраны мною с большим разбором. Кадры моих секретных агентов я старался пополнять людьми, принадлежавшими к различным слоям московского населения. В числе их, помнится, была и старшая барышня с телефонной станции – весьма ценный агент, – довольствовавшаяся театральными и железнодорожными билетами, коробками конфет и духами; был и небезызвестный исполнитель цыганских романсов, вечно врашавшийся в театральном мире; было и два метрдотеля из ресторанов, наблюдавших за кутящей публикой, и агент из бюро похоронных процессий, и служащие из Казенной палаты, Главного почтамта и пр.

Эти агенты не столько вели общее наблюдение, сколько употреблялись мною в отдельных нужных случаях. Обычно им давалось определённое задание: проследить такого-то, проверить того-то и т. д.”

Благодаря личным агентам, Кошко всегда имел возможность подвергнуть двойной или даже тройной проверке любого из своих подчинённых. Убедившись на личном опыте в бесполезности втирания очков начальству, сотрудники сыскальной полиции заработали в полную силу, что не осталось незамеченным. Так, например, газета “Раннее утро” сообщила: “Агентами московской сыскальной полиции в 1910 году раскрыто простых краж до 300 руб. – 780, свыше 300 руб. – 257. В 291 случае краж со взломом преступники были обнаружены. Карманных краж открыто 134, простых грабежей – 38, вооружённых – 3, убийств – 21, затем – 92 мошенничества, 168 растрат, 2 поджога, 6 подкинутых “кукол” и 125 других преступлений. Всего было открыто 1917 преступлений. [...] Общий % раскрытых преступлений 46. [...] В Москве развито и конокрадство: за год похищено 369 лошадей. Удалось разыскать 121 лошадь”.

Кроме морального удовлетворения, служба на совесть давала сыщикам возможность получать весьма ощутимые награды – от повышений в чинах до солидных денежных премий.

Другим успешным нововведением А. Ф. Кошко было нанесение превентивных ударов по преступному миру. Их применение было вызвано тем, что Москва особенно сильно страдала от набегов воров и грабителей в праздничные дни. “Помню, что в первый год моего пребывания в Москве, – вспоминал Кошко, – я на Рождество чуть не сошёл с ума от огорчения. 27 декабря было зарегистрировано до шестидесяти крупных краж с подкопами, взломами, выплавливанием несгораемых шкафов и т. п., а о мелких кражах и говорить нечего: их оказалось в этот день более тысячи. Из этих цифр явствовало, что город наводнен мазурьём и мне надлежит вымести из него этих паразитов”.

На Рождество, Пасху и Духов день полиция фиксировала небывало огромное количество преступлений. Громилы, пользуясь тем, что торговые заведения в течение двух-трех дней были закрыты, устраивали подкопы, проломы в стенах, разбирали потолки, вскрывали сейфы и без помех уходили с богатой добычей. Когда полиции становилось известно о совершённом преступлении, его участники уже находились далеко за пределами города либо успевали залечь на глубокое дно.

Существовала чётко отлаженная система: местные вору вели разведку, готовили подходы к объекту, а уже сейф вскрывал какой-нибудь супервзлом-

щик, специально приглашённый “на дело” из другого города. В 1914 году “Вестник полиции” сообщал об этих уникамах:

“Специалисты по взлому несгораемых шкафов работают сдельно, приезжая на гастроли по особому ангажементу. Получают они плату от инициатора кражи со “штуки”, без всякой зависимости от выручки. Такой гастролёр приезжает обыкновенно в день, назначенный для взлома, его должны доставить на работу, окончив которую он уезжает с первым поездом.

Все подготовительные действия и последующая ликвидация похищенного его не касается. Многие из них одеты по последней моде, останавливаются в первоклассных гостиницах и весь свой “набор” возят в дорогах английской кожи баулах.

После разгрома торгового дома Г. в Москве на месте был оставлен ряд инструментов с английскими клеймами, которые были оценены специалистами в тысячу с лишним рублей. Однако ни один из них не мог определить назначение отобранных орудий для технических целей. Впоследствии выяснилось, что все эти приборы были изготовлены по особому заказу одним из заводов Англии по приложенным чертежам и высланы по указанному адресу в Германию”.

Первые попытки обуздания “праздничной” преступности окончились неудачей. Как потом признавался Кошко, избранная им тактика – практически ежедневное проведение облав силами небольших групп полицейских – оказалась ошибочной: “... действительно, преступные элементы при приближении незначительного наряда полиции частью благополучно скрывались, а если и попадались люди, не имеющие права жительства в столицах, то, будучи отправлены на родину этапным порядком, вскоре бежали оттуда и вновь появлялись в Москве, где и пребывали до следующей поимки. Этот своеобразный “перелетум мобиле” приводил меня в отчаяние”.

Тогда сыскная полиция стала практиковать широкомасштабные облавы, устраивая их в преддверии праздников. Для проведения таких операций привлекали крупные силы: до тысячи городских, более двухсот околоточных надзирателей, десятки приставов и агентов-сыщиков. Задержанные в ходе прочёсывания города преступники-рецидивисты, не имевшие права находиться в столицах, оказывались либо за решёткой, либо в пути, следуя в принудительном порядке к местам прописки. Даже если они по дороге бежали, то уже не успевали вернуться в Москву, чтобы “пойти на дело” в праздничные дни.

Кошко, называя грандиозные облавы “генеральными сражениями российских мошенников”, описывал их в мемуарах так:

“Технически организовать облаву было нетрудно, так как силы сыскной и наружной полиции Москвы были для этого достаточны. Сложность этого способа борьбы заключалась в том, что приходилось соблюдать строжайшую тайну о дне и часе облавы не только от своих служащих, но и от чинов наружной полиции, между тем как в “экспедиции” принимало участие более тысячи человек. Дней за десять, иногда за восемь, а то и за пять до больших праздников я приказывал моим надзирателям, чиновникам и агентам собраться в полиции часам к семи вечера якобы для ознакомления с каким-либо новым циркуляром или для получения от меня общих указаний по очередному сложному делу. Когда люди были собраны, им объявлялось, что сегодня ночью облава. После этого никто из них уже не только не выпускался из помещения, но им строжайше запрещалось даже разговаривать по телефону. В состоянии “арестованных” они пребывали до ночи, то есть до самого начала действий. Вместе с тем я просил градоначальника нарядить мне в помощь тысячу городских, человек пятьдесят околоточных и десятка два приставов и их помощников. К ночи городские стягивались в один общий исходный пункт (часто во дворе при жандармском управлении), к ним присоединялись мои люди. Руководители получали подробные инструкции, и глухой ночью начиналась облава.

Для большего успеха отрядам предписывалось следовать шагом до определенного места, а оттуда пускаться бегом и возможно быстрее оцепить намеченный район, квартал или группу домов, подлежащих осмотру.

Внезапность атаки играла огромную роль, сильно уменьшая шансы скрыться для преследуемых преступных элементов. По просьбе некоторых московских газет редакции их извещались за час до начала облавы, и уведомленные сотрудники их тотчас приезжали ко мне.

Когда подлежащие осмотру районы были уже окружены полицией, в назначенный час мне подавался автомобиль, и я в сопровождении трех-четырех

хроникёров выезжал на место действия, а на следующее же утро в газетах появлялись подробные мелодраматические отчеты, не лишённые жути, образности и фантазии, сообразно индивидуальным особенностям их авторов. Помнятся мне несколько таких моих выездов к Хитрову рынку, в так называемые Кулаковские дома. Эти вертепы, эти клоаки, эти очаги физической и моральной заразы достойны описания”.

Прежде чем продолжить цитирование рассказа начальника сыскной полиции, приведём характеристику, данную главной достопримечательности Хитровки историком Москвы П. В. Сытиным:

“Самым отвратительным был дом Кулакова, занимавший угловой участок между нынешними Астаховским и Петропавловским переулками. Он состоял из нескольких каменных корпусов: в нём было 64 ночлежных квартиры на 767 мест, а ночевало ежедневно не менее 3 тысяч человек. Люди спали, где только могли: под нарами, в проходах и т. д.”

Теперь становится понятным, почему для прочёсывания одного этого уголка Хитровки требовалось привлекать не менее тысячи полицейских. К тому же управляющие Кулаковскими ночлежками, зачастую промышленявшие скупкой краденого, мошенничеством, тайным винокурением и подпольной продажей спиртного, сами были “тёмными личностями”. Во время облав сыщики первым делом врывались в “квартиру” содержателя ночлежки (угол комнаты, огороженной грязной занавеской) и почти всегда находили улики преступной деятельности.

Успех операции по проверке обитателей ночлежек, по свидетельству Кошко, зависел от проворства и слаженности действий сотрудников полиции:

“В каждом этаже находился длинный общий коридор, куда выходили двери всех квартир. Двери эти, по требованию полиции, никогда не запирались на замок. Толкнув такую дверь, я быстро входил с отрядом, и если помещение было в первом этаже, то люди мои кидались к окнам, предупреждая побеги.

Квартиры состояли обычно из двух-трёх комнат, из которых одна была “дворянской”. Носила она это пышное наименование вследствие того, что вместо нар в ней находились кровати с некоторым подобием тюфяков, и ночёвка в ней стоила целый пятак; на нарах же люди устраивались копейки за три; для кого же и эта цифра была велика, те приобретали за копейку право спать на полу, под нарами, за печкой и тому подобных менее привилегированных местах. [...]

Наше появление вызывало сильное смятение. Впрочем, опытный взор и в этом смятении мог бы усмотреть известную последовательность и закономерность. Добрая половина жильцов оставалась сравнительно спокойной, лениво потягивалась на нарах и встречала нас возгласами вроде: “Ишь, сволочи, опять притащились! Не дают покоя честным людям!” У этих “флегматиков” можно было бы и не спрашивать документов – они были, конечно, в исправности.

Не то делалось с другой половиной ночлежников! Они в ужасе рассыпались по помещению, забивались за печки, прятались под нары, лезли чуть ли не в щели”.

По поводу спокойствия “флегматиков” заметим, что их реакция на проверку паспортов ещё не означала, что у них были подлинные документы. В истории московской полиции неоднократно зафиксированы случаи обнаружения сыщиками подпольных мастерских по изготовлению фальшивых видов на жительство. Преступники, не имевшие материальных затруднений, всегда могли обзавестись на Хитровке документами, практически не отличавшимися от настоящих. По этой причине Кошко и его сотрудникам приходилось досконально проверять всех задержанных во время облавы:

“За хозяйской перегородкой очищали место, и мы приступали к опросу и проверке каждого. Жутью веяло от этих людей, давно потерявших образ и подобие Божие: в лохмотьях, опухшие от пьянства, в синяках и ранах от недавних драк, все эти бывшие, а иногда даже и титулованные люди внушали ужас, жалость и отвращение. Впрочем, бывали случаи, когда среди этих бывших чиновников, офицеров, актёров, докторов и публицистов вдруг проявлялись проблески давно замерших переживаний человеческих, и больно и смешно было подмечать эти переживания, столь не гармонирующие со звериным обликом их носителей. Эта группа бывших интеллигентов производила наиболее тягостное впечатление.

— Где постоянно живёшь? — спрашиваешь босяка. И вдруг эта карикатурная личность, став в позу, тоном провинциального трагика заявляет с пафосом: — Уж пятый год, как отчий дом я променял на это пышное палаццо! — при этом соответствующий жест в сторону нары.

— Твой паспорт? — спрашиваешь старую полупьяную проститутку.

— А вот мой паспорт! — и женщина делает невероятно циничный жест.

— Как звать? — говорит пристав какому-то типу с чрезвычайно гордой осанкой, но без штанов.

— А вы кто такой?

— Ну, ладно, кто такой! Не видишь? Пристав!

Фигура без штанов презрительно шипит:

— Пф-ф-ф! Пристав?! Я иначе как с начальником и разговаривать не стану.

Вдруг из-за занавески высовывается голова, затем протягивается рука, и заплетаящийся язык произносит:

— Аркадий Францевич, будьте великодушны, одолжите двугривенный, до завтра, *parole d'honneur!* Ну, что вам стоит?! А выпить — во-о как хочется!

Иногда пороешься в кармане и протянешь рублевку. Словно не рука, а обезьянья лапа вырвет у тебя бумажку или монету, а за пологом уже слышится лирический восторг:

— Господи, Ты Боже мой!!! Какое, какое благородство!..

Там, в глубине комнаты, какая-то пьяная-распьяная женщина, очевидно, из бывших шансонеток, пытается кокетливо шевелить лохмотьями, заменяющими ей юбку, и, игриво подмигивая, испитым сиплым голосом поет: “Смотрите здесь, смотрите там!” При этом оголяет уродливые, отёкшие ноги. А перед тобой в это время мелькают и “коты”, и “хипесники”, и шулера, и просто жулики.

Дышать нечем, в висках стучит, а на душе тошно, и плохо отдаёшь себе отчёт в том, где ты и что с тобой. Где сон — где явь?! [...]

Предпраздничные облавы дали прекрасные результаты, и помнится мне, что на четвёртый год моего пребывания в Москве была Пасха, не ознаменовавшаяся ни одной крупной кражей. Рекорд был побит, и я был доволен!..”

Успехи начальника Московской сыскальной полиции в борьбе с преступностью были признаны не только в России, но и за её пределами. Введённые им приёмы розыска перенимались знаменитым Скотланд-ярдом. На Международном съезде криминалистов, проходившем в 1913 году в Швейцарии, русскую сыскальную полицию признали лучшей в мире по раскрываемости преступлений, и в этом была немалая доля заслуги А. Ф. Кошко.

Когда Кошко в 1914 году перевели на работу в столицу — руководить всеми органами сыска Российской империи — московский градоначальник генерал Адрианов издал специальный приказ, в котором воздавалось должное заслугам Аркадия Францевича:

“... За шесть лет руководства Московской сыскальной полицией одних крупных преступлений, убийств, разбоев, краж, крупных подлогов раскрыто 56, с обнаружением по ним виновных, которые осуждены судебными приговорами. По мелким кражам, как одному из наиболее повторяющихся видов преступлений, раскрыто до 50% виновных и найдено похищенное. Это кражи карманных часов, бумажников, в вагонах трамваев, театрах, т. е. кражи неуловимые, по которым весьма трудно обнаружить виновного или найти похищенное. За эти же 6 лет закрыто 60 клубов, в которых производилась азартная карточная игра, причём эти клубы существовали от 3 дней до 7 и в редких случаях 10 или 15 дней. Это те клубы, которые обыкновенно создаются людьми вполне благонадёжными, но которые содержатся на средства особого типа антрепренёров, или просто-напросто шулеров, и в которых поэтому обыгрываются легкомысленные и доверчивые люди, не лишённые страстишки к азарту или верящие в счастье обогатиться при посредстве клубной карточной игры. [...]

Статский советник Кошко в своей работе не ограничивался одним только раскрытием уже совершившихся преступлений. Он смотрел на обязанности сыскальной полиции шире, и в сферу действий сыскальной полиции, по его мнению, должен входить не только розыск, но и предупреждение преступлений. И в таком направлении он вёл работу вверенной ему полиции.

Много было предупреждено преступлений — кроме разбоев и убийств. Эта предупредительная деятельность сыскальной полиции не изображена в отчё-

тах по Московской сыскной полиции; не всегда являлась достоянием печати, и потому о многих из них не знала широкая публика; о них знали я из представляемых мне письменных докладов и прокурорский надзор как ближайший орган, наблюдавший за деятельностью сыскной полиции.

Стремясь организовать службу сыскной полиции к достижению наибольшего успеха в работе каждого служащего, статский советник Кошко требовал от своих подчинённых сознания долга и твёрдых нравственных начал, требовал, чтобы все работали по совести, не ожидая каких-либо посторонних благ. Строго проводя эти начала, статский советник Кошко устранял от службы каждого, на кого падала хотя бы малейшая тень подозрения. И в этом отношении он также достиг полного успеха – Московскую сыскную полицию никто ни в чём не может упрекнуть. [...]

Расставаясь ныне с Аркадием Францевичем, я надеюсь, что, как оценило высшее начальство, так же оценит его и московское население, сохранив о нём добрую память; я же со своей стороны приношу ему от лица службы мою сердечную признательность и мои наилучшие пожелания полного успеха на его новом поприще”.

После ухода А. Ф. Кошко Московскую сыскную полицию возглавил К. П. Маршалк. На его плечи легла вся тяжесть борьбы с преступностью в годы Первой мировой войны, когда вместе с волной беженцев в Москву хлынули высококвалифицированные воры и мошенники из Польши и Прибалтики. Добавляла сложностей возросшая в несколько раз детская преступность. Много сил отнимала у сыщиков борьба (практически безуспешная) со спекуляцией.

Сыскная полиция Москвы прекратила своё существование в один день вместе со всей системой органов охраны общественного порядка царской России, которая 11 марта 1917 года была упразднена Временным правительством.

МИХАИЛ ПЕТРОВ

ЧЁРНАЯ ВЕСНА

Об Иннокентии Анненском

I

М. М. Бахтин в “Лекциях по истории русской литературы” назвал Анненского импрессионистом, поэтом, который “сближает предметы не по наблюдениям во внешнем мире, а по впечатлениям, возникающим в душе творящего”: “...Анненский объединяет <...> случайные предметы, в которых на первый план выступает эмоциональный момент, <...> создает свои образы, работая только второстепенными признаками...” И “созвучие у него строится не на основных тонах — он их не слышит, — а на тонах, которые в поэзии обычно игнорируются. Так, работая второстепенными эмоциональными признаками, он весну связывает со смертью. На основании чисто жизненной, почти реалистической подробности, что весной многие чахоточные умирают, весна по эмоциональной ассоциации становится гибелью снега и льда, гибелью зимы. И в результате образ весны из радостного делается мучительным, из возрождения — смертью”.

Мне кажется, Анненский стал здесь жертвой литературоведческой концепции учёного. Сближение похорон человека с похоронами зимы ранней весной в этом стихотворении не случайно и совсем не имеет эмоциональной окраски. И не время года подразумевал поэт под весной, обращая наше внимание на совершенно другие связи между словами и явлениями. Символы внешнего мира для него только повод, чтобы выразить свои глубокие идеи. Мы сколь угодно можем наблюдать, что две параллельные прямые никогда не пересекутся, но кто-то по открывшимся ему “второстепенным” признакам находит, что при каких-то других условиях, где-то очень далеко, в другой галактике, которой он никогда не видел, они пересекутся. Это не отменяет выводов планиметрии, но к звёздам по её чертежам не улетишь. Как писал Анненский об этом своем даре:

*А я лучей иной звезды
Ищу в сомненье и тревожно,
Я, как настройщик, все лады
Перебираю осторожно.*

Речь, конечно, не о внешнем наблюдении за звёздами или о настройке роаяля, а о лучах внутреннего мира. Это созерцание собственных впечатлений, сеанс внутреннего сосредоточения. Процесс подобной настройки заме-

чательно описал в своё время И. Г. Фихте: "...То, о чем идёт речь, не может быть вполне описано словами. Это есть совершенно неизвестное, становящееся известным лишь благодаря собственному внутреннему созерцанию и обозначаемое лишь по аналогии с чем-либо известным, чувственным; и это обозначаемое получает своё полное значение лишь при посредстве созерцания..." (И. Г. Фихте. Собр. соч. в 2-х томах. Т. 1. С. 580).

Я выбрал эту цитату потому ещё, что в ней есть мостки, соединяющие поэзию Анненского с его прозой, с его творческим методом, пониманием им языка как средства передачи мысли, с идеями его учителя А. Н. Веселовского, с работой А. А. Потебни "О некоторых символах в славянской народной поэзии", которую он хорошо знал.

Анненский — поэт, которому весной действительно жаль умирающей зимы. Он — поэт "томительных граней", сменяющих друг друга состояний: природы, человеческих чувств, ощущений, мыслей. Его интересуют стыки дня и ночи, время между концом (смертью) одного и началом (рождением) другого: с-умер-ки дня и с-умер-ки ночи — межсезонье. Там, где первые становятся последними, а последние — первыми, их с-лияния, и раз-деления (разлучение). Он ловец "бабочек газа", которые дрожат и сорваться не могут, эти мгновенья приковывают внимание даже в камине, когда меркнут угли и "сгорают строения". Там его поэтический мир. Переносы, незаметные переливы цветов и звуков, времён года, тепла и холода, темноты и света, звуков и тишины, состояние истомы после смеха — любимые темы поэта.

*Зимним утром люблю надо мною
Я лиловый разлив полутьмы,
И, где солнце горело весной,
Только розовый отблеск зимы.*

Или:

*Ещё не любишь ты, но верь —
Не полюбить уже не можешь...*

Или:

*Ты придёшь, коль верна мечтам,
Только та ли ты?*

Эти нерасцепленные звенья жизни природы, чувств, движений сердца, не осиленные светом тень и тенью свет — содержание его поэзии. Он и в кружении суток любит "последнее вечернее мгновенье", "сиреневую мглу", "полусвет-полутьму наших северных дней, недосказанность песни и муки", когда не понять, "день ли то пробует силы, иль это уж тихий закат". Его влекут переливы из чувства в чувство, из состояния в состояние: "бред то был или признания, пути жизни, чары сна...". Он хочет уловить неуловимое, ответить на невозможное. Ему трудно передать эту новую для поэзии ускользающую реальность, нет слов для решения этой задачи. Да и кто скажет, когда реальность первичней и "истинней" — днём или вечером, весной или зимой, во сне или в бодрствовании, во здравии или в болезни? И в какую пору жизни — в детстве, юности или старости? И даже — когда и где мы встречаемся с Богом: под ропот океанских волн или в час, "когда сумерки ходят по дому"?

Анненского волнует природа сокрытого, её тайна. Вопрос, мне кажется, должен ставиться иначе: не "по каким признакам" он сближает умирающую Зиму с похоронами человека, а нарождающуюся Весну со смертью Зимы, а какая идея, проблема, как называл это Анненский, стоит за этим сближением? Почему Весна кажется поэту чёрной:

*И только изморозь, мутна,
На тление лилась,
Да тупо Чёрная Весна
Глядела в студень глаз —*

*С облезлых крыш, из бурых ям,
С позеленевших лиц...*

Вряд ли можно укорить поэта в легкомысленном бальмонтском импрессионизме или в желании эпатировать читателя. Какие же это второстепенные признаки: облезлые за зиму крыши, бурые ямы, позеленевшие от сырого холода и весеннего авитаминоза лица людей в похоронной процессии? При всей его симпатии к Бальмонту и временном оболыщении эготизмом Барреса, он оставался человеком жизни, умеющим удерживать “внимание долгих дум”. И не переливы чувств волнуют его в одном из самых “импрессионистических” стихотворений “Трагемеі”, а их природа. К ней и вопросы:

*Наяву ль и тебя ль безумно
И бездумно
Я любил в томных тенях мая?..
Или сам я лишь тень немая?
Иль и ты лишь моё страданье...*

Сравним стихотворение “Чёрная весна” и весь “весенне-зимний” цикл с работой выдающегося лингвиста А. Потебни “О некоторых символах в славянской народной поэзии”, где учёный прослеживает ход лексического развития славянских языков от их истоков. По его мнению, с их развитием затемнялось первоначальное впечатление, выраженное пра-словом, утрачивались исконные связи между единицами языка. Потебня показал, что слова таять и гореть, мороз и жар, топить и гореть, чёрный и жар и другие в прошлом были связаны как раз по основным признакам. В русском языке и поныне мороз палит, жжёт. Мороз, подобно огню, символ любви, ибо любовница – это и зазноба. А в украинском языке до сих пор зазнобка означает обиду, оскорбление. Чёрный цвет также связан в первичном восприятии с огнём. От слова мар, жар солнечный происходит слово марать, чернить. Всё, “что черно, что грязно, одного происхождения с пекло”. Кал, грязь по эпитету чёрный – родственно со словом калить, калина и т. д.

Заботой о прозрачности языка согреты, на мой взгляд, все “пейзажные” стихи Анненского. О ней тревога его соратника по Филологическому обществу Ф. Ф. Зелинского: “Те языки прозрачней для сознания, мышления, чувствования, которые выросли самобытно, не испытав влияния других языков. Чем больший процент заимствованных слов, тем менее язык народа служит выразителем народной совести”. Здесь уместно будет вспомнить и Н. Карамзина: “Истинный космополит есть существо метафизическое”.

“Чёрная весна” – это оборотная сторона сгорающей зимы. Это чёрный, как бы обуглившийся от огня снег с вытаивающими из-под снега грязью, золой, углями и головешками, калом животных. Таять и сегодня на русском Севере – это и гореть; тает, сгорая, воск, сгорая, тают снега. Затопить печь и затопить землю вешней водой – в представлении наших предков явления родственные. В народном календаре и поныне жив день “Марья – зажги снега, заиграй овражки”. Оттого растёт “обида старости” у Кострубы, и он насылает на лето холод, заморозки. А в холодном июньском дожде поэту мерещится осень. Заметим, что под заголовком “Чёрная весна” стоит малозаметный подзаголовок – “Тает”. Он поставлен со смыслом: тает, значит ещё и тлеет, горит. Зима сгорает и уступает весне. Здесь кстати вспомнить и часто цитируемое “Иль я не с вами таю, дни...”, обратить внимание на метафору “таю”. У Анненского тает не только зима, снег, лёд, дни, тени, ночь, облака. Тает и сама жизнь поэта. Растаяв, умерев, снег обратится в туман, в облако, взлетит в небо. Поэту близок этот символ проходящей жизни. Что вполне в традиции русской народной поэзии и языка. “Растаял”, – говорят и об уступке женской лести или нежности.

На масленицу Кострубенко сначала хоронят, сжигают на костре как символ зимы, плача и жалея его за долгий зимний отдых, за сытую жизнь, за зимние забавы и пирушки, которыми тот одаривал людей зимой. А затем уже воскрешают как символ весны Костромы, которая, к слову, обещает не столько радости, сколь тяжкого труда.

И Лазари – “Вербная неделя” – забыты ведь не в могиле, а в чёрной яме, что должно воскресить в нас далёкое, полузабытое знание, ведь насто-

ящих Лазарей “забывали” в пещерах. А у далёких индоевропейцев Яма — бог потустороннего существования, в ямке — погребё — наши предки “погребали” на зиму семена для будущего весеннего сева. Так что и “Вербная неделя”, к которой мы ещё вернёмся, стих отнюдь не богоборческий, чёрная яма — это мольба поэта вспомнить о Лазарях. Здесь, вероятно, и исток непонимания Бахтиным глубоко религиозного сердца Иннокентия Анненского.

Нет ли натяжки в попытке сблизить языческие мифы и представления наших предков с христианскими богочеловеческими откровениями? В работах Ф. Ф. Зелинского, выдающегося эллиниста, переводчика Софокла, знатока истории религий, друга и сподвижника Анненского по Обществу классической филологии, прилагавшего свои созидательные труды на ниве славянского возрождения, показано, “что языческий мир был гораздо лучше подготовлен к восприятию христианства, чем иудейство”. Это, по мнению Ф. Зелинского, “культурно-исторический факт такой огромной важности, что рядом с ним вопрос об отношениях Христа к иудеям теряет свою гущность”. Принципиальнейшую разницу между эллинским язычеством и семитическими религиями Зелинский видел в готовности язычников-греков принять идею Богочеловечности. По его мнению, неизмеримая пропасть отделяла семита от божества, в то время как богочеловечность, допускающая происхождение человека от брака бога и смертной, всегда манила язычника. Нам кажется сходным мнение Апостола Павла, когда он укоряет иудеев в том, что Израиль “не достиг до закона праведности” потому, что “искали не в вере, а в делах закона” (Рим. 9. 32). Апостол язычников, как называл себя Павел, цитирует им слова Исайи: “Меня нашли не искавшие Меня; Я открылся не вопрошавшим обо Мне” (Рим. 10. 20).

II

Подводя предварительный итог, можно сказать, что эллинский и языческий мир перед явлением Христа был лучше готов к принятию Богочеловека и Богооткровения, чем ждавший Мессию мир ветхозаветный. Греку — “многобожнику” и язычнику — было легче принять единого в трех лицах Бога Слова, чем правоверному иудею, для которого Единое Божество было безличным и безымянным. Именно язычник помог очеловечить христианский храм, а иконостас превратить в многоликий живой покров над мировой бездной, который он мог безбоязненно созерцать, к которому обращал свои просьбы и получал ответы на свои прошения. И Бог смотрел на него такими же страждущими глазами, тогда как ветхозаветный иудей стоял перед глухой и безликой стеной плача, которую он обливал своими слезами и за которой укрывался его невидимый Бог — непонятный, безымянный и страшный в своём непросщении.

Становится понятным не только смысл идеи славянского возрождения и деятельность Общества классической филологии. Понятней становилась и необычайная готовность русского языческого сознания к принятию греческой православной веры. И быстрое, без всяких инквизиторов и охотников за ведьмами, освоение славянами основ христианства, и то, почему именно Русь “исходил, благословляя”, Христос. И поразивший Европу духовный взлёт “варварской” России в XVII–XX веках, и те идеи, которые вкладывали участники Общества Анненский и Зелинский в возрождение славянства.

Анненский в своей лирике работал над повышением чувства речи, пытаясь “внести в русское сознание более широкий взгляд на слово как на возбудителя, а не только выразителя мысли”. Он искал расширения границ языка от его истока, освоил санскрит и почти все славянские языки. Его глубокий интерес к истокам родного языка, изучение растекающихся по славянским ручьям наречий был подкреплён ещё и исследованиями выдающихся языковедов: Ф. И. Буслаева, А. Н. Веселовского, А. А. Потебни. И деятельность в “Неофилологическом обществе” носила тот же характер поиска “забытых” языком связей. А “Чёрная весна” и весь годовой цикл задумывался, вероятно, для выражения общей идеи повышения чувства речи. Но и не только! Ту же цель возрождения “забываемого собственного значения слов”, реставрации “первоначального впечатления, выраженного словом”, расчисти его от налёта позднейших образований преследовал и А. А. Потебня в работах, посвящённых символам в славянской народной культуре. Забвение своего языка приводит к тому, что “между значением корней слов объясняемых и объяс-

няющих ослабевают (выделено мной. — М. П.) и связь между ними”. Отметим слово “ослабевают” у Потебни и вспомним усиление чувства речи у Анненского. Связь несомненна.

Речь у нас пойдёт не о перво- и второстепенных признаках якобы знакомого нам мира, а об открытии подлинных и восстановлении забытых связей. Аналогичные открытия произошли в XX веке, когда под позднейшими записями стали открывать истинные краски древнерусской иконы.

Осторожно “переберём” “все лады” стихов “годового круга” Анненского, назовем их так. Мы найдём, что гробовому переносу зимы и рождению весны, а затем всесожжению недавно родившейся весны поэт посвящает целых шесть стихотворений. Что, к слову сказать, очень характерно для его поэзии, работающей в сумерках, на гранях. Анненский пишет стихи циклами, складнями, а то и гроздьями, много раз подходя к одной теме с разных сторон. Одним стихом такие темы не взять!

Если расположить эти стихи по оси календарного времени, бросится в глаза, что они и укладываются в народные представления о весне. “Ледяная тюрьма” — начало марта, на Евдокию. “Чёрная весна” — конец марта, на сороки святые. “Снег” — близко к Благовещенью, начало апреля. “Вербная неделя” — ближе к середине апреля. “Дочь Иаира” — конец апреля. “Старая шарманка” — на Кирилла, конец весны, середина мая с подведением итогов творимого природой переноса и так далее. Прибавим к ним и стихи, частично затрагивающие ту же тему: “Одуванчики”, “В марте”, “Лунная ночь на исходе зимы”, “Весенний романс”, “Traumerei”... И это не какие-то там фенологические “зарубки”. Стихи словно специально написаны к датам народного календаря. И это у Анненского, которого считают человеком книжной культуры!..

Остановимся и ещё на одном, не менее существенном: и в народных приметах, и в стихах Анненского природа и человек представляют некое единство. В народном календаре каждый день одухотворён, назван именем святого, раскрыт духовно; то же можно сказать и о стихах Анненского, посвящённых временам года. Время для него трепетно, он проживает каждый данный ему Богом миг с мучительной благодарностью:

*Иль я не с вами таю, дни?
Не вяну с листьями на клёнах?*

Здесь нет и намёка на то, что “сердце будущим живёт, настоящее — уныло...” Анненский предстаёт здесь поэтом настоящего времени, но не фенологом. Решительно во всех стихах годового цикла он уходит от “наивных гипербол и метких общих мест”, освоенных поэзией, а напряжённо ищет решения какой-то важной, мучительной для него проблемы. Человек видится ему листом Мирового Древа, живущим по таинственным, но общим с Древом законам, и жизнь природы интересует поэта лишь в той степени, в какой и листья аллеи (природы уже очеловеченной) подчинены этим законам. Пронизаны общим желанием жить и общим страхом “коснуться праха”. Эти наблюдения имеют не реальную, а символическую природу, в отражениях явлений природы он ищет материал для новых мыслей и идей, “проблем”, которые встают перед человеком.

А это уже совершенно другой подход к “философии” природы. Да, Весна — красна, приходу весны радуются, ей поют песни. Но поют ведь песни и рождающейся зиме:

*Здравствуй, гостья-Зима,
Просим милостью к нам,
Песни Севера петь
По лесам и степям...*

Песни во славу зимы есть и у Анненского: “Падает снег”, “Сверканье”. Он с нетерпением ждёт зимы (“Ноябрь”). Скажете, зима — гостья? Но ведь и весна тоже гостья, и лето — гость, гость в этом мире и человек. Отжив свой век, уходит зима, весна, лето... Уходит и человек. Никаких второстепенных признаков в подобном сближении нет. Если не будет зимы, и весны, не будет и лета. И розовый ребенок превратится в седого желтого старика, который однажды умрёт. И будет перенесён в другой мир.

Да, очень уж нетрадиционно изображена весна: “тупо” глядящая в студень глаз. Но так ли уж одинок Анненский в выражении подобных чувств? Вот Пушкин:

*Ах, лето красное, любил бы я тебя,
Когда б не зной, да пыль, да комары, да мухи...*

Вот Пушкин:

*...Я не люблю весны,
Здоровью моему полезен русский холод...*

Не ставит ли Анненский перед нами следующую проблему: а что такое вообще это за слова: весна, зима, осень? Что стоит за ними? Ведь эти морось, льющаяся в студень глаз, грязь, мокрый пронизывающий ветер, который, кстати, уносит здоровье верней, чем лютая зима, — тоже весна. И мы, честно говоря, не всегда рады ей, торопимся её поскорее прожить, спеша к двум-трём погожим дням апреля и мая. “Будущим живем”, пронсясь мимо настоящего с закрытым сердцем. Образ такой обманной ветреной весны рисует поэт и в стихотворении “Старая шарманка”:

*Небо нас совсем свело с ума:
То огнём, то снегом нас слепило,
И, ощерясь, зверем отступила
За апрель упрямая зима.*

Парадокс в том, что сам поэт реальной петербургской зимы с её “нищенски синим и заплаканным льдом” не любит, как не любит и ранней весны, так похожей на позднюю, умирающую зиму:

*Полюбил бы я зиму,
Да обуза тяжка.
От неё даже дыму
Не уйти в облака.*

“Импрессионисту” — то вовсе и не жаль реально уходящей зимы. “Творящий” лично весну любит, любит её “ослабелый, то сверкающе белый, то силеневый снег... и особенно талый...”, на “... сомнительной грани // Всесоуженья весны”.

Но “метафизически” любит он и зиму, вкладывая в её символический образ новое “психическое содержание”, на котором хотелось бы остановиться. Откроем стихотворение “Падает снег”. Отметим странную авторскую ремарку, какими драматурги предваряют сцены или эпизоды — “Музыка отдаленной шарманки”. Это означает, что чтение его должно идти под музыку отдаленной шарманки. Стих о зиме, о снеге, заметающем чёрную и тяжкую думу блестящими мечтами. Этим белым звёздам, укрывающим неизбежное, противостоит здесь “жгучий мучительный ветер” жизни, который свекает их с тяжкой думой. А дума напоминает поэту “могильную насыпь”, вероятно, это мысль о неизбежной смерти, от которой человек может закрыться только мечтой. И мечта эта — заснуть. Но не по-лермонтовски — навсегда, — а чтобы однажды проснуться под небом лазурным “новым, счастливым, любимым”.

Образ невыносимо сверкающего снега, от которого поэт пьян, на волнистых полянах белоснежной мечты мы найдём и в стихотворении “Сверканье”.

Что это за мечта такая?.. Оставим пока размышления о ней.

III

Проблема же, мне кажется, в том, что за так называемыми временами когда поэт видел мучительный кругооборот превращений Природы из одного состояния в другое. Потому и грань между зимой и весной называл он сомнительной. Попробуй, различи её, эту грань между зимой и весной, если ты сам наблюдаешь за ней, а не пользуешься заёмными образами. Она размыта, как “замирание эхо после бешеной тройки в лесу”, как облака, которые тянутся

друг к другу “полосками тонкими”, как “неразрешённость разнозвучий”. Переход от зимы к весне в реальной жизни почти не заметен. Когда умерла зима и когда наступила весна, если снег бывает и в мае, а яблони цветут в декабре? Вопрос кажется детским и наивным, но за ним стоит важная философская проблема. Та, что называется критерием истинности вещи. Анненский задал этот вопрос даже там, где его обычно не задают, — открыв “в недоумении” мертвеца. И очень удивился: “Сказать, что это я... весь этот ужас тела...” То есть, может быть, мертвец и не умер, он, может быть, только переходит из одного состояния в другое?..

Анненского интересует и другой, по сути, тоже детский вопрос: что стало с зимой после смерти, когда уже и “трава одела закоулок”? И он даёт нам свой ответ:

*Лишь шарманку старую знобит,
И она в закатном мленьи мая
Всё никак не смеет злых обид,
Цепкий вал кружа и нажимая.*

Заметим: после всесожжения Зима каким-то непонятным образом передаёт свою обиду на весну шарманке (её знобит, она в зиме!), а шарманка — валу, который и злых обид никак не смеет и цели своей работы никак не поймёт:

*И никак, цепляясь, не поймёт
Этот вал, что ни к чему работа,
Что обида старости растёт
На шипах от муки поворота.*

*Но когда б и понял старый вал,
Что такая им с шарманкой участь,
Разве б петь, кружась, он перестал
Оттого, что петь нельзя, не мучась?..*

Старый вал ассоциируется с чем-то глобальным, на что нанизываются и обида старости зимы, и какая-то бесцельная работа, и, кажется, сама зима, и весна, и весь этот мир, и даже старая песня. Не этой ли отдаленной шарманки музыка звучит в стихотворении “Падает снег”? Не в этом ли смысл странной ремарки поэта: “Музыка отдаленной шарманки”?

Недовольство побеждённой зимы под музыку шарманки превращается в обиду старости, которая растёт от муки поворота мирового вала шарманки. Ни победа весны не полная, ни смерть зимы не вечная. И петь нельзя не мучась, и победа не освобождает от муки. Ни победить, ни быть побеждённым тоже нельзя до конца. Вот обида и растёт.

За стихотворением “Снег” в “Ледяном трилистнике” у Анненского стоит стихотворение “Дочь Иаира”. Первоначально оно называлось “Воскресение”, и календарно здесь могла бы стоять “Вербная неделя”. Вспомним, кстати, с какими сомнениями “формировались” трилистники. Стихотворение о том же: об очередном прощании с жизнью, на этот раз — Вербной недели. Она уплывает на “последней, на погиблой снежной льдине”, впереди Светлое Христово Воскресенье. Но эта смерть в преддверии Пасхи останавливает внимание читателя на двух моментах. Вербная неделя уплывает от “Лазарей, забытых в чёрной яме”, и от тех, “чья жизнь невозвратима”. Несмотря на открытую концовку, на посвящение его внуку, стихотворение слезами вербы, плывущими по “румяным щекам херувима”, говорит скорее о сострадании к этим слезам вербы, чем о сомнении поэта в существование жизни вечной. Как сомневались ведь и люди, придя спустя неделю к гробу казнённого Христа...

Жизнь невозвратима. Лазари забыты. Почему же так победно звенит медь? Победно, подобно победному лучу солнца, который призван освободить весну из ледяного плена. И с тем же страхом перед ним, потому что “страшен луч победный кровью и пожаром”... И почему едва победный луч у солнца находится, и чаша весов склонилась в пользу весны, пафос поэта неожиданно меняется. После гимна весне, который звенит медью: “Голубые льды разбиты // И они должны сгореть!..” — следует совсем неожиданное:

*Только мне в пасхальном гимне
Смерти слышится призыв,*

*Ведь под снегом сердце билось,
Там тянулась жизни нить:
Ту алмазную застылость
Надо было разбудить...*

*Для чего ж с контуров нежной,
Непорочной красоты
Грубо сорван саван снежный,
Жечь зачем её цветы?*

*Для чего так сине пламя,
Раскалённость так бела,
И, гудя, с колоколами
Слили звон колокола?*

Не правда ли, это странно слышать от поэта, который писал, что не любит зимы, и, горячо сочувствуя Весне, мечтал о её освобождении из голубой тюрьмы. И вот уже он тоскует по “савану снежному”, по её цветам? И уже мечтает вновь разбудить непорочную красоту Зимы?

*Тот, грехи подъявший мира,
Осушавший реки слёз,
Так ли дочь Иаира
Поднял некогда Христос?*

*Не мигнул фитиль горящий,
Не забыл ветер ткань...
Подожёл Спаситель к спящей
И сказал ей тихо: “Встань”.*

Анненский – символист в том смысле слова, в каком символистом был сам народ, а символизмом так богато народное творчество как “остаток незапамятной старины”, о чём писал А. А. Потебня: “Символизм находится в обратном отношении к силе посторонних влияний, а потому он необходимее и яснее у русских и сербов, чем в песнях чехов, лужичан, хоруган и поляков. Эстетическое достоинство произведений народной поэзии <...> падает вместе символизмом от уменьшения числа людей, для которых язык и произведения народной словесности – главные средства развития”.

Вспомним и сожаление самого Анненского, высказанное в докладе Комиссии по вопросу о преподавании русского языка в 1904–1905 учебном году: “Кто из учеников <...> знает, как празднует народ до сих пор традиционными песнями и обрядами весеннее пробуждение могучих сил природы...”. Более того, он считал, “что ни Пушкин, ни Лермонтов, ни все позднейшие поэты во всей их совокупности не охватили так полно всей человеческой жизни, всех её событий и настроений, как это сделала простонародная песня”.

Поэтические символы Анненского многозначны, как и в народной поэзии, и оттого трудны и просторны для толкования. Французский символизм, конечно же, оказал на поэта влияние, но не меньшее влияние оказал на него и символизм народной и античной поэзии. Символ Зимы у Анненского не укладывался в символ Смерти. Понять новые проблемы, намеченные им самим в новых образах и сближениях, было, вероятно, трудно и ему самому, почему он и сравнивал поэзию с алгеброй. Вспомним некоторые из сближений: смерть человека и смерть зимы, сон-смерть зимы и сон-смерть дочери Иаира, которую воскресил Христос, наступление православной Пасхи и смерть зимы. Смерть уходящего лета в октябре и снятый с Креста Христос, Чья кровь сочится на рябине, – невероятно глубокий символ осеннего страдания природы на кресте жизни.

Страшен перенос вчера ещё живого в мертвое, “тоскующего я” – в “целый мир”. А смерть человека случается и зимой, и весной, и летом, и осе-

ню. И так же тяжело смотреть поздней осенью на снятое с безжалостного креста жизни отмучившееся лето, которое на кустах лишь кровавые гроздья оставило. Природа тоже мучается, только бессловесно.

Поэту больно видеть и растаявшую весной зиму с голубыми льдами. Ему жалко смерти “нежной, непорочной красоты”, как нам жаль растаявшей Снегурочки в русской сказке. Как жаль мечты голубой весны, которая, кажется порой, никогда и не оживёт и которой остается лишь плакать и смеяться “невпопад”.

Образ этой алмазной застылости, неистового снежного сверкания волнистых снежных полей под зимним солнцем найдём и в стихотворении “Сверкание”. Он связан с мистической верой Анненского в то, что порывы и призывы души каким-то образом связаны с лучами света и могут даже передаваться по ним друг другу, что по лучам, исходящим из глаз, души могут слиться в небесной лазури в одно целое. Лучи эти связывают (сливают) душу с Царём Недоступного Света (в Евангелии — “Неприступного Света”), с Отцом Бытия. Поэт разговаривает с лучами. Луч вырывает из сладостной тьмы небытия ветку клёна, открывает её думы, игра лучей делает чужую обиду “обиды своей жалчей”, “лучами незримыми глаз мы уходим друг в друга как будто”, лучезарное слияние наших душ где-то там теснее, чем наша связь здесь, недаром мир, освещённый лучами, отличается от “чадной слитности видений”: он призывает поэтов любить “раздельность и лучи”.

Анненского нередко называли и называют певцом смерти. Но нет более лучистого поэта в русской поэзии, чем Анненский. Более сорока раз встречается в его стихах слово “луч”. И едва ли не в каждом есть лучи то в “солнца позднем пылу”, то “в тусклом пурпурном пламени”, то в “пурпуровых тогах” угасающих огней в камине, то в “пламени свечи”, то в “точке огневой”. Поэт любит глядеть в огонь, наблюдая за минутными строениями сгорающих углей, а тень, мгла напоминают ему мрака дуновенье, зов могил. С огнём, светом, лучами связан в сознании поэта и творческий процесс:

*Они — минуты праздного томления,
Перегоревшие на медленном огне...*

И нарастают они вспышками света. Всё это связано с символикой славянской народной поэзии, с её символами огня, света, мрака, смерти...

IV

В таком контексте печаль по умирающей весной зиме — какой же это второстепенный “эмоциональный признак”? А поэтические образы седой Зимы в русском фольклоре? А образ Снегурочки, умирающей летом, разве нам её не жаль? Вспомним А. Н. Островского:

*Но, милый мой, бежим скорее, спрячем
Любовь свою и счастье от Солнца,
Грозит оно погибелью. Бежим,
Укрой меня! Зловещие лучи
Кровавые страшат меня. Спасай,
Спасай свою Снегурочку!
Спаси мое сердечко! Пожалей
Снегурочку!*

Да, реакция на зловещие лучи солнца второстепенна для веснянок, но не для Снегурочки: ей они несут погибель — живительные лучи зловещи. Весна сжигает снег, убивает зиму, вызывает муку в душе человека — муку перехода, когда ещё и Весна не красна, и уже Снегурочка тает. “Иль в миге встречи нет разлуки”? Анненский пытается ответить на этот вопрос. В том числе и в “Чёрной весне”, где происходит переход (перенос, превращение) из одного состояния в другое: и в природе, и в умершем человеке.

Для Анненского переход из жизни в смерть — грань таинственная и неосвязаемая, тайна Бытия. Встреча умирающей зимы с покойником — эпизод, быть может, и случайный, но за ним стоит символ целостности мировой жизни, частью которой является и человек.

А умерев, умирает ли человек?

Смерть для поэта не столько страшна, сколько загадочна. Где-то в глубине души его не оставляла надежда, что на повторения, которые происходят в мире природы, быть может, обречён и человек, и даже поэт. В спасенье человека “для новых и новых мук” (“Трилистник осенний”) он верил и не верил, сомневался: а в том мире, в котором были мы до рождения, будем ли, когда Она придет?.. А были ли мы до рождения?..

Глаз Анненского настроен на парадоксальное. Жизнь и смерть превращаются друг в друга. Что есть весна, осень, лето, зима? Слово так относительно, оно не покрывает всей сложности и глубины мира. Когда открывается суть, слово бессильно её передать. Тогда человек хватается за привычное, не раз уже проигранное, шарманочное. В жизни много механического. И человек держится за это дурное постоянство, рад минутному покою, с облегчением забывая муки и обиды, в том числе и нанесенные слепой природой.

Быть может, истина в превращениях? Но природа плохо слышит и плохо видит. Она и человека мучит, и сама мучится в вечных превращениях, в постоянных умираниях и рождениях. Вместе с ней мучится и человек: “Иль я не с вами таю, дни...”

Да ведь и отрада мая, после мучительных хлопот весны, похожих на ремонт квартиры, дохнувшая обещаньем счастья, теплом, высыпавшими из травы желтыми одуванчиками, благостной картиной одетого в молодую травку закоулка, оказывается всего лишь очередным обманом – передышкой в жизни. По Анненскому существование – это не то, что мнит человек о жизни в дни раскрытых окон, это мучительный бесконечный переход из одного состояния в другое. Человека – в тот мир, “которым были мы, иль будем в вечном превращении”. И мира, тоскующего по своему блудному сыну, человеку, как тоскует по своей отъятой руке Андромеда. Природа с её временами года, течением суток, с обманами дней, вечеров, живых мгновений, и человек с его снами и иллюзиями “Я” на “Дороге жизни” и у “Чаши бытия”, его ментальные и эмоциональные метаморфозы – всё это находится в непрерывном изменении. Человек легко и с готовностью забывает эти мучительные превращения, цепляясь памятью за обманы мая, а поэт обязан помнить. Эта мука и составляет предмет его поэзии, потому что и “петь нельзя не мучась”.

*Вот сизый чехол и распорот,
Не всё ж ему праздно висеть,
И с лязгом асфальтовый город
Хлестнула холодная сеть.*

*Хлестнула и стала мотаться.
Сама серебристо-светла,
Как масло в руке святотатца,
Глазеты вокруг залила.*

.....
*О нет! Без твоих превращений,
В одно что-нибудь застывай!
Не хочешь ли дрёмой осенней
Окутать кокетливо Май?*

*Иль сделаться Мною, быть может,
Одним из упрямых калек...*

Всё это вскоре забудется, и только упрямый калека мира, поэт, может, если захочет, найти счастье в мокром асфальте. Люди привыкли ждать счастья и закрывать свои полные значения психические акты красивыми привычными словами: весна, лето, июль, август, осень, “в багрец и золото одетые леса...”. Люди привыкли занавешиваться от мучающей или одаривающей счастьем жизни: только бы не думать, только бы не видеть... Так Папа Карло завесил свой холодный очаг и одновременно вход в другую реальность картиной горящего очага с кипящим над огнём котелком с курицей. Поэт и сам иногда начинает с расхожего: “Ты опять со мной, подруга осень...” Но тотчас и спохватится:

*Но сквозь сеть нагих твоих ветвей
Никогда бледней не стыла просинь,
И снегов не помню я мертвей.*

*Я твоих печальнее отребий
И черней твоих не видел вод...*

Хороша подруга! Но жалкое слово уже сдёрнуто с реальности, и открывается не поэзия, не очей очарование, не подруга-осень — за словом открывается нагая суть рождающейся и умирающей природы, и картина эта заставляет увидевшего её за “метким общим” словом цепенеть:

*Длится это умиранье,
Целый сумеречный день!*

Словами эту картину передать нельзя, её можно только молча созерцать, ибо она необъяснимо нова. И поэт действительно цепенеет, на что указывают знаменитые анненковские отточия:

До конца всё видеть, цепенея...

За отточиями — немой полёт в другую реальность, и чтобы открыть эту новую реальность, вовсе не нужно уходить в горы и искать альпийские розы, или опускаться на дно океана, чтобы слушать ропот волн. Это та реальность, которую поэт назовёт даже не существительным, а наречием — Невозможно.

О, как этот воздух странно нов...

И теперь только можно улыбнуться бледной улыбкой игрока, выдержавшего удар, и сказать старой подруге-осени:

*Знаешь что... я думал, что больнее
Увидать пустыми тайны слов...*

V

И всё же, всё же, всё же...

Нераскрытыми, тёмными для современного читателя остаются некоторые символы стихов годового цикла, за которыми, на мой взгляд, скрываются не до конца высказанные вопросы, которые поэт адресовал векам. Что за Лазари забыты в чёрной яме? Их в Евангелии три, о каком из них идёт речь? Какое имеет отношение этот Лазарь к символам Зимы и Лета? Почему Зима у поэта связывается не только со смертью, но и с забытьём, с каким-то вечным сном, сквозь который человек всё же будет способен внимать жизни? Почему Вербная неделя уплывала

*От икон с глубокими глазами,
И от Лазарей, забытых в чёрной яме?*

Что значит “с глубокими глазами”?..

Лазарь был первым человеком, воскрешённым Господом. Не Христос, не Богочеловек, а именно смертный, брат Марфы и Марии из вполне конкретного и реального семейства, которое Иисус так трогательно любил. Иисус просил Господа воскресить сначала не Его самого, а простого человека, что Господь и совершил. “Дорогой учитель” Анненского (см. КО, с. 92), выдающийся русский филолог А. Н. Веселовский, к кому он обращался в письмах как к высшему авторитету в области языка, даёт в “Исторической поэтике” два понимания человеком смены Зимы и Лета. Одно старое, языческое, другое — вскоре ставшее христианским. В старом понимании, в языческих обрядах выноса (у Анненского — переноса), изгнания Смерти-Зимы и кликанья Весны-Лета, Зима и Лето как раз и были такими, какими их видел М. М. Бахтин — раздельными, враждебными друг другу “существами”. Их раздельность и есть те первостепенные признаки, о них на разные голоса толкуют поэты. Основ-

ные признаки – это когда “весна в окно стучится и гонит зиму вон!” О том же звенит победно медь колоколов на Пасхальной неделе, провожая звоном Зимы “на последней, на погиблой снежной льдине”...

В новом понимании, в новом мифе, пришедшем на смену старому, по Веселовскому, появляется “одно существо, один Бог”, а “борьба жизни и смерти” идет отныне в самом едином Боге. Хоронили и воскрешали не только Диониса или Адониса, эти перемены охватывают религиозное сознание всех европейских народов. А. Веселовский показывает в “Исторической поэтике”, как двойственность природы постепенно сливалась в сознании людей в одно существо. К примеру, на Сретенье “... в Малороссии хоронили соломенное чучело Ярилы (как символ Лета), вооруженное Фаллосом, голоса над ним: “Помер он, помер! Не встанет больше! Что за жизнь, если его нет!...” Весной же устраивали похороны старого сивого “Кострубенько (как символ Зимы), с тем же восковым фаллосом (уж не эти ли похороны и описаны у Анненского в “Чёрной весне”?). Зима для человека становится не только символом смерти и сна природы, зимой крестьянина ждут ещё и отдых, развлечения, зимние игры, обрядовые празднества. На этих праздниках диалоги Зимы и Лета ведутся с переменным успехом, веские аргументы в свою пользу есть не только у Лета, но и у Зимы. Анненский прекрасно знал труды А. Веселовского по исторической поэтике, опубликованные в “Журнале Министерства народного просвещения”, где и сам он постоянно печатался.

Божество природы из многих сливается в одно существо, которое сначала хоронят, а потом воскрешают. Так, по Веселовскому, человечество готовилось к концу “Мирового года, к концу дней, когда за гибелью всего существующего ожидали иного, светлого порядка вещей”.

За стихами Анненского о временах года, как мне кажется, и скрыта проблема Мирового года, вошедшая в мировое сознание как мучение единого божества (Диониса, Адониса, Аттиса, Ярилы и т. д.), обмирающего осенью и воскресающего весной. Анненский уже в “Тихих песнях” задумывается над ней. Умиравшее лето представлялось ему снятым с креста Христом. Этот взгляд на природу как на единое (быть может, навеянный идеями пантеизма, Якоба Бёме, Шеллинга, Фихте) захватывает все четыре трилистника о временах года: “Трилистник осенний”, “Трилистник дождевой”, “Трилистник ледяной” и “Трилистник весенний”. К ним примыкают и стихи о весне из “Трилистника сентиментального”. Их пафос: страдание природы, бредущей по своему годовому кругу вокруг мировой оси. А меняется она в своих превращениях каждое мгновение, когда бы ты ни бросил на неё взгляд: весной, осенью, зимой, летом... Всё в мире каждый миг умирает и рождается, и рождение его “неизменно для новых и новых мук”. Она существует, как вода: сегодня томится напрасным сверканием в тюрьме льда, завтра ляжет устало “на скользкий обрыв”, а там зазвонит “победно медь” пасхальных колоколов: “Голубые льды разбиты, и они должны сгореть!”, и лёд превратится в холодную сеть дождя.

Что касается Лазаря, то воскрешённый Лазарь у первых христиан стал символом будущего воскресения человечества. Лазарь был одним из нас, и он был воскрешён на четвертый день после реальной смерти. Иудеи искали Лазаря убить, но он не дался, бежал на Кипр, где после воскресения прожил 30 лет, стал там епископом, потом скончался и был во второй раз похоронен. Мощи его перенесены в IX веке с острова в Царьград, память о его второй кончине отмечают 17 (30) октября.

Но в первые годы христианства, повторюсь, Лазарь был символом надежды на воскрешение всех простых людей, любящих Христа. Это было по ощущению похоже на восприятие полёта Гагарина, побывавшего в космосе и вернувшегося оттуда целым и невредимым.

Анненский, с трагедийным вниманием переживавший смертность человека, разделение целостного мира на Здесь и Там, не мог, естественно, пройти мимо судьбы Лазаря, ставшего важнейшей фигурой христианской Церкви. В первые века новой эры существовал даже культ Лазаря. Кстати, Ф. М. Достоевский называл воскрешение Лазаря величайшим, неслыханным чудом. В Ливане в Лазареву субботу, которая предшествует Вербной неделе, мальчики ходили из дома в дом, изображая воскрешение Лазаря; на Кипре в театральном представлении воскрешения Лазаря принимало участие духовенство. Как писал А. Веселовский, “эти мифы обняли Весну и Зимы, идею

жизни и смерти”. Но со временем праздник Лазаря стал забываться, вытесняться из церковной жизни Пасхой Господней. Лазари оказались забытыми в чёрной яме. О Лазаре, первом человеке, побывавшем Там и ожившем после четырех дней смерти, постепенно забыли. Есть, правда, в церковном календаре Лазарева суббота, но она уже не празднуется простыми верующими с такой верой в будущее воскресение, как праздновалась в те далекие времена: как яркое напоминание верующим о всеобщем воскресении, которого нужно ждать и которое нужно приближать, всей своей жизнью стремясь к очищению и просветлению души.

Сегодня память о воскресшем Лазаре осталась только на древних иконах с “глубокими глазами”. Ещё и поэтому “в пасхальном гимне” поэту “смерти слышится призыв”, и оттого так печальна встреча двух смертей на улице Тотьмы. И Вербная неделя уплывает от “Лазарей, забытых в чёрной яме”. А уплывает она к Пасхе от зимы, от мёртвого апреля, от звёздной пустыни неба, от икон, от всех, чья жизнь невозвратима. Потому и плачет верба. И текут её слёзы по щекам херувима. Времена года в сознании поэта – это символ одного, дробимого молнией, мучения: и человека, и природы. Пафос стиха – утраченное людьми единство с Богом, с природой. И пока человек ощущал это единство, жила в нём и вера в бессмертие.

Анненскому по-язычески жаль напрасно сорванной и засушенной в книге фиалки, жаль ивы, которая “сломилась”, терпеливо качая горе покончившей с собой Офелии. Поэту жаль сломанных веток вербы и её слез о невозвратимой жизни, которые капают на румяные щеки херувима. Жаль дум разоблачённых ветки клёна, жаль последнего вечернего мгновенья. Жаль шарманки, судьбишки дурака, пробитой сиренью надгробной плиты и тумана на стёклах, “разнятого”, испорченного сбегающими каплями. Ему жаль даже камня, найденного Богом. Обидно за куклу, которую бросают в водопад на утеху туристам, за старую шарманку, умирающую зиму. Жизнь открывается поэту везде, даже под снегом, он полон жалости и к тому, чьё тело уже обернули пеленой савана.

– Здравствуй, Весна! – звенит победно медь колоколов в Пасхальное утро.

– Прощай, Зима! – шепчут упрямые губы поэта в стихотворении “Дочь Иаира”: его чуткий слух улавливает, как под разными одеждами природы бьётся одно сердце, прядется одна общая для всех нить жизни.

“Вербная неделя” – стихотворение глубоко религиозное. В нём есть и страстная тоска по вере, и жажда истосковавшейся по единению с Богом души. Вспоминается мысль Ф. Зелинского об Античности и её заслугах перед христианством: “Основой – быть может, самой глубокой – религиозного чувства древнего эллина было сознание таинственной жизни окружающей его природы. <...> Для греческого сознания мёртвой природы не было: она вся была жизнью, вся – духом, вся – божеством”. Мне думается, Православная Церковь недаром мудро поддерживала эту связь языческих, народных обрядов с христианскими праздниками. Ибо какое может быть разъединение, если Бог – это Всеединство? Разъединение носило чисто политический характер и имело социальные причины при переходе от язычества к христианству. И как только связь русского человека с природой стала разрушаться, как только он стал отчуждаться от природы, стала разрушаться и его связь с Богом и церковью. Анненский хотел усилить в нас не только чувство речи, о чём мы уже говорили, но и чувство природы, с которой он всегда чувствовал единство. Как сказал о том же другой русский поэт:

*Покуда природу любил он,
Она любовью ему отвечала...*

А как только человек разделил природу на живую и мёртвую, как только увидел в деревьях доски, а в брате своём меньшем – барашка на вертеле, так сразу и:

*Сердце природы закрылось ему,
И нет на земле прорицаний...*

Не забудем, что “Вербная неделя” посвящена внуку поэта – Валентину. Открытой концовкой, слезами сломанной вербы (природы!) о невозвратимом Анненский словно хочет перелить в него свои упования.

Сюда же примыкает, на мой взгляд, и стихотворение “Одуванчики”, посвященное дочери Т. А. Богданович Сонечке, написанное у них на даче в Ку-оккале 26 июня 1909 года. Детское стихотворение с совсем не детским смыслом. Стихотворение о девочке, которая тщетно пытается посадить в песке садик — два “желтые обсевочка”. А они никак не желают “приживаться” из-за своих длинных и мягких стеблей. “Не держатся, и на-поди!..” — валятся на песок. И тогда мать со словами: — Молчи, малютка дочь! — отрывает у цветов “лишние” стебельки, как оборван был и день святого Лазаря, связывавший маленького человека с духовными трудами по обретению единства с миром, а быть может, вместе с единством, и рая. Вот откуда режущее сердце и малопонятное:

*Отпрыгаются ноженьки,
Весь высыплется смех,*

*А ночь придёт — у Боженьки
Постельки есть для всех...*

*Заснёшь ты, ангел-девочка,
В пуху, на локотке...*

Мы сами ещё дети в этом полном тайн мире. И учим неразумию своих детей. Отрываем цветы от матери-земли, уплываем с Вербной неделей на погибельной льдине “от Лазарей, забытых в чёрной яме”, и остаемся с “распластаными в песке” обсевочками. Радуемся о смерти Зимы, а она завтра возвращается вновь со своими обидами. А если весна — всего лишь продолжение зимы?..

VI

В царстве “алмазной застылости”, которого было ему так жаль, душа, быть может, могла бы питаться от света Солнца, Луны или далёкой звезды. Эта полная забытья жизнь тихо переливалась бы, мерцая в холодном пространстве Вселенной подобно снежной зимней поляне, которую поэт однажды видел где-то под Ржевом, проезжая зимой в Сливицкое. И был так поражен её красотой, что вспоминал потом всю оставшуюся жизнь. Она, быть может, ему и грезилась, когда он писал:

*Когда б не смерть, а забытьё,
Чтоб ни движения, ни звука...*

Это тихая, мерцающая жизнь представлялась ему образом вечного сна. Вспомним, как его томила невозможность “уйти целиком в мир легенд и творчества или стать только мозгом и правой рукой, как мечтал когда-то Жюль де Гонкур” (статья “Трагедия Ипполита и Федры”). Мир, в котором нет ни страдания, ни мук, ни страстей, ни грязи, ни низости. А есть только сияющая красота, мерцающая подобно северному сиянию и радуге конченных мук, беззвучной музыке сфер. В стихотворении “Зимний сон” свою воображаемую смерть поэт связывает именно с зимним сном, со снегом, забытьём. Сквозь сон поэт слышит осторожные шаги родных, чтение псалмов Давидовых, даже чувствует, как исходят копотью и лязгают кадила в руке дьячка во время панихиды. А схоронить себя поэт просит “в белом поле до рассвета”.

Современная физика говорит, что теоретически жизнь в кристаллах возможна. Ведь уже сегодня информацию передают по волокнам волнами света. А кто сказал, что для жизни обязательно нужны муки, низость эгоизма, пожирание друг друга? Когда “приют покинутый всем чуждого лица” населит Тайна Бытия, жизнь, быть может, превратится в музыку сфер, в вечную симфонию света в вечных кристаллах алмазной застылости, в Снежном переливающимся светом Царстве, где “ни движения, ни звука”. В царстве, где не нужно ни машин, ни самолётов, ни громоздких приспособлений для связи, где люди обретут возможность перемещаться по кристаллам со скоростью света, как перемещается сегодня информация по волокнам связи и живёт в кристаллах

дисков. И личность, может статься, мнилась ему похожей “на радугу конченных мук”, которую он так любил рассматривать в кристаллах аметиста, искал в кристаллах инея и льда. Одна тревога: и эта жизнь также не вечна, так как от тепла она рискует превратиться в воду. Вода там — тлен... Потому и жаль поэту умирающей зимы, как жаль ребёнку растаявшей Снегурочки. А каким уготовит Господь рай для людей — есть великая тайна, о том никто не знает. . .

Возможно, подобное прочтение Анненского кому-то покажется надуманным. Но я руководствовался здесь его пониманием искусства в статье “Искусство поэзии” и пониманием слова в поэзии А. А. Потемни, учёного, сыгравшего огромную роль в становлении эстетики Анненского: “Искусство есть язык художника, и как посредством слова нельзя передать другому своей мысли, а можно только пробудить в нём его собственную, так нельзя её сообщить и в произведении искусства; поэтому содержание этого последнего (когда оно окончено) развивается уже не в художнике, а в понимающих. Слушающий может гораздо лучше говорящего понимать, что скрыто за словом, и читатель может лучше самого поэта постигать идею его произведения. Сущность, сила такого произведения не в том, что разумел под ним автор, а в том, как оно действует на читателя или зрителя, следовательно, в неисчерпаемом возможном его содержании. Это содержание, проецируемое нами, то есть влагаемое в самое произведение, действительно условлено его внутренней формой, но могло вовсе не входить в расчёты художника, который творит, удовлетворяя временным, нередко весьма узким потребностям своей жизни”.

И ещё: размышляя над стихами годового цикла И. Ф. Анненского, я нередко думал, что мир уж недалёк от тех дней, когда станет жаль умирающей зимы. Быть может, перед ним уже завтра станут проблемы продления зимы всеми средствами, а образ ранней весны в период глобального потепления и ожидаемого потопа из радостного превратится в катастрофический. Он и сегодня мучителен в дни распутиц и борений весны с зимой. Но таков уж человек: вытесняя из памяти всё тревожное, он цепляется за обманный покой. . .

Многозначен образ Зимы у Анненского. В стихотворении “Дочь Иаира” он совсем не равен образу дочери Иаира. Это и образ неразбуженной “алмазной застылости”, прекрасной спящей царевны в ледяном гробу, бьющегося под снегом сердца и тянущейся под снегом нити жизни. Кто бывал в зимнем лесу, знает, как разноцветно прядется эта пульсирующая серебристая нить, ведь лес жив и зимой. Растут, несмотря на мороз, сосны и ели, вечнозелёные травы, мхи, даже зимние опята можно собирать в лукошко, а клесты умудряются вывести и выкормить в лютном декабре птенцов.

Вечнозелёный хвойный бор вызывал у Анненского мечты о вечной, не умирающей на зиму, как умирает лиственный лес, жизни. Всё о том же “мыслящем” сне он писал:

*Только мыслей и слов
Постигая красу, —
Жить в сосновом лесу
Между красных стволов.*

*Быть как он, быть как все:
И любить, и сгорать...
Жить, но в чуткой красе,
Где листам умирать.*

Русские сказки широко отразили эту жизнь под снегом в образах Деда Мороза, Снегурочки, несметных богатств, скрытых в недрах русского леса, которые достаются лишь доброму сердцу. Сегодня, когда Россия черпает их из сибирских заснеженных недр, думаешь, как прав был наш пращур, ушедший от европейских междоусобиц в глухие дебри евразийских лесов, создав великое снежное царство гипербореев. Сегодня Запад хватился, подобно жадной и скупой мачехе из сказки о Снегурочке, готов уже претендовать на эти богатства. Видя падчериц и пасынков, увозящих из Гиперборейи самоцветы, ждём, правда, и мы, когда же сбудутся чаяния нашего далекого пращур-сказителя? Мы гиперборейцы, мы приняли эту суровую жизнь в снегах, осваивали холодный край, пока другие народы не жили под тёплым солнцем, и неужели обречены мы с кротостью провожать эти поезда? . .

Уже написав эту главу, пролистывая второй том “Жизни идей” друга и единомышленника Анненского по славянскому возрождению Ф. Ф. Зелинского, я наткнулся на его путевые очерки. И был изумлён очерком о поездке в 1916 году в г. Кунгур и описанием “пермского чуда” – кунгурской ледяной пещеры. Оно словно списано с той “алмазной застылости”, которую “надо было разбудить”:

“Но вот после 5–10 минут невероятного ползания стены раздвигаются и вверх и вширь, внезапно мы из грозной обители окаянных попадаем в волшебное царство ослепительного блеска. Об этом “бриллиантовом гроте” я слышал и раньше, видел даже его изображение, но никакое описание, никакая картина не сравнится с действительностью. Это дворец Зимы: потолок, стены, столбы обросли снеговым мхом; в безмолвной, безветренной тишине подземной пропасти медленно расцветала эта роскошная флора кристаллов, и теперь она вся перед нами в своём непотревоженном, нетронутым совершенстве, то преломляя, то отражая нахлынувший искусственный свет; везде радуги, везде сверкания, алмазы и самоцветные камни. А там, в тени – там престол Зимы; царит она над застывшим водопадом, несколькими уступами низвергающимися в пропасть. Если бы не безмолвие, не сразу бы и поверили, что это лёд, а не живая вода; всё, вплоть до тонких боковых струек, создаёт иллюзию жизни.

И этого уже человеку не испортить. Раньше, думая о нашей пещере, я вспоминал печальную участь Адельсбергского грота... или, говоря по-славянски, Постоянной Ямы близ Любляны; от постоянных посещений с дымящимися факелами и свечками закоптили её сталактиты, и теперь проведённое электричество только ярче освещает грязную работу посетителей. Здесь этого не будет: каждую зиму нарастает кристалловый убор, терем нашей Снегурочки будет вечно чист и светел”.

При чтении этих строк блеснуло столько прямых и косвенных ассоциаций, связывающих образ зимы Анненского с описанием кунгурской пещеры Зелинского, что я стал искать, что за Постоянную Яму имел в виду Зелинский.

Нашёл: Постоянска-Яма – карстовая пещера в Словении, длиной около 20 км, с системой залов и галерей со сталактитами и сталактитами. В ней протекает р. Пивка, в подземных озёрах её живёт уникальное земноводное – европейский протей, словенцы называют его “человеческая рыбка” – чловешка рибица, что указывает на какие-то древние языческие верования. Обитает она только здесь, в древности словенцы принимали её за детёнышей дракона...

Пещера была для словенцев предметом древнейших языческих культов. Да и сегодня сюда в Духов день стекаются тысячи людей. Что за чувство ведёт их сюда, я так и не узнал, слишком скудны наши знания о себе. Не узнал я и, бывал ли здесь Анненский. А вот Зелинский бывал и после посещения думал о “нашей пещере”, вспоминал “печальную участь Адельсбергского грота”. Не была ли Постоянска-Яма образом древнеславянского рая, хранилищем душ умерших?..

Интересные данные о Яме как потустороннем мире я нашёл в книге Юрия Миролюбова “Русский языческий фольклор”. Автор пишет о цветах бессмертника, которые, по народным представлениям, растут из “Ямы, и все, кого Яма забирает, через те цветы с нами общаться могут... Мы до них дотрагиваемся здесь, а они – там. Смерть их не берёт”. Конечно, существует большой искус соединить эти цветы с цветами одуванчика (“Одуванчики”), стебельки которого никак не держатся в песке. Но понимаю, что это уж слишком выходит за границы нашей компетенции...

VII

Пафос укоризны, который звучит в строках “Ту, алмазную застылость // Надо было разбудить” имел своим источником, быть может, и богословские мотивы. Разбудить хотелось то, что заснуло в народной памяти, в мифах, в языческих преданиях, чтобы связать его с вечным. И в работе Ф. Зелинского “Древнегреческая религия” он говорит о следах Богооткровения, которые мы можем наблюдать в древнегреческой религии. Трепетная любовь к природе, к животным, к красоте Божьего мира, сыновнее отношение к матери-Земле, которую “не знал древний иудей, пришедший в свою “обетованную страну” чужестранцем и завоевателем”, радость труда, патриотизм – всё это

находил Зелинский в языческих эллинских верованиях. “Трагической мечтой Учителя” называл он мечту Христа собрать детей Иерусалима, “как птица собирает птенцов своих под крылья”. Мечтой, которая закончилась “роковой иудаизацией христианства, привившей ему и то свойство, от которого оно потом уже не могло освободиться, — нетерпимость”.

Древнехристианские богословы еще любовались цветами языческого мира, той алмазной застылостью, которая со временем превратилась в ледяные узоры прошлого, ждавшие воскрешения. Алмазной застылостью блестящего сегодня для нас и русский месяцеслов, этот запечатанный в поговорку и традицию словотворчества древнерусский взгляд на христианство. Эти застылые цветы и хотелось бы оживить, в том числе и для Православия, нашим “возрожденцам”. “Возрожденцы” верили, что Античность ещё не сказала своего последнего слова, прежде всего, устами славянского мира. Возможно, под алмазной застылостью поэт понимал не разбуженный свет Античности, так и не просиявший для славянского мира. Христианство рождалось внутри античного мира, именно эллинская религия помогла язычеству усвоить многие идеи христианства, а христианству — найти путь к исстрадавшемуся сердцу язычника.

Попытка разбудить народный миф была характерна для всей Европы. Вспомним Ницше и “Нибелунгов” Вагнера в Германии, А. Островского и Римского-Корсакова в России. Вспомним и огромный интерес к алмазной застылости народного мифа в конце XIX — начале XX веков в России. Сюда же можно отнести и попытки освоить греческий миф русской поэзией Серебряного века. К сожалению, попытки эти окончились плачевно. В России в XX веке языческая религия была использована как иллюстрация к курсу атеизма, и, в конечном счёте, способствовала установлению идеологии атеизма как ещё одной религии. В Европе греческий миф прошествовал под горящими факелами нацизма. Была смята и исковеркана судьба самого Зелинского. Поляк по происхождению и рождению, революцию 1917 года он встретил в России. Став свидетелем “иудейской нетерпимости” властей и расстрелов священников и казачества, он уехал в Польшу. Там преподавал в Варшавском университете любимую свою эллинскую культуру, наблюдая, как проходили по территории Польши в Россию фашистские орды с древней индоевропейской символикой на знамёнах. А в 1942 году престарелый 83-летний профессор от “польской” дочери переехал в Германию к “немецкому” сыну от первого брака, где и умер в 1944 году.

И всё-таки это не основание для того, чтобы забыть о так и не разбуженной алмазной застылости, которая мерцает для каждого из нас в нашем далёком, но всегда милом нам прошлом, освещая путь в туманное и тревожное грядущее.

“Не раз беседовали мы с покойным на эту тему, — писал Ф. Ф. Зелинский в некрологе “Памяти И. Ф. Анненского” в 1909 году, — не раз рисовали себе картину грядущего “славянского возрождения” как третьего в ряду великих ренессансов после романского — XIV-го и германского — XVIII-го веков. Когда оно наступит? На первых порах... настроение в виду окружающей мглы было довольно унылое, и не помню уж, который из нас варьировал по этому поводу мессианский вздох Адриановой эпохи: “Трава будет расти из наших челюстей, дорогой друг, а обетованного Возрожденца ещё не будет”. Но с годами дело шло всё лучше и лучше.

А впрочем — исход не в нашей власти. В нашей власти только одно — работать и работать. И. Ф. работал, сколько мог. И мы уверены: когда ожидаемое возрождение наступит — имя И. Ф., как одного из его предтеч, озарится новым блеском. О нём вспомнят как об одном из немногих, кто в трудную минуту нашей культурной жизни не бросал товарищей, не бежал с поля боя, не предавался малодушию”.

Переводы Еврипида, выполненные Анненским, Зелинский называл книгой-делом, книгой-знаменем славянского возрождения. Дело это нашло отражение, как видим, и в его стихах, которые рассказывают о великих идеях и символах, ставших предметом размышлений поэта.

А вечная поэтическая связка Зимы и Смерти — это наследие “поэтического стиля”, который Анненскому был особенно чужд, и который он едко называл “банальными метафорами и наивными гиперболами”, “меткими общими местами”...

г. Тверь

ВЛАДЛЕН КОТОВСКОВ

ИНЫМ ОН БЫТЬ НЕ МОГ

В морозный февральский день 1984 года, в день похорон в станице Вёшенской М. А. Шолохова, классик отечественной литературы Л. М. Леонов со страниц газеты “Известия” сказал: “Вместе с миллионами читателей глубоко скорблю о безвременном уходе из жизни Михаила Александровича Шолохова – выдающегося, с мировым именем, русского советского художника, патриота, гражданина, общественного деятеля, подарившего стране самую замечательную книгу нашей эпохи. Не сомневаюсь, что книга эта оставит глубокий след в памяти поколений читателей”. Л. М. Леонов не счёл нужным назвать эту книгу – так хорошо известна она каждому из нас: “Тихий Дон”.

Михаил Шолохов написал не одно замечательное произведение. Но он создал одну такую книгу, которая стала событием целой эпохи и навсегда, на века вошла в память благодарного человечества.

Меня, как почти всех здравомыслящих земляков Шолохова, возмущают появляющиеся время от времени беспардонные домыслы о “Тихом Доне” и злобная клевета на автора романа. Началось это в 1929 году и продолжается, к сожалению, до сих пор. Видимо, это началось это ещё потому, что одним из первых 24-летнему писателю дал очень высокую оценку И. Сталин: “Тов. Шолохов – знаменитый писатель нашего времени”.

Ослеплённые ненавистью к Сталину, а позже – ко всему советскому, эти “чудаки”, как о них отзывался Шолохов, или чернят всё, что было в советскую эпоху хорошего, или спекулируют на известной хрущёвской критике культа личности Сталина и негативных последствиях этого культа в жизни страны.

Скажу сразу: Шолохов всегда выступал против этих негативных явлений, особенно массовых арестов честных людей в 30-е годы, о чём говорят письма писателя к Сталину в годы сплошной коллективизации, а также вычеркнутые в конце 50-х годов, уже при Брежневе, куски из неоконченного романа “Они сражались за Родину”. Шолохов, конечно, помнил сказанные ему Хрущёвым слова: “Ещё не пришло время писать об этой войне, да и о 1937 годе тоже”. Но он писал, не мог не писать. Только перед смертью сжёг, видимо, неопубликованные главы романа о Великой Отечественной войне.

Смею думать, что я лучше некоторых шолоховедов знал автора “Тихого Дона”, так как родился и живу на Дону, в школу пошёл в станице Вёшенской, окончил поблизости, в небольшом городке Миллерово, потом учился в Московском университете им. Ломоносова. С весны 1941-го по весну 1975-го, когда серьёзно заболел писатель, почти ежегодно встречался с Михаилом Александровичем, а с мая 1949 года пишу и печатаю статьи о жизни и творчестве великого писателя-земляка в газетах и журналах России и других стран. С 1988-го по 2008 год издал в Ростове-на-Дону семь своих книг о нём и близких ему по духу писателях. Кроме того, с благословения самого Шолохова

и его наследников принимал участие в редактировании и написании предисловий и послесловий к изданиям “Судьбы человека” (Москва, 1981) и “Тихого Дона” (Ростов-на-Дону, 1998).

Поговорим о новом, несколько необычном издании “Тихого Дона” в Харькове, подготовленном в течение нескольких лет в Москве директором издательства “Московский писатель” А. Ф. Стручковым вместе с дочерью писателя С. М. Шолоховой по черновой рукописи, которую Светлана Михайловна одна смогла прочитать, зная лучше других наследников почерк отца.

Поводом для написания этой журнальной статьи явилось для меня знакомство с большой статьёй Виктора Кожемяко “Куда поворачивают “Тихий Дон”, опубликованной в 20-х числах мая 2011 года в газете “Правда” с чётким политическим подзаголовком: “Величайшего писателя советской эпохи хотят сделать антисоветчиком”.

Сам факт появления этого необычного издания “Тихого Дона” представляет несомненный филологический и особенно историко-литературный интерес. Но надо помнить, что этот черновик – начальный, даже не первый канонический “авторский вариант”, подписанный впервые 28 марта 1941 года М. А. Шолоховым совместно с редактором Ю. Б. Лукиным после журнальных и книжных публикаций.

Казалось тогда, что теперь редакторского вмешательства больше не будет. Но, к сожалению, всё резко изменилось в 1949 году, когда в 12-м томе сочинений И. Сталина появилось его письмо, в котором говорится, что “знаменитый писатель”... “допустил в своём “Тихом Доне” ряд грубейших ошибок”. Тогда началось новое редакторское нашествие на текст романа. Автор, как мог, сопротивлялся, в 1956–1960 годах и в начале 80-х он кое-что поправил или восстановил при подготовке Собраний своих сочинений.

Сегодня стоит отметить работу редактора-составителя В. Васильева при подготовке текста и примечаний почти ко всем томам “Тихого Дона” в последнем 9-томном Собрании сочинении (2001–2002). Он, например, вслед за Ю. Лукиным убрал из романа все текстологические вольности и неточности печально памятного издания 1953 года под редакцией К. Потапова, а также использовал в работе то, что сам увидел в найденной рукописи первых двух книг романа и в новых изданиях “Тихого Дона” 90-х годов. Кроме того, поубавил то, что сам писатель называл “злоупотреблением “местными речениями”, но при этом внимательно отнёсся к песенному стилю и высокому вкусу автора романа из жизни донских казаков.

Редактор А. Стручков, знакомясь с первым, ещё черновым текстом романа, поспешил всю работу редакторов “Тихого Дона” советского периода назвать “варварством”, заметьте, не цензоров, а только редакторов. При этом привёл в качестве примеров два эпизода из романа, оба из фронтовой жизни.

Первый – это разговор простого казака Чикамасова и казака-большевика Бунчука о Ленине. Он происходит в переполненном людьми товарном вагоне поезда, идущего с фронта, накануне восстания в Петрограде в 1917 году. Накурено, духота, вши водятся... Об этом и реплики казаков. А разговор-то между Бунчуком и Чикамасовым удивительно трогательный, с любовью к Ленину. Простой казак уверен, что вождь – из казаков, как Разин, Пугач, Ермак. Эти рассуждения, замечает Стручков, автор романа вставил между репликами о вшах: “Если бы это тогда разнюхали цензоры, Шолохову пришлось бы плохо... Шолохов – казак, и получается, что он ненавидел большевиков, ненавидел Ленина, поэтому и упомянул его в таком контексте”.

Мне стыдно это читать. Во-первых, А. Стручкову пора знать, что Шолохов не был казаком, ибо ими не были его родители, а во-вторых, надо посоветовать редактору Стручкову научиться анализу крупного литературного произведения, особенно реалистического.

Второй пример связан с эпизодом, когда белоказачий офицер Чернецов кричит своим кадетам перед боем с красногвардейцами: “Нагнём!”. “После большевистской редактуры, – комментирует А. Стручков, – вышло безобидное “Начнём”. Большевиков нельзя нагнуть?!”. И этой опечаткой или рукописной ошибкой А. Стручков пытается доказать, будто автор романа ненавидел большевиков. На самом деле это А. Стручков сам или в угоду олигархам заговорил о ненависти к большевикам.

Ещё один пример “варварства” советских редакторов Стручков нашёл и исправил в первом абзаце 1-го тома романа. В рукописи он прочитал:

“...сырая изломистая кайма нацелованной волнами гальки...”. А. Стручков спешит прокомментировать: “В советском варианте кайма была почему-то “серой”.

В самом деле, почему? Скорее всего, это опечатка. Так думал и думаю я, первый, пожалуй, заметивший ещё в 1998 году в ксерокопии шолоховской рукописи “сырую” гальку и исправивший в ростовском издании “Тихого Дона” никем так долго не замечаемую ошибку. Это заметил В. Васильев, позвонил мне и тоже исправил опечатку в первом томе Собрания сочинений Шолохова (2001–2002), то есть задолго до А. Струčkова.

Конечно, издание “Тихого Дона” по чистовому варианту найденной и купленной рукописи двух первых книг романа — дело неплохое, даже полезное, нужное для учёных, литературоведов и языковедов, для всех шолоховедов, и не только в России. Но при этом надо помнить, что автор “Тихого Дона” всегда с большим вниманием и уважением, даже доверием относился к кропотливому труду и эстетическому вкусу редакторов его произведений, особенно к самому первому редактору “Тихого Дона” Е. Г. Левицкой и самому долголетнему своему редактору Ю. Б. Лукину, журналисту-правдисту, кстати, моему другу, от которого у меня сохранилось много писем и открыток, у которого я не раз бывал дома в последние годы его жизни, но чаще мы встречались в Вёшенской. Он начал редактировать Шолохова с “Поднятой целины” в 1932 году, а потом последовали “Тихий Дон” и другие произведения. Насколько Шолохов ценил редакторский вкус и труд этого человека, можно понять даже из такого бытового факта: нобелевский лауреат взял Лукина в Швецию на торжества по поводу вручения премии, а потом пригласил его в поездку на лауреатские доллары в Японию, куда писатель отправился со всей семьёй...

Сегодня в разговоре о харьковском издании “Тихого Дона” всё чаще речь заходит о предисловии к книге за подписью Андрея Черномырдина и его речи на презентации в Москве этого издания шолоховского романа, в которых он дал понять россиянам, как нынешние хозяева страны относятся к великому роману русской и мировой литературы и к его автору.

Но знают ли в достаточной мере новые русские толстосумы биографию и творчество М. А. Шолохова?

Михаил был сыном своего отца, воспитанного на хороших книгах русской народнической литературы, то есть правдоискателем по своей натуре. Поэтому нет ничего удивительного, что молодой писатель, автор “Донских рассказов”, стал сторонником благородной идеи социальной справедливости, принял Октябрьскую революцию, ленинские идеи и лозунги советской власти, но начавшаяся гражданская война, особенно жестокая на казачьем Дону, стала трагической вехой в его судьбе. И в основном из-за политики Троцкого, оказавшегося в ту пору на юге России, спровоцировавшего, а потом и подавившего Вёшенское восстание.

События гражданской войны и народного восстания юный Шолохов видел своими глазами в станице Вёшенской и в близлежащих хуторах, поэтому он вскоре поставил точку в цикле донских рассказов и задумал написать большой роман о восстании на Верхнем Дону, чтобы объяснить всей России, а также советской власти в центре и на местах то главное, почему поднялись донские казаки...

Сегодня я вслед за старой большевичкой Е. Г. Левицкой, добрым другом молодого писателя, которой он посвятил позже “Судьбу человека”, готов повторить её слова: в образе Григория Мелехова, в его метаниях и исканиях после революции очень много от исканий самого Михаила Шолохова.

Вот почему так легко опровергнуть доводы тех “антишолоховедов”, которые упрямо твердят, будто “Тихий Дон” мог написать только “белый”, а не “красный”. Но если бы Шолохов был “белым”, то роман был бы совсем другим: обличающим Октябрьскую революцию и Ленина, симпатии автора были бы отданы только белогвардейцам, а ненависть — красноармейцам, большевикам-ленинцам. “Тихий Дон” не был бы шолоховским романом, а чем-то вроде “Ледового похода”, “Белой гвардии”, “От Двуглавого Орла к красному знамени”, “Красного колеса”.

Незадолго до смерти М. А. Шолохов в беседах с сыном Михаилом Михайловичем, кандидатом философских наук, говорил о вечных ценностях человеческой жизни, о судьбе любимой Родины — советской страны. Сын записал

эти беседы, а после смерти отца издал их книгой “Разговоры с отцом”. Вот несколько строк из этой книги.

М. А. Шолохов о вере: “Веру у людей никто и никогда отнять не сможет. Человек без веры — не человек. Отними у него веру в Бога, он станет верить в царя, в законы, в вождя... Высокой только должна эта вера быть. Возвышенной. Плохо, страшно, когда предмет веры мельчится. Мелкая вера — мелкий человек. А высшие духовные ценности можно и в культ возвести. По мне, так и нужно. Должно”.

Разговор Хрущёва на съезде партии о культе личности Сталина Шолохов считал, по меньшей мере, наивным. Однажды обронил фразу, ставшую вскоре широко известной: “Да, был культ, но была и личность”. В другой раз сказал сыну: “А что ещё у нас могло после революции получиться? Вот, скажем: “Вся власть Советам”. А кого в Советы? Кто конкретно и над кем должен властвовать? Думаешь, кто-то знал ответ? “Советы рабочих, крестьянских и солдатских депутатов” — вот и всё. Но это, милый мой, на плакатах хорошо. На стенку вешать да на митинги таскать. А ты с этим в хутор приди, к живым людям. Рабочие там, понятно, не водились. Крестьяне? Крестьяне — пожалуйста, сколько хочешь, все крестьяне. Кто же будет от них депутатом? Если их самих спросить? Да уж, конечно, не дед Цукарь. И не Макар с Размётновым, которые и семью-то собственной сложить не могут, в собственных куренях порядка не наведут. И в хозяйстве они ни черта не смыслят, потому как и не имели его никогда. Казаки им так и скажут: “Какие же вы для нас советчики?” А яков лукичей и титков — нельзя. Советы и создавались, чтобы их как класс... Вот и оказались самыми подходящими “солдатские”. Кто с оружием в руках завоевал эту власть, тот и властвовать... И вот расселись эти герои революции по руководящим креслам. И в первую же минуту у каждого из них в голове, а что же делать? Знаний-то фактически никаких. Только и оставили войны уменье одно: получать приказы и отдавать”.

Самое примечательное на сегодняшний день в беседах Шолохова с сыном — это, конечно, его размышления о судьбе любимой родины, России, тогда советской, а теперь вроде капиталистической и даже демократической, но...

Однажды отец вдруг спросил у Михаила: “Когда там, по вашим учебникам, гражданская война закончилась?”

“В 20-м”, — ответил сын.

Отец усмехнулся: “В 20-м? Нет, милый мой, она и сейчас ещё идёт. Средства только иные. И не думай, что скоро кончится. Скорее всего, если я что-нибудь смыслю, ещё и не кончившись по-настоящему, загорится вновь. И не за горами то время. Потому что до сих пор у нас что ни мероприятие — то по команде, что ни команда — то для людей, мягко сказать, обиды...”

Старшая дочь Шолохова Светлана Михайловна в 1995 году так прокомментировала слова отца: “Наш народ, построив новое, ещё не совершенное общество, принёс ради него такие неисчислимые жертвы, а затем, защищая это общество, ещё умножил их. Отец считал так: пусть это общество несовершенно, но если не разрушать то, что уже построено с таким трудом, а совершенствовать его, направлять силы и способности нашего талантливого народа на созидание новых материальных и духовных ценностей, умножать то богатство, которое нам досталось по наследству от отцов и дедов, и то, что ещё уцелело от страшных катастроф, можно многое изменить к лучшему, и тогда могут сохраниться государство и народ. Иначе произойдёт такое расхождение поколений, которое неизбежно приведёт к отрицанию всего и всех, к оплёвыванию собственной истории и святынь прошлого, а без прошлого народ не имеет будущего. Он просто превратится в “Иванов, не помнящих родства”, в индифферентную массу, а ещё страшнее — в безликую, неуправляемую, несдерживаемую никакими моральными и нравственными нормами стихию... Можно по-разному воспринимать такую позицию, но иным он быть не мог. Тогда это был бы уже другой человек, другой писатель. Он не мог предать свою юность, отступить от своих убеждений, от всего пережитого со своим народом...”

... Заканчивая эти свои беглые публицистические заметки, направленные против тех, кто пытается сегодня, используя любой, даже благой случай, сделать великого советского писателя антисоветчиком, а его роман “Тихий Дон” с лёгкой руки завистника А. Солженицына превратить в некий “полигон” для “упражнений” над автором, я хочу повторить слова моего покойного друга, выдающего советского писателя-земляка Анатолия Калинина: “Украсть “Тихий Дон” у Шолохова — всё равно, что украсть Победу у Жукова”.

АЛЕКСАНДР РУДНЕВ

ДВА СТОЛПА РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XX ВЕКА

В ИНТЕРПРЕТАЦИИ ДВУХ ЛИТЕРАТУРОВЕДОВ-СВЕРСТНИКОВ

2012 год был ознаменован крупной литературной датой: исполнилось 85 лет с момента первой публикации первых двух частей романа М. А. Шолохова "Тихий Дон". А в предыдущем году в издательстве "Алгоритм" вышел увесистый том – энциклопедия "Михаил Александрович Шолохов", написанный известным писателем и исследователем советской литературы Виктором Петелиным. Можно сказать, что это итог его более чем пятидесятилетней работы над наследием Шолохова. Беспрецедентность этой книги состоит в том, прежде всего, что это – авторская работа, которую обычно выполняет целый коллектив учёных. Труд Петелина представляет собой своеобразный противовес и академическому шолоховедению, представленному шолоховской группой ИМЛИ, и известной книге Феликса Кузнецова о "Тихом Доне", и, в особенности, биографии писателя, написанной В. Осиповым, давним оппонентом Петелина, вышедшей не так давно в издательстве "Молодая гвардия" в серии "ЖЗЛ".

Нельзя не заметить, что этот почти 1000-страничный "увраж" во многом опирается на биографическую книгу В. Петелина, озаглавленную "Жизнь Шолохова. Трагедия русского гения" (М., Центрполиграф, 2002), и другие его более ранние работы и, надо признать, во многом, пусть и с некоторыми вариациями, их повторяет. Но самое главное: то, что теперь написал Петелин, – не совсем энциклопедия в привычном смысле этого слова, имеющая столько превосходных аналогов. Это и давняя "Лермонтовская энциклопедия", и энциклопедия, посвящённая Льву Толстому, и "Энциклопедия булгаковская" Б. В. Соколова. Во всех этих изданиях соблюдены законы жанра. Петелинский же труд представляет собой, скорее, монографию или очерки жизни и творчества М. А. Шолохова, для которых характерна пестрота и непоследовательность подачи материала, и, главное, излишняя беллетризация, не только неуместная, но даже невозможная в энциклопедическом труде, где главное – информативность.

К примеру, здесь присутствуют диалоги Шолохова с А. М. Горьким и И. В. Сталиным, а также с другими известными современниками писателя, явно придуманные автором. Наконец, это издание лишено совершенно необходимого здесь именного указателя. Единственное, что в петелинском труде напоминает энциклопедию, так это словарь героев "Тихого Дона" (их более 800,

как вымышленных, так и реально-исторических), и “словник” героев “Поднятой целины”. В остальном же — это что угодно, только не энциклопедия.

Первые разделы и главы книги, рассказывающие о самых ранних годах жизни Шолохова, о его “подступах” к писательству, написаны, как и всё остальное, с привлечением большого количества материалов, в том числе и архивных, освещающих некоторые новые факты достаточно запутанной биографии создателя “Тихого Дона”. Первые сборники рассказов Шолохова “Донские рассказы” и “Лазоревая степь” (1926), в которых уже видны искры таланта большого писателя, описаны каждый в отдельности, в соответствии с их прижизненными изданиями, но главное — в широком контексте пёстрой и сложной картины советской литературы 1920-х годов, которая и выявляет острый и своеобразный колорит шолоховской прозы, её непохожесть на прозу его современников.

Основное же внимание, естественно, уделено главному в творчестве Шолохова, и, наверное, самому великому литературному художественному произведению XX столетия — роману “Тихий Дон”. Автор достаточно подробно и аргументированно исследует творческую историю “Тихого Дона”, полагая при этом, что основным корпусом текста, в наибольшей мере выражающим авторскую волю, следует считать издание романа 1941 года. Столь же обстоятельно проанализированы и прототипы героев романа. В небольшой главе названием “Соавторы “Тихого Дона”” речь идёт об авторстве романа. При этом составитель энциклопедии обстоятельно рассматривает и точки зрения своих оппонентов: А. И. Солженицына, Л. Колодного, Ф. Ф. Кузнецова, Р. Медведева, С. Н. Семанова...

В энциклопедии “Шолохов” значительное внимание уделено проблеме “писатель и власть”, отношениям Шолохова с советскими лидерами почти на всём протяжении его жизни, но в первую очередь — со Сталиным в 1930-е годы, в период коллективизации, когда публиковались последние части “Тихого Дона” и первые части “Поднятой целины”. Письма Шолохова к И. В. Сталину, как и многие другие письма писателя к разным лицам, публикуются здесь полностью по автографам. Автор заявляет о своём стремлении максимально выявить “истину”, как он подчёркивает в предисловии, по поводу общественно-политической позиции Шолохова, его активной общественной деятельности, им предпринята попытка реконструировать многогранный противоречивый характер создателя “Тихого Дона”.

Рассматривая творчество Шолохова после “Тихого Дона”, в частности, роман “Поднятая целина”, который так же, по мнению исследователя, претерпел множество цензурных мытарств и прямых вмешательств властей — вначале И. В. Сталина, а впоследствии Н. С. Хрущёва, — и неоконченный роман “Они сражались за родину”, который якобы стал жертвой вмешательства Л. И. Брежнева, В. Петелин привлекает различные, ранее не публиковавшиеся материалы и свидетельства, и всё это создаёт выразительную картину жизни произведений великого художника во времени.

Но нам представляется, что В. Петелин всё же сильно преувеличивает, видимо, отдавая дань веяниям современной эпохи, противостояние Шолохова Советской власти, то бишь “бюрократической системе Советского Союза”. Ведь Шолохов всё-таки органически вписывался в то время, когда ему довелось жить и творить. И думается, что нет никакой надобности “сваливать” все трудности, противоречия и неудачи писателя на руководителей Советского государства, которые якобы во всём ему “мешали”. Это, на наш взгляд, противоречит истине, которой так жадно и пылливо взыскует автор, заявляя об этом многократно и довольно декларативно.

Напротив, Шолохов и как писатель, и как человек и общественный деятель, особенно в последние десятилетия своей жизни, был абсолютным адептом советского строя, и говорить о каком-то его противостоянии власти, по меньшей мере, странно. В труде Петелина вообще мало и будто вскользь говорится о том, как жил писатель в последние годы, и вовсе ничего не говорится о присуждении ему в 1965 году Нобелевской премии. Как не вспомнить в связи с этим выступления Шолохова на партийных и писательских съездах, а также и его “филиппики” по поводу приснопамятного судебного процесса А. Синявского и Ю. Даниэля...

Таким образом, возникает вопрос: торжествует ли всё-таки *истина* в этом увесистом исследовании, уж по объёму-то точно не имеющему себе равных?

Мы полагаем, что не вполне. В. Петелин совершенно явно преувеличивает литературную и человеческую «трагедию» великого писателя. Вряд ли так можно характеризовать «увешанного орденами и медалями, лауреата Сталинской, Ленинской и Нобелевской премий», который, безусловно, в своём художественном творчестве с невероятной силой показал трагизм своей эпохи, особенно трагедию казачества в образе Григория Мелехова, которого Петелин всё же считает положительным героем, о чём он неустанно писал на протяжении всей своей жизни. Вместе с тем, Шолохову удалось показать и социальные завоевания Советской власти, которые теперь уже стали достоянием истории.

Кроме того, мы не можем не сказать и о том, что о жизни произведений Шолохова в кино, театре и музыкальном искусстве сказано как-то скороговоркой, точно так же, как, по нашему мнению, совсем недостаточно освещена проблема языка Шолохова, а ведь об этом можно было бы писать и писать!

Но при всех наших серьёзных реляциях автору энциклопедии, мы признаём, что В. Петелин предпринял колоссальный труд, заслуживающий в целом уважения и признания.

В литературоведении последних десятилетий возникла, как известно, идея правомерности сопоставления творчества Шолохова и Булгакова, чему положил начало в своей уже достаточно давней, небольшой, но очень значимой и интересной книжке П. В. Палиевский. Два этих художника, столь непохожие друг на друга ни в чём, оказываются выдающимися явлениями отечественной словесности ушедшего века, с огромной художественной силой отразившими в своём творчестве наиболее важные и трагические узлы своей эпохи. Поэтому наряду с шолоховской энциклопедией В. Петелина мы ведём речь о вышедшей в прошлом, 2011 году в издательстве «Просвещение» книге Олега Михайлова «М. А. Булгаков. Судьба и творчество». Это первое обращение многоопытного и разносторонне талантливого автора к Булгакову. Книга написана легко и изящно, что всегда отличало стиль Олега Михайлова, которому, кстати заметим, в прошлом году исполнилось 80 лет.

М. Булгаков, по замечанию автора, «как бы перекинул мост через Серебряный век и советскую литературу непосредственно к золотому веку нашей изящной словесности — от Пушкина и Гоголя до Салтыкова-Щедрина, Достоевского, Льва Толстого» (с. 5). Что касается Серебряного века, то Булгаков, строго говоря, не имел к нему отношения. А традицию «золотого века» русской классической литературы он действительно продолжил со всем ослепительным блеском своего таланта. И неслучайно особенно «вкусно» написан, как нам представляется, тот раздел книги, который посвящён пьесе Булгакова «Последние дни» («Пушкин»). Здесь же скажем, что тема исхода из большевистской России, русской эмиграции в книге О. Михайлова занимает очень существенное место, чего, пожалуй, не было в такой мере в предшествующих многочисленных книгах о Булгакове, а ведь их теперь целая библиотека!

Перипетии связей Булгакова — военного врача с деникинской Добровольческой армией, его состояние беспросветного отчаяния и острого неприятия «великой социальной революции», которая, как писал Булгаков в очерке «Грядущие перспективы», опубликованном в белогвардейской газете «Грозный» в 1919 году, загнала «нашу несчастную родину» на самое дно «позора и бедствия», его готовность уехать из Советской России, «пополнив собой плеяду русских писателей от Бунина и Куприна до Ходасевича и Адамовича» (с. 47), — обо всём этом автор рассказывает, ставя в один ряд одно лишь небольшое публицистическое произведение Булгакова с «Окаянными днями» И. А. Бунина, «Солнцем мёртвых» И. С. Шмелёва, «Словом о гибели Русской земли» А. М. Ремизова или же «Чёрными тетрадами» (дневниками) Зинаиды Гиппиус. И это вполне естественно, ибо О. Н. Михайлов — один, как известно, из первопроходцев в деле изучения литературы русской эмиграции, крупнейший знаток и специалист в этой области.

Вместе с тем, никаких особенных новаций в изучении биографии и интерпретации произведений Булгакова книга О. Михайлова, пожалуй, не содержит. Она традиционна в лучшем смысле этого слова. Хотя, спору нет, в ней использованы малоизвестные материалы, представлены почти забытые теперь отклики на роман «Белая гвардия» критиков 1920-х годов Д. Горбова, Г. Горбачёва, Л. Авербаха, Г. Лелевича, эмигранта Г. Адамовича, а также фрагмент не столь известных широкому читателям мемуаров А. Н. Вертинско-

го “Дорогой длиною...”, где он рассказывает о встрече с генералом Слащёвым – прототипом Хлудова в пьесе Булгакова “Бег”.

Не последнее место в книге занимает и мемуарный элемент – это те места, где автор пишет о восприятии булгаковского творчества в свои молодые годы, о встречах с вдовой писателя Еленой Сергеевной Булгаковой, и это придаёт повествованию особое обаяние и достоверность.

Трудная, трагическая жизнь гениального писателя в соответствии с многочисленными мемуарными свидетельствами рассматривается автором в контексте его творчества, так же, кроме того, в книге колоритно показана эпоха, с её специфическим вкусом и ароматом. Отношения Булгакова с властью, в первую очередь, со Сталиным, сыгравшим в судьбе писателя роковую роль, показаны в книге всесторонне и убедительно. Михайлов даёт нам почувствовать полную безвыходность положения великого писателя в 1930-е годы, придавая своим рассуждениям какую-то неповторимую тональность. Тему “писатель и власть” Михайлов интерпретирует на материале биографии Мольера, написанной Булгаковым, и пьесы “Кабала святош”, а также на основе не менее блистательной его пьесы “Последние дни” (“Пушкин”), где, по мнению исследователя, “историзм сочетается со злободневностью, весёлый бурлеск соседствует с трагедией одиночки-творца и явно прорисовывается тема “художник и тиран”. Особенно выразительно это раскрывается в пьесе о Пушкине, над которой Булгаков вначале работал вместе с В. В. Вересаевым. Император Николай Павлович наказывает поэта, в чём Булгаков следовал упрощённой догматической схеме 1920-х – 1930-х годов “поэт и царь”. И это, полагает О. Михайлов, стало основной причиной непреодолимых разногласий двух глубоко принципиальных и честных литераторов, вследствие чего их дальнейшее соавторство стало невозможным.

Самой же существенной особенностью книги О. Михайлова нам представляется то, что автор сумел органически соединить строго фактологический и научно-литературоведческий подход к жизнеописанию Булгакова и анализу его произведений – от “Записок на манжетах” до “Мастера и Маргариты” – с ясным, живым, простым и общедоступным изложением. Ведь именно это и было необходимо, потому что книга эта, главным образом, предназначена школьным педагогам. Но её прочтут с удовольствием и другие читатели – от профессионалов-литературоведов до школьников-старшеклассников.